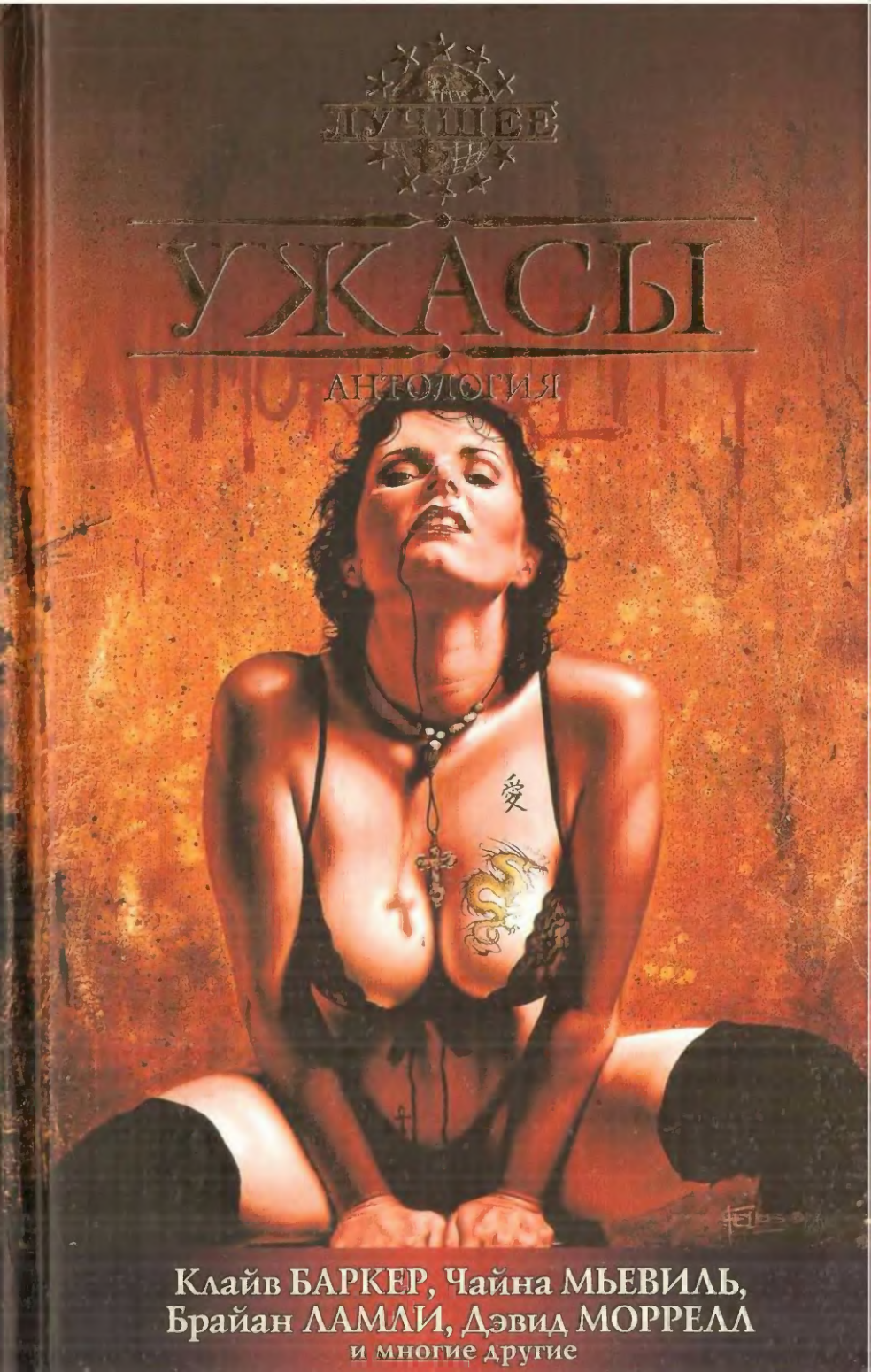
ЛУЧШЕЕ

УЖАСЫ

АНТОЛОГИЯ



Клайв БАРКЕР, Чайна МЬЕВИЛЬ,
Брайан ЛАМЛИ, Дэвид МОРРЕЛЛ
и многие другие

УЖАСЫ

АНТОЛОГИЯ

Санкт-Петербург
«ФАНТАСТИКА»
2008

УДК 82/89
ББК 84.7 США
У 33

The MAMMOTH BOOK OF
BEST NEW HORROR (Vol. 17)
Edited by Stephen Jones
Collection and editorial material
copyright © Stephen Jones, 2006

First published in the UK by Robinson,
an imprint of Constable & Robinson Ltd 2006.

Публикуется по соглашению с издательством CONSTABLE
& ROBINSON LTD (Великобритания) при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия)

Cover art by Fred Fields

Перевод с английского
Т. Белкиной, О. Гайдуковой, Н. Гордеевой, В. Двининой,
Н. Киктенко, Е. Королевой, Н. Кудрявцева, И. Русаковой,
М. Савиной-Баблоян, Г. Соловьевой, К. Тверьянович,
Е. Третьяковой

Оформление А. Золотухина

У 33 **Ужасы**: Антология / Пер. с англ. Т. Белкиной, О. Гайдуковой, Н. Гордеевой и др. — СПб.: Фантастика, 2008. — 544 с.
ISBN 978-5-91377-045-5

Самые захватывающие повести и рассказы жанра хоррор в новой антологии серии «Лучшее»! Впервые на русском языке!

Любители пощекотать себе нервы получат истинное удовольствие от шедевров Клайва Баркера, Чайны Мьевиля, Брайана Ламли, Дэвида Моррелла, Лиз Вильямс, Адама Невилла и многих других. На страницах книги оживают Морские Существа Лавкрафта и знаменитые призраки М. Р. Джеймса, а также появляются новые, совершенно неожиданные персонажи: монстры Санта-Клаусы, чайки-людоеды и хряки-убийцы. Читатель сможет прикоснуться к страшным тайнам Праги и Рима и пройти по следам самых жестоких преступлений.

Двадцать два ледянящих кровь ужастика под одной обложкой! Ни в коем случае не читайте на ночь!

© Т. Белкина, О. Гайдукова, Н. Гордеева,
В. Двинина, Н. Киктенко, Е. Королева,
Н. Кудрявцев, И. Русакова,
М. Савина-Баблоян, Г. Соловьева,
К. Тверьянович, Е. Третьякова, перевод, 2008
ISBN 978-5-91377-045-5 © «Фантастика», 2008

РЭМСИ КЭМПБЕЛЛ

Рождественские декорации

Каждый год составители сборника «Ужасы» («The Mammoth Book of Best New Horror») встают перед сложнейшим выбором: какой из рассказов Рэмси Кэмпбелла напечатать.

Этому автору, в отличие от большинства других, работающих в данном жанре, неизменно удается писать превосходные вещи как для мейджеров, так и для независимых издательств.

В этом году сделать выбор было особенно непросто, и в итоге оказалось, что единственной достойной оценкой работы Кэмпбелла может стать публикация сразу двух его произведений.

«Рассказ „Рождественские декорации" написан для специального издания, — поясняет автор, — и я подумал, что благодаря своей тематике он станет хорошим рождественским подарком. Ведь каждый, кто читал „Дымоход" („The Chimney"), наверняка знает, что Рождество в моих рассказах может быть ужасным временем. Вероятно, потому, что с тех пор, как научился ходить, каждое Рождество я получал в подарок книжки о медвежонке Руперте».

— Вот наконец и они! — воскликнула бабушка Дэвида, и ее лицо стало сначала зеленым в свете мерцающего пластикового остролиста, который обрамлял входную дверь, а затем красным, когда бабушка, тяжело ступая, вышла, чтобы обнять мать Дэвида, и оказалась в отблесках костюма Санты, сидящего в санях под окном.

— Что, попали в «пробку», Джейн?

— Я все еще не вожу машину, мама. Поезд опоздал, и мы не успели сделать пересадку.

— Тебе надо найти себе мужчину, Джейн! Правда, у тебя же есть Дэви, — пропыхтела бабушка и, переваливаясь с боку на бок, устремилась навстречу внуку.

Ее объятия оказались еще более крепкими, чем в прошлый раз. От бабушки пахло одеждой, такой же старой, как она сама, и запах этот не мог полностью перебить другого, тяжелого духа, который, как подозревал Дэвид, исходил от ее старческого тела. Мальчик смутился еще больше, услышав, что у дома притормозила какая-то машина, но водитель, видимо, просто залюбовался праздничными украшениями. Когда бабушка неожиданно отпустила Дэвида, он решил, что она заметила его замешательство, но ее напряженный взгляд был обращен к саням.

— Он что — спустился? — прошептала она.

Дэвид все понял раньше своей матери. Он сделал шаг назад между заросших травой клумб и украдкой посмотрел вверх, туда, где над окнами спален вспыхивала надпись «Счастливого Рождества». Второй Санта по-прежнему сидел на крыше; его светящаяся фигура раскачивалась взад-вперед на ветру, и казалось, что он тихонько посмеивается.

— Он там, — сказал Дэвид.

— Думаю, он должен быть сразу во многих местах.

Теперь, когда ему было почти восемь, Дэвид знал, что Сантой всегда наряжался его отец. Но не успел он это произнести, как бабушка тяжелой поступью подошла к нему и пристально посмотрела на крышу.

— Он тебе нравится?

— Я люблю приезжать и смотреть на все ваши рождественские штуки.

— А мне он что-то не очень по душе. По-моему, он похож на какую-то пустышку.

Стоило ветру сменить направление, как фигура надувного Санты снова развернулась, и бабушка крикнула:

— А ну стой, где стоишь! И не вздумай спрыгнуть на нас.

К ней заспешил дед Дэвида, шлепая тапками, которые болтались на его худых ногах; маленькое личико старика сморщилось.

— Иди в дом, Дора! Соседи смотрят.

— Мне нет дела до этого толстяка, — сказала бабушка достаточно громко — так, чтобы было слышно на крыше, — и протопала в дом. — Ты ведь сможешь внести наверх

мамин чемодан, Дэвид? Ты теперь большой и сильный мальчик.

Ему нравилось тащить за ручку чемодан на колесиках — это было все равно что тянуть за поводок собаку, с которой можно разговаривать, и иногда не только мысленно, — но бьющийся о ступени багаж грозил зацепиться за обветшалый ковер, так что матери пришлось помочь Дэвиду.

— Я быстренько все распакую, — сказала она ему. — А ты иди вниз и узнай, не нужна ли кому твоя помощь.

Дэвид сидел на расписном унитазе в столь же вычурной розовой ванной до тех пор, пока мать не спросила, все ли с ним в порядке. Мальчик прислушивался к спору, доносящемуся снизу, но толстой розовый ковер приглушал звуки. Наконец, отважившись спуститься, Дэвид сумел разобрать бабушкино яростное шипение:

— Тогда делай сам! Посмотрим, что у тебя получится.

Запах подсказал мальчику причину разлада. А когда, на кухне получив от дедушки поднос, он принялся накрывать на стол, все стало очевидным. Кусок сморщенной говядины, покрытый засохшим соусом, на гарнир картофель, зажаренный почти до углей, и зеленые бобы, с которых кто-то пытался соскоблить подгоревшую корку.

— Не так плохо, как кажется, правда? — с набитым ртом проговорила бабушка. — По-моему, Дэви, все равно что ешь барбекю.

— Не знаю, — честно признался он, так и не решившись попробовать хотя бы кусочек.

— Что они понимают, эти мужчины, верно, Джейн? Нельзя заставлять обед ждать. Полагаю, твой муженек не лучше.

— Был, но мы можем не говорить о нем.

— Что ж, он свое получил. Не делай такое лицо, Том! Я только сказала, что отец Дэви... Ах да, ты же развелась с ним, Джейн! Прости меня за мой длинный язык. И ты, Дэви, прости.

— Быстренько скушай то, что тебе хочется, — посоветовал мальчику дед, — а потом бегом в постель, чтобы Санта мог принести свои подарки.

— Нам всем тоже не мешает отправиться спать, пока он не появится, — сказала бабушка с запоздалой улыбкой.

Санта ушел из жизни мальчика, так же как и его отец, и теперь Дэвид был уже слишком взрослым, чтобы ему недоставало того или другого. Он ухитрился пробить броню второй картофелины и разжевал несколько кусков пересушенной говядины, однако спасовал перед горелыми остатками бобов. Тем не менее, вставая из-за стола, он поблагодарил бабушку.

— Славный мальчик, — сказала она, пожалуй, чересчур громко, словно заступаясь за него перед кем-то. — А теперь иди и постарайся заснуть.

В этих словах Дэвиду почудилась скрытая угроза, отчасти поэтому он долго не мог заснуть в своей маленькой спальне, не больше той, что была у него дома. Даже сквозь плотные шторы пробивалось мерцание букв «Счаст», расположенных прямо над окном; над кроватью тоскливо пищали проснувшиеся комары. Доносившиеся снизу голоса были едва слышны, казалось, взрослые не хотят, чтобы мальчик знал, о чем идет речь. Больше всего Дэвида беспокоил глухой звук, похожий на скрип кресла-качалки, который шел откуда-то сверху. Должно быть, это фигура Санты раскачивалась на ветру, не предпринимая никаких усилий, чтобы вырваться на свободу. Дэвид был слишком взрослым для этих баек, но все-таки он обрадовался, когда наконец услышал, как мама, бабушка и дедушка, негромко переговариваясь, поднимаются наверх. Хлопнула дверь, и из-за стены донесся взволнованный голос бабушки:

— Что он делает? Он что, сорвался?

— Ну упадет так упадет, — едва слышно ответил дедушка, — Туда ему и дорога, раз он действует тебе на нервы. Ради бога, иди ложись!

Дэвид постарался не придавать этому значения. Чтобы не слышать скрипа просевшего под тяжестью бабушки матраса, он двумя руками натянул на голову стеганое одеяло. Вероятно, одеяло сползло, когда он погрузился в сон, потому что мальчика разбудил голос, раздававшийся снаружи за окном.

Это был голос деда. Дэвид разволновался, вообразив, что тот вскарабкался на крышу, но потом понял, что дед разговаривает с кем-то, высунувшись из соседнего окна.

— Дора, ты соображаешь, что ты делаешь?! Иди в дом, пока воспаление легких не заработала!

— Я смотрю, сидит ли он там, где ему полагается сидеть, — отвечала снизу бабушка. — Да, да, это я тебе говорю! И нечего притворяться, будто ты не кивал!

Дэвид, похолодев, понял, что бабушка обращается к фигуре Санты, раскачивающейся на крыше.

— Иди же в дом, ради бога, — уговаривал дед, подкрепляя свои слова грохотом оконной рамы.

Дэвид услышал, как он пересек комнату, и быстро, крадучись, спустился по лестнице. Спор по мере приближения к спальне становился все более приглушенным. Дэвид волновался, как бы не проснулась мама и не принялась выяснять, что происходит. Он не должен идти к ней; он обязан быть мужчиной, как она то и дело говорила ему, а не уподобляться своему отцу, который сбегает к женщинам, потому что ему все время чего-то не хватает. Ворчание за стеной стихло, и Дэвид остался наедине с назойливым светом мигающих лампочек и беспокойным шуршанием на крыше.

Когда он открыл глаза, между штор пробивалась полоска дневного света. Наступило Рождество. В прошлом году в этот день Дэвид стремглав сбежал по лестнице, чтобы перещупать все предназначенные ему свертки, лежавшие под елкой, и догадаться об их содержимом. Но сейчас он оттягивал встречу с бабушкой и дедом, опасаясь, что выдаст себя. Мальчик надеялся, что бабушка еще спит. Но тут из кухни донесся голос матери:

— Мама, позволь мне приготовить завтрак. Это будет для тебя еще одним подарком.

Дэвид не осмеливался спуститься, пока она его не позвала.

— А вот и рождественский мальчик! — воскликнула бабушка так, словно он был главным виновником торжества, и так крепко обняла его, что Дэвид с трудом поборол внутренний протест.

— Кушай, а то не вырастешь!

Ее бурный порыв вытеснил воспоминания о вчерашнем ужине. Дэвид постарался заесть его завтраком, а затем вызвался помыть посуду. Не успел он закончить, как бабушка крикнула:

— Быстренько наверх, посмотрим, что принес Санта! Я волнуюсь не меньше тебя, Дэви.

В гостиной дедушка раздавал подарки, а вспышки лампочек на елке словно передавали какое-то секретное сообщение. Дедушка с бабушкой подарили Дэвиду книжки с головоломками и рассказами о супергероях, мама — компьютерные игры.

— Спасибо, спасибо, — повторял он, зачастую просто из вежливости.

Когда ему вручили последнюю игру, бабушку угораздило подсказать:

— Кого ты должен благодарить? — И сразу, словно испугавшись, что испортила ему настроение, она добавила: — Надеюсь, он слышит.

— Никто не слышит, — возразил дед. — Здесь никого нет.

— Не говори такие вещи, Том. Не в присутствии Дэви.

— Ничего страшного, мама. Дэвид, ты ведь знаешь правду, верно? Скажи бабушке.

— Санта — это просто сказка, — произнес Дэвид и почувствовал себя так, словно отнимает игрушку у малыша. — На самом деле, чтобы купить подарки, людям приходится копить деньги.

— Он должен был это узнать, раз уж это Рождество получилось таким скромным, — сказала мать. — Ты же видишь, как хорошо он себя ведет. Мне кажется, он переживает даже меньше, чем я.

— Извини, Дэви, если я тебя огорчила... — пробормотала бабушка, и вправду выглядевшая смущенной.

— Вовсе не огорчила, — отозвался Дэвид, не в последнюю очередь из-за того, что глаза у бабушки подозрительно увлажнились. — Прости, если я тебя расстроил.

Она покачала головой, и щеки у нее при этом болтались, как у резиновой маски, которая вот-вот свалится. Взгляд бабушки снова был прикован к окну.

— Значит, ему там все равно, да? Он просто старая пустая скорлупка. Может быть, его уже можно снять?

— Лучше подождать до Нового года, — сказал дедушка и с неожиданной горечью добавил: — Мы же не хотим новых несчастий.

Бабушкино выцветшее продавленное кресло с облегчением скрипнуло, когда она выбралась из него.

— Куда ты? — недовольно окликнул ее дед и, прихрамывая, двинулся следом.

Он не переставал ворчать на нее, пока она, стоя под окнами, долго, не отрываясь, смотрела на крышу. На этот раз бабушка не кричала и не пыталась разговаривать с Сантой, однако, вернувшись, казалась по-прежнему встревоженной.

— Мне не нравятся его передвижения с места на место, ведь внутри у него ничего нет, — сказала она, прежде чем спохватилась, что рядом Дэвид. — Может быть, Дэви, в нем, как в бобах, завелся червяк, вот он и егозит все время.

Дэвид ничего не понял и не был уверен, что хочет понять, но тут поспешно вмешалась мама:

— Не сыграть ли нам в какую-нибудь игру? Мама, какая тебе нравится?

— Как же она называется? А, да — Лоллопия. Та, что с маленькими домиками. Слишком маленькими, чтобы подходить для таких толстяков. Лоллопия.

— Монополия, — поправила ее мать.

— Лоллопия, — не обращая внимания, продолжала бабушка и добавила: — Не хочу я в это играть. Слишком много арифметики. Какая твоя любимая, Дэви?

Его любимой игрой была именно «Монополия», но он решил этого не говорить, скорее ощущая, чем осознавая повисшее напряжение.

— Выбирай сама.

— Лудо![1] — воскликнула бабушка и захлопала в ладоши. — Джейн, я играла в нее каждое воскресенье с твоими бабушкой и дедушкой, когда была как Дэви.

[1] Лудо — детская настольная игра, где используются кубики и фишки.

Хотел бы он знать, забыла ли она правила игры или просто, по своему обыкновению, вела себя так, словно ей было шесть лет. Она умоляла, чтобы ей разрешили передвинуть фишки, когда у нее не выпадала шестерка, и все норовила переставить их на большее количество клеток, чем показывал брошенный кубик. Дэвид ей поддавался, но дедушка сопротивлялся и напоминал, что она должна бросать кубик положенное число раз, чтобы провести свои фишки к дому. После нескольких партий, во время которых бабушка с комичной, постепенно ослабевающей подозрительностью косилась на то, как переставляют фишки ее противники, мать Дэвида спросила:

— Кто хочет пойти прогуляться?

Согласились все, а это означало, что им не удастся двигаться быстро и уйти далеко от дома.

Дэвид поневоле позавидовал мальчишкам, которые гоняли на велосипедах или носились с пистолетами. Бледный свет, сочившийся с облачного морозного неба, казалось, обесцветил все украшения на одинаковых улицах, хотя некоторые детали все-таки отличали один квадратный приземистый домик от другого.

— У нас красивее, правда? — повторяла бабушка, напряженно обшаривая крыши хмурым взглядом. — Там его тоже нет, — не раз слышал Дэвид ее бормотание, а когда показался их дом, она заметила:

— Смотрите, он не пошел за нами. Мы бы его услышали.

Она сказала, что на крыше ничего не изменилось, — да и не могло измениться, убеждал себя Дэвид, — однако, возвращаясь в дом, он ощущал тревогу.

Приготовление рождественского обеда прошло спокойно.

— На кухне должна быть одна хозяйка, — было сказано матери Дэвида, предложившей помощь, однако ей пришлось сначала напомнить бабушке включить духовку, а потом не позволять раньше времени вытаскивать оттуда индейку. Пока еда готовилась, бабушка спорила с дедом и мамой о давних событиях, а Дэвид пытался сидеть тихо, уткнувшись в книжку с лабиринтами. За обедом мать, чтобы не огорчать бабушку, почти силой заставила его доесть все. Что он и сделал, а потом

изо всех сил старался не обращать внимания на боль в желудке, пока мыл посуду, а бабушка критиковала чуть ли не все телепрограммы, которые включал дедушка.

— Не слишком-то рождественская передача, — всякий раз заявляла она, причем каждое замечание сопровождалось взглядом в сторону зашторенного окна. Опасаясь, как бы она не выдала чего-нибудь похуже (у Дэвида создалось впечатление, что и мама с дедом боятся того же), и измученный коликами, он едва дождался, когда мать наконец объявила:

— Думаю, кому-то пора в постель!

Судя по тому, что бабушкины губы зашевелились в поисках подходящих слов, Дэвид подумал, уж не приняла ли та слова дочери на свой счет.

— Иду, — отозвался мальчик, но, прежде чем уйти, ему пришлось вытерпеть все объятия, поцелуи и троекратные пожелания счастливого Рождества.

Дэвид зашел в ванную, надеясь, что шум воды заглушит неприятные звуки. Потом повалился на кровать. Ему чудилось, что он прячется за кулисами, как это было в прошлом году во время рождественской школьной постановки, когда он ожидал своего выхода на сцену, а родители, молитвенно сложив руки, сидели в зале.

Мерцание и жужжание за окном, от которых не могли спасти даже плотные шторы, вполне заменяли сценические эффекты, а сквозь доносившееся снизу бормотание телевизора Дэвиду слышались звуки надвигающейся драмы. Хорошо, хоть скрипа на крыше не было. Мальчик старался думать о прошлом Рождестве, но продолжал чувствовать острый несвежий вкус нынешнего, пока сон не затуманил его сознание и он не отключился.

Разбудила Дэвида непонятная возня снаружи. Что-то мягкое ощупью, но решительно пробиралось к окну — ветер дул с такой силой, что под его яростными атаками свет от вывески вспыхивал порывистым пламенем, словно раздуваемый кем-то костер. Должно быть, лампочки ветром прижимало к окну. Мальчик не успел подумать, насколько это может оказаться опасным, как скрип над головой изме-

нился: стал отчетливым и громким. Казалось, что-то — или кто-то — целенаправленно движется к окну его комнаты. Больше всего Дэвида беспокоило, как бы не проснулась бабушка, но в соседней комнате было тихо, впрочем, как и внизу. Он натянул одеяло на голову, а потом услышал звуки, слишком громкие, чтобы их можно было заглушить, — как будто что-то пустотелое соскользнуло сверху и ударило в окно, потом еще раз. Что бы это ни было, но оно, похоже, явно горело желанием выбить стекло.

Дэвид полз на четвереньках до тех пор, пока с него не сползло одеяло, а потом вытянул руки и приоткрыл шторы. Он закричал бы, если бы увиденное не повергло его в шок. На уровне лица на него сквозь стекло смотрели два глаза — мертвые, словно из хрусталя. Они не моргали, но потрескивали, будто пытались обрести хотя бы видимость жизни.

Но хуже всего было то, что нос и рот, почти скрытый грязно-белой, похожей на гриб бородой, находились выше глаз. Из-за этого улыбка неестественно красных губ казалась двусмысленной, как у клоуна.

Маска успела еще раз неловко стукнуть в окно, прежде чем свирепый порыв ветра подхватил самодовольную фигуру. Отделившись от стекла, лицо погасло, словно его задул ветер. Дэвид услышал, как ударила по крыше болтавшаяся проволока, и увидел, как похожая на мутно-серый человекообразный воздушный шар фигура пролетела над садовой оградой и приземлилась на проезжей части.

Звук был как от брошенной кем-то пустой пластиковой бутылки или коробки от гамбургера. Не разбудит ли этот шум бабушку? Дэвид не был уверен, что ему хотелось бы вместе с ней смотреть, как этот ухмыляющийся тип незаметно продвигается к дому. Глядя, как он дергается, мальчик почувствовал жалость, как бывало, когда он наблюдал за опрокинувшимся на спину и беспомощно барахтавшимся насекомым. Потом беднягой завладел очередной порыв ветра, который понес ее влево на самую середину дороги, и вскоре нелепое чудище скрылось из виду. Дэвид услышал, как какая-то машина на полной скорости пересекла

перекресток, и ее движение ни на секунду не замедлилось из-за глухого удара и хруста, с каким давят жука.

Когда шум мотора затих, по дороге, кроме неугомонного ветра, уже ничто не двигалось. Дэвид отпустил штору и скользнул под одеяло. Драма была окончена, несмотря на это, лампочки за окном продолжали мигать. Снов он не видел и, проснувшись поздно утром, сразу вспомнил, что на крыше уже нет того, кто так тревожил бабушку. Вот только как она к этому отнесется?

Дэвид крадучись прошел в ванную, затем вернулся в спальню. Снизу слышались приглушенные голоса, казалось, там притворялись, что все в порядке. Потом бабушка крикнула:

— Что ты там наверху делаешь?

Она имела в виду Дэвида. Он знал, что это было предупреждением о том, что завтрак стынет. Голос ее был спокоен, но надолго ли?

— Иди кушать вкуснятину, которую приготовила мама, — позвала его бабушка, и он сдался из страха, как бы она не заподозрила, что он нервничает, хотя его желудок не проявлял особой готовности принимать пищу.

Когда Дэвид засунул в рот последний кусок, бабушка сказала:

— Это самый плотный завтрак в моей жизни. Думаю, нам всем не мешает прогуляться.

Мальчик поспешил выпалить:

— Я должен вымыть посуду.

— Какой хороший помощник у бедной старенькой бабушки! Не волнуйся, мы тебя подождем. Мы никуда не убежим и не бросим тебя,— сказала она и, вздохнув, многозначительно посмотрела на мужа.

Дэвид как мог тянул время, доводя до блеска каждую тарелку. Он уже подумывал, не притвориться ли ему больным, чтобы удержать бабушку дома, когда увидел, как калитка в дальнем конце сада стала раскачиваться, словно кто-то пытался ее открыть. Низкая трава на газончике тоже колыхалась.

— Слишком ветрено, чтобы идти гулять, — заявил он бабушке.— Дедушка правильно сказал — ты простудишься.

Он тут же осознал свою оплошность и так и остался стоять с открытым ртом, но бабушку в его словах заинтересовало лишь упоминание о ветре.

— И что — сильно дует? — спросила она, со стоном поднимаясь и топая к выходу. — Что там с этой пустышкой?

Не отводя взгляда от дрожащей травы, Дэвид прислушивался к тому, как бабушка распахнула дверь и вышла из дому. Он втянул голову в плечи, словно пытался закрыть ими уши, но, даже заткнув их руками, он не смог бы заглушить крика:

— Он спустился! Куда же он спрятался?

Дэвид обернулся к матери и увидел, что та трет лоб, будто стараясь отогнать дурные мысли. Дед протянул было руки, но тут же беспомощно уронил их под тяжестью невидимого груза. Бабушка все кружила и кружила по дорожке, словно исполняла балетные па, только лицо у нее было испуганное. Дэвиду показалось, что взрослые разыгрывают спектакль, как это часто происходит, и во что бы то ни стало надо остановить их.

— Он упал, — крикнул бабушке мальчик. — Его сорвало ветром.

Бабушка замерла в неуклюжем пируэте и пристально посмотрела на Дэвида, стоящего в прихожей.

— Почему ты не сказал? Чего ты добиваешься?

— Не горячись, Дора, — попросил дед. — Пойми, он только хочет...

— Не важно, чего хочет Дэви. Для разнообразия можно поинтересоваться, чего хочу я. Это и мое Рождество. Где он, Дэви? Покажи, если думаешь, что тебе так много известно!

Голос ее становился все громче и раздражительнее. Дэвид почувствовал, что обязан спасти мать и деда от дальнейших споров. Он проскользнул мимо взрослых, мимо праздничных саней и бросился к концу дорожки.

— Его понесло вон туда, — показал мальчик. — Его переехала машина.

— Раньше ты этого не говорил. Ты это выдумал, чтобы не пугать меня?

До этой минуты Дэвид не осознавал, в каком ужасе находилась бабушка. Он напряженно вглядывался в перекресток, однако тот казался совершенно пустынным.

— Покажи мне — куда, — настаивала бабушка.

Может быть, там хоть что-нибудь есть? Дэвид уже пожалел, что вообще открыл рот. Бабушка ковыляла на удивление быстро, так что все ее тело сотрясалось, и у мальчика не было ни малейшего повода для промедления. Он выбежал на перекресток, но там не осталось никаких следов ночного происшествия. Дэвид расстроился еще больше, когда понял, что бабушка даже не попросила его быть осторожным на дороге — так она была напугана. Мальчик вертелся волчком в поисках каких-нибудь обрывков, пока наконец не заметил жалкие останки, которые бесформенной кучей валялись в футе от садовой ограды.

Должно быть, кто-то убрал их с дороги. Большая часть туловища превратилась в груду красно-белых обломков, только голова да половина левого плеча были невредимы и венчали то, что осталось от чучела. Дэвид уже собирался показать пальцем на находку, как вдруг она переместилась. Все с той же усмешкой голова завалилась набок, словно сломалась невидимая шея. «Его перевернул ветер», — сказал себе мальчик, однако он не был уверен, что бабушке следовало это видеть. Не успел он об этом подумать, как та проследила за его взглядом.

— Это он! — вскрикнула бабушка.

Дэвид уже собирался схватить ее за руку и увести прочь, как голова опять шевельнулась. Она развернулась с такой медлительностью, от которой ухмылка показалась еще более дразнящей, и потащила за собой остальные обломки.

— Он идет ко мне, — пролепетала бабушка. — У него внутри что-то есть. Это червяк.

Мать Дэвида, опередив деда, спешила к ним. Не успела она подойти, как ухмыляющийся тип легко и быстро приблизился к бабушке. Она отшатнулась, а затем с остервенением принялась топтать своего мучителя.

— Теперь ты у меня не посмеешься! — кричала она, вдребезги разбивая его глаза. — Все в порядке, Дэви! Его больше нет!

Предназначался этот спектакль только для него или для кого-то еще? Мать с дедом, судя по всему, приняли все как должное, если только и они не притворялись. Бабушка наконец успокоилась и позволила отвести себя домой. Все это смахивало на представление, устроенное ради спокойствия ребенка.

Предполагалось, что и Дэвид примет в нем участие. Должен был принять, а иначе его перестанут считать мужчиной. Он соврал, что не хочет идти домой, а потом изо всех сил старался продемонстрировать интерес к передачам и играм, которыми развлекали бабушку. Он даже изобразил аппетит, когда подогрели остатки рождественского обеда, дополненного овощами, которые мать ухитрилась спасти от бабушкиных посягательств.

Несмотря на то что день тянулся очень медленно, Дэвид все же предпочел бы, чтобы за окном подольше не темнело. Ветер стал слабее, но не утих, так что мальчику приходилось притворяться, что он не замечает, как взлетают у бабушки брови, стоит только дрогнуть окну. Дэвид заявил, что отправляется спать, как только решил, что его уход не покажется подозрительно ранним.

— Правильно, Дэви, нам всем надо отдохнуть, — сказала бабушка, будто это он их задерживал.

Мальчик вытерпел очередную порцию пожеланий счастливого Рождества и объятий, уже не таких энергичных, как вчера, и помчался в свою комнату.

Ночь была тихой, если не считать случайных машин, медленно двигавшихся по улице. Но на крыше как будто что-то осталось. Когда Дэвид погасил свет, в комнате все исподтишка затрепетало, словно воздух был наэлектризован. Мальчику казалось, что от этого гула голоса внизу становятся еще подозрительнее.

Дэвид с головой залез под одеяло и внушал себе, что спит, пока эта уловка не сработала.

Разбудил его свет. Мальчик *отбросил с лица одеяло*, радуясь, что наконец наступил день отъезда домой, но тут

заметил, что свет этот вовсе не солнечный. После очередной ослепительной вспышки за окном послышалась какая-то возня. Не иначе как ветер вернулся, чтобы поиграть со светящейся вывеской. Дэвид надеялся, что эти звуки не разбудят бабушку, когда вдруг понял, как он ошибался. От потрясения у него перехватило дыханис. Это вовсе не ветер. Грохот снаружи стал отчетливее и сосредоточился в одном месте. В пятне света на стене над кроватью мальчика четко выделился чей-то безногий силуэт.

Не испугайся Дэвид так сильно, он наверняка подумал бы о том, как отреагирует на это бабушка. Но тут донесся ее голос:

— Кто это там? Он вернулся?

Если бы мальчик мог пошевелиться, то зажал бы уши. Кажется, ему удалось сделать вдох, но в остальном он оставался беспомощен. Загромыхало окно, за этим последовали очередная серия вспышек света и нетерпеливый топот у входной двери. Послышался срывающийся голос бабушки:

— Он здесь по мою душу. Это от него свет, от его глаз. Червяк снова собрал его из кусочков. А ведь я вроде бы раздавила эту тварь.

— Успокойся, ради бога, — просил дед. — Говорю же тебе, я больше этого не вышесу.

— Нет, ты смотри — как это его восстановили? — не унималась бабушка.

Она произнесла это с таким смятением и мольбой, что Дэвид ужаснулся: что если и он сам поддастся этим чувствам? Но, как ни странно, страх отрезвил его.

Мальчик ощутил вялость, мысли в голове путались, как скомканное одеяло, под которым он лежал. Бабушка тем временем категорично заявила:

— Он был здесь.

— Да иди ты спать, в самом-то деле, — протянул дед.

Дэвид не знал, долго ли он ждал, когда она наконец закроет окно. После того как кровать жутким скрипом возвестила о том, что бабушка улеглась, казалось, наступило затишье. Тревога не оставляла его, пока ему не удалось найти объяснение этим загадочным событиям: он во сне услышал

бабушкин голос, а все остальное — почудилось. Приняв такое решение, мальчик позволил дремоте овладеть собой.

На этот раз его разбудил дневной свет, при котором все события ночи казались нереальными, по крайней мере Дэвиду. Бабушка же выглядела так, будто в чем-то сомневалась. Она настояла на том, что сама приготовит завтрак, даже деду не позволила помочь. Когда с едой было покончено, пришло время вызывать такси. Дэвид сам спустил по лестнице чемодан и протащил его на колесиках к машине мимо рождественских декораций, которые при солнечном свете казались пыльными и поблекшими. У ворот дед с бабушкой обняли его, а бабушка еще раз прижала к груди, как будто забыла, что мгновение назад это сделала.

— Приезжайте снова к нам поскорее, — произнесла она неуверенно — возможно, оттого, что отвлеклась, бросив взгляд на улицу и на крышу.

Дэвид решил продемонстрировать, что стал мужчиной.

— Его не было там, бабуля. Это был просто сон.

Лицо ее затряслось, а глаза...

— Что такое, Дэви? О чем ты говоришь?

Внезапно он с ужасом понял, что просчитался, но теперь не оставалось ничего другого, как ответить:

— Прошлой ночью ничего такого снаружи не было.

Губы у бабушки слишком сильно дрожали, чтобы удержать торжествующую улыбку.

— Так ты тоже его слышал!

— Нет, — запротестовал было Дэвид, но мать уже схватила его за руку.

— Довольно, — заявила она таким тоном, какого раньше он никогда у нее не слышал. — Мы опоздаем на поезд. Берегите друг друга! — выпалила она родителям и запихнула Дэвида в такси. Всю дорогу, пока они ехали по улицам, полным безжизненной рождественской мишуры, а потом тряслись в поезде, у нее не нашлось для Дэвида других слов, кроме как:

— Оставь меня в покое.

Мать, вероятно, сердилась на него за то, что он напугал бабушку. Дэвид вспомнил об этом два месяца спустя, когда

бабушка умерла. На похоронах он думал о том, каким тяжелым должен быть ящик с ее телом, который несли на плечах четверо мрачных мужчин. Исполненный сознания своей вины, мальчик сдерживал слезы все время, пока дедушка плакал на груди у мамы. А когда Дэвид хотел бросить горсть земли на опущенный в яму гроб, свирепый порыв ветра смел землю с его ладони, словно сама бабушка сдула ее своим гневным дыханием. В конце концов машины вернулись к дому, теперь только дедушкиному, где множество людей, которых Дэвид прежде не встречал, ели бутерброды, приготовленные его матерью, и один за другим повторяли, как он сильно подрос. Мальчик понимал, что должен притворяться, и жалел, что мать на целых два дня отпросилась с работы, чтобы переночевать у деда. Но когда гости ушли, он почувствовал себя еще более одиноким. Дедушка прервал тягостное молчание словами:

— Дэви, ты как будто хочешь о чем-то спросить. Не стесняйся.

Дэвид не был уверен, что ему действительно этого хочется, но из вежливости, произнес:

— Что случилось с бабушкой?

— Люди меняются, когда стареют, сынок. Ты сам в этом убедишься. Что ж, она все-таки была твоей бабушкой.

Это прозвучало скорее зловеще, чем успокаивающе.

Дэвиду не хотелось расспрашивать, как она умерла, и он едва вымолвил:

— Я имел в виду — куда она ушла?

— Я не могу тебе ответить, сынок. Все мы в свое время узнаем это.

Возможно, маме слова деда показались не очень-то утешительными, поэтому она поспешила добавить:

— Я думаю, это все равно что превратиться в бабочку, Дэвид. Наше тело — это просто куколка, которую мы покидаем.

Боясь услышать что-нибудь еще похуже и оживить неприятные воспоминания, он прикинулся, что вполне удовлетворен таким объяснением. Очевидно, ему удалось убедить мать, потому что она сказала, повернувшись к деду:

— Как бы я хотела еще хоть раз увидеть маму!

— Она была похожа на куклу.

— Нет, увидеть живой.

— Не думаю, что тебе было бы приятно, Джейн. Старайся вспоминать ее прежней, и я буду делать то же самое. И ты, Дэви, верно?

Дэвиду не хотелось даже думать о том, что произошло бы, ответь он неправильно.

— Я постараюсь, — произнес мальчик.

Но, кажется, взрослые ожидали от него чего-то большего.

Ему не терпелось сменить тему разговора, но в голову лезли лишь мысли о том, каким опустевшим выглядит дом без пышного рождественского убранства. Чтобы случайно не проговориться, он спросил:

— Куда деваются все украшения?

— Они тоже умирают, сынок. Они всегда принадлежали Доре.

Дэвид все больше убеждался в том, что лучше ни о чем не спрашивать. Он подумал, что взрослым, наверное, хочется поговорить наедине. Во всяком случае, они не станут спорить, как спорили его мать с отцом. Дэвиду всегда казалось, что, ругаясь, они обвиняют его в своем неудавшемся браке. По крайней мере, сегодня ему не будут мешать спать жужжание и назойливый свет. Ветер заглушал голоса внизу, и хотя, судя по всему, беседа была мирной, мальчик догадывался, что речь шла о нем. Говорили ли они о том, что он напугал бабушку до смерти?

— Прости меня, — шептал он как молитву, пока наконец не заснул.

Его разбудила сирена «скорой помощи». Она как будто выкрикивала на всю улицу: «Дэ-ви». Наверное, вот так же «скорая» увозила бабушку. Резкие звуки постепенно замерли вдали, теперь ничто, кроме ветра, не нарушало тишину. Мать и дед, должно быть, спали в своих комнатах, если только не решили, что он уже достаточно взрослый и может оставаться в доме один. Но мальчик очень надеялся, что они где-то рядом, потому что ветер словно с цепи сорвался и тоже без конца повторял его имя. Скрип ступеней,

казалось, также твердит: «Дэ-ви, Дэ-ви...» — или это были шаркающие шаги? К ним добавился еще и свистящий, приглушенный шепот, будто кто-то произносит его имя, резко выдыхая воздух. Это было только подобие голоса, однако слишком похожего на бабушкин. Голос и решительные шаги приблизились к двери.

Дэвид не мог позвать на помощь не потому, что перестал бы считать себя мужчиной, а из страха привлечь внимание. Он старался убедить себя, что всего-навсего находится за кулисами и только прислушивается к звукам, а зловещий свет, разлившийся по ковру, его вовсе не касается. Потом неведомый гость принялся открывать дверь. Он долго возился, нащупывая дверную ручку, затем пытался повернуть ее, так что у Дэвида было достаточно времени вообразить самое ужасное. Если его бабушка умерла, как же она могла прийти к нему? Имелось ли у нее внутри что-то такое, что двигало ее останками, или то был червяк? Дверь содрогнулась и медленно приоткрылась, пропуская внутрь преувеличенно праздничное сияние, и Дэвид попытался зажмуриться. Но не смотреть было еще страшнее, чем видеть.

Он сразу понял, что бабушка стала тем, кого так боялась при жизни. Ее шею украшала праздничная гирлянда, а вместо глаз торчали две лампочки. На гостье был длинный белый балахон, или это само туловище казалось бледным и расплывчатым? Неестественно раздутое лицо, по которому растекался мутно-зеленый свет, похожий на слизь, жуткая ухмылка от уха до уха. Внезапно в голову Дэвиду пришла страшная мысль, что и сама бабушка, и червь погребены внутри этой призрачной фигуры.

Она сделала пару неуверенных шагов и вдруг привалилась к двери — то ли оттого, что с трудом держалась на ногах, то ли намереваясь отрезать мальчику путь к бегству. Призрак шатало из стороны в сторону, будто он был так же беспомощен, как и сам Дэвид. Он неуклюже сполз с кровати, схватил с пола ботинок и запустил им в мерцающую массу. «Это всего лишь кукла», — мелькнула у него мысль, потому что ухмылка на жутком лице даже не дрог-

нула. А может быть, ему явилось нечто еще более ничтожное, так как оно внезапно исчезло, лопнуло как мыльный пузырь. Стоило башмаку стукнуться о дверь, как комната погрузилась в темноту.

Дэвид чуть было не поверил, что все это ему только приснилось, но вслед за ударом отлетевшего на пол ботинка послышался новый звук. Рывком раздвинув шторы, мальчик увидел разбросанные по ковру разноцветные лампочки. Сунув ноги в ботинки, Дэвид начал давить лампочки на мелкие кусочки, потом упал на четвереньки. Он продолжал ползать по полу, когда в комнату поспешно вбежала мать и горестно посмотрела на него.

— Помоги мне найти его,— умолял ее Дэвид.— Мы должны убить червяка!

ДЭВИД ХЁРТЕР

Чернь, золото и зелень

Как объясняет Дэвид Хёртер: «„Чернь, золото и зелень“ — пример зловещего эпистолярного произведения, написанного под влиянием Роберта Эйкмана, Джина Вулфа и чудесной „Магической Праги“ („Magic Prague“) Анджело Рипеллино. Это первый из нескольких литературных проектов, задуманных мной в 2004 году во время путешествия по Чехии».

Что касается прочих сочинений автора, то в издательстве «PS Publishing» вышла повесть «По заросшей тропе» («On the Overgrown Path») о композиторе Леоше Яначеке, написанная в жанре темного фэнтези. Недавно Хёртер завершил работу над книгой «Светящиеся глубины» («The Luminous Depths»), рассказывающей о Кареле Чапеке и злополучной постановке его пьесы «R. U. R.». Вскоре увидит свет повесть «Тот, кто исчез» («One Who Disappeared»), связующая все три произведения воедино. В ней речь идет о человеке, в 50-х годах эмигрировавшем из Чехии в Голливуд.

Хёртер практически закончил два полновесных романа: «Темные празднества» («Dark Carnivals»), эпическое хоррор-фэнтези, действие которого происходит в 1977 году в американской глубинке, и «В фотонных лесах» («In the Photon Forests»), предысторию его первой книги «Буря Цереры» («Ceres Storm»).

Дорогой Лев!

К этому письму приложен небольшой пакет. Пожалуйста, не открывай его, пока не закончишь читать.

Дело, конечно, в Эрле. Элизабет написала мне. Не вини ее за этот проступок. Она пыталась поддерживать связь даже в наши трудные времена.

Она пишет, что о ее брате ничего не слышно с марта. В библиотеке я нашел газету от пятого мая, выпущенную

в твоем родном городе, со статьей, где об этом говорится более подробно. И сейчас я пишу по причине, которая скоро станет тебе очевидна.

Я тоже был в Праге. Возможно, ты слышал об этом от Женевьевы. (К сожалению, Джен и я никогда не были так близки, как Эрл и Элизабет. Несколько раз она просила меня рассказать все, но то, что я говорил ей тогда, нельзя назвать чистой правдой.)

Это было в 1986-м, за три года до падения коммунистов. Я работал в университете, на факультете, где через год встретил Маргарет. Получить визу тогда было трудновато. Приятные путешествия вроде тех, которые позже часто совершал Эрл, не поощрялись. *Statni Bezpecnost*, чешская служба госбезопасности, тщательно обнюхивала каждого въезжающего, даже такого обычного ученого, как я. Честно говоря, я работал «по совместительству» на правительственную контору, одну из тех, что пользуется путешествующими учеными в своих целях. Конечно, высокой должности я там не занимал, но все равно ожидал проверки. Покидая чешскую таможню, я пребывал в полной уверенности, что по пятам тащится агент госбезопасности, приставленный следить за мной: реденькие темные волосенки, гнилые зубы, помятый коричневый костюм. Когда я занял очередь на такси, он пристроился прямо за мной, а когда садился в машину, он, раздавив ботинком окурок, сказал по-английски с почти незаметным акцентом: «Приятного времяпрепровождения в Праге».

После этого я не видел его несколько дней, вплоть до поездки на Стрелецкий остров, но, уверен, в тот первый день он специально показался на глаза, дав знать о своем присутствии.

Помню, въезжая в Прагу, я опустил боковое стекло и зябкий ветер хлестнул меня по лицу. Не зря этот город называют «городом ста шпилей». Я видел его сквозь неприветливую зимнюю пелену, морозный воздух резал глаза. Зеленовато-серая река, серо-белый снег, из которого поднимается лес повсюду преследующих тебя соборов: чернь, золото и зелень.

Моя гостиница находилась в районе Смихова, к югу от Малой Страны и Пражского Града, неподалеку от знаменитых видов на Влтаву.

~~Это путешествие было моим~~

Ты можешь заподозрить меня в мнительности, Лев, но в тот первый день, подходя к институту, я вдруг почувствовал за собой слежку. Ощущение было таким сильным, что я невольно остановился и оглянулся. Но заснеженная тропинка за моей спиной была пуста. Единственные «зрители», да и те каменные, располагались высоко над землей: горгульи и равнодушные лица барельефов взирали на меня из-под угрюмых сводов.

Древний город смотрел на гостя с древним безразличием.

Лев, это моя первая попытка описать все подробно. Мне приходится подбирать слова и выражения.

Итак, я впервые оказался в Восточной Европе. Прошлые выезды ограничивались Лондоном и Копенгагеном. Несомненно, экзотическое окружение возбуждало меня сверх всякой меры: я как бы перенесся в интерьеры шпионского романа, и сама обстановка заставляла меня считать, например, что тот человек в аэропорту был из госбезопасности, в чем я, признаюсь, не был абсолютно уверен.

Институт — его полное название Стефановский институт исторических исследований — представлял собой настоящий винегрет из европейских и американских ученых. Некоторые — время от времени, весьма осторожно — выполняли правительственные *поручения*. Но, сказать по правде, мы редко выбирались за пределы пыльных книгохранилищ. Я должен был провести в Праге вполне легальные исследования, помимо заданий, порученных мне агентством. Кроме того, я пытался наслаждаться ролью туриста.

На второй день, после того как я целое утро провел за изучением редких рукописей Незвала[1] и Сейферта[2], я от-

[1] Незвал Витезслав (1900–1958) — чешский поэт.

[2] Сейферт Ярослав (1901–1986) — чешский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе 1984 г.

правился на север, вдоль реки, через Малую Страну к подножию Пражского Града. Прага — великое искушение для туристов, любящих побродить, но я устоял перед желанием вскарабкаться по древним ступеням. Мне, как-никак, сорок шесть, и со времени службы в армии утекло много воды. Был февраль, температура опустилась ниже нуля. В неподвижном ледяном воздухе висел запах сажи и серы.

Не спорю, и меня, подобно тысячам туристов, очаровал и покорил собор Святого Вита, его почерневшие шпили с бойницами, вспарывающие серые тучи, что, впрочем, не мешало мне беспокоиться о том, как бы не подхватить пневмонию. Я как-то не жаждал познакомиться с местной системой здравоохранения. Так что я нашел славное местечко на Карловом мосту, с которого Градчаны казались картинкой в исторической книге, обрамленной замысловатым узором красных черепичных крыш Малой Страны, тянущихся до самой Влтавы. Разглядывая дивный вид, я вспоминал легенды о безумном императоре Рудольфе II[1] и его вечно меняющей состав свите астрологов, астрономов, шарлатанов и юродивых, наводнявших город в XVI веке, когда Прага была центром Священной Римской империи.

Карлов мост открыт только для пешеходов. В тот день я был единственным, кто неспешно прогуливался среди суетливой толпы, и единственным, кто останавливался перед каждой из тридцати двух статуй. Некоторые показались мне великолепными, некоторые — уродливыми, почерневшими от старости и копоти.

Я как раз оторвался от созерцания святого Яна Непомуцкого[2] и глядел на текущие речные воды, когда впервые заметил этот остров. Не остров Кампа[3], который, в сущнос-

[1] Рудольф II (1552—1612) — император Священной Римской империи в 1576—1612 гг., австрийский эрцгерцог (в его руках находились Верхняя и Нижняя Австрия, чешский и венгерский престол).

[2] Мученик конца XIV в. викарий Йоганек из Помука, вошедший в историю под именем святого Яна Непомуцкого.

[3] Остров Кампа в Малой Стране Праги называют Пражской Венецией. В XV–XVI вв. стоял покрытый садами, а в XVII в. здесь поселились ремесленники.

ти, не совсем остров, но тот крохотный, настоящий остров на юге, который называется Стрелецкий; когда-то он служил пристанищем для наемников Рудольфа.

Вдоль берега у кромки воды теснились голые зимние дубы. За ними виднелся сырой унылый парк, а на южном берегу маячило какое-то строение в итальянском стиле.

А мимо стремительно бежала Влтава, катя свои зеленовато-серые воды.

Несколько лет спустя, во время памятного наводнения 2002 года, Си-эн-эн показало вздувшуюся реку примерно с того самого места, где я стоял: ревущие волны, которые несли вырванные с корнем деревья, и Стрелецкий остров, почти скрывшийся под водой.

В тот решающий день я поступил, как поступил бы любой турист, — и как, без сомнения, поступил Эрл.

Чернь, золото и зелень — написал я выше о своем первом впечатлении от Праги. Бродя по Стару Месту, я обнаружил и другие яркие цвета: красный цвет крыш, бледно-розовый и голубой — фасадов многоквартирных домов, серебряный и серый — булыжников мостовой. Я прошел на север к Еврейскому кварталу по извилистым улочкам, таким узким, что они могли вызвать клаустрофобию. Река служила надежным ориентиром: надолго заблудиться здесь невозможно. На Староместской площади возвышалась статуя Яна Гуса, реформатора-протестанта, в окружении судящих его католиков. Знаменитые Пражские куранты — астрологические часы, этот аттракцион для туристов, сами собой отбили полдень, и фигуры Смерти и апостолов поехали по кругу. Я прошел мимо них к храму Девы Марии перед Тыном[1], с парой серых башен, увенчанных черными крышами. Колокольни храма отчего-то напомнили мне шляпы ведьм. Хотя многие считают эту

[1] Тын — княжеский двор, основанный неподалеку от рыночной площади. Использовался как таможня и как охраняемое место размещения иноземных купцов.

церковь бриллиантом среди пражских зданий, меня потрясла ее архитектурная мрачность. История повествует о всяких ужасах, творившихся в тенях этого костела, таких, например, как казнь политических заговорщиков в 1437 году, когда люди, идущие по камням Тына, находились по щиколотку в струящейся крови; или о том, как летом 1626 года на виселицу отправили дюжину молодых женщин, обвиненных в колдовстве, — их тела висели, пока не иссохли, после чего трупы обезглавили, а головы бросили во Влтаву.

У моей матери был фолиант XIX века с картинами мастеров Средневековья и эпохи Ренессанса — Фра Анджелико[1], Питера Брейгеля Старшего[2], Босха[3]. (Она оставила альбом в наследство Женевьеве — я помню, как мы с Эрлом однажды листали его на зимних каникулах у тебя дома.) Глядя снизу вверх на островерхий Тын с его древними фасадами, я переживал те же впечатления, как и тогда, когда впервые смотрел на старые страницы книги, — картины рождали в моем детском сознании пугающее чувство *перемещения*; я по сей день вижу их потускневшее масло, которым выписан мир, во всем противоречащий историческим книгам, их гротескную образность, намекающую — пусть и вскользь — правдивостью кошмарных деталей на некую странную, глубинную реальность.

В Тынском храме похоронен астроном Тихо Браге[4]. Желая посмотреть на гробницу за алтарем, я прошел по Тынской школе (поздняя пристройка) к церковным дверям только для того, чтобы обнаружить, что они заперты. Я был один — и все же не одинок. Из расщелины возле готической арки выглядывало маленькое каменное личико, круглощекое, мрачное, — след какой-то более ранней по-

---

[1] Фра Анджелико (Беато) (ок. 1400–1455) — знаменитый итальянский живописец раннего Возрождения.

[2] Брейгель Старший Питер (ок. 1525–1569) — последний великий художник эпохи Возрождения в Нидерландах.

[3] Босх Иеронимус (ок. 1450–1516) — фламандский живописец.

[4] Браге Тихо (1546–1601) — знаменитый датский астроном. В 1599 г. переехал в Прагу.

стройки. Древние глаза словно отказывались верить в мой внешний вид. Впрочем, и мне эта физиономия не приглянулась.

Прости, если сочтешь, что я отклонился от темы. Но я сразу подумал о Тыне после того, как узнал (из газетной статьи), что последнее свое электронное письмо Эрл, как выяснилось впоследствии, отослал из кафе «У Гашека», расположенного всего через одну улицу от Тына и могилы астронома.

Прервался ненадолго — давал отдых руке.

Поскольку я обычно печатаю, то порой забываю, как важны для письма безымянный и мизинец.

Впрочем, полагаю, ты разберешь мои каракули.

Есть еще одно важное обстоятельство. Постараюсь пояснить.

Во время моей чудесной прогулки я набрел на огромный концертный зал у Влтавы — *Narodni Divadlo*, что значит «Народный Театр». Сверкающий зеленью и золотом грандиозный изящный профиль здания выделялся среди барочной архитектуры: округлая линия крыши напоминала изысканно украшенный кремовый торт (иного слова не подберу), усыпанный золотыми блестками, со статуями на фронтоне. Больше всего меня поразил возница, будто готовый вот-вот погнать своих коней в небо.

Афиша извещала о том, что сегодня дается легендарная опера Антонина Дворжака[1] — «Русалка». Чуть раньше, у галереи Рудольфа, к северу от Карлова моста, я задержался у его памятника, ведь Дворжак — мой любимый композитор. И теперь меня порадовало, что — вот повезло! — сегодня в семь я смогу услышать его дивную музыку.

Я купил билет и провел оставшиеся до спектакля часы в ресторанчике через улицу, что назывался «Кавярня[2] Славия».

---

[1] Дворжак Антонин (1841—1904) — крупнейший чешский композитор XIX в.

[2] Кавярня (kavarna — *чеш.*) — кофейня.

Я был наслышан о репутации этого заведения — мол, тут излюбленное место встреч как диссидентов, так и чиновников госбезопасности, — но в тот день кофейня с интерьером в стиле ар-деко, сочетающего причудливые формы и яркие краски, была почти пуста. Я занял столик возле высоких окон, смотрящих прямо (или, точнее, снизу вверх) на здание театра. Ничего примечательного не произошло, так что вскоре я задумался — заблуждаясь, Лев, весьма заблуждаясь, — а то ли это место, где я сумею привлечь внимание диссидентского сообщества?

Народный Театр грандиозен как снаружи, так и внутри — с его зелеными и золотыми балконами и ложами, с бархатными бордовыми креслами в партере. По обе стороны сцены расположены царские ложи, украшенные статуями нереид, поддерживающими тяжелые багряные пологи. Огромная фреска под потолком продолжает греческую тематику.

Мне досталось отличное место: шестой ряд, в центре. Зрители медленно фланировали по залу со строгим и торжественным видом — мужчины в неброских костюмах и женщины, одетые лишь чуть-чуть наряднее.

Лампочки в люстрах потускнели.

Появился дирижер, встреченный вежливыми аплодисментами.

Не стану описывать действие. Знаю от Женевьевы, что ты уважаешь Моцарта и Россини, — возможно, это распространяется и на Дворжака. В любом случае, если захочешь, найди либретто в Энциклопедии Грова[1] у себя в библиотеке. Русалка — это такая водяная нимфа, влюбившаяся в человека. Грустная опера. А какая опера не грустна? Музыка, однако, мелодична и прекрасна до дрожи. Когда невидимый оркестр заиграл робкую, трепетную прелюдию (что не мешает ей быть зловещей, как и замыслил Дворжак), точно теплые струи омыли меня, изгоняя из костей холод.

[1] Гров Джордж (1820—1900) — английский музыковед, редактор, основатель и первый составитель известного Словаря музыки и музыкантов.

Партию Русалки исполняла Габриэла Березкова, находившаяся тогда на вершине своей трагически короткой карьеры. Я сидел достаточно близко, чтобы видеть, как расширяются ее боттичеллиевские глаза, когда она поет о своем возлюбленном. В первом акте она пела свою знаменитую арию «Молитва луне», и мне казалось, что она поет для меня одного. Представление было великолепным. В антракте, когда бо́льшая часть публики повалила в фойе, я подошел к оркестровой яме. Помню, как положил руки на декоративные перила и, ощущая на себе пристальные взгляды золоченых нереид, посмотрел вниз.

Двое музыкантов — контрабас и тромбон — негромко беседовали по-чешски. Яма выглядела старше, чем зрительный зал, — вся эта позолота и мерцающая красота, смягченная тускло-коричневой глубиной. На деревянных пюпитрах лежали ноты. За дирижерским помостом стояли окутанные сумраком пустые стулья, а чернота дальней стены напомнила мне темные шпили Тына.

На противоположном конце ямы виднелась ведущая за кулисы дверь. Падающий на нее тусклый свет на миг дрогнул — двое последних оркестрантов удалились за сцену. Где-то там, вдалеке, репетировал флейтист. Мелодия струилась в пустоте, я перегнулся через золотые поручни, чтобы прислушаться к ней, и уловил резкий запах — возможно, плесени. Словно где-то лопнула от холода труба. Тем не менее запах этот очень подходил русалочьему озеру.

Я подался вперед, крепко сжимая перила, и вдруг меня накрыла волна головокружения и ощущение... Признаться, мне трудно подобрать слова для его описания.

По здравом размышлении, Лев, я бы сказал, что головокружение это было вызвано дневной усталостью. И все же, возможно, мне следовало бы употребить слово «беспамятство». Или «экстаз». Чувства мои обострились. Сердце бешено заколотилось. Я был не в себе, кожа стала горячей, а еще — извини — меня пронзила мощная эрекция, порожденная, должно быть, этим речным запахом, витающим в воздухе за золотыми перилами. И ощущение какого-то движения. Словно что-то осторожно коснулось моего плеча, щеки...

Я не говорю о призраках и не собираюсь приплетать их к рассказу. Да и тогда я не думал о привидениях.

Я держался, даже когда зрение помутилось,— словно темные пятна отделились от «тынских» теней ямы. Я выпрямился, поморгал, восстанавливая самообладание. Потрясенный, я вернулся на свое место, виня во всем насыщенную дневную прогулку и браня себя за то, что не сумел вовремя остановиться.

Впечатление от оставшейся части оперы, хотя качество музыки и пения не изменилось, почему-то померкло. Да, в голосе Габриэлы Березковой звучала печальная сладость, когда ее любимый умер. Когда она вернулась в свое озеро, мне стало грустно, чего и добивался композитор. Зрители дважды вызывали артистов на поклон. Но я не двигался и не хлопал. Мои мысли где-то витали.

Когда зажегся свет, я подождал, пока основная толпа схлынет, и медленно двинулся за народом.

Однако в фойе я отделился от публики и, к собственному удивлению, зашагал в другую сторону. И наткнулся на дверь с табличкой «За кулисы». Когда я приблизился, дверь вдруг широко распахнулась, выпуская мужчину в смокинге со скрипичным футляром в руках. Он окинул меня смущенным взглядом и придержал створку. Попробовав напустить на себя уверенный вид, я шагнул внутрь и очутился в настоящем муравейнике коридоров и комнат, размышляя, что же я, собственно, надеюсь тут отыскать. К счастью, никто не обращал на меня внимания; люди закончили работать и собирались домой.

Может, я пытаюсь найти гримерку мисс Березковой и засвидетельствовать певице свое дурацкое почтение? Этот вопрос я задал себе, спускаясь по какой-то лестнице. Несколько раз свернув не туда, я оказался в кладовке инструментов с высокой узкой дверью, ведущей в оркестровую яму.

Тынская черпота обернулась здесь плотной серостью.

Я простоял на месте довольно долго, вспоминая странные ощущения, глядя снизу вверх на позолоту перил, казавшихся отсюда гораздо выше, чем они были на са-

мом деле, особенно на фоне тусклой, немыслимо далекой фрески.

Только господствовал здесь запах не русалочьего озера, а перегревшихся рамп.

Я прошел между рядов стульев к арфе, застывшей возле вмурованной в пол решетки.

Нагнувшись над железной сеткой, я вдохнул удушливое зловоние, почти столь же сильное, как раньше. И все же легко объяснимое. Грунтовые воды, просочившаяся влага Влтавы.

Как-никак театр ведь стоит на берегу.

Склонившись над люком, я вслушался в шелестящее, словно в витой ракушке, эхо. Затем посмотрел вниз, и меня пробрала дрожь — я вообразил одинокое невидимое лицо, обращенное ко мне.

Поднявшись, я погладил арфу, как бы успокаивая ее и себя, вызвав слабый резонанс, словно все струны вдруг завибрировали разом. Вернувшись в кладовку, я чуть не столкнулся с рабочим, явившимся собрать оставленные музыкантами ноты. Испугавшись, я пролепетал по-чешски:

— Заблудился. Я заблудился.

Пришлось показать паспорт, потом институтский пропуск, и только после этого меня проводили к выходу.

На мосту, ведущем в Смихов, голова опять закружилась. Я привалился к перилам, и меня вырвало в реку. Эхо колоколов металось над Старе Местом. Я смотрел на сияющий Народный Театр, ожидая еще одного приступа рвоты, но его не последовало. Откашливаясь, я оторвал взгляд от театра и заметил на уровне реки пирс-простенок, врезанный в каменную набережную, с порталом и окном, похоже замурованным крепко-накрепко.

Наутро страшное ощущение, оставленное загадочными впечатлениями в опере, рассеялось. Я хорошо отдохнул, выспался и пообещал себе не бродить больше целыми днями по городу.

Но я не забыл замурованное окошечко на пирсе и в институте спросил о нем.

Коллега рассказал мне, что это остатки рыбачьего порта XVII века, который располагался тут до постройки Народного Театра и большинства соседних зданий.

Стремясь удовлетворить мое любопытство, он принес мне несколько великолепных справочников.

История подземных владений Старого и Нового города впечатляет не менее, чем легендарная история той Праги, что открыта взгляду каждого. Подобно большинству древних городов, Прага росла слоями; первые поселения, возникшие тысячу лет назад вдоль Влтавы, теперь превратились в заброшенные катакомбы. В Средние века пирс был связан с улочками и переулками, впоследствии стершимися с лица земли.

В «Пражских легендах и истинах» (1872) Крейчи[1] и «Старой Праге» (1906) Гейнгольца я нашел немало увлекательных повествований о подземном царстве чешской столицы вроде историй о Карловой площади и Faustuv Dum — доме Фауста.

Площадь, расположенная в трех милях к югу от Тынского храма в Новом городе, когда-то называлась Скотным рынком и была построена вокруг загадочного древнего камня, увенчанного крестом. Шарлатаны, наводнявшие город во времена правления Рудольфа, открывали там лавки. Она стала настоящим гнездовьем черных дел и еще более черных намерений, местом казней, где трупы выбрасывались из особых люков и задних дверей в лабиринт подземных ходов; и эти же ходы (если верить мифам) служили домом целому сонму тайных и алхимических обществ.

Несчастные жертвы, гласит легенда, замуровывались заживо в подземных казематах.

А на южном конце площади стоит дом Фауста, возведенный примерно в XII столетии.

В конце XVI века там жил Эдвард Келли, алхимик, проводивший опыты по заказу Рудольфа II, и его дьявольские изыскания способствовали расцвету причудливых легенд: и по сей день считается, что это роскошное поместье, настоящий дворец, служило последним пристанищем доктора Фа-

[1] Крейчи Карел — эксперт по пражской мифологии.

уста и местом его последней битвы с Мефистофелем. Отсюда — дом Фауста.

На пятый день пребывания в Праге, изучая в своем крошечном кабинетике оттиски старых текстов, я услышал, как внизу прозвенел колокольчик. Несколько секунд спустя наш куратор Якоб — наполовину немец, наполовину ирландец — шепнул, что ко мне посетитель.

Странно. Ко мне вообще редко кто заскакивал на огонек. К тому же я никого не знал вне института.

Кстати, Лев, накануне я разделался с поручениями агентства: серией скромных запросов в местные посольства и (вот удивительно!) книжные магазины. Спускаясь по лестнице, я ожидал, что нежданный гость как-то связан с этими действиями. Или что это мой неуловимый спутник из госбезопасности.

Но в фойе меня ждал какой-то — другого слова не подберу — обломок кораблекрушения.

— *Dobry den*, — сказал он, не отрывая глаз от собственных башмаков.

Он был совершенно лыс, за исключением нескольких жидких прядей седых волос, с красноватыми слезящимися глазами и мелко трясущимися руками.

Он назвал мое имя и фамилию, хотя имя в его произношении прозвучало как «Стефан».

— Да, — ответил я. — *Ano*[1].

Он вытащил из кармана клочок зеленой бумаги. Я взял.

На обрывке оказалось грубо нацарапанное послание: «Стивену Мэдисону: Стрелецкий остров, восточный берег, 16.00. Хастрман»[2].

Хастрман?

Фамилия показалась мне смутно знакомой, хотя она определенно не связывалась в моем сознании с делами недавнего времени.

---

[1] Да *(чеш.)*.

[2] Hastrman — водяной *(чеш.)*.

— *Nashela*[1], — буркнул бродяга и двинулся к двери.

Я вскинул руку.

— Подождите! *Prominte!*[2]

Он остановился, переминаясь с ноги на ногу.

— Кто такой Хастрман?

Оборванец покачал головой и перевел взгляд на Якоба.

— *Nerozum'm*, — сказал он. («Не понимаю».)

Прислонившийся к косяку Якоб перевел вопрос и внимательно выслушал ответ.

— Он говорит, что написал записку по просьбе старого джентльмена, которого никогда раньше не видел, на мосту Легии. За доставку ему заплатили сто крон.

Обломок кораблекрушения, шаркая, удалился. С видимым облегчением Якоб затворил дверь.

Моим контактным лицом в институте был Пол Доусон.

Я его отыскал в мансардном кабинете и шлепнул записку на стол возле чашки с чаем. Доусон слегка — но только слегка — нахмурился.

— Госбезопасность не нанимает бродяг, — сказал он. — Как насчет типов, которых ты прижал в посольстве? Их дружки?

— Возможно. Хотя не думаю.

Я размышлял о подобном повороте еще в кофейне «Славия» и пришел к выводу, что с моей стороны проколов не было.

— Хастрман... — протянул Доусон. — Может, это имя, а может, название одной из диссидентских групп, но уж точно не диссидентский modus operandi[3]. Хочешь пойти?

Я кивнул.

Кивнул, чувствуя все тот же трепет, Лев, — возбуждение от ощущения себя действующим лицом шпионского романа.

— Я поищу это имя в наших книгах, вдруг что всплывет. — Он предложил мне своего коллегу, но я отказался. —

---

[1] До свидания *(искаж. чеш.)*.

[2] Простите *(чеш.)*.

[3] Образ действий *(лат.)*.

Записывай все, что будет говориться. Порядок тебе известен.

Назначенный час близился, и я, в зимнем пальто, шляпе и перчатках, потащился к Влтаве.

Дворники уже расчистили дорожки от снега.

Что-то недоброжелательное чудилось в этой брусчатке. Булыжники, казалось, получали удовольствие, неожиданно вырастая под подошвами; каждый шаг противоречил тому, что видели глаза, напоминая мне, что я не пражский уроженец.

Стрелецкий остров замаячил над водой, и я вдруг понял, что совершенно не представляю, как туда добраться. На лодке? Нанять лодку так поздно в субботу — в день, когда даже кофейни закрыты? Тут я заметил, что от моста Легии, пересекающего остров, падает к земле крутая лестница.

Спустившись по ней, я, как хороший шпион, изучил узкую полоску мрачного парка. Заснеженный газон, лавки, тропинки — все было пустынно. Слева за домами Старого города садилось солнце, длинные тени стелились по земле.

Вдалеке в здании итальянского стиля горели огни. На острове, сидящем так низко, под самыми берегами Влтавы, царила «подводная» атмосфера.

Я пересек площадку, миновав несколько вычурных железных фонарей и одинокую статую нимфы со скромно опущенными долу очами, и приблизился к скамье под развесистым дубом. Бетонный волнолом заслонял береговую линию, где хихикающие волны лизали камень.

Смахнув пушистый снежок, я сел на лавку. По ту сторону реки тускло светился Народный Театр. Выбранное мной место отлично просматривалось с лестницы и из окружающего парка: мой загадочный связной должен был без труда найти меня.

Я вынул записку и прочел ее еще раз, размышляя о запросах, которые сделал в посольствах Старого города и книжных лавках Еврейского квартала. В сущности, это была довольно рутинная информация (хотя и «прижимающая» кое-кого, как выразился Доусон).

На другом берегу церковные колокола отбили время. Когда я поднял глаза, у стены стоял старик.

Высокий, широкоплечий, с длинными седыми волосами, острым взглядом и типично славянским носом. Он был в зеленом плаще поверх серебристой, с высоким воротником рубашки.

— *Dobry vecer.*

Я поднялся:

— *Pane* Хастрман?

— *Ano,* — подтвердил он, чопорно поклонившись. — Я — он. — Старик говорил низким, глубоким голосом, с сильным акцентом.

Наша беседа сейчас передо мной — запись в моем маленьком блокноте. И хотя страницы, мягко скажем, подмокли, большинство слов вполне читаемы.

Я представился.

С официальностью, свойственной военным (так я написал, прибавив «сторонник бывшего президента Масарика[1]»), он поблагодарил меня за то, что я согласился встретиться с ним, еще раз поклонился и жестом предложил сесть. Затем опустился рядом со мной, скрестил длинные руки на коленях и после обмена несколькими ничего не значащими вежливыми замечаниями сказал:

— Я представляю... группу, нан. Группу Старой Праги. Мы хотели... общения. — Его бледно-голубые глаза пристально сверлили меня. — Встретиться с одним из... ваших.

Из моих?

— В смысле — с кем-то из института? — прикидываясь туповатым, переспросил я. — С ученым?

Шпион?

— Да. Можно сказать... с ученым. Из Америки. — Он улыбнулся, обнажив желтоватые зубы.

Помню запах имбиря и только что срубленного дерева.

---

[1] Масарик Томаш Гарриг (1850—1937) — чехословацкий государственный и политический деятель, философ-позитивист, в ноябре 1918 г. Национальным собранием Чехословацкой Республики был избран президентом (переизбирался в 1920, 1927, 1934 гг.).

— Вы выбрали интересный способ назначить встречу, пан Хастрман. — Я помахал запиской.

— Он показался мне... безопасным, сэр. Стрелецкий остров издревле любим нашими.

Сколько ему лет? Глубокие морщины бороздили лоб и подчеркивали переносицу старика. То ли восемьдесят, то ли шестьдесят — я не мог сказать наверняка.

— Чем я могу вам помочь, пан?

По меньшей мере на полминуты он погрузился — так мне показалось — в медитацию.

Я озирал ближайший парк, поглядывая через плечо на лестницы.

— Произошли... перемены, сэр. — Он сделал паузу, глубоко вздохнул. — Перемены с нашей... землей. С Прагой. — Английский давался ему трудно, слова как бы выползали из самой глубины его груди и, отчетливые, короткие, тяжело падали с языка.

— Перемены? В status quo?[1]

Он медленно кивнул.

Я рискнул:

— Ваше правительство, пан, оно не следует всем идеалам перестройки. Я говорю о Гусаке[2]. Ваша группа не согласна с ним?

---

[1] Статус-кво, существующее положение вещей *(лат.)*.

[2] Гусак Густав (1913—1991) — с 1933 г. член Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ). В годы Второй мировой войны — лидер нелегальной коммунистической партии в находившейся под властью немцев Словакии. В 1951 г. Гусак стал жертвой сталинских репрессий, в 1954-м был приговорен к пожизненному заключению как приверженец «словацкого буржуазного национализма». В мае 1960 г. был освобожден. Когда в апреле 1968 г. первым секретарем ЦК КПЧ стал А. Дубчек, Гусак занял пост заместителя председателя правительства Чехословакии, а в апреле 1969 г. стал первым секретарем Компартии Чехословакии. В августе 1968 г., после ввода войск стран Варшавского Договора в Чехословакию, Гусак был привлечен советским руководством для осуществления процесса «нормализации». Отказался от большинства реформ своего предшественника, восстановив централизованную систему политического контроля. Режим Гусака отмечен арестами диссидентов, чистками в КПЧ и профсоюзах. В 1975 г. Гусак был избран президентом Чехословакии. В 1987 г. ушел с поста генерального секретаря ЦК КПЧ, но продолжал занимать пост президента вплоть до декабря 1989 г.

Рассеянная улыбка. Любезная, затем резкая — он бросил взгляд на огни Праги на том берегу и чайку, кружащуюся над водой.

— Нас... не омывает море.

Смутившись, я попросил его повторить. Он повторил и добавил:

— Великое море. Его недостает. Они скучают. — Глаза старика следили за каллиграфическим полетом птицы. Я невольно заметил, какие гладкие у него волосы. — Более того, эти... севшие на мель... здесь.

— Боюсь, мистер Хастрман, я вас не понимаю. *Nerozum'm,* — вставил я на всякий случай.

Улыбка. На миг глаза его блеснули, словно поймав лучи меркнущего солнца.

— Все мы, пан. Прага. Чехи. Наша страна. Земля заперта, стиснута, окружена. Страна... должна коснуться моря, сэр.

Я невольно вспомнил «Зимнюю сказку» Шекспира — ну, то место, где сицилийский корабль пристает к богемскому берегу.

— Это создаст трудности для вашего народа, — сказал я. — В вашей истории была уже, как бишь там, битва у Белой Горы[1], верно? После этого прискорбного поражения...

— Море... очищает. — Должно быть, он не слушал меня. Дыша широко открытым ртом, старик помолчал немного, затем продолжил: — Энергия... копится. Мы стареем. Озера, реки... *dusit*... задыхаются. Мы вынуждены... уходить под землю. Нам нужно... объединиться... с новыми мирами. — Он покачал головой и снова тяжело задышал через рот.

— Тогда поговорим о переменах, пан. — Я неуклюже попытался сменить тему, вернуть беседу с небес — точнее,

[1] Сражение 1620 г. во время Тридцатилетней войны (1618–1648) между чешскими войсками (Протестантская уния) и имперско-баварской армией (Католическая лига). Чешские войска, занимавшие оборону на Белой Горе, были атакованы имперскими и баварскими войсками и после упорного боя потерпели поражение. Феодально-католическая реакция жестоко расправилась с чешским национальным восстанием. Чехия утратила самостоятельность, на 300 лет попав под власть австрийских Габсбургов.

с вод — на землю. — Ваше правительство, возглавляемое Гусаком, продолжит то, что они называют «нормализацией», и внутренняя политика станет еще жестче, вне зависимости от желаний Советов[1]. Вы согласны?

Левой рукой старик погладил свой серебристый воротник; этот небрежный жест отчего-то показался мне далеко не случайным.

— *Ano*. Страна... должна измениться и... обнять Запад. Но даже это... не решение.

Он оценивающе посмотрел на меня, втянул открытым ртом солидную порцию воздуха и выдохнул.

— Пан Хастрман, мне хотелось бы больше узнать о группе, которую вы представляете.

Голос старика упал, став почти неслышным:

— Я принес... предложение. Встретиться.

Хастрман застал меня врасплох.

— Еще раз?

Он мотнул головой:

— Я... только посланник.

Старик сунул руку за пазуху, вытащил ее — и между его указательным и большим пальцами тускло блеснуло золото.

Кольцо.

Неотрывно глядя мне в глаза, он протянул вещицу.

И уронил кольцо на мою ладонь.

Тяжелый перстень зеленоватого золота — словно впитавший в себя оттенок стариковского плаща — с тонким узором из крошечных звезд по ободку, оплетенных филигранью в виде комет и волн.

— По нему она... узнает вас.

— Кто «она», пан?

Он возвел глаза к небу — за миг до того, как чайка с криком пронеслась над нашими головами и спланировала к воде.

Сжав кольцо в кулаке, я следил за кружением птицы, и тут заметил мост, торопящихся пешеходов и одинокую фигуру в толпе, шагающую медленнее остальных. Черный си-

[1] Советы — разговорное название СССР и коммунистической власти.

луэт на фоне затянутого тучами неба показался мне знакомым: мятая куртка, копна темных волос. Человек смотрел в нашу сторону.

Агент госбезопасности. Я точно знал, что это он.

Хастрман по-прежнему глядел на чайку.

Я предложил:

— Может, пойдем, пан?

Он вроде бы понял, еще раз глубоко вдохнул, поднялся, и секунду спустя мы уже брели вдоль берега.

Однако вскоре он замедлил шаг и остановился.

— Вам надо присесть? — поинтересовался я.

— За нами... следят?

Я рискнул оглянуться, но никого не увидел ни на ближайшем мосту, ни на лестницах, ни на острове.

— Не знаю, не уверен.

Хастрман уставился на мою руку, на кольцо.

— Тут есть монастырь, пан, в Нове Месте. Эмаузы[1]. — Он произнес это слово очень резко и ткнул пальцем куда-то южнее Народного Театра. — Это костел — церковь — место встречи.

— Костел Эмаузы.

Старик выпрямился, как будто в плечи его влилась сила.

— Вход... там. В доме пастора, на северо-восточном углу. Лестница вниз. Один из наших встретит вас, пан. И проводит к... нужному месту, вниз.

Вспомнив о своих изысканиях, я спросил:

— В катакомбы?

Он кивнул:

— Там нет... оккупантов этого города. — Звук его голоса почти растворился в плеске реки.

— Когда?

— Завтра. *Vecer*. Поздно. В двадцать один *hodin*[2].

— Мое начальство в институте, пан, — у них может возникнуть ряд вопросов. Возможно, они запретят мне идти на подобную встречу.

---

[1] Бенедиктинский монастырь Эмаузы строился с 1348 по 1372 г.

[2] Час *(чеш.)*.

— И все же она будет ждать. Завтра. Внизу. В двадцать один час.

— Ее имя, пан?

Старик улыбнулся — такие улыбки не забываются.

— Милована[1].

Я повторил про себя имя, снова уловив в морозном воздухе запах имбиря и стружки.

— Если мое начальство согласится, я буду там. Если нет, договоримся о чем-нибудь другом.

Кивнув, Хастрман на миг прикрыл глаза.

— *Dobry den*, пан Хастрман.

— *Dobry vecer*, пан.

Он махнул рукой, словно показывая, что к мосту мы должны пойти поодиночке. Я зашагал, а он остался стоять в сумерках, выделяясь из тени лишь зеленью плаща и серебром волос, кланяясь мне.

На ходу я сунул руки в карманы. Резьба на кольце была на ощупь столь же занятна, как и на вид. Почти не отдавая себя отчета, я погладил крохотные звезды и кометы, а затем осторожно надел перстень на безымянный палец. Когда я взобрался по ступеням, мост был забит машинами и пешеходами.

Моего соглядатая из госбезопасности я не увидел.

Следующий день — воскресенье — я провел в институте.

Доусон отсутствовал, как и большинство ученых.

Якоб наводил порядок в офисах первого этажа.

Так что я получил отличную возможность удостовериться в правдивости истории Хастрмана, роясь в запасниках. Да, под монастырем Эмаузы имелись катакомбы, или, по крайней мере, они были там восемьдесят лет назад: в габсбургском[2] обзоре 1906 года упоминались «романский тупель и остатки древнего зала под храмом Святого Яна на Скале».

---

[1] Milovana — любимая, возлюбленная *(чеш.)*.

[2] Габсбурги — германо-австрийская династия, правившая в Австрии в 1282—1918 гг., в Чехии и Венгрии — в 1526—1918 гг.

Фотография, на которой был изображен храм, демонстрировала его поразительный барочный профиль: шпили-близнецы, похожие на белые шипы.

В соответствии с картой туннели тянулись на юг, под Карлову площадь. Исследование 1962 года не говорило о зале и туннелях, но тогда Советы больше интересовались строениями на севере города, ближе к прокладываемым ими линиям метро. Данное противоречие лишь подтвердило слова Хастрмана о том, что катакомбы служат отличным местом встреч.

Меня встревожила только одна деталь: в обзоре указывалось, что церковь, разбомбленная союзниками во время Второй мировой, так больше и не открылась. Монастырь перешел под эгиду Академии наук, а храм остался выпотрошенным и опустошенным.

Я прилежно скопировал карту в блокнот. Сейчас она стала практически нечитаемой, чернила расплылись, страница покрылась пятнами и вся сморщилась; как и те заметки, которые я сделал в следующие часы, изучая кольцо.

Должен сказать, Лев, что мне не удалось снять его.

После возвращения с острова я пытался стянуть перстень и грубо свинчивая его, и хитростью — при помощи смазки из гостиничных мыла и шампуня, но только содрал кожу. На следующее утро палец раздулся, как сосиска, и хотя приложенный мной лед немного уменьшил опухоль, избавиться от кольца все равно не удалось.

Я решил попытаться снять его попозже — днем.

В блокноте, под описанием узоров, я добавил догадку о происхождении кольца: «Священная Римская империя? Рудольф?»

Я был уверен, что звездно-кометный рисунок — ключ к чему-то, так что углубился в энциклопедию, посвященную ювелирному искусству эпохи римского владычества, пролистал сотни и сотни изображений безвкусных ожерелий, браслетов, брошей, колец, пока, к собственному изумлению, не наткнулся на похожую картинку — цветную гравюру.

Я приложил руку к странице: не отличить!

Кольцо датировалось 1590 годом.

Лев, моих познаний в чешском хватает, чтобы общаться с гостиничными служащими и водителями такси. Я способен разобрать смысл предложения, когда знаю перевод первоисточника, как, например, было со стихами Ярослава Сейферта. Но теперь я не испытывал уверенности в том, что правильно понял значение подписи под гравюрой.

Там, кажется, обсуждался рисунок из звезд и комет — *uzor*, и подразумевалось, что он символичен для астрологической мании Рудольфа, в то время как волнообразные зазубрины олицетворяют Влтаву.

А еще там говорилось о надписи — *napis*, — выгравированной внутри кольца.

Z TB znovu a priliv Deceru Temnoty a Zeme.

С помощью словаря я в конце концов перевел:

ТБ — во веки веков Дочь Земли и Тьмы.

С сомнением перечитав абзац, я заметил маленькое примечание.

Отыскав ссылку в конце книги, я медленно прочел ее, отказываясь верить написанному.

Кольцо, известное как «1590-ТБ», по-видимому, являлось частью *sackomora* императора Рудольфа II.

Во рту у меня пересохло. Шею защекотали мурашки. Пальцы правой руки сами собой сжались в кулак.

Ведь закомора — это легендарное императорское собрание произведений искусства, характеризующих постепенно и неуклонно расшатывающийся разум монарха. Коллекция включала в себя драгоценные камни, картины, часы, астрономические инструменты, а также чучела животных, рептилий, всевозможных уродцев, даже комок глины — говорят, той самой, из которой Яхве вылепил Адама.

Z TB znovu a priliv Deceru Temnoty a Zeme.

Дочь Земли и Тьмы.

И *Z TB*. Для ТБ.

Я встал и отправился на поиски книги, содержащей подробности о закоморе. Нашел три на греческом и одну на английском — издание конца шестидесятых — и отнес ее в свою кабинку для научной работы.

В списке быстро нашелся пункт «1590-ТБ».

Я читал — и не верил своим глазам:

«1590-ТБ: экспонат представляет собой золотой перстень с турмалинами, изысканно детализированный (смотри гравюру). Предположительно принадлежал датскому астроному Тихо Браге. После смерти Браге в 1601 году кольцо перешло в императорскую коллекцию.

Как большинство прочих сокровищ закоморы, экспонат 1590-ТБ предположительно утерян в годы смуты, последовавшие за правлением Рудольфа.

Тихо Браге, по свидетельствам современников, не упоминал о происхождении кольца, хотя, по слухам, оно было подарком. Первый биограф астронома, Ярослав Фиркушный, пишет, что Браге оберегал перстень больше своей самой известной принадлежности — огромного серебряного с золотом носа, который надевал вместо собственного, отрубленного предположительно на дуэли».

Я поднес руку вплотную к библиотечной лампе.

В крохотных завитках звезд я узнал знакомый узор — пояс Ориона[1], а потом разглядел Охотника целиком — над золотой и серебряной зыбью, изображающей волны Влтавы.

«Она узнает тебя по этому», — сказал Хастрман.

Я задумчиво водил пальцем по спиралям узора.

Вещь, принадлежавшая когда-то Тихо Браге, теперь стала моей.

Я обладал осколком истории — причем скорее всего связанным с гробницей в соборе Тына.

Тем вечером, пребывая в странном упрямом настроении, я шагал по Смихову под проливным дождем.

Я нарочно решил прогуляться пешком — в основном чтобы изгнать из головы всякие фантастические мысли.

Я шел под зонтиком, в еще не промокших ботинках, в перчатках, тяжелом плаще, с блокнотом в кармане. Палец

[1] Поясом Ориона называют три звезды из одноименного созвездия, расположенные практически на прямой линии на уровне пояса мифической фигуры Небесного Охотника.

дергало. С новыми силами, порожденными, вероятно, отчаянием, я снова попытался снять кольцо. Безуспешно.

Снег таял. Запах копоти и серы стал еще назойливее. Ореолы освещенных капель окружали фонари, приглушенное эхо колоколов Старе Места металось по узким улочкам и безлюдным пешеходным дорожкам.

Мой агент из госбезопасности не показывался.

Лишь каменные лица взирали на меня сверху.

Я пытался шагать бодро, но под ногами хлюпала слякоть — дождь сделал брусчатку опасно скользкой.

На Зборовской улице, рядом с Влтавой, я поймал такси.

— Костел Эмаузы, *prosim*, — бросил я молодому водителю, оглянувшись на пустой тротуар.

— Эмаузы. *Ano*.

Мы резко сорвались с места.

В тепле на заднем сиденье (вспоминаю любопытную и вроде бы никчемную деталь: радио надрывно вопило «Тенесси-вальс»[1] по-чешски) я привел в порядок мысли, выбирая из этой путаницы разумные и повторяя их. Встречусь с представителем пражского диссидентского сообщества, с этой Милованой. Запишу наш разговор в блокнот. За мной не следят. Я могу в любой момент прервать поездку — и сделаю это, если понадобится.

Самой опасной наверняка станет прогулка по монастырскому комплексу. На поверхность сознания снова выкарабкалась параноидальная мыслишка: а что если встреча подстроена госбезопасностью, чтобы сцапать приезжего «ученого», поймать его с поличным на владении бесценным чешским артефактом, — если госбезопасность действительно следит за мной (тут я кинул взгляд в заднее, залитое дождем окно машины), она наверняка расставит силки, когда я появлюсь на территории монастыря или войду в церковь.

Только внизу, только в катакомбах я смогу сказать себе, что опасность миновала.

Разумные мысли, Лев, всплывали из влажных глубин, где они кружили последние пару часов.

---

[1] Песня в стиле кантри.

В своем гостиничном номере я оставил адресованную Доусону записку, объясняющую, где я и в связи с чем отправился на встречу. Дополнительная страховка — на тот случай, если назавтра я окажусь в кутузке. (В голове назойливо гудело: и почему я не позвонил Доусону? Может, часть меня верила в менее рациональное — в волшебство кольца, этой частицы истории, переданной мне, именно мне?)

В Нове Месте свет фонарей вперемешку с дождевыми струями омывал мощеные улицы. Немногие отважные или безрассудные прохожие, скорчившись под зонтиками, зашмыгивали в местные ресторанчики или выныривали из них.

Вскоре водитель махнул рукой, привлекая мое внимание к чему-то впереди нас.

Из мокрого сумрака вырастали выгнутые шипы шпилей монастыря Эмаузы, серые и призрачные по сравнению с темной громадой храма внизу.

Тут меня скрутил приступ паники, совершенно неоправданный, вызванный — я знал это — кривизной улочек, зыбким мерцанием брусчатки, фонарными столбами, словно склонившими головы под напором ливня, и моим внезапным острым осознанием положения в пространстве Старого города, Старой площади и костела Тына.

Меня охватило чувство, что эти две пары шпилей — ведьмины шляпы и шипы, Эмаузы и Тын — каким-то образом перекликаются в небе — лишь эти две пары среди тысяч шпилей Праги.

Шофер затормозил.

— Нет, едем дальше, — сказал я по-чешски.

Территория Эмаузы казалась пустой, на монастырской земле не было никого, кроме статуй; шумели только падающие капли дождя.

Я сказал себе: если Милована хочет встретиться со мной, мы встретимся на Стрелецком острове. Разве старик не сказал, что там излюбленное место сборищ его группы?

Завтра я стащу с пальца кольцо. И доложу Доусону — все по форме, чин чином. А сегодня вернусь в гостиницу. Или в ресторан при гостинице.

Водитель оглянулся.

— *Kde?* — спросил он. («Куда?»)

И я, поддавшись смене настроения, опять передумал.

Я уже прибыл в Нове Место. Чтобы встретиться с представителем пражского диссидентского сообщества. Я добровольно согласился на эту работу — работу шпиона-академика. Возможно, чтобы хоть чем-то посодействовать приходу в эту часть мира великих демократических перемен.

Так почему бы не рискнуть?

Единственная опасность — пересечение территории Эмаузы.

Потом я сообразил: есть еще один вариант. Еще один способ войти незаметно для любых предполагаемых агентов.

Я вспомнил скопированную мной карту. И снова ощутил укол паники, на этот раз отчего-то даже понравившийся мне.

Похлопав по карману, в котором лежал блокнот, я сказал водителю, где меня высадить.

Несмотря на все зловещие басни, скопившиеся за века, в тот день дом Фауста выглядел простым, малопривлекательным, безвкусно-пышным серо-оранжевым дворцом с округлыми окнами и скошенным веселеньким фасадом. Стоял он на краю заросшего травой поля, бывшего когда-то Скотным рынком.

Дом Фауста — или школа, которой он стал, — казался закрытым. За витражным стеклом фойе тускло маячил неравномерно освещенный зал. Я потянулся к ручке в форме расправившего крылья лебедя, говоря себе, что, если дверь заперта, я вернусь в гостиницу или ресторан. Выпью за разумные мысли и наутро проснусь с легкой головной болью, зато в знакомой реальности.

Но ручка бесшумно повернулась.

Закрыв зонтик, я шагнул внутрь.

Незваный гость, я шел по не такому уж древнему на вид коридору (ну никак не старше ста лет), твердя себе: осмотрю центральный зал, эти холсты в золоченых рамах с изображением Пражского Града и Вацлавской площади,

а потом отправлюсь в отель и буду ждать новых вестей от Хастрмана.

В холле царила тишина. Недавно натертый паркет пах мастикой. За распахнутыми дверями маячили в темных помещениях столы и стулья, расставленные, несомненно, как в академической аудитории — крутым амфитеатром.

Все это до жути противоречило истории дома Фауста. А ведь я брел по зданию XII века, одному из тех, которые, как и большинство исторических памятников Праги, не тронули бомбы Второй мировой войны.

В конце коридора, справа, обнаружилась узкая дверь, помеченная четким графическим символом: звездной россыпью.

И я вошел.

Sklepen — вот как они называются, эти просторные, сводчатые погреба старой Праги.

Я нырнул под каменный косяк, оказавшись в первом из нескольких покоев, спускающихся во тьму.

Вот где скрывалось древнее прошлое дома Фауста.

Я стянул перчатки, сунул их в правый карман, а из левого вытащил фонарик. Яркий луч скользнул по растрескавшимся плитам пола, по груде ящиков, метел и корзин.

В углу громоздилась гора картонки, ощетинившейся бледными отростками.

Фауст, вспомнил я (в основном чтобы отвлечься), не сражался с Мефистофелем здесь, в погребе; скорее, битва велась в мансарде, и незадачливого алхимика унесло через чердак, так что в крыше долгие десятилетия зияла дыра, упрямо не поддававшаяся никакой «штопке».

В следующем помещении оказался работающий бойлер. Я задержался здесь, наслаждаясь ласкающим лицо и руки теплом, почти растормошившим, разбудившим меня. Я чуть не повернул обратно, чуть было не бросился к лестнице, но вместо этого, размышляя о Тыне и тайнах Эмаузы, о Тихо Браге и гробнице, шагнул в следующие покои. В дальнем углу стояли прислоненные к стене черные же-

лезные стержни высотой с меня, пышно украшенные кружевным золотистым орнаментом в стиле эпохи Рудольфа. Громоотводы.

Вдыхая запах старого железа, я остановился, привлеченный сходством узоров на брусьях с узорами на моем кольце. Затем двинулся дальше, под очередную арку, — и наткнулся на старика, сидящего за карточным столиком под голой грушей электролампочки.

Он изумился не меньше меня — застыл с расширившимися глазами, не донеся до рта ложки. У него были совершенно белые брови и гладкий высокий лоб. В синем рабочем комбинезоне он выглядел тощим, как воробей.

Стараясь придать своему голосу успокаивающую мягкость, я сказал:

— *Dobry vecer, Pane,* — и выключил фонарик. — *Mluvit Anglicky?*[1]

После паузы старик кивнул.

— Немного, — слабо пробормотал он.

Я сказал, что я американец, ученый, после чего он, кажется, несколько расслабился — по крайней мере, опустил ложку в тарелку с супом.

Я показал на него пальцем:

— Ты — сторож?

Он встал со стула — раздался резкий скрежет дерева о камень — и махнул рукой в том направлении, откуда я пришел, в сторону лестниц.

— *Prosim.*

— Нет, — я покачал головой, — *kde katakomby?* — Я ткнул пальцем вниз, в пол. — *Katakomby?*

Он прищурился — и окаменел.

Я вытащил блокнот и, быстро пролистав страницы, добрался до перерисованной мной карты. Глаза старика не отрывались от моей правой руки — от кольца.

Морщинистые губы приоткрылись.

Напряженность его взгляда придала мне сил.

---

[1] Добрый вечер, пан. Говорите по-английски? *(чеш.)*

Я пошевелил пальцами:

— Узнаешь?

Он облизал губы:

— *Ano.*

Я показал ему карту, набросок катакомб.

Кивая, он отвернулся от меня и, прихрамывая, двинулся вглубь помещения. Сменив фонарик на блокнот, я проследовал за неожиданным провожатым сквозь еще один склад старых ящиков и бочек в комнату с потолком пониже.

— Tam jsou[1], — показал он. — Туда.

Я снова включил фонарик и посветил поверх плеча старика. Над брусчаткой слегка возвышался серый каменный выступ с дубовой дверью — крышкой люка.

Сторож потянул какой-то болтавшийся над его головой ремень; вспыхнула лампочка, закрепленная на серебряных стилизованных скобах, формой напоминающих пауков. Засов был выполнен в виде выпученного глаза. Створку грубо перечеркивал по диагонали железный прут.

Тут старик, видимо, заколебался, топчась на месте, пока я жестом не велел ему продолжать.

Запор держался на честном слове. Старик поднял громоотвод обеими руками и отложил в сторону. Со штыря посыпался серый прах времени.

Мне пришлось помочь ему поднять крышку. Дерево пронзительно заскрипело, за нашими спинами отозвалось эхо. Я закашлялся от едкой пыли, а секунду спустя ощутил ее острый, сырой запах.

Щербатые каменные ступени вели вниз, исчезая из виду.

Я положил зонтик на землю, вытащил бумажник и извлек из него тысячу крон.

— Подожди.

Слегка дрожащими руками я разорвал купюру пополам и протянул половину сторожу. Затем постучал по циферблату часов, показав на двенадцать.

---

[1] Они там *(чеш.)*.

— До полуночи.

Он вроде бы понял.

Лев, какой мир мне открылся!

Древние ступени винтовой лестницы убегали вниз. Спуск оказался длиннее, чем я ожидал. Сгорбившись, стараясь не касаться ледяных камней, я шел и шел, пока ступени не уткнулись в скользкую, поросшую илом глыбу.

Никаких следов вокруг я не увидел.

Сколько времени прошло с тех пор, как кто-то спускался сюда?

Воздух был спертым, зловонным. Осторожно повернувшись, я обнаружил, что стою в сводчатой пещере, сложенной из древних камней. Если верить карте, отсюда на север тянется сужающийся тушель; и на юг тоже.

Я пошел на юг.

Первые сто шагов проход оставался довольно узким: раскинув руки, я касался обеих стен. Но потом коридор расширился. Влажный ветерок пахнул мне в лицо.

На стенах угадывались заложенные квадратные ниши, и, идя мимо них, я вспоминал легенды о несчастных, замурованных тут заживо.

Слой водорослей под моими ногами утончился. Вскоре я шагал по голому камню.

Все это время я напряженно вслушивался, ожидая уловить голоса. В конце концов, церковь Эмаузы расположена меньше чем в четверти мили от дома Фауста, а здешняя акустика должна усиливать любой звук.

Тропа начала спускаться, пусть уклон и был невелик.

Вскоре мои ботинки хлюпнули в первой луже. Взбаламученная вода, освещенная фонариком, подернулась бликами. Весь пол впереди оказался залит.

Туннель плавно перетек в сводчатые покои, остатки древнего города, пронзенные серыми колоннами.

Вода уже лилась мне в ботинки.

Разбрызгивая ее на ходу, я думал о грозовых тучах, о молниях, бьющих по вознесшимся над Прагой шпилям времен Рудольфа, и о энергии, катящейся сюда, вниз, во тьму,

истощающейся в этих первобытных пространствах, в глуши, о крошечных клочках далеких гроз, угодивших в окружение склизких камней и ила, в пещеры, освещенные сейчас лишь мечущимся лучом моего фонарика. Затем я подумал о каменном лице, глядевшем на меня из дверного проема Тынского храма, и о множестве пражских горгулий и статуй, которые должны были содрогаться, пусть и чуть-чуть, от грома, присоединяясь к этим древним каменным колодцам в чреве земли — нет-нет, уже в недрах храма Эмаузы!

Тут раздался резкий пронзительный звук, трепещущий на высокой ноте, отзывающийся гулким эхом, — звук, внезапно превратившийся в человеческий голос, напевающий — или пародирующий — знакомую мелодию.

«Молитву луне» из «Русалки».

Не в силах остановиться, я двинулся на голос.

Как написать о том, что случилось дальше, чтобы ты не счел меня сумасшедшим?

Считай это сном — или кошмаром.

Я шагал по туннелю — нет, меня влек по нему напев, который мог быть заклинанием, похожим на музыку.

Фонарик мигал, угасая.

Я оказался во тьме. Во тьме, оживленной серебристой рябью.

Я потряс фонарик, открыл его трясущимися неловкими пальцами, поменял батарейки. Загорелся слабый огонек — загорелся и почти сразу потух.

Я крикнул:

— Пан Хастрман?

Громкое эхо резануло по ушам. Затем во мраке, совсем рядом, что-то засияло зеленым, и мерзко пахнуло гнилыми водорослями. Я вскинул руку, заслоняясь от вспышки, и обнаружил, что и свет, и вонь исходят от кольца.

Я попытался — неосознанно, надо полагать, — стряхнуть его. Потом перевел взгляд на то, что обнажило зыбкое зеленоватое сияние: у самой земли, в воде, что-то скрежетало, бряцало, приближаясь ко мне! Сперва смутный силуэт на самой границе зеленого круга и хриплое дыхание.

Милована!

Или, как я перевел позже, — «Возлюбленная».

Она — оно — лежала в воде, блестя чешуей, болезненно дыша, сверкая льстивыми — так мне показалось — глазами с черными вертикальными щелями зрачков. Голова приподнялась — и из лужи показались груди с темными сосками.

Невидимое пока тело существа вибрировало и извивалось под водой.

Дочь Земли и Тьмы. Уже не такая прекрасная, как во времена Тихо Браге.

Я отступил — отпрянул — и споткнулся. Врезался в ледяную воду плечом, подняв фонтан брызг и мгновенно промокнув насквозь. Перстень светился зеленым где-то под вспененной мутью. Под скрежет дыхания подбирающейся ко мне Милованы я выдернул руку из воды.

И...

...взгляд мой упал на это существо, предвестие преисподней Босха...

Ее зубы, отражающие сияние кольца, были остры, как у мурены. Когти ни в чем не уступали клыкам. Я тряхнул головой, прохрипел: «Нет, нет», оттолкнулся от земли, вскочил, попятился — и задел ботинком кружащуюся в водовороте зеленую ткань — длинный плащ — плащ Хастрмана, и серебристые водоросли на поверхности, его рубаху с высоким воротом, под взирающими на меня снизу вверх блекло-голубыми глазами, которые мерцали под колышущимися спутанными завитками волос.

Я снова споткнулся и рухнул. Еще один мучительно-тоскливый крик Милованы резанул по ушам. Миг до встречи с ее когтями, ее зубами...

И единственный источник света — моего дрожащего зеленого света, — ставший вдруг странно тяжелым, нырнул на дно. Секунда — и на поверхность всплыли два пальца.

Боль была далекой. Значение имел лишь скорбный крик русалки. Он преследовал меня, бегущего, истекающего кровью, во тьме, становясь слабее, сливаясь с плеском Влтавы, с сумасшедшим топотом моих ботинок по камням и глухим

стуком моих коленей, ударившихся о ступени лестницы под домом Фауста.

— *Vodnik*[1], — прошептал смотритель здания.

Он обмотал мою руку какой-то тряпкой, затянул потуже и, когда ручеек крови иссяк, вернулся к люку, с усилием захлопнул его и заложил железным штырем.

В последующие годы я честно пытался обмануть себя.

Доусон, организовавший мне быстрое, абсолютно конфиденциальное лечение, никогда не верил в «состряпанную» мной историю, ту же самую, которую я позже рассказал Женевьеве, а еще позже — Маргарет. В пражском аэропорту я легко прошел таможню, так и не увидев своего агента госбезопасности; возможно, его и не было вовсе.

Я уже начал сомневаться в том, чему стал свидетелем.

Это было начало процесса. Я замуровывал память, закладывая ее кирпичами здравомыслия так же надежно, как закладывались катакомбы Нова Места.

Помню, как гостил у тебя дома и как, показывая Эрлу альбом моей матери с репродукциями Фра Анджелико, Питера Брейгеля Старшего и Босха, ощущал смутную тревогу, приписывая ее детским кошмарам.

В 1994 году, когда сопрано Габриэла Березкова утонула во Влтаве в возрасте тридцати шести лет, я сумел оттолкнуть беспокойные мысли. В 1996-м, когда на Эльбе, в Саксонии, погибла Маргарет, я согласился с официальной версией, — мол, экскурсионная лодка напоролась на какие-то скалы и те же скалы стали причиной ужасных ран на теле моей жены, единственной из всех утонувших пассажиров. Это произошло в ста милях к северу от Праги, неподалеку от того места, где Эльба сливается со Влтавой.

В 2002-м, во время наводнения, когда разлившаяся Влтава затопляла берега, я увидел в новостях Си-эн-эн Стрелецкий остров.

---

[1] Водяной *(чеш.)*.

Той ночью мне приснилась окаймленная дубами тропинка, потерявшаяся под катящимися волнами, моя Русалка и ее Водяной, грациозно плывущие по течению под мостом Легии, взирая из-под раздробленной дождевыми каплями глади на человеческие лица, слепо глядящие вниз.

На следующий день я откопал свой размокший блокнот и впервые за годы беспристрастно перечитал записи. И начал восстанавливать события.

Именно я, Лев,— теперь я в этом уверен — разжег в Эрле интерес к Праге.

Истории, которые я рассказывал в тот зимний день о Русалке и Водяном, остались с ним, я знаю, как и воспоминания о картинах. И они — как это случилось и со мной — повлияли, пусть и невольно, пусть и исподволь, на его выбор. Он занялся изучением истории Средних веков.

Из газетной статьи я узнал, что в своем последнем электронном письме, посланном из кафе возле Тына, он сообщил о том, что планирует побродить по берегу и исследовать Новый город так же тщательно, как Старый.

Три недели назад, всего через пару дней после того, как Элизабет написала мне об исчезновении Эрла, я получил посылку, что любопытно — из Праги.

Возможно, ты, мучимый нетерпением, уже открыл пакет. Если нет — сделай это сейчас.

Кольцо потускнело, я помню его еще блестящим.

Лев, изучи надпись и символы сам. И попроси своих приятелей из полиции проверить красноватую патину на перстне. Она выглядит слишком свежей, чтобы быть моей кровью.

К тому времени, когда ты получишь письмо, меня уже тут не будет.

Милована ждет.

Ты должен удержать Элизабет дома: не позволяй ей отправляться на поиски брата.

Милована ждет.

Не думаю, что Женевьева поверит в мой рассказ. Возможно, не поверишь и ты.

У тебя, без сомнения, возникнут вопросы.

Но меня не будет здесь, чтобы ответить на них.

С величайшим сожалением и грустью,

Стивен.

КЭРОЛ ЭМШВИЛЛЕР

Я живу с тобой, и ты не знаешь об этом

Кэрол Эмшвиллер родилась в Анн-Арборе, штат Мичиган. Выросла во Франции, где ее отец преподавал лингвистику. Сейчас Кэрол живет в Нью-Йорке и ведет курс писательского мастерства в Школе дополнительного обучения при Нью-Йоркском университете. Много лет она была замужем за известным художником-фантастом Эдом Эмшвиллером («Эмш»).

Кэрол начала свою писательскую карьеру в тридцать лет. Свой первый роман «Пес Кармен» («Carmen dog») она опубликовала лишь в 1988 году. За ним последовали такие работы, как «Восход Венеры» («Venus Rising»), «Ледойт» («Ledoyt»), «Холм прыгуна» («Leaping Man Hill»), номинированная на премию «Небьюла» «Лошадь» («The Mount») и роман для юношества «Мистер Бутс» («Mister Boots»). Знаменитые фантастические рассказы Эмшвиллер выходили в сборниках «Приближение к разумному» («Verging on the Pertinent»), «Начало конца этого всего и другие рассказы» («The Start of the End of It All and Other Stories») (лауреат Всемирной премии фэнтези), «Радость общего дела» («Joy in Our Cause: Short Stories»), «Репортаж для мужского клуба» («Report to the Men's Club: Stories»).

Представленный ниже рассказ, завоевавший премию «Небьюла», дал название последнему сборнику писательницы «Я живу с тобой». Начиная с середины 1960-х произведения Эмшвиллер регулярно печатаются в различных антологиях, однако обладательница Всемирной премии фэнтези (2005) за вклад в развитие жанра признается: «Впервые мой рассказ публикуется в антологии ужасов. Никогда бы не подумала, что такое случится».

Я живу в твоем доме. И ты не знаешь об этом. Я ем твою еду. Ты удивляешься, куда она исчезает, куда пропадают твои очки и карандаши, что случилось с твоей лучшей блузкой (у тебя тот же размер одежды, что и у меня, поэтому я здесь) и каким образом твои ключи попадают на

прикроватный столик вместо тумбочки в прихожей, на которую ты всегда кладешь их. Ведь ты так аккуратна...

Я складываю грязные тарелки в раковину. Валяюсь на твоей кровати, пока ты на работе, и оставляю постель в беспорядке. Ты каждый раз думаешь, что не могла не заправить ее с утра, и ты действительно всегда ее заправляешь.

Я увидела тебя впервые, когда ютилась в книжном магазине. К тому времени я уже устала жить там, где не было никакой еды, кроме булочек в буфете. Несмотря на это, мне нравилось тогда мое житье: книги, музыка... я ничего не краду. Куда бы я отнесла то, что мне приглянулось? Не крала я и раньше, даже когда жила в универмаге. Я ушла оттуда в своей старой одежде, хотя по ночам часто надевала новые вещи, которые висели на вешалках. Когда я уходила в своем тряпье, то заметила, что персонал с облегчением смотрит вслед такому неопрятному посетителю. Они удивлялись, как я в таком виде вообще смогла попасть в магазин. Честно говоря, меня заметил только один человек. Меня вообще трудно заметить.

А потом я увидела в книжном магазине тебя: ты носишь тот же размер, что и я, и даже внешне мы похожи. И ты так же незаметна, как и я. Тебя никто не видит, как никто никогда не видит меня.

Я отправилась к тебе домой — в милый домик на краю города. Если бы я носила твою одежду, я могла бы выходить из дому, и любой подумал бы, что я — это ты. Я размышляла над тем, как попасть в дом. Думала, что придется влезть через окно глубокой ночью.

Но все оказалось куда проще. Окно не понадобилось. Я вошла в дверь следом за тобой, слегка пригнувшись и стараясь двигаться бесшумно. Ты ничего не заметила.

Ну вот я и внутри! Я прячусь в стенном шкафу.

У тебя есть кот. Иначе и быть не могло. На твоем месте я бы тоже держала кота.

Первые несколько дней проходят чудесно. Твоя одежда мне нравится. Я нравлюсь твоему коту, похоже, больше,

чем ты. Я сразу же нахожу себе местечко на чердаке. Здесь достаточно места, но я по привычке чуть горблюсь. Впрочем, как и ты.

Чердак узкий и длинный, с маленькими окошками по бокам. В одно из них видно верхушку дерева. Мне кажется, это яблоня. Если бы сейчас стояла осень, наверное, можно было бы дотянуться из окна до ветки и сорвать яблоко. Я унесла на чердак твое стеганое одеяло. Ты выглядела озадаченной, после того как из гостиной исчез коврик. Я рассмеялась, когда ты сменила замки, и тотчас же забрала фотографию с каминной полки. Фото твоей матушки, надо полагать. Мне хотелось, чтобы ты обратила внимание на то, что фотография исчезла, но ты так и не заметила.

Я забрала наверх скамеечку для ног. Унесла, одну за другой, четыре подушки. Я беру журналы прямо из почтового ящика, не дав тебе возможности прочитать их.

Что я делаю весь день? Все, что хочу: танцую, пою, слушаю радио, смотрю телевизор.

Когда ты дома, я спускаюсь вечером в холл и наблюдаю, как ты смотришь телевизор в гостиной.

Я мою голову твоим шампунем. Однажды, когда ты пришла домой раньше обычного, я еще мылась в душе. Пришлось спрятаться в стенном шкафу, среди простыней. Я смотрела, как ты с удивлением находишь в ванной мокрое полотенце и разлитый шампунь.

Ты беспокоишься и думаешь: «Я слышала странные звуки всю неделю». Ты считаешь, что находишься в опасности, хотя изо всех сил стараешься отогнать эту навязчивую мысль. Ты говоришь себе, что это кот, но в глубине души знаешь, что кот здесь ни при чем.

Ты привинчиваешь задвижку на дверь спальни, чтобы запираться изнутри.

Недавно я оставила на диване открытую книгу и подушку с отпечатком головы. Даже выдернула несколько седых волос и положила их на подушку. Не убрала с кухонного стола бокал с недопитым вином и остатки пиццы (я сама

заказала ее и оплатила мелочью из твоей копилки, хотя я знаю, где ты хранишь сбережения покрупнее). Бросила твои трусики, которые я носила, на пол в ванной, грязные носки — под кровать, а бюстгальтер закинула на вешалку для полотенец.

Я перевела все часы в доме на пятнадцать минут назад, а твой будильник поставила на четыре утра. Спрятала твои очки для чтения. Отрезала от кофт все пуговицы и положила их в копилку вместо монет. А монеты сунула в коробку для пуговиц.

Обычно я стараюсь не пуметь по ночам, но я так устала от твоей маленькой серой жизни! В книжном магазине каждый день происходило что-то интересное. Ты же все время смотришь одни и те же передачи. Ходишь на работу. Зарабатываешь достаточно много денег (я просматриваю банковские счета), но на что ты можешь их потратить? Я хочу превратить твою жизнь в нечто более достойное моего наблюдения.

Я начинаю на своем чердачке стучать, топать, тяжело вздыхать и подвывать (в любом случае мне уже давно хочется выть от такой скучной жизни). Может быть, мне удастся найти тебе мужчину.

Я куплю тебе новую одежду и выкину всю старую, так что тебе придется носить то, что выбрала я. Новые вещи будут красными и оранжевыми, в полоску и горошек. Когда я займусь тобой, ты станешь настоящей... ну или хотя бы чуть менее скучной. Люди начнут замечать тебя.

Теперь ты вздыхаешь точно так же, как и я, и думаешь: «Этого не может быть. Что это за страшные звуки на чердаке? Я ни за что не пойду туда одна, но кого попросить сходить на чердак вместе со мной?» (Насколько я знаю, у тебя нет друзей. В этом мы похожи.)

В понедельник ты уходишь на работу в ворсистом зеленом свитере и красных кожаных брюках. Ты потратила кучу времени, чтобы найти в своем гардеробе одежду без полосок, крупных цветов или горошин.

Я смотрю на тебя из окна кухни. Разогреваю недопитый тобой кофе. Делаю гренки и расходую все масло. А ты думаешь, что масла должно хватит еще на несколько дней.

Ты едва не обнаружила меня, когда я однажды вернулась домой с покупками чуть позднее, чем обычно. Пришлось прятаться за шторой. Мои ноги были видны снизу, но ты не заметила.

Однажды ты увидела, как я пряталась в шкаф, но не осмелилась открыть его, поспешила подняться в спальню и запереть дверь. В тот вечер ты больше не спускалась в гостиную и осталась без ужина. А я всю ночь смотрела телевизор. Любые программы, какие только захочу.

Я поставила на твою дверь еще одну задвижку, но снаружи. На всякий случай. Она привинчена довольно высоко, ты вряд ли заметишь. Думаю, задвижка мне пригодится.

(Кружевное белье, порножурналы, улитки и копченые устрицы. Ни я, ни ты их не любим. Но все, что я покупаю на твои деньги, я покупаю для тебя. Я ничего не краду.)

Как можно встречать Рождество в полном одиночестве? Ты слишком одинока для нас обеих. Ты заворачиваешь пустые коробки в красивую бумагу, пытаясь изобразить рождественские подарки и создать атмосферу праздника. Покупаешь маленькую ель. Она искусственная и продается в комплекте с гирляндами. Огоньки зажигаются и гаснут по очереди. Мы с кошкой спускаемся в гостиную, чтобы подремать возле них.

Довольно. Я хочу найти тебе мужчину. Я просмотрела брачные объявления, написала письма кандидатам, но по пути на почту вдруг кое-кого увидела. Он прихрамывает и раскачивается из стороны в сторону. (Мне кажется, это воспаление седалищного нерва или артрит.) Ему давно пора постричься и побриться. На нем старый клетчатый пиджак и брюки с оттянутыми коленями. У этого человека вид деревенского простофили. Никто сейчас не носит такие пиджаки в клетку.

Я иду рядом с ним. Смотрю, как он заходит в маленькую квартирку над гаражом. Это недалеко от нашего дома.

Наверняка в его квартире всего одна комната. Я ни за что не смогу пробраться туда незамеченной.

Он старше тебя и похож на родственника из провинции, этакого деревенского дядюшку. Подойдет ли он для той роли, которую я ему приготовила?

На следующий день я слежу за ним в продуктовом магазине. Как и мы, он покупает стандартный для одиноких людей набор продуктов: два яблока, помидор, печенье, овсяные хлопья. Набор бедняка. Я встаю за ним в очередь к кассе. Намеренно толкаю его, когда он расплачивается, и заглядываю в его бумажник. Там ровно столько денег, сколько необходимо, чтобы оплатить покупку. У него нет ни гроша, если не считать копеечной сдачи. Я даже готова дать ему немного денег, если вдруг не хватит.

Он такой уродливый, хромой... Идеально.

Незачем идти к нему домой, но мне хочется. Это важно. Мне необходимо выяснить, кто он такой.

Я открываю его замок с помощью нашей кредитки.

Ну и бардак! За ним должен приглядывать кто-то вроде нас. Его кровать завалена одеялами. Комната плохо отапливается. В ванной вместо двери — занавеска. Там нет ни ванны, ни душа. Я открываю краны: из горячего течет холодная вода, из холодного — тоже. На кухне имеется только старая плита. Холодильника нет. На окнах нет занавесок. Я могла бы вскарабкаться к окну и наблюдать за ним снаружи.

Здесь нет никаких фотографий из путешествий. Ни одной фотографии родственников. Ничто здесь не напоминает о друзьях, как и в нашем доме. Вы созданы друг для друга.

Может, показать ему, что я была здесь? В этот раз мне не хочется дурачиться. К тому же в квартире такой беспорядок, что он вряд ли заметит.

Холодно. Я не снимаю пальто. Делаю себе чашку чая (без лимона и молока, конечно,— их здесь нет). Сажусь в его единственное кресло дурацкой зеленой расцветки. Вся мебель

этого типа как будто подобрана на помойке, а прикроватная тумбочка напоминает ящик для фруктов. Прихлебывая чай, я просматриваю его журналы. Похоже, они уже побывали в чьем-то мусорном ведре. Я дрожу от холода. (Неудивительно, что его нет дома. И теперь понятно, почему он не бреется. Ведь каждый раз приходится греть воду на плите.)

Ему нужна кошка. Нужен кто-то, кто спал бы на его груди, согревая его, как твой кот согревает меня.

У меня с собой наши покупки из продуктового магазина. Я кладу два апельсина и пышку на тарелку рядом с плитой, оставляю немного денег, записку с нашим адресом и следующим текстом: «Приходите на Рождество. В два часа. На мне будут красные кожаные брюки. Ваша соседка Нора». Но кто именно из нас наденет красные брюки, я еще не решила.

Я прибираюсь немного, но так, чтобы он заметил, если он наблюдателен. Впрочем, люди видят только грязь и никогда не замечают, что она убрана.

По пути домой я встречаю тебя. Ты идешь и смотришь прямо на меня. На мне твой зеленый свитер и черные брюки. Мы смотрим друг на друга, твои карие глаза встречаются с моими... Единственное наше отличие в том, что твои волосы убраны назад, а мои распущены и падают на лицо. Ты проходишь мимо, и я оборачиваюсь. Ты — нет. Я посмеиваюсь над тем, что тебе приходится надевать эти красные брюки с блузкой в черную и белую полоску.

Он слишком робок и не уверен в себе, чтобы прийти. Он стесняется хромать на людях и стыдится своей бедности. Хотя если его напугало мое вторжение в его жилище, то он придет. Наверняка он захочет узнать, кто такая Нора и настоящий ли адрес указан в записке. Предлогом станет благодарность за деньги и угощение. Возможно, он даже захочет их вернуть. А вдруг он один из тех богачей, которые только притворяются бедняками? Эх, нужно было мне поискать у него деньги или банковские счета! Займусь этим в следующий раз.

Звонят в дверь. Кто еще может быть, кроме него?
Ты открываешь.

— Вы Нора?

— Да.

— Я хотел бы поблагодарить вас.

Я знала. Я предполагала, что он захочет вернуть деньги, с надеждой на утешение.

— Но я хотел бы вернуть ваши деньги. Это было очень мило с вашей стороны, но они мне не нужны.

Ты не знаешь, что ответить. Ты подозреваешь, что все это устроила я. Что я опять усложнила тебе жизнь. Ты не знаешь, что делать. Он выглядит безобидным, но это невозможно знать заранее. Тебе хочется поквитаться со мной. Ведь ты считаешь, что если он опасен для тебя, то он опасен и для нас обеих. Поэтому ты приглашаешь его войти. Прихрамывая, он перемещается в твою гостиную. Ты усаживаешь его, предлагаешь чай. Тянешь время.

У него в руке все еще зажаты деньги. Он кладет их на журнальный столик.

Ты не знаешь, твои ли это деньги и как они попали к нему.

— Нет, нет, я не могу их принять... Где вы их взяли?

— Я нашел деньги у себя в комнате вместе с запиской от вас. Там был ваш адрес. Вы пригласили меня на Рождество.

Ты гадаешь, что нужно сделать, чтобы досадить мне. Пригласить его на ужин? Маловероятно. Ведь ты приготовила ужин только для себя и знаешь, что я знаю об этом.

— Кто-то подшутил надо мной. Как насчет чая?

Тебе нужно как-то помочь, поэтому я толкаю тебя в холле, когда ты несешь поднос с чашками в гостиную. Все падает и разбивается. Это плохо. Ведь ты достала лучшие свои фарфоровые чашки, несмотря на то что этот мужчина выглядит не слишком привлекательно.

Конечно, он вскакивает и, прихрамывая, спешит на помощь. Ты говоришь, что сейчас принесешь еще. Он просит тебя не беспокоиться. Вы вместе идете на кухню. Я иду за вами. Крадучись, скользящей походкой. Кот идет следом. Вы оба носите очки с толстыми стеклами. Я надеюсь, что вы меня не заметите, и прячусь под стол. Он кладет осколки чашек на стол. Ты достаешь еще две.

— Они слишком хорошие, — говорит он.

— Они достались мне от матери.

— Не нужно доставать розентальский фарфор только ради меня.

Кот запрыгивает на стол, и ты прогоняешь его. Неудивительно, что ко мне он привязан больше, чем к тебе. Я всегда разрешаю ему ходить там, где вздумается, и даже по столу.

Ты смотришь на нашего мужчину — изучаешь его крючковатый нос. Сейчас ты обнаружила то, что ни я, ни ты не замечали раньше: кольцо с большим камнем. Похоже на кольцо с эмблемой какого-то университета. Ты постепенно меняешь свое мнение об этом человеке, так же как и я.

Он слишком хорош для тебя. Возможно, он больше подходит мне...

Мы все втроем очень похожи. Когда ты утром выходишь из дому, ты прежде проверяешь, нет ли за дверью кого-то, кому придется говорить «доброе утро».

Но сейчас вы разговариваете. Ты думаешь. Ты спрашиваешь. Ты интересуешься. Ты смотришь на свою полосатую блузку и жалеешь, что сейчас не можешь надеть привычную одежду. Я сижу под столом в твоей коричневой блузке с бледным узором в виде опавших листьев. Выгляжу как старая сморщенная сумка, которую закинули под стол и забыли там. Кот мурлычет рядом. Двум одиноким людям, живущим в мире своих фантазий, не нужно много времени, чтобы обнаружить друг в друге то, чего нет на самом деле.

Вы ждали друг друга всю жизнь. Вы уже почти произнесли это. Кстати, у него было бы неплохое жилье, если бы... если бы из этого что-то получилось.

Я вспоминаю о черном кружевном белье. О розовой шелковой сорочке. Как только у меня появится возможность, я отправлюсь за ними наверх. Они могут мне пригодиться.

Как продвигается дело? Вы оживленно беседуете. Вернее, ты беседуешь, а он больше молчит. Возможно, один взгляд на ночную рубашку — и дело сдвинется с мертвой точки, но это будет попозже. Хотя, с другой стороны...

Я осторожно придвигаюсь к полке за моей спиной и вытаскиваю бутылку хереса. (Пусть думают, что это кто-то из них двоих достал бутылку.)

Вы так и думаете.

Ты ставишь на стол бокалы для вина и то, что ты приготовила, и говоришь, что разделишь свой ужин на две части. Это фаршированная индейка. Ты зажарила ее специально на Рождество. Конечно, он отказывается и просить тебя съесть все самой, но ты отвечаешь, что не можешь этого сделать ни в коем случае, и в конце концов индейка поделена.

Мне тоже хочется есть. Если бы ты была одна, я бы украла несколько кусочков, но индейки слишком мало и для вас двоих. Придется мне подкрепиться чем-нибудь другим.

Вы быстро пьянеете. Вам нужно мало для того, чтобы захмелеть. Ты почти никогда не пьешь спиртного, да и он, похоже, тоже. Мне кажется, ты хочешь напиться. Ты хочешь, чтобы что-то произошло, и я тоже этого хочу.

Улучив момент, я иногда делаю глоток из бокала. На голодный желудок херес пьянит еще быстрее. Я почти засыпаю под ваши монотонные разговоры.

Но ты уже поднимаешься наверх. Я выползаю из-под стола и поднимаюсь по лестнице следом за тобой. Я так же шатаюсь, как и ты. На самом деле я шатаюсь сильнее. Все втроем мы заходим к тебе в спальню. И кот тоже. Ты запираешь дверь на замок. Он спрашивает:

— Зачем?

— Не могу сказать... Я скажу тебе позже.

(Ты права, сейчас не время для разговоров обо мне.)

Прежде всего я вытаскиваю из шкафа нашу сексуальную сорочку, забираюсь под кровать и надеваю ее. Ее не так-то просто натянуть, согнувшись в три погибели. На несколько минут я теряю нить вашего разговора. Я причесываю волосы так, как носишь ты, откинув их со лба. Мне приходится делать это пальцами и без зеркала, поэтому я не уверена, что получилось хорошо. Я щиплю свои щеки и кусаю губы, чтобы они стали краснее.

Кот мурлычет.

Я нагибаюсь, чтобы посмотреть, что происходит. Ничего такого. Даже пьяный, он выглядит застенчивым. Неопытным. Не думаю, что он успел стать чьим-нибудь дедулей. (Ни у кого из нас нет родственников.)

Ты выглядишь так, будто сейчас отключишься. О, ты близка к этому. Сейчас самое время появиться мне.

Я выползаю из-под кровати и смотрюсь в зеркало. На голове беспорядок, но я хорошо выгляжу в этой шелковой ночнушке. Лучше, чем ты в красных брюках и полосатой рубашке. Гораздо лучше.

Я исполняю короткий эротический танец. И говорю:

— Она не Нора. Нора — это я. Я написала тебе эту записку.

Ты садишься. Ты притворялась, что сильно пьяна. Сейчас ты думаешь: «Теперь я вижу, кто ты! Теперь я тебя поймаю!» Но ты не поймаешь. Я поглаживаю кота. Многообещающе. Он мурлычет. Я тоже мурлычу. Соблазнительно.

Я вижу, как загораются его глаза. Сейчас что-то будет.

Я говорю:

— Я даже не знаю твоего имени.

— Уиллард.

Я выигрываю в его глазах по сравнению с тобой, потому что я спросила его имя, а ты нет. Ты говорила без умолку, но забыла поинтересоваться, как его зовут. Ты скатываешься на пол и прячешься под кровать. Ты выглядишь пристыженной и изумленной. Ты думаешь: «Как я вообще могла попасть в такую ситуацию и что делать сейчас?» Но я знаю, что делать. Я даю тебе пинка и пихаю в руки кота.

Уиллард слегка смущен. Но напряжен и весь в ожидании, еще сильнее, чем раньше. Ему нравится ночнушка, и он говорит об этом.

Я дарю ему многозначительный взгляд. Эти косматые брови с множеством седых волосков... Я помогаю ему снять рубашку. Мне не слишком нравится его грудь. Но у него красивый плоский живот (его живот понравился мне с самого начала, когда я впервые увидела его ковыляющим по улице). Я смотрю в его серо-зелено-карие глаза. Как насчет «Я люблю тебя»? И я спрашиваю его:

— Как насчет «Я люблю тебя»?

Это останавливает Уилларда. Я вовсе не хотела этого делать. Я хотела устроить Норе хорошее шоу. Конечно, еще слишком рано для подобного рода признаний.

— Я беру эти слова обратно, — говорю я.

Поздно. Он уже натягивает рубашку. (Это нарядная белая рубашка. Он даже надел запонки с гравировкой «WT»[1])

Неужели все кончено? Я хватаю кота и выскакиваю из комнаты. Захлопываю дверь, закрываю ее на задвижку. Затем нагибаюсь и смотрю в замочную скважину. Мне хорошо видно почти всю кровать.

Посмотрите-ка, его руки... ни с того ни с сего... на ее теле, причем на правильных местах. Он знает, что делать. Может быть, он уже успел стать чьим-то дедушкой. А ты... ты испытываешь чувства, от которых выгибается спина.

Он говорит, что любит тебя. Сейчас он произносит это. Он не различает нас с тобой. Он полюбит все, что попадется на его пути.

Я добилась того, чего хотела... интересного представления для собственного развлечения...

На самом деле мне удастся увидеть не много, только его спину и твою спину, затем его спину и опять твою. Пока мы все втроем не выдыхаемся.

Я иду вниз... Мне нравится носить эту сорочку. Я в ней такая гладкая и приятная на ощупь.

Я делаю себе сандвич с кокосовым маслом. После еды чувствую себя лучше. Все хорошо.

Я могу оставить тебе молоко и булочки. Принести их в спальню, пока вы спите, а затем снова запереть дверь. Но я не уверена, что щеколда удержит двух людей, которые действительно захотят выйти.

Я представляю, как бы вы жили со мной у меня на чердаке. Он выше, чем мы, ему бы там не понравилось. Я размышляю о твоей работе на заводе по производству

[1] WT (white tie) — букв. «белый галстук» (*англ.*). Традиционная английская аббревиатура, обозначающая парадный дресс-код для мужчин.

мороженого: ты раскрываешь упаковки, чтобы положить в них брикеты. Я бы не была против такой работы. Сидишь и мечтаешь дни напролет. Я видела тебя. Ты редко говоришь с кем-то.

Я думаю о том, как бы ты смогла доказать, что ты — это ты. Ты пойдешь в полицию. Ты скажешь им, что ты — это ты, а они засмеются. Твоя одежда не похожа на ту, что ты обычно носишь. Они скажут, что женщина, которая живет здесь все это время, носит одежду серых тонов. Ты жила в своем замкнутом мире. Если бы у тебя были друзья, все было бы по-другому. Кроме того, я могу раскрывать упаковки для мороженого не хуже, чем ты. Приходилось делать это в прошлом, прежде чем я бросила все ради легкой жизни. Но я не буду жестокой. И никогда не была жестокой. Я позволю тебе жить на чердаке столько, сколько ты пожелаешь.

Твоя мечта — это Уиллард. Вернее, кое-что, что есть у Уилларда, в первую очередь его глаза. И конечно, эти изящные тонкие руки и большое золотое кольцо. Ты потом спросишь, откуда у него это кольцо.

Или одна из нас спросит.

Затем я слышу удары. И через некоторое время — звук ломающейся двери. Они открыли дверь. Она раскололась там, где была привинчена задвижка. Если бы я прикрутила ее посредине, а не сверху, дверь продержалась бы дольше.

К тому моменту, когда ломается дверь, я уже стою рядом, наблюдая. Они бегут вниз, не замечая меня.

Я смотрю в окно. Он быстро уходит, засовывая руку в рукав пальто, и это не тот рукав. В другой руке он сжимает брюки. Ему приходится поплотнее завернуться в свое длинное пальто. Чем ты так огорчила его?

Я открываю окно и кричу: «Уиллард!» — но он не слышит или не хочет слышать. Он пытается сбежать? От тебя или от меня?

Чем ты могла так напугать его? Все ведь было прекрасно, когда я ушла поесть. Может быть, его испугало то, что его заперли? Или ты велела ему убираться и никогда больше не приходить сюда, вывернув ему пальто и брюки? Или

он думает, что ты — это я, и он влюбился в меня, несмотря на то что признался в любви тебе. Как и большинство мужчин, он не хочет брать на себя какие-либо обязательства.

А вот и ты, бежишь вслед за ним. В отличие от него, твое пальто надето правильно. Теперь ты кричишь «Уиллард!»

Ты никогда не сделала бы этого раньше. Ты изменилась. Тебе сейчас любой уступит дорогу. У тебя разъяренный вид. Твои глаза сверкают. В них — слезы. Люди отступят на край тротуара, чтобы дать тебе пройти. Я хотела бы, чтобы мы жили, как раньше, но ты начнешь расставлять ловушки. Я буду спотыкаться о проволоку. Падать с лестницы посреди ночи. Ты спрячешь все деньги. Ты поставишь замок на дверь, ведущую на чердак. Или забаррикадируешь ее шкафом. Никто и не узнает, что там есть дверь.

Я сделала тебя такой, какая ты сейчас, — настоящей. Но ты запрешь меня на чердаке вместе с твоей серой одеждой. С твоими старыми чемоданами. С твоей пылью и темнотой.

Я надеваю свою поношенную одежду, которая была на мне, когда я пришла сюда. Запаковываю сорочку и черное кружевное белье. Выгребаю мелочь из коробки для пуговиц. Я не трогаю твои тайные сбережения — стопку двадцатидолларовых купюр за батареей. Глажу кота. Оставляю кредитку и ключи на журнальном столике. И ухожу. Я ничего не краду.

ПИТЕР ЭТКИНС

Поверенный кубиста

Питер Эткинс — уроженец Ливерпуля, уже четырнадцать лет проживающий в Лос-Анджелесе.

Эткинс является автором романов «Утренняя звезда» («Morningstar») и «Удар грома» («Big Thunder»), а также сборника «Исполнитель желаний и другие рассказы» («Whishmaster and Other Stories»). Его произведения печатались в «Weird Tales», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Cemetery Dance». Эткинс также пишет для телевидения и театра, но, пожалуй, самую большую известность он приобрел благодаря своему вкладу в кинематографию — сценариям для серии фильмов «Восставшие из ада» («Hellraiser») и «Исполнитель желаний» («Wishmaster»).

Не так давно Эткинс выпустил серию эссе в сборниках «Хоррор. Еще 100 лучших книг» («Horror: Another 100 Best Books») и «Киноужастики» («Cinema Macabre»), а также завершил работу над сценарием для оскароносного режиссера Эррола Морриса.

Глен Хиршберг, Деннис Этчисон и Питер Эткинс организовали ежегодное театрализованное представление, приуроченное ко Дню всех святых, — «Шоу тьмы на колесах» («The Rolling Darkness Revue»). Рассказ «Поверенный кубиста» был написан к гастролям 2005 года и впервые опубликован в издании «Darkness Rising», которое является приложением «Earthling Publications».

«Название этого рассказа явилось мне во сне, — вспоминает Эткинс. — Сам по себе сон был весьма тривиален, но в нем я проходил мимо бара с вывеской „Поверенный кубиста“. Во сне фраза не вызвала у меня удивления, но, проснувшись, я понял, что она весьма интригующая и стоит того, чтобы стать заглавием рассказа».

Дело в том, что Джексону этот тип никогда не нравился. Они и встречались-то лишь однажды. Это случилось пятнадцать лет назад, когда старому мошеннику Анзаллару было, должно быть, уже около восьмидесяти. Габриель Анзаллар присутствовал на званом вечере Дуга Гордона, и даже там, на фоне толпы самовлюбленных воротил шоу-бизнеса, выделялся изрядным самомнением.

Требуя внимания, щедро перемежая свою речь цитатами и поговорками (не просто избитыми, но уже давно позабытыми), Анзаллар вклинивался в разговоры — видит Бог, отменно скучные! — и не давал никому даже слова вставить, буквально разливаясь соловьем. Во времена гигантов живописи он был незначительным художником, но более талантливые и известные товарищи по цеху сделали Анзаллару одолжение и умерли раньше его. И теперь старик оказался в центре внимания просто потому, что пережил их всех. Многие гости нашли это достаточно веской причиной для того, чтобы почтительно толпиться вокруг Анзаллара. Конечно, это не было прикосновением к величию, но хотя бы прикосновением к тому, кто сам с этим величием сталкивался.

Сам Джексон, изрядно заинтересованный рассказами Анзаллара о послевоенном Париже и Нью-Йорке пятидесятых годов столетия, перекинулся со стариком от силы тремя ничего не значащими фразами: отличный вечер, не правда ли? Пробовали ли вы голубятину? И после третьей подобной фразы Анзаллар повернулся к хозяйке дома — анорексичной блондинке, третьей жене Дуга, — и осведомился у нее так, словно выпытывал какой-то особый секрет:

— А чем занимается ваш молодой друг?

Третья жена Дуга Гордона — Джексон едва помнил ее имя — вроде бы Маргарет — была вычурной особой, претендующей на элегантность. Марго — именно так ее звали — замялась на секунду и, словно припоминая, взглянула на Джексона. Он сжалился над ней и ответил сам:

— Я юрист.

— О! — воскликнул Анзаллар. — Юрист!

Это слово он выделил с нелепым изумлением чрезвычайно удивленного человека. Словно Джексон сообщил, что

является изобретателем воды, или силы земного притяжения, или чего-то еще в этом роде.

— У вас есть визитка? — с волнением спросил Анзаллар, словно шанс того, что у Джексона имеются при себе карточки, был ничтожно мал, а от смелости вопроса захватывало дух. Джексон вручил старику визитку, и тут круговорот гостей разлучил их.

За прошедшие с тех пор пятнадцать лет Джексон ни разу не думал о старике. И даже не встречал упоминаний о нем в прессе, пока на прошлой неделе не наткнулся на некролог в «Таймс».

А теперь звонит вдова Анзаллара и просит его в качестве последнего поверенного мужа связаться с наследниками и огласить завещание. Попытки Джексона как-то втолковать ей, что на самом-то деле он никогда не являлся поверенным покойного, ни к чему не привели.

— Послушайте, муж дал мне вашу визитку,— обиженно сказала дама, и Джексон не нашелся что сказать.

Он неожиданно поймал себя на том, что и на самом деле не прочь заняться завещанием. Правда, Джексон так и не понял, с чем связано это желание. Может, просто день выдался скучный. Или не хотелось расстраивать женщину, только что потерявшую мужа. Или же Джексон посчитал, что из всей этой истории получится неплохой рассказ для званого обеда, если она обретет заключительный, третий акт оглашения завещания. Но сейчас, когда перед ним на столе лежал этот самый документ, он очень сожалел, что оказался столь сговорчивым. И еще раз перечел бумаги.

Неужели придется с невозмутимым видом огласить весь этот бред, который и завещанием-то не назовешь?

Хоть в начале Анзаллар и старался использовать юридический слог, но это так и осталось не более чем жалкими потугами дилетанта. Документ скорее напоминал попытку создать произведение искусства, на этот раз не изобразительного, а литературного. Возможно, он решил, что это будет очень остроумно. Джексон же позволил себе не согласиться. Документ был манерно-изысканный и пафосный и мог противостоять нападкам любого юрисконсульта так

же долго, насколько долго можно безнаказанно жевать лезвие бритвы.

Джексон взглянул на настольные часы: пятнадцать часов двадцать девять минут.

С минуту на минуту за щедрыми дарами Анзаллара явятся наследники. Будем надеяться, они не оставили чувство юмора дома.

Словно в ответ на его мысли, в дверях показались бенефициарии[1] и расселись на указанные места. Их было трое, и оказались они абсолютно одинаковыми.

Конечно же, Джексон раньше встречал близнецов и знал о существовании тройняшек, но его здорово потрясло то, что за его столом один и тот же человек вдруг взял и растроился. Интересно, смутился бы он меньше, если бы это произошло — с кем, например? Со страхолюдным жирующим и лысеющим мужиком средних лет? С престарелой мегерой в мехах? Но в его кабинете сидела потрясающе красивая молодая женщина, причем в трех экземплярах!

Они были родными дочерьми Анзаллара, по крайней мере, так сказала вдова, которая сама в завещании не значилась, а потому не пришла. Джексон проникся невольным восхищением к недавно почившему старому шельмецу, который не только обзавелся молодой цыпочкой при наличии жены, но и умудрился ее обрюхатить, и это в семьдесят-то лет, потому что девушкам — девушке, возведенной в куб? — явно не могло быть больше двадцати одного года.

К тому же они были прекрасны. Просто сногсшибательно красивы.

Три сестры с немым вопросом склонили головы набок, и Джексон поймал себя на том, что безмолвно буравит их взглядом уже на протяжении нескольких секунд.

Собрав по возможности весь свой профессионализм, он заговорил вежливым и четким тоном, на котором, к счастью, не отразилось так некстати накатившее вожделение.

---

[1] Бенефициарий (beneficiaries — *лат.*, юрид. термин) — тот, кто получает наследство.

— Спасибо вам всем за то, что пришли, — для начала поблагодарил он. — Позвольте выразить искренние соболезнования по поводу вашей утраты. Меня зовут Айзек Джексон.

— Шиншилла, — представилась первая дочь.

— Диаманта, — сказала вторая.

Джексон ожидал, что и третья из сестер назовет не менее экзотическое имя, но она сказала просто «Сэм».

М-да... Наверное, в «Руководстве по выбору имен для спобов и пижонов» забыли страничку с буквой «С». Ну да ладно. Джексон вежливо им улыбнулся и взял завещание.

Целая страница посвящалась одной-единственной фразе «Пункт первый», выведенной лиловыми чернилами неразборчивым почерком, по-видимому, самим покойным. Следующая страница содержала вышеупомянутый пункт, и Джексон зачел ее вслух так невозмутимо, как будто она была написана человеком, у которого с головой все в порядке.

— «Червям земли и прочим силам, содействующим распаду и тлению, оставляю я все свое имущество. И пусть оно иссушается ветрами, размывается дождями, разрушается от времени, и процесс разложения окажется достойным зрелищем для всех тех, у кого есть глаза, чтобы видеть».

Шиншилла мелодично рассмеялась.

Сэм в восторге хлопнула в ладоши.

— Ох, папочка! — воскликнула Диаманта тем тоном, который обычно употребляют по отношению к озорным, но любимым детям или эпатажным, но обожаемым друзьям.

Джексон почувствовал, что должен прояснить ситуацию.

— Допустим, ваш батюшка намеревался позволить дому и имуществу простаивать и в конце концов сгнить, — начал он. — Несмотря на то что такова его воля, вам, конечно же, необходимо оспорить завещание ввиду того, что...

Тут Шиншилла перебила его:

— Вы хотите сказать, предъявить права на его *дом?*

— И его *вещи?* — спросила Сэм. — *Мне* они не нужны. А *вам?* — обратилась она к сестрам.

— Нет,— ответила Диаманта, а Шиншилла покачала головой.

— Хорошо,— вымолвил Джексон.— Тогда продолжим.

«Пункт второй», который также изобиловал витиеватыми фразами, попусту переводящими бумагу, оглашал завещанное девушкам наследство.

— «Моей дражайшей Диаманте,— отчетливо читал Джексон,— я дарю следующее изречение. Пусть она его использует разумно. Когда поэт и философ Боб Марли говорил: „Ни о чем не волнуйся, любая мелочь уладится", неужели ты думаешь, что он лгал?»

Вот так. Словно извиняясь, Джексон сконфуженно взглянул на Диаманту и с изумлением увидел, что ее глаза увлажнились от слез.

Сэм сжала руку сестры.

— Я так рада за тебя,— сказала Шиншилла, а Диаманта в ответ благодарно кивнула.

Джексон смотрел на них и изо всех сил старался, чтоб лицо не выдало его. Господи! Все три. Прекрасные. Сексуальные. И такие же чокнутые, как и их сумасшедший папаша! Джексон вновь перевел взгляд на завещание.

— «Моей обожаемой Сэм,— продолжал он,— я оставляю день седьмого сентября тысяча девятьсот шестьдесят третьего года таким, каким он был в Нью-Брайтоне, в Англии, между двумя и пятью часами пополудни. Также я дарую ей в полное распоряжение прилагательные *сумеречный* и *допотопный*. Полагаюсь на ее великодушие, благодаря которому она не станет без причины отказывать в законном использовании этих прилагательных и другим».

Сэм казалась столь же восхищенной своей частью наследства, как Диаманта — своей, и все еще тихонько шептала свои прилагательные, когда Джексон обратился к «Пункту третьему».

— «Моей дорогой Шиншилле я завещаю следующую мелодию...»

Тут Джексон замялся. За одним-единственным предложением вверху страницы следовали написанные от руки ноты — восемь тактов. И все.

— Боюсь, что ноты я прочесть не смогу, — сказал Джексон и неуверенно протянул страницу Шиншилле. Та с нетерпением взяла ее и поднесла к лицу, словно желая почувствовать запах. Нет, даже больше того. Казалось, девушка фактически дышит ею. Затем Шиншилла позволила сестрам взглянуть на страничку с нотами.

— Сколь *великодушно!* — воскликнула Сэм, и в ее явном восхищении не было и намека на зависть.

— Вы... Вам известна мелодия? — спросил Джексон, чувствуя себя полным идиотом.

Шиншилла кивнула.

— Это итальянская музыка, — сказала она. — В песне поется об Арлекине, который пришел на берег огромного Соленого озера и сжег все еще бьющееся сердце погибшей возлюбленной.

Ее слова произвели впечатление, и на какое-то время повисло молчание, но тут Диаманта презрительно фыркнула.

— Вовсе нет, — отчеканила она. — Эту мелодию сочинил на папином пианино тот ужасный коротышка из Сидар-Рапидз[1]. Это был рекламный куплет. Для продукции. Метамуцила или чего-то в этом роде.

— Диаманта, ты такая чертовски педантичная, — ответила Шиншилла. — Да я вообще не уверена, что ты моя сестра. Действительно, сомневаюсь в этом.

Шиншилла положила лист обратно на стол Джексона и посмотрела на него.

— Благодарим вас за то, что нашли время встретиться с нами, мистер Джексон, — сказала она. — На этом все?

Джексон и рад был бы покончить с этим делом, но все-таки на секунду замялся:

— Мм... Нет, не совсем. Вопрос несколько щекотливый... — Он опустил взгляд на последнюю страницу завещания. — Я просто зачту последний «Пункт», хорошо?

— Будьте так любезны, — подбодрила его Сэм.

Джексон прочистил горло:

---

[1] Сидар-Рапидз — город в штате Айова, США.

— «За оказанные услуги я завещаю Айзеку Джексону подарок, который передадут ему в указанном моими дочерьми месте в надлежащее время».

На мгновение повисла тишина. Шиншилла и Сэм обменялись взглядами, затем первая вновь взглянула на Джексона.

— О да. Да, — подтвердила она. — Мы поняли. Я с вами свяжусь.

Казалось, ее настроение безнадежно испорчено давешним разногласием с Диамантой. Не то чтобы она выглядела грустной или раздраженной, вовсе нет. Скорее растерянной. Она встала и жестом велела сестрам сделать то же.

Джексон тоже поднялся, собрал все листы завещания Анзаллара и сложил в папку. Сэм пожала ему руку. Диаманта тоже. Вдвоем они направились к двери, а Шиншилла осталась стоять у стола Джексона. После того как они в свою очередь обменялись рукопожатиями и девушка вновь повторила слова благодарности, юрист кивнул на папку:

— Формально страница с нотами мелодии является вашим наследством. Вашей физической собственностью. Если вы позволите мне отснять копию для документов, то вы сможете забрать ее прямо сейчас.

— Незачем.

— Хорошо. Как скажете. Между прочим, хочу обратить ваше внимание на то, что коль скоро ваша сестра права, то вы являетесь обладательницей лишь листа бумаги. С мелодией вы ничего сделать не можете. В коммерческом плане, я хочу сказать. Авторское право принадлежит композитору или его издателю.

Шиншилла мягко улыбнулась Джексону.

— Вы неправильно поняли, — проговорила она. — Отец не оставлял мне авторских прав. А также не оставлял этот лист бумаги. Он дал мне саму мелодию.

Девушка наклонилась к нему и шепнула на ухо:

— И с ее помощью я смогу отомкнуть мир.

Джексон сбросил скорость своей «мазерати» до семидесяти миль в час и перешел на круиз-контроль. Дорога была

настолько прямой и пустынной, что можно было запросто разложить на руле «Таймс» или заняться решением кроссворда, но Джексон все-таки не поддался искушению. Вместо этого он пощелкал каналами радио и нашел музыку, которую помнил со школьной скамьи, откинулся на сиденье и разрешил Тому Пети объяснить ему, как американских девочек взращивают на обещаниях.

На западе садилось солнце. Джексон приглушил радио и приоткрыл окна, чтобы впустить душистый вечерний ветерок. Счетчик показывал, что после поворота на местное шоссе он уже проехал тринадцать миль. Должно быть, осталось недалеко.

Звонка от Шиншиллы или ее сестер он не ожидал и о неведомом подарке вовсе не думал. Да и что это мог быть за дар такой? Права на все острые углы, найденные в учебниках по геометрии 1921—1934 годов издания? Долевое владение зеленым цветом? Нет уж, увольте.

Но спустя несколько дней после их первой встречи Шиншилла все-таки позвонила. Голос девушки оказался весьма сердечным и манящим, и, пока она говорила, Джексон поймал себя на том, что беспокоит его следующий вопрос: есть ли вероятность того, что подарок, который она собирается ему преподнести, подразумевает ее саму, гибкую и обнаженную? Он был уже немолод, и многие желания уже утратили свою власть над ним, но тем не менее он обнаружил, что встретиться уже согласился и торопливо записывает точные координаты и инструкции, как добраться до места.

И вот он здесь. Посреди дороги. Словно нашпигованный гормонами школяр, теряющий голову от поцелуя или шепота на ушко.

А ему-то казалось, что он хорошо знает этот участок шоссе! Но Джексон уже давно миновал ряды волноломов и гипермаркетов, которые, по идее, должны были доходить тут до слияния с хайвэем, но теперь по обе стороны дороги простирались только луга, окрашенные в багряные тона последними лучами солнца, только что опустившегося за далекие западные холмы.

Мимо пронесся черный лимузин, спешащий поскорее добраться до цивилизации. В зеркало обзора Джексон смотрел, как уменьшаются и исчезают яркие точки красных огоньков его задних габаритных фонарей, и тут осознал, что это одна-единственная машина, встретившаяся ему за несколько минут, причем на обоих направлениях дороги. Еще он почувствовал, что, как только солнце село, задувающий в окна ветерок стал значительно холоднее. Пока включать печку нужды не было, но Джексон закрыл все окна и в очередной раз задался вопросом: а что, собственно, он тут делает?

Стоит ли говорить, что дорогу Шиншилла объясняла в духе семейных традиций. Зачем использовать названия улиц или номера автострад, если можно манипулировать целым прекрасным миром широт, долгот, указаний двигаться чуть севернее северо-западного направления и держать путь на Вечернюю звезду? Место встречи тоже не было четко обозначено, зато Шиншилла весьма поэтично его описала. В конце концов Джексону удалось понять, о какой именно автостраде речь, и он спросил, следует ли ему доехать до хайвэя. Она ответила, что нет, но на вопрос, где сворачивать, заявила, что делать этого вовсе не нужно, а следует остановиться в подходящем месте, где она его и встретит. Джексон понял это так, что где-то здесь, не доезжая до трассы между штатами — теоретически находящейся примерно в миле отсюда, хоть он и не видел никаких указывающих на это знаков, лишь дорога ровной лентой убегала к горизонту, — Шиншилла в своем авто припаркуется на обочине и даст ему отмашку. Разумеется, в том случае, если окажется, что сделать столь бытовой и целесообразный жест не ниже ее достоинства.

Теперь ночь полностью вступила в свои права, и дорогу освещали лишь огни фар «мазерати». Куда все подевались? Ехал он уже около часа, причем в полном одиночестве, словно оказался на проселочной дороге где-то в сердце пустыни Моха. И сама дорога, и местность вокруг никак не вязались с тем, как Джексон представлял себе ландшафт этого края. Такая прямая дорога? И настолько безлюдная? Настолько темная? Словно он колесил по обширной пол-

ночной пустыне, по линии горизонта, ограниченной пологими холмами, во тьме едва отличимыми от неба над головой и землей под ногами.

Только Пол Саймон закончил петь о том, что день был хоть и странным, и скорбным, но воссоединение матери и дитя совсем близко, как радио окончательно отключилось.

Ни шума радиопомех, ни замирания сигнала — просто внезапная и мгновенная тишина.

Джексон нажимал кнопки других радиостанций, ища замену пропавшей, пока внезапно не осознал, что вокруг стоит тишина гораздо более зловещая, чем ему показалось сперва: двигатель тоже не работал.

— Вот черт! — выругался Джексон. Руки инстинктивно вцепились в руль. Нога бессознательно дернулась, чтобы скорее нажать на тормоз, но этот импульс он подавил.

Хорошо еще, что фары не отключились, так что ему удастся съехать на обочину. Секунд тридцать автомобиль еще катился по инерции и очень удачно встал в безопасном месте на краю магистрали. Очень удачно, да уж, конечно! Скажите на милость, что прикажете со всем этим делать? Джексон поставил рычаг на парковку и перевел ключ зажигания в нерабочее положение.

Здорово! Без фар тьма казалась просто кромешной. Джексон, почувствовав, как на него накатывает тяжелая волна тревоги, заставил себя несколько раз глубоко вдохнуть и выдохнуть и попытался дать глазам привыкнуть к темноте. Вот так... Хорошо... Помогло. Немного.

Через закрытые окна доносился стрекот цикад. Джексон жал на кнопки стеклоподъемников, по которым обычно судил о масштабах неисправностей машины. Ни одно окно не двинулось вниз. Оставалось около трети бака бензина. Уже сожался о том, что пропустил мимо ушей россказни одного знакомого о том, что случается, если залить водой двигатель, Джексон опять повернул ключ.

И еще раз...

Безрезультатно.

Ключ поворачивался, включались фары и электричество, но мотор не заводился.

Джексон снова выключил зажигание. Казалось, что с каждым новым поворотом ключа тьма все больше и больше сгущается вокруг него, но он все же отдавал себе отчет в том, что это лишь плод его воображения. Он знал это.

Джексон огляделся: посмотрел вперед и по сторонам. Ничего. Ну хорошо же! Разве он платил за самый надежный на свете телефон просто так? Он достал мобильник и включил. Ободряющий перезвон мелодии... маленький симпатичный дисплей... и сообщение: *«Нет сети»*. Джексон отбросил телефон на сиденье справа: пусть поищет сеть! И еще раз попробовал завести машину.

Свет фар пронзил ночную тьму. Прямо перед ним, в лучах света, словно на арене цирка, стояли три сестры.

До них было около двенадцати ярдов, и создавалось впечатление, что прибыли они сюда явно не на автомобиле. Одеты сестры были в похожие белые платья, и с этого расстояния их ничего не выражающие лица казались почти такими же белыми на фоне ночной тьмы.

Джексон открыл дверь и вышел из машины, оставив фары включенными. Дурманил сильный запах жасмина, усиливающийся по мере приближения к девушкам. Джексон сам не понял, отчего слова приветствия не сорвались с его губ. И не был уверен в том, что вообще станет с ними здороваться.

Сестры тоже хранили молчание и не двигались, пока Джексон подходил к ним.

Когда их разделяло лишь несколько футов, та, что стояла посредине, — ему показалось, что Шиншилла, но как можно знать наверняка? — сделала небольшой шаг в его сторону, и губы ее тронула тень приветственной улыбки.

— Мистер Джексон, — произнесла она. — Очень приятно снова с вами встретиться.

В ее голосе не было ничего зловещего. Нисколько. Возможно, лишь легкий оттенок недоумения оттого, что их пути вновь пересеклись.

— Меня пригласили, — сказал Джексон, недовольный тем, как прозвучал его голос, и не понимая, зачем вообще говорит это. Но Шиншиллу его ответ, похоже, нисколько не обеспокоил.

— О да! И вот вы здесь.

— Моя машина... Она... остановилась. То есть я хочу сказать, не заводится.

— Ничего,— произнесла она, и улыбка ее сделалась еще приветливее. — Вам она не понадобится.

Выглядела девушка прекрасно, как всегда, но была бледна. Очень бледна. Она немного склонилась к нему, чтобы добавить что-то еще, и Джексон с трудом подавил желание отшатнуться назад, хотя движения девушки вовсе не казались резкими или угрожающими. Напротив, она тихо говорила нежным и мелодичным голосом.

— Мы принесли ваш подарок,— продолжала Шиншилла.— Это способность видеть своими собственными глазами.

Фары погасли.

Должно быть, пока они разговаривали, взошла луна или появились звезды, потому что Джексон все еще видел Шиншиллу: как она делает шаг назад и встает между сестрами, которые теснее придвинулись к ней.

Их тела слились воедино, и в этом не было ничего противоестественного или чудовищного. Все выглядело легко и естественно. Как сливаются потоки воды или изящные широкие мазки краски на холсте, сестры легко скользнули друг в друга. Как на стереоснимке соединяются вместе отдельные изображения, являя неожиданную глубину, так и они объединились, став единым целым.

Но не очень-то и так. Не совсем.

Слишком много рук. Слишком много глаз.

Пейзаж начал сгущаться и удаляться, терять четкость и цвет, становясь лишь фоном, декорацией, черной основой, на фоне которой они... она... оно актуализировалось сюрреалистической фигурой на холсте абстракциониста.

Под ногами Джексон все еще ощущал землю. Но все прочие чувства уже объявили протест и демонстрировали полное истощение. Улсучился сладкий хмельной запах жасмина, и вместе с ним исчез мерный стрекот цикад. Глаза оставались единственным ключом к миру, и то, что они видели, уже приспосабливалось к этим новым ощущениям. Невероятной женщине и тьме позади нее. Вот и все, что там было.

Откуда-то из невероятной смеси плоти перед ним явилась улыбка Шиншиллы.

А потом она стала таять, и вся фигура начала исчезать, сжимаясь в ослепительно белую точку, словно последнее схлопывающееся солнце гибнущей вселенной. Невозможно, пронзительно яркую. Немыслимо далекую. Невыразимо прекрасную.

И пропавшую.

Теперь вокруг разливалась лишь тьма, куда канули все определения и отличия.

Он был не на дороге. И не в пустыне. А просто во тьме. От звезд осталось лишь смутное воспоминание, да и луна позабылась.

Послышался голос Шиншиллы, тихонько напевающий итальянскую песню.

И ночь расцвела темными лепестками.

ЛИЗ ВИЛЬЯМС

Сплошная рыба и Дракула

Лиз Вильямс является автором романов «Сестра-призрак» («The Ghost Sister»), «Империя костей» («Empire of Bones»), «Магистр ядов» («The Poison Master»), «Девятое небо» («Nine Layers of Sky»), «Знамя души» («Banner of Soul») и «Темноземье» («Darkland»), выпущенных издательством «Bantam Spectra / Tor Macmillan», и романа «Змеиный агент» («Snake Agent»), опубликованного издательством «Night Shade Press».

В числе новых работ писательницы «Кровожадный ум» («Bloodmind») и «Исчезновение» («Vanish»), а также сборник малой прозы «Пир властелинов ночи» («The Banquet of the Lords of Night»), вышедший в издательстве «Night Shade Press». Перу Лиз Вильямс принадлежит более пятидесяти рассказов, печатавшихся в «Asimov's», «Realms of Fantasy» и «Interzone».

Четыре романа Вильямс становились финалистами премии Филиппа К. Дика, «Знамя души» в 2006 году номинировалось на премию Артура Кларка, и несколько работ попадали в списки лучших произведений года, по версии газеты «New York Times».

О представленном ниже произведении сама Вильямс отзывается так: «Сюжет этого рассказа зародился неожиданно. Моя приятельница, писательница Сью Томасон, случайно услышала о предстоящем ежегодном фестивале готов в Уитби и пригласила меня посетить его. Помню, как я шла по затянутому туманом побережью и из густого облака выплыл призрак бледной дамы в одеждах Викторианской эпохи. И вдруг у нее зазвонил мобильный телефон, что лично мне показалось достойным завершением готского уик-энда».

Девушка скользила по булыжникам, черный кружевной шлейф волочился по мокрым от дождя камням. Две женщины шли чуть впереди, сгибаясь под тяжестью сумок с покупками, головы их были повязаны шарфами, уберегающими от противной октябрьской мороси.

В одной из сумок девушка заметила золотистые чешуйки луковиц. Женщины негромко переговаривались на мягком йоркширском диалекте, склеивающем слова.

Она не стала смотреть на свое отражение в витрине магазина, где лампы заливали светом ряды драгоценных камней. Она и так знала, как выглядит: сплошное кружево и бархат под вздувающимся кожаным пальто, губы немыслимого цвета, волосы, зачесанные назад с высокого бледного лба. На пальцах звенит серебро.

Подходя ближе к женщинам, она подумала: «Сделать это так просто!» Но затем заметила в конце улицы остальных: свой вампирский клан. И поспешила им навстречу.

Когда она обгоняла домохозяек, то задумалась, какой она кажется им: тревожное, зловещее видение из темноты. Она чуть-чуть улыбнулась самой себе. Девушка уже опередила йоркширок на несколько ярдов, когда одна из них заговорила.

— Послушай-ка, Мэри, — сказала она. — Ну разве не здорово, что столько молодых людей нынче стараются одеться поприличнее?

УИТБИ ПРИВЕТСТВУЕТ ГОТОВ

Плакат был громадный, занимающий большую часть рекламного щита в начале главной улицы. Вокруг букв кто-то нарисовал летучих мышей с маленькими улыбающимися мордочками.

— Вы только посмотрите, — сказала Лили с отвращением.

Но Катя лишь улыбнулась. Юлиан развернулся на своем сиденье, чтобы взглянуть на них, откидывая с лица черный локон.

— А что, вы ждали, что нас встретят с вилами и зажженными факелами? Здесь любят готские фестивали. Никто же не собирается блевать и мочиться в их палисадниках. Мы ведем себя прилично. Держимся среди своих.

— Тратим кучу денег, — подхватила Катя. Она взмахнула унизанной серебром и камнями рукой. — С чего бы нас не любить?

— Вот именно.

Но уголки рта Лили поникли, как у ребенка, которого ничто не может утешить. Катя вздохнула. Лили пребывала в таком настроении с того момента, как они выехали из Лидса, и Катя уже начала сожалеть, что вообще согласилась на предложение Юлиана поехать в Уитби. Она не особенно хорошо знала Лили и Юлиана — это были друзья друзей, — и, хотя все они называли себя готами, Катя никак не могла отделаться от мысли, что было бы здорово, если бы Лили с Юлианом были чуть менее... готичными. Лили подавляла ее своими жалобами и все время дулась, а Юлиан болтал без умолку в снисходительно-поучающей манере с самого начала путешествия. Он был на четыре года старше, это правда: двадцать два его года против восемнадцати Катиных, и все равно... Катя понимала, что Юлиан больше знает о готах, вампирских кланах и фестивалях, но она предпочла бы увидеть то, что здесь происходит, своими глазами и составить собственное мнение. Только Катя была слишком вежлива или слишком робка, чтобы сказать ему об этом.

— А где дом для гостей? — спросила она, мечтая, чтобы путешествие поскорее закончилось и она смогла бы пойти отыскать Дамиана и всех остальных.

Когда они завернули за угол, девушка увидела большую толпу молодежи, сплошь в длинных пальто и сапогах до колена. Она подумала, в странном приступе бунтарства: скольких из них могло бы звать Дамиан? Или Юлиан, если на то пошло. Или Катя...

— Уже недалеко, — сказал Юлиан так мягко, как будто подбадривал ребенка.

— Ладно.

Она произнесла это гораздо угрюмее, чем собиралась, и Лили посмотрела на нее удивленно, как будто бы у нее была монополия на скверное настроение.

— Я вас высажу и поставлю машину, — сказал Юлиан.

Они забрались уже в центр города. Вытянув шею и оглянувшись назад, Катя увидела за завесой дождя узкую полоску воды, ограниченную по бокам черными стенами гавани. Город уходил вниз навстречу заливу, туда, где раскинулись

холодные бескрайние просторы Северного моря. Одна лодка, кажущаяся отсюда совсем крошечной, выходила из устья гавани.

— Селедка, — сказал Юлиан авторитетным тоном.

— Что? — Катя недоуменно посмотрела на их самозваного гида.

— Здешняя промысловая рыба, — пояснил Юлиан. — И еще треска.

— А я думала, что всю треску уже выловили, — рискнула предположить Катя, хотя насчет селедки она не была уверена.

Юлиан нахмурился, явно не желая обсуждать подобные вопросы.

— Неужели?

— Да. Все уже выловили. В Северном море вообще почти не осталось рыбы.

— Ну, тебя-то это не должно особенно беспокоить, верно? Главное, чтобы жареные орешки не закончились.

— Ты что, и рыбу не ешь? — спросила Лили.

— Да, — ответила Катя. — Я не просто вегетарианка. Я никогда не ела рыбы и мяса. На самом деле я веганка[1]. Моя мать когда-то тусовалась с хиппи. Она нас так воспитала. Я просто такая, какая есть. И меня это совершенно не беспокоит.

Она видела, как Юлиан поджал губы.

— Но есть плоть вполне естественно. Мы же хищники, охотники! Нам необходимы белки.

— Белков полно в бобовых.

— Нельзя быть вампиром и есть бобы.

— Я же не вампир, разве нет? Я просто готка.

— Какая разница! — сказала Лили, внезапно развеселившись. — Это-то уж точно не треска!

Катя посмотрела сквозь автомобильное стекло туда, куда указывал палец Лили. На вершине скалы рядом с доро-

[1] Веганы — строгие вегетарианцы, употребляющие только растительную пищу и отказывающиеся от изделий, в производстве которых используются материалы животного происхождения.

гой стояли странные костяные ворота, белеющие на фоне черного грозового неба.

— Это челюсть кита, — пояснил Юлиан.

— Какая огромная, правда? — воскликнула Катя и тут же пожалела о таком банальном замечании. Разумеется, огромная. Она же принадлежала киту. Она подумала о своей сестре Джесс, которая была агентом по недвижимости и читала «Космополитен».

«Ну не знаю, что ты собираешься делать в Уитби в это время года. В Уитби скучно. Сплошная рыба и Дракула. Почему бы тебе не провести недельку в Малаге?»

— Вот и приехали. — Юлиан притормозил у тротуара.

У гостевого дома, выстроенного на продуваемой всеми ветрами скале, были лимонного цвета фронтоны, а перед домом красовался чахлый садик с облезлыми гортензиями. Выгрузив из машины свой багаж, Катя расписалась у конторки под пристальным взглядом маленькой бледной женщины в потертом акриловом свитере. Потом, со вздохом облегчения, отправилась наверх и захлопнула за собой дверь. До нее все еще доносился голос Юлиана, как будто читающий лекцию, и приглушенные реплики Лили, однако их комната внизу находилась за пределами слышимости, и постепенно все звуки затихли.

Позже, когда октябрьские сумерки сгустились, Катя отправилась в город. Она осторожно прокралась через холл гостиницы и тихонько прикрыла за собой дверь на случай, если Лили с Юлианом услышат и захотят отправиться с ней. Она ощутила легкий укор совести, но постаралась поскорее забыть о нем.

Уитби кишел готами, бродящими по узким улочкам, несмотря на промозглость и дождь. В баре играли модные группы «Сумерки Анубиса» и «Покойники», и Катя пробралась в последний ряд, уплатив шесть баксов. И на следующие полтора часа потерялась в море мрачной музыки и огней.

Музыка все еще продолжала звучать у нее в ушах, когда Катя вынырнула под дождь. Она на миг остро ощутила свое одиночество, миг достаточно долгий, чтобы им насладиться, потому что, когда Катя подняла голову, все были уже здесь.

Все остальные, и еще Дамиан, тонкий, нервный, который, возможно, станет ее парнем, — пришла вдруг сладкая, тайная мысль вместе с надеждой.

Остаток вечера прошел за болтовней, чипсами и выпивкой в ближайшем пабе. Сначала Катя была слишком счастлива, чтобы заметить название на вывеске, но когда паб закрылся и они снова оказались на улице, она подняла глаза и увидела, что заведение называется «Селедочный садок». Замечание Джесс снова всплыло в памяти, и Катя улыбнулась.

— Проводить тебя? — спросил Дамиан, и она кивнула, охваченная внезапным смущением. Они вместе пошли вверх по холму. На середине подъема, напомнив себе, что ей уже восемнадцать и она взрослая женщина, Катя взяла Дамиана за руку. Рука у него оказалась холодная и липкая, но Кате было все равно. Говорили они немного. Перед дверью гостиницы он поцеловал ее, довольно неуклюже, а затем ушел. Катя медленно прошла между сочащимися дождем гортензиями и поднялась в свою комнату. Она как раз снимала ботинки, когда раздался стук в дверь.

— Это я, — произнес Юлиан. Сейчас его голос показался ей совсем юным и напряженным. — Лили не у тебя?

— А разве она не с тобой? — Кате не хотелось впускать его. Она мечтала о том, чтобы сидеть на кровати и думать о Дамиане.

— Нет. Можно мне войти?

Катя мгновение постояла в нерешительности, затем открыла дверь. Юлиан показался ей еще бледнее, чем обычно, хотя сказать наверняка было сложно.

— Мы отправились на «Вечеринку разочарованных» в «Метрополь». Я отвернулся, а она исчезла. С тех пор я ее и ищу.

— Я не видела ее с того момента, как мы приехали.

— Кстати, куда ты ходила? — Тон у него был раздраженный и обвиняющий.

Катя рассказала ему.

— Наверное, она скоро вернется. Я б на твоем месте не стала переживать, честное слово.

Он, кажется, был бы не против задержаться, но Катя слишком устала. Она выставила растерянного Юлиана за дверь и упала на постель.

Следующим утром, к облегчению Кати, Юлиана за завтраком не было. Смутно ощущая себя виноватой, она занялась тостом с грибами, внимательно изучая приглашение на лотерею «В защиту летучих мышей» на случай, если кто-нибудь из постояльцев ощутит необходимость заговорить с ней. Но никто не обратил на нее внимания. Катя вернулась в комнату за пальто и выглянула в окно. Низкое небо за окном было глубокого серого цвета.

Когда она подходила к входной двери, зазвонил ее мобильник. На экране высветился номер Юлиана. Катя помедлила, но потом ответила ему.

— Это я, — сообщил Юлиан без всякого вступления. — Я в полицейском участке.

— Да? — спросила Катя безучастно. — Что ты натворил?

— Ничего я не натворил! — Голос его звучал взволнованно. Обычные снисходительно-поучающие интонации куда-то пропали. — Лили нашли прошлой ночью. Она мертва!

— Мертва? — Катя развернулась и увидела собственное лицо, глядящее на нее из мутного зеркала в холле. В подводном сумраке холла лицо ее казалось совсем белым и тонущим под толстым слоем грима. Она с удивительной, неестественной ясностью видела каждый мазок теней на веках.

— Катя? Ты меня слышишь?

— Да? — У нее получился скорее вопрос. — Что произошло? — На улице было так скользко, а Лили на высоких каблуках... Или, может быть, машина... — Ее... сбила машина или случилось что-то другое?

— Она убита.

— Ее кто-то убил?

Его голос, казалось, приходит откуда-то издалека.

— Мне сказали, что я могу идти. Я вчера весь вечер был на людях.

Она не поняла, почему он говорит все это, но затем догадалась, что если Лили убита, то он же первый должен был попасть в подозреваемые.

— Катя? Ты можешь прийти в участок? Не хочу сейчас оставаться один.

Она должна быть сильной и решительной.

— Скажи, где это, — попросила она. Голос ее больше походил на писк.

В неоновом свете лампы на конторке дежурного Юлиан выглядел еще бледнее, чем обычно, и страшнее. Он вертел в руках длинный черный шарф.

— Пойдем отсюда, — сказала Катя. Она взяла его под руку и вывела за дверь.

— Наверное, они захотят поговорить и с тобой тоже. Не знаю.

— Ты назвал им мою фамилию? — спросила Катя.

— Мне пришлось. — Он бросил на нее смущенный взгляд. — Они все время спрашивали, знает ли еще кто-нибудь Лили.

— Они выяснили, как она погибла?

Разговор казался совершенно нереальным. Чудовищные фразы, какими они обменивались, как будто были позаимствованы из дешевой книжки.

— Они сказали, у нее на шее следы. Но при этом она не была... ну, ты понимаешь.

— Значит, ее задушили, — произнесла Катя едва слышно.

Он искоса посмотрел на нее:

— Или искусали.

Катя выпустила его руку и подняла на него глаза:

— Искусали? Кто?

Он ничего не ответил. Они некоторое время шли порознь, затем Юлиан резко развернулся и медленно пошел вниз по склону.

Полицейские позвонили Кате, когда они сидели в чайной. Там было полно готов и пожилых леди, совершенно игнорирующих друг друга, если не считать отдельных замечаний по поводу дождя. Катя заставила Юлиана съесть ячменную лепешку. Когда ее телефон зазвонил, она едва не выронила его.

Ее попросили зайти в участок, и как можно быстрее.

— Я не могу пойти с тобой, — заявил Юлиан, в знак протеста уставившись в окно. — Мне это просто невыносимо.

— Но я не хочу идти одна, — неуверенно произнесла Катя. — К тому же я тебя дожидалась.

— Ну а я не могу, извини, ладно?

Рассерженная и испуганная, она позвонила Дамиану, и тот сказал, что будет ждать ее уже в участке. И он действительно был там, когда она пришла.

Катя всегда думала, что это ужасно интересно, когда тебя допрашивает полиция или когда ты имеешь отношение к делу об убийстве, но теперь, когда все случилось на самом деле, это оказалось совершенно прозаичным, неприятным и в то же время очень странным. Комната, где ее допрашивали, была темная и пахла псиной. Женщина-полицейский казалась добродушной, немного старше самой Кати, и она мучительно долго записывала показания. Было непохоже, чтобы Катя находилась в числе подозреваемых. Они просто хотели узнать подробности, вот и все. После чего ее отпустили. Они с Дамианом снова поднялись по холму до гостевого дома, а потом сидели в комнате для отдыха и пили бесконечный чай. Катя привезла с собой пакетики с мятой, потому что не любила черный чай, и горячий мятный настой немного оживил ее.

Вечером она твердо вознамерилась как следует повеселиться. Она старалась не думать о Лили. То, что случилось, ужасно, но какой-то тонкий голосок внутри нее твердил, что Лили относится к тем, о ком трудно скорбеть.

Они встретились со всеми остальными в «Селедочном садке». В начале вечера народу там было мало, и ее компании удалось сесть у окна. Катя смотрела на просторную гавань. Фонари центральных улиц городка отражались в воде, отчего темнота вокруг отражений казалась еще гуще. Ей показалось, как что-то движется в этой темноте, у выхода из гавани. Катя вытянула шею, чтобы разглядеть, что бы это могло быть, но видение исчезло. Может быть, это дрейфовала рыбацкая лодка? Но Катя сильно сомневалась, что кто-нибудь решился бы выйти в море в такую ночь.

Все разговоры, разумеется, были только о Лили и о том, как она умудрилась выбрать для смерти самый под-

ходящий день в году. Все-таки сейчас стоял Хэллоуин, Самайн[1] — время, когда мертвецы возвращаются из своего мира, когда завеса, разделяющая миры, истончается.

— Наверное, она сама этого хотела, — сказал Дамиан совершенно искренне.

— Точно, — угрюмо поддержала его Эмми. — Закатить такую мелодраму!

— Не очень-то хорошо так говорить про Лили сейчас! — запротестовал Дамиан.

— Зато это правда. — Эмми, сверкая глазами, огляделась вокруг. — Разве не так?

Никто не возразил.

Из-за внезапно возникшего раздора, последовавшего за безумными событиями этого дня, Катя расстроилась.

— Сейчас вернусь, — пробормотала она, выбираясь из-за столика. — Где тут дамская комната?

— Там, сзади, — сказала Эмми, все еще сверкая глазами.

Катя вышла через черный ход паба и оказалась на заднем дворе: три голых кирпичных стены и четвертая — с полуоткрытой дверью. За этой дверью Катя увидела черные воды гавани. И снова уловила в воде какое-то движение, там что-то скользило. Что-то большое. Катя нахмурилась, пытаясь понять, что происходит. Она невольно подумала о летучих мышах. Потом осознала, что вся дрожит: здесь, во дворе, было холодно. Она обхватила себя за плечи бархатно-кружевными руками и направилась в уборную, освещенную одной-единственной лампочкой.

Она пыталась выжать из крана хотя бы струйку воды, когда во дворе кто-то закричал. Пронеслось одно леденящее кровь мгновение, пока Катя собралась с мыслями и выскочила во двор. Посреди двора, хватаясь за горло, скорчившись, сидела девушка.

---

[1] Самайн — ночь с 31 октября на 1 ноября, сакральный праздник древних кельтов, когда, согласно их поверьям, исчезает граница между миром людей и духов. Позднее — Хэллоуин.

— Господи! — Катя кинулась к ней. Девушка, судя по ее одежде, тоже была из числа участников готского фестиваля. — С тобой все в порядке?

— Нет. — Девушка заливалась слезами. Ее руки были в крови. — Меня кто-то укусил!

Катя помогла ей подняться на ноги, и они вместе ввалились в паб. Хозяйка лишь мельком взглянула на них и тотчас позвонила, как решила Катя, местному врачу, а затем занялась раненой девушкой. Катя пошла обратно на свое место. Ощущение абсолютной нереальности происходящего вернулось. Все смотрели на нее.

— Что случилось? — Потрясение вывело Эмми из мрачного состояния. Она обняла Катю и довела до места.

— Ее что-то укусило, — повторила Катя неуверенным эхом. — Или кто-то. За шею.

Никто ничего не сказал. Затем, словно они только что все обсудили и вместе приняли единое решение, все потянулись к своим пальто и рюкзакам и вышли из паба.

— Слушай, я провожу тебя наверх, — сказал один из них, по имени Брэм.

— Ага, спасибо. — Катя не собиралась отказываться.

В эту ночь она лежала без сна, глядя в потолок. Катя размышляла о вампирах, настоящих вампирах, тех, в каких она никогда раньше по-настоящему не верила. Вся эта готика была не больше чем ролевая игра, желание придать мрачного блеска банальности повседневной жизни. Но вдруг кто-нибудь начал воспринимать все всерьез? Она знала, что такое иногда случается, в Штатах встречались люди, считающие себя вампирами, пьющие кровь, специально затачивающие себе зубы, превращая их в клыки. Она никогда не видела их живьем. Неужели Лили встретила кого-то из них? Если подумать, то первым, кто рассказал ей о жизни вампиров, был Юлиан...

Громоподобный стук в дверь заставил ее подскочить на постели, сердце бешено забилось.

— Кто там?

— Это я.

С большой неохотой Катя открыла дверь и увидела в коридоре Юлиана. Он был какой-то всклокоченный, с дикими глазами. Он сказал:

— Она вот-вот восстанет.

— Что?

— Лили. Она скоро восстанет. — Он нетерпеливо махнул рукой. — Ее укусили прошлой ночью, а сегодня Самайн. Она вернется. Я точно знаю.

— Юлиан, неужели ты на самом деле...

Но он не слушал, он бежал вниз по лестнице. Катя застыла на пороге комнаты, отчаянно мечтая вернуться обратно в постель. До нее донесся грохот входной двери. Если на то пошло, она не может оставить его одного. Катя кое-как натянула одежду поверх атласной ночной рубашки и побежала за ним.

В городке было очень темно и очень тихо. Юлиана нигде не было видно, но когда Катя добежала до ворот, она заметила, что он несется по гребню холма в сторону китовой челюсти. Она подумала: «О господи, а если он сорвется?..» Пусть она не особенно любит Юлиана, мысль была ужасна. По-прежнему шел дождь, мелкая холодная морось, и трава, наверное, стала скользкая как лед.

— Юлиан! Подожди!

Он даже не оглянулся. Катя перебежала через дорогу. Дождь усиливался, поднимался ветер, кидая соленые брызги ей в лицо. Вдоль холма шла бетонная дорожка, и она побежала по ней, откидывая с лица мокрые волосы. Она слышала грохот и шипение волн, бьющихся о скалы. Увидела, как бегущий впереди Юлиан споткнулся.

— Подожди! — снова закричала она.

Юноша с трудом поднялся на ноги и снова побежал, но когда он был рядом с китовой челюстью, то вдруг согнулся пополам, схватившись одной рукой за белую колючую арку. Катя и сама ощутила какой-то спазм, резкую боль, пронзившую живот. Дождь лил уже как из ведра, и теперь она с трудом различала край скалы. Катя замедлила бег и остановилась, боясь, что может упасть. Над головой у Юлиана, там, где сходились кости китовой челюсти, что-то

блеснуло в темноте, что-то движущееся и извивающееся в воздухе.

— Юлиан?

Она кинулась вперед настолько быстро, насколько позволяла скользкая почва, разъезжающаяся под ногами. В воздухе снова блеснуло нечто, метнулось, извиваясь и, казалось, увеличиваясь в объеме. Катя добралась до вершины утеса. Китовая челюсть возвышалась над ней. Она смотрела через нее на пенящуюся массу брызг. Но ведь отсюда, с высокой скалы, никак не могло быть видно море — и однако там сверкали, прыгали, извивались, сверкая чешуей и зубами, огромные серебристые силуэты! Рыбий косяк сделал неуловимый разворот, и Юлиан исчез, беззвучно канув в стену воды за китовой челюстью. Переливающийся силуэт выскочил из рыбьего косяка и завис в воздухе прямо перед лицом Кати. Она смотрела в холодный сверкающий глаз, горящий непостижимым коллективным разумом. Пасть громадной рыбины медленно раскрылась, обнажая острые как бритвы зубы, затем снова захлопнулась. Взмахнув хвостом, рыба исчезла, скрылась в общей массе, косяк пронесся под аркой из китовой челюсти и устремился в город. Зачарованная, Катя смотрела, как он движется. Достигнув гавани, косяк разделился, и серебристые силуэты рассредоточились по улицам, выискивая свои жертвы.

«В Самайн мертвые возвращаются»,— подумала она, только никто не знает, какие именно мертвые, какая часть мира, обобранная и осквернённая, может пойти войной на своих истребителей в эту единственную сумасшедшую ночь в году. Она бежала бегом до самого гостевого дома, а потом накрылась с головой одеялом, словно ребенок.

Утро было солнечное и холодное. Не было даже намека на дождь. Катя натянула свои единственные джинсы и красный свитер. Уклончиво отвечая на вопросы хозяйки, расплатилась за комнату чеком. На этот раз подписавшись просто «Кейт».

ЧАЙНА МЬЕВИЛЬ, ЭММА БИРЧЕМ, МАКС ШАФЕР

Игровая комната

Чайна Мьевиль, дипломированный специалист по социальной антропологии и международным отношениям, а также доктор наук в области международного права, родился в Норидже, но вскоре вместе с семьей переехал в Лондон.

Первый роман, «Крысиный король» («King Rat»), был написан Мьевилем в 1998 году под влиянием Джона Гаррисона, Джина Вулфа, Дамбудзо Маречеры и Говарда Лавкрафта. За ним последовали «Вокзал потерянных снов» («Perdido Street Station»), награжденный премией Артура Кларка и Британской премией фэнтези, «Шрам» («The Scar»), также удостоенный Британской премии фэнтези, и «Железный совет» («Iron Council»), завоевавший премию Артура Кларка.

Среди прочих работ Мьевиля можно назвать повесть «Амальгама» («The Tain»), вышедшую в «PS Publishing», сборник рассказов «В поисках Джейка» («Looking for Jake») и исследование международного права «Между равными правами» («Between Equal Rights»).

Удивительная писательница Эмма Бирчем также живет в Лондоне.

Макс Шафер родился в Лондоне в 1974 году и находится в постоянном творческом поиске.

«Мы никогда прежде ничего не сочиняли вместе, — объясняют авторы, — но сейчас это получилось само собой. Мы просто шатались по магазинам, и вдруг один из нас подбросил идею о том, что некоторые уголки мегамаркетов внушают страх, затем другой развил ее в сюжет, а третий записал получившуюся историю».

Честно говоря, я даже не сотрудник этого магазина. Зарплату мне выдают в другом месте. Я — представитель охранной фирмы, с которой у магазина уже давно заключен договор. Здесь я работаю почти с самого начала и со всеми хорошо знаком. Мне приходилось охранять

разные объекты — и сейчас иногда подрабатываю от случая к случаю, — и до некоторых пор мне казалось, что этот магазин — лучшее место из всех, куда мне удавалось устроиться. Приятно работать там, куда люди приходят с удовольствием.

Магазин наш находится на окраине города — такое огромное здание из металла. Внутри все пространство разделено перегородками на множество секций, открытых в один проход, в которых, будто в комнатах, полностью созданы интерьеры из той мебели, что продается в магазине. Тот же товар в разобранном виде упакован в плоские коробки и уложен на складе в высокие штабеля. Все для удобства покупателей.

На самом деле я понимаю, что я здесь только для вида. Я просто прохаживаюсь по магазину в форме, заложив руки за спину, — и продавцы с покупателями чувствуют себя под защитой, и товар охраняется. Хотя наши товары не из тех, что можно запросто стащить из магазина. Мне вообще не часто приходится вмешиваться.

Последний такой случай произошел в игровой комнате.

В выходные здесь творится просто безумие. Народу столько, что не протолкнуться: все больше пары и молодые семьи. Мы стараемся, чтобы людям у нас было удобно. В магазине есть недорогое кафе и бесплатная парковка, а самая существенная наша услуга — это детские ясли. Они расположены сразу у главного входа, если подняться вверх по лестнице. И рядом с ними, справа, — игровая комната.

Стены игровой комнаты сделаны из оргстекла, чтобы из магазина было видно, что там происходит. Покупатели любят поглазеть на детей: постоянно кто-нибудь стоит снаружи и пялится на них с широкой глуповатой улыбкой. За теми типами, которые не очень-то смахивают на родителей, я приглядываю.

Она не слишком большая, эта игровая комната. Да это и не комната вовсе, просто отгороженное место. Она здесь давно. Там есть замысловатая конструкция из лесенок и перекладин, по которым можно карабкаться, веревочная сетка, в которой можно запутываться, домик Венди и картинки на

степах. И вся она разноцветная. А пол в ней на два фута покрыт слоем ярких пластиковых шариков.

В шарики не больно падать. Детям слой шариков доходит до пояса, и они бродят по комнате, пробираясь сквозь шарики, будто люди во время наводнения. Они сгребают шарики охапками и швыряют ими друг в друга. Шарики сами полые и легкие, каждый размером с теннисный мячик, так что ушибиться ими невозможно. Они легко отскакивают от стен комнаты и голов детей, издавая глухое «пум-пум» и вызывая бурный восторг играющих.

Не понимаю, что вызывает у них такой восторг. И не понимаю, что такого в этих шариках, почему с ними игровая комната становится гораздо привлекательнее, чем без них, но дети обожают приходить туда. Одновременно там разрешено играть только шестерым, и остальные стоят в очереди целую вечность, чтобы войти. А играть в комнате можно только двадцать минут. И видно, что ребятишки готовы все отдать, чтобы им позволили остаться дольше. Иногда, когда наступает пора уходить, они начинают реветь, и, глядя на них, товарищи по играм тоже заходятся плачем.

У меня был перерыв: я лениво листал журнальчик, когда меня вызвали в игровую комнату.

В коридоре из-за поворота слышался чей-то крик и детский плач, и когда я вышел к игровой комнате, то увидел толпу народа, столпившегося у нее. Мужчина сжимал ручонку своего сына и орал на воспитательницу. Рядом стояла администратор магазина. Малышу было около пяти — он едва достиг того возраста, когда начинают пускать в эту комнату. Громко всхлипывая, он цеплялся за отцовскую штанину.

Воспитательница, Сандра, едва сдерживала слезы. Ей самой было всего девятнадцать.

Мужчина кричал, что она не справляется со своими чертовыми обязанностями, что здесь слишком много детей и за ними совершенно никто не следит. Он был вне себя от негодования, яростно размахивая руками, как в немом кино. Не будь сынишки, гирей повисшего у него на ноге, он бы, наверное, забегал взад-вперед.

Администратор старалась сохранять спокойствие. Я остановился у нее за спиной на случай, если ситуация выйдет из-под контроля, но она как ни в чем не бывало продолжала успокаивать мужчину. Она знала свое дело.

— Сэр, я уже сказала вам, что, как только ваш сын ушибся, мы сразу всех вывели из комнаты и поговорили с другими детьми...

— Вы даже не знаете, кто это сделал! Если бы вы присматривали за ними, что, кажется, входит в ваши чертовы обязанности, вы были бы менее... бесполезны!

Казалось, папаша удовлетворился сказанным и наконец начал успокаиваться, как и его сын, который озадаченно и уважительно смотрел на него снизу вверх.

Администратор сказала, что сожалеет о случившемся, и предложила его сыну мороженое. Напряженность спадала, но, уходя, я увидел, что Сандра плачет. Мужчина выглядел немного виновато и теперь пытался извиниться перед ней, но она была слишком расстроена, чтобы отвечать.

Сандра мне рассказала потом, что мальчик играл за лестницей в углу, около домика Венди. Он с головой зарылся в слой шариков, как любят делать некоторые дети. Сандра поглядывала в его сторону, она видела, как подпрыгивают шарики от его движений, и считала поэтому, что с мальчиком все в порядке. Пока он не выскочил наружу уже с воплями.

В магазине полно детей. Малыши, которые только начинают ходить, проводят время в яслях. Те, что постарше — лет восьми—десяти, — обычно ходят по магазину с родителями, сами выбирают себе покрывала и занавески, письменные столики и все такое. Но те, которым около пяти, всегда приходят в игровую комнату.

Они выглядят так забавно, когда старательно карабкаются по лесенкам. В комнате все время звучит их смех. Иногда они обижают друг друга и даже плачут от этих обид, но прекращают реветь они в считаные секунды. Меня всегда умиляет, как ребятишки это делают: вдруг начинают орать что есть мочи, потом внезапно замолкают в растерянности и убегают со счастливым смехом.

Часто они играют все вместе, но всегда найдется ребенок, который играет сам с собой. Абсолютно счастливый, он сыплет шарики друг на друга, бросает их между перекладинами лесенки, ныряет в них, как утка. Ему хорошо одному.

Сандра уволилась. После того случая прошло почти две недели, а она все еще переживала. Мне трудно было в это поверить. Я пытался поговорить с ней, утешить, но каждый раз видел, что ее глаза снова наполняются слезами. Я хотел убедить ее, что мужчина был не в себе, что в том, что случилось, нет ее вины, но она ничего не хотела слушать.

— Ты не понимаешь, — говорила Сандра. — Дело не в нем. Я просто не могу больше там находиться.

Мне было жаль ее, но она принимала все слишком близко к сердцу. Все же так нельзя. Сандра говорила, что с того дня, как тот малыш вдруг расплакался ни с того ни с сего, она находится в постоянном напряжении. Она все время пытается уследить за всеми детьми сразу. Она помешалась на постоянном пересчитывании.

— Все время кажется, что их слишком много, — жаловалась она. — Я считаю — получается шесть, я пересчитываю снова — их снова шесть, но мне все равно кажется, что их больше.

Может быть, Сандре стоило попросить руководство, чтобы ее перевели на работу в ясли, где ее единственной заботой было бы управляться с именными бирочками, регистрируя детей, которые приходят и уходят, и менять кассеты для видеозаписи, но она даже думать об этом не хотела. Детям нравилась игровая комната. Они вечно торчали около нее. Они бы постоянно изводили Сандру, упрашивая пустить их туда.

Это дети, а у детей иногда случаются неприятности. Когда это происходит, кому-то приходится разгребать все шарики, чтобы убрать лужу на полу, а потом отмывать сами шарики в стиральном порошке.

После увольнения Сандры дети будто сговорились. Почти каждый день кто-нибудь да обмочится. Нам постоянно

приходилось вытаскивать шары из комнаты, чтобы вытирать лужицы.

— Чтобы у нас не возникало проблем, мне приходится беспрерывно играть со всеми этими зассанцами, — рассказывал мне один из воспитателей. — Потом, когда они уходят... ты чувствуешь запах. Как раз около этого чертова домика Венди, куда — я мог бы поклясться — ни один из маленьких негодников не приближался!

Этого парня звали Мэттью. Он уволился через месяц после Сандры. Я был поражен. В том смысле, надо было видеть, как эти люди любили детей. Даже несмотря на то что приходится за ними подтирать и все такое. Их уход явился доказательством того, какой тяжелой была работа в этой чертовой комнате. Когда Мэттью увольнялся, он выглядел уставшим и очень мрачным.

Я спросил его, что случилось, но он не смог объяснить. Я не уверен, что он и сам это знал.

Этих детей ни на секунду нельзя оставить без присмотра. Я бы так не смог. Не выдержал бы напряжения. Дети такие непослушные и такие маленькие. Я бы все время боялся потерять их или сделать им больно.

После его увольнения обстановка в магазине была тягостная. Мы потеряли двух человек. В торговом отделе, конечно, штат меняется, как картинка в калейдоскопе, но в яслях обычно дела обстоят получше. Надо быть очень опытным, чтобы работать в яслях или в игровой комнате. Увольнения здесь — плохой признак.

У меня появилась привычка присматривать за детьми в магазине. Когда я делал обход, мне казалось, что дети снуют везде. Я был готов в любую минуту подскочить и спасти их от беды. Куда бы я ни посмотрел, я повсюду видел детей. Они, как обычно, радостно бегали по секциям с интерьерами, скакали на двухъярусных кроватях, усаживались за парты. Но теперь то, как они бегали вокруг, заставляло меня вздрагивать, и все выставленные образцы нашей мебели, которая соответствовала всем самым строгим международным стандартам безопасности, казалось, только и ждали, чтобы

кого-нибуть поранить. В каждом кофейном столике я видел только острые углы, в каждой лампе — будущие ожоги на маленькой ручке.

У игровой комнаты я задерживался дольше обычного. Внутри всегда был кто-то из воспитателей — встревоженные девушка или молодой человек, пытающиеся уследить за детьми, которые бегали среди волн яркого пластика; глухой стук шариков слышался все время, пока они ныряли в домик Венди и сыпали их на крышу. Дети вертелись до головокружения и смеялись.

Игровая комната плохо влияла на них. Пока они играли, все было хорошо, но, когда наступало время уходить, они выглядели утомленными, возбужденными, капризными. Они противно ныли. Рыдая, они приставали к родителям. Им не хотелось расставаться с друзьями.

Некоторые дети приходили каждую неделю. Мне казалось, их родителям уже нечего было покупать. Они делали какие-нибудь символические покупки — свечи для чаепития, например, — а потом просто сидели в кафе, попивая чай и глядя в окно на серые эстакады, пока их дети получали свою порцию игровой комнаты. Похоже, взрослые не испытывали большой радости от этих визитов.

Угрюмое настроение передалось и нам. В магазине стало тревожно. Поговаривали, что возникло слишком много неприятностей и нам следовало бы закрыть игровую комнату. Но руководство ясно дало нам понять, что это исключено.

Ночные смены неизбежны в нашей работе.

Той ночью нас было трое, и мы распределили между собой участки обхода. Периодически каждый охранник обходил свой участок, а в промежутках мы сидели все вместе в комнате для персонала или в неосвещенном кафе, болтали и играли в карты под мелькание всякой ерунды на экране телевизора с выключенным звуком.

Мой маршрут проходил через улицу — парковка перед главным входом, свет фонарика пробегает вверх и вниз по

бетонной площадке. Позади — огромный магазин, вокруг него — кусты, темные и шуршащие, за оградой — дороги и убегающие огоньки машин.

Потом снова внутрь — через спальни, мимо всех деревянных каркасов и перегородок. Полумрак. Огромные спальни теряются во тьме — множество кроватей, на которых еще никто не спал, умывальники без водопровода. Когда я останавливался, было очень тихо, ни движения, ни звука.

Однажды я договорился с товарищами по смене и во время дежурства привел в магазин свою девушку. Освещая себе путь фонариком, мы бродили, держась за руки, среди интерьеров, будто среди театральных декораций. Мы играли в дом, как дети, разыгрывая маленькие сценки, — вот она выходит из душа, а я кутаю ее в полотенце, а вот мы вместе читаем газету за завтраком. Потом мы нашли самую большую и самую дорогую кровать со специальным матрасом, чертеж его с поперечным разрезом висел рядом.

Через некоторое время она попросила меня остановиться. Я спросил, в чем дело, но она ничего не объяснила и выглядела рассерженной. Я вывел ее через запертые двери с помощью своей магнитной карточки, проводил к ее машине — единственной на парковке, — потом смотрел, как она уезжала. Выезд с односторонним движением от магазина на дорогу идет по длинной системе рамп и объездов, но она почему-то не срезала путь и выезжала отсюда очень долго. Больше мы не встречались.

Вернувшись в магазин, я шел между металлическими стеллажами в тридцать футов высотой. Звук собственных шагов напоминал мне поступь тюремной охраны. Мне казалось, что упаковки с мебелью надвигаются на меня со всех сторон.

Я прошел обратно через секции с кухнями и направился вверх по лестнице в неосвещенный проход — к кафе. Мои товарищи еще не вернулись с обхода: большое окно, выходившее на безмолвную игровую комнату, не светилось.

Там было совершенно темно. Я приблизил лицо к стеклу и уставился на темные очертания предметов, которые, я знал, были лесенками; домик Венди — небольшой квадра-

тик, сереющий на фоне окружающей его черноты, — дрейфовал на волнах пластиковых шариков. Я включил фонарик и посветил в комнату. Под лучом света шарики вспыхнули яркими цвстами, потом луч сместился, и они снова стали черными.

Я вошел в ясли и уселся в кресло воспитателя, маленькие детские стульчики стояли полукругом передо мной. Так я сидел в темноте и слушал. Слабый светло-оранжевый свет фонарей лился сквозь стекло окна, полная тишина чередовалась с едва слышным шумом от дороги за парковкой, когда мимо проезжала машина.

Я взял книжку с подлокотника кресла и открыл ее, посветив себе фонариком. Сказки. «Спящая красавица» и «Золушка».

Раздался звук.

Тихий глухой удар.

Я снова услышал его.

Стук бьющихся друг о друга шариков в игровой комнате.

Я моментально вскочил, вглядываясь сквозь стекло в темноту комнаты. «Пум-пум» послышалось снова. Через секунду я уже стоял вплотную к окну, подняв фонарик. Я затаил дыхание, по телу бежали мурашки.

Луч фонарика скользил над лесенкой, к окну и обратно, отбрасывая тени в проходы. Я направил его вниз — туда, откуда слышался звук ударяющихся шариков, и за мгновение до того, как луч осветил их, слой шариков всколыхнулся, и они посыпались друг за другом в маленькую воронку. Будто что-то зарывалось в них.

Я стиснул зубы. Снова направил луч фонарика на шарики, но теперь все было спокойно.

Я еще долго шарил лучом по маленькой комнате, пока рука с фонариком не перестала дрожать. Не пропуская ни дюйма, я обследовал каждый уголок комнаты, пока не заметил шарики на самой вершине лесенки, у самого края. Тогда я понял, что один или два шарика, должно быть, просто скатились вниз, мягко стукнувшись; у меня вырвался долгий и шумный вздох облегчения.

Я тряхнул головой, опустил руку — луч фонарика тотчас скользнул вниз, и игровая комната снова погрузилась в темноту. И в этот самый момент, когда черные тени уже ринулись обратно, у меня внутри все похолодело: я увидел маленькую девочку в домике Венди; она смотрела на меня.

Товарищи по смене не могли меня успокоить.

Они нашли меня в игровой комнате, я кричал и звал на помощь. Я открыл обе двери и вышвыривал шарики в ясли и проходы, они раскатывались и отскакивали во все стороны — вниз по лестнице к главному входу, под столики в кафе.

Сначала я постарался успокоиться. Я знал, что главное было не испугать девочку, она и так, должно быть, уже была напугана. Я прохрипел что-то нечленораздельное, что должно было прозвучать как радостное приветствие, и вошел внутрь, постепенно приближая свет фонарика к домику Венди так, чтобы не ослепить ребенка, продолжая нести всякий вздор, который только мог прийти мне в голову.

Когда я понял, что она снова зарылась в толщу шариков, я прикинулся клоуном и попытался притвориться, что мы играем в прятки. Я с ужасом осознавал, как, должно быть, выгляжу в ее глазах в своей униформе, да еще и неся весь этот бред.

Но когда я добрался до домика Венди, там никого не оказалось.

— Ее оставили! — продолжал вопить я, и когда они поняли, то зарылись в толщу шариков вместе со мной и принялись горстями раскапывать их и разбрасывать в стороны, но оба остановились гораздо раньше меня. Обернувшись, чтобы швырнуть очередную порцию шаров, я осознал, что мои напарники просто наблюдают за мной.

Они не поверили, что девочка была здесь и куда-то исчезла. Они сказали, что увидели бы ее, что она должна была бы миновать них. Они без конца повторяли, что я схожу с ума, но не пытались остановить меня, и наконец я очистил

комнату от всех шариков, пока они стояли и ждали полицию, которую я заставил их вызвать.

Несколько дней я был не в состоянии выйти на работу. Меня лихорадило. Я продолжал думать о ней.

Я видел ее всего мгновение, пока не опустилась темнота. Девочке было лет пять или шесть. Она выглядела уставшей, испачканной, бледной и замерзшей, будто я смотрел на нее сквозь толщу воды. На ней была грязная футболка с изображением принцессы из мультфильма.

Она смотрела на меня широко открытыми глазами, плотно сжав губы. Грязные пухлые пальчики крепко сжимали край стенки домика Венди.

Полиция никого не нашла. Они помогли нам собрать шарики и засыпать их обратно в игровую комнату, потом отвезли меня домой.

Я все время думаю о том, как все могло бы сложиться, если бы хоть кто-то поверил мне. Не могу представить, как бы все обернулось. Когда через несколько дней я вернулся на работу, самое страшное уже произошло.

Если вы не понаслышке знакомы с такой работой, как моя, вы знаете, что бояться следует двух ситуаций.

Первая — это когда вы приходите на место и видите там скопление людей, нервных и возбужденных, они спорят и орут, расталкивая друг друга. Вам ничего не видно из-за толпы, но вы понимаете: эти люди так взбудоражены, потому что случилось что-то плохое.

Вторая ситуация — это когда вам тоже ничего не видно из-за толпы, но теперь люди реагируют иначе: они замерли на своих местах и как-то по-особенному молчаливы. Такое случается реже, но это куда хуже, чем первый случай.

Ту женщину и ее дочь уже увезли. Все, что произошло, я увидел позднее в записи.

Девочка пришла в игровую комнату через пару дней после первого визита. Как и в тот раз, она сидела одна, совершенно счастливая, напевая и разговаривая сама с со-

бой. Ее минуты истекали, мать уже погрузила новую садовую мебель в машину и вернулась за дочкой. Женщина постучала в стекло, улыбнулась, малышка выглядела вполне счастливой, пока не поняла, зачем ее зовут.

На пленке видно, что она сразу начала вести себя совершенно иначе. Настроение у нее портится, она хнычет, потом внезапно поворачивается, бежит обратно к домику Венди и с грохотом падает в шарики. Мать терпеливо стоит у двери и продолжает звать ее, воспитательница стоит рядом с ней. Видно, что они разговаривают.

Малышка сидит спиной к взрослым и что-то говорит, обращаясь к пустому дверному проему домика Венди, очевидно упрямо доигрывая какую-то ей одной понятную игру. Другие дети продолжают заниматься своими делами. Некоторые наблюдают за тем, что происходит.

Наконец мать громко требует, чтобы дочь подошла к ней. Малышка поднимается и поворачивается лицом к камере; теперь мать и дочь стоят друг напротив друга, их разделяет лишь море шариков. Девочка замерла, опустив руки вдоль тела, зажав по шарику в каждой ладошке; но вот она поднимает руки и смотрит попеременно то на шарики, то на мать. «Не пойду, — говорит она (это я разобрал потом). — Я хочу остаться. Мы играем».

Она пятится в домик Венди. Мать шагает к ней и на мгновение сгибается в дверном проеме. Чтобы забраться внутрь, ей приходится опуститься на четвереньки. Вот из домика торчат только женские ноги.

На пленке нет звука. Но зато вы видите, как дети вокруг вздрагивают, а воспитательница бросается вперед, и понимаете, что женщина закричала.

Воспитательница потом рассказывала мне, что, когда она пыталась пробраться к домику, ей казалось, что шарики давили на нее своей массой, будто вдруг стали очень тяжелыми. Дети все время лезли ей под ноги. Следом за ней проталкивались еще несколько взрослых; казалось странным и нелепым, что эти несколько футов до домика Венди приходилось преодолевать с таким трудом.

Они не смогли вытащить мать из домика, поэтому взялись за него с четырех сторон и подняли домик над ее головой, разломав игрушечные стены.

Ребенок задыхался.

Разумеется, шарики специально делают достаточно большого размера, чтобы избежать риска подобных ситуаций, но эта девочка как-то умудрилась затолкать шарик глубоко себе в рот. Это казалось невероятным. Но шарик был так глубоко и втиснут так сильно, что его невозможно было достать. Глазки малышки едва не выкатывались из орбит, маленькие ножки были повернуты внутрь носками и коленками.

Теперь мать поднимает девочку и стучит по спине, очень сильно. Дети выстроились вдоль стены, наблюдая за происходящим.

Одному из мужчин удается оттеснить мать, он поднимает девочку, намереваясь применить прием Хеймлиха[1]. На пленке не очень хорошо видно ее лицо, но можно заметить, что оно теперь потемнело и сделалось синюшным, а голова безвольно повисла.

Как только мужчина обхватывает малышку, он невольно поскальзывается на шарах, все еще прижимая девочку к себе. Они падают вместе. Малышке уже не помочь.

Детей срочно уводят в другую комнату. По магазину сразу проносится слух, что в игровой что-то случилось, сюда сбегаются все родители. Когда прибежала первая мамаша, она увидела, что мужчина, который пытался помочь девочке, проглотившей шарик, теперь кричит на детей, а воспитательница пытается успокоить его. Он требовал, чтобы дети показали ему другую малышку, которая путалась под ногами и что-то болтала, когда он хотел перевернуть задыхавшуюся девочку вниз головой.

Это была одна из причин, почему нам пришлось снова и снова просматривать кассету, чтобы выяснить, откуда взя-

[1] Способ удаления посторонних предметов из дыхательных путей, когда пострадавшего переворачивают вниз головой.

лась таинственная девочка и куда она подевалась. Но пленка ее не зафиксировала.

Конечно, я пытался перейти на другой объект, но для нашего бизнеса, да и не только для него, наступили не лучшие времена. Стало совершенно ясно: если я хочу удержаться на этой работе — мне лучше всего оставаться на старом месте.

Игровую комнату закрыли — сначала на время следствия, потом «на реконструкцию», потом и вовсе на неопределенный срок, пока решался вопрос о ее будущем. Ее закрыли сначала неофициально, а потом объявили об этом от лица администрации магазина.

Взрослые, которые знали о том, что случилось (меня всегда удивляло, как мало их оказалось), шагали мимо комнаты вместе со своими малышами, пристегнутыми к складным стульчикам на колесах, мрачно следуя своим путем по демонстрационным залам, но старшие дети все еще скучали по комнате. Это было заметно, когда они с родителями поднимались по лестнице. Они думали, что направляются в игровую комнату, начинали радостно галдеть, вспоминая лесенку для лазанья и разноцветные игрушки, но при виде запертой комнаты и заклеенного коричневой бумагой большого окна ударялись в слезы.

Для меня, как и для большинства сотрудников, запертая игровая комната стала запретной зоной. Даже во время ночных дежурств я сворачивал в сторону, если мой маршрут пролегал мимо нее. Что проверять, если комната опечатана? Тем более что там все еще была ощутима атмосфера ужаса, стойкая, как дурной запах. У нас, представителей службы охраны, есть специальные пластиковые карточки, которые мы должны каждый раз во время обхода подносить к считывающим устройствам, расположенным в разных местах магазина, чтобы зафиксировать, что мы обошли каждый участок маршрута. К устройству, которое находилось у двери игровой комнаты, я подносил свою карточку, глядя в другую сторону — на стеллажи с новыми каталогами наверху лестницы. Временами мне казалось, что я слышу какие-то шоро-

хи за спиной, похожие на тихое «пум-пум», но я знал, что этого не может быть, поэтому старался не обращать внимания на то, что мне чудилось.

Было странно думать, что игровая комната закрыта навсегда. Что те дети были последними ее посетителями и никто не будет больше играть в ней.

Однажды мне предложили хорошие сверхурочные, чтобы я остался поработать ночью. Администратор магазина представила меня мистеру Гейнсбургу — сотруднику главного бюро, прибывшему из британского правления компании. Мистер Гейнсбург хотел поработать в магазине поздно вечером, и кто-то должен был сопровождать его.

Он не появлялся в магазине почти до самой полуночи, я подумал было, что Гейнсбург уснул, не сумев приспособиться к другому часовому поясу, и уже сам собирался завалиться спать, как тут он и пришел. Загорелый господин, и одет с большим вкусом. Он рассказывал мне о планах и стратегиях компании, постоянно обращаясь ко мне по имени. Пару раз мне хотелось напомнить ему, что я не член совета директоров, а простой охранник, но, в конце концов, он был моим боссом, и я не решился ничего сказать. В любом случае мне была нужна эта работа.

Гейнсбург попросил проводить его в игровую комнату.

— Со всеми проблемами следует разбираться, как только они возникают, дорогой Джон, — сказал он. — Это первое правило, которое я усвоил и всегда ему следую. Одна проблема создает другую. Если вы не разрешите одну маленькую закавыку, полагая, что все рассосется само собой, то, прежде чем вы узнаете об этом, у вас уже будет две проблемы. И так далее.

Вы ведь проработали здесь какое-то время, не так ли, Джон? Вы видели это место, прежде чем его закрыли. Эти безумные комнатки исключительно популярны у детей. Они теперь есть во всех наших магазинах. Вы подумаете, что это дополнительные расходы? Какие-то благоглупости? Но я скажу вам, Джон, дети любят эти игровые комнаты, и дети... да, дети очень, очень важны для нашего бизнеса.

Двери комнаты уже были широко открыты, так чтобы проход оставался максимально свободным, и я помог ему внести туда небольшой столик с демонстрационного этажа.

— Дети — залог нашего успеха, Джон. Почти сорок процентов наших клиентов имеют маленьких детей, и большинство из них называют наше внимание к их детям среди двух или трех главных причин, по которым они приходят в наши магазины. Это важнее качества продукции. Важнее цен. Вы приезжаете сюда, вы можете здесь поесть, вы можете провести весь день вместе со своей семьей.

Итак, это первое. Кроме того, люди, которые делают покупки для своих детей, придают гораздо большее значение таким вопросам, как безопасность и качество. Как правило, они выбирают товар тщательнее, чем одинокие люди или бездетные пары, потому что хотят быть уверенными, что купили для своих детей самое лучшее. Наша прибыль от продажи дорогих товаров намного выше, чем от продажи дешевой продукции. Даже если взять семьи с низким уровнем доходов, Джон, та часть их денег, которая тратится на мебель и товары для дома, сразу возрастает при наступлении беременности, не говоря уж о том времени, когда появляется ребенок.

Гейнсбург обводил взглядом комнату — массу шариков, снова запестревших яркими цветами в лучах лампочек, которые не включали здесь вот уже несколько месяцев, разрушенный остов домика Венди...

— Итак, на что мы обращаем внимание прежде всего, когда в магазине что-то начинает идти не так? На то, удобно ли у нас покупателям. Возьмем, к примеру, детские ясли, заботу о детях, так сказать. Хорошо, ясли здесь имеются. Но тем не менее ситуация с клиентами в магазине в последнее время просто плачевна. Во многих магазинах показатели стали ниже, но здесь — не знаю, заметили ли вы, — здесь не только снижаются доходы от торговли, но и посещаемость катастрофически падает, что совершенно не укладывается в наши представления о порядке вещей. Обычно в центре города посещаемость на удивление стабильна. Пусть люди покупают меньше товаров, но они не перестают при-

ходить в магазин. Иногда, Джон, мы даже замечаем, что покупателей становится больше.

Но здесь? Покупатели почти совсем перестали приходить. Соответственно пар, имеющих детей, среди них стало еще меньше. Повторяю, посещаемость покупателей с детьми упала ниже всяких пределов. Значит, с этим магазином творится нечто необычное.

Итак, почему они не приходят так часто, как прежде? Что здесь не так? Что изменилось? — Он слегка улыбнулся и нарочито огляделся вокруг, потом снова обратился ко мне: — Все ли нормально? Родители по-прежнему могут оставлять детей в яслях, но дети не просят родителей снова отвести их в магазин, как это было раньше. Чего-то теперь не хватает. Отсюда вывод. Следовательно, мы должны им это вернуть.

Он положил на столик свой портфель и криво улыбнулся:

— Вы знаете, как это бывает. Постоянно призываешь сотрудников справляться с проблемами по мере их поступления, но слушают ли они этот призыв? Потому что это не их забота — решать такие вопросы, правда? Так что вместо одной проблемы мы получили уже две. И вдвое больше неприятностей, с которыми нужно что-то делать. — Он печально покачал головой. Сузив глаза, он пристально оглядывал комнату, каждый ее уголок. Потом дважды глубоко вздохнул. — Ладно, Джон, спасибо вам за помощь. Я должен задержаться здесь еще на несколько минут. Почему бы вам не пойти пока посмотреть телевизор, выпить кофе или не сделать еще что-нибудь в этом роде? Через некоторое время я присоединюсь к вам.

Я ответил, что буду в комнате для персонала. Повернувшись уходить, я услышал, как он открывает портфель. Уходя, я всматривался сквозь стеклянную стену и пытался разглядеть, что за предметы он выкладывает на стол. Свеча, склянка, черная книга... колокольчик.

Число посетителей снова стало увеличиваться. Мы замечательно справляемся с кризисной ситуацией: отказались

от части самой дорогой мебели и расширили ассортимент более доступных изделий из сосны. За последнее время магазин набрал много новых сотрудников, даже больше, чем положено по штату.

Дети снова счастливы. Их одержимость игровой комнатой не угасает. У входа в нее появилась небольшая метка — чуть выше трех футов от пола, — более рослых детей в комнату не пускают. Я вижу, как они стремглав несутся по лестнице и останавливаются перед дверями комнаты, где вдруг выясняется, что за месяцы, которые прошли с их последнего визита, они подросли и стали слишком большими и теперь им не позволят здесь играть. Я вижу, как они впадают в ярость, узнав, что им никогда больше не войти в эту комнату, что они здесь свое уже отыграли. Знаете, некоторые готовы все отдать, только чтобы вернуться назад. А другие дети, которые видят это, — те, что немного поменьше ростом, — желали бы остановиться и не расти больше, чтобы оставаться такими, как они есть.

Иногда, глядя, как они играют, я задумывался о том, что, возможно, вмешательство мистера Гейнсбурга было рассчитано вовсе не на тот эффект, которого все ожидали. Когда я наблюдаю, как дети, оставшиеся за дверью, сгорают от желания воссоединиться со своими друзьями, которых впустили в игровую комнату, я задаюсь вопросом: не ради этого ли все затевалось?

Для детей игровая комната — лучшее место на земле. Вы видите, что они стремятся к ней всеми мыслями, что они грезят о ней. Здесь им хотелось бы остаться. Даже если они заблудятся, они будут искать сюда обратную дорогу. Чтобы играть в домике Венди, лазать по сложным перекладинам лесенки, мягко и без страха приземляться в толщу пластмассовых шариков, легко откапывать из них друг друга, играть в комнате всегда как в вечной сказке — с друзьями или даже в полном одиночестве.

ТИМ ПРАТТ

Чайки

Произведения Тима Пратта печатались в таких изданиях, как «The Year's Best Fantasy and Horror», «Asimov's», «Realms of Fantasy», «Лучшие американские рассказы 2005» («Best American Short Stories: 2005»), и других.

В 2003 году вышел в свет первый сборник Пратта под названием «Малые боги» («Little Gods»), в 2007 году появился второй — «„Олень и ботинок" и другие рассказы» («Hart & Boot & Other Stories»). Первый роман «Удивительные приключения девушки-рейнджера» («The Strange Adventures of Rangergirl») был издан в конце 2005 года.

Как лучший молодой писатель Тим Пратт номинировался на премии Джона Кэмпбелла, «Небьюла» и другие. Совместно с супругой Хизер Шоу он выпускает журнал-фэнзин «Flytrap», а также работает редактором и литературным критиком в журнале «Locus». Проживает Пратт в Окленде, штат Калифорния.

«Я вырос в Северной Каролине, — вспоминает писатель, — и частенько летом родственники снимали дом на берегу океана, примерно в двух часах езды от города. Там проводили каникулы мои двоюродные братья и сестры, и я подолгу наблюдал за загорелыми детьми, бегающими по берегу среди чаек. Помню, как один из моих кузенов с криками удирал от огромной стаи птиц, пытавшихся вырвать у него из рук картофельные чипсы. Чайки мгновенно окружали любого, кому хватало ума их угостить, жадность птиц напоминала столь же откровенную алчность персонала „ловушек для туристов" и продавцов аляповатых сувенирных магазинчиков, которыми пестрела набережная, прихотливо перемешиваясь с моими не вполне филантропическими мыслями о тех, кто мог позволить себе отдых в невообразимо шикарных отелях с частными пляжами.

И конечно же, неотъемлемой частью рассказа стала игра слов. В английском языке „gull" имеет несколько значений: это и „чайка", жадная и прожорливая птица, и „глупец", и глагол „дурачить, обманывать"».

Трейди вприпрыжку несся вниз по тротуару, в такт шагам шлепали вьетнамки, лицо его было вымазано растаявшим на летней жаре шоколадом. Следом за ним устремилась Гарриет (ей как раз пришло в голову, что он словно брандашмыг из прочитанного накануне стишка) и успела-таки схватить мальчика до того, как он сиганул с обочины.

Он не вырывался, только таращил изумрудно-зеленые глазищи на уродливый клуб мини-гольфа напротив. Вот куда бы ему хотелось пойти, подумала Гарриет, чтобы вмазать палкой промеж ног Франкенштейну да влезть на надгробную плиту из папье-маше. Там произрастали зубчатые искусственные деревья (деревья-вешалки, подумала она, такие покоробившиеся и зазубренные) со свешивающимися с ветвей резиновыми битами, похожими на гнилые бананы. Задыхающаяся от пробежки Гарриет повела мальчика дальше: мимо прибрежных магазинчиков, киосков с лимонадом и дешевых стриптиз-клубов. Искали они общественный пляж. Гарриет постоянно ощупывала всемогущие шлепки висящей через плечо сумки, раздутой до неимоверных размеров напиханными туда полотенцами, кремами от загара и романами из числа тех, что продаются на кассе в супермаркетах.

Племяннику-душке Грейди, милашке Грейди захотелось искупаться. Ему вечно хотелось или купаться, или гоняться за песчаными крабиками. Целые дни напролет он только этим и занимался: они снимали на лето дом, до отказа набитый родственниками, которые скинулись на летний отдых, — ни одному из них не под силу было снять такой дом в одиночку, и поэтому приходилось спать по шесть человек в комнате. Но зато дом стоял на самом берегу моря. Сейчас, впрочем, это было не важно. Гарриет вместе с тремя сестрами и племянником пошла за покупками, Грейди заскучал и раскапризничался, и Гарриет вызвалась отправиться с ним на пляж до вечера. Потому что ей тоже все надоело: сестры могли говорить только о детях, а у нее самой детей не было. Гарриет была тревожной особой под сорок; пятьдесят недель в году она печатала недо-

ступные ее пониманию тексты, чтобы прокормить своих кошек. Теперь же Гарриет приехала на побережье в отпуск на пару недель, и здесь ее постоянно расстраивали выцветшие купальники и разбившиеся очки, окружали вечно ссорящиеся родственники, безмерно раздражающие — все до одного, кроме Грейди, который был ей словно сын. Как-то раз один мужчина обещал жениться на Гарриет и завести детей, но он испарился, а вместе с ним увяли надежды родить ребенка. Хотя они с тем парнем немало времени провели, занимаясь тем, от чего рождаются дети, но, может, делали это недостаточно качественно или же много, как иногда думала Гарриет.

Она отчаянно потела под шляпой с обвисшими полями, и даже темные очки не спасали от вспышек неона и блеска металла. В то, что рядом океан, верилось с трудом. Если она не в тематическом парке курортного городка, значит, в сердце палящей пустыни. Гарриет хихикнула, подумав это, и Грейди засмеялся вместе с ней, потому что даже от чужого смеха ему становилось весело. Мальчик успел дочерна загореть, и на шоколадном фоне сиял только островок светлых волос, таких же, как у матери и у Гарриет (разве что мать редко смеялась и вовсе никогда не смеялась, чтобы развеселить Грейди, так что же это за мама, спрашивается?). Везде металл, шума прибоя вообще не слышно, только машины проносятся мимо со свистом (что-то уж очень близко, хоть она и держит племянника за руку, — но уж все равно слишком близко, и Гарриет отошла подальше от дороги), соленым морским воздухом вовсе не пахнет, зато предостаточно выхлопных газов и разит фастфудом. О близости океана ничто не возвещает, лишь чайки, словно пенополистироловые планеристы, кружили в небе над головой, хотя они обитают не только у моря, но и у станций очистки сточных вод и у свалок. Пляж где-то совсем рядом, подумала она, вертя головой во все стороны и рыская взглядом по зданиям и грязным улицам. Знать бы только где.

И вдруг — голубой знак с синим зигзагом волн и контуром закусочного столика под зонтиком, ржавый и словно прошитый пулями, воткнутый в заросшую сорняками, за-

сыпанную щебнем площадку. На крохотной парковке, втиснувшейся между белым отелем и баром, который они только что миновали, не было ни одной машины.

— Погляди-ка, Грейди, там пляж!

Забыв, что его держат за руку, мальчонка рванул вперед и тут же отлетел обратно, словно в пэдлболе[1]. Пляжа они пока не видели, но через поросшие травой дюны протянулась прогулочная дорожка, на ее ступеньках лежал чудный песочек. Ступая по хрустящему гравию, они прошли через парковку, и тем временем, пока Грейди взахлеб предавался мечтам о дельфинах, русалках, осьминогах и крабах, они оказались у дорожки.

От пляжа их отделяло ярдов пятьдесят. Справа сбегал прямо в море высокий забор из обветрившегося дерева, отгораживающий территорию отеля, лишая надежды пробраться на тот пляж. Из-за забора доносились счастливые возгласы и взрывы смеха. Отель так и светился белизной обращенных к морю балконов: из-за забора Гарриет могла рассмотреть верхние этажи, которые были куда как лучше их собственного обветшалого, до отказа набитого родственниками домика с ржавой сантехникой и песком на матрасах. Но ведь океан один и тот же, подумала Гарриет, пытаясь подавить всколыхнувшуюся зависть, и песок на берегу такой же.

Несмотря на столь достойный настрой, Гарриет все же не смогла закрыть глаза на убогость жалкого крошечного пляжа, отведенного для них. Живчик Грейди извивался и рвался вперед, к серо-зеленой воде, но она крепко держала его за руку и с отвращением ступала между разбитыми пивными бутылками и обрывками полиэтилена. Бескрайний горизонт гнутой дугой терялся вдали, но в воздухе воняло рыбой. В воде, совсем рядом с берегом, плавала мертвая медуза.

— Погляди-ка, вон там мальчик с чайками! — крикнул Грейди, и Гаррист подняла глаза, чтобы выглянуть из-под полей шляпы, и увидела раскинувшего руки мальчонку,

[1] Пэдлбол — разновидность игры в сквош.

словно мессия стоявшего в водовороте кружащихся вокруг и снующих под ногами птиц. У него был огромный пакет с чипсами, которыми он кормил прожорливых пернатых. Когда чайки ссорились из-за очередной порции пищи, их алчность смотрелась отталкивающе: вихрь грязно-белых перьев и мелькание длинных клювов.

— Почему они дружат с ним? — допытывался Грейди, и явственно слышимая в его голосе зависть была созвучна тому чувству, которое посетило Гарриет при виде забора, отгораживающего тот, другой пляж без пивных бутылок и дохлятины.

— Птицы собираются вокруг каждого, кто готов их покормить, — ответила она. — Нельзя сказать, что тому мальчику они приходятся друзьями, ведь чайки совсем не такие, как зверюшки в мультфильмах.

Не спуская глаз с воды, Грейди кивнул, уже напрочь забыв про только что взволновавший его вопрос. Гарриет ласково взлохматила короткие золотистые волосы племянника и решила непременно поговорить с ним о друзьях и о том, как обезопасить себя от неприятностей, ведь малышу так сложно будет понять, кто настоящий друг, а кто просто хочет поживиться за твой счет.

Она расстелила полотенце в длинном прямоугольнике тени от забора и велела Грейди быть осторожным, не забывать о течении и не лезть в глубину. Он кивал в ответ, пожирая глазами океан, и, дождавшись ее разрешения, тут же сорвался с места. Провожая его взглядом, Гарриет улыбалась, а затем полезла в сумку за лосьоном от загара и безвкусным любовным романом. Она отлично знала, что подобная бульварная литература не заслуживает внимания, и уверяла себя в том, что читает лишь потому, что так подобает одиноким женщинам на пляже. Но втайне ей они нравились, и, листая страницы, она предавалась мечтам.

Гарриет оторвалась от книги и нашла взглядом племянника: он уже был на глубине и по-собачьи уплывал еще дальше.

— Грейди! — Она вскочила и подбежала к кромке воды, но мальчик плыл вперед, его сносило к дощатому забору, вдававшемуся в океан.

Грейди не слышал ее. Она отбросила шлепанцы и оказалась в воде, поздравив себя с тем, что, невзирая на бледные тощие ноги, сегодня надела шорты. Шляпа слетела, и она едва успела замочить ступни, когда Грейди исчез за забором. Гарриет на секунду замерла в нерешительности (зависла словно чайка, летящая против ветра), а потом бросилась обратно на пляж. В заборе была калитка с надписью «ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Она толкнула дверь, которая поддалась, и вбежала туда. В глаза сразу бросился чистый песок, шезлонги и холеные загорелые люди в ярких купальниках и плавках, куча детей, но глаза Гарриет были прикованы к Грейди — опасность утонуть ему не грозила, и мальчик с сияющей озорной улыбкой подплывал к берегу. Любопытство, подумала Гарриет, заставляет любого мальчишку заглянуть за забор, невзирая на то, с какой стороны находится он сам.

Лицо Грейди раскраснелось от солнца и натуги, он выбрался на берег и осмотрелся. Гарриет крепко взяла его за руку и принялась отчитывать, пока улыбка не сошла с лица мальчика, глаза не расширились, и он очень серьезно и торжественно кивнул, всем своим видом напоминая глазастую сову. Грейди вовсе не стремился действовать наперекор, и, стоило ему хоть раз указать на провинность, он крайне редко повторял проступок. Гаррист удовлетворилась достигнутым результатом, хотя от пережитого ужаса сердце все еще трепыхалось где-то на уровне горла от того самого страха (как она его себе представляла), который испытывает за свое чадо мать.

Держа племянника за руку, Гаррист вышла из воды, ощущая, что взгляды всех собравшихся прикованы к ней. Она насчитала человек двенадцать взрослых, возрастом немного моложе ее, причем все они едва ли отличались по росту и цвету волос,— наверное, это были братья и сестры, собравшиеся вместе. Женщины суетились с озабоченным видом, а мужчины собрались вокруг жарившегося на решетке мяса, которое лопаточкой переворачивал седой и самый старший из них. До нее донесся необычный, чуть сладковатый аромат, и по запаху Гарриет никак не могла распознать, что за мясо там готовится. Само собой, дохлой рыбой здесь

вовсе не пахло. Она покраснела, когда ее окружили женщины с лоснящимися упругими ухоженными телами, молодыми и натренированными. Одна дама с седыми волосами выглядела постарше, хотя и на ее лице морщин было немного, а черный цельный купальник сидел на фигуре безукоризненно. Эта особа была явно достойной парой тому мужчине у гриля; может, они приходятся бабушкой и дедушкой всем этим детям? На шести руках сияли шесть обручальных колец, и Гарриет решила, что эти женщины замужем за теми мужчинами, к тому же их мужья выглядят словно родные братья. Виной тому сходство вкусов и одинаковый уровень жизни, подумала она.

— Все ли с ним в порядке? — приветливо улыбаясь, спросила седовласая дама.

Грейди скользнул взглядом по взрослым и вновь уставился на стайку детей всевозможных возрастов, от совсем малышей до почти подростков, которые хохотали и плескались на мелководье, вовсе не обращая внимания на незваных гостей. Как ему хотелось броситься к ним и поиграть вместе! Но Гарриет крепко сжимала его руку.

— Простите нас, — сказала он. — Я знаю, нам не следует здесь находиться, мы уходим.

Женщины обменялись такими понимающими взглядами, что говорило о родственной связи сестер: ясное дело, это клан дочерей. Но и все мужчины унаследовали квадратную челюсть седовласого мужчины (который, одетый в рубашку-поло, приближался к ним с лопаткой в руке, словно это был скипетр) и, словно братья, стояли вместе, попивая пиво.

— Нет, вы так не уйдете, — твердо сказал седовласый. Самая молодая из женщин улыбнулась и почему-то облизнулась, но потупилась, встретившись с Гарриет глазами. — Мальчик напугал вас, да и пляж за забором просто ужасный. В самом деле, оставайтесь. Мы поможем присмотреть за ребенком. — Седовласый глава клана сопроводил свои слова широкой радушной улыбкой.

Грейди сунул палец в рот и взглянул на женщин, которые ворковали и улыбались ему. Но мальчика впечатлили лишь яркие цвета купальников.

— Спасибо. Мы не хотим причинять вам беспокойство,— поблагодарила Гарриет, остро ощущая дряблость собственной кожи и каждый изъян фигуры, размышляя о широкоплечих мужчинах с волевыми подбородками и задаваясь вопросом, почему же она никогда таких не встречала и отчего сама она не загорелая красавица.

Подошедший как раз вовремя седовласый мужчина в ответ на ее вежливый отказ покачал головой:

— Вы вовсе не обеспокоите нас, не волнуйтесь. Эта семья сама по себе доставляет столько неприятностей, что усугубить их просто невозможно. Мы приглашаем вас остаться и поужинать с нами. Еды у нас предостаточно,— и снова улыбнулся, сверкнув отличными белыми зубами.

Гарриет поймала себя на том, что кивает в знак согласия. Почувствовав перемену обстоятельств, Грейди стрелой помчался к детям, которые приветствовали его и приняли в игру. Похоже на то, что детей никак не меньше тридцати, подумала она и вновь взглянула на женщин. Никаких растяжек, материнство не отразилось на них, им удалось родить чудесных детей и самим не утратить красоты.

Оттесняя Гарриет в сторонку, дамы представлялись и объясняли родственные связи семьи (хоть и весьма вскользь: три поколения на отдыхе, но кто на ком женат, где чьи дети, кто старшая пара и кто родственники со стороны супруга, понять было невозможно). У них всех были длинные ногти и белоснежные мелкие зубки, поэтому Гарриет стеснялась собственных не знающих маникюра заскорузлых рук с заусеницами и совсем не ослепительной улыбки, ибо зубы ее потемнели от кофе. Женщины щебетали и едва ли замечали реплики Гарриет. Да и разве спрашивали они, как ее зовут? Ведь, определенно, по имени они к ней не обращались. Гарриет задавалась вопросом: отчего они так милы по отношению к ней? Жалеют? Ей послышался какой-то посторонний звук: вроде бы со стороны резвящихся детей донесся вскрик, но все ребятишки играли и сбились в кучу-малу. Грейди она не увидела, хотя его золотистая головка должна была бы маячком выделяться среди целого сонма темноволосых голов, но детей было так много, что он наверняка затерялся

среди них, а ее новые знакомые требовали внимания, дергая за рукав. Самая молоденькая, та, остроглазая, усердствовала пуще всех, и ее острые ногти даже поцарапали руку Гарриет, оставив кровавую отметину в форме полумесяца. Девушка лишь вновь облизнула губы, а седовласая дама сильно хлестнула дочь (невестку?) по лицу. Та потупилась и пробормотала извинения. Шокированная, Гарриет, широко распахнув глаза, изумленно глядела на все это, но в следующий миг на нее обрушился град многословных предложений помощи, ей протягивали бумажные полотенца, оглушили сочувственными восклицаниями и соболезнованиями — все из-за небольшой ранки.

Седовласая дама снисходительно улыбалась, а потом рассмеялась, глядя поверх Гарриет на воду.

— Ох уж эти дети! — воскликнула она. — Вечно они хотят подкрепиться именно тогда, когда мы собираемся пообедать.

С заготовленной любезной улыбкой Гарриет обернулась, чтобы проследить взгляд дамы. Смуглые детки присели в круг, тянулись ручонками, что-то поедая прямо с песка. Одна совсем маленькая девочка молча угрюмо сидела поодаль с недовольным видом и вгрызалась зубами в полусгнившую рыбину, и, пока жевала, метала в сторону кузенов (сестер? братьев?) свирепые взгляды.

— Что?.. — начала было Гарриет, делая вдох, чтобы позвать Грейди.

Тут седовласый мужчина громогласно объявил:

— Еда готова! Несите еще мясо!

И Гарриет вновь почувствовала неопределенный сладковатый запах, распространяющийся от гриля.

«Так почему они столь дружелюбны? — подумала она. — Что же им могло от меня понадобиться?»

Услышав, что обед готов, дети вскочили и поспешили к грилю: слаженное мелькание изящных рук и ног, безмятежных, спокойных лиц. Вприпрыжку минуя Гарриет, они оглядывали ее холодными темными глазами, сияющими на хищных лицах. Что там растерзанное на песке, изорванное, расчлененное, склизкое? Она увидела месиво золотистых

волос, а рядом из песка торчала какая-то белая палка, то ли кусок прибитого морем плавника, то ли кость, но не было никого, кого бы она могла назвать Грейди. Седовласый мужчина снова потребовал принести еще мяса, и его жена и дочери принялись щипать кожу Гаррист, на сей раз безмолвно, без лишних разговоров. Гарриет тоже не издала ни звука, лишь стояла, едва ли чувствуя, как щипки сменяются рывками, оставляющими рваные раны. Она не сводила глаз со снижающегося вихря белых чаек, готовых броситься на остатки трапезы детей.

ЭЛИЗАБЕТ МЭССИ

Пинки

Элизабет Мэсси дважды завоевывала премию Брэма Стокера и становилась финалистом Всемирной премии фэнтези. Перу Мэсси принадлежат такие книги, как «Пожиратель грехов» («Sineater»), «Проволочные мамочки» («Wire Mesh Mothers»), «Сила убеждения» («Power of Persuasion»), «Темные сны» («Shadow Dreams»), «Доклад о страхе» («The Fear Report»), «Маленькая пурпурная книга недобрых историй» («A Little Magenta Book of Mean Stories»), «Изогнутая ветвь» («Twisted Branch») (под псевдонимом Крис Блейн), и многие другие.

Последние работы писательницы появлялись в антологиях «Аутсайдеры. 22 новые истории на грани» («Outsiders: 22 All-New Stories from the Edge»), «Путеводитель по заколдованной Центральной Атлантике» («Travel Guide to the Haunted Mid-Atlantic»), «Панегирики» («Eulogies»), «Смертоносные домохозяйки» («Deadly Housewives»), «Повелители лезвия» («Lords of the Razor»). Повесть Мэсси «Они вышли с темной дороги» («They Came from the Dark Ride») была опубликована в «Записках Колчака» («The Kolchak Casebook»), а эссе «Праздник урожая» («Harvest Home») — в сборнике «Хоррор. Еще 100 лучших книг» («Horror: Another 100 Best Books»).

Элизабет Мэсси живет в долине Шенандоа, штат Виргиния, вместе с художником-иллюстратором Кортни Скинпером.

«Тот, кто знаком с моими произведениями, знает, что, когда речь заходит о месте действия, я предпочитаю держаться ближе к дому, — говорит Мэсси. — Зачем ходить далеко, когда столько удивительных, завораживающих и зачастую пугающих вещей таится в горах, лесах и полях прямо за порогом моего дома?

Я росла в тени Голубого хребта, у подножия которого разбросаны скотоводческие фермы, свинофермы и фермы, где разводят домашнюю птицу. И хоть эволюция за последние двести лет разрушила древние амбары и штакетники, вдали от основных трасс, в лесах или на склонах гор, еще можно встретить старые добрые крестьянские дворы. Вы никогда

не остановитесь возле такой фермы, чтобы спросить дорогу, потому что для этого вам потребуется проехать по земле, населенной беззубыми мужиками, с ружьями и топорами, и пузатыми тетками, с огоньком в глазах и мясницким ножом в руках.

Вряд ли что-то пугает меня больше, чем вероятность того, что я попаду под абсолютную власть кого-нибудь или чего-нибудь. А такое вполне может случиться, если я рискну поехать по этой ухабистой дороге.

В рассказе „Пинки", как всегда не удаляясь от дома, я обыгрываю этот страх со всех сторон».

К сентябрю Ренни больше не любил Пинки. За лето их дружба завяла, и когда пришло время ехать на окружную ярмарку, Ренни не был уверен, надо ли ему это вообще. Кто захочет два часа трястись в машине с неуклюжим щетинистым хряком, который постоянно пялится на тебя, пускает слюни на пассажирское сиденье и то и дело высовывает свой маленький красный член, словно какая-то облезлая, возбужденная степная псина?

Кроме Пинки, друзей у Ренни практически не было, разве только почтальон да кассир из кооператива фермеров, хотя их вряд ли можно назвать друзьями, но Ренни это мало волновало. У него был крепкий, построенный сто десять лет назад дом, участок в пятьдесят два акра на горном склоне и телевизор, который, если ночь стояла ясная, ловил Эн-би-эс и немного Си-би-эс. Ренни унаследовал ферму от отца с матерью. Семь лет назад родители снялись с насиженного места и отправились путешествовать. Младшая сестра Ренни, Регина, уехала из этих мест через год после родителей. Ей не нужна была ферма, ей были нужны большие города и яркие огни, и она отправилась в федеральный округ Колумбия. Судя по ее последней рождественской открытке, в данный момент она продавала дрянной ширпотреб в какой-то сувенирной лавке при каком-то там музее.

Основным занятием Ренни было выращивание кур. Выручка от продажи яиц, бройлеров и наседок недотягивала и до прожиточного минимума, но Ренни пополнял бюджет, сдавая в аренду свои земли под пастбища одному скотоводу. Ренни нравилось одиночество, которое время от времени нарушали лишь звонки торговых агентов да поездки в кооператив фермеров за самым необходимым — за кормом для кур, за консервами и семенами, за новыми джинсами, изолентой.

Пинки жил у Ренни уже два года. Фермер нашел его в лесу; этот крохотный поросенок со шкуркой как у персика появился на свет от сбежавшей гемпширской свиньи соседа и одного из диких кабанов, которые, сколько Ренни себя помнил, водились в местных лесах. Свинью кабан убил и наполовину сожрал сразу после родов, так же он поступил и с потомством, и в живых остался только один поросенок. Ренни вытащил его из зарослей плюща и чертополоха, завернул во фланелевую рубаху и отнес домой. Он поил поросенка коровьим молоком и кормил овсяной кашей до тех пор, пока тот не научился самостоятельно добывать себе пищу на пастбищах или в лесу.

Из Пинки вырос очень большой, очень умный и добродушный хряк. Он научился каждое утро в шесть часов, чтобы Ренни не проспал дольше положенного, дергать за веревку колокольчика у парадного крыльца. Он открывал носом почтовый ящик внизу у дороги и подбирал все, что приносил за день почтальон. Он сел за столом — аккуратно жевал острыми мелкими зубами цыплят и кабачки, а покончив с едой, утирал нос и губы бумажным полотенцем. Он умел зажигать спички, забрасывать одежду в стиральную машинку и переключать каналы на телевизионном пульте.

В августе, когда Пинки еще не было и года, Ренни взял его на окружную ярмарку и заявил его на состязания самых талантливых годовалых свиней. Пинки выиграл соревнования по чечетке, прикуриванию сигар для человека, по сворачиванию газет и по завязыванию узлов на веревках. Одна суетливая девчонка, с жидкими волосенками и с при-

колотой к футболке красной ленточкой за второе место, особенно прониклась к Пинки. Она постоянно приходила к палатке для свиней и кормила хряка Ренни пирожками. Девчонка почему-то называла Пинки Вилбур. Ренни это надоело, и он в конце концов избавился от нее, сказав, что когда «Вилбур» устает от маленьких девочек, он их кусает и лакает их кровь. Призовые деньги, двадцать пять долларов, ушли на заправку грузовичка и на дорогу домой. Голубая ленточка победителя две недели украшала сарай Пинки, но потом дождь и град изрядно ее потрепали, и она выцвела.

В июле следующего года Пинки тоже победил в конкурсе самых талантливых свиней на окружной ярмарке. К этому времени он научился выдувать на гармонике песенку «Три слепые мышки», выдавливать горчицу на кукурузный бутерброд и выводить копытом на земле свое имя. Пинки был вне конкуренции, другие свиньи не могли претендовать на корону, они только катали мордами мяч и по команде прикидывались мертвыми. Под радостное улюлюканье трибун Ренни получил наличные и ленточку победителя. Потом к нему подошли несколько свиноводов с вопросом: «Сколько хочешь за спаривание своего кабана?» На что Ренни покрепче ухватил поводок Пинки и ответил: «Он не спаривается». Пинки дернул башкой и так зыркнул на Ренни своими маленькими глазками, что у того мурашки побежали по спине.

По возвращении домой Пинки начал своевольничать. Он не спешил, когда Ренни звал его ужинать, и дважды сделал кучу на веранде под качелями. Лениво проходя через гостиную, он небрежно задевал мебель и этажерки, сбрасывая на пол стеклянные безделушки, которые собирала мать Ренни. Этот хряк даже как-то принялся гонять на птичьем дворе кур и в конце концов раздавил одну коричневую птаху в лепешку. Ренни не знал, что ему делать. Он пытался угомонить неслуха, подкармливая его печеньем и помидорами, набросал ему в сарай в два раза больше соломы для подстилки, чем обычно. Ренни больше не купал своего хряка в алюминиевом корыте на заднем дворе, те-

перь он по специально сколоченному деревянному настилу заводил Пинки в свою ванну и, вместо того чтобы поливать его холодной водой из садового шланга, позволял хряку нежиться в теплой, вкусно пахнущей воде. Но все эти меры не утихомирили хряка и никак не повлияли на его поведение. Пинки воспринимал все как должное и продолжал толкать, ронять и гонять.

Как-то утром в середине августа Ренни проснулся оттого, что Пинки взобрался на кровать и уперся своими твердыми копытами ему в ребра. Ренни пронзительно заорал, спихнул с себя хряка и, перегнувшись через край кровати, посмотрел вниз. Грудь болела так, словно в нее вдавили два раскаленных железных клейма.

— Дьявол, больно! Какого черта ты здесь делаешь?! — возмутился он.— Еще нет шести! Ты не должен входить в дом, пока я тебе не открою.

Пинки растянулся на ковре, тряхнул башкой и хрюкнул.

— Что с тобой происходит? — настаивал Ренни. Тут жар у него в груди резко сменил холод. — Подожди-ка. Я ведь запирал дверь вчера вечером. Как ты вошел?

Боров снова хрюкнул и слизнул с рыла слюну. Потом он нагнул башку и лизнул свой кожаный член. Но, естественно, не ответил, ведь, несмотря на все свои таланты, говорить хряк не умел.

День начался, как и все предыдущие. Завтрак — Ренни с одной стороны кухонного стола, Пинки — с другой. Потом кормление кур, просмотр бесполезной почты, выписывание чеков за отопление и электричество, обход фермы по периметру, проверка ограждения. Только в этот день Пинки не прошел по всему периметру. Вместо этого он, идя следом за Ренни, то и дело убегал в лес и снова возвращался.

— Ты что-то ищешь? — спросил Ренни, когда Пинки присоединился к нему в четвертый раз.— Мне не нравится, что ты все время от меня убегаешь. Мне что, держать тебя на поводке, как на ярмарке?

Хряк не обратил внимания на Ренни, перевернул рылом здоровенный камень и слизнул копошащихся под ним земляных червей.

Днем ферму посетил парень из Межатлантической ассоциации свиноводов. Он приехал на служебной машине с черной аббревиатурой МААС и коричневым трафаретом роющей землю свиньи. Машина подъехала к дому и погудела, как раз когда Ренни собирал яйца на птичьем дворе. Водитель явно родился в деревне, человек не из местных никогда не рискнет заехать на чужую ферму без предупреждения.

— Мистер Монро? — позвал мужчина. Засунув руки в карманы ветровки, он обошел дом и появился на птичьем дворе. На шее у него был галстук, на ногах мокасины с кисточками, а на лице невероятно широкая улыбка. Это был молодой человек лет тридцати с густой копной рыжих волос. — Мистер Монро? Я Вернон Виа.

— Ну? — отвечал Ренни, разбрасывая корм и объедки копошащимся под ногами курам.

— Мне тут сказали, свинья, которую вы демонстрировали на двух окружных ярмарках, все еще у вас. Почтальон сказал.

— Ну?

Из зарослей растущего возле дома букса появился Пинки. В зубах у него болталось маленькое колечко змеи. Хряк почти целиком всосал змею и уставился на Ренни.

— Можно взглянуть на вашу свинью? — спросил Вернон Виа. — Я видел ее в июле, очень впечатляет. Но как-то не разобрался насчет породы вашей замечательной свиньи. Вы ее ни разу не указали в заявке.

— А зачем? Он же выступал не на конкурсе пород.

— О, я знаю! Но ваша свинья очень необычная. Можно на нее посмотреть?

— На него.

— Да, на него. Можно?

— Зачем?

— Возможно, я захочу купить его у вас.

Пинки вперевалку подошел к проволочной сетке, которая ограждала кур от двора. В зубах у него извивался кончик змеиного хвоста, потом хряк едва заметно мотнул башкой, и хвостик исчез. Ренни поглядел на Пинки, потом на мистера Вернона.

— О, вот и он, — сказал Вернон Виа и хлопнул в ладоши. Ренни подумал, что так хлопать в ладоши может только дурак. — Он выглядит вполне здоровым.

— А чего ему болеть? — нахмурился Ренни. — Я хорошо его кормлю.

— Да, конечно, безусловно. Но животное, которое не получает квалифицированную ветеринарную помощь, может подхватить разные болячки.

— Я... — начал Ренни и прикусил язык. Пинки никогда не был у ветеринара. В этом никогда не было нужды. — Ему не нужен ветеринар, и он не продается.

— Я так и думал, что вы так скажете, — сказал Вернон Виа и выудил из бокового кармана чековую книжку. — На последнем собрании МААС мы решили, что можем предложить вам... — он запнулся, — за вашу свинью пять сотен долларов.

Пинки терся боком о занозистый столб ограждения, но его маленькие, похожие на черные бобы глазки неотрывно смотрели на Вернона Виа.

— Это большие деньги, — признал Ренни. — Но у меня все в порядке. Все, что надо, у меня есть.

— Вы можете положить их на свой счет. Отложить на какие-нибудь нужды в будущем.

Ренни покачал головой. Его пальцы с силой сжали миску с птичьим кормом.

— Вы просто не понимаете, — продолжал Вернон Виа, он улыбался и качал головой, как будто разговаривал с маленьким ребенком. — Мы планируем его спаривать. Представьте, вдруг у нас получится вывести поросят с такими же способностями и талантами, как у вашего хряка.

— Пинки не понравится, если его заберут из дому.

— С ним будут обращаться по-королевски, уверяю вас. Мы будем два раза в год спаривать его с отборными самками, у него будет отличная еда, прекрасный просторный хлев. Свиное счастье, так сказать. — Представитель МААС прищурился, словно и впрямь считал себя самым умным.

— Пинки ничего не нужно, у него все есть.

— Ну, тогда пять сотен долларов и лучший поросенок из первого выводка, чтобы вам не было одиноко.

— Мне не одиноко! — взорвался Ренни, от злости у него начал краснеть загривок.

— Простите, но давайте начистоту, — сказал Вернон Виа, и брови у него поползли вверх. — Живете в этих горах, поговорить не с кем, только с этим хряком да с курами, и вам не одиноко? Посмотрим с другой стороны. С деньгами, которые мы вам заплатим, вы сможете купить целую кучу поросят, будете их растить, дрессировать.

Злость горячей волной растеклась от загривка Ренни вверх к макушке и вниз по плечам. Через джинсы под коленями он чувствовал теплое дыхание своего хряка. Ясно, Пинки разозлился, его тоже взбесило, что кто-то хочет забрать его из дому.

Вернон Виа не двигался с места. Брови так и остались в поднятом положении, словно кто-то приставил ему ко лбу ствол пистолета.

— Убирайся с моей земли, — ровным голосом, не разжимая челюстей, сказал Ренни.

Брови поползли вниз. Этот парень рос в деревне. Он знал, насколько серьезна эта команда.

Ренни, все еще держа в руках наполовину пустую миску с кормом, ушел в дом через заднюю дверь. В ушах у него гудело, ладони похолодели. *Чертов чужак! Чертов чужак!* Ренни грохнул миску на кухонный стол и прошел в ванную под лестницей, переждать, пока уедет Вернон Виа. Он сел на шатающийся ночной горшок и расставил пошире ноги, чтобы удержать равновесие. *Проклятый свиновод!* Ренни сжал голову руками, перед глазами заклубился темно-розовый туман, от извивающихся маслянистых судорог свело желудок. Закрыв глаза и вдыхая и выдыхая воздух через плотно сжатые челюсти, Ренни ждал, когда заурчит двигатель автомобиля.

Тишина.

Ренни вышел из ванной и подошел к входной двери. Глянул через стекло. Машина Вернона стояла на прежнем месте.

— Ты где, мистер Свиновод? — спросил Ренни в стекло, брови его сдвинулись к переносице, глаза сощурились. — Еще здесь? Пытаешься украсть мою свинью?

Ренни вернулся в кухню. Глянул в окно на птичий двор. Вернона Виа там не было. Ренни взял дробовик, который держал у двери, и толкнул сетку. Он никогда не пользовался дробовиком, разве только чтобы лис отпугнуть. Дробовик пугал, это точно, от грохота закладывало уши, и сразу становилось понятно, что хозяин не шутит.

Ренни спустился с крыльца. Сетка хлопнула у него за спиной.

И тут же он увидел Вернона Виа. Свиновод валялся в зарослях букса, наружу торчали только ноги, обутые в мокасины. Ренни чуть не засмеялся, потому что вспомнил о Злой Ведьме с Востока, которую прихлопнул фермерский дом Дороти[1], а в голове у него мелькнуло: как это никто не снял с этого умника дурацкие танки с кисточками? Но Ренни так и не засмеялся. На мокасинах свиновода он увидел кровь.

Огонь, который полыхал в глазах Ренни, превратился в лед. Он отложил дробовик в сторону и опустился на колени на мокрую траву. Ухватил один мокасин и потряс.

— Эй, Вернон Виа, ты что, споткнулся?

Тот не отвечал. И не двигался. Ренни ухватил свиновода за щиколотки и вытащил из зарослей букса. От лица Вернона почти ничего не осталось, только один глаз, кусочек хряща в том месте, где был нос, да ошметки щеки. Остальное — красное месиво, скорее напоминающее гамбургер, чем человеческое лицо.

Ренни взвизгнул, отшатнулся назад и плюхнулся на зад. Он вдавил ладони в глаза, но жуткая картина никуда не исчезла.

Рядом послышалось какое-то хлюпанье, Ренни огляделся и увидел Пинки, который слизывал с подгрудка кровь.

— Ох, — выдохнул Ренни, язык его превратился в распухший кусок мяса. — Что ты наделал, Пинки? Что ты со мной сделал?

---

[1] Персонажи популярной детской книжки «Удивительный волшебник из страны Оз» Л. Ф. Баума. В русском пересказе «Волшебник Изумрудного города» А. Волкова.

Ренни распилил бензопилой свиновода на куски и зарыл их в кучи земли, которые приготовил для поздних тыкв и кабачков. Потом надел зимние перчатки, укрыл водительское сиденье мешком для мусора и откатил машину Вернона вниз по подъездной дороге. Он оставил ее на обочине шоссе и протрусил полмили обратно к дому. Пинки тоже хотел поехать, даже настаивал, но Ренни прицельным ударом ноги отогнал хряка и захлопнул дверцу машины.

Это все, что он мог сделать, чтобы не вывороти́ть только что съеденный ланч на сиденье в машине свиновода.

Вернувшись домой, Ренни выпил три чашки кофе и начал ходить из угла в угол. Он посмотрел на телефон — только бы тот не зазвонил! Телефон не зазвонил. Пинки устроился возле кухонного стола и выгрызал репей из копыт.

Ренни не мог смотреть на хряка. Хряк убил Вернона Виа. Почему он это сделал? Возненавидел свиновода за то, что тот хотел увезти его с собой? Ренни не решился спросить Пинки, в этот раз он боялся, что хряк зашевелит своими резиновыми губами и ответит. Пинки перестал выгрызать репей и принялся вылизывать яйца. От этой картины Ренни стало не по себе, и он ушел в гостиную смотреть новости.

Когда пришло время ложиться спать, внезапно разразилась гроза. Ренни поднялся на второй этаж в спальню и, переодевшись в хлопчатобумажный спортивный костюм, стоял у окна и вглядывался сквозь стекающие по стеклу потоки воды в конец двора, туда, где был огород. Ничего, темнота и редкие вспышки молний. Потом он разглядел полосы грядок. Достаточно ли глубоко он закопал останки Вернона в кабачковые кучи? А вдруг вода вымоет их на поверхность? Или Пинки начнет их откапывать?

Зазвонил телефон.

Ренни дернулся и уставился на аппарат на ночном столике. Еще звонок. И еще. Ренни подошел к столику и снял трубку. Она чуть не выпрыгнула у него из рук.

— Да?

— Ренни? — Это была его сестра. Вдруг она уже слышала о пропавшем свиноводе?

— Ну?

— Сегодня твой день рождения,— сказала Регина.— Я подумала, надо позвонить, поздравить.

— Сегодня? — Ренни напряг мозги. Да, так и есть. Сегодня ему тридцать семь. И как это он забыл? Но в то же время почему он должен был вспомнить? Он ведь не учил Пинки читать календарь.

— Ты забыл о своем дне рождения? — Регина успела приобрести гнусавый виргинский акцент. Она была счастлива оттого, что больше не имеет ничего общего ни с деревней, ни с фермой.— Ты что, так сильно занят?

— Да,— Ренни переступил с ноги на ногу,— но спасибо, что позвонила.

— Так, значит, ты никак не отмечаешь? Ничего такого, ну не знаю, необычного, свежего для разнообразия, хоть раз в жизни?

— Нет.— *Вот разве что Пинки убил человека и сожрал его лицо. Можно сказать, это необычно и свежо.*

— Когда ты ко мне приедешь?

Это был риторический вопрос, и Ренни знал это. И Регина знала, что Ренни знает, так что спрашивать можно было спокойно. Но она почему-то считала, что задавать такие вот вопросы — ее сестринский долг.

— Не знаю. У меня куры, ограждения, урожай. Ну, ты знаешь. Да еще тут гроза, так что лучше давай заканчивать. Не хочу, чтобы меня шибануло через провода.

— Конечно. Ладно, желаю весело провести вечер. Пока.

— Спасибо.

Ренни повесил трубку и скрестил руки на груди. Потеребил пальцами протертую ткань на локтях свитера. Удар грома тряхнул дом. Он запер Пинки в сарае, но хряк уже пробирался в дом до этого. Понятно, при желании он может выбраться из сарая.

Ренни спустился вниз. Через дверь на кухне посмотрел на птичий двор и стоящий за ним сарай Пинки. Дверь все еще закрыта, висячий замок на месте. Косой дождь прибивал траву к земле.

Ладно, ладно, все нормально, подумал Ренни. Он сел за кухонный стол и крутанул солонку. Потом положил голову

на руки и постарался не думать о мертвом теле, об останках, которые теперь удобряют землю для тыкв и кабачков.

Проснулся он внезапно. За окном было светло, дождь перестал. Руки затекли, на щеках остались следы от смятых рукавов. Пластмассовые часы на стене в форме заварного чайника показывали восемь сорок семь. Ренни почесал шею, медленно встал и размял затекшие ноги. Он проспал, а Пинки не позвонил в колокольчик.

Но хряк был в доме. Ренни слышал, как тот, пытаясь взобраться на большое кресло с откидной спинкой, ритмично стучит своим закрученным в спираль хвостом по кофейному столику и хрюкает от напряжения.

— Пинки? — позвал Ренни.

В горле у него пересохло, сердце неприятно заколотилось в груди. Ренни хотел, чтобы хряк знал, что он идет к нему. Ему не хотелось застать животное врасплох. Пинки это могло не понравиться.

Хряк сидел в кресле, спинка кресла была опущена... как он смог ее опустить... пасть хряка растянулась в подобии улыбки, обнажив два ряда мелких и острых зубов.

— Как ты открыл сарай, Пинки? — спросил Ренни и отодвинул кофейный столик на место. — Я тебя этому не учил. Как ты выбрался из сарая и попал в дом?

Пинки поудобнее устроился в кресле. В его немигающих глазках, сфокусированных на Ренни, отражался свет из окна, отчего они казались потухшими и белыми.

Ренни нервно сглотнул:

— Чего ты хочешь, Пинки?

Но Ренни уже знал. Как только он это понял, он отшатнулся назад, челюсть щелкнула и отвисла.

— Ты хотел поехать с Верноном Виа? Ты злишься, потому что я не позволил тебе уехать?

Толстый волосатый язык хряка высунулся из пасти и сразу исчез.

— Это значит — да?

Язык снова высунулся и исчез.

— Ты хочешь жить у этих... из этой... как ее там... Ассоциации свиноводов, чтобы они тебя спаривали?

Розовый «дружок» Пинки пару раз выглянул наружу, отсвечивая тем же белым светом, что и его глаза.

— О господи, Пинки.

Пинки моргнул.

— Но ты и я, мы — холостяки. У тебя никого нет, и у меня тоже никого нет.

Хряк вытянул шею и уставился в потолок. Потом пернул.

Зазвонил телефон.

Ренни вернулся в кухню и снял трубку с настенного телефона. Сердце колотилось о ребра.

— Да, — выдавил Ренни.

— Мистер Монро? Это Марла Виа, жена Вернона Виа. Вернон вчера днем поехал к вам. Он не вернулся домой. Он приезжал к вам?

— Да, — *черт, надо было сказать «нет»*, — но он пробыл всего полчаса и уехал.

— О... — Долгая пауза. Голос был молодой и встревоженный. — Может, он сказал, куда собирается поехать после вас?

— Нет, извините.

— Может, у него проблемы с машиной?

— Может быть.

— Но у него мобильный телефон. Я звонила много раз и не смогла связаться. Вы живете в зоне мобильной связи?

— Не думаю.

На другом конце прерывисто и глубоко вздохнули:

— Ладно, спасибо. Кажется, следует обратиться к властям. Мне страшно.

Мне тоже.

Гудки. Ренни осторожно повесил трубку на место. Послышался топот хряка и сопение. Ренни резко развернулся на сто восемьдесят градусов. Пинки стоял в дверях — глаза сузились, уши торчком.

— Что? — спросил Ренни. — Это была жена мертвого парня, если хочешь знать.

Пинки подошел к холодильнику, потянул за дверную ручку, открыл и выбрал себе здоровый кусок жареной курицы с незакрытой тарелки. Хряк бросил курицу на пол

и начал жрать. Застывший жир заляпал пасть и поблескивал словно иней.

Ренни сунул ноги в рабочие ботинки и вышел из дому.

Грядки в огороде разрыхлились от потоков дождя, но не просели, останки Вернона Виа оставались в земле. Ренни стоял в огороде между длинных полос комковатой земли, он оперся руками на лопату и размышлял о том, сколько времени требуется на то, чтобы человек вернулся туда, откуда пришел. Прах к праху, как сказано в Библии. Ответа он не знал. А когда созреют тыквы и кабачки, что они принесут на свет вместе с собой? Может быть, глупо было прятать тело в огороде? *Глупо! Глупо! Глупо!*

Тупая боль клещами сжала затылок, и Ренни закрыл глаза. На черном фоне мерцали розовые и оранжевые искры. Над головой кричали дикие гуси — прилетели из Канады зимовать. Они обоснуются на пруду в северо-западной части фермы. Совьют гнезда, вырастят птенцов и в марте полетят обратно домой. Им не о чем волноваться, этим гусям. Никаких грядок. Никаких счетов. Никаких чертовых умных до задницы свиней.

Ренни резко открыл глаза. Гуси улетели, тень под ногами стала значительно короче. Он долго простоял, опершись о лопату, и теперь плечи гудели от напряжения. Ренни показалось, что в доме зазвонил телефон, но он не пошел отвечать.

Он отправился в курятник, выгнал кур во двор и собрал почти все яйца в пластиковый поддон, который хранил на стропилах. Потом Ренни понес поддон с яйцами через двор на кухню. Пинки сидел на крыльце, в пасти у него трепыхалось что-то красное. Ренни замер на месте.

— Что там у тебя, Пинки?

Пинки оторвал свою тушу от ступенек и радостно потрусил к хозяину, член его болтался из стороны в сторону. То, что болталось у него в пасти, оказалось остатками человеческой кисти руки. Поддон выскользнул из рук Ренни и упал на траву. Яичные желтки растеклись по пластмассе.

Ренни заспешил к парадной двери, Пинки не отставал. На заросшей сорняками подъездной дорожке стоял «седан»,

водительская дверь открыта нараспашку, стройная молодая женщина лежала на земле лицом вниз, ноги ее оставались в машине. Одна рука женщины была подвернута под туловище, другая вытянута вперед. Кисти у вытянутой руки не было.

Боже! Боже! Боже!

Пинки уронил из пасти две фаланги пальцев под ноги Ренни, словно кот, который предлагает хозяину мертвую птичку.

— Марла Виа? — позвал Ренни и тихонько пнул ботинком тело. Но женщина не отвечала и не двигалась.

— Хочешь, чтобы меня наказали? — Ренни повернулся к Пинки и ощерился. — Играешь со мной, прожорливый тупица? Думаешь, меня арестуют и тогда ты сможешь трахать этих долбаных свиней? Да?

Пинки почесался ухом о ногу Ренни, и тот дернулся в сторону.

— И где мне теперь ее закапывать? Может, подскажешь? Покажи — где? Не покажешь, а я... я зарежу тебя на ужин, не думай, я смогу!

Пинки оскалился в ответ, зубы его были в алых подтеках крови.

У Ренни сжалось сердце.

— Покажи — где!

И Пинки показал. Высохший колодец был глубоким, а тело маленьким. Две лопаты золы, известь, а потом сверху земля скроет Марлу Виа от любопытных глаз и носов. Ренни закончил работу, он тяжело дышал, от нервного напряжения покалывало руки и ноги.

Теперь надо было что-то делать с ее машиной.

В сопровождении Пинки Ренни вернулся на подъездную дорожку. Машина Марлы Виа исчезла.

Ренни чуть не задохнулся:

— Дьявол, что за дерьмо?

Пинки рассмеялся. Он не хрюкал, не визжал, он смеялся зловещим смехом. Потом покачал башкой из стороны в сторону и сказал:

— Думал, я не умею водить, да? Я наблюдаю. Я учусь.

Ренни схватился руками за голову и взвыл:

— Куда ты подевал машину?

— Я-то знаю, а вот ты и полиция — ищите.

Резцы Ренни вонзились в нижнюю губу, кожа надорвалась, проступила кровь. Ренни провел языком по губе, она стала неровной и соленой. На вкус губа была как телячья печенка, которую когда-то готовила мама. Ренни убрал язык и сжал челюсти, чтобы больше не пробовать ранки. Он не хотел, чтобы Пинки почуял кровь.

— Куда... ты... поставил... машину? — медленно спросил он.

— Сукин сын, ты — неотесанный, эгоистичный импотент, — с усмешкой сказал Пинки. — Заварил кашу, теперь сам и расхлебывай. — С этими словами хряк развернулся, поднялся на крыльцо и ушел в дом.

— Я не учил тебя говорить! — кричал ему вслед Ренни. — Ты — мутант, урод, вот ты кто!

Пинки не вышел из дому, чтобы ответить на оскорбление. Дураку было понятно — он знал, что превосходство на его стороне.

Следующие несколько часов Ренни, обливаясь потом и сыпля проклятиями, рыскал по полям и в лесу в поисках машины Марлы Виа. В результате шиповник и колючки изодрали его рубаху и джинсы и оцарапали ноги. Пинки наверняка спрятал «седан» на земле Ренни, так что, если полиция обнаружит его, в смерти женщины обвинят Ренни. Но где бы ни была машина, спрятана она была хорошо.

С наступлением темноты Ренни вернулся в дом. Пинки зажег фонарь на крыльце, чтобы осветить дорогу хозяину. Ренни тяжело поднялся по ступенькам и рухнул на качели на веранде. Ржавые цепи заскрипели под тяжестью человеческого тела. Ренни поглядел на порезы сквозь рваные джинсы, осмотрел руки — они были в ссадинах и царапинах.

Из дома появился Пинки, в пасти у него был поднос со стаканом и с миской, в которых был чай со льдом. Учил Ренни хряка готовить чай со льдом или нет? Ренни тупо

взял стакан и выпил чай до дна. Чай был слабый, но холодный. Пинки вылакал свой из миски, предварительно поставив ее на дощатый пол, потом завалился на бок и уснул.

Вскоре послышался вой сирен. Полицейские машины, целых три штуки, покачиваясь на ухабах, приближались по подъездной дороге. Темноту разрывали синие мигалки, из-под колес взлетали тучки цикад. Ренни выпрямился на качелях, он ждал.

Полицейские спрашивали Ренни о мистере и миссис Виа. Они сказали, что миссис Виа сообщила им, что отправляется на ферму к Ренни, чтобы отыскать своего мужа, и обещала выйти на связь. Но она так и не позвонила. Ренни молчал, он смотрел на Пинки и надеялся, что хряк признается. А хряк просто лежал на боку и спал, его надбровные дуги подрагивали во сне.

Полицейские искали всю ночь и половину утра. Ренни все это время сидел на качелях, а Пинки с довольным видом дрых у хозяина в ногах, шкура его дергалась от укусов мух. Около десяти утра во двор въехали машина «скорой помощи» и еще две полицейских. К половине одиннадцатого полицейские обнаружили останки Вернона в огороде, труп Марлы в колодце, два тела в подвале и одно под полом в курятнике.

— Гребаный маньяк! — выругался один из копов, защелкнул наручники на запястьях Ренни и затолкал его в свой джип. — Бедные Виа, что он с ними сделал.

Это не я! Это Пинки!

— А эта беззащитная маленькая девчушка, у нее все еще была красная ленточка за второе место по вязанию на ярмарке в позапрошлом году! Чертов извращенец, убийца!

Маленькая девчушка? Та, что звала хряка Вилбур?

— А эта пара в подвале, — сказал второй коп и тряхнул головой. — Ну и дерьмо. Лежали там сколько? Лет семь-восемь? Топор так и торчит в черепе мужика, а голова женщины отрублена и заткнута между ног.

Пара? Какая пара?!

Ренни сидел, уткнувшись носом в залапанное стекло джипа.

— Какая пара?! — крикнул он, но полицейские его проигнорировали.

Через затуманенное собственным дыханием стекло Ренни видел, как Пинки вперевалку спустился с крыльца и направился обнюхивать лежащие на носилках укрытые простынями тела. Потом хряк потыкался мордой в шины одной из полицейских машин, словно он самая обыкновенная свинья. Свинья, которая не отличает чайную чашку от кормушки для кур, а джакузи от лужи воды.

— Какая пара?

Тела погрузили в «скорую». «Скорая» укатила по подъездной дорожке. Один из копов рывком открыл заднюю дверь джипа и сунул под нос Ренни чье-то обручальное кольцо.

— Видишь, что выгравировано внутри, ублюдок? — прорычал он. — Видишь? Это кольцо твоего папаши. Твой отец и твоя мать были в подвале. Ты зарубил их и закопал в земляной пол.

— Я — что? Нет! Они просто уехали и так и не вернулись.

— Дерьмо, никуда они не уезжали! — Коп зажал кольцо в кулаке и убрал кулак из-под носа Ренни. Потом он положил кольцо в пластиковый пакет и захлопнул дверь джипа.

— Это все Пинки! — Губы Ренни скользили по стеклу. — Пинки их всех убил. Ему не нравится, что я контролирую его жизнь. Ему не нравится жить здесь со мной. Он хочет, чтобы меня наказали!

Восемь лет назад Пинки еще не родился на свет.

Ренни выпрямился и сдвинул брови.

Значит?..

Один из полицейских кивнул в сторону Пинки:

— Я слышал, эта тварь может выделывать разные штуки. Эй, хрюшка, хрюшка, можешь написать для нас свое имя на земле? Напиши свое имя, хрюшка.

Пинки вильнул задом и вывел копытом на земле четыре буквы «Х», «Р», «Я», «К». Потом отошел к дому и улегся перед крыльцом.

— А что, я думаю, для хряка — хорошо, — сказал полицейский. — Нельзя ждать большего от такого тупого жи-

вотного. Свиньи делают то, чему их учат, и больше ничего. Они более предсказуемы, чем люди. Не то что этот ублюдок в машине, скоро его поджарят, как бекон.

Товарищ копа усмехнулся, тряхнул головой и подошел к машине. Через минуту он уже выруливал джип по направлению к шоссе, Ренни на заднем сиденье уперся лбом в стекло и безумными глазами смотрел на проплывающие мимо деревья.

Они не разрешали мне быть с девочками. Они сказали — секс — гадость, заниматься этим неправильно. Они говорили, я не должен трогать себя или еще кого-то, они говорили, что все мне дали и больше мне ничего не нужно.

Они сказали, что сделали это со мной, чтобы я ни о чем таком не волновался.

Ренни почесал в паху, в том месте, где когда-то были его гениталии. Перед глазами поплыли розовые и оранжевые пятна. Во рту появился привкус крови.

Пинки, что ты со мной сделал?

МАРК СЭМЮЭЛС

«Глипотех»

Марк Сэмюэлс родился в Лондоне, и этот великий город оказал большое влияние на творчество писателя.

Признанные мастера мистической прозы — Томас Лиготти, Т. Э. Д. Клайн и Рэмси Кэмпбелл назвали его сборник рассказов 2003 года «Белые руки и другие жуткие истории» («The White Hands and Other Weird Tales») значительным вкладом в литературу.

Увесистая повесть Сэмюэлса «Лицо сумерек» («The Face of Twilight») не так давно вышла в издательстве «Publishing PS». Рассказы писателя появлялись в антологиях «В одиночестве на темной стороне» («Alone on the Darkside»), «Страшные истории. Выпуск 3» («Terror Tales. № 3») и «Лучшее за год. Мистика. Фэнтези. Магический реализм. Выпуск 19» («The Year's Best Fantasy and Horror. № 19»). В настоящее время Сэмюэлс работает над своим первым романом в жанре фэнтези, место действия которого — окруженный вечной мерзлотой подземный город.

«Пару лет назад совершенно неожиданно меня пригласили принять участие в трехдневном семинаре, который проводила организация, занимающаяся вопросами „человеческого потенциала", — вспоминает писатель. — Однако, прежде чем согласиться, я навел справки и заподозрил, что цель этого „семинара" — психологическое воздействие, направленное на выманивание честно заработанных денег и формирование долгосрочной зависимости.

Замечу, что организация, куда меня зазывали, не имеет ничего общего с монстром „Глипотех", который целиком и полностью является плодом моего воображения».

Франклин Криск в целом терпимо относился к своей работе, да и к коллегам тоже. Конечно, и работа, и сотрудники его утомляли, но невыносимой атмосферу в офисе делали шум и жара. На перекрестке возле издательского дома «Маре» рабочие в спецодежде ремон-

тировали дорогу. Производимый ими шум скорее напоминал скрежет когтей по школьной доске, нежели треск отбойных молотков, который можно было бы ожидать в подобном случае. Лето было в разгаре, но служащие офиса, чтобы заглушить шум, вынуждены были закрыть все окна. Так как комфорт сотрудников мало волновал руководство компании, кондиционеры в издательстве отсутствовали и в переполненных помещениях температура была невыносимо высокой. Свежая рубашка Криска намокла от пота, в висках пульсировала боль.

Но Криск и не думал протестовать. Он поражался тому, что его все-таки приняли на работу в эту компанию, расположенную в четырехэтажном белостенном здании на площади Фиттон. Теперь-то Криск ясно понимал, что слишком долго пробыл за океаном. Двадцать лет, прожитых в Японии, в Киото, привели к тому, что найти работу на родине для него стало почти нереально. Криск (не особенно отдавая себе в этом отчет) до такой степени заразился японской манией соблюдения ритуалов и правил социального общения, что даже его речь стала соответствовать восточным образцам, и это отдаляло его от других сотрудников издательства.

Несмотря на то что Криск подавал несколько заявок на разные незначительные должности, которым, как он считал, более соответствовала его квалификация, работа в «Маре» стала единственной предложенной ему вакансией. В обязанности Криска входили ввод данных по отчислениям в компьютерную систему, распечатка результатов и последующая рассылка авторам. Иными словами — восьмичасовое сидение перед тусклым монитором. Компьютеры, которые компания выделила для выполнения подобных операций, давно устарели. У них не было дополнительной памяти, где можно было бы разместить какие-нибудь другие программы, которые позволили бы отвлечься от нудной работы. Не было и доступа в Интернет, даже электронной почты, чтобы связаться с внешним миром, и то не было!

И вот теперь еще этот шум и жара! Больше всего угнетало то, что дорожные рабочие были постоянно скрыты за

возведенными ими же самими щитами и никто не мог разглядеть, что именно они там делают. Дорожное покрытие напоминало стеганое одеяло из серых лоскутов, яркость которых зависела от давности укладки.

Рабочих можно было увидеть только мельком, когда они выныривали из-за щитов и направлялись в свой грязно-зеленый фургон или выходили из него. Странно, но никто из них не был замечен с лопатой или киркой в руках. Несмотря на жару, неизменно экипированные в невообразимую черную робу, эти труженики ни у кого не вызывали желания подойти и прямо спросить, чем они, собственно, там занимаются. Они совсем не походили на шумных грубоватых работяг, наоборот, это были молчаливые, неулыбчивые типы с бледными физиономиями, со ртами как щели и с глазами как большие чернильные кляксы. Их ненормально длинные руки и ногти были черными от грязи, и один из сослуживцев Криска в шутку предположил, что они роют землю голыми руками. На борту фургона было написано «Глипотех Реконструкция». Кто-то из сотрудников «Маре» сказал, что, когда он набрал указанный на борту телефонный номер, на том конце ему никто не ответил. Как бы то ни было, через несколько дней щиты были убраны и наступила благословенная тишина. По странному стечению обстоятельств тогда же прогремела гроза и наконец-то спала невыносимая жара. Двойное облегчение — прекратился изматывающий нервы скрежет, пришла долгожданная прохлада.

— Сэр,— сказал Криск в своей формальной японской манере, от которой так и не сумел избавиться по возвращении с Востока.— Пожалуйста, будьте так добры, объясните мне этот момент поподробнее. Вы сказали, мне следует пойти. Но не могли бы вы прояснить свое предложение. Прошу вас сделать это, разумеется, со всем моим уважением.

— Я просто предлагаю вам улучшить качество своей жизни,— отвечал Джеймс О'Хара, поморщившись от изысканной вежливости Криска.— Я наблюдал за вами какое-то время, и мне кажется, что вы бездарно тратите свои силы. «Глипотех» поможет вам сфокусироваться на собст-

венной жизни, укажет путь к осознанию своего потенциала, о котором вы даже и не подозреваете.

Криск пару секунд смотрел на шефа, прикидывая, как лучше ответить. А его шеф просто стоял, заведя руки за спину, и улыбался. Криск припомнил: «Глипотех» было написано на фургоне рабочих, которые неделю назад ремонтировали дорожное покрытие на площади. Но он не мог представить себе, какое отношение они могут иметь к данному предприятию. Словно прочитав его мысли, О'Хара заметил:

— Да, да... «Глипотех» работает в различных направлениях. Курсы психологической трансформации, так же как и реконструкция зданий и дорог, являются одним из аспектов их деятельности. Я всерьез рекомендую вам пройти эти курсы. Помните, что многие ваши коллеги на них уже записались, и, если вы к ним не присоединитесь, это будет выглядеть...

Не было смысла продолжать, чтобы убедить Криска. Начальник говорит подчиненному, что будет лучше согласиться. Перспектива впасть в немилость не прельщала Криска. Эта работа, пусть и скучная, ему нужна. В конце концов, у него есть долг перед издательским домом «Маре».

— Сэр, — отвечал он, с трудом удержавшись от выработанного годами легкого поклона, — разумеется, я согласен. Нет необходимости продолжать обсуждение. Скажите мне время и место проведения занятий. Я с радостью приму в них участие.

Вернувшись из кабинета шефа к своему рабочему столу, Криск осторожно поинтересовался у коллег, поступали ли им предложения пройти курсы «Глипотеха». Предложения поступали всем, а некоторым сотрудникам давали ясно понять, что отказ принять предложение О'Хары вызовет недовольство начальства. Из этих разговоров Криск сделал вывод, что большинство из них воспринимают курсы «Глипотеха» как своего рода семинар, который повысит эффективность работы и моральный дух сотрудников издательского дома «Маре».

Позже, в тот же день, один из младших сотрудников разнес по отделам издательства флаеры. На каждом — ло-

готип «Глипотех Реконструкция», выполненный так же, как и на фургоне дорожных рабочих. Под логотипом жирными буквами был выведен призыв:

«Оцени воздействие, которое окажут наши курсы на ТВОЮ жизнь!»

И далее мелким шрифтом короткий текст:

«У тебя упадок сил, отсутствуют жизненная перспектива и сила воли? Ты плывешь по течению, вместо того чтобы контролировать события? Мы гарантируем — с нами ты исправишь ситуацию и обретешь цель! Используя наши ментальные технологии, ты без страха преодолеешь все препятствия, почувствуешь радость от вновь приобретенного смысла жизни и добьешься успеха как в личной жизни, так и в работе. Приходи на наш вводный семинар с открытым сердцем и душой. Твоя жизнь слишком дорога, чтобы тратить ее впустую! Присоединяйся к нам!»

Текст сопровождался информацией о том, где и когда будет проводиться семинар: в Грантхэм-отеле, всего в нескольких минутах ходьбы от издательского дома «Маре». Но когда Криск ознакомился с часами работы семинара, настроение у него ухудшилось. Занятия должны были проходить два дня подряд с десяти утра до десяти вечера. Более того, эти два дня приходились на ближайшие выходные.

По офису пронесся сдавленный стон сотрудников. До каждого прочитавшего подброшенные флаерсы дошло, что их всех облапошили и на курсы они будут тратить свое личное время, а не время компании, и причем на якобы добровольной основе.

По мере приближения конца недели в офисе нарастало вялое недовольство, хотя никто и не высказывал его вслух. Без сомнения, молчанию сотрудников способствовал тот факт, что единственный из них, у которого хватило мужества выразить свое нежелание быть обманутым, в тот же день был уволен с работы. Этот сотрудник, которого звали Дэвид Хогг, обнаружил свой стол пустым уже через пять минут после разговора с О'Харой. Самого Дэвида охранники силой выпроводили из здания, а через несколь-

ко мгновений на улицу следом выбросили и его личные вещи.

Криск в этот момент стоял у дверей, через которые вышвырнули Хогга. В компании проводилась борьба с курением, и Криск каждый час украдкой наслаждался сигареткой именно в этом месте. После того как он помог бывшему сослуживцу собрать разбросанные вокруг вещи, у них состоялся короткий разговор.

— Простите... — сказал Криск, — но, если позволите, я бы хотел спросить, почему издательство «Маре» так грубо с вами обошлось?

Хогг застонал.

— Я знаю все об этих семинарах «Глипотех», — наконец ответил он. — Я сказал О'Харе, что ни за что на свете не пойду на них, я и других предупредил, чтобы они держались от «Глипотеха» подальше. Мы разругались в пух и прах, и он сказал, чтобы я выметался. Я мог бы такое порассказать вам об этом «Глипотехе», они...

От дерзости Хогга у Криска мурашки пробежали по спине. Вызвать недовольство О'Хары — все равно что вызвать недовольство всего издательского дома «Маре»! Криск быстро огляделся по сторонам, его пугала перспектива быть замеченным рядом с уволенным сотрудником. Один потерянный уик-энд — ерунда, он готов и на большие жертвы ради того, чтобы угодить начальству. Извиняясь и бормоча слова сочувствия, Криск попятился от Хогга как от прокаженного и быстро проскользнул обратно в здание «Маре». Он знал, что О'Хара легко обоснует свое решение уволить Хогга, ведь тот совсем недавно устроился в компанию и пару раз появился на работе в нетрезвом виде.

Вернувшись к своему рабочему столу, Криск еще раз пробежал глазами по флаерсу «Глипотеха». Да, раздувать скандал из-за какого-то семинара по мотивации — это слишком.

В субботу утром, ровно в десять (О'Хара всех предупредил, что опоздания не приветствуются), Криск в числе сотни таких же, как он, сотрудников «Маре» сидел в акто-

вом зале Грантхэм-отеля. В зале стоял приглушенный шум голосов, обычный, когда собирается такое количество людей. Оглядевшись по сторонам, Криск заметил нескольких коллег из своего офиса и кивком поприветствовал их. У самого входа в зал сидел О'Хара.

В конце зала располагалась сцена, а за ней экран, на который можно было проецировать слайды.

Кто-то у входа подал сигнал человеку в конце зала, массивные двери открылись, и появился мужчина в дорогом, превосходно сшитом костюме. Мужчина уверенным шагом прошел между рядами кресел к сцене. То, как он держался, впечатляло, казалось, его окружает аура несгибаемой уверенности в себе. А еще — по крайней мере, на взгляд Криска, — в этой уверенности сквозила некоторая доля высокомерия.

Мужчина поднялся на сцену и послал в зал обезоруживающую улыбку. Ему было около сорока пяти, ухоженные черные волосы зачесаны назад с высокого лба.

— Добро пожаловать, незнакомцы, а в скором будущем — друзья! — звонко и проникновенно произнес он.

Перед аудиторией явно стоял человек с большим опытом публичных выступлений.

— Хочу поздравить каждого, кто принял решение прийти на наш семинар, — продолжал он. — Я уверен, никто из вас никогда об этом не пожалеет. Позвольте представиться: Хастейн Эббот. Как я понимаю, — тут он опять одарил зал своей неотразимой улыбкой и насмешливым взглядом обвел собравшихся, — некоторые из вас хотели бы узнать, на что они, собственно, подписались. Одну вещь я хочу прояснить прямо сейчас. Вы можете уйти, вас никто не неволит. Это правда. Но если вы уйдете, другого шанса в этой жизни у вас уже не будет. То, что произойдет с вами в ближайшие несколько дней, можно назвать персональной революцией.

В задних рядах кто-то хихикнул. Криск глянул через плечо и увидел, что это была женщина за тридцать, очень полная, в очках, вся в черном.

— Эй, эта леди, вон в том ряду, сейчас выразила то, что у многих из вас на уме. Мол, ладно, бросьте, все это обыч-

ное выколачивание денег, так? Но это не так, друзья мои. Если вы примете то, что мы можем вам предложить, если вы действительно *открыты* для этого, поверьте, ваш мир изменится навсегда.

Эббон выдержал паузу.

— Кто-нибудь желает уйти?

Он не отрываясь смотрел на полную женщину. Та опустила голову, и вид у нее был смущенный.

— НЕТ?

В зале повисла напряженная тишина. Сейчас, подумал Криск, встать и уйти может только человек, обладающий такой же уверенностью в себе, как Эббон. Таковых не нашлось.

Криск вдруг почувствовал себя неуютно. Это не было похоже ни на один из тех семинаров по мотивации, которые ему приходилось посещать. А посещал он их немало, еще до того, как его наняли через агентство на работу в Японии. Сейчас происходило нечто совсем иное. И впервые Криск задумался о том, не было ли его решение сохранить лояльность по отношению к издательскому дому «Маре» ошибкой.

Эббон улыбнулся:

— Да, позвольте заметить, это необычно. Вы явно гораздо умнее последней группы, которая посещала наш семинар. Правда, в тот раз публика была из южных районов города...

Несколько человек в зале рассмеялись, и напряжение спало.

Через два часа Криск понял, что значительное количество людей в зале уже проходили курсы «Глипотеха» раньше. Они становились гидами новичков, инструктировали их, как правильно соблюдать предложенный «Глипотехом» протокол. Например, задавать вопросы без разрешения было нельзя. Дремать на занятиях непозволительно. А те несколько перерывов на перекус и кофе повсюду могли проводить только в компании с приставленными к ним гидами. В основном все разъяснения и дискуссии велись вокруг «тех-

нологии», предлагаемой «Глипотехом», часто употреблялись такие термины, как «момент эврика» и «шаблоны». Под первым, по всей видимости, понимался такой момент в жизни индивида, когда счастье находится на расстоянии вытянутой руки. В то время как под вторым подразумевались привычки индивида — например, приемы, которые человек использует, чтобы оправдать отказ делать то, что от него требуется.

Подобных терминов было множество, но вскоре Криск потерял к ним интерес и перестал слушать бесконечные разъяснения. На его взгляд, все это было убогой смесью психологии и нравоучений, для вящей привлекательности приправленной дзен-буддизмом.

То, что последовало дальше, вызвало у Криска приступ тошноты. Вернувшихся после перерыва попросили подойти к микрофону на сцене и поведать аудитории о своих слабостях, психотравмах и поражениях. К тому времени, когда подошла очередь десятой выступающей (казалось, эта леди была довольно опытна в такого рода публичных исповедях), Криск начал подозревать, что многим, подходящим к микрофону, нравится изливать душу на публике. Он даже предположил, что к этому занятию можно пристраститься. Ведь после всех этих слез и стенаний следовала бурная овация. Первые два признания публика встречала жидкими аплодисментами, но потом по щекам участников семинара начали струиться слезы. Зал захлестнула волна такой теплоты и симпатии, что Криск с великим трудом удержался от того, чтобы самому не выйти на сцену и не принять участие в публичном самобичевании.

Когда участники семинара начали поголовно исповедоваться в своих слабостях, Криск обратил внимание, что за ним неотрывно наблюдает О'Хара. Криск был единственным сотрудником «Маре», который еще не поддался царящей в зале отеля истерии.

Эббон периодически возвращался на сцену, в одно из таких своих явлений он разъяснил присутствующим понятие «монолог», над которым работает «Глипотех».

— «Монологи», — бодрым голосом сказал он и фальшиво улыбнулся, сверкнув зубами, — это способ, с помощью

которого мы интерпретируем то, что с нами происходит, и пытаемся справиться с неудобной для нас ситуацией. Рассмотрим один пример. Предположим, ваш босс накричал на вас за то, что вы опоздали на работу. Ваша реакция? Вы разозлились, вы раздражены, ВЫ ИЩЕТЕ ДЛЯ СЕБЯ ОПРАВДАНИЯ! А затем вы убеждаете себя, что босс плохой человек, только потому, что он испортил вам настроение. Вы используете монолог, чтобы избежать правды. Итак, первое — посмотрите правде в глаза. Проблема не в вашем боссе. ПРОБЛЕМА В ВАС САМИХ. Да, примите это, и примите искренне. Понимаете, о чем я сейчас говорю? Монолог — это когда человек говорит с самим собой и никого больше не слушает, потому что он зол или боится. Разве кто-нибудь из вас не занят тем же прямо сейчас, ДАЖЕ КОГДА Я ГОВОРЮ?

Криск заерзал в кресле. Люди вокруг него с энтузиазмом закивали, словно у них в мозгу зажглись лампочки. Они впитывали каждое слово Эббона. Атмосфера в зале, казалось, сгустилась от всеобщей экзальтации и охватившей всех слепой веры.

Закончив свои разъяснения, Эббон пригласил участников семинара поделиться примерами собственных «монологов» с присутствующими. Толпа ринулась к сцене, желающих было столько, что пришлось организовать очередь.

Один за другим люди поднимались на сцену и изливали в зал свои истории о том, как плохо они относятся к своим матерям, к своим детям, даже к своей работе, и все потому, что, вместо того чтобы принять ответственность на себя, перекладывают ее на других. Все бы ничего, но Криска беспокоил тот факт, что некоторые из выступавших — по крайней мере, ему так казалось — по вполне разумным и объективным причинам имели право на негативные чувства. Один человек поделился историей о том, как он возненавидел свою смертельно больную мать, которая четыре года была прикована к постели. Все это время он ухаживал за ней, мыл, кормил, а в благодарность за все это мать перед смертью сказала ему, что ненавидит его и хочет видеть дочь, которая не могла видеть свою мамашу в таком

состоянии. Почему этот человек не имел права обидеться на неблагодарную мать? Было ясно, что он ее любил, а ему было отказано в естественной в таком случае взаимности, где логика? Следующая выступающая поведала всем о том, что была изнасилована, а потом, воодушевившись, простила насильника и заявила, что частично сама была соучастницей в совершенном над ней надругательстве. Заурядный случай, если бы не сводящая с ума мешанина фактов.

Если мозг всех присутствующих озарился ярким светом, то мозг Криска укрыла прохладная и успокаивающая, как тень в солнечный летний день, темнота.

«Я не хочу отказываться от своей боли, — рассуждал он про себя, — она мне нужна. Она часть меня, часть целого, такая же часть, как моя радость. Это не рак мозга».

Поражаясь самому себе и поразив весь зал, Криск не торопясь встал и, не обращая внимания на жесткий взгляд О'Хары, направился к выходу.

— Пожалуйста, извините, — бормотал он на своем странном английском каждому, кто был в состоянии его услышать, — но это просто промывание мозгов, не более того.

Когда Криск вышел из актового зала, к нему направился незнакомый мужчина. Мужчину сопровождали два типа в такой же робе, какая была на рабочих, снующих у припаркованного напротив издательского дома «Маре» фургона «Глипотеха».

— Вы уходите? — с вызовом, но тем не менее оставляя пространство для переговоров, спросил мужчина. — Не советую. Ваше желание уйти именно сейчас как раз указывает на то, что вы остро нуждаетесь в нашей помощи.

Мужчина не обращал внимания на две угрожающего вида фигуры, стоящие по бокам от него, однако их молчаливое участие в этом неприкрытом давлении на Криска было очевидным.

Криск заметил, что вблизи рабочие «Глипотеха» выглядели еще более жутко, чем на расстоянии. По каким-то непонятным причинам рукава их черной робы были слишком длинными, полностью скрывали руки, а манжеты бол-

тались, оставаясь пустыми. Их мертвенно-бледные лица с прорезями вместо ртов и черными пятнами глаз абсолютно ничего не выражали, складывалось впечатление, что они вылеплены не из живой плоти, а из оконной замазки.

— Я совершил непростительную ошибку, — сказал Криск. — Вся вина лежит только на мне. В дальнейших объяснениях нет необходимости. А теперь я ухожу.

Мужчина не двинулся с места, он молчал, словно обдумывал свои дальнейшие действия. Криск забеспокоился. Его взгляд скользнул по бейджику на лацкане пиджака незнакомца (пока проходил семинар, все должны были ходить с бейджиками), потом по безликим физиономиям рабочих «Глипотеха». Криск обратился к мужчине лично.

— Мистер Коллинз, вам придется меня пропустить, — сказал он, голос его был поразительно ровным и не выдавал страха, разъедающего Криска изнутри. — Я предупредил своих друзей, что, если я не позвоню им в пять вечера, они должны приехать и забрать меня отсюда. В случае необходимости они прибегнут к помощи полиции. Мои действия обусловлены предостережением коллеги против посещения семинара «Глипотеха». Увы, данная предосторожность оказалась неприятной необходимостью.

— В ней не было никакой необходимости, уверяю вас, мистер Криск. Мы не вербуем людей в круг своих друзей. *Если вы считаете, что должны уйти, уходите.* Вы свободны, выбор за вами, — отвечал Коллинз, он едва сдерживался и последние слова буквально прошипел.

Криск прошмыгнул мимо охранников «Глипотеха», пересек холл и вышел из Грантхэм-отеля. Едва оказавшись на улице, он содрогнулся при мысли о том, как его встретит в понедельник О'Хара, ведь что бы там ни было, Криск все еще оставался служащим издательского дома «Маре».

Но в понедельник, когда Криск пришел на работу, ему показалось, что все забыли о его поступке. О'Хара приветствовал его сияющей улыбкой (хотя сам вид улыбающегося шефа, по мнению Криска, представлял ужасное явление). Криск, как обычно, занялся вводом данных в компьютер

и погрузился в работу. Однако постепенно в поведении коллег он заметил что-то новое, и в этом не было ничего зловещего, а просвечивало скорее нечто вроде жалости к нему. Трудно было не заметить, что теперь коллеги Криска частенько использовали в разговорах терминологию «Глипотеха» и выполняли свои обязанности куда с большим усердием, чем прежде.

И только вечером, уже дома, Криск убедился в том, что его отказ досидеть семинар до конца привел-таки к реальным последствиям. Телефон зазвонил в семь часов, как раз когда Криск готовил себе на ужин суши.

— Алло, мистер Криск, это Джон Коллинз из «Глипотеха». Надеюсь, вы не возражаете против моего звонка. Я бы хотел закончить разговор, который у нас состоялся в последний раз. При встрече в «Глипотехе», помните?

Криск безмолвно застонал. Ему страшно хотелось швырнуть трубку, но правила этикета не позволяли сделать это.

— Полагаю, нам больше не о чем говорить, — отвечал Криск. — Я занят приготовлением ужина. И вообще предпочел бы не обсуждать больше эту тему...

— Уверяю вас, это не займет много времени, — оборвал его Коллинз. — Я просто хотел уведомить вас о том, что в конце этой недели начинается новый курс, и мы были бы рады пригласить вас поприсутствовать. Забудьте о том, что было, начните все заново. Многие наши лучшие друзья не сразу пришли к абсолютному принятию того, что предлагает «Глипотех».

— Простите, но мне это неинтересно, — отрезал Криск.

— Пожалуйста, пересмотрите свое решение. Не стоит торопиться. Подумайте хорошенько. Я перезвоню вам завтра или в любое удобное для вас время. Видите ли, вы не можете звонить нам, это против протокола...

— Не перезванивайте! Как вы вообще узнали номер моего домашнего телефона? Это вторжение в частную жизнь, я сообщу в телефонную компанию о грубом нарушении...

— Позвольте быть с вами откровенным, мистер Криск. Мы навели справки. Мы знаем, что ваше заявление о друзьях, которые якобы должны были прийти на семинар, —

всего-навсего сочиненный вами монолог. Видите ли, у нас есть список ваших звонков, в телефонной компании понимают, что это ради вашего же блага. Их менеджеры и служащие нашли последний семинар «Глипотеха» весьма полезным для реконструкции их...

Криск бросил трубку. А потом позвонил оператору.

— Алло, оператор? — сказал он. — Это Фрэнклин Криск, мой номер четыреста пятьдесят шесть шестьдесят семь триста четыре. Я хочу сообщить о «Глипотех Реконстр...»

— Да, конечно, сэр, — перебил его бесцветный голос. — Я переключу ваш звонок на номер соответствующего департамента.

Но в соответствующем департаменте Криску отвечали нескончаемые гудки. А когда он во второй раз позвонил оператору, его моментально перевели на линию, отвечающую одними лишь короткими гудками, не дав даже закончить предложение. После седьмой попытки Криск сдался.

Прошло всего два дня, и Криск понял: то, что он поначалу принял за странную снисходительность со стороны О'Хары и других сотрудников издательства, на деле является первым тактическим шагом в психологической войне. Криск подозревал, что изначально ему просто предоставили возможность сомневаться. Благодаря своей убежденности в действенности семинаров «Глипотеха» сотрудники «Мире» верили в то, что Криск, несмотря на неудачный старт и отказ сотрудничать, рано или поздно все-таки попадет в сети их догм. Но шли дни, а отношение Криска к идеям «Глипотеха» оставалось таким же непримиримым, как в тот момент, когда он на глазах у всех покинул семинар, и тогда поведение сослуживцев начало понемногу меняться. Внешней враждебности они не проявляли, но стали до крайности навязчивы. Не проходило и часа, чтобы кто-нибудь из сотрудников не упомянул о том, как благотворно влияют технологии «Глипотеха» на их жизнь, о том, какую радость теперь приносит им работа, и о том, с каким нетерпением они ждут встречи со своими товарищами по семинару. Все это намеренно говорилось неподалеку от стола Криска, но

всей видимости, для того, чтобы он почувствовал себя изгоем, чудаком или ненормальным, который не понимает своей выгоды.

Джон Коллинз или какой-нибудь другой энтузиаст «Глипотеха» продолжали названивать ему домой, иногда по три-четыре раза за вечер, но Криск обрывал разговор и бросал трубку, как только узнавал голос звонившего. Тогда они прибегли к помощи целой роты подставных лиц, что позволяло заставать Криска врасплох, и это буквально сводило его с ума. Все попытки связаться с телефонной компанией и заставить их уладить проблему, по-прежнему оставались безрезультатными. Криск всерьез начинал думать, что телефонная компания является одним из филиалов загадочного «Глипотеха».

Звонки изматывали, но оказались мелочью по сравнению с ударом, который почувствовал Криск, когда обнаружил, что находится под наблюдением. Прямо напротив его подъезда припарковался фургон компании «Глипотех Реконструкция». По вечерам, когда Криск выглядывал в окно, фургон всегда стоял там, а за лобовым стеклом грязно-зеленой машины были ясно видны белые лица оперативников, которые неотрывно смотрели на него черными пятнами глаз.

Прошла еще одна неделя. Криск не давал повода к увольнению — безупречно выполнял свои обязанности и всегда вовремя приходил на работу. О'Хара и другие сотрудники с нарастающей неприязнью реагировали на Криска, который не изменял своей позиции. Их жизнерадостность как будто дала трещину, словно сам факт существования Криска был причиной какого-то душевного дискомфорта глипотеховцев. Так обстояло дело или иначе, но в одном Криск был уверен: глипотеховцы никогда не осмелятся в этом признаться. Он начал подозревать, что те, кто прошел семинар и заявлял, будто получил от этого по максимуму, в глубине души до ужаса боялись разочаровать «Глипотех», обнаружив малейшее сомнение в успехе их психологической реконструкции. Все они теперь платили значительные суммы, чтобы пойти на курсы продвинутого уровня. Тем, кто не мог заплатить такие деньги, издательский дом «Маре» выдавал беспроцент-

ный кредит, так что на семинарах было гарантировано присутствие практически всех сотрудников.

В результате постоянного напряжения Криск начал страдать от периодической бессонницы. И все же он почувствовал некоторое облегчение, хотя бы потому, что рота телефонных звонарей-энтузиастов «Глипотеха» наконец прекратила трезвонить ему по вечерам. Но зато Криску начало казаться, что и на работе, и по пути домой он ловит на себе напряженные, исполненные ненависти взгляды окружающих. Более того, он никак не мог избавиться от ощущения, что у большинства из тех, с кем он сталкивается на улице, происходит что-то неладное с лицом. У тех, на ком задерживался взгляд Криска, глаза внезапно начинали утопать в глазницах и постепенно превращались в темные пятна грязи, одновременно с этим их руки, пальцы и ногти становились пугающе длинными.

Вскоре к припаркованному напротив подъезда Криска фургону присоединился грузовик с материалами для возведения строительных лесов. На бортах открытого кузова также значился логотип «Глипотеха». Итак, решил Криск, эта компания к своему постоянно растущему списку предприятий прибавила еще и возведение строительных лесов. Наблюдая за тем, как выполняются контракты по обновлению большей части домов в городе, о чем писалось в газетах, Криск испытывал смутное чувство тревоги. Теперь, куда бы он ни кинул взгляд, можно было увидеть решетки строительных лесов с матово-белыми пластиковыми щитами с логотипом «Глипотеха» на фасаде.

Хоть Криск и надеялся, что новое направление деятельности умерит активность «Глипотеха» в области псевдопсихологического перепрограммирования людей, тем не менее он старался обходить стороной окруженные строительными лесами здания. Из-за скрывающих леса матовых щитов отчетливо доносился скрежет, словно десятки длинных ногтей скребли и скребли по стеклу, кирпичу и бетону.

Чтобы успокоить разыгравшиеся за день нервы, Криск частенько заглядывал на пару часов в бар, что находился в переулке неподалеку от издательского дома «Маре». Ник-

то из его сослуживцев больше не коротал время в этом заведении, по протоколу «Глипотеха» все напитки заменялись чаем. Это было тихое местечко, с полутемным залом, располагающее к неторопливым размышлениям.

Криск потягивал пиво, и в этот момент в бар вошел человек с забинтованной головой. Криск старался не смотреть на вошедшего, но не мог не испытывать к нему сочувствие. Должно быть, этот мужчина попал в жуткий переплет. Незнакомец, вместо того чтобы подойти к барной стойке, направился прямиком к столику Криска и рухнул на стул напротив него.

— Как дела, Криск? — спросил он каркающим голосом, и Криск опознал в нем бывшего сотрудника «Маре» Дэвида Хогга.

— Есть свои трудности, — отвечал Криск. — Но, думаю, они — ничто по сравнению с вашими. Я полагаю, с вами произошел несчастный случай. Это очень неудачно, особенно если учесть ваше недавнее увольнение.

Глаза Хогга в дырах бинтовой повязки увлажнились. Казалось, за наслоениями бинтов нет ничего, ни носа, ни скул, только глубокие дыры.

— Я знаю, — снова подал голос Хогг, — что те, кто не стал жертвой промывания мозгов «Глипотеха», могут позволить себе время от времени заглянуть сюда и немного выпить. Обращенные, естественно, алкоголь не переносят. Но, должен признать, я и подумать не мог, что вы лично сможете отказаться от семинара, вы ведь такой лояльный сотрудник.

Криск не мог понять, делает ему Хогг комплимент или, наоборот, пытается принизить.

— «Глипотех» отвратительная организация, — сказал Криск, — нападает на свободу мысли, преследует тех, кто выступает против этого. Любой человек чести, который знает, что такое долг, поступил бы так же, как я.

— Не купишь мне выпить, Криск? Извини, что прошу. Но у меня совсем нет денег, а выпить очень надо. А я тебе за это дам один совет. Поверь, он стоит гораздо дороже, чем выпивка!

— Совет? Объяснитесь, пожалуйста.

— Когда пальешь, — отвечал Хогг.

Криск отошел к стойке и вернулся с очередной пинтой пива для себя и с виски с содовой для Хогга. Тот судорожно глотнул из стакана янтарную жидкость, несколько капель упали на забинтованный подбородок.

— Как далеко ты продвинулся на семинаре? — спросил Хогг и поставил наполовину пустой стакан на стол.

— В первый день отсидел приблизительно часов пять. Ушел, когда...

— Я просидел весь первый день, — перебил Криска Хогг, — и второй почти до конца. Это было еще до того, как я пришел в «Марс». С предыдущей работы я ушел потому, что увидел, к чему семинары «Глипотеха» привели людей моей компании. Но «Глипотех» не позволил мне отказаться от своего предложения. Они без конца названивали мне домой, а потом мои сослуживцы за то, что я не вписался в эту историю, подвергли меня остракизму. С тобой, наверное, сейчас происходит что-то похожее.

Криск кивнул. Ему стало очень стыдно оттого, что он так сильно недооценивал Хогга.

— Они мне больше не звонят, — ответил он.

Казалось, эта новость не успокоила, а, наоборот, взволновала Хогга еще сильнее.

— Ты понимаешь, что у них в действительности нет руководящего центра? — возбужденно продолжал Хогг. — То есть они, конечно, говорят, что такой центр есть. Но это всего лишь расположенный неизвестно где пустой, заброшенный офис, в котором стоит стол, на столе телефон и нет никого, кто бы ответил на звонок. Звонки, которыми тебя донимают, идут не оттуда. Я даже не знаю, бывал ли хоть раз в этом офисе этот свинья Эббон. Спрашивать, где находится центр, против протокола.

Забинтованный Хогг ухватил стакан со скотчем и одним махом опрокинул его себе в глотку.

— Повторить? Как вы? — спросил его Криск.

— Бери бутылку, — выдавил Хогг и закашлялся.

Они изрядно напились.

— А знаешь,— сказал Хогг, с трудом ворочая языком,— что происходит на второй день? Они рассказывают тебе о своей ментальной технологии. Эти ублюдки повторяют свою пропаганду снова и снова до тех пор, пока она не перестает казаться бессмыслицей, пока, как они говорят, ты не достигнешь понимания. Это называется суицидная решимость. Правда, забавная чернуха? Суицидная решимость. Когда ты проглатываешь этот финальный кусочек пазла, ты принадлежишь им целиком и полностью. Я не проглотил эту дрянь. Суть того, что они говорят про эту суицидную решимость, есть секрет извлечения максимума радости из жизни. Живи так, говорят они, будто каждый твой день последний, потому что скоро этот день и правда наступит. И у каждого к этому моменту мозги промыты настолько, что все верят.

— Это слишком! Это уже какая-то фантастика — разве можно убедить людей убить самих себя? — отозвался Криск.— Такого не может быть, разве только в самых низкопробных страшилках. А почему вы не поставили в известность полицию?

— Ты не понимаешь, они ВСЁ держат под контролем,— глотая слова, отвечал Хогг.— В любом случае ты ведь не зашел так далеко, как я. На второй день ты бы проглотил все, что они говорят. Промывание мозгов действует, только когда жертва отказывается признать, что ей промывают мозги. Суицидное решение, конечно, плохо, но то, что следует после этого, еще хуже. Суицид — не конец, это только начало. Их технология каким-то образом воздействует на те области мозга, которые мы обычно не используем. Благодаря ей они гарантируют твое «возвращение», чтобы они могли продолжать процесс реконструкции, продолжать его даже после твоей смерти. «Глипотех» никогда никого не отпускает. Никогда. Никого и никогда.

Хогг тыкал пальцем в забинтованную голову. Криск заподозрил, что он сошел с ума.

— Говорю тебе, Криск, они едва меня не достали! Уходи, пока есть возможность. Не болтайся тут, как я. Эти

вурдалаки умудрились добраться до моего лица до того, как я...

Криск, пошатываясь, встал из-за стола. Его не волновало, правду говорит Хогг или нет, с него было достаточно. Ни разу не оглянувшись, он вышел из бара.

— ...Сваливай из города, Криск! — кричал у него за спиной Хогг.— Если они перестали тебе звонить, значит, решились на крайние меры.

На следующий день Криск навсегда ушел из «Маре». В том, что ему наговорил Хогг накануне вечером, был некий зловещий смысл, даже если не принимать каждое слово за чистую монету.

Теперь уже и в своих коллегах Криск стал замечать те самые физиономические мутации, которые раньше наблюдал у прохожих на улице. Возможно, это было какое-то заболевание, но Криск недоумевал, почему никак не комментируется факт его распространения.

Он уволится, не подавая заявления, пойдет домой, упакует кое-какие вещи в пару чемоданов и уедет из города на первом же поезде. Криск чувствовал: если не предпринять решительных действий, он переступит грань разумного и, как Хогг, окончательно сойдет с ума. Никого не посвятив в свои планы, он, как обычно, покинул «Маре» в шесть часов вечера.

Его уход заметил только О'Хара. Криск с ужасом увидел, как шеф поднял руку с ненормально длинными пальцами и ногтями и несколько театрально помахал ему на прощание. Под темными пятнами глаз змеилась жутковатая понимающая улыбка.

От работы до дома было десять минут ходу неспешным шагом, но Криск постоянно сбивался на бег и тормозил, только когда не хватало дыхания, и в результате преодолел это расстояние в два раза быстрее. Мысленно он уже решил, что́ возьмет с собой: самое необходимое, наличные, отложенные на крайний случай, туалетные принадлежности и, возможно, пару дорогих сердцу вещей, которые он

приобрел в Киото, — чайный набор и чашечки для саке. Да, в них живет дух ваби[1], их нельзя оставлять.

Криск старался не смотреть ни на прохожих, ни на дома, ни на улицу. Дорогу домой он мог найти и с закрытыми глазами. Когда Криск наконец-то добрался до дома и увидел, что весь фасад здания до самой крыши застроен лесами «Глиптеха», его охватила паника. Грузовик с противоположной стороны улицы исчез, однако грязно-зеленый фургон остался. Правда, охранников «Глиптеха» в кабине фургона не было видно.

Криск уже готов был отказаться от идеи подняться в квартиру, но он нуждался в наличных, которые лежали в ящике бюро. Немного постояв у подъезда, Криск осторожно приблизился к укрытым за щитами лесам и напряг слух. Он прождал несколько минут, но так ничего и не услышал. Возможно, если действовать быстро, ему удастся незаметно проскочить в дом и так же незаметно выскользнуть обратно. Криск всегда закрывал окна на щеколды и был уверен, что любое вторжение снаружи обязательно привлечет внимание, поэтому он мог не бояться, что кто-то может поджидать его в самой квартире.

Криск вошел в подъезд, прошел по коридору и начал подниматься по лестнице. Лампочка на втором этаже перегорела, и ему пришлось в кромешной темноте миновать два пролета, прежде чем он добрался до третьего этажа, где и располагалась его квартира. Криск тихо повернул ключ в замке, приоткрыл дверь и, протянув внутрь руку, щелкнул выключателем справа от входа. Потом вошел.

Криск с облегчением отметил, что после его ухода на работу все предметы в квартире остались на своих местах, окна закрыты, щеколды задвинуты. Мутно-белые щиты на строительных лесах закрывали привычный вид из окна. Но на самих лесах никого не было. Дверь в квартиру Криск на случай внезапного отхода оставил приоткрытой.

Переложив наличные из бюро в бумажник, Криск начал торопливо паковать чемоданы. Сложнее всего было с чай-

[1] Ваби *(яп.)* — ключевое понятие японской эстетики и философии. Стиль ваби.

ным набором и чашечками для саке, эти хрупкие предметы необходимо было завернуть каждый в несколько слоев газет.

А потом он услышал за окном громкий топот и звуки ударов. Казалось, группа людей, толкаясь, спешит подняться вверх по лесам. Они направлялись к окну Криска, в этом не было никаких сомнений. Оставался один путь к спасению... Криск развернулся вокруг оси и увидел ухватившиеся за косяк омерзительно длинные пальцы, будто кто-то собирался толкнуть дверь и войти в квартиру. Он рванулся через комнату и бросился на дверь, стараясь придавить жуткую тощую руку. Криск навалился плечом на дверь, перевес был явно на его стороне, паучьи пальцы судорожно задергались. Дверь наконец закрылась, и фаланги отделились от пальцев, словно были вылеплены из сырой оконной замазки.

За спиной Криска чьи-то ногти скребли по оконной раме. Он обернулся и увидел прильнувшие к стеклу смертельно бледные лица. Полдюжины безумных существ царапались в окно.

Криск схватил телефонную трубку и, бешено тыча пальцем, набрал номер оператора. Его тут же, не сказав ни слова, переключили на другую линию, и начались знакомые бесконечные гудки. Может, если удастся пробиться в «Глипотех», если он сможет убедить их в том, что передумал, надеялся Криск, может, тогда у него еще останется хоть один шанс.

— Ответь же, — бормотал он, — ответь, ответь...

И за секунду до того, как окно разбилось вдребезги и существа полезли через подоконник в комнату, расцарапывая все на своем пути, Криск представил пустой, давно заброшенный пыльный офис, где на ничем не занятом столе звонит и звонит телефон...

ХОЛЛИ ФИЛЛИПС

Голодная

Холли Филлипс живет и пишет книги в небольшом доме с видом на реку Колумбия в Западной Канаде.

Филлипс является автором нашумевшего сборника рассказов «В чертогах покоя» («In the Palace of Repose») и романа в жанре темного фэнтези «Горящая девушка» («The Burning Girl»), изданных в «Prime Books». Многочисленные рассказы и поэмы писательницы публиковались в «The New Quarterly» и «Asimov's». В настоящее время Филлипс перерабатывает фэнтезийный роман «Дитя машины» («The Engine's Child») и одновременно готовит следующую книгу — роман в жанре слипстрим «До эры чудес» («Before the Age of Miracles»).

«Я написала „Голодную" за два серых дождливых июньских дня 2002 года, — вспоминает Филлипс. — Тогда исчезла моя любимая кошка Калипсо, которая жила у меня в доме семь лет. Пусть люди и события в этом рассказе — плод моего воображения, зато ощущение одиночества самое настоящее. Тема охотника и жертвы тоже списана с реальности: судя по всему, моя Калипсо, ловкая охотница на мышей, сама стала чьей-то жертвой. Хотя койоты, рыси и кугуары редко показываются на холмах за домом, мы все равно знаем, что они там водятся».

Когда она вошла в подземный переход, соединяющий авеню с парком, там, в испарениях мочи и плесени, в свете флуоресцентных ламп, как обычно, болтался Рэз с парочкой своих дружков. Рэз, неизвестно откуда, знал ее имя.

— Секси Сейди, — напевал этот сутеперишка строчку из одной старой песенки. — Секси-и-и-и... Сей-ди-и...

Она посмотрела прямо перед собой и, надев маску бесстрашия, зашагала туда, где лестница поднималась к темной траве и осенним деревьям.

— Эй, Сейди, ты еще не проголодалась? — шепнул один из дружков Рэза у нее за спиной. Туннель перехода усиливал звук его голоса, звук ее шагов и рычание машин у них над головами. — Еще не проголодалась?

— Секси-и Сей-ди...

Насколько она ненавидела туннель перехода, настолько она любила выныривать из него на свободу, в парк. Люди говорили — с наступлением темноты парк превращается в опасное место, место, где рыщут маньяки и психи, подпитывая свое безумие алкоголем и дешевыми наркотиками. Ночь — это время, когда бездомные дети собираются в стаи, чтобы обворовывать и грабить выходящую из ресторанов и кинотеатров публику, а потом делить выручку и сводить счеты в каком-нибудь холодном ангаре пустующего склада. Вместе безопаснее. Но Сейди ненавидела жмущиеся друг к другу волочие тела, ненавидела невнятное бормотание торчков и грязные прихваты. Она ненавидела свору и ненавидела страх, который удерживал стаю попрошаек вместе, поэтому, услышав шепот: «Маллейн-парк, в пятницу вечером», она твердо решила прийти туда, и плевать на Рэза, плевать на всякие тени.

Воздух под кронами деревьев пах сожженной листвой. Рейни — вот кто шепнул ей на ухо эти слова. (Как случилось, что она их встретила? Рейни, Лео и Тома? Должно быть, они заговорили с ней первыми, она была слишком стеснительной, слишком пугливой для того, чтобы первой подойти к незнакомым людям. Но она наблюдала за ними с тех самых пор, как оказалась на авеню. Неделями она тосковала по их чистоте, восхищалась их независимостью, тянулась к их загадочным взаимоотношениям. Они были яркими, как пылающие клинки, и сверкали, как драгоценные камни.) Рейни — гибкая, тонкая блондинка — продефилировала мимо угла, где попрошайничала Сейди, и, то ли что-то обещая, то ли поддразнивая, шепнула: «Маллейн-парк, в пятницу вечером». И этот ее запах, запах мыла и чистой кожи, пробудил в Сейди желание. Желание, но не смелость. Смелость — это пламя, которое требует топлива, а Сейди

была слишком голодна, чтобы поддерживать в себе этот огонь. Голодна для этого огня и недостаточно голодна для... *Секси-и Сей-ди...*

Легкий ветер срывал с деревьев сухие, подмерзшие листья. Шорох листвы приглушал шаги и голоса. Сейди поплотнее запахнулась в кардиган с чужого плеча и зашагала по гравиевой дорожке. Маллейн-парк занимал целый квартал. В парке было много высоких фонарей, которые разливали круглые лужи света, и много деревьев, стволы которых окружали широкие черные тени. Эта троица могла быть где угодно, если они вообще пришли в парк, если Сейди не явилась слишком рано или слишком поздно или если вообще все поняла правильно. Чего она не могла понять, так это почему она удостоилась их предложения.

Кто-то бежал прямо на нее, силуэт вырывался из темноты, превращался в человека и снова нырял в тень. Сейди мельком увидела его лицо — борода, сморщенная кожа, глаза слезятся от страха, — потом мужчина исчез в темноте. Все, что от него осталось, — это то, что остается от любого человека во мраке ночи, — запах пота, давно не мытого тела да шлепанье картонных подошв по уходящим в туннель ступеням.

А потом рассмеялась женщина. Звук ее смеха был отражением страха Сейди, искоркой тепла в ее пустом желудке. Вся троица внезапно появилась в круге света и шла прямо к ней. Рейни — высокая и гибкая, с платиновым пучком обесцвеченных волос и серебряным колечком пирсинга на извивающейся в улыбке губе. Том, под стать своему имени, большой, румяный с размеренной походкой и невозмутимым взглядом. Лео, с непослушной копной соломенных волос, с сильными руками и грацией атлета. Тепло внутри Сейди начало разрастаться, робко, но достаточно для того, чтобы зажечь улыбку.

— Сейди! — воскликнула Рейни.

— Сейди, — проурчал Том.

— Сейди, — сказал Лео и дружески протянул руку.

И она среди них. Рейни смеется и приобнимает ее рукой за плечи.

— Настоящее имя произнесено трижды, — говорит Рейни. — Теперь ты наша, Сейди.

Сейди не понимает смысла сказанного, но это звучит как шутка, и потому она смеется.

Они повели ее к дому на другой стороне парка. Это место она едва знала. Старые дома, какие-то совсем заброшены, другие отремонтированы и выглядят как новые, многие в этом месяце украшены подсвеченными тыквами с вырезанными рожицами — тыквы приветствуют детей, но не бездомных или потерявшихся. Даже в компании новых друзей она немного поеживается в своих жалких одежках. Стань невидимой, подсказывает ей инстинкт. Сделайся такой маленькой, чтобы тебя нельзя было увидеть. Она идет, волоча ноги по хрустящим листьям, а троица Рейни спускается с тротуара и направляется по дорожке к дому.

Рейни тянет ее за рукав, серебряная улыбка поблескивает в свете уличных фонарей.

— Идем, Сейди, не стесняйся. Переоденешься во все новое, и тебе нечего будет бояться.

— Но у меня нет другой одежды.

Рейни смеется. У нее легкий, переливающийся смех, счастливый и искренний.

— Поверь сестренке Рейни, — говорит она. — Мы раздобудем все, что тебе нужно.

— Не волнуйся, — с пониманием в голосе добавляет Лео. — Хозяин — наш друг. Он разрешает нам держать здесь свои вещи.

— И он одолжит тебе маску, — подытожил Том.

— Маску? — Тут Сейди остановилась. — Но сейчас не Хэллоуин... — Однако она не знала точно, какое сегодня число, возможно, конец месяца был ближе, чем ей кажется.

— Самое время, — улыбаясь, сказал Лео. — Хэллоуин ждешь весь октябрь, как в детстве.

— Только веселья больше, — промурлыкала ей на ухо Рейни, и Сейди каким-то образом снова двинулась по дорожке и дальше вверх по ступенькам на крыльцо.

Входная дверь была застекленной, и когда она открылась, перед глазами Сейди мелькнула картинка из цветного стекла — красно-зеленая морда какого-то то ли хохочущего, то ли рычащего существа с белыми клыками и кошачьими глазами. Сейди шагнула через порог и оказалась в доме.

В холле было темно, если не считать света, который проникал в приоткрытую дверь. В воздухе витал запах меда, а может, воска для балясин, которые блестели и пускали желтых зайчиков. После проведенного в уличной толчее лета это место казалось таким необычным, что у Сейди голова пошла кругом, и она едва понимала, где находится. Сейди глянула на улыбающегося Лео, на невозмутимого Тома.

— Пошли. — Рейни взяла Сейди под руку. — Нам еще надо успеть помыться и переодеться, пока все не приехали.

Мыться? Переодеться в чистое? Она позволила Рейни увлечь себя вверх по лестнице, голова у нее все еще кружилась, но теперь уже от счастья, тепла и сладкого запаха, разлитого в этом доме. Розыгрыш? Или приглашение развлечься и получить удовольствие? Нельзя спрашивать.

Толстые свечи оседают под собственным пламенем. Глубокая ванна, горячая вода, пахнущая ванилью мыльная пена. Овальное зеркало во вращающейся раме. Сейди водила по телу влажной губкой и наблюдала за Рейни, которая принесла в комнату костюмы и примеряла их перед зеркалом. Пламя свечей вспыхивало и едва не угасало от каждого движения Рейни, в зеркале таинственно мерцало ее отражение. Сейди зачарованно смотрела, как девочка-подросток превращается в двадцатилетнюю кокетку в обтягивающем костюме, расшитом бирюзовым бисером, в леди эпохи Ренессанса в украшенном вышивкой корсаже, в пирата в кожаной жилетке и платке попугайской расцветки.

Сейди отжала губку, пристроила ее на край ванны и только после этого с серьезным видом захлопала в ладоши.

— Идет? — Рейни-пират кивнула в сторону зеркала. Похоже, ее больше интересовала реакция Сейди, чем собственное отражение.

Сейди завязала мокрые волосы в узел на затылке и потянулась к стойке с полотенцем.

— Идет, — серьезно ответила она.

Рейни на секунду перестала позировать, чтобы передать Сейди полотенце, и снова повернулась к зеркалу. В какой-то момент ее лицо потеряло всякую выразительность, буквально омертвело, только внимательные глаза оставались живыми. А потом, когда Сейди встала в ванне и пар заклубился в пламени свечей, Рейни уперла кулаки в бедра, надменно запрокинула голову и расхохоталась:

— Идет!

В следующей комнате их ждала бутылка белого вина. И бокалы тоже нашлись. Рейни-пират пила из горлышка, и Сейди, временами переставая рыться в большом сундуке с нарядами, следовала ее примеру. От сундука исходил удивительный аромат — пахло дорогими тканями, выветрившимися духами и едва уловимо — теплом человеческой кожи.

— Ваш друг, наверное, часто устраивает вечеринки, — сказала Сейди, вынырнув из сундука с охапкой одежды.

— Ему это нравится, — отвечал пират, прихлебывая вино из бутылки. — Он живет ради этого времени года.

Сейди разложила на кровати отобранные вещи. Эта двуспальная кровать, с медным каркасом и покрывалом цвета темного вина, была единственным предметом обстановки в комнате. Голое, без штор, окно выходило на задний двор. Сейди было немного неловко, ей казалось, что кто-то подглядывает за ними из темноты, но Рейни это совсем не беспокоило, и Сейди притворилась, будто ей тоже все равно.

— Вот, — сказала она, прикладывая платье к обернутому в полотенце телу. Платье было элегантным, как у Джинджер Роджерс[1], с опушкой из перьев по краю и на плечах.

Рейни скривилась и отрицательно покачала головой. Перья нежно щекотали кожу, но Сейди отложила платье в сторону.

---

[1] Роджерс Джинджер — знаменитая американская актриса и танцовщица 1930–1950-х гг.

— А вот это? — Еще одно кокетливое платье с павлиньими перьями.

— Нет, — сказала Рейни и указала ей за спину. — Это.

Сейди увидела в зеркале свое изумленное лицо. Шелковое бело-голубое платьице, расшитое золотом, с чуть длинноватыми рукавами, немного узкие в бедрах штанишки той же расцветки плюс кружевной воротник и туфли с пряжками. Этот костюм, несмотря на раскиданные по плечам спутанные каштановые волосы, делал ее похожей на девушку при дворе какого-нибудь из французских Луи. Сейди моргнула, тряхнула головой и дернула за ленточку на рукаве. У нее за плечом появилась голова пирата в пестром платке, пират улыбнулся и ткнул локтем в бок, предлагая уже практически пустую бутылку.

Юноши ждали их возле лестницы — Том в алом китайском кимоно, расшитом драконами, Лео — жизнерадостный Гамлет в черном камзоле и чулках. Холл внизу все еще не был освещен, но сквозь открытый дверной проем лился яркий свет, слышались приглушенный гул голосов и меланхолическое треньканье цыганской гитары. Завидев Сейди и Рейни, Лео захлопал в ладоши. Том, мягко ступая, обошел девушек кругом, одобрительно кивая. Удовлетворенная оценкой товарищей, Рейни встала в гордую позу, а Сейди присела в книксене, она немного захмелела от вина, от счастья и старалась не задаваться вопросом: *почему я?*

Кто-то еще присоединился к аплодисментам Лео. Сейди вспыхнула и выпрямилась, она успела забыть о хозяине, которому еще не была представлена. Он был высок, выше, чем Лео, и так же, как и Лео, одет во все черное. Но нарочито простой крой и насыщенный черный цвет костюма хозяина превращали Лео в жалкого подражателя оригиналу. Гладкое каре черных волос и маска. Сейди не могла отвести глаз от его лица — облегающий черный бархат, с блестками вокруг прорезей для глаз, и рот, очерченный красным цветом.

— Это Сейди, — сказала Рейни и подтолкнула ее в спину.

— Сейди... — Человек в маске развел руки в стороны, белые кисти резко выделялись на черном фоне. — Сейди, — задумчиво повторил он и улыбнулся, обнажив белые зубы. — Добро пожаловать, Сейди.

— Благодарю, — сказала она, припоминая манеры из другой жизни. — Очень мило с вашей стороны, что пригласили меня.

— Всегда рад друзьям Рейни. — Смех хозяина был темным и бархатным, как его маска. — Кто друг Рейни — тот и мой друг.

И вот тогда Сейди почуяла нечто зловещее в окружающей ее атмосфере. Она невольно заметила, как Рейни вдруг замерла без движения у нее за спиной, как внимательный Том отвел взгляд в сторону, а улыбка Лео растянулась и стала фальшивой. Впрочем, Сейди не могла бы сказать точно, от чего именно мурашки побежали у нее по спине. Это связано с Рейни, внезапно подумала Сейди и, заглянув в прорези для глаз в маске хозяина, поняла, что права. Рейни в опасности, а не она! Облегчение, яростная вспышка желания защитить друга (а в это мгновение Рейни стала ее другом), непреодолимое любопытство, объединившись, оттеснили волну накатывающего страха. Выпитое вино, вероятно, тоже сыграло свою роль.

— Благодарю, — повторила она.

А потом хозяин отвел их выбирать маски.

Лео: черное домино, бубновые прорези для беспокойных глаз.

Том: рычащий дракон, красный с золотом, скрывающий невозмутимость хозяина.

Рейни сомневается, подхватывает одну маску, теребит завязки другой, прикусывает губу, разглядывая третью, — и наконец усыпанная блестками кошка, с разбегающимися в стороны полосами, из-за которых глаза ее кажутся уже не испуганными, а дикими.

Выбор за Сейди. Комната завалена масками, они кругом — на столах, на полках, на крючках на стенах. Пустые орбиты глазниц и замершие прорези ртов ждут соприкос-

новения с жизнью. Все это было так странно и чуждо, а потом лица друзей скрылись под масками, и только ее лицо осталось на виду.

— Вот, — произнес их хозяин; все это время он стоял в темном углу комнаты и наблюдал за тем, как они выбирают себе маски.

Белая рука протянула Сейди смеющуюся, кривляющуюся матово-бледную маску — мордочка шаловливого чертенка, веселого демона. Маска не страшная, но Сейди предпочла бы что-нибудь другое, что-нибудь соответствующее ее костюму, отражающее блеск двора «короля-солнце».

Но...

— Возьми, — сказал хозяин. — Я настаиваю. — Он произнес это так, словно она растерялась оттого, что ей оказали великую честь.

Итак, она взяла маску и надела ее.

Глаза маски ярче глаз на незащищенном лице. В них больше жизни, больше ума, больше выразительности, они — вход в сущее, окна души. Глаза... И рты — губы натянутые или мягкие, морщинки от смеха, похотливые языки. Льющиеся из прорезей голоса. Извивающиеся губы выплескивают смех, который подтверждает ложь. Слово в присутствии сияющих глаз утверждает правду.

Прикосновение маски. Сначала она показалась прохладной и влажной, но очень быстро превратилась во вторую кожу и подарила свободу. Сейди сама — сцена, каждый ее вдох, каждый выдох — спектакль и в то же время (в этом и есть волшебство) абсолютная правда. Маскарад заполнил ночь, и любая игра, любое притворство, флирт или коварство — а зал ими полон — реальны, как острые ножи. Фальшивое лицо повседневности, которое скрывает реальность под плотью и кожей, прячется за фантазией — она и есть наш самый настоящий образ. Сейди всегда была пуглива и осторожна, инстинкт самосохранения постоянно приказывал ей оставаться маленькой, незаметной. Она и не подозревала, что в ней живет чертенок, пока не надела его маску себе на лицо.

Конечно, он жил в ней, прятался где-то глубоко внутри. А иначе что подтолкнуло ее к Рейни, к Тому и Лео? Что помогло преодолеть опасный путь до места встречи, а оттуда сюда, в этот загадочный дом?

Чертенок...

Как узнать, где тебя ожидает свобода? И теперь это действительно — свобода.

Сейди-чертенок, в платьице и в маске, превратилась в самого настоящего гермафродита, и в этом-то и заключалась вся суть ее игры. Грубоватый мужчина с седыми волосами, заплетенными в старомодную косу, в маске усталого ангела, угощает ее крошечным печеньем (печенье с сыром и специями, она такое обожает и жадно слизывает крошки с кончиков пальцев). Потом он стоит пораженный, наблюдая за тем, как она — сама жадная юность от спутанных волос до пряжек на туфлях — выпрашивает у полуобнаженного бога Кали глоток вина. И это только одна мизансцена, их еще дюжины, Сейди разыгрывает их без остановки, пока не пресыщается, и тогда...

Она танцует, звон гитар и бой барабанов несравнимы с механическим ритмом, как пьянящее кровь вино с пресными таблетками, которые она глотала на улице. Нет, это здесь, *здесь* настоящая жизнь, здесь разгоряченная вином кровь бурлит в ее венах. Она танцует, чертенок-Сейди танцует с мужчинами, с женщинами, танцует сама по себе... вот она в объятиях дракона-Тома, который плавно движется по паркету... вот уже хозяин (или это просто его маска мелькнула в кружении тел), весь в черном, держит ее в руках, красный блестящий рот растягивается в улыбке, сверкают белые зубы... вот она вместе с Рейни, чей смех звучит, как льющееся из бутылки вино, как вода, утекающая в сточную канаву...

потом, потом они уже не танцуют, музыка приглушенно звучит у них за спиной, они бегут через залитый лунным светом парк, парк превращается в дикий лес, осенний лес занимает целый городской квартал, они бегут, нет — они охотятся (но и танцуют одновременно, а может, это сон?) чертенок, дракон, кошка и подпрыгивающий Гамлет преследуют жертву...

бедный неуклюжий косматый мишка заблудился в нескончаемом лесу-квартале, воет, когда они валят его на землю...

потом еще вино, оно льется из бутылки, которую чертенок открывает своими острыми как иголки зубками и передает по кругу...

вино играет у них в крови...

Или это сон?

Утро в парке, моросит дождь. Сейди сидит на скамейке, упершись локтями в колени и уткнувшись лицом в ладони. Кажется, она уже давно так сидит, сидит и смотрит, как грязные струйки воды бегут у нее между ступней и устремляются к центру дорожки, больше ее ничто не занимает. Потом кто-то присаживается рядом и вроде бы знакомым голосом спрашивает:

— Похмелье?

Сейди с трудом поднимает голову и поворачивается на голос. Это Лео, на нем джинсовая куртка, свитер, джинсы. Она тоже в своей обычной одежде, хотя и не помнит, как переодевалась и как вообще оказалась на этой скамейке. Слишком много вина. У Лео усталый вид, от носа к подбородку залегли морщинки, тени окружили запавшие глаза. Полузнакомый-полудруг.

Сейди припоминает, что он задал ей вопрос, и отвечает:

— Нет пока.

Он улыбается, но ей не до смеха. Она странно себя чувствует, ей не то чтобы плохо, ничего не болит, но такое чувство, будто она заполнена чем-то доверху. Не только в животе, но и под кожей, словно ее накачали, как шину. Она рассматривает кисти рук, но суставы и косточки, как прежде, обтянуты кожей, а вены похожи на бледно-голубых червячков.

— Хорошо провела ночь? — спрашивает Лео.

Она снова переводит взгляд на него, но Лео уставился в растекающуюся под ногами лужу. Холодная вода стекает по волосам и капает на плечи. Значит, она давно так сидит.

— Да, — говорит она. — Да, это было весело.

Он кивает, а потом сглатывает, словно и сам неважно себя чувствует.

— Хорошо. — Он обеими руками взъерошивает волосы, поворачивается к Сейди, улыбается и берет ее за руку. — Пошли. Надо что-нибудь перекусить.

— Вообще-то я не голодная.

Он смеется:

— Ну хоть кофе. Согласна? Кофе? Я угощаю.

Это слово словно бы возвращает ее к реальности, она чувствует аромат жареных зерен, видит поднимающийся от чашки горячий пар...

— Кофе. Да.

Когда они сидели в кафе, смешавшись с субботней публикой, Сейди спросила:

— Почему вы трое пригласили меня пойти с вами?

Лео удивленно поднял брови:

— А почему нет?

— Вы меня почти не знаете.

Лео аккуратно оторвал уголок от пакетика с сахаром и высыпал его в чашку.

— Теперь знаем лучше.

Почему-то она думала, что все изменится. Может, ждала, что эта троица примет ее в свою таинственную игру, а может, просто надеялась, что ей наконец повезет. Но после того как Лео попрощался с ней в тот полдень, она не видела их несколько дней. Дни напролет под октябрьским дождем: «Пожалуйста, подайте немного мелочи». Дни в ожидании, когда после закрытия продуктовых лавок выкинут на улицу гнилые овощи или заплесневелый хлеб. Ночи в компании жмущихся друг к другу от холода таких же бездомных, как она, и неизвестно, кто разгонит их на этот раз — местные панки или копы. Может, ее забыли? А может, ей самой следует забыть?

Такую ночь забыть легко, то, что тогда происходило, очень похоже на сон. Да, она ходила к тому дому, мылась в ванной, пила вино с Рейни. Одежда... Да, она помнит

прикосновение шелка. Но маски? Черная фигура с белыми руками, их безымянный хозяин? Но Сейди помнит и прикосновение прохладной маски к своему лицу. В самом деле, хотя прошло уже столько времени, она вздрагивает, когда капли дождя падают ей на щеки, и удивляется, что ее лицо открыто. А вот погоня по парку, превратившемуся в лес... загнанный в чащу деревьев медведь... это наверняка сон. Так где же закончилась реальная ночь и где начался сон? Этот вопрос мучил Сейди.

Этот и еще более важный — почему ее новые друзья не признали ее после всего?

Как-то вечером, голодная и окоченевшая от холода, она столкнулась на улице с Рэзом.

— Секси-и Сей-ди.

— Отстань от меня.

— Да ладно, крошка Сейди. Давай куплю тебе поесть что-нибудь горячее. Что-нибудь горячее и вкусное, а потом ты и я, потом мы можем повеселиться. Ты ведь любишь веселиться, правда, крошка Сейди? Секси Сейди. Еще не проголодалась?

— Еще не очень, — сказала она, и он дал ей пройти.

Но сказал при этом в спину:

— Ты проголодаешься. — И Сейди стало тошно оттого, что слова сутенера могли стать правдой.

А потом снова наступила пятница, месяц подбирался все ближе к своему концу, к Хэллоуину. Сейди ничего не могла с собой поделать и направилась в Маллейн-парк. На этот раз в подземном переходе не было никакого Рэза, только парочка забулдыг, распивающих одну бутылку на двоих.

— Чудесная ночка, — сказал один из них, когда Сейди проходила мимо. — Чудесно спрятаться от дождя под крышу.

Стены перехода отражали голос пьянчужки. Вторя эху, он снова, словно пытаясь разгадать его механизм, пробормотал: «...от дождя под крышу... от дождя под крышу». Сейди поднялась по лестнице, вдохнула пахнущий гарью воздух, освещенные дорожки бежали сквозь темноту деревьев,

надежда заставила отступить воспоминания о пережитых за последнюю неделю невзгодах и страданиях. Может быть... может быть, все-таки...

Рейни с радостным воплем заграбастала ее в объятия, Лео своей здоровенной ручищей потрепал по волосам, даже хладнокровный Том одарил улыбкой. Она была дома — на свободе.

Всего второй раз, а у нее уже было чувство, что совершается ритуал — ванна, вино, новая одежда.

На этот раз Рейни превратилась в астронавта в белых ботинках с застежками-молниями и в облегающем тело костюме зеленого цвета. Смочив руки в ванне, в которой мылась Сейди, она зализала назад волосы и стала гладкой и холодной, а Сейди, уже успевшая отведать вина, тем временем скользнула в шелковые панталоны и широкий халат, преобразившись в персидского принца. Рейни, словно старшая сестра, распутала Сейди волосы и намотала ей на голову черный с бахромой платок. Завершив туалет, они на секунду замерли перед зеркалом, Рейни, словно холодная колонна, возвышалась за спиной у Сейди.

— Я думала, вы обо мне забыли, — сказала одуревшая от счастья Сейди.

Рейни склонилась вперед и уперлась подбородком ей в плечо. Теперь в зеркале отражались два лица на одном теле.

— Не забыли.

— Я не видела вас всю неделю.

— Надо было кое-куда сходить, кое-кого повидать. — Рейни склонила голову к голове Сейди. — Ты зря волновалась, крошка Сейди. Разве мы не говорили, что теперь ты наша?

Сейди передернуло, она вспомнила Рэза.

— Что такое?

— Ничего. Просто не надо так меня называть. Хорошо?

Рейни заглянула ей в глаза.

— Тебя кто-то обижал? — понимающе спросила она.

Сейди пожала плечами, и получилось, что Рейни кивнула. Рейни обняла ее обеими руками: — Не волнуйся. Мы всегда заботимся о своих.

Она улыбнулась, Сейди улыбнулась в ответ, но при этом подумала: «Как заботились всю эту неделю».

Но в объятиях Рейни было так уютно.

Лео превратился в средневекового алхимика в тюбетейке и блестящем халате. Том — в британского охотника, на нем были красный камзол и высокие сапоги, в руке он держал кнут. Женщина-астронавт, маг, охотник и восточный принц, они стояли на верхней ступеньке лестницы и смотрели, как люди проходят через застекленные двери в темный холл и идут дальше в освещенный зал.

— Они все в своих масках, — заметила Сейди.

Том положил тяжелую руку ей на плечо:

— Только особые гости допускаются к личной коллекции мистера Неро.

Прикосновение Тома, возможность незамеченной наблюдать за происходящим внизу, предвкушение веселья — от всего этого у Сейди стало горячо в животе. А еще она обрадовалась, что наконец-то узнала имя хозяина.

— Неро, — сказала Сейди, — он был императором или кем-то вроде того?

Все рассмеялись.

— Может, и был, — сказал Том.

— Или вроде того, — добавила Рейни.

— Главное, — пробормотал Лео, — кто он сейчас?

Сейди повернулась к Лео и увидела у него за спиной призрак. Она вскрикнула и слегка подпрыгнула. Том удержал ее на месте. Призрак шагнул вперед, и Сейди узнала их хозяина. Мистер Неро был в белом костюме, а его лицо закрывала маска из белых лебединых перьев, уголки рта которой были окрашены в ярко-красный цвет. Только глаза и волосы хозяина оставались черными.

Он поклонился:

— Мои друзья. Еще одна ночь, еще один танец. — Он посмотрел на Сейди и протянул ей руки. — И ты снова с нами.

Том подтолкнул Сейди, она шагнула вперед и вложила свои руки в руки хозяина. Тонкие сильные кисти сжали ее пальцы. Его глаза сверкали, как глаза птицы.

— Сейди, милая Сейди. Добро пожаловать.

— Благодарю, — едва дыша, ответила она.

Он не выпускал ее руки из своих.

— Надеюсь, это означает, что тебе понравилось былое веселье?

— Неделю назад, — шепнул ей на ухо Том.

— Да, спасибо. Это было... это было...

— Да. — Мистер Неро сжал ее руки, улыбнулся, сверкнули зубы... горячая волна прокатилась по венам Сейди... а потом все рассмеялись, и он ее отпустил. — Да, — сказал он, — так всегда и бывает.

Маска коснулась ее лица, как влажный поцелуй.

Чертенок-Сейди танцевала с охотником в красном камзоле и в маске лисы, с магом в маске летучей мыши, с высоким, одетым во все белое человеком-птицей. Женщина-астронавт в маске изо льда от нее ускользала.

— Ты не видел Рейни? — спрашивала она сатира, пока его руки, как моль, трепыхались под тканью ее роскошного халата.

— Я ищу Рейни, — объясняла она египетскому рабу, в то время как тот склонял свою шакалью голову к ее бедрам.

— Ты знаешь Рейни? — спрашивала она Короля Дураков.

Король выкидывал коленца и орал:

— Недостаточно хорошо, чтобы выйти под дождь из-под крыши!

Под дождь из-под крыши. От дождя под крышу. Рейни? Идет дождь, льет как из ведра, хранит старик...

Это игра. Все ищут, у каждого есть ключ к отгадке, никто не знает, что искать. Это так весело! Чертенок находит пуговицу, оторвавшуюся от чьего-то костюма, она кричит от восторга, она заслужила приз! Потом она прорывается сквозь толпу и оставляет за спиной возможных преследователей. Перепрятать! Перепрятать! Содрогаясь от беззвучного смеха, чертенок проскальзывает в темный холл, крадется за угол и видит переговаривающихся между собой охотника с лисьим лицом и алхимика с лицом летучей мыши.

Летучая мышь: Это неправильно.

Лис: Согласен, если она вырвется, она придет сюда.

Летучая мышь: Ты знаешь, о чем я говорю. Все это неправильно.

Лис: А потерять Рейни, по-твоему, правильно? Эта девчонка...

— Вот именно! — кричит чертенок. — Давайте, ребята, разве мы не будем танцевать?

Человек-птица подал знак музыкантам, и грянула музыка.

Принц-чертенок танцует, она — принц, персидский джинн, факир с Востока. Танцует, танцует... восточная ночь обжигает как огонь, над головой звезды-люстры. Ее двор — дикое место, вопли, крики, хрип, и над всем этим парит белая птица, ее черные глаза торжествующе сверкают. Хищная птица с красным клювом, влажным от сока персидских фруктов и ягод, выхваченных из раскаленных углей. Все танцуют, танцуют, пока горячка не гонит их из дома в холод и мрак, в пьянящую ночь, где лис дует в охотничий рог, милая летучая мышь распевает песни, ледяная женщина бежит под дождем, а чертенок-принц выигрывает игру, пуговицу, бутылку, медведя!

И наливает всем по стакану красного, красного, красного, как кровь, вина.

К концу месяца, когда зима была уже на пороге, Сейди больше не желала, чтобы ее игнорировали.

Она ждала два дня, три дня, у нее кончалось терпение. Она так первничала днем, что не могла устоять на своем месте на углу и все ходила и ходила, надеясь услышать в толпе чистые голоса друзей, и совсем не собирала милостыню. Ночью, слишком голодная, чтобы уснуть, она бродила по освещенным тротуарам, не обращая внимания на полицейские машины (нет нужды скрываться от тех, кому нет до тебя дела) и слишком взбешенная, чтобы прятаться от тех, кто охотится на бездомных.

Хотя, возможно, «взбешенная» — не то слово. Уязвленная? Да, но очень сильно. Все было очень сильным — голод, обида, даже страх. Вероятно, чертенок внутри нее, дважды отведав

свободы, больше не желал прятаться под ее будничным лицом. Наконец в середине недели она бросила клянчить мелочь на пропитание и спустилась в переход к Маллейн-парку.

Резкий свет флуоресцентных ламп освещал собравшихся там людей. Конклав бездомных. Они прилипли к стенам туннеля, словно листья, смытые дождем в сточную трубу, и между ними оставался только узкий проход. Кто-то стоял, кто-то растянулся на полу, кто-то сидел на корточках. Запахи пота, старой мочи, окурков и перегара, приглушенный звук сиплых голосов, хрип разрушенных легких...

Странная вещь — дождя не было.

Сейди шла под взглядами мутных, сумасшедших, скорбных глаз и была немного возбуждена, но совсем не напугана. Эти мужчины и женщины больше подходили на роль жертв, чем на роль преступников, подходили даже сильнее, чем Сейди. Ближе к выходу в парк один человек в прожженной во многих местах шинели, приветствуя Сейди, поднял бутылку и сказал:

— Чудесная ночка.

— Чудесная ночка, от дождя под крышу, — издевательским тоном ответила она.

Мужчина вытаращился на Сейди и прижал бутылку к груди, глаза его расширились от... от чего?.. От страха... от узнавания... от чего-то, что, в свою очередь, потрясло Сейди.

Вдохновленная их диалогом женщина, которая все это время пряталась за спиной мужчины, протянула Сейди ладошку:

— Простите, мэм...

Но мужчина в шинели дернул ее за руку и зашептал что-то ей на ухо. Женщина сцепила руки под подбородком и выпучила глаза.

— Простите, — сказала она.

«Простите», «простите» эхом прокатилось по переходу, и Сейди заспешила вверх по лестнице в парк.

Не у нее, сказал своей товарке псих в шинели, звук его голоса усиливали обшитые стальными листами стены туннеля, *она — одна из голодных.*

Днем светило солнце, и с наступлением вечера небо над фонарями было темно-синим, в воздухе чувствовалось при-

ближение заморозков. Простые горожане, пользуясь временным наступлением хорошей погоды и непривычным отсутствием попрошаек, неспешно прогуливались по улицам. Сейди поймала несколько настороженных взглядов (беспризорная девчонка, следи за своим кошельком), но ни один из них не был похож на выражение глаз бездомных в тунеле. *Она — одна из голодных.* Какой-то любитель побегать после работы тяжело трусил по дорожке, его спортивный свитер, когда он пробегал под фонарями, из серого превращался в синий и снова в серый. У Сейди закружилась голова.

Серый бегун превращался в синего, синий в серого.

Из тени в человека и обратно в тень.

Не у нее. Она из голодных.

Борода, сморщенная кожа, глаза слезятся от страха.

Пуговица, бутылка, медведь!

Вспышка, еще одна вспышка, словно мерцающий огонь выхватывает из темноты картинку, света хватает только на то, чтобы предстаивть образ. Что это означает?

Красное, как кровь, вино.

Сейди сгибается пополам, ее рвет. Слишком долго без еды, слишком долго без сна. В парке темнеет, становится безлюдно. Сейди сплевывает горькую от желчи слюну и выпрямляется, никто ее не видит. Поблизости никого. Она вытирает рот, вытирает мокрое от пота лицо. Проводит языком по нечищеным зубам.

Она — одна из...

Тряхнула головой, чтобы избавиться от бредовых слов психа из перехода и от головокружения, которое порождает этот бред. Просто свихнувшийся бродяга. Просто бездомная девчонка, которая очень давно не ела. Очень давно одна, одна без друзей. Она идет по дорожке к фонтану и пьет, вода заполняет желудок и помогает тверже стоять на ногах. Потом бредет обратно, туда, где встречала их прежде. Под уличный фонарь. Гравий скрипит под ногами, легкий ветерок шуршит в остатках листвы. Парк заполняет гудение автомобилей, но голые ветви деревьев порождают тишину, кажется, они призывают к молчанию, прислушиваются. Но не умиро-

творяют, не успокаивают. Сейди идет по диаметру круга света от фонаря. Отмеряет шагами окружность. Геометрия ожидания ни к чему не приводит. Ни к чему.

Чертенок рвется наружу.

Быстрым уверенным шагом, словно знает, что делает, Сейди уходит из парка. Но не через переход. Через улицу на другой стороне.

В сторону дома мистера Неро.

Кругом дети. Дети в хэллоуинских костюмах — невинные ведьмы, пригожие монстры, трехлетние герои, румяные привидения. Маленькие фигурки в разноцветных одежках, зажавшие в руках мешочки с сокровищами. Гости идут на вечеринку, думает Сейди и тут же поеживается от озноба — нет никаких детей, во всяком случае, в доме мистера Неро. Она совсем запуталась, не заметила или забыла, какой наступил день. Какая наступила ночь. Она попыталась припомнить вкус тающего на языке шоколада, но почувствовала только привкус теплого вина, медовый запах свечей и ванильный аромат мыльной пены, который слаще конфет и теплее тыквенных фонариков, что улыбаются ей на каждом шагу. Бдительный, как пастуший пес в краю, где водятся волки, родитель обводит вокруг нее свое стадо «кинозвезд» и «воришек», и Сейди понимает, что стоит посреди тротуара. Прямо перед ней — ворота, узкая дорожка, слабо освещенная изнутри застекленная дверь. Она отводит взгляд от папаши-пастуха и направляется к крыльцу.

Стучать? Позвонить? Звонка нигде не видно. Ее кулачок нависает над едва видной мордой существа на витраже, касается холодного стекла, касается слишком слабо, чтобы произвести шум. Она делает шажок вперед и прижимается ухом к двери. Кажется, что стекло гудит, но от шума проезжающих мимо машин или от музыки и голосов внутри дома? Дети кричат по всей улице. Трудно понять, раздаются ли в доме какие-либо звуки. Она берется за дверную ручку. Поворачивает. Дверь открывается, она входит.

Вечеринка, если сегодня будет вечеринка (а она, конечно же, будет), еще не началась.

Поднявшись по лестнице, она внезапно слышит голоса и замирает на месте. Сердце колотится в груди, но запах пчелиного воска и вина вселяет уверенность. Она даже чувствует непривычное воодушевление. Это не борьба за выживание, понимает она. Это — приключение!

Наверху хлопает дверь, кто-то пробегает по холлу — Сейди не может двинуться с места, — Лео бежит вниз по лестнице.

— Сейди! — Он резко останавливается на ступеньке выше ее.

Сейди поднимает голову, чтобы посмотреть ему в глаза, она не уверена, следует ей рассмеяться или убежать.

— Дверь была открыта.

— Господи! — Лео хлопнул себя по губам, его глаза смотрели мимо нее — на кого-то, на что-то еще. — Какого черта ты здесь делаешь?

— Тебя ищу, — сказала Сейди, а потом, представив, как это звучит, добавила: — Вас с Рейни.

Глаза Лео наконец остановились на Сейди. Он стукнул кулаком в открытую ладонь, потом протянул руку и коснулся щеки Сейди. Он был таким высоким, а она к тому же стояла на ступеньку ниже. Рядом с ним она казалась маленьким ребенком.

— Послушай, Сейди... — очень серьезно начал он.

В этот момент послышались шаги, приближающиеся от задних дверей дома.

— Дьявол, — сказал Лео. — Давай, пошли. — Он схватил ее за руку и потянул вверх по лестнице, но тут наверху хлопнула дверь, Лео мгновенно среагировал — распахнул ближайшую дверь и впихнул Сейди внутрь.

— Сиди здесь, пока я не приду. Поняла? Не двигайся и молчи!

Лео закрыл за собой дверь, и она осталась одна. Темнота, только голоса снаружи.

Голос Рейни:

— Ты туда не ходил? Не ходил?

Лео:

— Нет. Ладно, ходил. Я хожу иногда, просто посмотреть. А ты нет?

Рейни:

— Больше не хожу.

Короткая пауза.

Лео:

— Они ждут.

Рейни:

— Лео...

Пауза.

Рейни:

— Я знаю, ты на меня злишься.

Лео:

— Не злюсь.

Рейни:

— Я тебя не виню. Мне тоже все это не нравится. Ты же не думаешь, что я этого хотела, не думаешь?

Лео со вздохом:

— Нет.

Рейни:

— Это все Том, он привел нас сюда.

Лео:

— Не сваливай все на Тома! Мы все сюда хотели. Все...

Рейни:

— Да, все. И сейчас хотим, правда ведь?

Долгая пауза.

Рейни:

— Правда?

Лео:

— Да.

Рейни:

— Значит, Сейди может надеть маску в третий раз, и я...

Лео обрывает:

— Хватит, пошли, мы уже опаздываем.

Звук удаляющихся шагов.

Сейди прислоняется спиной к стене и соскальзывает на пол. Я могу надеть маску в третий раз, и она... Свет от улич-

ного фонаря проникает в комнату через незашторенное окно. Постепенно она привыкает к темноте и начинает различать окружающие ее со всех сторон рты и глаза. Комната масок. Широко распахнутые глаза, разинутые рты, бессмысленные, окаменевшие, безжизненные. Сейди трясет, она обхватывает руками колени.

Они все этого хотят... чего хотят?

В полумраке комнаты кажется, что маски наступают со всех сторон. Клювы, рога, чешуя, вой, крик, хохот... многоликая ночь наблюдает, ждет... ждет, когда кто-то... когда Сейди наденет одно из ее лиц. Наденет ночь. Танцующий принц, юное создание при дворе царствующей особы. Сейди, чертенок, надевай ночь и беги.

Не у нее. Она одна из голодных.

Голодная. Что ж, да, она такая, такая же голодная, как все, такая же пустая. Пустые глаза, пустые рты, пустые, пустые... кроме... кроме кого? На столе возле окна — маска, она на подставке и смотрит сверху вниз на скрючившуюся на полу Сейди. Раскосые смеющиеся глаза светятся, оглядывают ее с ног до головы, словно яркие фары проезжающей мимо машины. Рот извивается в улыбке, призрачно поблескивают зубы и кончик языка. Ветер раскачивает дерево за окном, и левый глаз маски подмигивает. Сейди, чертенок, надевай ночь и беги.

Сейди вскакивает на ноги и упирается спиной в стену у двери. Одна маска падает, еще одна, слышится стук рассыпающихся по полу бусин. Потом она нащупывает выключатель, и на стенах вспыхивают лампочки.

Когда Лео возвращается, она стоит у окна и наблюдает за детьми, которые, несмотря на поздний час, все еще гуляют по улице. Лицо с маской чертенка под столом.

Лео проскальзывает в комнату.

— Ты не должна была включать свет.

— Темно было.

— Ты не представляешь, что с тобой будет, если он узнает, что ты здесь. Тем более в этой комнате. — Лео обводит взглядом маски на стенах, словно она могла их не заметить.

— Это ты открыл комнату.

— Я не хотел, чтобы тебя увидела Рейни. Ты не должна быть здесь!

— Ты хочешь сказать, я *еще* не должна быть здесь. Или меня не собирались приглашать сегодня ночью?

Лео молчит.

— Почему ты не хотел, чтобы меня увидела Рейни? Разве она не мой друг?

Это был вызов. Лео зашипел, чтобы она говорила не так громко.

— Так друг или нет?

Лео закрыл руками глаза. Рот его скривился, казалось, он плачет.

— Черт. Черт. Черт.

— Лео... — Сейди ждала ответа. Потом взяла за ленточки маску чертенка и протянула ее в сторону Лео. — Скажи, что произойдет, когда я надену это в третий раз?

Он убрал руки от лица и мрачно взглянул на маску. Она вертелась на ленточках, оглядывая обжитые другими масками стены.

— То же самое, что и первые два раза, — сказал Лео.

— А что... — У Сейди перехватило горло, она закашлялась. — Что было первые два раза?

— Ты... мы... ты вела танец. И охоту.

Маска замерла и уставилась вниз на ноги Лео.

— Охота, — отозвалась Сейди. — Медведь. Только медведь был не медведь. Так? Лео?

Лицо Лео постарело, стало жестче, плечи опустились, он прислонился к двери.

— В третий раз не так, как прежде, верно, не так?

— Так же. — Он облизнул губы. — Только потом... не будет никакого потом. Ты не сможешь ее снять. Ты поведешь танец, охоту, и так будет всегда.

— Всегда?

— Пока это не убьет... пока что-то... кто-то...

— Пока кто-то из вас не убьет меня.

— Чтобы освободиться, — прошептал Лео. — Если мы когда-нибудь захотим освободиться.

Они смотрели в глаза друг другу. Немая публика — маски — наблюдала за ними. Сейди опустила руку, чертенок в нетерпении приплясывал на ленточках.

— Почему? — спросила она. — Почему я?

— Потому что ее носила Рейни. — Лео прерывисто вздохнул, прислонился затылком к двери и закрыл глаза. — Рейни носила ее дважды. Нам нравилось это, мы любили танцевать, любили охотиться. Но ты знаешь, как это бывает.

Сейди прикусила губу. Она знала.

— Он тоже это любит. Мистер Неро. Он живет ради этого. Том догадался, что он ждет, когда Рейни наденет это третий раз, и тогда сезон охоты никогда не кончится, а мы... боже!.. мы любим это, но ее мы любим больше.

— И тогда вы нашли кого-то на замену. Того, кто вам безразличен, кто будет носить это за нее, за всех вас. — Последние слова Сейди произнесла шепотом.

Лео зажмурился, открыл глаза и встретился с ней взглядом.

— Да, — просто сказал он. — Да.

Рука Сейди дрогнула, и чертенок завертелся вокруг оси.

— Значит, так это и происходит.

— Так и происходит.

Рты на стенах изливали молчание, их молчание заполнило уши Сейди. Сможет ли она после этого слышать, сможет говорить? Что еще осталось сказать?

Это сказал Лео.

— Мы должны были пойти встречать тебя, но я заманил их в кухню. Дай мне две минуты, потом спускайся, только тихо, и уходи. — Он оторвался от двери и взялся за ручку. — Две минуты. Все поняла?

— Но... — отозвалась Сейди, — но...

— Пожалуйста, сделай одолжение. — Глаза Лео сузились, обнажились зубы, ему было трудно сказать это: — Возьми это с собой. Сожги и смой пепел в сточную канаву. Сделай это для меня, сможешь, Сейди?

Сейди прерывисто вздохнула. Ленточки чертенка запутались у нее в пальцах. Его подбородок тыкался ей в ноги.

— Сейди?

— Да.

Лео кивнул и открыл дверь.

— Две минуты, — сказал он и вышел из комнаты.

Вниз по лестнице, за дверь, бегом по улице. Ночной воздух, резкий, холодный. Белая луна плывет в обрывках облаков, детские голоса выкрикивают сезонное предложение. Или это розыгрыш? Сейди бежит, чертенок вращается на ленточках. Она бежит, потому что может бежать, потому что кровь огнем разливается по жилам и ей нужен глоток холодного воздуха. Снова свободна.

Лео! Ей хочется кричать. Рейни! Том!

Свободна!

Через улицу в парк. Детей здесь нет. Темнота окутывает Сейди, она бежит медленнее, переходит на шаг. Останавливается. В какой-то момент она забывает, насколько голодна. У нее кружится голова. Маска чертенка тычется в ноги.

Сожги это и смой пепел в канаву. Прекрасно. Все, что ей надо, — спички, что-то, чтобы поджечь это. А потом...

А потом?

— Секси-и Сей-ди.

Эта дурацкая строчка из дурацкой песни.

— Секси-и Сей-ди.

Зов охотника, который крадется в темноте. Сейди содрогается всем телом. Но чертенок, да, чертенок так любит танцевать... охотиться. Ленточки маски все еще вплетены в ее пальцы, она поворачивается, грациозная, как нотная линейка, идет обратно, и гравий скрипит у нее под ногами.

БРАЙАН ХОДЖ

Если бы я проснулась перед смертью

Брайан Ходж живет в Боулдер-Сити, штат Колорадо. Его перу принадлежат десять романов и около ста повестей и рассказов. В числе последних работ Ходжа романы «Хеллбой. На Земле, как в аду» («Hellboy: On Earth As It is in Hell»), «Мир боли» («World of Hurt»), а также криминальный роман «Бешеные псы» («Mad Dogs»). Готовится к выходу четвертый сборник рассказов «Нежный взгляд агонии» («A Loving Look of Agony»).

Ходж с большим энтузиазмом работает в домашней студии. Для аудиоверсии журнала «Dark Recesses» он разработал саунд-дизайн и сочинил два музыкальных произведения в жанре атмосферик индастриал. Это увлечение Ходжа оказало существенное влияние на представленный ниже рассказ. «Я пообещал Нэнси Холдер и Нэнси Килпатрик написать что-нибудь для их антологии „Аутсайдеры" („Outsiders"), — вспоминает автор. — До назначенного срока оставался месяц, а мне ничего не приходило в голову. Тогда я поступил так, как обычно поступаю в подобных случаях: выбрал свободный день и отправился на прогулку в надежде, что наткнусь на подходящий сюжет. Тем холодным дождливым весенним утром я бродил по Денверу и вдруг увидел воздушные шарики, зацепившиеся за верхушку дерева возле колокольни какой-то церкви. У меня тут же родилась идея. Я отыскал кофейню и принялся за работу».

То, что я пишу сейчас, — свидетельство моей огромной веры. Веры в то, что ты живешь не только для того, чтобы родиться и увидеть мир вне моей утробы, но и в то, что ты дорастешь до того возраста, когда сможешь прочитать это сумбурное письмо и поймешь, как я тебя тогда ждала. Как мы вместе с тобой ждали чуда!

Я не просто так употребляю здесь слово «чудо». Еще недавно я и сама была из тех, кто закатывает глаза, услы-

шав, как будущие родители говорят о своих оплодотворенных яйцеклетках как о чем-то чудесном и сверхъестественном. Оплодотворились — и прекрасно! Но при чем здесь чудо? Мне это казалось не очень подходящим выражением. Оплодотворение ведь самая обычная вещь на свете, каждую секунду оно где-то происходит. Я помню слова Эйнштейна, сказанные им однажды (было бы хорошо, если бы ты к этому времени уже познакомился с ним в школе): «Можно жить с верой в то, что чудес не бывает, либо с верой в то, что все есть чудо». Не думаю, что мое отношение к беременности изменилось после того, как доктор подтвердил то, что до него подтвердил тест, и то, о чем я знала и так. До того момента, когда я готова была признать тайну зачатия и рождения чудом, оставалось еще много времени.

Но все меняется, мой маленький, и нам не дано знать, в какую сторону.

Продолжим об этом позже. Сейчас утро, и я должна собираться в школу, где я работаю. Не обижайся, я ведь думала, что мы уже прошли через это, но меня снова из-за тебя тошнит.

Сегодня был плохой день. Но, возможно, теперь тебе станет понятнее, почему я напугана настолько, что мне необходимо продолжать эту демонстрацию веры в то, что наступит положенный срок и я увижу твое прекрасное, пищащее личико.

Как и у большинства людей, у меня нет привычки ходить задрав голову. Конечно, в один прекрасный момент небо может рухнуть нам на голову, но мой личный опыт подсказывает, что вещи, которых действительно стоит опасаться, находятся на уровне земли, так что лучше смотреть под ноги. Благодаря своей осмотрительности я за один только прошлый год сумела избежать двух хулиганских нападений, я и мой верный газовый баллончик с перцем.

Но сегодня днем я посмотрела вверх... вынуждена была посмотреть: мое внимание привлекли сдувшиеся воздушные шарики, которые зацепились за верхушку дуба. Яркое цветное пятно на фоне серо-голубого неба и окоченевших

веток с крохотными почками, которые пытаются пробиться сквозь ледяную корку после обманчивого наступления весны. Наполненные гелием беглецы ускользнули из рук гуляющих возле церкви Святого Марка беззаботных детишек. Я в будние дни каждый раз прохожу здесь по пути в школу и обратно. Это самый спокойный маршрут из всех, что я смогла найти. Он проходит в стороне от многолюдных улиц, от гудения машин, которого невозможно не слышать, когда хочется просто поразмышлять. Итак, шарики привлекли мое внимание. Они зависли между колокольнями, которые, да будет тебе известно, верховенствуют над всеми наркодилерами, бандитами и проститутками двух ближайших улиц. Шары висели, зацепившись за ветки, и я подумала о душах, заблудившихся на полпути к небесам.

И только тогда я увидела эту девушку. Увидела за секунду до того, как она прыгнула вниз.

Она стояла в одном из узких проемов ближайшей башни, колокола которой каждое воскресенье призывают помолиться хоть кого-то из оставшихся здесь людей. Я различала только бледное лицо и смутные очертания фигуры на фоне грубо отесанных серых камней. Сначала, когда девушка занесла ногу над пустотой, я подумала, что она это не всерьез.

Потом наши глаза встретились... мне показалось, она смотрела в мою сторону. Может быть, мой взгляд послужил для нее сигналом? Прыгнуть, пока никто не предпринял попытки остановить? Пойми, я не осуждаю ее — не хочу сказать ничего плохого о твоих бабушке и дедушке, но я родилась и воспитывалась в грехе.

Ни звука, никто из нас даже не вскрикнул. Это была примечательно тихая смерть. Я проводила ее взглядом до самой земли все семьдесят с лишним футов. Она не дергалась, не махала руками, скорее это было похоже на замедленное падение. Из-за гудения машин на соседних улицах я едва услышала звук удара о землю.

Может, она прожила еще несколько секунд, может, нет. Когда я подошла, никаких следов жизни в ее теле уже не осталось. Я опустилась рядом с ней на колени, стараясь не

смотреть на кровь, которая растекалась из-под ее затылка. Лицо девушки, тонкое и юное, казалось умиротворенным, словно она нашла ответ на какой-то мучительный вопрос, глаза ее были полуприкрыты.

Я положила руку ей на живот. Живот был плоский, определенно плоский по сравнению с тем, какой сейчас у меня. Он был мягкий, вялый, словно его только что выпотрошили, как один из шаров, которые зацепились за ветки дуба у нас над головами. Для меня это было равносильно признанию в самоубийстве. Поблизости не было никакой детской коляски. Плод этого чрева лежал в маленькой свежей могилке. Или, если она выкинула его на раннем сроке, крохотное тельце превратилось в больничные отходы и его сожгли вместе с использованными бинтами и вырезанными опухолями.

— Мне так тебя жаль, — сказала я ей. — Я тоже хотела сделать так, когда потеряла своего.

Сейчас не многим из таких, как ты, удается преодолеть первые три месяца.

Рука, которую я держала в своей, кажется, похолодела еще до наступления смерти и не отвечала на рукопожатие.

Буду с тобой до конца честной: я до сих пор не уверена, справилась бы я с охватившим меня отчаянием, если бы не ты. Мы с тобой потеряли твоего близнеца, но ты зацепился во мне и уцелел, и поэтому я знала — мне есть ради чего жить.

Вечером я рассказала о прыгнувшей с колокольни девушке на собрании. Все увлеченно слушали, никто не перебивал. В группе по умолчанию на этой колокольне побывал *каждый*. Какие-то несколько мгновений мы все смотрели вниз и готовились шагнуть в пустоту. Признаться в том, что им нужна поддержка, было трудно нам всем: женщинам и тем мужчинам, чьи надежды на отцовство рухнули, превратились в бесформенную массу, выскользнули из лона их жен и подруг.

Я прекрасно понимаю, что маме не следует рассказывать своему ребенку некоторые вещи (сколько бы лет ему ни бы-

ло) так, как порой это делаю я... Но к чему приукрашивать? Помимо любви и заботы я должна делиться с тобой правдой, ведь ты пробиваешься к жизни в опасное время.

О той девушке, которая прыгнула, женщина по имени Деника сказала:

— Никто не должен умирать так, в одиночестве. Ты успела подойти к ней? — Деника посещала собрания около месяца. — Она сказала тебе что-нибудь перед уходом? — В арендованном нами классе стало так тихо, что можно было услышать скрип стула.

— Почти ничего,— ответила я.— Она попросила простить ее, потому что знала, что поступила неправильно. Я знаю, что совсем не похожа на монахиню, но, возможно, она подумала, что я иду из церкви.

Мы все побалансировали на краю колокольни и в конце концов выбрали жизнь.

Но я подозреваю, что для некоторых из нас этот вопрос еще остается открытым.

Группа... да, группа. Надеюсь, то, что сейчас стало частью моей жизни, к тому времени, когда ты будешь читать это письмо, превратится в воспоминание о чем-то далеком.

В последнее время группы поддержки превратились в способ существования. Их сеть спонтанно распространилась по всему городу в ответ на возрастающий спрос. Группы собирались в подвалах церквей, в залах различных организаций, в городских центрах. На собраниях пили много кофе, курили много сигарет, ведь у собравшихся больше не было причин воздерживаться. Они вдруг оказались в трагическом положении, когда уже не надо думать о нерожденном.

Все, кроме меня. Даже в группах людей, собравшихся вместе, чтобы пережить свои потери, которые трудно осознать, я не была до конца своей. Если где-то и существовала женщина, оказавшаяся в моем положении, которой повезло и она вынашивает одного из уцелевших близнецов, я о ней ничего не слышала.

Нашу местность захлестнула волна спонтанных выкидышей. Как еще описать то, что происходит? Сначала бе-

ременность прерывалась у отдельных женщин, потом у десятков, эпидемия захлестнула все этнические группы, все социальные слои, дотянулась до маток в городах и пригородах. Сегодня это явление продолжает ставить в тупик министерство здравоохранения, так же как и после первого всплеска выкидышей... частью которого, как это ни печально, была и я. Задействованы центры контроля над распространением заболеваний, но никаких выводов пока сделать нельзя. Ничего не найдено ни в воде, ни в воздухе, ни в соскобах с шейки матки. Никаких генетических отклонений в тысячах образцов спермы, никаких токсинов в продуктах питания. Вернее, я бы сказала: все не хуже, чем обычно, все в пределах «безопасной», разрешенной медиками нормы. Но я-то думаю о тебе и стараюсь по возможности есть натуральные продукты.

Я начала посещать собрания группы в северной части города, когда переехала к родителям после того, как эпидемия украла у нас твоего брата. Тогда это было способом на пару часов освободиться от их опеки, они взяли себе привычку ходить вокруг меня на цыпочках, словно я хрупкая фарфоровая ваза, которая разобьется от любого резкого движения.

Вот только в этой первой группе было не лучше, чем с твоими бабушкой и дедушкой. Да, они все знали, что я чувствую. Я знала, что чувствуют они. Мы понимали друг друга... до определенной степени. Но я не была одной из них, больше не была, если вообще была когда-то, и они знали об этом. Они видели, что я одеваюсь не так, как они, что у меня другая прическа. Они, наверное, считали, что я случайно забрела в чужой район, и не могли представить себе, что я помню, каково это — расти среди таких, как они, быть такой же.

Ты скажешь, что такое бедствие, как эпидемия выкидышей, должно было разрушить стены притворства и позволить нам, объединенным общей трагедией, хотя бы посмотреть в глаза друг другу. Ты подумаешь, что социальные различия не могли иметь значения, но как бы не так! О да, они были вежливы со мной. Они почти всегда вежливы. Но когда мы

обменивались историями борьбы и печали, я не могла не заметить, что они подспудно меня осуждают. Я чувствовала — многие из этих высокомерных женщин уверены, что их потеря несравнимо больше моей. *У моего ребенка был бы потенциал*, как бы говорили они. *А кем бы стал твой — очередным бродягой, нахлебником на шее общества?*

Я не сказала им о тебе, понимаешь. Я не могла быть тогда настолько искренней, как сейчас. И я рада, что ничего не рассказала: они могли осуждать меня, сколько им захочется, но думать плохо о тебе они не имели права. Как они смели предполагать, что знают тебя, твое будущее, твои мечты, твое предназначение?! Надеюсь, к тому времени, когда ты будешь читать это письмо, я уже столько раз скажу тебе об этом, что ты привыкнешь. Но сейчас я говорю это впервые: *ты можешь стать, кем захочешь*. И я сейчас прилагаю все усилия, чтобы это могло осуществиться. Знаю, найдется много людей, которые скажут, что я всего лишь низкооплачиваемая учительница и мать-одиночка, а значит, я вряд ли переверну мир.

Что ж, я отвечу: похоже, мир перевернулся без моей помощи.

Итак, та группа мне не нравилась, но саму идею посещать группы поддержки я считала очень полезной и нашла других людей, которые были гораздо лучше и собирались гораздо ближе к моему дому. Место, где мы обосновались, не было уютным... конечно, не было — классная комната в муниципальной школе, обычной школе. Краска на стенах облупилась, на потолках коричневые разводы от протечек, но когда я вошла сюда, то сразу поняла, что здесь никому нет дела, если я в свое свободное время упрямо придерживаюсь эстетических принципов своей бунтарской юности.

Пожалуйста, не воспринимай это как лицензию на то, чтобы когда-нибудь смотреть на меня свысока. Я предпочитаю утешать себя мыслью о том, что с такой мамой, как я, у тебя не возникнет причин бунтовать.

Из-за тебя у меня была ужасная ночь, надеюсь, ты знаешь об этом. Теперь нам надо поспать. Я совершенно без

сил. Но ты, кажется, решил в два часа ночи принять участие в соревнованиях по плаванию. Давай свалим вину на наш район, хорошо? Какой-то болван открыл стрельбу, и ты по ошибке решил, что стреляли из стартового пистолета.

Но я совсем не против твоей активности, по понятным причинам.

Знаешь что?.. Для меня самое странное в этих письмах то, что я пишу их тому, у кого еще нет имени. Вообще-то твой пол тоже для меня пока загадка. Я так захотела, а тем, кто знает, строго-настрого запрещено говорить мне об этом. Хочу, чтобы это было сюрпризом, старым добрым сюрпризом, которые вышли из моды после того, как у докторов появилась возможность заглядывать внутрь и видеть, что я там ращу все эти месяцы.

Готова поставить на то, что ты мальчик. Но возможно, и нет. Если ты и твой брат, которого мы, увы, никогда не узнаем, идентичные близнецы, тогда, конечно, ты мальчик. Но если вы двойняшки, тогда тайна остается, верно?

Так что пока я думаю о тебе как о Головастике.

Как тебя назвать, когда ты перестанешь быть амфибией? Этот вопрос не дает мне покоя. Я склонна думать, что наше предназначение хитрым способом связано с нашими именами, словно лекало, которое надо заполнить. Если бы родители не назвали меня Мелоди, занималась бы я сейчас музыкой? Как знать, может, с моим именем случился перебор. Кто не умеет делать сам, начинает учить других, так? Ну, на это я могу ответить: попробуйте заработать на жизнь одним талантом, если ваш репертуар лишь изредка перевалливает за 1790 год.

Я уверена, что наступит момент, когда ты найдешь унизительным то, что у твоей мамы одна-единственная — естественно, не считая ее драгоценного, талантливого ребенка, — страсть — кучка инструментов с необычными названиями: рекордер, раушпфайф и крумхорн[1].

[1] Рекордер — деревянная флейта, музыкальный инструмент эпохи барокко, раушпфайф — длинная дудочка, крумхорн — разновидность шотландского рожка.

Я тут вспомнила шутку по поводу старинной музыки: какая разница между крумхорном и газонокосилкой? Газонокосилку можно настроить.

Но я надеюсь, что придет время, и ты по достоинству оценишь эту шутку.

Кто знает, возможно, мы все еще будем музицировать, когда ты станешь достаточно взрослым, чтобы уже не смотреть на нас свысока. И ты будешь гордиться мной, за то что я сохранила верность коллективу женщин-единомышленниц, которые специализируются на хитах Средневековья и Возрождения. Мы назвали нашу группу «Отбросы общества», и выступления понемногу начинают привлекать поклонников. Правда, мы не прекращаем спорить, что именно им нравится — наша музыка или наши концертные костюмы? Признаюсь, что кружева, корсеты и темная помада делают наш квинтет довольно привлекательным.

В любое время, выступаем мы или репетируем, я уверена, каждая из нас тешит свою рану. Для моей подруги Хизер (она играет на виоле да гамба и ждет не дождется встречи с тобой) это лучший способ заткнуть пасть окружающему миру. Она выросла в фабричном городке, где даже ее сны заполнял скрежет работающих станков, так что с помощью смычка из конского волоса Хизер изгоняет этот шум из своей жизни.

Что касается меня, наша музыка напоминает мне о другой эпохе, о временах, когда, как мне представляется, было больше благородства в отношениях, чем сейчас. Это важно — взаимное благородство. Ты не поверишь, что я могу так сильно тосковать по незнакомым мне временам. Но я тоскую по ним. Особенно в такие дни, как сегодняшний, после таких встреч, как сегодня днем.

После школы я направилась в свой любимый магазинчик старых пластинок и компакт-дисков посмотреть, нет ли там каких-нибудь записей для моих уроков. В этом магазинчике всегда можно откопать настоящие сокровища, и ради этого стоило забрести в тот квартал, где он располагается. За пару домов до него я встретила этого парня. Он ровным счетом ничем не был занят, просто стоял, прислонившись к закоп-

ченной кирпичной стене, и источал запах того, что выпил за день. Он приметил меня, это я могу точно сказать. Если ты живешь в нашем районе, ты неизбежно обзаводишься таким вот радаром, знаешь, он дает знать, когда кто-то решает включить тебя в свой день, включить в самом худшем смысле этого слова. Он посмотрел на меня, посмотрел *на тебя*, если быть точной, и вот что сказал:

— Еще не потеряла своего, а?

Я не представляла, как мне реагировать. Его гнусное кваканье не заслуживало ответа.

Он продолжил:

— Ну, может, позже. Похоже, у тебя еще есть время.

Что меня поразило, так это то, что он сказал это без какого-то особого желания унизить. Просто и искренне, словно потери, которые случались вокруг него, были самым обычным делом. Что за смертельная пустота должна быть в душе того, кто считает нормальным сказать такое другому человеку?

И таких, как он, много. Возможно, это был мой первый прямой контакт такого рода, но я уже не раз сталкивалась с подобным. Я вижу его в надписях на стенах домов, в граффити, слышу в песнях поп-звезд... Кажется, что люди, не высказывая своего мнения вслух, дают знать, что смерть невинных душ — ответ на их молитвы о контроле над ростом населения. Я видела жуткие картинки, распечатанные на флаерсах, с не менее жуткими лозунгами, и они прославляли то, что происходит.

Теперь нас атакуют с двух сторон. Стоит одной женщине выкинуть, ей выражают сочувствие. Но когда такое случается с тысячей, к нам начинают относиться как к дефективным или заразным. А те, кто заявляет, что имеет прямую связь с Господом Богом, во всю глотку орут, что Он своим гневом подвергает нас чистке и это последнее знамение перед тем, как Он выжжет с лица земли остатки человечества.

Не очень-то деликатно с Его стороны, как ты считаешь?

Я только что перевела дух, и до меня дошло, что́ я говорю и кому. Стыд и позор! Ты еще не родился, а я изли-

ваю на тебя свою боль и свой гнев. Так что, когда ты будешь читать это послание и увидишь вымаранные черным маркером строчки, поверь мне, письмо подверглось цензуре, чтобы ты не ломал голову, что за чертовщина происходила с твоей матерью.

Привет, Головастик, мой маленький чудотворец!

Я слышала о людях, которые впали в зависимость от групп поддержки, и надеялась, что не это заставляет меня так часто посещать собрания, но в конце концов я поняла, что́ меня здесь привлекает. В мире снаружи я всего лишь одна из растущего числа прокаженных. Но в группе я дарую надежду, потому что у меня есть ты. Не имеет значения, что я потеряла одного. Я сосуд, который еще наполовину полон, а не наполовину пуст.

Я тут подумала, что тебе следует знать, насколько ты стал близок двум десяткам людей еще до того, как сделал первый глоток воздуха.

А если сейчас и есть что-то ценное, то это надежда. Сегодня вечером собрание группы не очень помогало. Никто в этом не виноват. Просто мы все озабочены новостями о том, что выкидыши стали происходить повсюду. Сначала это было местной проблемой. Теперь мы — эпицентр, красная точка на карте, окруженная концентрическими кругами.

Тысячу раз в день я обхватываю руками раздувшийся благодаря тебе живот и стараюсь удержать тебя внутри. Иногда я даже думаю, что будет лучше, если ты навсегда останешься там, где безопасно, тепло и уютно, и не увидишь того, что тебя ожидает по эту сторону. Эта машина снаружи хочет, чтобы ты стал простым зубчиком в ее шестеренках.

Мне хочется поиграть для нас обоих, чтобы мы отвлеклись от того, что происходит, но сейчас поздняя ночь. Я знаю, какая реакция последует на мою игру,— враждебный стук в потолок у нас над головами. Будет стучать тот самый сосед, который по шесть часов кряду пялится в свой телевизор и включает такую громкость, что я слышу каждое слово этих дурацких

передач. У него есть имя, это точно, но я предпочитаю называть его словом, которое тебе нельзя будет употреблять до двадцати пяти лет.

Спокойной ночи, Головастик. Можешь немного поплавать, если хочешь. Ты и я, мы так близки, что трудно объяснить, почему порой мне так одиноко.

Сейчас в школе перемена, и у нас не так много времени, но я все же хочу узнать: что ты *слышишь* там внутри?

С одной стороны, мы существуем в разных мирах, но с другой — я не должна забывать, что всего лишь несколько слоев моего тела ограждают тебя от внешнего мира. В любом случае эта прослойка гораздо тоньше, чем изоляция, которая защищает нас от соседей.

Помню, доктор как-то сказал мне, что ты (не только ты, а все такие же мокрые и сморщенные малыши) слышишь приглушенное гудение потоков крови, которую безостановочно качает мое сердце. Но ты ведь не просто его слушаешь... тебя окружают эти потоки.

Так вот, мне интересно: что еще ты слышишь? Мне представляется — всё, если звуки достаточно громкие. Возможно, ты слышишь их, как человек, нырнувший под воду на глубину одного-двух футов, слышит то, что происходит на кромке бассейна. Пусть приглушенно, но до тебя должны доноситься звуки.

Меня действительно начинает это беспокоить. Например, я иду мимо стройплощадки возле моей школы, а там экскаваторы роют землю или рабочие включили свои отбойные молотки. И я спрошу себя: «А что сейчас думает об этом шуме Головастик?»

Ты ведь не знаешь, отчего этот шум происходит и что он означает. Ты ведь никогда ничего такого не видел. Никто никогда тебе об этом не рассказывал. Ты просто слышишь страшный шум где-то там за стенкой.

Если со стороны кажется, что я зациклилась на этой теме, скажем за это спасибо Деникe. Помнишь, я уже упоминала о ней? Недавно на собрании она стала рассказывать о дне, который предшествовал ее выкидышу, — о таком еще

никто не говорил. Она жила рядом с аэропортом, ее дом был расположен под траекторией полетов. В тот день в двух кварталах от ее дома разбился рейсовый самолет. На место катастрофы съехались машины «скорой помощи», пожарные наряды и прочая техника. И несколько часов кряду в ее районе завывали сирены и кричали люди.

Деника считает, что выкинула из-за стресса, который испытала в тот день.

Иногда, когда я представляю все то, что ты должен слышать, мне кажется, что мы все, живущие здесь, должны перед тобой извиниться.

Как я уже говорила, сейчас группы поддержки превратились в способ существования.

Но теперь и ты подвергаешься опасности.

Я уже писала, что выкидыши стали происходить повсюду? Можно подумать, что появился некий вирус, вот только никто не может найти ни единого подтверждения его существования. Но это не мешает некоторым делать поспешные выводы. Они приезжают сюда издалека и смотрят на нас, на первых, кого это коснулось, как на источник заразы. Им нужен кто-то, кого они могут обвинить в своих потерях, а мы оказываемся самыми подходящими «тифозными Мэри».

Сегодня рано вечером они забросали зажигательными бомбами два места, где собрались другие группы. Никто не пострадал, но невежество и ненависть этих людей выше моего понимания. В новостях передавали репортаж о том, что случилось, я смотрела и думала: неужели это наше будущее?.. Мы потеряли наших детей и стали париями, и за это нас надо изгнать, обречь на вымирание.

Я не знаю, что хуже — попытаться изгнать обиду и боль из моего сознания, рассказывая тебе о них, или жить с этим. С какой стороны ни посмотри, у меня такое чувство, что я подвергаю тебя опасности, будто это может просочиться в тебя.

Мы не можем себе это позволить. Ты дашь мне силы, понимаешь?

Ты слишком маленький, чтобы на тебя можно было опереться, и все же ты даешь мне силы идти дальше.

Ты спишь, Головастик? Тебе там *снятся сны?*

Когда мы наблюдаем за спящими котами или собаками, а они дергают лапами и щелкают зубами, мы считаем, что им снятся сны, так почему не могут видеть сны нерожденные дети? Тебе просто снится что-то другое, чем нам, верно? Тебе не могут сниться вещи, которых ты не видел, потому что ты еще вообще ничего не видел. Ты ничего не нюхал, ничего не пробовал на вкус, так что ни запахи, ни вкусовые ощущения тебе тоже не могут присниться. Ты можешь только чувствовать и слышать. Это все, чем может заняться твой развивающийся мозг.

Возможно, теперь я хотя бы отчасти знаю, на что это похоже, потому что вчера мне приснился такой сон. Мне снилось, каково это — быть тобой. Ты лежишь свернувшись калачиком, тебе мокро и тепло, вокруг кромешная темнота, и, кроме этого места, ничего не существует. Я погрузилась в себя... буквально. И это было прекрасно, прекрасно до тех пор, пока не начался этот шум. Атмосфера стала гнетущей, все вокруг начало сжиматься... словно я была в рюкзаке, а кто-то затянул шнур и принялся закручивать рюкзак. Рюкзак вертелся и вертелся, и места для меня оставалось все меньше и меньше. И некуда деться от шума, от этого пронзительного скрежета, который ревет, пульсирует и все накатывает, накатывает, накатывает...

Тебе снилось такое, Головастик? Это было *твоим* сном?

Мы постоянно делимся друг с другом. Кислород, еда, кровь — у нас все общее. Если мы обмениваемся такими сокровенными вещами, почему мы не можем обмениваться снами?

Я проснулась, ты толкался у меня в животе, но толчки были не такими, как я привыкла. Они не были... сильными. Скорее было похоже, что ты тихонечко стучишься изнутри или просто дрожишь. За пять секунд я перешла от крепкого сна к состоянию абсолютного ужаса. И поэтому я сделала единственное, что могла придумать: взяла свою самую неж-

ную флейту из кленового дерева и постаралась успокоить тебя, как-то сказать тебе, что все будет хорошо... и плевать, если мистер Ж*** наверху проснулся и посмотрел на часы.

Кажется, у меня получилось — ты затих, и можно было спать. Вот только ущерб уже был нанесен. Не тебе, *мне*. Настал мой черед просыпаться от кошмарных снов. Следует ли мне рассказывать тебе об этом? Ты сочтешь меня глупой, если я расскажу. Но если я этого не сделаю, ты будешь разочарован.

Ладно, хорошо...

Я как будто очутилась в классе, где собирается наша группа. Всё вроде бы нормально, но было понятно, что в это помещение уже давно никто не заходил. Никто не являлся сюда, чтобы получать знания, никто не приходил, чтобы изливать душу. Вообще никто сюда больше не приходил. Все, что осталось в классе, — толстый слой пыли да пара стульев. Я устроилась на стуле возле доски, которая стояла в самом центре класса, — обе ноги на полу, спина прямая, все в соответствии с требованиями строгих учительниц. А потом вошел *ты*... вернее, вполз. Тебе было всего несколько месяцев. Я наблюдала за тем, как ты выполз в начало класса, потом повернул и пополз вдоль стены слева от меня. И все это время, двигаясь вдоль плинтуса, ты периодически останавливался, чтобы съесть отвалившиеся от стены куски краски. Используют еще краски на свинцовой основе? Не думаю, но это не имело значения, потому что помещение было таким заброшенным. Я пыталась сказать тебе, чтобы ты не брал краску в рот, но ты, казалось, совсем меня не слышал. Ты просто продолжал двигаться вперед, пока не исчез из виду в той части класса, что была за доской. Я видела след, который ты оставил в пыли, время от времени слышала, как ты что-то ешь, и ждала, когда ты снова появишься в поле моего зрения у правой стены класса. Только ты так и не появился. А я не могла повернуться и посмотреть, где ты и что с тобой случилось... потому что мне не разрешили.

Если мы делимся снами, надеюсь, что это односторонняя связь, что этот сон не просочился к тебе вместе с соевым молоком, которое я пила на ночь.

Ты, наверное, снова удивляешься, думаешь: что за чертовщина творилась тогда в голове у мамы?

Не суди меня слишком строго. Я думаю, твоя мать просто боялась отравить тебя одним фактом своего существования.

Если бы кто-нибудь узнал, какое количество групп поддержки я посещала в последнее время, он подумал бы, что у меня что-то неладное с головой. Что я одержима и не могу без них нормально функционировать. Это правда, последнее время вся моя жизнь — школа и группа.

Но еще я отношусь к этому как к исследованию.

Я начала с того, что стала задавать вопросы в своей группе. Потом, вечер за вечером, я переходила из одной группы в другую. Всякий раз я сначала убеждалась в том, что у места собрания выставлены полицейские посты или секьюрити для защиты от нападений. Конечно, места собраний групп, не считая северную часть города, охранялись не на все сто процентов, это все же было лучше, чем ничего.

И еще — теперь не только потерявшие организовываются в группы. Появились группы беременных женщин, которые вместе молятся, чтобы им не пришлось сменить группу.

Я могу посещать и посещаю и те и другие.

Первое время я держусь в тени. Даже внутри немногочисленного, на время организовавшегося общества, основанного на горе и страхе, существуют неписаные законы, табу, которые нельзя нарушать. Я слушаю душераздирающие исповеди, полные боли и страдания. Голоса могут принадлежать разным людям, но все эти истории я уже слышала. Только вариаций может быть великое множество.

Со временем мне уступают место, члены группы готовы выслушать мою историю, потому что я проявила к ним уважение, и я рассказываю им свою версию... или часть ее. Иногда мне кажется, что они думают, будто я злорадствую, и тогда я стараюсь говорить как можно меньше. Иногда я понимаю, что ты даришь надежду, и тогда ты занимаешь центральное место на собрании.

И под конец, когда я чувствую, что можно, я задаю вопрос: «У тебя/вас когда-нибудь возникало чувство, что твой/ваш ребенок видит сны?»

Некоторые смотрят на меня как на сумасшедшую. По другим заметно, что они впервые задались этим вопросом, но не собираются от него отмахиваться. А другие... мне достаточно заглянуть в их глаза, чтобы понять, что они чувствуют то же самое, что и я. Они точно знают, о чем я говорю. Каждая из этих женщин думает, что это произошло только с ней или что это плод ее воображения и что до сих пор никому такое не приходило в голову.

И потом мы рассказываем друг другу о том, что каждая из нас испытала, и, что гораздо реже, о тех впечатлениях, которые, по нашим ощущениям, мы делили с малышами. Тут есть некоторые вариации, чего я, собственно, ожидала. Но по сравнению с тем твоим сном, который я «перехватила», все их сны скорее похожи, чем не похожи друг на друга.

Боже мой, все вы, малюсенькие существа, вы там внутри, и вы растете в ужасе от того, что доносится до вас снаружи, правда?

— Значит, им было позволено уйти.

К такому умозаключению пришла одна из женщин сегодня вечером. Впервые кто-то при мне произнес это вслух, но, возможно, многие из нас интуитивно чувствовали, что это так. Потому что, несмотря на все тесты, на все теории, никто не смог объяснить происхождение этого бедствия, а тем более остановить его.

После этих слов все в группе, похоже, решили, что на сегодняшний вечер достаточно. Но я вот что хочу знать: правда ли, что ты получил разрешение от дюжин, от сотен эмбрионов, *кто сказал тебе, как это сделать? Кто сказал тебе, что ты можешь?* Кто тебе *разрешил?*

И меня мучит вопрос, что бы случилось, если бы я не проснулась той ночью, если бы я спала и ты бы тоже спал. Если я бы не убаюкала тебя, не успокоила, зная о том, что тебе там снится. Снится этот шум, это давление, которое вытесняет тебя раньше положенного срока... как мусор из грузо-

вика. В таком темном месте, проходя через первый в твоей жизни сон, как ты мог определить, где реальность, а где нет?

А я, находясь здесь, снаружи, могла ли я оберегать тебя каждую секунду?

Сегодня нет занятий в школе. У меня нет занятий. Все остальные получают знания как обычно.

Я преодолела половину пути до школы. Шла пешком, размеренным шагом. Я всегда считала, что пешие прогулки полезны для нас... для меня и Головастика. Правда, после той девушки, прыгнувшей с колокольни, я внесла изменения в обычный маршрут. Ошибка с моей стороны. Если бы я не обходила церковь стороной, я бы имела возможность ежедневно противостоять тому, что тогда сделала бедная девушка у меня на глазах.

Квартал, по которому я шла, был заброшенным, но, с другой стороны, ближе к дому все кварталы такие, просто этот в своих лохмотьях смотрелся живописнее других. Здесь уже в четвертом поколении проживало семейство индусов, и пожилая женщина, достаточно старая, чтобы на своем веку успеть поменять пеленки как минимум трем поколениям своих земляков, держала цветочный магазин. Я еще не подошла к их дому, только переходила улицу, когда услышала чей-то крик. Мне было не понять, откуда он исходит, но он становился все громче и эхом отражался от кирпичных стен.

Еще до того, как я ее увидела, я поняла, кто она и почему кричит. В том месте уже собралась небольшая кучка зевак. Я шла в их сторону и думала: «С ней наверняка кто-то есть, кто-то должен о ней позаботиться...»

Но она была одна.

Она сидела, подогнув под себя ногу, на площадке возле лестницы, которая вела в комнаты на втором этаже. Над ней висел ряд почтовых ящиков, одной рукой она держалась за ручку двери. А второй...

Отчетливее всего я помню яркое красное пятно, расползающееся по желтой материи, намотанной вокруг ее бедер.

Кто-то показал на женщину пальцем и рассмеялся, это я тоже помню. И все, как только поняли, что происходит,

пошли по своим делам. Возобновились прерванные на минуту разговоры, люди спешили уйти подальше от этой женщины. Я хотела ей помочь, правда хотела, и я помогла бы, если бы она хоть на минуту *заткнулась*. Но она все кричала, кричала и...

Я думаю, я не хотела выставлять тебя перед ней. Поэтому я развернулась на сто восемьдесят градусов и направилась домой. В конце квартала я один раз глянула через плечо и увидела, что рука той женщины все еще тянется за порог квартиры.

В общем, мне нечем гордиться.

Сейчас есть только ты и я. Возможно, так будет до конца недели. Может, меня не оставит это чувство до тех пор, пока ты не появишься на свет.

Что меня мучит, так это то, что, когда я вспоминаю, как в последний раз посмотрела на эту женщину на пороге квартиры, как увидела ее вытянутую руку, как бы я ни старалась, я не могу вспомнить точно — молила она о помощи или... указывала. На нас.

Возможно, все это не стоило и выеденного яйца, если бы не дурацкий вчерашний сон. В этом сне ты шептал что-то на ухо своему брату. Как раз перед тем, как... ну, ты знаешь.

Я глупая, да? Первая беременность, сдают нервы и все такое прочее?

Я хочу того же, чего хочет *любая* мать для своего ребенка, я цепляюсь за надежду, что ты сможешь стать тем, кем захочешь. Верю, что вместо того, чтобы подчиниться окружающему миру, ты подчинишь его себе. Что ты сможешь ссять свои идеи, как сеют семена, они пустят корни, они распространятся, как пожар. Я надеюсь, что ты найдешь свой путь и сделаешь мир лучше.

Только вот сейчас мне вдруг пришла в голову мысль: а вдруг ты уже начал это делать?

Ну давай же, Головастик... скажи, что у меня невроз. Потому что чем больше я думаю о том, что произошло сегодня утром, тем яснее мне становится, что та женщина в действительности указывала на нас. Она обвиняла. Я хо-

чу сказать, что тогда я на секунду встретилась с ней глазами. Но почему она нас обвиняла? Что мы ей сделали?

Не молчи, Головастик. Скажи, что у меня просто стресс. Что ты не уговаривал своего брата уйти. Нет, не шепча ему что-то на ушко, а в вашем общем сне. Скажи, что если я обращусь к докторам и потребую от них правды, они не ответят мне, что твой брат был не просто одним из потерянных... он был *первым*. Они не смогут доказать, что это эхо твоего ужасного сна длится до сих пор.

Скажи мне, что все шло как надо. Я только хочу, чтобы ты родился нормальным.

Ладно, хватит, все это будет уничтожено черным маркером. Но мне так хорошо оттого, что я избавилась от этого груза.

Помнишь нашего Эйнштейна: «Жизнь можно прожить двумя способами: так, словно чудес не бывает, либо так, словно все есть чудо».

Для меня в этой жизни каждый день, который мы с тобой провели вместе,— чудо. Обещаю: когда ты родишься, я буду славить тебя, как чудо. И ничто на свете не сможет это изменить.

А до той поры я обещаю хранить твой покой, я буду рассказывать о том, как сильно я люблю тебя, о том, что все будет хорошо... по крайней мере, я буду стараться. В последнее время с музыкой происходит что-то непонятное. Или я разучилась играть, или что-то не так с моими инструментами. Никогда не думала, что они могут издавать такие ужасные звуки.

Но тебе, кажется, это даже нравится.

Эти звуки подстегивают тебя, и ты танцуешь до тех пор, пока меня не начинает тошнить.

РОБЕРТА ЛЭННЕС

Другая семья

Роберта Лэннес родилась и живет в Южной Калифорнии, где в течение тридцати трех лет преподает английский язык, а также изобразительное искусство и компьютерную графику.

Первый рассказ Лэннес в жанре хоррор был напечатан в 1985 году в антологии Денниса Этчисона «Острый край» («The Cutting Edge»). С тех пор писательница сочинила и опубликовала множество произведений, в том числе научно-фантастических и фэнтезийных. Роберта Лэннес решительно настроена отказаться от преподавательской деятельности ради литературы.

В 1994 году вышел отмеченный наградами документальный фильм Яна Керкхофа «Десять монологов из жизни серийных убийц», в котором режиссер использовал произведения Уильяма Берроуза, Роберты Лэннес, Генри Роллинза, а также материалы о Чарльзе Мэнсоне.

«Рассказ „Другая семья" связан с моим непреодолимым, сверхъестественным страхом оказаться в ловушке параллельного или альтернативного мира, где я смогу наблюдать за тем, что происходит в нашем мире, но буду лишена возможности вмешаться, — говорит Роберта Лэннес. — В детстве я, как и все, боялась привидений и того, кто прячется под кроватью, и не понимала, откуда берутся эти чудища. Кто-то сказал мне, что они живут в параллельном мире, но могут проникнуть в наш, забрать мебя с собой, и я потеряюсь навсегда.

Когда мне было девять лет, мы всей семьей отправились на морской курорт в штате Орегон. Я помню туманные дни и растянувшиеся вдоль берега домики для отдыхающих, помню, как пропала маленькая девочка из соседнего коттеджа. Ее быстро нашли, но я тогда верила, что все это время малышка провела в плену у того, кто прячется под кроватью.

Замысел окончательно сформировался, когда мы с мужем поехали в его дом в Камбрии[1]*. Там, глядя на коттеджи, на*

---

[1] Камбрия — графство на северо-западе Англии.

песчаный пляж и уходящий за горизонт океан, я поняла, что эта история могла произойти только в Англии».

Маделайн брела по песчаному берегу к дому, и целых шестнадцать ракушек перекатывались друг через друга в ее ведерке. В руке у нее был зажат желтый совочек — она, как флажком, помахала им родителям, которые сидели на веранде. Ее мама положила книгу на колени и потянулась. Ее папа поправил очки на носу и продолжил вырезать очередную фигурку из прибитой к берегу коряги. Маделайн поставила ведерко у крыльца.

— Мама, я видела краба! Он ходит боком!

Мама спустилась с крыльца и приставила ладонь козырьком ко лбу. Она высматривала на берегу Николаса, старшего брата Маделайн. Ее светлая рубашка и шорты трепетали на ветру.

— Мам, смотри, сколько у меня ракушек! — Маделайн приподняла ведерко, и синяя пластиковая ручка натянулась под тяжестью ракушек, песка и воды.

— Ого, как много! Ты можешь их почистить, а потом, когда вернемся домой, продать на воскресной уличной ярмарке.

— Правда можно? Ой, спасибо, мам!

— Где твой брат, Мадди?

Маделайн посмотрела снизу вверх на маму, потом в сторону моря. Еще недавно Николас бродил по холодной воде и время от времени обдавал Маделайн брызгами. Он изводил сестру, цепляя ей на спину водоросли и шлепая на макушку лепешки мокрого песка. Никто не кричал на него за это с веранды, никто не спустился к воде и не увел его в дом. Мадди совсем не нравилось, что ему все сходит с рук. А теперь мама спрашивает ее, куда он подевался! Он оставался на берегу, когда она пошла показать маме с папой свои ракушки.

— Я его не вижу, мамочка. Может, он далеко заплыл? Ты сказала нам не плавать, потому что мы только что позавтракали.

На берегу можно было увидеть крошечные фигурки детей и их родителей, но день выдался пасмурный, и людей на пляже было мало. Большинство отдыхающих на побережье предпочли отправиться в ближайшие поселки. А те, кто снимал коттеджи на все лето, уже ехали в Италию или Испанию. Сезон заканчивался, и семьи, прибывшие сюда на время каникул, начали разъезжаться, так что многие дома пустовали в ожидании хозяев.

— Фрэнк, я пойду искать Николаса. В воде его нет, на берегу его тоже не вижу. Возможно, он забрался в один из пустых домов. Это на него похоже.

— Хорошо, иди, Хилди, я присмотрю за Мадди. — Папа улыбнулся с веранды Маделайн и продолжил вырезать свою фигурку.

— Мам, можно я пойду с тобой?

Ее мама сцепила руки и оглядывала берег.

— Я думаю, тебе лучше остаться. Я не хочу потерять второго ребенка.

Маделайн не могла этого понять. Ведь если она будет со своей мамочкой, как она может потеряться? Мадди смотрела, как ее мама легкой походкой идет по дощатому настилу, который тянулся от коттеджа к коттеджу. Мама обхватила себя за плечи, словно ей было холодно, ее коротко подстриженные волосы ерошил легкий бриз.

— Мадди, поднимайся на веранду и покажи мне свои ракушки.

Маделайн воткнула совок в песок, волоком протащила ведерко вверх по ступенькам и понесла к рабочему столу отца. Потом поставила ведерко на дощатый пол и посмотрела, что там на столе.

— Это птичка? — спросила она, накручивая на палец локон волос.

Папа улыбнулся:

— Да, это белая цапля. Если повезет, я найду на берегу корягу, которая сразу будет на что-то похожа. Эта вот будет птицей только после того, как я ее исправлю.

Мадди взяла со стола одну из кривых веток.

— Эта похожа на змею. А вон та похожа на ангела.

Папа показал пальцем на ее загорелую мордашку:

— Ты можешь стать художником, как твой папа. У тебя хороший глаз.

Маделайн коснулась пальцем правого глаза:

— Этот?

Папа от души рассмеялся.

— Что смешного?

— Ты смешная.

Мадди наблюдала, как он строгал и шкурил свою корягу, и думала, как хорошо, что она может вырасти и стать как ее папа с хорошим глазом. Прошло несколько минут, и она забыла про Николаса и про маму.

Николас, после того как папа накричал на него перед ужином, вел себя тихо. Маделайн забралась в постель и легла рядом с братом. Он был расстроен. Ник не любил, когда ему выговаривают, тем более при сестре. Он всегда говорил, что она любимица и ей никогда ни за что не попадает. Она-то знала, как он не прав. Ее посылали сидеть в своей комнате за то, что она трогала вещи брата, за то, что без разрешения входила в его комнату, за то, что смотрела телевизор, когда надо было делать уроки. Никто никогда не шлепал брата по попе за то, что он попользовался маминой помадой или разрешил собаке жевать мамины мокасины. И потом, когда они приехали в этот коттедж, казалось, ни маму, ни папу не волнует, кто кому что сделал, до тех пор, пока кто-нибудь из детей не пропадал из виду.

— Ты куда ходил, Ник?

— Спи, малявка. — Брат повернулся к ней спиной.

— Мне просто интересно. Мама очень испугалась, а папа сильно разозлился.

Николас, кривляясь, пообкал и снова умолк.

Мама подошла к двери в их комнату:

— Кому-нибудь нужно одеяло?

Маделайн приподнялась на локте, посмотрела на брата и вздохнула:

— Ник расстроен. Но у меня все хорошо. Почитаешь мне на ночь?

— Николас, будешь продолжать в том же духе, завтра же сажаю тебя в автобус и увожу домой. Ты убежал и очень нас напугал, и ты не выйдешь из дома до воскресенья, — строго сказала мама и продолжила уже совсем другим тоном: — Мадди, сладкая моя, мама устала. Я тебе завтра почитаю, хорошо?

Николас глубоко вздохнул, но ничего не сказал.

— Хорошо.

Маделайн была недовольна. Мама и папа в каникулы всегда были такими веселыми, а в этот раз они почти не разговаривали друг с другом. Николас вел себя так, будто что-то знает, но Маделайн не могла придумать, какой вопрос надо задать, чтобы узнать, в чем дело. В этот приезд мама все время читала, или готовила, или смотрела на море, а папа вырезал свои фигурки, ходил один купаться или ворчал, если был туман. Маделайн помнила радостный смех родителей, когда они, уложив их с Николасом спать, играли в карты. Помнила скрип кровати и довольные стоны, когда родители понарошку боролись наверху. Они всей семьей ездили в город, делали покупки и ели мороженое с хлопьями. Но это было в прошлом году. В этом году каникулы были скучными, и казалось, им не будет конца.

Мама закрыла дверь, в коридоре погас свет. Небо еще было светлым, и в комнату проникало янтарное сияние. Маделайн разглядывала на потолке тени и полосы света, которые шевелились в такт с колышущимися на ветру занавесками, и представляла себе разных фей и эльфов.

Они уже третий раз приезжали на побережье. Маделайн нравился этот коттедж, он был чище других и обставлен красивой мебелью. Теперь ей уже исполнилось восемь, и она могла оценить это по достоинству. Ей разрешали плавать без резинового круга, разрешали собирать камешки и ракушки, и, хоть и предполагалось, что Николас за ней присматривает, она могла побродить по берегу одна, если брат отвлекался. Не то что в прошлый раз, когда мама прилипла к ним как репей. Тогда кто-то из детей потерялся, и все родители играли вместе со своими детьми и не отпускали их от себя ни на шаг. Николас тогда весь извел-

ся. Он и сейчас мучился. Ему уже двенадцать, он большой, а с ним обращаются как с ребенком.

Вероятно, Маделайн заснула, потому что когда она посмотрела на потолок в следующий раз, он был темным. Занавески не шевелились. Маделайн протянула руку туда, где должен был спать Ник. Брата там не было. Она выскользнула из кровати и прокралась по коридору мимо гостиной к кухне. Она боялась позвать Ника. Родители могли проснуться, и у него снова были бы неприятности.

Свет был загадочным, струился волнами. Полная луна бликовала на морской глади, и ее сияние отражалось на стенах. Маделайн подошла к окну у входной двери и выглянула наружу. На берегу — ни души, море сверкает под луной. Животик Маделайн напрягся, она икнула. Если Николаса нет в спальне, нет в кухне и в гостиной, значит, он может быть наверху в ванной. Маделайн подождала внизу у лестницы. Николас не появился.

Надо найти его и привести обратно! Брату не сойдет с рук эта выходка, и Маделайн могла себе представить, во что тогда превратятся их каникулы. Она открыла дверь и вышла из дома. Ночь была светлой, влажной и немного душной. Укрытый туманом мыс протянулся до самого горизонта и сиял, словно подсвеченный изнутри. Маделайн ступила на дощатый настил, и длинная футболка, которая служила ей ночнушкой, облепила ее бедра. Она подняла голову и посмотрела на окна комнаты, где спали родители. Надо было найти Ника, пока не рассвело, чтобы утром мама с папой ничего не заметили.

Интересно, в какую сторону он пошел, подумала Маделайн. В сторону города или наоборот? Она выбрала второе и, осторожно ступая босыми ногами по занозистым доскам, пошла по настилу. По пути она шепотом звала брата и разглядывала темные фасады коттеджей, гадая, есть там кто-нибудь или уже все уехали.

В самом конце деревянной дорожки стоял большой особняк в викторианском стиле. В башенке под самой крышей горел свет. Маделайн не отрываясь смотрела на окно, всей душой желая, чтобы там появился Николас, увидел бы ее

и радостно замахал руками. Но свет погас, и надежды ее рухнули. Этот дом, единственный на побережье, был обнесен чугунной оградой. Николас не смог бы туда пробраться, да и дом пугал Маделайн одним своим видом.

Девочка развернулась и быстро зашагала обратно, ей стало очень страшно. Вокруг было так тихо. Заноза вонзилась ей в большой палец, и Маделайн остановилась. Она подняла ногу, но ее собственная тень не давала разглядеть ступню. Маделайн нащупала занозу, начала ее вытаскивать и повалилась на песок. Она вскрикнула, но песок в ту же секунду облепил ей рот.

— Ой, ой, ой!

Маделайн выдернула занозу и сплюнула песок. Вспомнив, что говорила мама о таких вот колотых ранах, она сжала палец и держала так, пока не появилась кровь, а потом обтерла палец подолом футболки.

Поднявшись на ноги, Маделайн взглянула в сторону коттеджа, что стоял напротив, и увидела чей-то силуэт на веранде. Она прищурилась, пытаясь разглядеть — Ник это или кто-то другой, но до веранды было слишком далеко. Тогда Маделайн похромала к низкой деревянной калитке и распахнула ее настежь. Человек не двигаясь стоял у входных дверей.

— Николас? — окликнула Маделайн, напряженно вглядываясь в смутный, темный силуэт.

Но когда она подошла ближе, перед ней оказалась девочка примерно такой же комплекции, такого же возраста, как она сама, и с такими же длинными каштановыми кудрями. Только на этой девочке было длинное, до колен, платье.

— Ты потерялась? — спросила Маделайн, с опаской приближаясь к девочке.

Девочка отрицательно покачала головой.

— Это твой коттедж?

И снова девочка покачала головой.

— Где ты живешь? Почему ты так поздно не дома?

Девочка показала в сторону стоящего в конце деревянного настила викторианского особняка. Особняк на фоне светлого неба был похож на резную заколку, которой пришпилили кончик ленточки-дорожки.

— Ты живешь в том большом доме?

Девочка кивнула. Когда она заговорила, у Маделайн возникло такое чувство, что ей знаком этот голос. Голос высокий и юный, но в то же время резкий, как будто металлический:

— Я не могу вернуться домой. Мой брат запер двери, а все уже спят.

Маделайн подумала о Николасе.

— А я не могу найти своего брата. Я думаю, он отправился исследовать берег. Если я помогу тебе попасть домой, ты поможешь мне найти брата?

Девочка подошла к краю веранды.

— Да, пожалуй.— Она спустилась по ступенькам и встала перед Маделайн. При свете луны казалось, что лицо ее вылеплено из бледно-желтого воска.— Я знаю, где любят прятаться мальчики. Там, за домом, оранжерея. Она большая, в ней много растений и много мест, где можно спрятаться. Ворота с той стороны сломаны. Пошли, покажу.

— Я — Мадди, — сказала Маделайн и протянула руку девочке, но тут же ее отдернула. Рука девочки была такой холодной, что от прикосновения к ней было даже больно.

— Извини.— Девочка вытерла руки о платье.— Меня зовут Селин. Моя мама француженка.

— А у меня имя французское, но моя мама из Ковентри.

— Мадди не похоже на французское имя,— высокомерно заметила девочка.

Маделайн нахмурилась. Ей совсем не нравились девочки-всезнайки.

— Мадди — уменьшительное от Маделайн, а Маделайн французское имя[1]. Так моя мама говорит.

— Ладно, хорошо, пошли, Маделайн, чье имя французское.

Селин прошла мимо нее к настилу и направилась в сторону особняка. Маделайн поспешила следом, палец у нее

[1] Маделайн (Madeline) — английская форма имени Магдалина, более известного своим французским вариантом Мадлен.

на ноге начал тихонько пульсировать. Они подошли к боковым воротам, о которых говорила Селин. Селин замерла на месте и смотрела на ворота, словно они были из раскаленного железа.

— Давай, Мадди. Они сломаны. Ты их только толкни.

Маделайн потянулась к щеколде, которая свободно болталась в листве увивающего ограду плюща, толкнула ворота, и они легко распахнулись. Тропинка, идущая от ворот, утопала в тени можжевельника, но Селин, едва они оказалась за оградой, уверенно пошла вперед.

Путь до оранжереи оказался неблизким. Тропинка петляла между деревьями, аккуратными клумбами и ухоженными лужайками. Селин плавно двигалась через сад, казалось, ее фигура излучает лунный свет.

— Мы пришли.

— О! — вырвалось у Маделайн, ей показалось, что большое стеклянное здание выросло из земли, когда она моргнула, потому что до этого его там не было.

Двойные двери были открыты, слабые огоньки освещали пространство в центре оранжереи, где стояли стол и стулья. Селин подошла к столу и повернулась к Маделайн:

— Он здесь. Прячется. Позови его. Когда он придет, отправь его домой. А потом ты поможешь мне вернуться домой.

— Но Николас может помочь тебе лучше меня. Ему уже двенадцать лет!

— Нет, только *ты одна*, — настойчиво сказала Селин и уперла руки в бока.

Маделайн оглядела оранжерею. Пахло торфом, цветами и свежей зеленью. От центра оранжереи разбегались тропинки. Николасу бы здесь понравилось, подумала она. Да, он здесь.

— Ник! Ник, выходи! Тебя сильно накажут, если ты не выйдешь.

— Правильно, правильно. Зови громче. Я подожду снаружи, — сказала Селин и прошла мимо Маделайн.

— Николас Чарльз Беннет, выходи сейчас же! — подражая напористости Селин, крикнула Маделайн.

Маленькие огоньки несколько раз мигнули, и Ник вышел из-за растущей в кадке пальмы. Лицо у него было чумазое, волосы всклокочены, будто он только что встал с постели, а шорты все в темных пятнах от грязных пальцев. Он посмотрел на свои колени, и Маделайн заметила, что они ободраны. Смущается, подумала Маделайн, он ведь любит быть таким крутым.

— Что ты здесь делаешь? — громким шепотом спросил Ник.

— Тебя ищу, глупый. — Маделайн сжала кулачки. — Я проснулась, а тебя нет. Если мама и папа заметят, что мы ушли, нас запрут в комнате до самого воскресенья!

— Только проболтайся, и ты у меня пожалеешь! — Ник ей угрожал, но по его голосу и позе было заметно, что мальчик растерян.

— Я не глупая и знаю, что, если все расскажу, меня тоже накажут. Иди обратно в коттедж, балбес!

— Что?! Не указывай, что мне делать. — Ник начал отступать в тень деревьев.

— Ну и хорошо, пусть тебя накажут. Мне все равно.

Маделайн развернулась и пошла к выходу из оранжереи. Она ожидала увидеть Селин, но в саду не было ни души.

— Селин? — шепотом позвала Маделайн.

Николас вихрем выскочил из оранжереи и остановился в нескольких метрах от сестры.

— Я возвращаюсь, потому что я так хочу. Мы все равно уже тут наигрались. — Он зло глянул на Маделайн. — Тебе тоже лучше вернуться, или я скажу маме с папой, что это *я* ходил искать *тебя*. — Сказав это, Ник побежал по тропинке и исчез в темноте.

— Он так похож на Пола, — сказала Селин за спиной Маделайн.

Маделайн подпрыгнула от неожиданности:

— Ты меня напугала! — Она переминалась с ноги на ногу — гравий колол босые ноги. — Кто этот Пол?

— Мой ужасный брат. Ему тоже двенадцать. Родители позволяют ему делать все, что он захочет. Его никогда не

бранят и всегда дают сладости после ужина, что бы он ни натворил за день. Если я как-то не так на него посмотрю, он оставляет меня на улице и не впускает в дом. Я не могу пожаловаться ни родителям, ни прислуге. Они сочтут, что я непослушная девочка и сама ушла из дому, и меня накажут. Это несправедливо.

— Это ужасно! У меня тоже так.

Селин шагнула с тропинки на лужайку:

— Идем. Поможешь мне пробраться в дом через окно на задней веранде. По-другому никак.

Маделайн кивнула и пошла следом за Селин через лужайку к особняку. Они вышли на тропинку, которая вела к входу для прислуги, потом поднялись по ступенькам и оказались на площадке, которая и была задней верандой. Ряд низких окон заканчивался у массивных застекленных дверей. Селин приблизилась к тому окну, которое было дальше всех от этих дверей и ближе всех к входу для прислуги.

Девочки приникли к окну, прикрыли ладонями глаза с боков и стали вглядываться внутрь. В комнате было слишком темно, чтобы разглядеть детали, но Маделайн все же увидела кружевную салфетку на буфете и две темные картины в рамах, которые выделялись на фоне светлой стены. Это было совсем не современное жилище. Скорее оно походило на комнату, которую Маделайн видела в одном музее в Лондоне.

— Это задняя столовая. Здесь обедают слуги, потому что она за кухней. Иногда слуги забывают закрыть окно на щеколду. Они не очень хорошие. Вот в городе у нас действительно хорошие слуги. — Селин тряхнула головой в ответ на непонимающий взгляд Маделайн. — Окно слишком большое, мне тяжело толкать его одной. — Она отступила назад. — Попробуем вместе?

Маделайн вдруг расхрабрилась, ей стало любопытно:

— А можно я пойду с тобой?

— Нет! — почти взвизгнула Селин. — Ни в коем случае!

— Тогда я не буду тебе помогать. — Маделайн повернулась, чтобы уйти.

Селин ухватила ее за футболку и потянула к себе. Маделайн чуть было не упала на спину, но Селин удержала ее на ногах. Эта девчонка очень сильная, подумала Маделайн, высвобождаясь из рук Селин.

— Пожалуйста, — Селин обернулась к ней и сделала несчастное лицо, — помоги мне попасть в дом! А завтра можешь прийти сюда.

Тоже ничего, подумала Маделайн и согласилась. Собственно, на это она и рассчитывала.

Девочки прижали ладони к стеклу и надавили что было силы. Заскрипели деревянные рамы, и они поняли, что окно не закрыто на щеколду и начинает поддаваться. Селин переступила через подоконник в столовую:

— Найдешь обратную дорогу?

Маделайн кивнула в ответ.

— Завтра увидимся.

Селин махнула на прощание рукой и растворилась в полумраке столовой.

Стряхнув песок с лица, волос и ног, Маделайн тихонько прокралась по коридору к спальне. Дверь была приоткрыта. Маделайн раскрыла ее шире и увидела в кровати Николаса. Судя по дыханию, он крепко спал. Луна к этому времени зашла, и комната погрузилась в темноту, рассвет был уже не за горами. Маделайн подбежала к кровати, последний раз убедилась в том, что на ней нет песка, и юркнула под бок к брату.

День наступил жаркий и безветренный. Николас и Маделайн проснулись одновременно и посмотрели друг на друга.

Ник нахмурился:

— Ты где была? Я тебя ждал у коттеджа. Мама с папой могли заглянуть в комнату.

— Селин не могла попасть домой. Ее брат запер от нее все двери. Я ей помогла и сразу пошла домой. — Маделайн заметила, что брат действительно напуган, и добавила: — Извини.

Ник потер кулаками глаза:

— Я не видел никакой девочки.

— Ну вот ты, ты с кем играл в оранжерее? — Маделайн села, на ночнушке осталось темное пятно от крови из ранки на пальце.

— С Полом. Он живет в том большом доме.

— Твой Пол — брат Селин. Он — вредина. Так Селин говорит.

— Он крутой! Одевается он по-дурацки, но... да что ты понимаешь! Ты еще маленькая.

— Вот и не маленькая. — Маделайн скрестила руки на груди. — А что ты скажешь папе про свои коленки? Я видела их вчера вечером. Он поймет, что ты где-то лазил.

Ник сел и отбросил стеганое одеяло в сторону. Обе его коленки были сильно ободраны, а вокруг ссадин расползлись зеленые круги, словно он катался на коленях по газону.

— Вот черт!

Ник выпрыгнул из кровати, подскочил к двери и замер. Убедившись, что в коридоре никого нет, он выпел из спальни и поднялся по лестнице в ванную.

Маделайн стянула футболку-ночнушку и отыскала на полках комода чистые шортики с футболкой. Она с нетерпением ждала, когда Ник отмоет свои коленки, ей надо было в туалет. Устроившись на мягком стуле, Маделайн осмотрела раненый палец. Палец покраснел и начал распухать. Надо было вернуться в коттедж сразу, как только поранилась. Она натянула шортики и футболку и причесалась.

Ник торопливо вошел в комнату и плотно закрыл за собой дверь.

— Они еще не спускались?

Маделайн отрицательно покачала головой:

— Я их даже не слышала. Может, они еще спят. Мне надо идти. — Она выскочила за дверь и взбежала по лестнице в туалет.

Там она забинтовала больной палец, предварительно обработав его антисептиком. Сидя на унитазе, она вспомнила свои ракушки и представила, как будет продавать их на

ярмарке, когда они вернутся домой. На вырученные деньги можно купить одежду для кукол, которую отказывалась покупать мама. Потом она поняла, что очень хочет есть, и удивилась, что до сих пор не чувствовала запаха папиного кофе. Он всегда начинал день с кофе. Она умылась и подошла к дверям родительской спальни.

Маделайн тихонько постучала, но казалось, ее сердце стучит громче. А вдруг она разбудила маму с папой и они все еще сердятся на Ника? Но солнце светило ярко, значит, утро давно наступило. Маделайн постучала громче. Потом подергала за ручку. Закрыто.

— Мам? Мам! Папа?

— Мадди! Где они? — крикнул снизу Ник. — Их нет на кухне, их нигде нет, — взволнованно тараторил он.

— Спальня заперта, Ник. Посмотри! — Маделайн посильнее толкнула дверь, чтобы брат мог услышать.

Николас, прыгая через ступеньку, взбежал на второй этаж и встал рядом с Маделайн. Они громко звали родителей, и Маделайн заплакала. Николас стучал кулаками в дверь.

— Сделай что-нибудь, Ник! — хныкала Маделайн.

Николас повернулся боком и всем своим худым, жилистым телом бросился на дверь. Потребовалось семь попыток, и на восьмой раз он влетел в спальню родителей. Там никого не было.

Маделайн вытерла глаза, но слезы остановить не смогла. Простыни на кровати родителей были смяты, на стульях приготовлена одежда на день. Маделайн вспотела от жаркого воздуха, который проникал в комнату сквозь открытое окно. Она оглядывалась кругом, словно ждала, что родители вдруг выскочат из-под обоев или выглянут из-за шкафа и радостно крикнут: «Сюрприз!»

Николас тоже не находил себе места. Он подбежал к окну, вернулся к кровати, лицо его посерело, в глазах стояли слезы:

— Где они?

— Может, они на веранде? — всхлипывая, предположила Маделайн. — Или на берегу?

Ник повернулся к сестре, лицо его раскраснелось от возбуждения.

— Думаешь, я там не смотрел? Перестань плакать. Надо их найти! — И только в этот момент у него самого по щекам покатились слезы. Ник чуть ли не ударил себя по глазам, чтобы сестра не увидела, что он заплакал, но она увидела.

— Я хочу к маме! — Маделайн выбежала из комнаты, скатилась по лестнице, выскочила на веранду и, забыв о больном пальце, спрыгнула с крыльца на деревянный настил.

Страх гнал ее вперед, она шла в сторону города и внимательно оглядывала берег моря и коттеджи. Дважды она видела женщин с такой же стрижкой и с такими же длинными ногами, как у мамы, но одна была старше, другая моложе, и ни одна из них не была ее мамой. Подойдя к лестнице, которая вела на городскую улицу, Маделайн оглянулась назад — Николас метался от настила к воде и обратно, голова у него вертелась, как мигалка на полицейской машине.

Он подбежал к сестре:

— Ты их видела?

— Нет, а ты?

Ник потряс головой:

— Что будем делать?

— Я не знаю. Я еще маленькая,— сказала Маделайн и снова начала плакать.

Ник секунду смотрел на нее, потом схватил за руку и повел в сторону их коттеджа.

Николас насыпал в глубокие тарелки кукурузные хлопья и залил их молоком. Брат с сестрой сели за стол и уставились на тарелки, словно в них был шпинат со сливками. В животах у них урчало. Маделайн больше не плакала, но лицо ее оставалось красным.

Днем она захотела, чтобы Ник позвонил в полицию. Брат попытался ее успокоить:

— Они вернутся. Просто они хотят, чтобы я побыл на их месте.

Но он уже прекрасно понял, что чувствовала мама, когда он убежал играть с Полом. Паника и ощущение безвозвратной потери, хотя и нет никаких доказательств, что кто-то умер. *Хватит*, думал он, *я все понял, хватит прятаться.* Ник скрестил руки на груди и замолчал.

Ближе к вечеру, изголодавшись, они отказались от замороженных остатков овсянки с кукурузными хлопьями и съели половину шоколадного торта, который мама приготовила к их отъезду домой. Они допили молоко и положили остатки торта в холодильник. Прошло три четверти часа, и Маделайн вырвало. Ник умыл сестру, крепко ее обнял, но ничего не сказал.

На закате они устроились на стульях у окна и смотрели на дощатую дорожку, проходившую мимо их коттеджа.

— Это не игрушки, Мадди, — наконец заговорил Николас. — С мамой и папой что-то случилось. Теперь я должен заботиться о нас обоих, — сказал он, не отрывая глаз от воды.

— Мне страшно.

— Да, мне тоже.

— Мне холодно внутри. Наверное, я заболела. — Маделайн ощупала свои ребра.

— Ты не заболела. Мне тоже холодно внутри. Я думаю, это потому, что с нами никогда не случалось ничего такого страшного.

— А что нам сделать, чтобы не бояться?

Николас посмотрел на сестру:

— Надо найти того, кто нам поможет. Пол. Я могу попросить его помочь.

— Брат Селин? — Маделайн безрадостно улыбнулась. — Я о них совсем забыла.

— Ты помогла Селин, может быть, теперь они помогут нам. Давай сходим к ним.

Маделайн посмотрела на свой больной палец. Николас еще раз промыл ей ранку, намотал на палец толстый слой марли и закрепил повязку пластырем. Маделайн решила, что если она наденет сандалии, то сможет ходить по деревянному настилу. Ник натянул тренировочные штаны и поставил перед сестрой сандалии.

Уходя, они оставили свет включенным на случай, если родители вернутся без них. Ник взял Мадди за руку и удостоверился, что она может идти. В растянувшихся вдоль берега моря коттеджах еще горели огни, но те, кто в них жил, не знали о двух детях и о том, что с ними случилось. Николас повинился перед Маделайн в том, что убежал играть с Полом, словно она была их мама.

— Мы можем пройти через боковые ворота, они сломаны, — предложила Маделайн, когда они остановились перед особняком и обнаружили, что центральные, неприступного вида ворота закрыты на замок.

— Хорошо, — согласился Ник и повел ее вдоль ограды.

Внутри особняка они заметили таинственно мерцающие огоньки. Луна в этот вечер пряталась за облаками, и найти ворота было не так просто. Пока они шли вокруг особняка, Николас ощупывал плющ, который увивал всю ограду.

— Здесь, — сказал он и остановился.

— Что? — спросила Маделайн и вцепилась в брата.

— Замок заменили. Крепкий. — Он потряс ворота, но они не издали ни звука. — Ладно, я знаю, где погнуты прутья возле оранжереи, пролезем там.

Место это оказалось совсем недалеко. Гравиевой тропинки, о которой помнила Маделайн, почему-то нигде не было видно. Ежевика, чертополох и крапива цеплялись и жгли ноги, но Маделайн и Николас не обращали на это внимания. Видимо, Селин провела ее через другую часть сада.

— Кажется, мы заблудились. Прошлой ночью здесь была тропинка, были лужайки, цветы.

— Слушай, дом уже близко. Хочешь, я тебя понесу?

Маделайн снизу вверх посмотрела на брата. Он был дюймов на шесть выше ее. Девочка сомневалась в его силе, но все же согласно кивнула. Ник подхватил ее на руки и зашагал дальше.

Маделайн указала на крыльцо. Ступеньки были гораздо выше, чем те, по которым она вместе с Селин поднималась вчера. Оказавшись на веранде, они увидели большую дыру напротив двойных дверей, как будто сквозь пол провали-

лось что-то очень тяжелое. По обе стороны от дверей тянулись длинные низкие окна — стекла грязные, многие разбиты.

— Я ничего такого вчера не видела,— посмотрев, сказала Маделайн.

— Знаю. Пол дал мне заглянуть в дом со двора, и я увидел кусочек парадной лестницы. Это было круто. Все блестело, сверкало. А теперь кажется, что здесь сто лет никого не было,— сказал Николас и опустил Маделайн на пол.

Маделайн заметила свет, исходящий из глубины дома. У нее перехватило дыхание, ей показалось, что кто-то прошел по коридору.

— Там кто-то есть!

— Что? Где? Я ничего не вижу.— Они прильнули к окну.— Давай войдем.

— Нет. Нет, Ник. Я не хочу. Селин сказала, что мне нельзя.

— Сейчас ее здесь нет, так что давай, пошли.

Ник схватил сестру за руку, она стала вырываться:

— Нет! Давай вернемся в коттедж. Я все ноги исцарапала. Пойдем обратно.

— Не хнычь. Мадди, мы пришли сюда за помощью. Ты хочешь, чтобы мама с папой вернулись?

— Я не хочу туда идти. Давай обойдем дом и позвоним в парадную дверь. Без спросу входить в чужой дом нехорошо.

Маделайн надула губы и начала самостоятельно спускаться с крыльца. Она надеялась, что брат пойдет за ней, и он пошел. На этот раз перед ней была дорожка, которая шла через сад вокруг дома.

Аромат роз и жимолости заглушал запах моря. Они поднялись по ступенькам к парадной двери, и Ник взял Маделайн за руку. Веранда тянулась вдоль всего фасада особняка. Ник тихонько потянул за собой Маделайн к самому большому окну. Тяжелые шторы были раздвинуты, так что можно было заглянуть в слабо освещенную гостиную.

Там они увидели девочку, она сидела на полу и вышивала на пяльцах, это была Селин. За столом сидел мальчик,

он собирал картонный домик, ему помогал мужчина, который сидел спиной к окну. Маделайн заметила, что Ник собирается постучать в окно, и дернула брата за руку.

— Стой, — шепнула она. — Давай посмотрим. Там что-то не так.

— Что?

— Не знаю. Все не по-настоящему.

— Перестань. Смотри. Это — Пол. Он нам поможет. А это — их родители, они могут позвонить в полицию, если мы не найдем маму с папой. — Николас умоляюще смотрел на сестру.

— А ты посмотри, как они одеты. Смотри, какие лампы. — Вдоль стен гостиной висели газовые светильники. — Все неправильно.

Боковым зрением Маделайн увидела, что в гостиную вошла женщина. На женщине было длинное темное платье, зауженное в талии, ее волосы были затянуты в узел на затылке. А потом они оба увидели лицо женщины. Маделайн взвизгнула, у Ника отвисла челюсть. Двое детей и двое взрослых в гостиной обернулись на звук. И тут Ник заплакал.

За столом вместе с Полом сидел их папа, а рядом с Селин стояла их мама и держала в руках корзинку с вязанием. Со стороны казалось — им так хорошо вместе. Настоящая семья. Селин отложила пяльцы и встала.

Маделайн хотела убежать, но ноги ее не слушались. Николас тоже не мог сдвинуться с места. Селин подошла к окну. Ник схватил Маделайн за плечи, они присели на корточки и прикрыли головы руками. Маделайн чувствовала, как трясет ее брата, а может, это трясло ее. Она приподняла голову и всего в нескольких футах увидела стоящую на веранде Селин. Звук, который издала Маделайн, был похож на вой подстреленного зверя. Ник встрепенулся.

— Что... — Больше он ничего не смог сказать.

Николас начал пятиться, волоча за собой сестру.

— Это плохой сон, Ник. Пожалуйста, скажи, что это плохой сон! — кричала Маделайн.

Ник перестал дрожать.

— Это плохой сон, Мадди. — Голос его звучал уверенно, и все же он схватил сестру за руку и потащил мимо Селин вниз по ступенькам и дальше по тропинке к главным воротам.

Они бежали, вытянув вперед руки, наткнулись на ворота, ворота заскрипели и не выпустили их. Маделайн оглянулась назад. Селин спускалась с крыльца. Брат и сестра одновременно бросились на чугунную решетку, металл зарычал, и ворота поддались ровно настолько, чтобы они могли выскользнуть наружу. Вырвавшись на свободу, Мадди и Ник спрыгнули с дощатого настила на песок и остановились. Они ловили ртом воздух, их трясло, по щекам текли слезы.

Брат с сестрой обнялись и посмотрели на особняк. Там в уютной гостиной они видели счастливую семью. *Их мама и папа* с двумя чужими детьми.

Молодые женщина с мужчиной в коттедже были очень добры к Маделайн и Николасу. Свет в окне у входа горел так же, как его оставили Маделайн и Ник, перед тем как уйти искать Селин и Пола. Мужчина и женщина совсем не рассердились, что их разбудили, наоборот, они готовы были помочь. Сначала Маделайн и Николас не хотели разговаривать с незнакомыми людьми, которые вдруг оказались в коттедже, где они с родителями отдыхали почти две недели. Что с мамой и папой? Почему эти люди здесь? Но им некого было спросить, и никто не мог им ответить. Молодая пара слушала Маделайн с Ником. Женщина тем временем залечивала их исцарапанные колючками и красные от крапивы ноги, а мужчина по-хозяйски заваривал чай, будто они всегда жили в этом коттедже. Мужчина с женщиной украдкой поглядывали друг на друга. У детей разыгралось воображение. Но должно же найтись объяснение происходящему!

Николас и Маделайн тоже обменивались взглядами. Николасу казалось, что мужчина говорит как-то старомодно, слишком высокопарно. Маделайн, глядя на женщину, думала, что та слишком правильная и пахнет от нее чем-то зат-

хлым, как в старом доме, не так, как от ее мамы, которая прыскала волосы лаком и душилась экзотическими духами. В коттедже ничего не изменилось, только мебель кто-то укрыл полотняными чехлами, как укрывали обычно перед отъездом домой. Угадать, была это та же мебель, что прежде, или нет, Маделайн не могла.

Ник и Мадди сидели за столом и смотрели в чашки с чаем, а мужчина с женщиной говорили им, что, возможно, будет лучше, если они останутся на ночь в их коттедже. А утром все прояснится. В комнате на первом этаже у них есть постель, которой могут воспользоваться дети. Они правда рады предоставить им ночлег.

Мадди и Ник лежали в той же кровати, в которой проснулись утром, и не могли заснуть. Не могли, хотя очень устали. Маделайн понюхала простыни, чтобы узнать, пахнут ли они ногами Николаса, и свою наволочку — на предмет собственного запаха. Но постельное белье было сырым и ничем не пахло, словно его только что постелили. Они с братом напрягали слух в надежде услышать, как молодая пара поднимается на второй этаж, но, кроме шорохов, которые, возможно, доносились с берега, где ветер шуршал в тростнике, ничего не услышали.

Маделайн придвинулась ближе к брату, они обнялись. Мадди почему-то была уверена, что они с братом думают об одном и том же. Нельзя спать. Надо о чем-то думать, о чем угодно, лишь бы не заснуть.

Маделайн представила, что она на ярмарке. Она сидит за столом, рядом стоит мама. На накрытом грубой тканью столе разложены прекрасные чистенькие ракушки, десять пенсов за штуку. Она делает для себя записи маркером. В кармане у нее монеток почти на фунт. Стоит ей закрыть глаза, она видит Николаса, который несется между столиками вместе с друзьями, они опрокидывают выставленные товары, и вслед им кричат возмущенные продавцы.

Когда она проснулась, за окном стоял серый, пасмурный день. Маделайн повернулась к Нику, но оказалось, что она лежит не в той постели, в которой заснула. Эта стояла на высоких ножках, а спинки в изголовье и в ногах были

сделаны из резного дерева. Комната тоже изменилась. Теперь девочку окружала обстановка в старинном стиле — обои трех сортов в цветочек и драпировка из тяжелой ткани. Маделайн свесила ноги с кровати и обнаружила, что на ней длинная ночная рубашка из тонкого хлопка. Она схватилась за ступню, посмотрела на большой палец. От ранки не осталось и следа!

Мадди встала на пол и пошла к двери. На секунду ее охватил страх — вдруг она заперта, но дверь, чуть слышно скрипнув, открылась. Внизу кто-то ходил, однако голосов слышно не было. Она посмотрела в конец коридора и увидела проем, где холодный утренний свет, льющийся сквозь окна, выходящие в бухту, касался тяжелой плетеной мебели. Мадди поспешила туда.

Подбежав к окнам, она выглянула наружу. Тремя этажами ниже знакомый сад тянулся до кованых ворот, за которыми пробегала дощатая дорожка. В дорожку упирался деревянный пирс. В конце пирса стояла большая яхта, от накатывающих волн ее укрывала гряда огромных валунов.

Мадди услышала звук шагов и обернулась.

Николас чуть не сбил ее с ног.

— Мадди... — Брат так крепко ее обнял, что она едва не задохнулась, его шерстяная рубашка колола ей руки.

Снова послышались шаги, и теперь уже они оба обернулись.

Лица были бледными, страх исказил черты, но это были они — мама и папа! Мама была в темном узком платье, короткая стрижка исчезла. Папа был в костюме. А ведь он терпеть не мог пиджаки и галстуки! Они подошли ближе и обняли Николаса и Маделайн. Они бормотали извинения, а мама заплакала.

Маделайн хотелось кричать: «Что случилось? Почему мы здесь? Что это?» — но она откуда-то знала, что ей никто не сможет ответить, и поэтому сдержалась.

— Смотрите.

Папа подошел к окну и показал рукой в сторону пляжа. Вся семья сгрудилась вокруг него. Они держались за руки. И смотрели.

Внизу на пляже мальчик и девочка плескались на мелководье, а на берегу, обняв друг друга за талию, стояли их мама и папа. На них была знакомая одежда: мама в светлых шортах и рубашке, папа в рабочих штанах цвета хаки и вылинявшей рубахе. Вдруг они замерли и оглянулись в сторону большого старого дома, который возвышался в начале пляжа. Родители и мальчик с девочкой смотрели вверх, их лица ничего не выражали. Потом они посмотрели друг на друга и обменялись самодовольными улыбками.

Солнце пробилось сквозь облака и залило пляж ярким светом, но старый дом по-прежнему окутывала серая пелена. Николас узнал Пола, на котором были его спортивные шорты для серфинга, а Маделайн узнала в мертвенно-бледной девочке Селин, на которой был ее яркий оранжево-желтый купальник. И там же на берегу лежал желтый совок и стояло синее ведерко, до краев наполненное ракушками для продажи на уличной ярмарке.

ГЭЙХЕН УИЛСОН

На окраине

Гэйхен Уилсон войдет в историю прежде всего как автор мрачных комиксов для журналов «Playboy» и «The New Yorker», хотя его иллюстрации появлялись и на страницах других изданий, таких как «Punch», «Paris Match», «New York Times», «Newsweek», «Gourmet» и «National Lampoon» времен расцвета.

Комиксы Уилсона выпускались отдельными изданиями, среди которых можно назвать «Похоронные шуточки Гэйхена Уилсона» («Gahan Wilson's Graveside Manner»), «В котле у людоеда» («The Man in the Cannibal Pot»), «Что вижу, то рисую» («I Paint What I See»), «Неужели ничего святого?!» («Is Nothing Sacred?»), «И все-таки мы до него доберемся» («...And Then We'll Get Him»), «Странный мир Гэйхена Уилсона» («The Weird World of Gahan Wilson»), «Расколотая вселенная Гэйхена Уилсона» («Gahan Wilson's Cracked Cosmos»), «Все равно странный» («Still Weird»), «Еще более странный» («Even Weirder»), «Похоронная оргия Гэйхена Уилсона» («Gahan Wilson's Gravedigger's Party») и «Оргия монстров Гэйхена Уилсона» («Gahan Wilson's Monster Party»).

В издательстве «Underwood Books» вышел сборник «Гэйхен Уилсон. Лучшее» («The Best of Gahan Wilson»), а недавно художник завершил работу над книгой для детей «Не было» («Didn't»).

Кроме того, Гэйхен Уилсон является автором короткометражного мультипликационного фильма «Закусочная Гэйхена Уилсона» («Gahan Wilson's Diner»), созданного по заказу киностудии «Twentieth Century Fox», и анимационной заставки «Малыш» («Gahan Wilson's Kid») на телеканале «Showtime». Планируется целый ряд новых анимационных проектов.

И наконец, Уилсон — талантливый писатель, работающий в различных жанрах и публикующийся в многочисленных журналах и антологиях. Его рассказы представлены в сборнике «Расселина и другие загадочные истории» («The Cleft and Other Odd Tales»). Пишет он и детские книги, например «Приключения толстого медвежонка Гарри, секретного агента» («Harry the Fat Bear Spy»). Из-под пера

Уилсона вышли также два очень необычных детективных романа — «Прощальная выходка Эдди Деко» («Eddy Deco's Last Caper») и «Всенародно любимая утка» («Everybody's Favourite Duck»). Под редакцией мастера изданы две антологии — «Первая Всемирная премия фэнтези» («First World Fantasy Awards») и «Любимые ужастики Гэйхена Уилсона» («Gahan Wilson's Favorite Tales of Horror»).

С рассказом «На окраине» Уилсон связывает одну историю из своей жизни: «Работа над этим произведением всколыхнула во мне воспоминания о давно минувших днях, когда вечно голодные художники вроде меня самого снимали за гроши какую-нибудь крохотную жердочку в домах Гринвич-Виллидж[1]. В те времена им не приходилось ютиться на окраине, но их жизнь все равно была весьма мрачной.

Один мой приятель, одаренный японский художник, однажды очень удачно высказался по этому поводу. Как-то вечером нам пришлось довольно долго слушать звуки яростной драки, происходящей за стеной. Это была семейная ссора: в жалкой каморке по соседству с той жалкой каморкой, которую занимал мой приятель, подрались двое несчастных людей. Наконец стена содрогнулась под страшным ударом, и повисла зловещая тишина.

— Наверное, это ужасно... — произнес мой друг и, помолчав, пояснил: — ...так вот жить... — и, еще помолчав, добавил: ...если ты обычный человек.

Думаю, именно это должен усвоить тот, кто надеется перенести все тяготы богемной жизни».

Резким движением, которое за это утро, наполненное тягостным ожиданием, превратилось уже в подобие нервного тика, Барстоу прижался лицом к грязному стеклу огромного окна своей мастерской и принялся беспокойно вглядываться в наводненную толпой городскую улицу, тянущуюся далеко внизу на запад, к Манхэттену.

Сначала его плечи в который уже раз начали опускаться, и все тело как бы обвисло в разочаровании, но затем

[1] Гринвич-Виллидж — богемный район в Манхэттене. Известен с XIX в. как пристанище художников.

вдруг опять напряглось, и пронзительные маленькие глазки вспыхнули в темных впадинах: Барстоу заметил блестящее черное пятнышко, которое спокойно и величаво, подобно акуле в стае мелких рыбешек, пробиралось меж грязных и тусклых машин.

Убедившись, что глянцевое пятнышко движется по направлению к старому зданию, на чердаке которого угнездилась его мастерская, и с ликованием наблюдая, как оно, постепенно разрастаясь, обретает очертания длинного гладкого лимузина, с неуместной царственностью скользящего среди размалеванных грузовиков и грязных машин, сменивших уже не одного владельца, покрытых царапинами и вмятинами, Барстоу победно стиснул руки в маленькие кулачки.

У него уже не оставалось сомнений, что это автомобиль Макса Рэтча, владельца одной из самых престижных художественных галерей в Нью-Йорке, с которым Барстоу работал уже очень давно. Рэтч обещал приехать — и вот он здесь!

Барстоу в последний раз наспех осмотрел картины, которые уже целую неделю расставлял по комнате так и этак, готовясь к визиту Рэтча. Результаты осмотра его удовлетворили, даже восхитили: густые рельефные мазки масляной краски, которые он разбросал по холстам, зловеще поблескивали в сероватом свете, сочившемся через окно, а портреты и городские пейзажи, притаившиеся, подобно ворам и разбойникам, по темным углам мастерской, производили то самое пугающее и угрожающее впечатление, которого художник так старательно и настойчиво добивался.

Вдруг, пораженный внезапным беспокойством, он резко обернулся и кинулся обратно к окну, подоспев в ту самую секунду, когда рослый шофер распахнул заднюю дверь лимузина и тут же как будто бы уменьшился в габаритах, поскольку из двери показалась высоченная, дородная туша Рэтча. Едва только галерейщик коснулся подошвами тротуара, как вслед за ним из машины с расторопностью ручной крысы выскользнула куда более хрупкая фигурка: то была Эрнестина, его вездесущая помощница.

Барстоу беспокойно оглядел улицу и сдавленно выругался: он увидел внизу миссис Фенджи и ее сына Мориса, которые, ритмично покачиваясь, как два перевернутых маятника, неуверенным шагом тащились прямо навстречу приближающимся гостям. Даже с такого расстояния он мог различить, с каким энтузиазмом миссис Фенджи вылупила свои огромные жабьи глаза, прилагая заметные усилия к тому, чтобы ускорить свою шаркающую, опять-таки жабью, походку.

Эта глупая старая тварь явно надеялась зацепить диковинных чужаков языком и посплетничать с ними о том о сем, а в планы Барстоу это ни в коем случае не входило!

Он напряженно вглядывался в фигуры, двигающиеся внизу, стиснув зубы и затаив дыхание, между тем как сердце его с болью колотилось о ребра, и молился от всей души, чтобы галерейщик и его подручная прошли не обернувшись и не заметили бы этой странной парочки.

Но тут его тщедушное тело окатила волна облегчения и благодарности: Рэтч с Эрнестиной, едва выйдя из лимузина, решительно направились прямо к парадной двери его дома и уверенно поднялись по стертым ступеням, не обменявшись ни словом со спешащими к ним матушкой и сынком Фенджи и даже искоса на них не взглянув.

Раздался звонок, и Барстоу вихрем пронесся через всю мастерскую, чтобы нажать на кнопку, отпирающую нижнюю дверь. Через переговорное устройство он прокричал гостям, где находится лифт и как им пользоваться, а затем поспешил к входной двери и распахнул ее настежь.

Он замер на лестничной площадке, потирая руки и с торжеством вслушиваясь в скрипы и стоны старинного лифта, ползущего вверх через пять этажей, а потом рванулся вперед, чтобы открыть решетчатую дверь в тот самый момент, когда лифт остановится.

Рэтч величаво ступил на лестничную площадку, сопровождаемый Эрнестиной, и сверху вниз взглянул на Барстоу своими голубыми, навыкате, глазами.

— Да уж, дружище... — протянул он таким знакомым гулким басом. — Когда ты сказал, что переехал из Манхэт-

тена на окраину, я даже не думал, что ты имеешь в виду *такую* окраину!

— До тебя теперь столько же ехать, как до Гэмптонов, — терпеть не могу туда таскаться! — заявила из-за спины своего босса Эрнестина.

— Я сперва и сам был не в восторге от этого переезда: очень уж тут до всего далеко, — виновато признался Барстоу, — но потом попривык, научился видеть здешние места по-новому и в конце концов понял, что они меня по-настоящему вдохновляют!

— А вот это уже интереснее, — пробормотал Рэтч. — И вообще, Эрнестина, разве можно упрекать беднягу Барстоу за то, что он поселился в таком захолустье? Жилье теперь стоит так дорого, что большинству художников — за исключением разве что совсем уже баснословно популярных — приходится ютиться в каких-нибудь богом забытых трущобах вроде здешних.

И он бросил со своей высоты милостивый взгляд на Барстоу, а затем наклонился и крепко, хозяйским жестом сжал его узкие плечи ручищами, облаченными в перчатки.

— Но не будем об этом, не правда ли? Я нутром чую: то, что мы сейчас увидим, с лихвой искупит все тяготы долгого пути!

И с горделивой плавностью он стал увеличивать угол наклона своего тела, пока его широкая розовая физиономия едва не коснулась лица Барстоу. Галерейщик уставился на художника со странным выражением, в котором сочетались лукавство и любовь.

— Ведь я прав, Кевин? — прошептал он. — Я ведь всегда чую прорыв, не так ли? Могу ли я надеяться, что задатки, которые я всегда в тебе прозревал, распустились наконец пышным цветом?

Ощутив на себе дыхание Рэтча, щеки Барстоу мелко, по-мышиному, задергались, и он робко улыбнулся, как напуганный ребенок при виде Санта-Клауса, который, к его ужасу, вдруг вывалился из каминной трубы.

— Думаю, да, — прошептал он в ответ. — Я почти уверен!

Рэтч смерил его продолжительным взглядом и только потом разжал руки и широким жестом указал на дверь в мастерскую.

— Так *веди* же нас! — воскликнул он.

Без дальнейших рассуждений вся троица занялась делом: Барстоу вежливо и скромно подводил Рэтча и Эрнестину то к одной, то к другой работе, ступая неслышно и лишь изредка позволяя себе бросать в сторону галерейщика косые короткие взгляды, между тем как этот гигант задумчиво и грациозно переходил от картины к картине.

Привычно и смиренно, как псаломщик в церкви, Барстоу переносил картины, осмотренные Рэтчем, к противоположной стене и бережно расставлял перед ним новые, которые хотел показать следом.

Пот жирной липкой пленкой — как надеялся Барстоу, не слишком заметной — покрывал его лицо и ладони, и время от времени его руки от самых плеч сотрясала судорога, особенно когда он устанавливал очередную картину на мольберт или аккуратно составлял в ряд несколько полотен из одной серии. Ценой невероятных усилий он заставлял себя дышать ровно и тихо.

Художнику пока еще не удалось понять, насколько Рэтчу нравятся его новые работы, но он чувствовал, как внутри разрастается надежда. Галерейщик не произнес ни слова с тех пор, как начал свой медленный обход владений Барстоу, но он был столь явно поглощен картинами и так внимательно их изучал, что художника охватило воодушевление.

Время от времени Рэтч в молчании замирал перед какой-нибудь из картин, созерцая ее задумчиво и неторопливо, и это был очень хороший знак, но, когда он стянул наконец перчатки и затолкал их в карман своего каракулевого пальто, чтобы поднять руку и легко ущипнуть толстыми, но чуткими пальцами свои сладострастно надутые губы, Барстоу охватило истинное ликование, ибо по многолетнему опыту он знал, что этот жест означает полнейшее и окончательное одобрение.

Прошел добрый час, показавшийся художнику веком, когда Рэтч наконец остановился перед финальной карти-

ной: это было огромное полотно, изображавшее обнаженную женщину гигантских размеров, мечтательно глядевшую в центральное окно этой самой художественной мастерской, наблюдая за голубями, которые клевали с карниза хлебные крошки.

Рэтч долго простоял без движения, в полном молчании, а затем его губы искривила довольная гримаса, медленно расплывшаяся в улыбку, которая становилась все шире и шире, пока Рэтч не обернулся к Барстоу, чтобы в полной красе продемонстрировать ему свой знаменитый пугающий оскал и взорвать затянувшуюся тишину яростными аплодисментами.

— Браво, Кевин, браво! — воскликнул он, широко раздвинув руки, подобно конферансье знаменитого цирка, и окидывая счастливым взглядом картины, во множестве расставленные у стен. Эрнестина, которая все это время таскалась по пятам за своим боссом, безмолвно наблюдая за происходящим, признала наконец перспективность предлагаемого арт-проекта, обозначив это тем, что извлекла из своего портфеля блокнот и тут же принялась торопливо стенографировать каждое произнесенное слово, могущее иметь историческое или юридическое значение.

— Спасибо, Макс, — ответил Барстоу. — Большое тебе спасибо!

— Да нет, Кевин, что ты! Это *тебе*, тебе спасибо! — возразил Рэтч, изящным жестом обводя комнату своей огромной лапой. — Ты не только обеспечил и себе, и моей галерее невероятную прибыль: я убежден, что ты снискал себе вечную и бессмертную славу!

Кровь ударила Барстоу в голову, и он несколько мгновений пребывал в страхе, что сейчас рухнет в обморок от счастья. Галерейщик всегда подбадривал его, иногда даже весьма недвусмысленно, но такой головокружительной похвалы художник еще не удостаивался ни разу.

В полуобморочном состоянии, затуманенным взглядом он наблюдал, как Рэтч вальсирует от картины к картине, нежно похлопывая их по верхней рейке подрамника или поглаживая по боковым сторонам, а порой даже останавливаясь, чтобы вдохнуть аромат красок.

— Ради этих полотен, дружище, ты и явился на свет, — приговаривал он. — Все, сотворенное тобою прежде, было лишь обещанием, туманным намеком на то, что ты создал теперь!

Он остановился перед картиной, изображавшей горбатого, гротескного продавца газет, который подслеповато выглядывал из маленького темного окошечка своей конуры, примостившейся на тротуаре, сплошь оклеенной газетными заголовками, кричащими о войне и чуме, и разворотами бульварных журналов, украшенных яркими фотографиями убогих уродцев и истеричных знаменитостей, — и милостиво улыбнулся пугающему, меченному оспой личику этой нелепой твари, глядящей на зрителя своими сощуренными крокодильими зенками.

— Это особая, убедительная манера, позволившая тебе запечатлеть низкую, пресмыкающуюся природу этого подлого типчика, достоверность, с которой ты изобразил его нечеловеческую, в общем-то, сущность, потрясает до глубины души, — ласково прошептал Рэтч, осторожно поглаживая шляпки канцелярских кнопок, которыми полотно было пригвождено к подрамнику.

Он сделал шаг назад и продолжил осмотр картин.

— Да, сынок, Бэкон рядом с тобой — ничто, — бормотал он, — да что там Бэкон — даже Гойя!

— Даже Гойя? — выдохнул Барстоу, затем вдруг задохнулся и, чтобы не рухнуть на пол, с трудом добрался до испятнанного краской табурета. — Ты сказал, даже *Гойя?*

Рэтч усмехнулся живописцу со своих царственных высот, и впервые за все долгое время сотрудничества с этим прославленным антрепренером от живописи Барстоу показалось, что сияющая белоснежная дуга его улыбки излучает материнскую нежность.

— Да, даже Гойя, — прошептал Рэтч, ласково потрепав художника по бледному, орошенному потом лбу. — Подумать только, что все это зародилось в твоей нелепой маленькой черепушке. О, эта тайна творческого гения — величайшая из тайн!

Подойдя к чрезвычайно зловещей картине, на которой была изображена витрина местной мясной лавки, до отказа забитая поблескивающими на солнце частями расчлененных животных, аккуратно разложенными для привлечения покупателей, Рэтч с лукавым выражением принялся ловко передразнивать интонации экскурсовода.

— На этом полотне вы видите, как художник, не говоря ничего напрямую, тонко подводит нас к мысли о том, что мясо, представленное на витрине, может иметь куда более жуткое происхождение, чем то, что указано на ценниках. Как вы полагаете, к примеру, вот этот аппетитный кусок с большой круглой костью — это кусок баранины? или, быть может, его отрезали от бледной, нежной ягодицы девчонки, что училась в ближайшей школе? а? как вы думаете?

И он захохотал по-театральному зловеще, переходя к следующему полотну, изображавшему ночной город. Тусклый одинокий фонарь едва освещал сгорбленную, напуганную пожилую женщину в черных траурных одеждах, семенящую по разбитой мостовой и беспокойно вглядывающуюся в почти непроницаемую тьму старинного города, обступившего ее со всех сторон.

— Меня восхищает то, как ты едва заметно даешь почувствовать... *нечто*... что приближается к этой женщине со стороны противоположного тротуара! — с искренним благоговением пробормотал Рэтч. — Это просто гениально: зритель может увидеть это так или этак, и всякий раз по-новому, — это уже не живопись, мой мальчик, это настоящая магия! Волшебство! Критики теперь вечно будут наперебой писать свои статейки, пытаясь разгадать смысл вот *той* картины, — можешь не сомневаться!

С этими словами он указал на полотно, где полицейский, все еще с оружием в руках, в ярком солнечном свете потрясенно склонился над человеком, которого, по всей видимости, только что застрелил, и полным ужаса взглядом, вместе с обступившей его толпой, взирал на непонятную тварь, жестоко раздирающую грудь мертвеца, пролагая себе кровавый путь на свободу, и яростно глазеющую на полицейского.

— Но самое главное чудо, которое лежит в основе всех твоих новых работ, — это их несомненная *убедительность!* — произнес Рэтч, нежно, почти даже любовно поглаживая лоснящуюся морду твари, продиравшуюся из трупа наружу. — Я ловлю себя на том, что невольно верю: это чудище вполне может существовать, возможно, оно *даже сейчас живет* в потайной палате какой-нибудь тюремной больницы!

Обернувшись, он пристально посмотрел на Барстоу и похлопал художника по груди в том самом месте, где у убитого, изображенного на картине, разверзлась кровавая рана.

— Каким-то непостижимым образом ты, Кевин, научился наглядно представлять художественные образы особого рода — совершенно фантастические и в то же время сугубо реалистичные. — Эти слова галерейщик произнес нарочито торжественно. — Еще ни разу за всю мою карьеру мне не приходилось сталкиваться с подобным миром, населенным зловещими, совершенно невозможными существами, представленными настолько правдоподобно. Это вызывает смешанное чувство — одновременно страх и восхищение.

Он вновь замолк и посмотрел на окровавленную тварь с нескрываемой нежностью, а затем мягко, почти беззвучно, но с бесконечным блаженством пробормотал:

— Мы сказочно разбогатеем.

Затем он едва ли не почтительно обернулся к самому большому холсту, расположенному в самом центре ряда: к изображению бледной слоноподобной обнаженной женщины, смотрящей в окно мастерской. Мертвенная плоть ее спины была обращена к зрителю, а сама она лениво наблюдала за компанией странноватых голубей, клевавших что-то на карнизе окна и на металлических конструкциях пожарной лестницы.

— А вот это, как ты и сам прекрасно знаешь, просто шедевр, настоящий гвоздь программы, — торжественно произнес Рэтч и с любопытством взглянул на художника. — У этой картины есть название?

Барстоу кивнул.

— Я назвал ее «Луиза», — ответил он.

Рэтч понимающе кивнул.

— Как будто это имя реальной модели, — одобрительно подтвердил он. — И у зрителя возникает жуткое подозрение, что, возможно, этот монстр действительно существует.

В этот момент Эрнестина начала проявлять странные признаки; казалось, ее вечная профессиональная отрешенность на мгновение ей изменила: она уставилась на картину с нескрываемым отвращением.

— Господи, — прошептала она, — вы только взгляните на ее руки! Посмотрите, какие у нее *когти!*

Рэтч прочел в глазах своей помощницы неудержимый страх, и это зрелище наполнило его глубоким удовлетворением.

— Вот видишь? — гаркнул он. — Даже мою невозмутимую Эрнестину наш монстр не оставил равнодушной!

По лицу Барстоу пробежала внезапная судорога, когда он во второй раз услышал от Рэтча подобный отзыв.

— Но я не считаю ее монстром, — возразил он.

Рэтч не без удивления заметил, что руки художника сжались в маленькие кулачки, но затем удивление смешилось внезапным пониманием.

— Ну разумеется, не считаешь, — ответил он, неожиданно мягко обведя рукой по кругу, указывая на расставленные по стенам картины. — Точно так же, как не считаешь монстрами и остальных существ, представленных на этих полотнах. Это как в работах Гойи: они изображены сочувственно, даже с любовью. Именно в этом секрет их обаяния.

Затем, задумчиво помолчав, Рэтч вновь обернулся к картинам и стал расхаживать перед ними туда-сюда, мягко диктуя оправившейся уже Эрнестине инструкции и наблюдения. Барстоу стоял в сторонке, наблюдая за этим занятием, как вдруг заметил где-то сбоку от себя легкое движение. Он обернулся, и глаза его расширились, когда он увидел, что на оконных карнизах и старой железной пожарной лестнице собралась целая стая голубей.

Тихо и незаметно он подошел к окну. Некоторые птицы неуклюже снялись с места, завидев его, но большинство не обратило на Барстоу никакого внимания.

Разнообразие голубей, составлявших эту небольшую стаю, было куда богаче, чем можно наблюдать, скажем, на Манхэттене. И различались они не только расцветкой оперения, очень разнообразной и красочной – от игривых орнаментов из спиралей и звезд в стиле Матисса до туманных разводов а-ля Моне или четких геометрических шашечек черного, серого и нежно-белесого оттенков, заставляющих вспомнить абстракции Мондриана, – сами их очертания были очень не похожи друг на друга.

К примеру, тот голубь, что клевал свои крошки по левую руку от Барстоу, был размером чуть ли не с кошку и на спине носил изрядных размеров горб; тот, что пасся с ним по соседству, был таким тощим и узким, что все его тело казалось лишь змееподобным продолжением шеи; ну а следующая птица по габаритам походила скорее на каплю воды, покрытую перьями и трепыхающуюся, наделенную к тому же крыльями и странно асимметричным клювом.

Барстоу бросил украдкой взгляд через плечо, чтобы убедиться, что Рэтч и Эрнестина заняты инвентаризацией картин и финансовыми расчетами, но, вновь обернувшись к окну, он с беспокойством обнаружил, что один из голубей покинул карниз и принялся неуклюже, но вполне непринужденно прогуливаться по грязному оконному стеклу, поскребывая по нему своими толстыми, как будто резиновыми лапками, а другой, вытягивая свое тело в длину и вновь сжимая его странными, как будто болезненными движениями, полз по перилам пожарной лестницы, причем по нижней их стороне, подобно гладкому блестящему червяку, только с глазами и клювом.

Барстоу с опаской бросил еще один взгляд на гостей, чтобы окончательно удостовериться, что они так и не заметили ничего необычного, а затем произвел несколько отчаянных, резких взмахов руками, которые, к облегчению художника, распугали всех голубей: птицы неуклюже расправили крылья, поднялись с карниза и пожарной лестницы и скрылись из виду.

Наконец, спустя целую вечность, после длительных обсуждений, Рэтч с Эрнестиной и шофером, которого вызвали

снизу, погрузились в скрипучий лифт, прихватив с собой внушительную подборку картин и оставив Барстоу в полном изнеможении переживать свой триумф.

Художник подошел к табурету, стоявшему возле мольберта, и с тяжелым вздохом опустился на него. Он будет долго приходить в себя, прежде чем сможет пошевелиться.

Он услыщал, как за спиной у него тихо отворилась дверь и деревянные половицы заскрипели все ближе и ближе под тяжелыми шагами Луизы. Когда она склонилась над ним, Барстоу с благодарностью втянул в себя пряный, немного затхлый аромат ее тела.

Он почувствовал, как ее огромные груди опустились ему на плечи, и с блаженством затрепетал, когда она проворковала нечто мало похожее на человеческие слова и погладила его макушку с такой нежностью, какой трудно ожидать от таких мощных, гигантских лап.

— Они понравились ему, — пробормотал Барстоу, откинувшись на ее широкий живот. — И теперь он будет покупать все мои работы — все, что я отныне напишу. Мы разбогатеем, Луиза, — ты и я. Миллионы людей будут восхищаться нашей живописью. Миллионы. И все они увидят, как ты прекрасна.

Она снова что-то проворковала, аккуратно втянула коготки и принялась массировать его узкие плечи.

ГЛЕН ХИРШБЕРГ

Янки-простаки

«Янки-простаки» — заглавное произведение последнего сборника рассказов Глена Хиршберга, недавно выпущенного издательством «Earthling Publications». Первый сборник «Два Сэма» («The Two Sams»), вышедший в «Carroll & Graf», получил премию Международной гильдии критиков жанра хоррор (International Horror Guild Award) и стал лучшей книгой 2003 года по мнению журналов «Publisher's Weekly» и «Locus».

Хиршберг является автором романов «Дети снеговика» («The Snowman's Children») и «Сестры Байкала» («Sisters of Baikal»). Вместе с Деннисом Этчисоном и Питером Эткинсом он организовал «Шоу тьмы на колесах» («The Rolling Darkness Revue») — бродячую театральную труппу, которая ежегодно в октябре гастролирует со спектаклями о привидениях по Западному побережью Америки.

Произведения Хиршберга регулярно появляются на страницах различных журналов и антологий, таких как «Ужасы» («The Mammoth Book of Best New Horror»), «Лучшее за год. Мистика. Фэнтези. Магический реализм» («The Year's Best Fantasy and Horror»), «Темные страхи. Выпуск 6» («Dark Terrors 6»), «Батут» («Trampoline»), «Знакомый с мертвецом» («Acquainted with the Dead»), «Тьма» («The Dark») и «Cemetery Dance». Глен Хиршберг с женой и детьми живет в Лос-Анджелесе.

Рассказ, представленный ниже, автор комментирует следующим образом: «Пару лет назад мы с братом возвращались из Рима со свадьбы одного из наших родственников. Брат по рассеянности залил бензин в бак, на крышке которого было написано «Дизель». Вскоре машина заглохла, и мы, изнывая от жары, проторчали на дороге четыре часа, пока наконец нас не взяли на буксир и не протащили по окрестностям, наводненным павлинами (большинство из которых, но не все, были живыми).

Мы оставили арендованную машину на стоянке в соответствии с инструкциями, полученными от компании, но прежде, чем это сделать, мой брат на грязном стекле автомобиля небрежно написал эти самые заглавные слова. Иро-

ничные и меткие строки, открывающие рассказ, тоже принадлежат ему, и задолго до того, как мы глубокой ночью наконец-то добрались до гостиницы и расположились в номере, я успел набросать черновик».

Omnibus umbra locis adero:
dabis, improbe, poenas[1].
Вергилий

После заправочной станции машина проехала по дороге, ведущей к заставе на окраине Рима, более мили. Не обращая внимания на рявканье клаксонов за спиной и зловещее покашливание мотора, парочка молодых — он и она — американцев рылись в пепельнице, доверху наполненной монетами. Дважды Келлен чувствовал, как влажные пальцы Джейми касались его пальцев. Клаксоны проявляли буйное нетерпение, Джейми засмеялась, засмеялся и Келлен.

Когда они наконец набрали нужное количество мелочи, Келлен опустил монеты в автомат, они, звякая, упали на дно, за исключением одной, десятицентовой, которая, очевидно, застряла в желобе. Келлен чертыхнулся, представив очередь из желающих побыстрее миновать заставу, и сдал максимально назад, чтобы открыть дверцу машины и выйти. Но в этот момент застрявшая монетка упала на дно автомата.

Загорелся зеленый свет. Шлагбаум поднялся. Келлен нажал на газ, педаль утонула, но мотор не издал ни единого звука.

— Что такое, Кел? — спросила Джейми.

И сзади, словно услышав ее вопрос или увидев его ногу на безвольно застывшей педали, очередь неистово взвыла гудками на всю мощь. Затем — поскольку это была Италия, где оглушительные вопли клаксонов водители воспринимали с тем же энтузиазмом, что и новобрачные рис, раз-

[1] Тенью повсюду тебя я преследовать стану,
Тяжкие муки изведаешь ты, нечестивый (*лат.*).

брасываемый у них над головами, — большинство машин, стоявших в очереди по ту сторону ворот, присоединилось к завывающему хору.

Келлен спокойно повернулся, спина с легким хлопком отклеилась от изрядно нагревшейся виниловой обивки сиденья арендованного авто. Сквозь ветровое стекло лучи заходящего солнца били прямо в глаза и слепили.

— По крайней мере, — сказал он, — это не похоже на то, о чем ты меня предупреждала, говоря, будто машина работает только на дизельном топливе.

— Да, я... — начала Джейми, почувствовав иронию в его словах, но вдруг замолчала. Она собирала в хвост волосы цвета кленового сиропа. Келлен наблюдал, как змеей скользит по ее плечу ремень безопасности. Джейми вновь заговорила: — Насколько мне известно, на крышке бензобака не пишут большими зелеными буквами «ДИЗЕЛЬ».

— Неужели? — посмотрел на нее, прищурившись, Келлен.

— Собственными глазами видела эту надпись на крышке, лежавшей на багажнике, пока этот хлыщ на заправке засовывал пистолет в бак. Хотелось бы знать, чем же он все-таки нас заправил.

«Черт возьми», — в тысячный раз за последнюю неделю пронеслось в голове Келлена. Они с Джейми дружили с первого класса школы. Были вместе все три года, пока учились в колледжах, хотя и в разных. И до сих пор он считал их парой. Она сказала, что тоже так считает. *А она не лгала, это уж точно.* Но этим летом Келлен почувствовал, как в их отношениях что-то изменилось. Он надеялся, поездка спасет их союз.

Сзади машина рявкнула так злобно, что Келлен чуть не подскочил.

— Насколько мне известно, слово «diesel» в итальянском и английском языках имеет разное значение, — сказал он, и Джейми расхохоталась:

— Вот теперь самое время найти более дружелюбных римлян.

С запозданием Келлен принялся разглагольствовать об отношении европейцев к американцам, о котором его пред-

упреждали перед поездкой родители, присовокупив услышанное в течение недели на улицах и по радио, увиденное на первых полосах итальянских газет, и едва понятое, замеченное мельком на экране телевизора в холле студенческого общежития, где они остановились исключительно ради новизны ощущений, хотя их респектабельные родители не поскупились выделить приличные средства на хорошую гостиницу. *Cadavere. Sesto Americano. George Bush. Pavone*[1]. Однако Джейми сейчас не горела желанием его слушать. Рукой придерживая дверцу автомобиля, она выставила наружу загорелую, едва прикрытую джинсовой юбкой ногу.

Мгновенно клаксоны смолкли. Дверцы машин распахнулись, будто повылетали пробки из бутылок шампанского, и с полдюжины итальянцев мужского пола всех возрастов и разной склонности выставлять напоказ волосатую грудь столпились, шумя, у машины американцев.

— Мотор заглох, — сообщила им Джейми в открытое окно. — Э-э, kaput.

— Уверяю тебя. Это не ита... — начал было Келлен, но не успел договорить, как дверца с его стороны широко распахнулась. Он испуганно отпрянул. Обнаженный по пояс мужчина втиснулся в салон и ухватился за руль. Остальные равномерно рассредоточились вокруг машины, и она полупроплыла, полупрокатилась под шлагбаумом и оказалась на автостраде в самом центре движения. Мчащийся поток машин не снизил скорости ни на секунду, но зато радостно загудел, приветствуя их появление. По инерции авто еще несколько секунд катилось, а затем замерло на усыпанной гравием обочине.

Джейми откинулась на сиденье и, сложив на груди руки, глубоко вздохнула, уподобившись королеве в паланкине. Она улыбнулась, и Келлен не мог понять кому — ему или парню, крутившему руль. Тот не уходил, и Келлен вынужден был сидеть, вжавшись в спинку сиденья.

Что такого было в итальянских мужчинах, отчего ему хотелось отрастить рога и пустить их в ход?

— При чем здесь «kaput»? — буркнул он Джейми.

---

[1] Труп. Шестой американец. Джордж Буш. Павлин *(ит.)*.

— Это, старина, одно из универсальных слов, как и «дизель».

Она вышла из машины.

Казалось, даже Джейми была ошеломлена и издала какой-то щебечущий звук, когда толпа обступила ее. До слуха Келлена донеслось воркующее «bella» и еще что-то вроде «assistere»[1], прищелкивание языком, то ли по поводу сломавшейся машины, то ли это был волчий лязг при виде аппетитной жертвы, а может быть, ни то ни другое. Келлену не нравилось, что Джейми исчезла из поля зрения. И еще ему не нравилась рука, давившая ему на грудь.

Неожиданно рука оторвалась от груди, и Келлен, расправив плечи, вылез из машины. Стоявшему перед ним мужчине было около сорока, черные с проседью волосы, вьющиеся кольцами, мускулистая грудь и европейского типа сандалии, с отдельным ремешком для большого пальца. Мужчина ничего не сказал Келлену, он продолжал смотреть на Джейми, которая опустила солнечные очки со лба на нос и поворачивалась в разные стороны в обступившем ее кругу мужчин, и с каждым ее поворотом подол юбки поднимался все выше и выше. Дома Джейми считалась вполне симпатичной — стройная, спортивная, с немного вытянутым лицом, — во всяком случае, пока не начинала смеяться. Но в Италии, судя по реакции всего мужского населения, с которым они сталкивались в течение недели, проведенной в Риме и Тоскане, она была богиней. Хотя, возможно, для итальянских мужчин все женщины богини.

«Старина». Вот кем он был для нее теперь.

Было почти семь часов вечера, а жара не собиралась спадать. Еще две мили, думал Келлен, и они наконец залезут с ногами в один из прохладных римских фонтанов, а пока надо ждать эвакуатор. И он представил, как Джейми скинет обувь и будет шлепать по воде босыми ногами.

— Все в порядке, спасибо, ребята, — сказал Келлен и, зайдя с другой стороны машины, извлек из кармана шорт

---

[1] Bella — красавица *(ит.)*; *разг.* красотка. Assistere — помогать *(ит.)*.

мобильный телефон. Держа его в руке, он махнул итальянцам, словно волшебной палочкой, желая, чтобы они исчезли. — *Grazie.* — Собственный акцент даже ему показался убогим.

Ни один из итальянцев даже не обернулся. Келлен видел, как рука одного из них покоилась на талии Джейми, а другой подошел к ней так близко, что Келлену уже не хотелось бодаться, он занервничал. Ему стало еще грустнее.

— Ребята, вы все сделали. Большое спасибо.

Он снова засунул руку в карман, достал бумажник и вынул грязную банкноту достоинством пять евро. Джейми посмотрела на него, поджала губы и нахмурилась. Парень в сандалиях снова прищелкнул языком и встал прямо у Келлена за спиной.

Еще мгновение Келлен продолжал размахивать купюрой, понимая, что ему не следовало бы этого делать, и неизвестно почему чувствовал себя в полной заднице. И только когда он перестал размахивать деньгами, то осознал, что на него смотрит одна лишь Джейми.

Вокруг никого не было. Мужчины, окружавшие Джейми, включая и того, в сандалиях, все как один вернулись к шлагбауму. Поймав взгляд Келлена, тот, что в сандалиях, поднял длинную волосатую руку. *Взмах на прощание?*

Они остались вдвоем. Только он и Джейми, они снова вернулись на не разделенную полосами суперстраду[1], машины проносились мимо, и одна остановилась примерно в пятидесяти футах от них. Желтая, густо покрытая пылью, типичная европейская коробка. За тусклыми от пыли стеклами не видно было ни одной живой души. Но кто-то же должен был там быть, так как клаксон машины, где, очевидно, сидели их избавители, издал резкий долгий гудок.

— Что за мерзость ты устроил с деньгами? — сердито спросила Джейми. — Это тебе не официанты. Они помогли...

Пронзительный крик заставил ее замолчать. Его не мог заглушить даже шум несшихся по автостраде машин, он

[1] Суперстрада — автострада высшей категории с платным проездом.

раздался за подпорной стенкой[1], возвышавшейся у них за спиной, и растаял прежде, чем они успели понять, что это значит. В первое мгновение Келлен принял этот крик за очередной гудок.

Бросив взгляд на Джейми, затем на подпорную стенку, на солнце, клонившееся к горизонту, он подошел к стенке ближе. Его начала охватывать паника, и причин на то было достаточно. Кроме того, ему очень не хотелось, чтобы их путешествие закончилось вот здесь.

— У меня для тебя, Джеймс, есть еще одно универсальное слово. Всю неделю оно мелькало на страницах газет. Готова услышать? Cadaver[2].

— *Cadavere,* — поправила Джейми и повернула голову туда, откуда донесся крик.

— Верно.

Они прислонились к своему арендованному двухместному авто. В момент получения ключей машина уже была грязной — очевидно, здесь чистота не считалась чем-то обязательным в такого рода бизнесе, — и сейчас ее покрывал слой грязи, по толщине не уступавший корке тосканского хлеба.

— Уж коли ты его достал, — все еще обиженно сказала Джейми, кивая на мобильный в руке Келлена, — может, все-таки позвонишь.

Келлен посмотрел на трубку и почувствовал себя совершеннейшим идиотом.

— Забыл зарядить.

Джейми улыбнулась, наклонилась и поцеловала его в лоб, как она делала все эти дни.

— Извини за деньги, — сказал Келлен, приклеившись взглядом к ее улыбающимся губам. — Ничего оскорбительного, я просто хотел...

— Показать свое превосходство. Настоящий Джордж Буш.

---

[1] Подпорная стенка — конструкция, удерживающая от обрушения находящийся за ней массив грунта.

[2] Cadaver и cadavere — труп *(англ., ит.).*

— Превосходство? Какое превосходство, я старался быть любезным! Хотел выразить благодарность. Искреннюю благодарность. Если бы не те парни, мы так и...

Дверца желтого авто со стороны пассажира открылась, и Келлен замолчал.

Первое, что он подумал, когда парень выбрался из машины, — как он мог туда втиснуться. За все время, проведенное в Италии, ему не доводилось видеть такого высокого итальянца, к тому же такого худого и с такой светлой кожей. Волосы у него были черные, длинные и блестели. Несколько секунд парень стоял к ним спиной, как придорожный тростник, неизвестно откуда возникший здесь. Затем он повернулся.

Просто мальчишка. Даже на расстоянии было видно, как живо блестят его серо-голубые глаза, руки с длинными пальцами тянулись вниз к голым, тонким ногам и делали его похожим на паука, сидящего на ветке. Дверца водителя тоже открылась, вылез еще один человек.

Он был полной противоположностью первому — невысокого роста, коренастый, с грязными вьющимися волосами, спадавшими на спортивную майку в красную полоску, как у регбистов. Обут коренастый был в парусиновые туфли без шнурков. Короткая щетина на лице торчала, как иглы дикобраза, но была не настолько длинной, чтобы скрыть глуповатую, растянувшуюся во весь рот улыбку. Он остановился за спиной у Тростника. Келлену парочка показалась похожей на принца и тролля.

— Ciao! — крикнул Тролль. Невероятно, но его улыбка становилась еще шире по мере того, как он приближался к Келлену и Джейми. В отличие от всех лиц мужского пола, виденных ранее, этот смотрел не только на Джейми, но и на Келлена в том числе. — Ciao. — Тролль провел обеими руками по капоту арендованного авто, затем показалось, будто он задержал дыхание, словно хотел проверить, бьется ли сердце.

— *Parla Inglese?* — соорудила фразу Джейми.

— *Americano?*

— Д... — начал Келлен, но Джейми его перебила.

— Канадцы.

— *Si. Americano.* — Раскачиваясь с пятки на носок, Тролль улыбался, топорща щетину. — *George Bush. Bang bang*[1].

— Джон Керри, — сказала Джейми и, порывшись в кошельке, достала круглый значок, выдаваемый участникам агитационной кампании кандидата в президенты. Мать настояла, чтобы она имела его при себе в качестве некоего знака отличия. Она помахала значком. Тролль вздернул лохматые брови и удивленно уставился на Келлена и Джейми.

— Что? — спросил Келлен. — *Non parlo l'Italiano.*

— Он ничего не сказал, идиот, — урезонила его Джейми и, тяжело вздохнув, замолчала.

Повернувшись, Келлен обнаружил, что Тростник стоит прямо у них за спиной и смотрит куда-то себе под ноги. Он действительно был необычайно высоким, а глаза поражали насыщенной голубизной цвета. «Никакой опасности он собой не представляет», — подумал Келлен, удивляясь, отчего же так поет сердце.

— Mi dispiace[2], — произнес Тростник так зычно, будто в колокол ударили, что никак не вязалось с его тонкой фактурой. За подпорной стенкой снова раздался пронзительный крик, и тут же за ним последовал второй, третий.

— Обезьяны-ревуны, что ли? — прошептал Келлен. — Кто это так кричит?

Но внимание Джейми было сосредоточено на итальянцах. Тролль снова потрогал капот их машины.

— О, — оживилась Джейми, — бензин. Мой друг заправил...

Тролль смотрел на нее и непонимающе улыбался.

Вдруг Джейми подошла к бензобаку, сняла крышку и показала ее Троллю:

— Видите? Дизель.

— *Diesel. Si.*

— *No* дизель. — Сложив пальцы пистолетом, Джейми продемонстрировала, как заполняли бак топливом. — Бензин.

---

[1] Bang — бить, стрелять; бах *(англ.)*.

[2] Мне жаль *(ит.)*.

Мгновение Тролль просто стоял, затем хлопнул себя по щекам:

— *Ohhh. Gas. No diesel. Ohhh.* — Продолжая улыбаться, он провел ладонью по горлу и разразился длинной тирадой по-итальянски.

Дождавшись, когда он смолкнет, Келлен поднял руку, державшую мобильник.

— У тебя есть? — Он старался скрыть растерянность и нелепую тревогу.

— *Ohhh,* — произнес Тролль и посмотрел на своего компаньона.

Тростник расплылся в спокойной, царственной улыбке и ничего не сказал.

— *Ohhh.* — Тролль заходил, словно танцуя, вокруг капота.

Инстинктивно Келлен отступил на полшага к подпорной стенке, чтобы снять впечатление, будто они с Джейми вынужденно маневрируют между незнакомцами.

— В Америке машина ломается, мы звоним. За нами приезжают. — Келлен щелкнул пальцами. — Но *a l'Italia... Ohhh.* — Он шлепнул себя по лбу и скорчил рожу а-ля Джерри Льюис.

Хриплый смех Тролля, в отличие от голоса Тростника, вызвал у Келлена раздражение.

— Они приедут. У тебя есть? — Он снова поднял руку и помахал мобильником.

— Почему ты с ним так разговариваешь? — прошипела Джейми.

— У тебя есть? Вот этот... — И он снова помахал трубкой, беспомощно глядя на Джейми.

— *Friend,* — подсказала она. — *Kaput.*

— *Ah!* — сказал Тролль. — *Si. Si.* — И, бросив взгляд на компаньона, потрусил к желтой машине.

Он по пояс залез в окно. Судя по движениям его тела, он в поисках телефона продолжал что-то говорить и жестикулировать. Наконец он вернулся, демонстрируя элегантный черный мобильник, открыл его и приложил к уху. Затем свободной рукой сделал вопрошающий жест.

— Я позвоню, — сказал Келлен и потянулся к телефону; показалось, будто и Тростник подался вперед. Но он не препятствовал, когда Тролль протянул трубку.

— Спасибо. *Grazie,* — сказал Келлен, а Джейми одарила итальянцев ослепительно-наивной улыбкой всех безраздельно любящего Керри. Отец Келлена как-то сказал, что все сторонники Керри улыбаются именно так. Джейми, вероятно, была единственным демократом, к которому отец Келлена испытывал благосклонность.

Келлен уже готов был нажимать кнопки, когда вдруг понял, что не может этого сделать.

— Черт, — проворчал он.

Тролль улыбался:

— *Ohhh.*

— Что? — спросила Джейми, подходя ближе. — Просто позвони кому-нибудь. Позвони в «Американ Экспресс».

— А ты знаешь номер?

— Я думала, ты знаешь.

— Он у меня в списке быстрого набора. Отец его туда внес. Я этот номер в глаза никогда не видел.

— Посмотри на чеке.

— Мне родители дали не чеки, а карту Visa.

— *Mi scusi*[1], — сказал Тролль, подходя ближе, и в этот момент за стенкой вновь раздался пронзительный крик. Тростник лишь повернул голову и бросил беглый взгляд на желтую машину, после чего все внимание сосредоточил на Келлене и Джейми. Казалось, итальянцы вообще не слышат никаких криков.

Постучав по красно-полосатой груди, Тролль выдал новую тираду на итальянском. Келлен понятия не имел, что он сказал, но протянул ему телефон. Кивнув, Тролль набрал какой-то номер. Наверное, с минуту он стоял с улыбкой на лице и с трубкой, прижатой к уху. Затем он быстро заговорил, развернулся и пошел вдоль дороги.

— Как нам повезло, что мы их встретили, — сказала Джейми ему в самое ухо.

---

[1] Извините, пожалуйста *(ит.)*

Келлен посмотрел на нее. Она стояла, сложив на груди руки и закусив нижнюю губу. Впервые Келлен подумал, что она, возможно, напугана больше его. В конце концов, перед ее глазами мелькали те же самые газетные статьи, что и перед ним. Те же самые фотографии: американская пара, покачиваясь висящая на флагштоке Колизея — вымазанная дегтем, вывалянная в перьях, замотанная в американский флаг. Семью Теннесси нашли завернутыми в одеяло с символикой кока-колы в развалинах древних катакомб, недавно обнаруженных археологами у стен Форума. Все жертвы были раздеты догола, а животы их распороты и набиты перьями. Пара на флагштоке напомнила Джейми студенческий реферат, где она писала о традициях Древнего Рима, о праздниках, во время которых на деревьях развешивались деревянные куклы. Куклы заменили мальчиков, некогда приносимых в жертву в честь этого праздника.

Тролль дошел до своей машины, не прерывая оживленного разговора и размахивая свободной рукой, время от времени держа трубку перед собой и что-то крича в нее. Тростник просто стоял, спокойно, как часовой, и смотрел поверх голов Келлена и Джейми в сторону ворот.

Клонившееся к закату солнце нижним краем достигло уровня подпорной стенки, появились первые признаки сумерек — краски поблекли, но прохладнее не стало. На автостраде все так же гудели клаксоны и визжали шины, но Келлен находил в этом шуме нечто успокаивающее. Он был какой-то жизнерадостный, и это отличало его от американского шума. И сигналы клаксонов сильно походили на крики птиц.

Вдруг ему захотелось обнять Джейми за плечи. Ее кожа была горячей, но уже сухой. Обутая в шлепанцы нога постукивала по пыльному краю дороги. Джейми не прижалась к нему в ответ на его объятия, но и не отстранилась. Он думал, как потом в течение многих лет они будут вспоминать и рассказывать об этом приключении их благополучным американским детям, но не тем детям, которые, как он всегда думал, будут у них с Джейми, а уже

каким-то гипотетическим, чьей матерью Джейми может и не быть.

По крайней мере, он, Келлен, будет вспоминать Италию, как событие своей молодости.

— Дизельное топливо, — пробормотал он. — Разве им еще кто-то заправляется?

— Люди, которым небезразлична чистота воздуха. Дизельное топливо в миллионы раз чище обычного бензина.

— Но оно ужасно вонючее. — Келлен попытался игриво прижать Джейми к себе, но она оттолкнула его.

— А ты чем-нибудь пахнешь?

Келлен вынужден был признаться себе, что нет.

— Проблема с запахом решена много лет назад. Тебе просто мозги промыли рекламой.

— Мозги промыли?

— Марионетка нефтяных компаний. Марионетка Джорджа Буша. Маленькая марионетка, повторяющая за суфлером.

— Повторяющая за суфлером, — произнес Келлен и, превозмогая страх и растерянность, выдавил из себя улыбку. Джейми жалко улыбнулась в ответ, не сводя глаз с безмятежного лица худого парня.

— О'кей! — крикнул Тролль, махая рукой. Он снова по пояс скрылся в окне желтой машины, продолжая жестикулировать, хотя рук практически не было видно, затем вылез и закричал: — *Arrivo! Si?* Едут.

Джейми благодарно улыбнулась. Тростник повернул голову к заходящему солнцу и наблюдал, как оно скрывается из виду. Тень от подпорной стенки легла на автостраду, и тут же раздалось сразу несколько криков, их звук долго висел в воздухе.

Успокаивающе сжав локоть Джейми, Келлен обошел заглохшее авто, поднялся по насыпи, тянувшейся вдоль суперстрады, и приблизился к подпорной стенке; она была выше, чем это казалось с дороги. Даже встав на ее фундамент, Келлен не мог заглянуть за нее. Стенка была выложена «диким камнем», как и стены, ограждавшие места археологических раскопок по всей Италии. Келлену очень

хотелось знать, действительно ли это ограждение возводилось в качестве подпорки.

Встав на цыпочки, он положил локти на стенку, сунул ногу в углубление между камнями и подтянулся. Так и повис с открытым ртом, локтями больно упершись в камень.

Стараясь не сорваться, он повернул голову.

— Джейми,— тихо позвал он, надеясь, что она его услышит, а Тростник — нет. Но шум машин заглушил его голос, и Джейми не обернулась. Тролль стоял, прислонившись к желтой машине, и курил длинную коричневую сигарету. — Джейми! — гаркнул Келлен, и она повернулась, медленно повернулся и Тростник. — Джейми, подойди сюда.

Она подошла. И только ее ноги коснулись фундамента стенки, как снова раздались крики. Теперь, зная источник и причину криков, Келлен должен был бы отреагировать на них спокойно. Но вместо этого он закрыл глаза и рукой вцепился в камень.

— Кел? — испуганно, едва слышно окликнула его Джейми, он едва расслышал ее. — Келлен, что там происходит?

Он открыл глаза и снова посмотрел за стену:

— Павлиний Освенцим.

— Ну хватит уже нести всякую чушь, как твой тупой президент, который уверен, что Освенцим — это марка пива! — возмущенно буркнула Джейми.

— Он и твой президент тоже.

Джейми пыталась втиснуть ногу в расщелину стенки. Он мог бы помочь ей или приказать остаться внизу, но он не сделал ни того ни другого.

— О господи, — выдохнула Джейми, повиснув рядом с ним и погрузившись, как и он, в молчаливое созерцание.

Окрестный вид, открывающийся сверху, больше походил на стоянку цыганского табора, нежели на городские трущобы. Крошечные домишки казались более ветхими, чем хозяйственные строения, что были сооружены из старых покрышек, проволочных цыплячьих клеток и камней. Как и повсюду, здесь тоже ложились тени, и многочисленные оливковые деревья превратились в седовласых, согбенных стар-

цев, скорбно замерших средь руин, подобно плакальщикам на кладбище.

К каждому жилому строению — даже с провалившимися крышами и разрушенными стенами — была пристроена равная с ним по высоте клетка из колючей проволоки, обращенной острыми шипами внутрь. В клетках сидели птицы.

Павлины. По три или даже четыре птицы, включая мертвых. Живые кокетливо расхаживали, волоча длинные хвосты по пыли, по разбросанным останкам своих собратьев, мягкими птичьими лапами утрамбовывая омерзительное покрытие пола. Сомнений и быть не могло, бившая в нос вонь являлась доводом, опровергавшим все сомнения; здесь царили смерть и птичье дерьмо.

В клетке, расположенной ближе всех к подпорной стенке, одна из птиц посмотрела наверх и подняла хвост, словно собиралась его раскрыть, но затем откинула голову назад и пронзительно крикнула.

— Знаете, в Древнем Риме в честь императоров приносили в жертву *pavone* — павлинов,— сказал Тростник на отличном английском языке с чуть заметным акцентом. Келлен и Джейми вздрогнули. Парень стоял у самой стены и продолжал: — Павлин был символом бессмертия. А на его хвосте — тысяча глаз Бога, этими глазами Бог смотрит на наш мир. Конечно, павлинов приносили в жертву и людям, *Larvae*[1].

Медленно, продолжая держаться руками за стенку, Келлен повернул голову. Парень стоял так близко, что он чувствовал его дыхание на своей спине и струйку пота, стекавшую между лопаток. Даже если бы Келлен попытался ударить парня ногой, проку от этого удара не было бы никакого. Джейми застыла в висячем положении, вытаращив глаза, не мигая, она смотрела на птиц.

— *Larvae?* — переспросил Келлен, не из интереса, а лишь бы только не молчать. Он не знал, что ему делать. — Это что-то вроде червей?

— Нет, это мертвецы. Точнее, демоны, в которых после смерти превращаются злые люди.

---

[1] Larvae — мн.ч. от larva — личинка *(англ.)*.

— А зачем приносить им жертвы?

— О! — воодушевленно закивал парень и в величественной задумчивости сложил руки. — Вы правы! Это вопрос. Для чего вызывать Larvae? Чтобы натравить их на врагов Рима? Чтобы умилостивить их и тем самым отогнать неудачу и несчастья? Какой ответ соответствует истине? Полагаю, что древние и сами до конца этого не знали. А вы как думаете?

«Думаю, я на краю смерти», — безумная и отчаянная мысль пронеслась в голове Келлена. Он закрыл глаза и кусал губы, чтобы только не закричать, как те несчастные павлины в клетках.

— Римляне взращивали и лелеяли мертвых злодеев?

— И их жертв. И их палачей. Как это делается во всем мире во все века.

Осторожно, в любой момент ожидая удара кинжалом под ребра, Келлен снял локти со стены, опустил на землю одну ногу, затем вторую. Птицы за стеной молчали. Мгновение он стоял лицом к стене, затем повернулся.

Тростник находился от него на расстоянии пятнадцати футов и смотрел в сторону желтой машины, куда он затем медленно направился.

— Джейми, — прошипел Келлен, и Джейми отлепилась от стены и приземлилась рядом с ним.

— О... — пробормотала она, согнув локоть и обнаружив широкую красную полосу на руке.

— Джейми, мы влипались в неприятную историю.

Джейми посмотрела на него. Такого выражения лица он раньше у нее никогда не видел. Но смысл его он понял сразу, по спине пробежал холодок, как и от рассказа Тростника. *Презрение.* Он всегда боялся, что рано или поздно она выразит свое презрение. Обязательно выразит.

Не сказав ни слова, Джейми спустилась с пыльной насыпи, прижимая к груди ободранную руку. Подойдя к машине, она начала водить указательным пальцем по пыльному боковому стеклу со стороны водителя.

«Хорошо, — пробормотал про себя Келлен. — Думай. Телефона нет. Кому можно позвонить? Есть ли в Италии

служба девятьсот одиннадцать? Может быть, стоит быстрым шагом вернуться к шлагбауму? Встать посреди дороги? Машины будут сигналить. Но так мы, по крайней мере, будем на виду. А пока мы на виду, с нами ничего не может случиться, ведь так?»

Но тут он вспомнил, как итальянцы, помогавшие им выехать на обочину, все как по команде разошлись. И поток мыслей резко развернулся в ином направлении. «Они знали. Вся страна знает. Они все сговорились. Они знали о желтой машине, об этом месте. О птицах. Они знали. Они специально оставили нас здесь. Специально заманили сюда. Даже тот парень на заправочной станции, якобы обслуживая нас, чем он заправил машину?»

Павлины закричали. Хор криков. Последний луч солнца скользнул по земле. Келлен постепенно спустился по пыльной насыпи к машине, к Джейми. Она сидела на корточках и покачивала склоненной вниз головой на длинной загорелой шее.

Взгляд Келлена скользнул по надписи, оставленной Джейми на пыльном стекле автомобиля, и одновременно он увидел двух итальянцев, которые от желтого авто вновь направлялись к ним. Они шли рядом, изящная рука Тростника с длинными пальцами покоилась на плече коренастого.

«Янки-простаки» — вот что написала Джейми.

— Я люблю тебя, — сказал Келлен.

Но Джейми даже головы не подняла.

Пассажиры желтого авто находились сейчас на расстоянии двадцати футов, казалось, они не обращали внимания ни на машины, ни на птичьи крики, вообще ни на что, кроме намеченной жертвы.

«Перепрыгнуть через стену», — промелькнуло в голове Келлена. Но идея спрятаться в вонючих трущобах — даже ногу туда поставить — казалась еще худшим злом, нежели встретиться лицом к лицу с этими двумя. И таким же роковым, как осквернение святынь. *Равносильно навязчивой демонстрации камер, ай-подов*[1] *и мобильных телефонов там,*

[1] iPod (ай-Под) — портативные медиапроигрыватели компании Apple.

где люди молятся, играют в азартные игры или убивают друг друга.

Так думал Келлен, а итальянцы между тем приближались, и в это время появился эвакуатор. Он просигналил густым, победоносным басом, и в голове стало пусто, все мысли исчезли; заглушив мотор, эвакуатор остановился рядом с ними.

— Мы спасены,— свистящим шепотом вырвалось из груди Келлена, и он упал на колени рядом с первой и единственной девушкой, которую он любил и которая наконец-то подняла голову и посмотрела на него.— Джейми, эвакуатор приехал. Мы спасены.

В мгновение ока из кабины выпрыгнул водитель, он окинул взглядом заглохшее авто и сунул им в руки по толстому куску холодной пиццы. Он тоже не говорил по-английски и изъяснялся жестами, как и все итальянцы, понятно и выразительно. Кабина эвакуатора предназначалась только для водителя и его пиццы. Джейми и Келлен могли ехать в своем авто. Они уселись, и, когда водитель грузовика подцепил их за бампер и начал затаскивать на длинную, высокую площадку кузова, Келлену хотелось посигналить итальянцам из желтого авто, показать, как ловко они улизнули у них из-под самого носа.

Но это было бы ужасной глупостью! Ведь именно эти ребята вызвали эвакуатор. Никакой опасности они не представляли.

Келлен начал смеяться и положил ладонь на руку Джейми. Ее рука дрожала, хотя было совсем не холодно. Их машина заняла положенное место, водитель эвакуатора забрался в кабину... И тут до Келлена дошло, что вот именно сейчас ловушка захлопнулась.

Накренившись, эвакуатор двумя колесами выехал на суперстраду, отвечая на шквал гудков ревом базуки[1]. Сидевшему на высоте восьми футов и притороченному цепью к эвакуатору Келлену было прекрасно видно, как синий двухместный «мерседес» остановился на обочине прямо за

[1] Базука — американский военный реактивный противотанковый гранатомет.

желтой машиной. Он видел, как из «мерседеса» вылез водитель в черном пончо, надобности в котором в такую жару не было никакой.

Отойдя от «мерседеса», вновь прибывший спокойно наблюдал, как по команде Тростника Тролль вытащил с заднего сиденья желтого авто мальчишку, обмотанного ржавой проволокой и с кляпом во рту, его голова безвольно болталась из стороны в сторону. Без труда Келлен мог рассмотреть лицо мальчика. Типично американское, какие часто изображают на пакетах с молоком. Волосы пшеничного цвета, словно нарисованные веснушки во все лицо, бейсболка, каким-то чудом удержавшаяся на его голове...

«Вот только этого парня никогда не сфотографируют для рекламы молока», — подумал Келлен, хватаясь за безжизненный руль.

Когда он звонил отцу и рассказал об убийствах, отец крякнул и сказал: «Это говорит только об одном: в Италии, как и здесь, есть недовольные, которые не знают, что такое благодарность». Кому бы они из своих знакомых ни звонили, никто ничего не слышал об убийствах. В новой американской истории этот мальчик исчезнет так же бесследно, как и солдаты во время второй Войны в Заливе; ряды их гробов корреспонденты снимали тайно.

Дрожа всем телом, судорожно сжимая руль, Келлен пытался представить, в каком контексте лицо мальчика появится на страницах итальянских газет. *Утопленный в фонтане наверху Испанской лестницы? Замурованный в стене катакомб Нерона? На берегу Тибра заваленный мусором, объедками и пакетами из-под фастфуда, рваными ботинками бездомных?*

Эвакуатор выехал на дорогу, втискиваясь в поток машин, человек в пончо закрыл дверцу «мерседеса» за своим новым пассажиром, Тролль и Тростник подняли головы, их глаза и глаза Келлена встретились.

Тролль помахал рукой. Тростник улыбнулся.

АДАМ НЕВИЛЛ

Куда приходят ангелы

Перу Адама Невилла, английского писателя, живущего в Лондоне, принадлежит популярный роман ужасов «Банкет для пр6клятых» («Banquet for the Damned»), вышедший в «PS Publishing». Это произведение, написанное в лучших традициях британской мистической литературы, можно считать данью уважения М. Р. Джеймсу.

Рассказы Невилла публиковались в антологиях «Собирая кости» («Gathering the Bones»), «Последователи По» («Poe's Progeny»), «Ужасный секстет Берни Германа» («Bernie Hermann's Manic Sextet») и «Киноужастики» («Cinema Macabre»).

«Зная, каким страстным поклонником творчества М. Р. Джеймса я являюсь, представитель издательства „Grey Friar Press" Гэри Фрай предложил мне написать рассказ для антологии „Последователи По". В мою задачу не входило подражать мастеру или имитировать его стиль, я должен был просто сочинить что-нибудь оригинальное в его духе. Идея показалась мне интересной, и я с удовольствием приступил к работе.

В детстве истории М. Р. Джеймса о призраках ужасно пугали меня и одновременно чрезвычайно мне нравились. Пожалуй, самый сильный страх в своей жизни я испытал, читая „Плачущий колодец" („Wailing Well"). Так что я решил написать рассказ о призраках вроде тех, из колодца, но, в отличие от Джеймса, взглянуть на происходящее глазами ребенка.

Мне хотелось, чтобы стиль был по-детски простым, а не глубоко интеллектуальным, как у Джеймса. В то же время мне показалось важным сохранить сдержанный тон повествования, лишь смутно намекающий на подлинную природу необъяснимых явлений. В ходе работы я понял, что верно выбрал рассказчика: дети более восприимчивы ко всему необычному и сверхъестественное пугает их гораздо сильнее, чем взрослых.

Поклонники творчества Джеймса могут попытаться отыскать три аллюзии на его произведения в описании

скульптур в саду. А мне остается только надеяться, что эта работа окажется достойной памяти моего великого предшественника. Иначе призрак Джеймса наверняка явится и раскритикует мое творение. Постучу-ка я, впрочем, по дереву».

У меня половина тела ноет, как больной зуб. Все кости ломит, мышцы сводит, а по коже бегут мурашки. Моя левая рука и нога уже не совсем мои и вряд ли когда-нибудь снова моими станут. Поэтому няня Элис не отходит от меня ни на шаг: вот и сейчас она сидит в кресле возле моей кровати. Лунный свет пробивается сквозь тюлевые занавески и иногда отражается в ее темных глазах. Лицо няни в тени, но я и так помню ее насмешливую улыбку, неподвижную и немного странную. Она наверняка улыбалась так все время, пока разговаривала с моей мамой, пока они пили чай, пока шли в мою комнату. Сколько помню няню Элис, она всегда улыбается. И еще от нее почему-то постоянно пахнет канализацией.

— Зато ты жив и даже наполовину здоров, — утешает меня Элис.

У нее на больной ноге детская туфелька, ногу стягивает металлический обод, к которому прикреплена шина. Я знаю, что это невежливо, но все равно постоянно таращусь на нянину ногу. Ее здоровая нога гораздо толще. Я слышал, как няня Элис шепчет время от времени: «Зачем они отняли у меня руку и ногу?» Своей здоровой рукой она придерживает больную конечность, ссохшуюся, серую, неживую, словно кукольную. Я отвожу взгляд.

Няня склоняется надо мной — я чувствую запах чая, которым угощала ее моя мама.

— Где у тебя болит, малыш? Покажи.

Я расстегиваю ворот пижамы и переворачиваюсь со спины на здоровый бок. Короткие толстые пальцы няни касаются моего больного плеча, избегая того места, за которое меня схватили, — кожа там заметно побелела. Я вижу, как

округляются ее глаза, как шевелятся губы, обнажая некрасивые десны. Ее кукольная рука чуть заметно подрагивает. Няня вздыхает, кашляет и садится обратно в кресло. Здоровой рукой она растирает больную руку, качает ее, словно ребенка. Некоторое время Элис не сводит глаз с моего плеча, а когда я начинаю поправлять и застегивать пижаму, в ее взгляде вдруг появляется разочарование, словно она сожалеет, что ей не дали вдоволь насмотреться на мои увечья. Она облизывает губы.

— Малыш, расскажи мне, как это случилось? — просит няня.

Я откидываюсь на подушки и делаю вид, что смотрю в окно. В горле у меня стоит ком. Не хочу думать о том, что произошло. Только вспомню, меня сразу мутит и голова кружится. Не хочу вспоминать и не буду! Ни за что и никогда!

За окном виден парк, огороженный высоким чугунным забором. В парке на скамейках, как обычно, сидят мамаши с колясками, вокруг бегают собаки, мамаши ежатся от холода, поднимают воротники пальто и зорко следят за своими детьми. Те носятся по сырой траве, карабкаются на горки и лестницы, кричат, смеются, падают, плачут — такие смешные и неповоротливые, все как один в шарфах и цветных комбинезонах. Тут же толкутся голуби и чайки. Тысячи белых и сизых птиц неутомимо топчутся возле скамеек, покрывая землю следами-крестиками. Иногда птицам надоедает земная жизнь — тогда отъевшиеся голуби и чайки громко хлопают крыльями и поднимаются в небо. Дети бегут за ними в облаке пуха и перьев, радостные и слегка напуганные шумом крыльев, калейдоскопом красных лапок, острых клювов и немигающих глаз. В этом парке, за высокой чугунной оградой, все они в безопасности: дети, мамы и птицы. Только в этом парке, и больше нигде. Только здесь детям и можно играть после того, как меня нашли. Одного.

В нашем городе то и дело кто-нибудь пропадает: кошки, собаки, дети,— причем пропадает бесследно. Вернулись только я и няня Элис. Да и то полуживые.

А сейчас я лежу тут в кровати, бледный, измученный, пью лекарства, читаю книжки и смотрю, как на улице резвятся малыши. Иногда засыпаю. Но это только если уж очень устаю. Потому что как только я засыпаю, сразу снова оказываюсь не в своей комнате, а в том белом доме на холме.

Когда няня Элис была маленькая, она тоже ходила в тот дом. И сейчас она иногда говорит, что благодарна за это судьбе. А мой папа называет ее старой дурочкой и запрещает маме общаться с ней. Вот и сегодня ему наверняка не сказали, что няня Элис у меня. В нашем городе есть такой обычай: если кто-нибудь внезапно пропадает или умирает, его родственники сразу зовут в дом няню Элис. Моя мама любит повторять: «Элис знает и видит то, чего больше никто не знает и не видит». Сейчас мама очень хочет знать, что со мной случилось, — наверняка точно так же хотели знать правду жены пропавших полицейских, и матери двух исчезнувших девочек, и родители Пикеринга. И все они, должно быть, обращались к няне Элис.

Когда я не сплю, я могу хотя бы немного отвлечься — почитать, посмотреть телевизор, послушать болтовню сестер. Но сны не оставляют мне выбора: я снова и снова вижу белый дом на холме и тени окружают меня, а потом набрасываются...

— Ну же, малыш, расскажи, что ты видел в том доме, — повторяет няня Элис и при этом странно улыбается.

Ни один взрослый, кроме нее, не соглашается говорить о белом особняке, что стоит на высоком холме на окраине города. Даже мой папа и папы моих друзей, так мужественно пахнущие сигарным дымом и пивом, приходя вечером с фабрики, делают вид, что не понимают, о чем идет речь, когда мы, дети, рассказываем им, что слышим женский плач, который раздается то громче, то тише, то доносится с далекого холма из-за города, то звучит совсем рядом и буквально разрывает барабанные перепонки. Наши родители уже больше не слышат этот плач, но они помнят его с детства — плач и крики людей, оказавшихся в беде и отчаянно умоляющих о помощи. Но никто не приходит

к ним на выручку, и поэтому иногда в их голосах слышится злость. «Чушь какая!» — без конца твердят родители. Правда, при этом они изо всех сил стараются не смотреть нам в глаза.

В течение долгого времени после «происшествия со мной» (все жители города называли то, что случилось, именно так) я находился без сознания. Потом я очнулся, но был так слаб, что еще три месяца пролежал в больнице. Постепенно правая сторона моего тела пришла в норму, и маме разрешили забрать меня домой. Тут-то и начались расспросы. Все подряд интересовались не только «происшествием со мной», но и тем, что случилось с моим другом Пикерингом, — родители так и не нашли его. А теперь вот еще и сумасшедшая няня Элис хочет, чтобы я рассказал ей обо всем, что помню, и обо всем, что вижу в кошмарных снах. Если честно, сейчас я и сам уже не знаю, что было со мной наяву, а что просто привиделось в бреду и кошмарах.

Мы часто говорили о том, что нам непременно надо как-нибудь туда наведаться. Все мальчишки в городе так говорили. Нам с Ричи и Пикерингом хотелось, чтобы нас считали самыми смелыми в школе. Для этого надо было пробраться в белый особняк и принести оттуда что-нибудь в доказательство того, что мы и впрямь там были, а не просто поглазели на дом из-за ограды. Уж мы-то знали, что большинство героев прежних лет именно этим и ограничивались.

Ходили слухи, что когда-то этот особняк и сад возле него принадлежали старинному богатому роду, владевшему местной фабрикой, и всеми землями в округе, и всеми нашими домами, и нашим городом, и нашими предками. Еще рассказывали, будто этот дом был построен на месте древнего источника и земля, на которой стоит здание, проклята. Учителя в школе говорили, что когда-то в доме располагался госпиталь, поэтому там до сих пор полным-полно всяких микробов. А мой папа объяснял мне, что раньше в этом здании был приют для умалишенных, но лет сто назад

он закрылся и с тех пор здание пустует и ветшает, потому что на его реставрацию у города нет средств. Детям опасно туда ходить: вдруг пол провалится или потолочная балка упадет. Няня Элис говорит, что этот дом — «место, куда приходят ангелы». Но мы-то точно знаем, что в этом доме должно находиться все, что когда-то бесследно пропало. На каждой улице нашего города есть семьи, у которых пропали дети или домашние животные. Полицейские даже проводили обыск в особняке, но безрезультатно. Никто уже и не помнит, когда в последний раз открывались парадные ворота перед этим домом.

В ту пятницу мне, Ричи и Пикерингу совсем не хотелось в школу, так что мы решили туда не ходить и отправились в несколько другом направлении. Сначала мы пробирались огородами (теми самыми, где прошлым летом воровали бобы и едва не попались), потом миновали какой-то парк, изрядно загаженный собаками, переправились через канал по старому мосту, пересекли картофельное поле, старательно пригибаясь, чтобы какой-нибудь фермер нас случайно не заметил, и некоторое время шли вдоль железнодорожных путей до тех пор, пока город совсем не скрылся из виду. По дороге мы болтали о сокровищах, кладах и всякой ерунде. На краю картофельного поля нам попалась старая тележка мороженщика, насквозь проржавевшая, со спущенными шинами. Мы стали кидать в нее камнями, потом поразглядывали ассортимент, нарисованный на выцветшем прилавке, и немного подурачились, заказывая воображаемое мороженое, — у меня аж слюнки потекли. Когда нам надоело играть в мороженщиков, мы отправились дальше. Вскоре за деревьями показалась крыша белого особняка.

Всю дорогу Пикеринг шел впереди, громче всех шутил и смеялся — он утверждал, что не боится вообще ничего: ни собак, ни сторожей, ни даже призраков, — «потому как чего ж их бояться, раз они все равно прозрачные и их можно проткнуть чем ни попадя». Но даже он притих, когда мы подошли к подножию холма, на котором стоял белый дом. Мы изо всех сил старались не смотреть в глаза друг

другу. Не знаю, что там думали Ричи и Пикеринг, но я-то в глубине души надеялся, что мы только дойдем до черных ворот страшного поместья и сразу отправимся назад. Ведь одно дело — рассказывать байки об ужасном доме, разрабатывать планы взлома и представлять себе всякие приключения. Идти в этот дом — дело совсем другое. Особенно если учесть, что многие из пропавших детей накануне своего исчезновения обсуждали с друзьями планы посещения особняка. А те смельчаки из взрослых, что решались туда отправиться, если и возвращались, то были уже слегка не в себе. Впрочем, мой папа утверждает, что все они наверняка наркоманы.

В общем, мы оказались в парке, окружавшем особняк, — сразу стало темно и холодно, со всех сторон нас обступили деревья, странные, молчаливые, настороженные. Мы поднялись по склону к высокой каменной стене, огораживавшей поместье, — ее верх был усыпан битым стеклом и затянут колючей проволокой. Мы пошли вдоль стены и в конце концов оказались у огромных черных ворот с табличкой: «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ — ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». У меня душа ушла в пятки от одного вида этих ворот: их огромные черные прутья были выше самого дома и заканчивались острыми шипами; черные ворота крепились к двум колоннам, увенчанным гигантскими мраморными шарами.

— Говорят, эти шары падают на головы тех, кто пытается проникнуть в поместье, — испуганно пролепетал Ричи.

Разумеется, я знал эту байку не хуже его. То, что он ее вдруг вспомнил, говорило об одном: у Ричи, скорее всего, не хватит духу пойти с нами в дом.

Мы стояли у ворот и разглядывали вымощенную плитами подъездную аллею, которая взбиралась к дому на холм, петляя среди деревьев. По краям аллеи кое-где виднелись статуи. Некошеная трава на лужайках была бы мне, наверное, по пояс; на старых неухоженных клумбах цвели многолетники. Аллея подходила к воротам старинного белого дома, который стоял на самой вершине холма. Небо над домом было ярко-голубым, солнце отражалось в стеклах огромных окон.

— Я думаю, тут когда-то жили прекрасные принцессы, — пропел Пикеринг.

— Вроде там нет никого? — боязливо спросил Ричи.

Со страху ему захотелось в туалет. Тем летом мы объявили войну крапиве и осам, так что Ричи попытался описать крапиву в полном соответствии с разработанной нами военной стратегией, но от испуга у него это как-то плохо получилось — в результате он только замочил штаны.

— Наверняка там никого нет, — пробормотал Пикеринг. — И наверняка там полным-полно сокровищ. Брат Даррена приволок оттуда отличную сову в стеклянном футляре. Я сам видел. Она как живая, а по ночам иногда даже крутит головой.

Мы с Ричи переглянулись. Каждый из нас не раз слышал о животных и птицах, заключенных в стеклянные сосуды, которых находили в этом доме. Отец как-то рассказывал, что дядя его друга нашел там стеклянный контейнер, наполненный какой-то зеленой жидкостью, внутри которого был ягненок, правда почему-то почти без шерсти. Сосуд хранится в доме дяди папиного друга уже много лет, но ягненок до сих пор иногда моргает черными глазками. А еще, судя по рассказам, в доме часто находят скелеты детей в старинных одеждах. Много маленьких скелетиков, крепко держащихся за руки.

Да ерунда это все! Ничего там такого нет! Пикеринг не может знать наверняка, он ведь там не был. Хотя, конечно, если бы я в тот момент высказал собственные мысли вслух, он точно запротестовал бы: «А вот и был! А вот и был!» — а потом еще и заявил бы, что мы с Ричи только и годимся на то, чтобы трусливо шептаться у ворот.

— Ну что, неужели испугались? — подначивал нас Пикеринг. — Придется, видимо, вернуться и рассказать всем, как Ричи тут штаны обмочил со страху.

Ричи побледнел и прикусил губу. В этот момент, я думаю, каждый из нас представил себе, как наши общие знакомые скачут вокруг Ричи и кричат: «Ричи обоссался! Ричи обоссался!» Трусам прощения нет и быть не может, с трусом никто не станет общаться, труса никогда не позовут в игру, трус обречен на вечную скуку и одиночество.

Каждый ребенок в нашем городе знает, что дом на холме может забрать у него брата, сестру, кошку или собаку, но всякий раз, когда мы слышим плач, доносящийся из этого дома, мы почему-то сами начинаем подначивать друг друга пойти туда. Как будто это наш долг. Как будто в нашем городе иначе и быть не может. А Пикеринга вся школа знает как самого отчаянного смельчака. Так что рано или поздно он все равно пошел бы в этот дом.

— Я полезу первым, — сказал Пикеринг и решительно полез на ворота, — а вы давайте за мной.

У него и правда довольно ловко получилось. Только на самом верху он вроде бы на миг заколебался, но потом, отбросив сомнения, перебросил ногу через железный шип и уже спустя мгновение стоял за воротами, насмешливо глядя на меня и Ричи. Теперь была моя очередь — и мне вдруг стало ясно, что на самом деле перелезть через эти ворота очень легко: узор на них был словно специально придуман для того, чтобы детским рукам и ногам было удобно карабкаться по нему. А еще кто-то мне говорил, что маленькие девочки обычно каким-то образом ухитряются отыскать в каменной стене поместья потайную дверцу, которую больше никто и никогда не может найти. Хотя, наверное, все это тоже пустые разговоры.

В общем, я полез через ворота. Я полез, потому что знал, что, если я этого не сделаю, а Пикеринг вернется из белого особняка живым и здоровым, остаток своих дней я проведу в позоре и буду постоянно сожалеть о том, что не набрался смелости пойти в этот страшный дом вместе с Пикерингом. Это мой шанс стать героем. Я полез через ворота с той же сумасшедшей решимостью, с какой прежде забирался на верхние ветки самых высоких дубов и смотрел оттуда в небо. Что мне больше всего в этом нравилось, так это, лежа на ветке, разжимать на мгновение руки, отлично осознавая при этом, что если я упаду с такой высоты, то наверняка разобьюсь насмерть.

Ворота подо мной скрипели и стонали так отчаянно, что все обитатели дома уже должны были знать о моем визите. Когда я добрался до верха и приготовился пере-

кинуть ногу на другую сторону, Пикеринг решил пошутить:

— Смотри не повреди там себе хозяйство об эти колючки.

В тот момент мне было так страшно, что я не смог даже улыбнуться. Я едва дышал, ноги и руки у меня дрожали. Ворота оказались выше, чем я ожидал. Я перенес одну ногу через огромный железный шип и вдруг по-настоящему испугался. В тот момент я понял, что, если у меня вдруг дрогнет рука, шип сразу пронзит мне ногу и я буду беспомощно висеть на воротах, истекая кровью. Чтобы справиться со страхом, я решил не глядеть вниз и посмотрел на дом — мне показалось, что из каждого его окна на меня смотрят бледные страшные лица.

Я тут же вспомнил все ужасные истории, которые слышал об этом месте: про то, как невидимые чудовища высасывают кровь у невинных жертв, — в кромешной тьме несчастные видят лишь налитые кровью глаза своих мучителей. Про то, что в подвалах дома живут ужасные пауки, которые безжалостно истязают всех, кто попадает в их сети, а потом закапывают заживо, — именно поэтому дети пропадают бесследно. Про то, что плачущий призрак этого дома иногда принимает облик прекрасной женщины и, очаровав очередного пленника, затем показывает свое истинное лицо и обрекает несчастного на пытки и страдания.

— Эй, уснул ты там, что ли? — Пикеринг снизу махал мне руками.

Собравшись с силами, я перенес вторую ногу через решетку и медленно спустился. Пикеринг был, как всегда, прав: через эту решетку мог бы перелезть кто угодно. Даже ребенок.

Я стоял рядом с Пикерингом и бессмысленно улыбался. Я вдруг понял, что по эту сторону ворот солнце светит гораздо ярче: в его лучах окна особняка и белый камень стен сияли почти нестерпимо. Теплый воздух был полон приятных запахов. Ричи укоризненно смотрел на нас из-за ворот. Нам казалось, будто Ричи остался где-то в другом мире, потому что все вокруг него выглядело серым и мрач-

ным, словно там, за воротами, уже наступила осень. Трава у меня под ногами так блестела на солнце, что на нее было больно смотреть. Красные, желтые, лиловые и синие цветы радовали глаз и пахли настоящим летом. Теперь мне все здесь казалось прекрасным: деревья, статуи, аккуратные плиты подъездной аллеи. Теплый ветер трепал волосы, и от его ласковых прикосновений по всему телу шла легкая дрожь. Я закрыл глаза.

— Как же здесь замечательно! — проговорил я и сам удивился, потому что слово «замечательно» было не из самых употребительных в наших обычных беседах с Пикерингом.

— Как я хотел бы тут пожить! — подхватил Пикеринг и широко улыбнулся.

Потом мы стали смеяться, прыгать и обниматься (надо сказать, последнего за нами до того не водилось). Мы позабыли про заботы и дела. Все мои проблемы казались мне ничтожными. Я словно разом повзрослел, даже вроде бы вырос. Я вдруг понял, что вообще все могу. Пикеринг, похоже, чувствовал то же самое.

Прячась в тени деревьев и в высокой траве, росшей вдоль обочины, мы пробирались к дому. Когда особняк показался в конце аллеи, мне отчего-то стало страшно. Он был выше, чем я думал, — выше, чем показался нам, когда мы смотрели на него от ворот. И хотя дом, похоже, пустовал, я не мог отделаться от ощущения, что уже когда-то был в нем и что сейчас он совсем не пустует и все его молчаливые обитатели, зная о наших планах, наблюдают за нами. Буквально не сводят глаз.

Мы остановились передохнуть у первой статуи, заросшей мхом и покрытой прошлогодней листвой. Нам с трудом удалось разглядеть, что статуя изображает двух обнаженных детей — мальчика и девочку, — стоящих на каменном постаменте. Дети злобно улыбались.

— Смотри, у них вырваны сердца, — сказал Пикеринг.

Тут я тоже заметил, что слева на груди у каждой статуи зияет страшная дыра. При этом дети тянули к нам руки, в которых они сжимали собственные сердца, — маленькие ка-

мешки с отчетливо видневшимися на них прожилками кровеносных сосудов. Ощущение счастья, посетившее меня у ворот, мгновенно исчезло.

Солнечный свет пробивался сквозь листву, осыпая дорожку, статуи и нас с Пикерингом яркими бликами. Мы постояли немного и пошли дальше, удивленные и настороженные. Мы старались не смотреть на другие статуи, но они сами приковывали к себе наши взгляды, заставляли догадываться, что за фигуры скрыты под слоем мха и грязи. Фигура монаха на высоком постаменте выглядела до ужаса реальной, на его лице застыла такая отвратительная гримаса, что я невольно отвернулся. При этом мне все время казалось, что монах раскачивается из стороны в сторону и вот-вот кинется на нас.

Пикеринг шел немного впереди и вскоре увидел следующую статую. Он только взглянул на нее и сразу отвел взгляд. Я тоже долго не выдержал. Передо мной стоял горбун в широкополой шляпе, а рядом с ним — уродливый карлик в капюшоне и в мантии, из рукавов которой торчали змеиные головы.

Я решил не ходить дальше. Увиденного вполне хватило бы мне, чтобы сначала не спать несколько ночей подряд, а потом долго мучиться от кошмаров. Оглянувшись, я увидел, что мы уже довольно далеко отошли от ворот.

— Я, пожалуй, туда не пойду, — сказал я Пикерингу.

Он посмотрел на меня с укором, но ничего не сказал, даже не обозвал трусом. Видимо, просто не хотел ссориться со мной — я ведь и вправду мог вернуться к воротам, и тогда ему пришлось бы идти в особняк одному.

— Может, все-таки заглянем в дом по-быстрому? Стащим оттуда что-нибудь, чтобы все поверили, что мы там и впрямь были, и сразу назад?

Одна мысль о приближении к белому особняку, который уставился на меня немигающим взглядом всех своих окон, пугала меня до смерти. Дом был огромный, четырехэтажный, в нем должно было быть очень много комнат. Окна верхних этажей казались затемненными, так что в них ничего не было видно, а окна нижних этажей закры-

вали тяжелые ставни, видимо, чтобы в дом не лезли воры вроде нас.

— Не валяй дурака, пойдем! Наверняка в доме никого нет.

Пикеринг все еще храбрился, стараясь ободрить меня и себя, но его показная отвага больше не действовала. В конце концов, кто такой этот Пикеринг? Всего лишь глупый мальчишка, который сам не соображает, что делает.

— Не пойду, — заупрямился я.

Тогда Пикеринг сделал вид, что уходит. Оглянувшись на прощание, он бросил презрительно и как бы невзначай:

— Ну как знаешь. Лично я пойду. А потом расскажу всем, как ты испугался и остался ждать меня снаружи.

Он шантажировал меня, но голос его при этом звучал мягко и вкрадчиво. Угроза подействовала: я представил себе ликующую ухмылку Пикеринга, вернувшегося в город, представил, как он будет всем рассказывать о том, что мы с Ричи струсили — а ведь я совсем не трус, — я справился со своим страхом и перелез через ворота. Похоже, надо идти с Пикерингом до конца — иначе не стоило и начинать, подумал я.

Мы решили больше не глядеть на статуи. Если бы я увидел еще хоть одну, думаю, я не дошел бы до дома. Впрочем, особняк оказался ближе, чем нам показалось сначала (и уж точно ближе, чем мне того хотелось), и вскоре мы уже стояли на высоком каменном крыльце и разглядывали огромную железную дверь. Я был сам не свой от страха, голова отказывалась соображать, ноги не хотели повиноваться.

— Зачем вообще нужны железные двери?

Вопрос Пикеринга застал меня врасплох, но, к счастью, вроде бы не нуждался в ответе.

Пикеринг изо всех сил толкнул дверь. Одна из створок скрипнула. И только.

— Заперто, — констатировал Пикеринг.

На душе у меня сразу полегчало. Я отошел от двери и стал разглядывать дом. Поскольку на всех окнах нижнего этажа ставни оказались закрыты, шансов проникнуть в особ-

няк у нас практически не оставалось и можно было спокойно возвращаться в город. Между тем Пикеринг продолжал атаковать дверь — теперь он пытался высадить ее плечом. После очередного удара я ясно увидел, что в окне второго этажа мелькнула какая-то фигура в белом. Все произошло очень быстро — я даже толком не успел рассмотреть, что это было. Так иногда на поверхность темного пруда вдруг всплывает рыба и тут же исчезает в глубине.

— Пикеринг! — испуганно прошептал я.

Больше я не успел ничего сказать, потому что в тот самый момент в двери вдруг что-то щелкнуло и она приотворилась.

— Смотри, у меня получилось! — обрадовался Пикеринг.

Он не верил собственным глазам — стоял и как зачарованный глядел в темную щель меж створками. Что до меня, то я был почти уверен, что дверь открыли изнутри.

— Я туда не пойду, — заявил я.

Но он и слушать не захотел, просто улыбнулся и жестом велел мне помочь ему подтолкнуть дверь, чтобы через щель можно было попасть внутрь дома. Я не стал ему помогать: стоял и смотрел на окна особняка. Створка со страшным скрежетом сдвинулась с места. Пикеринг, не оглядываясь, вошел в дом.

Вокруг стало совсем тихо. Я чувствовал, как струйки холодного пота стекают у меня по лицу. В тот момент мне больше всего на свете хотелось бросить Пикеринга и убежать.

Через мгновение довольная физиономия Пикеринга высунулась из-за двери.

— Ну где ты там? Идем скорей, тут целая куча птиц.

Я заглянул в дом и увидел огромный холл с лестницей, ведущей на второй этаж. Пикеринг стоял посреди комнаты и смотрел на пол. Деревянный паркет холла покрывали сотни мертвых голубей. Я все-таки решился войти.

В комнате не было ни ковров, ни гардин, ни ламп — просто голый паркет и белые стены, да еще закрытые двери, ведущие из холла в правое и левое крылья дома. Не-

счастные птицы на полу выглядели ужасно тощими. Перья, кожа да кости. У некоторых птиц перьев уже не было, от других вообще остались только кости.

— Они не смогли отсюда выбраться и умерли от голода, — авторитетно пояснил Пикеринг. — Потом тут можно будет собрать целую коллекцию птичьих черепов.

Он по очереди попробовал открыть двери в правое и левое крылья, но без толку.

— Тут все закрыто, — разочарованно сказал Пикеринг. — Давай поднимемся на второй этаж и посмотрим, что там. Наверняка в комнатах должно быть что-нибудь интересное.

Мне все еще было немного страшно — я пугался каждого скрипа, каждого шороха, даже звука собственных шагов. Пикерингу я велел быть осторожнее и не шуметь, но он меня и слушать не хотел: топал, как слон, и всюду по-хозяйски заглядывал. Мы стали подниматься по лестнице — в конце первого пролета я догнал Пикеринга, и тут мне снова стало не по себе. Я понял, что воздух в доме совсем неподвижный: в холле и на лестнице было душно и жарко, как если бы мы находились в какой-нибудь совсем маленькой комнатке. Я весь вспотел — школьная форменная рубашка прилипла к телу. Поднявшись всего на один пролет, мы едва могли перевести дух. Я привалился к стене, чтобы немного передохнуть, а Пикеринг в это время пытался в свете фонарика разглядеть, что там дальше — на втором этаже. Виднелись только голые стены пустого грязного коридора. Да еще откуда-то сверху пробивался тоненький луч солнечного света. Ничего подозрительного мы не заметили.

— Вроде можно идти дальше, — отметил Пикеринг и пошел, не дожидаясь, пока я последую за ним.

— С меня хватит, — сказал я. — Тут совсем нечем дышать. Иди дальше один, если хочешь. Я подожду тебя снаружи.

Но как только я сделал первый шаг вниз по лестнице, оглушительно заскрипела входная дверь. Я замер. Никогда прежде не слышал, чтобы мое сердце билось так бешено. Меня прошиб холодный пот, волосы зашевелились от ужаса. В дверном проеме мелькнула тень — она двигалась не-

естественно быстро и как-то боком. Я смотрел на нее во все глаза и не мог пошевелиться. Боковым зрением я увидел побледневшее лицо Пикеринга. Единственное, на что у него хватило ума в тот момент, — это выключить фонарик.

Тень метнулась обратно к двери, потом замерла на краю полоски света, проникавшего в проем, опустилась на землю и стала принюхиваться. Внешний вид и повадки этого существа настолько напугали меня, что в тот момент мне больше всего на свете хотелось упасть в обморок и ничего этого не видеть. Мне показалось, что эта тварь была очень-очень старой, и еще почему-то показалось, что она женского пола, хотя, при ее возрасте и ее наружности, ничего нельзя было сказать наверняка. На черепе, обтянутом желтоватой кожей, кое-где виднелись клочки волос. Больше всего это существо походило на марионетку, сделанную из костей и зачем-то наряженную в драную ночную рубашку. В любом случае эта тварь не могла быть человеком. Она перемещалась боком, как гигантский краб, и зачем-то все время оглядывалась на дверь, так что я не мог видеть ее лица. Оно, наверное, и к лучшему.

В тот миг я понял, что, если я сейчас побегу, эта тварь наверняка увидит меня и погонится за мной. Поэтому я медленно и осторожно стал пятиться за угол, на следующую лестницу, где прятался Пикеринг. Надо сказать, вид у него был так себе. Похоже, он напугался не меньше, чем я.

Потом мы услышали, как в правой части холла, которую нам не было видно с лестницы, открылась дверь. Мы, задрожав, присели и стали из-за угла наблюдать за тем, что происходит внизу. Больше всего мы боялись, как бы та тварь не пошла по лестнице вслед за нами. Тут из-за угла показалась вторая тень. Она была ужасно горбатая и передвигалась при помощи двух черных палок, причем это получалось у нее даже быстрее, чем у первой. На ней было грязное черное платье. Тварь издала свистящий звук, такой противный и пронзительный, что у меня кровь застыла в жилах.

Пикеринг побледнел как полотно. В его глазах читался почти животный ужас.

— Кто это? — спросил он еле слышно.

Я схватил его за руку:

— Какая разница? Давай лучше думать, как нам теперь отсюда выбираться. Может, в этом доме есть еще одна дверь? Или выпрыгнем из окна? В любом случае, я думаю, надо подняться на второй этаж и попытаться найти какой-нибудь выход.

Напоследок я решил посмотреть, что происходит внизу, в холле. Но лучше бы я сдержал свое любопытство. Теперь там было уже четыре твари. Одно существо, вроде бы мужского пола, очень высокое, с ногами, похожими на ходули, казалось, смотрело прямо на меня — при этом лицо его оставалось абсолютно неподвижным. Да и какой мимики можно было ожидать от лица, на котором не было ни носа, ни губ, ни даже век. Существо было облачено в старый жилет и замасленный сюртук, с пояса свисали часы на золотой цепочке. Перед собой этот не слишком благообразный джентльмен катил инвалидное кресло, а в нем восседала еще одна тварь, замотанная в изъеденный молью клетчатый плед. Из-под пледа торчала только маленькая голова в кепи. Лицо инвалида было желтым, как консервированная кукуруза. Эти двое стояли прямо возле открытой двери, так что путь к отступлению был отрезан.

Мы рванули вверх по лестнице. На втором этаже оказалось еще жарче и темнее, чем на первом,— я задыхался, ноги у меня подгибались. Пикеринг бежал впереди и на бегу изо всех сил толкал меня локтями так, чтобы я не мог его обогнать. Вдруг он остановился, и я со всего маху налетел на него. Бедняга давился собственными слезами и никак не мог перевести дух.

— Они гонятся за нами? Гонятся? — повторял он без конца.

Отвечать не было сил. Мы побежали дальше по длинному коридору с бесконечным количеством дверей. Я старался смотреть только прямо перед собой и точно знал, что, если сейчас одна из этих дверей откроется, я наверняка потеряю сознание. Впрочем, мы с Пикерингом так ужасно топали, что я совсем не удивился, когда за спиной явственно услышал легкий щелчок открывшегося замка. Мы обернулись на звук — и это было нашей роковой ошибкой.

Еще одно непонятное существо в длинном сером саване, выйдя в коридор, неистово махало руками — нам понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что означали эти жесты: тварь видела нас и сзывала сюда прочих обитателей дома. Непонятным было, только как это страшилище умудрилось разглядеть нас из-под грязных бинтов, которыми была замотана его голова. На лестнице раздался тяжелый топот целой армии преследователей. Двери соседних комнат начали открываться, выпуская в коридор все новых и новых отвратительных существ.

Мы сами не поняли, как очутились в конце коридора, — там была еще одна лестница, чуть более освещенная, чем та, по которой мы сюда поднялись. Но свет, проникавший через запыленное окошко в крыше, был совсем тусклый, словно мы с Пикерингом оказались глубоко под водой. Перед лестницей Пикеринг на мгновение остановился — я увидел, что он плачет и по штанам у него расползается темное пятно.

Никогда не забуду, как мы бежали вниз по этой чертовой лестнице. Мы тогда совсем выбились из сил. До смерти перепуганные, мы чувствовали, что задыхаемся,— сухой, спертый воздух обжигал легкие. Рубашка у меня прилипла к спине. Пикеринг тоже весь вспотел и бежал все медленнее, так что в конце концов я все-таки обогнал его.

Спустившись с лестницы, я оказался в очередном длинном, пустом и темном коридоре, по обеим сторонам которого тоже было бесконечное множество дверей. К тому времени я совсем обессилел, и коридор показался мне бесконечным. В полном отчаянии я опустился на колени. Бежавший позади Пикеринг налетел на меня в темноте, и я упал. Он перепрыгнул через меня, больно наступив мне на руку.

— Они уже совсем близко! — крикнул он не своим голосом и понесся дальше по коридору.

Я с трудом поднялся и побежал за ним. И тут до меня дошло, что этот коридор наверняка выходит на лестницу, ведущую в холл, так что если кто-нибудь из тех тварей остался ждать у парадных дверей, а остальные гонятся за нами, то, вернувшись к дверям, мы окажемся в ловушке —

они окружат нас, и тогда нам не спастись. Бежать дальше не имело смысла. Скорее стоило попробовать проникнуть в одну из комнат и выбраться оттуда через окно. Когда мы неслись по коридору второго этажа, эти твари, сердитые и заспанные, выходили из некоторых комнат, но вроде бы не из всех. А значит, у нас оставался шанс. Во всяком случае, стоило попытать счастья — другого выхода все равно не было. Я окликнул Пикеринга и велел ему остановиться. Правда, крик у меня получился так себе — сдавленный, сиплый, как у астматика Билли из нашего класса. Поэтому Пикеринг, скорее всего, меня не услышал — он все бежал и бежал по коридору. Я стал осматриваться, решая, в какую комнату войти. И тут у меня за спиной раздался тихий голос:

— Ты можешь спрятаться здесь, если хочешь.

От неожиданности я подпрыгнул и взвизгнул, как девчонка. В темноте мне никак не удавалось разглядеть обладательницу еле слышного голоска. Наконец я увидел, что большая коричневая дверь за моей спиной чуть приоткрыта. Из узкой щели на меня смотрели чьи-то внимательные глаза.

— Заходи, здесь они тебя точно не найдут. Я покажу тебе своих кукол.

Дверь открылась чуть шире, и я увидел бледную девочку в черной шляпке с длинными лентами. Ее карие глаза показались мне очень грустными, веки покраснели и припухли, словно девочка до этого долго-предолго плакала.

Сердце больно колотилось у меня в груди, струйки пота сбегали со лба прямо в глаза. Я плохо соображал. Пикеринга было уже все равно не догнать — его топот доносился из дальнего конца коридора. Бежать я больше не мог. Поэтому я с готовностью принял приглашение девочки.

— Скорее заходи,— шепнула она, словно мы с ней были заговорщики, потом выглянула в коридор: к счастью, кроме нас, там никого не было.— Они почти не видят, зато слух у них отличный.

Девочка впустила меня в комнату. Оказавшись рядом с этой малышкой, я ощутил исходящий от нее страшный гни-

лостный запах. Так же пахла дохлая кошка, которую я, помнится, нашел летом в лесу. И еще этот запах чем-то напомнил мне запах старого бабушкиного комода, того, со сломанной дверцей и множеством ящичков, которые когда-то запирались тяжелыми железными ключами, а потом все замки сломались, и ключи остались без надобности.

Девочка закрыла за нами дверь и стала показывать мне комнату. Держала она себя уверенно и слегка надменно. Манеры у нее были еще те — моему папе точно понравилось бы: он называл таких девчонок «маленькие леди». Свет пробивался в комнату из крохотных окон под самым потолком — стекла в них были красные и зеленые, поэтому освещение в комнате казалось несколько странным. На потолке на огромных крюках висели роскошные люстры без ламп. В одном конце комнаты находилась сцена с тяжелым пыльным занавесом из зеленого бархата. По переднему краю сцены располагались софиты. Наверное, здесь когда-то была танцевальная площадка.

Испуганно озираясь, я старался придумать, как мне выбраться из этого дома. Так как ничего хорошего в голову пока не приходило, я просто следовал повсюду за таинственной хозяйкой комнаты — она подвела меня к сцене, мы поднялись на нее, и девочка бесшумно скрылась за занавесом. Я пошел за ней, потому что выбора у меня, в общем, не было: в тот момент это странное создание больше всего подходило на роль помощника, в котором я очень нуждался. Занавес вонял так ужасно, что, пробираясь за него, мне пришлось зажать нос и рот руками.

Когда мы оба оказались по ту сторону занавеса, девочка продолжила демонстрировать светские манеры. Она стала спрашивать, как меня зовут и где я живу. Я давал исчерпывающие ответы на все ее вопросы (даже зачем-то назвал номер дома), как если бы ко мне обращался строгий учитель, заставший меня за каким-нибудь не слишком благовидным занятием.

— Мы совершенно случайно тут оказались. У нас и в мыслях не было тревожить вас. И мы совсем не воры, — зачем-то оправдывался я.

Девочка слушала меня, склонив голову, и иногда почему-то хмурилась, как будто старалась что-то припомнить. Потом она вдруг улыбнулась и сказала:

— Смотри, сколько у меня тут игрушек! Я их все нашла.

И она стала показывать мне своих кукол. Их было и правда очень много, однако в комнате стояла такая темнота, что я не мог их как следует рассмотреть. Девочка присела и принялась брать кукол в руки по одной и показывать мне, но я все еще плохо соображал и не слишком активно участвовал в игре. Потом она протянула мне какого-то изрядно потрепанного грязного зверька с вытертым мехом и большими черными стежками вместо глаз. Уши у него отсутствовали, а лапы были непропорционально длинными. Мне показалось, что маленькая голова этой странной игрушки все время поворачивается в мою сторону, как будто наблюдает за мной, — не самое приятное ощущение, скажу я вам.

За занавесом было совсем темно — только где-то дальше за сценой смутно белела стена. Я все пытался придумать, как мне сбежать, косился на окна, но тяжелые ставни на них были наглухо закрыты. И вдруг в углу комнаты я заметил балконную дверь — она была снаружи заколочена фанерой, но между листами фанеры виднелась довольно большая щель — оттуда веяло свежим воздухом, оттуда в комнату проникал солнечный свет. Наверное, оттуда же в дом когда-то проникли какие-нибудь сумасшедшие вроде нас.

— Извини, мне пора, — сказал я девочке.

Впрочем, я мог бы и не прощаться — малышка не слышала меня: она о чем-то шепталась со своими ненаглядными куклами и зверюшками. Но только я собрался выбраться из-за занавеса, как в коридоре раздался ужасный шум: шарканье ног, стук костылей и палок, скрип колес, дикий смех, — по коридору с ревом и криками неслась толпа наших с Пикерингом преследователей. И не было им конца. Слава богу, что в тот момент я их всех не видел.

Вдруг дверь в нашу комнату распахнулась и внутрь скользнуло какое-то странное существо. Я отпрянул от занавеса вглубь сцены и замер. Девочка продолжала как ни

в чем не бывало возиться со своими отвратительными игрушками. Ее бормотание выводило меня из себя. Я словно обезумел от ужаса — в какой-то миг мне вдруг даже захотелось выйти из-за занавеса и сдаться этой твари, которая кружила возле сцены и принюхивалась. Не иначе чуяла меня. Сквозь изъеденный молью занавес я видел на голове этого страшилища огромную старую шляпу с белой вуалью, видел, как оно быстро, словно на невидимых колесах, движется по комнате. На миг из-под шляпы показался острый подбородок, по цвету напоминавший корку рисового пудинга. Если бы в тот момент в моих легких было хоть немного воздуха, я закричал бы.

Тут я понял, что привычного бормотания девочки больше не слышно. Я оглянулся — «маленькая леди» куда-то пропала. На полу, на том месте, где она сидела, извивалось какое-то непонятное существо. Я уже вообще ничего не соображал. Перед глазами все плыло — мне вдруг показалось, что игрушки ожили и стали двигаться. Я отыскал взглядом в их толпе девочкиного любимца — непонятный лысеющий зверек лежал неподвижно на том самом месте, где его оставила хозяйка. Я так и не понял, зачем девочка позвала меня и решила здесь спрятать. Как бы то ни было, я был ей за это благодарен. А еще я был чрезвычайно рад, что она ушла.

Вдруг из коридора раздался истошный вопль — самый ужасный и горестный, какой я когда-либо слышал. Страшилище в белой шляпе со всех своих невидимых ног кинулось на крик.

Я осторожно выбрался из своего убежища. Издали доносился непонятный шум. Он постепенно нарастал, эхом отдаваясь в пустых коридорах. Дикий рев ужасных тварей заглушил крики и рыдания Пикеринга. Его вопли становились все более отчаянными, — похоже, случилось то, чего я больше всего боялся: им удалось окружить бедолагу.

Я понял, что нельзя терять ни секунды. Спустившись со сцены, я бросился к балконной двери и изо всех сил рванул на себя лист фанеры, преграждавший мне путь к свободе. Фанера подалась, и сквозь разбитое стекло я уви-

дел поросшую травой лужайку перед домом, залитую ярким солнечным светом.

В тот момент у меня появилась робкая надежда на то, что я смогу выбраться из этого дома живым, — я перестал надеяться на это, когда первое попавшееся нам ужасное существо заботливо прикрыло за нами парадную дверь. А тут я вдруг понял, что легко сумею пролезть в эту щель между листами фанеры, представил, как потом обогну дом и побегу обратно к воротам. Вряд ли кто-нибудь погонится за мной, — скорее всего, им сейчас не до меня, у них есть Пикеринг. Я вздохнул с облегчением и совсем было поверил в собственное спасение, как вдруг позади меня раздался странный звук, словно что-то упало на пол со сцены. Это что-то, невидимое и ужасное, двигалось в моем направлении — я слышал, как оно ползет, чувствовал, что оно уже совсем рядом.

Я решил не оглядываться и двумя руками изо всех сил потянул на себя неприколоченный конец фанерного щита. Образовалась щель, в которую я стал бешено протискиваться, — моя правая нога, рука, а потом и голова оказались на улице. Наконец-то я снова увидел солнце, вдохнул свежий воздух.

Я уже почти выбрался, когда эта тварь вцепилась в меня. Левую руку обожгло холодом. В глазах потемнело, голова закружилась, словно я перегрелся на солнце. Меня тошнило. Я изо всех сил попытался вырваться, но левая половина тела как-то обмякла и ослабла. Все мышцы свело.

Я рванулся из последних сил и буквально выпал из щели на траву — фанерная мышеловка захлопнулась. Ледяные пальцы, не удержавшие меня, с клацаньем хватали пустоту. Я отполз подальше от дома. Тварь, упустившая меня, издала ужасный рев, полный бессильной злобы и разочарования, — от этого рева я оглох на целую неделю.

Я сидел на траве и тяжело дышал. Потом меня стошнило какой-то отвратительной белой слизью прямо на свитер. У меня все плыло перед глазами. Последнее, что я успел рассмотреть, была ужасная костлявая рука, торчавшая между кусками фанеры. Усилием воли я заставил себя подняться.

Я знал, что мне нужно осторожно обойти дом и отыскать аллею, по которой мы сюда пришли. Левая половина тела болела все сильнее и сильнее. Меня словно разбил паралич. Я едва мог двигаться. Мне казалось, у меня переломаны все кости левой руки и левой ноги. Меня знобило. Больше всего на свете мне тогда хотелось опуститься на траву и лежать бесконечно. Но я заставил себя идти. Меня еще раз стошнило. На этот раз одной желчью.

Кое-как добравшись до лужайки перед фасадом, я лег на здоровый бок и пополз. Трава была очень высокая, так что полз я медленно. Я полз вниз по склону холма, в сторону ворот, стараясь не удаляться от аллеи, чтобы не заблудиться. Оказавшись на безопасном расстоянии от дома, я в последний раз взглянул на него. Лучше бы я этого не делал.

Одна створка парадных дверей была открыта, видимо, еще с тех самых пор, как Пикеринг по-хозяйски распахнул ее передо мной и предложил войти в дом. Через открытую дверь я увидел в холле толпу беснующихся тварей в саванах и лохмотьях. Они кричали и дрались. Предметом их ссоры было нечто бесформенное и ужасное. Костлявые, грязные руки неустанно рвали это нечто на части.

Кроме нас с няней Элис, в комнате никого. Няня устало прикрывает глаза, но я точно знаю, что она не спит. Она может просидеть так всю ночь, время от времени поглаживая свою кукольную руку, словно это самое дорогое, что есть у нее в жизни.

ТЕРРИ ЛЭМСЛИ

Добро пожаловать на больничную койку!

Терри Лэмсли родился на юге Англии, но бо́льшую часть жизни провел на севере. Сейчас он живет в Голландии, в Амстердаме.

Первый сборник писателя «Под коркой» («Under the Crust», 1993), выпущенный в мягкой обложке небольшим тиражом, изначально предназначался для туристического рынка родного города Лэмсли Бакстона, графство Дербишир (действие всех шести произведений разворачивается в самом городе или в его окрестностях). Популярность книги быстро росла, рассказы из нее вошли в состав двух ежегодных антологий ужасов.

Сборник выдвинули на Всемирную премию фэнтези в трех номинациях, заглавная повесть «Под коркой» была признана лучшей повестью года, и за автором прочно закрепилась репутация мастера мистической прозы.

В 1997 году канадское издательство «Ash-Tree Press» осуществило переиздание сборника «Под коркой». На этот раз книга вышла в твердом переплете ограниченным тиражом в пятьсот экземпляров, и теперь коллекционеры гоняются за этим изданием не меньше, чем за первым. Годом раньше «Ash-Tree Press» выпустило второй, не менее замечательный сборник рассказов Лэмси «Встреча с мертвецом. Страшные истории» («Conference with the Dead: Tales of Supernatural Terror»), а в 2000 году появился третий сборник «Темные дела» («Dark Matters»).

Не так давно «Night Shade Books» переиздало сборник «Встреча с мертвецом. Страшные истории», включив в него ранее не публиковавшийся рассказ. А «Subterranean Press» выпустило книгу Лэмсли «Подготовленный и Корыстная любовь» («Made Ready & Cupboard Love») — две повести с иллюстрациями Гленна Чадборна. Произведения Терри Лэмсли, Саймона Кларка, Тима Леббона и Марка Морриса представлены в антологии Питера Краутера «Четыре темные истории» («Fourbodings: A Quartet of Uneasy Tales from Four Members of the Macabre»).

О нижеследующем рассказе автор говорит так: «Я работал в нескольких больницах и вдоволь насмотрелся, как

людям, вследствие болезни или несчастного случая вырванным из привычной среды и попавшим в зависимость от медицинского персонала, приходится разрабатывать стратегию, помогающую им справиться со своей беспомощностью. Они, прикованные к постели, вынуждены отдаваться на милость эскулапов-незнакомцев, принимая на веру чистоту их намерений. Однако в последнее время я обращаю внимание на то, что далеко не всегда обстоятельства складываются подобным образом».

— Пожалуйста, повторите имя.

— Джаспер Джонетт.

Регистратор еще раз просмотрела бумаги на своем столе, затем перевела взгляд на монитор компьютера. Пальцы застучали по клавиатуре, на лице застыло выражение озадаченного сосредоточения.

— И вы точно не знаете, когда он поступил?

Она повернулась к Эрику и взглянула на него поверх крошечных очков. Маленький шрам в правом уголке рта изгибал нижнюю губу женщины, придавая лицу слегка скептическое выражение.

— В последний раз мы виделись месяц назад. Следовательно, поступить к вам он мог в любой день в течение месяца.

— Извините, что заставляю вас ждать. Я болела, а за это время поменяли компьютерную программу, с новой я пока не очень освоилась. — Она опять принялась жать на клавиши. — Нашла, на четвертом этаже. Человек, которого вы ищете, находится в палате Д-двенадцать на отделении Сэмюеля Тейлора.

— Что, в новом здании? С куполом? Которое недавно открылось? Видел репортаж по телевидению. Выглядит весьма внушительно.

— Полагаю, там все по последнему слову техники. Хотя пока у меня не было возможности побывать там.

Регистратор откинулась на спинку кресла и вся как-то обмякла, словно поиски Джаспера Джонетта чрезвычайно утомили ее.

— Можно пойти туда прямо сейчас? — поинтересовался Эрик.

— Только поторопитесь. Время посещения истекает в три, осталось сорок пять минут.

— Долго идти?

Женщина кивнула:

— Далековато. Поднимитесь на четвертый этаж и следуйте указателям «Отделение экзотологии». Когда доберетесь туда, то увидите указатели, на которых значится нужное вам отделение. Вам лучше спросить кого-нибудь, где находится Д-двенадцать, потому что я точно не знаю, как туда попасть.

— Понятно. А лифт?..

— Там. — Женщина махнула рукой на указатель прямо над головой Эрика и приветливо улыбнулась следующему посетителю.

Эрик быстро зашагал в указанном направлении. Три-четыре минуты он безуспешно пытался разыскать лифт, и даже рабочий, толкающий перед собой тележку, нагруженную медикаментами, не смог ему помочь.

— Отсюда вам никак не удастся подняться. Насколько мне известно, в этом отсеке больше нет лифта для посетителей. А служебным лифтом пользоваться запрещено. Лучше поднимитесь по лестнице.

Первый пролет дался легко, Эрик преодолел его бегом, но вскоре выдохся, потому что в этом отсеке больницы, построенном в Викторианскую эпоху, потолки были непомерно высоки. Добравшись до четвертого этажа, он изрядно запыхался, но вздохнул с облегчением, когда среди дюжины похожих указателей увидел нужный: ярко-голубая стрелка указывала путь к отделению экзотологии.

В указателях недостатка не было: на каждом углу непременно встречался новый, а поворачивать Эрику пришлось немало. Следуя за голубыми стрелками, он долго плутал по больничным коридорам и был весьма рад, когда наконец добрался до маленьких, неброских и малочисленных указателей с надписью «Сэмюель Тейлор». Редкие стрел-

ки привели его в очень тихую и малолюдную часть больницы.

По пути к отделению экзотологии Эрик видел много больших палат, и во всех не было недостатка в пациентах, которые сидели, спали или стонали на кроватях, стоящих рядышком с максимальной экономией пространства. Большинство коек окружали смущенные посетители, в коридорах воздух благоухал ароматом цветов. Медсестер было немного, но все же они попадались тут и там, готовые ответить на вопросы, выслушать благодарности и жалобы посетителей, принести больному судно или вазу с водой для цветов.

Но как только Эрик прошел в отделение экзотологии, он словно попал в другой, более упорядоченный мир: палаты здесь оказались гораздо меньше, в каждой было не больше двух-трех кроватей, причем большинство из них пустовало. Очевидно, что в старом здании предприняли слабую попытку придать коридорам веселенький вид с помощью яркой краски и постеров, но в новой части больничного комплекса стены оказались лишены каких-либо украшений, кроме тонкого слоя матовой эмульсии мышино-серого цвета. У помещений был незаконченный вид.

Добравшись до надписи «Отделение Сэмюеля Тейлора» без стрелки-указателя, Эрик решил, что наконец-то попал туда, куда нужно, или недалек от этого. Он оказался в широком дугообразном коридоре со множеством дверей. Эрик помнил о совете регистраторши и оглянулся в поисках медперсонала, чтобы спросить о палате Д. Но никого не было ни видно, ни слышно, все словно под землю провалились. Чтобы удостовериться, что тут все-таки кто-то есть, Эрик подошел к стеклянной двери одной из палат. На ближней к входу кровати на боку лежал и смотрел на него пожилой, коротко остриженный мужчина с тусклыми глазами, одетый в нечто напоминающее огромный подгузник, хотя было отнюдь не жарко. Мужчина и виду не подал, что заметил разглядывающего его Эрика. Разноцветные трубки и капельницы тянулись от его тела к аппарату над кроватью. Поза мужчины казалась крайне неудобной: ноги сильно со-

гнуты, а спина противоестественно прямая. Чтобы оставаться в таком положении, ему, скорее всего, приходилось прикладывать немалые усилия. На другой кровати кто-то спал, вытянувшись на животе.

Интересно, откроется ли дверь? Подалась. Эрик просунул голову в палату и спросил:

— Извините за беспокойство. Я ищу палату Д-двенадцать. Это где-то здесь?

Лежащий на боку мужчина ничего не ответил. Он вообще никак не дал понять, что заметил Эрика, и тот уже собирался уйти прочь, когда из-под одеял на другой кровати послышался голос:

— Вы почти у цели. Это палата Д-двадцать четыре.

— Благодарю. И куда же мне теперь? Налево или направо?

— Не знаю, но это не важно, — ответил лежащий ничком. — Палаты располагаются по кругу.

Эрик на мгновение задумался:

— Значит, в какую сторону я бы ни пошел, то обязательно найду Д-двенадцать?

— В конце концов найдете. Закройте за собой дверь. Сквозит.

Эрик так и сделал. Затем пошел справа налево, снова свернул направо, дальше и дальше. Раздражало то, что на дверях не было никаких номеров, к тому же это наверняка доставляло неудобства медперсоналу. Вероятно, новое здание решили открыть точно в срок, пусть даже в незаконченном виде.

По пути он принялся считать двери:

— Двадцать шесть, двадцать восемь, тридцать.

Палаты располагались по обе стороны дугообразного коридора, в общем-то, на взгляд Эрика, это было целесообразно. Исходя из кривизны коридора, он прикинул, что более тридцати палат быть не может, поэтому, дойдя до этого числа, он начал считать, начиная с двух. Дойдя до числа двенадцать, он остановился и заглянул в дверь палаты: она оказалась пуста. Тогда Эрик подошел к следующей.

Там он увидел Джаспера Джонетта, который сидел в постели, неуклюже обхватив обеими руками непонятный аппарат, пристроенный к шее и груди. Увидев Эрика, он взмахнул руками и покачал головой, что можно было расценить как жест недоверия своим собственным глазам или же предостережение держаться подальше.

— Что, ты заразный? — спросил Эрик, вошел и уселся на стул в изножье кровати.

— Что ты здесь делаешь? Как нашел меня?

— Догадался.

— Я был уверен в том, что никто не знает, где меня искать.

Голос Джаспера был настолько слаб, что Эрику пришлось пододвинуться поближе, чтобы отчетливо его слышать.

— Говорят, тебя давно не видно, а поскольку ты в последнее время выглядел не очень, то я решил зайти к тебе домой, навестить. Тут же ко мне прибежала домовладелица и рассказала, что кто-то видел, как тебя увозила машина «скорой помощи».

— Не заплачено за квартиру.

— Так она и сказала. Но не это ее беспокоит, ведь не секрет, что деньги у тебя водятся. Дама волнуется за тебя. Между вами что, что-то есть?

— Только не сейчас. С тех пор как я начал встречаться с Кэрол, кроме нее, у меня никого не было.

— Джаспер, я как раз собирался спросить о ней. Вы что, расстались? На днях мы столкнулись в Вальдорфе, и она даже не упомянула о тебе. Когда же это сделал я сам, Кэрол прикинулась, что не слышит, настойчиво говорила на другие темы и ретировалась настолько поспешно, насколько позволили приличия. Выражение лица у нее было весьма специфическое. Я бы даже не взялся его описать.

— Я тоже не желаю о ней говорить.

— Как хочешь. Но знает ли она, что ты в больнице? Может, рассказать ей и она придет тебя навестить?

— Боже мой, ни в коем случае! — Джаспер подался вперед, потом в смятении откинулся обратно. Уставившись в по-

толок, произнес: — Не лезь в мои дела, Эрик. Предупреждаю тебя, не суй свой нос!

— Ладно. Хорошо. Как хочешь. Тогда давай поговорим о домовладелице. Миссис Полит, не так ли? Какая славная женщина! Мы с ней пообщались. Она так беспокоилась о тебе — конечно, мы оба волновались, — и я пообещал ей, что попытаюсь разузнать о тебе или даже отыскать. Она обрадуется, когда я расскажу, что ты нашелся.

— Слушай, лучше не лезь, Эрик.

Эрик высыпал содержимое пакета, который принес с собой, на кровать.

— Несколько дней я таскался со всем этим, — прокомментировал он свои действия. — Это съедобно, хотя вид слегка нетоварный.

Джаспер мрачно взглянул на груду помятых фруктов у коленей и угрюмо буркнул:

— Очень мило с твоей стороны. Спасибо. Так как ты нашел меня?

— Очень просто. Обе местные больницы совсем недалеко от моего дома. Вчера я заходил в Ройал Фри, а сегодня пришел сюда.

— Заняться тебе больше нечем.

— У меня уйма свободного времени.

— И что, тебя послали наверх?

— Ну да.

— Вообще-то к нам не должны пускать посетителей. Доктора обещали, что меня никто не будет беспокоить.

— Женщина из регистратуры не очень хорошо понимала, как обращаться с компьютером. Может, сделала ошибку.

Джаспер состроил гримасу, обнажившую немного выступающие передние зубы, отчего он стал похожим на лисицу из мультфильма, и процедил:

— Я полагал, что получу здесь не только ультрасовременную медицинскую помощь, но также конфиденциальность и безопасность.

— Именно так, Джаспер. Тебе, наверное, пришлось заплатить кругленькую сумму, чтобы попасть сюда? Ведь отделение Сэмюеля Тейлора частное, так ведь?

— Станет вовсе не частным, если такие, как ты, станут тут шастать.

Эрик вытянул ноги и поудобнее устроился на стуле.

— Ты же знаешь, я не об этом, — сказал он. — Говорят, что Сэм Тейлор словно кукушка в гнезде: частный сектор отравляет здравоохранение. В этом видят угрозу. Несколько человек с флагами у главного входа требуют закрытия этого отделения.

— В наши дни всегда найдутся идиоты, готовые обругать любое инновационное начинание. Потрясать плакатами для них то же самое, что для религиозных фундаменталистов размахивать Священным Писанием.

— Ну, коль скоро здешняя организационная структура тебе кажется столь несовершенной, как ты только что говорил, значит, у них есть к тому все основания.

Джаспер Джонетт засопел, перевернулся на бок и поджал ноги. Где-то под кроватью мягко щелкнул тумблер, и аппарат ожил. В трубке, присоединенной к аппарату на груди Джаспера, послышались булькающие звуки. Все его тело несколько раз дернулось. Из-под одеял донесся еще более громкий кошмарный звук. Джаспер вызывающе смерил Эрика свирепым взглядом, а устройство под кроватью низко завывало, словно пылесос.

— Я пока подожду в коридоре, — сказал Эрик и вышел.

Вернувшись, он обнаружил, что Джаспер выглядит получше. Ослабевший после сильнейших судорог, теперь он лежал на спине, а голова его покоилась на двух подушках. В таком положении, с длинными, тронутыми ранней сединой волосами, разделенными посредине пробором и зачесанными за уши, он словно сошел с полотна Викторианской эпохи под названием «Старец на смертном одре».

— *Зачем* ты здесь, Джаспер? — участливо спросил Эрик, сменив бойкий стиль развязной беседы на противоположный. — Если тебе пришлось оказаться в подобном месте, значит, у тебя есть на то веские основания, да?

Сначала Джаспер вовсе не намеревался обсуждать свое состояние, но, поразмыслив, он все же несколько раздраженно ответил:

— Дело в том, что до сих пор никто ничего определенного сказать не может. В моем случае врачи не продвинулись дальше стадии обследования и диагностики. И это за шестнадцать-то дней! Яснее ясного, что мой организм дал сбой по многим показателям, но почему же до сих пор ничего не определили? Полагаю, здесь не я один лежу с подобными симптомами. По вполне понятным причинам мы между собой не пересекаемся, незачем нам друг друга заражать. Но по пути на различные обследования и обратно мне удалось пообщаться с несколькими здешними пациентами, которые жалуются на то же, что и я.

— Значит, я изрядно рискую, разговаривая тут с тобой?

Джаспер кивнул:

— Еще как! И ради себя самого тебе стоит уйти. Сейчас же. — Джаспер отвернулся от Эрика и резко схватил шнур с большой красной кнопкой на конце. — Сейчас кто-нибудь придет, и мы попросим проводить тебя до главного здания больницы. Было очень мило с твоей стороны вспомнить обо мне и даже отыскать, но хорошо бы тебя здесь больше не видеть. Когда поправлюсь — позвоню. Если захочешь рассказать миссис Полит обо мне, заодно можешь передать, что вскоре я пошлю ей чек и погашу задолженность за аренду квартиры, также заплачу за полгода вперед. Не хочу, чтобы она или кто-то еще беспокоил меня. После твоего вторжения я настоятельно попрошу персонал обеспечить мне полный покой без посетителей.

— Ну, приятно было побеседовать с тобой, Джаспер. Я рад, что не пожалел времени и сил, чтобы навестить тебя. — Из немалого выбора фруктов на постели больного Эрик выбрал яблоко. — Коль ты не в восторге от моих даров, вот это я съем сам. Потому что я остался без ленча.

— Я на строжайшей диете, — объяснил Джаспер и вытянул ноги под одеялом. — Бери все, что хочешь.

— Не буду ждать, пока меня выпроводят отсюда. Сам найду дорогу, а по пути взгляну, что тут да как.

— Очень неразумно с твоей стороны, Эрик.

— Да? Почему? Мне это место начинает казаться крайне любопытным.

— Чем это?

— Например, тем, что на постройку была угрохана куча денег, но, сдается мне, проку от отделения мало. А в стране сейчас острый дефицит больничных коек.

— Но ведь тебя, Эрик, это не касается. — Слабый голос Джаспера звенел от обуревавших его чувств. — Кто ты такой, спрашивается? Доносчик?

— Кроме того, здесь находишься ты, Джаспер. Ты мне небезразличен. Так было всегда.

— Жаль, что не могу сказать то же о тебе.

— Как специалист, уточню: конечно же, мне любопытны твои интересы.

— Ах вот в чем дело?!

— Что ты читаешь? Не видно никаких книг, и мало вероятно, чтобы в больничной библиотеке нашлось что-то тебе по вкусу. Хотя, возможно, я не прав. Короче, я как раз неожиданно натолкнулся на два издания с прекрасными иллюстрациями, которые ты искал. Хочешь, принесу?

— Так вот в чем дело. Твое появление объясняется корыстными интересами.

— Никакой спешки с оплатой. Не горит.

— Послушай, Эрик, говорю тебе в последний раз. Я больше не хочу иметь дело ни с тобой, ни с твоим товаром. Кажется, я уже объяснял тебе это.

— Неудивительно, что все волнуются за тебя, Джаспер.

— Чушь. Не верю тебе. С чего бы кому-то беспокоиться обо мне?

— Ты отмежевался от всех, с кем раньше общался. От всех старых друзей, включая Кэрол, которая теперь убита горем...

— Обычное недоразумение, она слишком многого от меня хотела.

— ...а ты сам себя лишил свободы, заперся здесь и наслаждаешься роскошью одиночества, находя удовольствие в созерцании собственной болезни и нездоровой одержимости хирургическими инструментами и процедурами, сколько душе угодно.

— Не мели чепухи!

— И не забывай, что именно я из года в год снабжал тебя... хорошо, скажем так: сомнительными книгами.

— Да уж, перепало тебе прибыли с моей помощью.

— Послушай, мне не верится, что от прозябания здесь ты почувствуешь себя лучше. — Эрик встал и направился к двери. — Ты никогда так скверно не выглядел.

— Когда на мой зов явится персонал, я скажу, что ты бродишь по отделению. Везде установлены камеры, так что далеко не уйдешь.

Эрик посмотрел на часы. Почти три.

— Выздоравливай поскорей, Джаспер, — пожелал он на прощание. — Я говорю это не только от себя лично, но и от лица всех тех, кому ты дорог.

— Ублюдок!

Напоследок Эрик еще раз окинул взглядом унылую маленькую палату с голыми стенами и быстро вышел в коридор. Справа слышались приближающиеся шаги, поэтому он повернул налево, откуда и пришел. По пути сюда он заметил несколько сводчатых переходов, ведущих по направлению к куполу. Дойдя до первого из них, Эрик свернул туда.

По мере приближения к куполу становилось все теплее, снова запахло зеленью, и чем дальше, тем тяжелее и резче становился аромат. Как только Эрик вышел из перехода в куполообразное сооружение, сразу стало ясно, откуда распространяется запах: в центральной части буйствовала темно-зеленая экзотическая растительность с огромными, вертикально растущими листьями и многочисленными усиками, которые свешивались с толстых стеблей и вылезали из черных глянцевых керамических кадушек. Множество длинных усиков расползлись по полу и свились вместе, крепко-накрепко вцепившись друг в друга. На верхушках растений красовались огромные бутоны, некоторые из них начинали распускаться фиолетовыми и оранжевыми цветами. Внизу растений, словно утренний туман, клубилось легкое облачко.

Небольшая надпись рядом с кадушками гласила:

Растение оробореликум
передано в дар
ФОНДУ СЭМЮЕЛЯ ТЕЙЛОРА
от
ФОНДА ПОРЛОК.

Внизу стояла дата — число тремя неделями раньше.

Среди переплетения корней в ближних горшках Эрик заметил много небольших темных катышков с слегка заостренными концами. Сначала Эрик подумал, что это семена, но растения только-только зацветали, а семена образуются после цветения. Поскольку растения оказались здесь недавно, катышки не могли быть прошлогодними семенами. Эрик сунул несколько штук в карман, чтобы потом на досуге получше их рассмотреть, и отправился дальше.

Он откусил от яблока, которое взял с постели Джаспера. Отвратительный вкус — сока вообще не было, откушенный кусок жевать было невозможно, он напоминал крохотную мягкую подушку. Эрик выплюнул его в руку и швырнул яблоко в заросли, где оно приземлилось со звуком ударившегося о бетон бейсбольного мяча. Причудливейшим образом звук отражался и усиливался, словно кто-то бил в большой глухой барабан, находящийся внутри другого, еще более громадного, и под куполом грохот катался на удивление долго. Когда стихли громогласные раскаты, откуда-то с дальнего конца зеленых дебрей появился мужчина в длинном белом халате. На ногах у него были легкие белые парусиновые туфли на резиновой подошве, поэтому ступал он бесшумно. Он остановился и застыл, подбоченившись одной рукой, а другой принялся потирать подбородок, пристально уставившись на Эрика.

— Вы мистер Фрэнк? — спросил мужчина, и его достаточно громкий голос породил очередной сполох отголосков в причудливой акустической путанице внутреннего пространства купола.

Эрик покачал головой:

— Моя фамилия Кондон.

— Вы пришли на беседу?

— Конечно же нет.

Под куполом еще метались отзвуки диалога, а мужчина в белом халате уже склонился над остатками яблока и тщательно их рассматривал.

— Ваше? — поинтересовался он.

— Было мое.

— Не из нашей кухни. На нем какая-то странная метка. Вы принесли это с собой?

Эрик не стал отрицать.

Осторожно опустившись на корточки, незнакомец выудил из кармана брюк рулон маленьких полиэтиленовых пакетиков, оторвал один, сунул туда руку и взял яблоко, а потом вывернул мешочек наизнанку.

— Что вы здесь делаете? — спросил он, завязав узел на пакете, и выбросил его в стоящую поблизости мусорную корзину.

— Я зашел проведать пациента и потерялся — не смог найти выход.

— Потерялись? Что-то не похоже, что вы заблудились. Я видел, как вы вошли весьма уверенной походкой.

— Ну хорошо, я не то чтобы действительно потерялся, но решил немного полюбопытствовать. Я столько слышал о новом отделении больницы, что не смог устоять перед соблазном лично увидеть его, коль скоро я тут оказался.

— Понятно.

— Ничего, что я похожу тут?

— Не нравятся мне посторонние посетители. Нам всем это не по душе.

— Но как-никак, это общественное здание, построенное на деньги правительства. По крайней мере отчасти. Я — представитель общественности, поэтому...

— Удалось ли вам найти пациента, которого вы искали?

— С трудом, но нашел.

— И где же, позвольте поинтересоваться, вы отыскали его или ее?

Что-то в голосе мужчины и то, как он смотрел, задавая вопрос, окончательно не понравилось Эрику. Он решил уклониться от прямого ответа:

— Точно не помню. Кажется, достаточно далеко отсюда. Номер палаты я позабыл.

— Не хотите отвечать — не надо. С тех пор как вы попали на отделение, каждый ваш шаг зафиксирован.

Все, достаточно. Хватит.

— Вот и прекрасно. Не буду мешать вашей заинтересованности на этот счет. Ухожу прямо сейчас, только отойдите в сторону.

Эрик мог пойти в любую сторону, только не вперед, но ему хотелось как раз туда, а мужчина намеренно встал прямо перед ним, загородив дорогу. Жест был угрожающий и возмутительный, и Эрик, без того рассерженный настойчивыми и, как ему показалось, дерзкими вопросами, почувствовал, что не сможет оставить его незамеченным:

— Прочь с дороги!

— Боюсь, что уйти вам не удастся. Никак невозможно.

Эрик дошел до того, что чуть было не ляпнул какую-то мелодраматическую чушь вроде: «Попробуй останови!» — но тут внезапно и слишком поздно понял, что за его спиной кто-то есть, и не один, а даже двое. Они схватили его за руки и закрутили их за спину. Затем, под давлением сзади, Эрику пришлось согнуть колени и, словно марионетка, лишившаяся нитей, тяжело опуститься на пол. Хотя под руки его все же поддержали. Через несколько секунд один из стоящих над ним здоровяков склонился, чтобы проверить состояние Эрика.

— Надеюсь, вам не больно? — поинтересовался он.

Эрик прислушался к своим чувствам:

— Нисколько. Вы настоящие специалисты в своей области. Я чувствую себя прекрасно.

— Сэр, теперь вы можете встать, если хотите, — разрешил второй.

Оба были на несколько дюймов выше Эрика и гораздо шире в плечах. На них были длинные и свободные комбинезоны сероватого цвета. Санитары, изощренные в защите и нападении, догадался Эрик. Вероятно, в здании больницы располагается прекрасно оборудованный спортивный зал, где им надлежит тренироваться.

Пока Эрик вставал на ноги, в нагрудном кармане белого халата мужчины, который его расспрашивал, запищал мобильный телефон. Очевидно, полученное сообщение было срочным, потому что он быстро пошел по одному из коридоров, ведущих прочь от купола, предварительно снабдив пару дюжих молодцов краткой инструкцией.

— И что теперь? — спросил Эрик, одарив санитаров несколько подобострастной и, как ему казалось, очаровательной улыбкой.

Он рассудил так: парочка явно не на его стороне, но стоит попытаться сделать вид, что он находится на их.

Хотя они отличались колоссальным телосложением, зато были достаточно вежливы, и, какие бы ни были у них злокозненные намерения (по причине коих они избрали подобную профессию), они хорошо держали себя в узде. От попытки отнестись к ним дружески хуже не будет, а вот восстанавливать против себя явно не следует.

— Мы проведем вас в лаборатории, — ответил один.

— В лаборатории? Какие лаборатории?

— В лаборатории отделения. Находятся вон там. — Он ткнул пальцем вверх.

Внутренние стены, сообразил Эрик, поддерживают вес многих громадных листов выгнутого стекла, образующих громадный пузырь простирающегося над ними купола. Раньше он понятия не имел о существовании пятого этажа, да и ведущей туда лестницы не было видно.

— А как называются лаборатории?

— Там всякие разные.

— Как вы думаете, зачем мне туда?

— Вероятно, надо сдать анализы.

— Анализы?

Пока Эрик размышлял над тем, что бы это значило, двое провожатых решили, что пора идти. Один пошел впереди, а другой сзади, и вскоре они оказались в наружном дугообразном коридоре, где Эрик прежде разыскивал Джаспера Джонетта. Первый остановился и знаком приказал Эрику сделать так же. Затем, неуклюже ощупав поверх-

ность стены большим пальцем, он нажал совсем невидимую кнопку.

— Заходите, — велел он, когда перед ними открылась дверь лифта.

Эрик колебался. Стоящий позади мужчина подтолкнул его вперед.

Делая шаг к лифту, Эрик увидел, как симпатичные медсестры прямо на кроватях вывозят в коридор пациентов. Все направлялись к аркам, ведущим к куполу. Ему показалось, что на одной из кроватей лежал Джаспер, но времени убедиться в этом не осталось. Двери лифта закрылись.

Эрик бесконечно долго смотрел в потолок, и как же ему хотелось посмотреть на что-то, ну хоть на что-нибудь другое! Но повернуть голову не удавалось — она была словно зажата в тиски. Пошевелить он мог только руками, и то лишь от локтя и ниже. Обнаружилось, что когда он поднимает руки на максимально доступную высоту, то видит кончики пальцев. Периодически Эрик покачивал в воздухе руками и сам себе демонстрировал, что пусть хоть немного, но все же тело его слушается.

Остальная часть тела не повиновалась ему, при малейшей попытке шелохнуться создавалось ощущение, что его словно придавили сверху и к тому же удерживают в нужном положении снизу. Из-за давления на грудь дышать было очень сложно. Эрик понял, что, если заставить себя расслабиться, дышать станет легче, просто надо делать неглубокие вдохи, но не так-то просто расслабиться физически, когда пребываешь в состоянии крайнего смятения. Он был один, растерян и никак не мог понять, как тут очутился. В памяти случился провал.

Он сидел в маленькой комнатке недалеко от лифта, который привез его на пятый этаж. Над дверью горела надпись «Аварийный выход». Для забора крови на анализ Эрик протянул руку врачу в белом халате, который сказал, что это необходимо сделать для его же собственного спокойствия, поэтому пришлось снять пиджак и с готовностью закатать рукав. Затем он очнулся здесь, крепко-накрепко зафик-

сированный на твердой высоченной кровати, нос едва ли не упирается в потолок, и от этого в поле зрения оказывается лишь маленький кусочек потолка. Большая палата или маленькая — неведомо.

Эрик понятия не имел, сколько времени прошло между тем, как он вырубился и очнулся. Но он был голоден как волк, значит, пропустил несколько приемов пищи. В поле зрения попадали какие-то трубки, вероятно воткнутые в его тело, но ни одна из них не несла капельное питание. Эту догадку, протестующее урча и бурля, подтверждал желудок.

В палате раздавались лишь недовольное бурчание живота и неровное дыхание Эрика. Больше — ни звука. Значит, он в палате один, какой бы большой или маленькой она ни была. И по-прежнему все в том же плачевном, недвижимом состоянии с тех пор, как пришел в сознание. Сколько же времени он так лежит? Ему казалось, что прошло много-много часов.

Эрик безуспешно пытался заснуть, чтобы хоть как-то убить время. Послышались шаги, тихо приближающиеся к его постели. Наверняка кто-то шел в таких же парусиновых туфлях на резиновой подошве, которые он давеча видел на том мужчине под огромным куполом.

Звук шагов приблизился вплотную и смолк. Женский голос произнес:

— У доктора Мэллори сложилось впечатление, что с этим вот могут возникнуть проблемы. Следует проявлять крайнюю осторожность. Не хотелось бы, чтобы такие, как он, бродили по отделению.

Эрик решил, что рот женщины находится совсем близко — в нескольких дюймах — от его левого уха.

— Никто из нас даже не предполагал, что развесили указатели, — отвечал мужской голос. — Какая-то не в меру ретивая проныра из главного здания больницы самовольно проявила инициативу.

— Но теперь-то их убрали?

— Конечно. Я недвусмысленно дал понять администрации, что в течение некоторого времени мы не будем готовы к открытию.

— Долго готовы не будем. Так им и скажите.

— Также я намекнул, что на отделении, может статься, некая слабая форма инфекции, все под полным контролем, поэтому распространяться нет смысла, а вот рисковать здоровьем общественности не стоит. Лучше на некоторое время закрыть сюда доступ, не объявив официального карантина. Думаю, несколько ярких преграждающих лент в коридорах вполне хватит. Директор больницы сразу все уяснил. Ведь он отлично понимает то, что малейший намек на непорядок обернется открытой демонстрацией людей наподобие тех, что размахивали флагами перед входом. Неприятностей будет куда как больше. И администрация это знает. Директор даже принес извинения за недосмотр с указателями и пообещал наложить взыскание на виновника. Они пугаются при малейшем намеке на скандал.

— Рада услышать это, — смягчилась женщина.

— Какого черта вы сделали со мной? — попытался крикнуть Эрик, но голос прозвучал едва ли громче шепота.

— Хотите взглянуть на него? — поинтересовался мужской голос.

Женщина, чьи мысли были заняты другими, более насущными проблемами, а голос звучал так, словно она жует жвачку, задумчиво произнесла:

— Нет, не думаю. Не сейчас.

— Все же лучше осмотрите его. И отметьте в карточке, чтобы ни у кого не закралось подозрения, что вы пренебрегаете обязанностями.

— Конечно же, вы правы.

— Много времени не отнимет.

С гидравлическим вздохом кровать вместе с пациентом поплыла вниз. В поле зрения Эрика оказались верхушки стоящих по обе стороны от него кроватей. Обладатели мужского и женского голосов склонились над ним, и теперь Эрик смог их разглядеть. Он поднял руки настолько высоко, насколько это было возможно в его состоянии, и приветствовал их движениями пальцев; вышло похоже на то, как женщины сушат только что накрашенные лаком ногти.

Лысый мужчина с усами янтарного цвета сказал:

— Он был совершенно здоров, когда попал к нам. Но теперь, и это зафиксировано в медкарте, он уже прошел бо́льшую часть подготовительных процедур. Кто знает, может быть, ему найдется применение?

— Хорошо. Пока оставим его на этой стадии, — решила женщина, которая оказалась гораздо более привлекательной, чем, по мнению Эрика, она того заслуживала. — Кто следующий?

Кровать вознеслась в прежнее положение, внизу остался шелест бумаги. После краткой паузы мужчина произнес:

— Надо взглянуть на пациента из палаты Д-двенадцать.

— Что, проблемы?

— По-видимому, да. Мистер Джонетт один из первых обратился к нам самостоятельно, у него красная карточка, но сейчас он хочет получить доступ к своему банковскому счету.

— Ах вот как. Я подумаю об этом.

— Он ведь ваш пациент?

— Мой и доктора Мэллори. Мы ведем его вдвоем.

— Должно быть, вам очень приятно работать вместе, — сказал мужчина.

Эрик решил попытать счастья еще раз.

— А как же я? — попробовал крикнуть он, но вместо громкого возгласа вышел слабый стон. Такое чувство, что язык сморщился и ссохся, а рот превратился в громадную пещеру. — Я хочу есть. И пить. Пожалуйста.

— Доктор Стренгхейвер, неудивительно, что он голоден. Может, дадим ему немного питания, — предложил мужчина.

— Разрешаю, если вы считаете, что он того стоит. Но введите ему что-нибудь такое, что вы ему там колете, чтобы он вел себя тихо. Надо немного передохнуть и пожить спокойно.

Врачи отошли от кровати Эрика. Уже выходя из палаты, доктор Стренгхейвер спросила:

— Этот Джонетт. Я его несколько дней не видела. Как вы оцениваете его состояние? Как он продвигается?

— Очень хорошо, — ответил мужчина. — Как вам известно, случай чрезвычайно непростой. Просто замечательно сложный. Чудный пациент. Изумительный.

— Нет ли опасности частичного восстановления? Я немного обеспокоена. Во время последнего осмотра он выглядел несколько лучше, и я не нахожу этому объяснений.

— Нет. И сейчас вы в этом лично убедитесь. Просто временный сдвиг.

— Ах вот как.— Доктор Стрейнхейвер была удовлетворена объяснениями.

Эрик попытался снова подать голос и взмолиться о помощи, но из горла вырвался лишь хрип, напоминающий предсмертное карканье ворона. Звук шагов врачей удалялся.

Через какое-то время кровать опустилась вновь. Над Эриком, слегка улыбаясь, склонилась молодая особа в медицинской форме салатного цвета. Улыбались только губы, а в глазах затаилась тревога, если не сказать хуже.

— Я — Кристабель из отдела ухода и комфорта,— представилась она.— Вы — счастливчик, сейчас я вас накормлю.

Пухлые девичьи руки кружили вокруг него, изменяя что-то в невидимых Эрику устройствах и его собственных частях тела. Он опять пытался заговорить и на этот раз издал столь жуткий звук, что и сам испугался, и девушку из отдела ухода всполошил.

— Что это, кашель? Или вы задыхаетесь?

Эрик умудрился еле заметно покачать головой. Он широко разинул рот и так приподнял правую руку, что смог пальцем указать на горло. И высунул совершенно сухой язык.

Кристабель непонимающе вскинула брови и тоже покачала головой.

— Гхххххааа!

Эрик схватил одну из колдовавших над его грудью рук и крепко сжал запястье девушки. Впился в ее глаза взглядом, изобразив самое трогательное выражение лица, вполне отдавая себе отчет в том, что на самом деле вид у него может быть весьма устрашающий. Постаравшись совладать с голосом, предпринял последнее усилие сложить непонятные звуки в членораздельное слово:

— Во-оы.

— Ах вот чего вы хотите. — Кристабель даже не сделала попытки вырвать руку. — Никаких инструкций относительно питья не получала. Мне поручили накормить вас и дать успокоительное, но о напитках не говорилось ни слова. — Свободной рукой девушка взяла планшет, прикрепленный в изножье кровати, просмотрела записи и даже показала ему. — Вот, можете сами убедиться. Тут сказано: никаких жидкостей.

Эрику показалось, что очертания стоящей рядом медсестры стали нечеткими, ее словно окутало легкое облачко тумана, и он понял: в глазах стоят слезы. Он смежил веки и отпустил запястье девушки.

Посланница отдела ухода и комфорта развернулась, пошла прочь и скрылась. Сразу после ее ухода Эрик почувствовал, как глубоко внутри шевельнулись семена теплого умиротворения, которые буквально пустили корни в его внутренностях, отсылая сытость и здоровье в каждую клеточку тела. Наконец-то слизистая оболочка рта хоть немного увлажнилась, и он заработал языком, пока рот не наполнился слюной. Эрик затих, расслабился и стал засыпать, скользнул за некий край и растворился в небытии. Или же небытие поглотило его.

На Эрика пристально смотрел уже знакомый человек — тот, который первым встретился ему под куполом.

— Итак, что нам известно о нем, Гендрикс? — спросила невидимая доктор Стренгхейвер, стоявшая в изголовье кровати.

Эрик выгнул шею назад, но подушка мешала, и ему не удалось увидеть женщину. Он видел лишь купол и верхушки высоких растений. С тех пор как он побывал тут в последний раз неведомо сколько дней назад, появилось много новых ярких бутонов. Сладкий и тяжелый, но отнюдь не неприятный запах, вероятно аромат распустившихся цветков, густым туманом висел в чистом теплом воздухе.

— Не так уж и мало, — ответил тот, кого доктор назвала Гендриксом. Под куполом метались грохочущие и одновременно странно приглушенные отзвуки громкого голоса

доктора Стренгхейвер и высокого, пронзительного — мужского. — Эрик Джон Кондон ничего особенного собой не представляет. Имеет небольшой бизнес, занимается подержанными книгами, в основном из дома через Интернет. Ничего нелегального. И он сам, и его клиенты предпочитают оставаться анонимными. Только номера почтовых ящиков, и все. Умело налаживает весьма изобретательные неординарные финансовые отношения. Достаточно безопасен.

— Итак, по части бизнеса никаких тесных отношений. Ну а семья? Друзья?

— У него несколько давнишних друзей, в основном такие же беспутные, как и он сам, рассеянные по всей стране. Один из них здесь, наш пациент. Не совсем ясно, что между ними происходит. Думаю, Джонетта из палаты Д-двенадцать можно с большим успехом назвать нашим клиентом. Что касается семьи, мать Кондона умерла много лет назад, а умалишенный отец упрятан в сумасшедший дом в Солихалле[1]. Наш подопечный был женат, но детей нет. Жена бросила его и вместе со строителем-подрядчиком переехала в Австралию, в Брисбен, то есть укатила от Англии как можно дальше, так что скучать по нему явно не будет.

Ошеломительно красивая доктор Стренгхейвер обошла вокруг кровати, и теперь Эрик мог созерцать ее верхнюю часть вплоть до талии. Он видел, слышал и даже обонял запах женщины, а также понимал все не хуже, чем прежде, но ни на какие внешние раздражители реагировать не мог. Безмолвный, недвижимый и абсолютно спокойный, Эрик лежал на спине и отстраненно созерцал разворачивающееся вокруг него действо. Словно во сне. Но Эрик был уверен, что все происходит наяву.

Доктор Стренгхейвер прижимала к груди молодой лист из числа тех, что росли тут повсюду. Время от времени она рассеянно отрывала от него маленькие кусочки, разминала между пальцами и, положив в рот, медленно пережевывала.

---

[1] Солихалл — город в Великобритании, в графстве Западный Мидленд.

— Так что ж, у него нет женщин? — уточнила она, протянув лист собеседнику.

Тот покачал головой, потому что уже достал из кармана часть точно такого же листа. Оторвал кусочек.

— По крайней мере пока наши расследования таковых не выявили. Что весьма странно, потому что в прошлом он заслужил репутацию местного Казановы, да и мужчина он привлекательный.

— Вам, Гендрикс, так кажется?

— Я имею в виду, он был привлекательным до того, как попал к нам. Я видел фотографии...

— Из прошлой жизни, — вставила доктор Стренгхейвер. — Ну а деньги?

Гендрикс сунул в рот очередной кусочек зеленого листа.

— Где-то должна быть некая сумма. — Он жевал и говорил одновременно. — Дела у него шли хорошо. Однако на банковском счете сумма незначительная.

— Ключи от дома в нашем распоряжении, верно?

— Дом уже обыскали. Конечно, есть само помещение, внутренняя обстановка, несколько ценных книг, хотя наш юридический отдел будет заниматься всем этим очень долго. Под матрасом он не прятал набитых деньгами мешков, если вы об этом.

— Печально. Может, стоит его перевернуть вверх тормашками и тряхнуть хорошенько. Посмотрим, что из этого выйдет.

Подумав недолго, Гендрикс сказал:

— Если ввести ему предполагаемую дозу тех медикаментов, которые вы собирались назначить, в его нынешнем состоянии это почти наверняка приведет к смертельному исходу.

— Я знаю, Гендрикс. В таком случае дадим ему немного оправиться. Отпустить восвояси его мы не можем, а если он остается тут, то должен расплатиться и попасть на мемориальную доску наших меценатов. К тому же сейчас он значительно продвинулся в направлении того, чтобы стать неизлечимо больным, а лечение стоит недешево. Группа специалистов по работе с населением сообщает, что в течение следующих недель к нам поступит много новых многообе-

щающих клиентов. Койки в палатах будут на вес золота, не успеем мы и глазом моргнуть, и места для лоботрясов не останется. Такие, как он, ввалившиеся прямо с улицы, не значатся в нашем плане действий при чрезвычайных обстоятельствах.

— Может, стоит разработать дополнительный пункт?

Доктор Стренгхейвер оторвала от листа очередной кусочек, на этот раз побольше.

— Я потрясена тем, что вы готовы опустить руки, Гендрикс, — сказала она. — Я больше не уверена в том, что именно вы вправе работать с администрацией в части обеспечения безопасности на отделении. Быть может, вы взяли слишком много дежурств и вас гнетет чрезмерная ответственность.

— Думаю, самое время отведать лепестков только что открывшихся бутонов, — задумчиво произнес Гендрикс, мечтательно рассматривая верхушки буйных зарослей. — Один-два цветка как раз в нужной кондиции.

— Я присоединюсь к вам. — Доктор Стренгхейвер сменила гнев на милость. — Мое дежурство заканчивается через пять минут.

— Наконец-то привезли лестницу, которую мы заказывали.

— Да. Но у меня от высоты голова кружится. — Стренгхейвер хихикнула, и купол захихикал вслед за ней. — Лучше я подержу лестницу, а вы доберетесь до нужных цветков наверху.

— Прекрасно, договорились. — Гендрикс с энтузиазмом кивнул и хлопнул в ладоши, отчего под куполом заметались беспокойные звуки, медленно затихающие в набегающих волнах друг друга. — На сегодня осмотр закончен, — обратился он к кому-то. — Отвезите пациентов в палаты. Двоих, на кроватях без цветных карточек, — на утилизацию, конечно. Сначала увезите их. — Раздав указания, врач ткнул Эрика пальцем в грудь и взглянул на доктора Стренгхейвер. — А с этим что будем делать?

— Дадим зеленую карточку. Пусть его отвезут в какую-нибудь палату. Сократим медикаментозное лечение вдвое. Надо на него надавить.

Эрик видел, как она подмигнула Гендриксу, а тот расплылся в улыбке, кивнул и притворно-торжественно изрек:

— Я понял, что вы имеете в виду, доктор Стренгхейвер.

— Доброе утро, мистер Кондон. Как вы сегодня себя чувствуете?

Кристабель из отдела ухода и комфорта. Эрик помнил, что, когда он предавался созерцанию доктора Стренгхейвер и ее напарника, собиравших лепестки высоко под куполом, она пришла за ним и поспешно умчала прочь по бесконечным коридорам, прикатила в безликую палату, подключила к невесть знает чему и ушла. Хотя он все еще сохранил в памяти некое туманное воспоминание об общем смысле беседы между доктором Стренгхейвер и ее напарником и помнил несколько обрывков фраз, остальное исчезло, словно круги на воде озера от брошенного туда камня.

Эрик всерьез задумался о том, что бы ответить Кристабель по поводу своего самочувствия, но вскоре понял, что никакого ответа от него не ждут, к тому же разве мог он говорить? А если бы мог, тогда сказал бы, что он чувствует себя... можно сказать, странно. Он был напуган, страх поселился в груди, заглядывал в глаза и сообщал, что ничто в нем не функционирует нормально, все не так. Теперь он чувствовал себя разбитым, все тело ломило и сильно болело, к тому же сна — ни в одном глазу. Он совершенно очнулся от сна, абсолютно, так что внезапно почувствовал, что вот-вот закричит.

— А-а-а-а-х-х-х! — вскрикнул он, вскинулся, и верхняя часть тела приняла вертикальное положение — Эрик резко сел.

От резкого движения из вен выскочили иглы, из ранок потекла кровь. Из одной капельницы, закрепленной на стальном штативе рядом с кроватью, полилась, раскачиваясь взад и вперед, теплая сероватая жидкость и замочила матрас.

Тут привалило работы Кристабель из отдела ухода и комфорта, и она тут же бросилась убирать безобразие. Сначала приковала Эрика к кровати чем-то вроде захвата для рук, затем заставила вновь принять горизонтальное положение, в то же время свободной рукой вернув иглы капельниц

на прежние места. Эрик изо всех сил сопротивлялся попыткам Кристабель опять подключить его к аппаратам, и поэтому ему пришлось лежать в луже теплой липкой жидкости, которая теперь стекала по его лицу. Но в теперешнем состоянии Эрик был намного слабее медсестры, она с легкостью пресекла все попытки вырваться. Создавалось такое впечатление, что весь штат отделения Сэмюеля Тейлора прекрасно обучен технике обезвреживания противника.

На какие-то действия Эрика сработал сигнал тревоги. Прошло несколько минут, но на помощь девушке из отдела ухода и комфорта никто не пришел, однако к этому времени она и сама прекрасно справилась. Наконец пациент был под контролем.

— А теперь ведите себя смирно и не доставляйте мне неприятностей! — Кристабель погрозила пальцем перед носом Эрика. — Станете безобразничать снова — пеняйте на себя. У вас всего лишь зеленая карточка. Не скажешь, что приоритет высок.

— Понятно. Простите. Но вы меня так неожиданно разбудили. — Эрику казалось, что голос идет откуда-то глубже из груди, чем обычно.

— Таковы правила на отделении СТ.

— Сколько дней я здесь?

— Ах, вы опять разговариваете! — заметила Кристабель. — Что-то раньше вас было не слышно. Голос ваш весьма необычен.

— На самом деле таким он стал недавно.

— У вас что-то с грудью. Разве вы швов не чувствуете?

— Я чувствую себя так, словно меня избили, не оставив живого места.

— Так все говорят, когда пройдут через это.

— Сколько я здесь? — повторил вопрос Эрик.

— Не знаю, имею ли я право говорить вам.

— Ну, послушайте, что в этом дурного?

— Дело не в этом.

— Тогда посмотрите, что написано на планшете в изножье кровати. Покажите мне, где сказано, что мне нельзя знать, сколько дней я нахожусь на отделении.

К вящему удивлению Эрика, Кристабель взяла клипборд и внимательно прочла записи. И наконец ответила:

— Сегодня восьмой день. Вас они держали на испытательном сроке дольше, чем остальных пациентов.

— Испытательном сроке?

Кристабель исчезла и вскоре вернулась, толкая перед собой кровать вроде той, на которой лежал Эрик.

— Я собираюсь переложить вас на чистую постель, чтобы вы не мокли в луже, которая из-за вас натекла, — сообщила она. — Делать это я не обязана, поэтому помогите мне.

— Вы очень любезны, — поблагодарил он.

Когда Кристабель убрала грязные простыни и обмыла его, Эрик обнаружил, что он совершенно голый, только на область груди и живота наложены повязки и бинты. Еще его тело оказалось полностью безволосым.

— Я потерял в весе, — отметил он.

Кристабель, укрывавшая Эрика чистыми простынями, слегка смутилась:

— Ну да, вы кое-что потеряли. Отныне вы не тот человек, каким сюда пришли.

— Не тот?

— Нет. Вас основательно разобрали.

Эта фраза повергла Эрика в ужас, и тревога достигла своего максимума.

— Мне нужны мои вещи, — сказал он. — Одежда, бумажник, мобильный телефон. Мне необходимо позвонить.

— Все ваши личные вещи в сохранности и находятся в распоряжении отдела собственности, — ответила Кристабель. — Я пошла. Если вам еще что-нибудь понадобится, просто потяните за этот шнур и ждите. И не забывайте о том, что вы здесь не один. С вами в комнате находятся еще два господина. Думаю, они вам представятся, когда сочтут нужным.

Эрик оглянулся по сторонам. Тело одного «господина», скрытого простынями, скорее походило на остов изголодавшегося ребенка лет двенадцати с огромной лысой головой, повернутой к стенке. На второй — из-под груды неопрятных простынь торчали две длинные тощие ноги. Там, где должна была быть голова незнакомца, возвышалась подуш-

ка, которую придерживала на месте рука, тоже костлявая и длинная.

Уходя, Кристабель выключила свет, и теперь палата освещалась лишь крохотными тусклыми лампочками позади каждой кровати. Ближе придвинулись серые голые стены, и потолок опустился на фут или два — в этом Эрик был уверен. Снова навалилась всесущая гнетущая тишина, наполнявшая, казалось, все отделение за исключением помещения с куполом. Безмолвие нарушало лишь учащенное тяжелое дыхание лысого, похожее на звук сминаемого пластикового стаканчика. Минут через пять, обнаружив, что в палате нет наушников ни для телевизора, ни для радио и отсутствуют какие-либо другие развлечения, помогающие скоротать время, Эрик решил попробовать пошевелиться. Неудивительно, что это оказалось болезненно, особенно когда он наклонялся вперед, напрягая грудь и живот. Но если держать спину прямо, то получалось свесить ноги с кровати и даже коснуться пола пальцами ног.

Сначала вставленные в вены обеих рук иглы капельниц не давали ему сильно отклониться от лежачего положения, но если Эрик тянулся обеими руками одновременно, то мог понемногу сползать ближе к краю постели, что он потихоньку и проделал, пока не встал на ноги, откинув вытянутые руки назад.

— Господь Всемогущий! — раздался возглас. — Это что такое ты вытворяешь?

Мужчина с неопрятной кровати убрал с головы подушку и, лежа на боку и упершись подбородком в согнутую руку, во все глаза смотрел на Эрика.

Даже в тусклом свете Эрик точно мог сказать, что видел этого человека прежде, хотя теперь он очень изменился. Он впился в мужчину мрачным взглядом, пока через несколько секунд наконец не понял, где и когда встречал его. Только сейчас этот человек очень похудел, и от этого стал гораздо заметнее сплющенный нос боксера-профессионала и шрам на лбу.

— Думаю, как бы выбраться отсюда, — наконец ответил Эрик.

Мужчина язвительно фыркнул:

— Вам не дадут выбраться отсюда. Это точно.

— Что, вы пробовали?

— Нет. Мне это тем более не удастся. Над моими ногами они потрудились на славу.

Эрик окинул взглядом собственные ноги:

— Мои вроде как в порядке.

— Похоже на то, что ноги — единственное, что у тебя в порядке. Ложись-ка обратно, пока не упал.

— Даже если я упаду и не смогу встать, то потяну за шнур и вызову медсестру.

— Никто не придет. Никому до тебя дела нет.

— Почему?

— В изножье твоей кровати на планшете прикреплена зеленая карточка.

— А, точно. Слышал про это. Низкий приоритет.

— Отсутствие приоритета, — поправил Эрика собеседник. — Я в той же самой категории. Мы с тобой оба оказались в списке на утилизацию. Решат, что мы можем на что-нибудь сгодиться, — оставят нас в живых на какое-то время, если мы будем хорошо себя вести. Ну а если не будем — тогда нам крышка.

Медленно и осторожно Эрик улегся на кровать.

— Да, ты правильно делал, что выступал против этого местечка, — проговорил он.

— А, так ты меня видел!

— Когда входил в больницу. Рядом с главным входом вы вместе с женщиной размахивали флагами. Дама попросила меня подписать ходатайство.

— Она моя жена. И тоже где-то здесь.

— Неужели они схватили вас прямо на улице?

— Они не настолько глупы. К сожалению, они не глупы вовсе. Нас пригласили обсудить наши возражения с доктором Стренгхейвер, одной дамой из здешнего руководства.

— А вы знали, что на самом деле здесь происходит?

— Нет, конечно. Каким образом?

Эрик задумался ненадолго, потом спросил:

— Вы с женой являетесь членами официальной группы протеста?

— Ты хочешь спросить, членами организации, которая могла бы заняться нашими поисками? Доктор Стренгхейвер тоже задала этот вопрос одним из первых. Но, увы, мы с Дженни представляли лишь самих себя. У нас даже организация официально не зарегистрирована, в ней нет больше членов. Когда доктор Стренгхейвер узнала об этом, сразу спросила, не хотим ли мы выпить по чашечке кофе. Мы простояли на улице с самого утра, поэтому согласились. На вкус кофе был обычный. Случилось все это три недели назад, и с тех пор я Дженни не видел. Хотя мне сказали, что она тоже здесь, и у меня нет причин не верить.

— Три недели! Не может быть! Я нахожусь здесь восемь дней, а вы с Дженни, должно быть, попали сюда сразу вслед за мной.

— Они вам сказали, что прошло восемь дней?

— Медсестра из отдела ухода и комфорта.

— Думаю, им нравится дурачить нас, — подытожил мужчина с носом боксера, тяжело перевернулся на спину и закрыл глаза. Почти тотчас же он захрапел.

Возможно, звуки храпа потревожили человека с другой кровати, поскольку он, не поворачивая головы, принялся сучить ручонками и тыкать в воздух маленьким кулачком, словно парировал удары невидимого противника, зависшего над ним прямо в воздухе. Бинты съехали, обнажив бледную кожу с пятнами цвета вареного омара. Вскоре он затих и вновь натянул одеяло на плечо, но время от времени опять принимался дергаться, словно что-то заставляло его царапать самого себя. Поскольку ничто в палате не могло привлечь его интереса, Эрик лежал и смотрел, как большеголовый мужчина с маленьким тельцем расчесывает зудящую кожу, натаскивает одеяло на себя и подтыкает под шею, потом снова принимается чесаться и добирается до груди. Одеяло сползло дюйма на три, когда задремавший было Эрик внезапно сел и широко распахнул глаза, потому что на секунду оттуда появилось нечто, что никак не могло быть человеком, если только он не прятал в простынях серую и очень волосатую руку.

Кто бы ни лежал в той кровати, он схватился за край одеяла и натянул до самой головы. Послышался негромкий, но настойчивый чирикающий звук. Человек принялся было вновь отчаянно чесаться, затих, и тогда из-под одеяла рядом с его ухом показалась маленькая остренькая темная головка, внимательно озиравшаяся вокруг. Зверек повернул усатую мордочку в сторону Эрика, почувствовавшего взгляд смурных черных бусинок глаз, хотя невозможно было определить наверняка, что привлекло внимание животного.

Эрик громко выругался и принялся жать на большую красную кнопку вызова медперсонала.

Мужчина, с которым Эрик недавно разговаривал, перестал храпеть, что-то залопотал, проснулся и отрывисто сказал что-то невразумительное. Окончательно придя в себя, он спросил:

— Что с тобой на этот раз? Если тебе больно, то я ничем не могу помочь.

— Дело совсем не во мне. — Эрик указал на третью кровать. — Там что-то такое...

Мужчина не ответил, лишь насмешливо смотрел на Эрика, который, как ему казалось, вел себя чрезвычайно эксцентрично.

— Какое-то животное, — стоял на своем Эрик. — Крыса — я уверен, что на той кровати именно крыса.

— А, вот и еще одна. Они пробираются из старой части больницы, из подвалов викторианского здания. Десять лет назад Совет на неделю закрыл здание и дал команду группе по дератизации вытравить их, но, стоило больнице открыться вновь, через несколько дней крысы были тут как тут как ни в чем не бывало. Они размножаются в подвалах, и, чтобы действительно разделаться с ними, придется выложить целое состояние: в нижних помещениях устроены склады, куда на протяжении ста пятидесяти лет сносят всякий хлам. Периодически руководство больницы пытается вывести крыс или, что случается гораздо чаще, всеми силами старается замять проблему и сделать вид, что крыс вовсе не существует, но они размножаются со страшной скоростью. Если бы пустить

затраченные на отделение Сэмюеля Тейлора деньги на модернизацию подвалов и оборудование их новейшей складской системой, грызунам пришлось бы отступить. Вот, например, поэтому мы с женой так невзлюбили отделение СТ. И решили заявить свой протест во всеуслышание.

В голосе мужчины стремительно нарастал гнев, затихший вместе с последними словами.

Эрик вспомнил темно-коричневые «семена», которые заметил в горшках с растениями под куполом и положил в карман пиджака. Крысиное дерьмо! Видать, зверюгам пришлась по вкусу сочная зелень.

— Почему же никто не ставит капканы, не травит их? — поинтересовался он.

Казалось, вопрос позабавил мужчину, но смеха не последовало. Он лишь ответил:

— Ты здесь уже достаточно долго, не следует задавать столь глупые вопросы. Сомневаюсь, что здешним медикам есть дело до крыс. Ты мог бы заметить, что все они здесь немного... заняты.

Слушая соседа по палате, Эрик заметил, что крыса, испугавшаяся его крика и спрятавшаяся обратно под одеяло, показалась опять, на этот раз уже осмелев. Зверек поднял голову, беспечно взобрался на подушку, пробежал в конец кровати и уверенно, явно следуя проторенным путем, спустился на пол. Потом не спеша, лениво переваливаясь жирным тельцем на тонких черных лапках, прошествовал по сияющему полу и шмыгнул в маленькую щелку под дверью.

— Кости словно резиновые, — прокомментировал сосед Эрика. — К тому же умны. Везде пролезут.

— Не хотелось бы очутиться с такой зверюгой в одной постели.

— Не бойся, пока не сунутся. Ты еще порядком живой. И я тоже, тогда как вот он, — мужчина ткнул пальцем в укутанную фигуру на третьей кровати, — едва шевелится уже сколько дней, разве только паникует во сне, когда они к нему лезут. Крысы могут делать с бедолагой все, что угодно. Впрочем, как и любой другой. А ты их не бойся.

Однако следующие несколько часов Эрик провел настороже, широко раскрыв глаза, готовый заметить малейшее движение.

Голос доктора Стренгхейвер звучал совсем по-иному, он стал более хриплым, менее монотонным и механически верным. Очевидно, что-то взволновало доктора.

Она очень сдержанно и спокойно поговорила по мобильному телефону, но, как только закончила разговор, стало ясно, что ей просто необходимо дать выход охватившему ее глубокому волнению.

— Все изменилось,— отчеканила доктор, схватив коллегу — еще одного мужчину в белом халате, но гораздо выше предыдущего ассистента — за плечо и впившись в него темно-красными ногтями.

— Почему?

— Сейчас не могу вдаваться в подробности. Времени нет. Но случилось нечто серьезное, и наши спонсоры решили, что следует принять всех преуспевающих граждан, лично обратившихся к нам, гораздо раньше намеченного срока. А именно — сегодня.

— Но ведь не всех, конечно?

— Вероятно, начнем с красной и с синей категорий.

— Ага, с «денежных мешков».

— Верно. Сначала разместим их, а потом посмотрим, скольких из желтой категории мы сможем принять. Предполагается, что их будет слишком много, поэтому примем лучших. Статистический департамент как раз сейчас отбирает наиболее достойных. Но не это важно в данный момент, а то, что следует сделать все возможное, чтобы достойно встретить лавину сегодняшних пациентов.

— Благополучно примем и припрячем.

— Вот именно это важно.

— Значит, в воздухе запахло паленым.

— Да нет, профессор Морган, так уже продолжается довольно долго, но сейчас то, что прежде направляло огонь поверху, собирается попасть в цель и более не стрелять холостыми. Именно сегодня, как считает наша разведка.

— Пришло время и нам начать действовать.

— Точно. Здесь мы будем в безопасности, уединившись с нашими тщательно отобранными пациентами, с достаточными запасами всего необходимого для длительной осады.

— Если до этого дойдет.

Стренгхейвер вытащила из кармана скатанный в трубочку листок и несколько раз жадно откусила от него.

— Профессор Морган! — Теперь ее голос звенел восторгом. — Если бы вы только знали, как я надеюсь, что именно так и случится! Тогда у меня в руках окажется огромный материал для проведения исследований. Это станет кульминацией моей карьеры!

Когда доктор Стренгхейвер пять минут назад вошла в палату, Эрик закрыл глаза, уверенный в том, что при ней никакие грызуны не осмелятся появиться в палате и воспользоваться его неподвижностью. Чтобы не привлекать к себе внимания, он притворился спящим, но в этом не было необходимости, потому что, ответив на звонок, доктор воистину потеряла связь с действительностью и погрузилась в вымышленный мир собственных грез.

— Пойдемте же со мной, Морган, — кокетливо позвала Стренгхейвер. — Вы нужны мне. Весь штат отделения должен собраться под куполом. Я собираюсь раздать всем распоряжения.

Голоса доктора не было слышно, и Эрик открыл глаза. С торжествующим видом Стренгхейвер тянула профессора за руку, словно вытаскивала его на отмель после того, как спасла с тонущего корабля.

Как только голоса врачей затерялись вдали, бывший митингующий с соседней кровати спросил:

— Заметил, что они упомянули красные, синие и желтые карточки, а про зеленые ничего не сказали?

— Я тоже сразу обратил на это внимание, — ответил Эрик.

Перекинувшись этими фразами, оба исчерпали желание к общению на несколько часов.

Именно Эрик первым наконец прервал затянувшееся молчание:

— Да что, черт возьми, там происходит? — Он показал на третью кровать, где под одеялом ближе к изножью кровати творилось что-то невообразимое.

— Опять крыса, — спокойно ответил мужчина.

— Должно быть, преизрядного размера.

— Точно, — согласился сосед по палате. — Я и не знал, что бывают такие здоровенные. Что ты делаешь?

Эрик свесил ноги с кровати и уже доставал иглы капельниц из вен.

— Я собираюсь взглянуть на крысу. И посмотрю, не могу ли я чем-нибудь помочь бедняге.

— Ему уже не помочь, поверь мне. А если ты отсоединишь капельницы, то вскоре станешь похож на него и помрешь — лекарства поддерживают твою жизнь.

Справившись с иглами, Эрик встал и, покачиваясь, побрел прочь от своей кровати.

— Может, так, а возможно, и нет. Но вот в чем я уверен наверняка: Стренгхейвер в любом случае прикажет отключить нас от всех аппаратов, причем скорее раньше, чем позже.

— Ну да, мы же «зеленые». Мне тоже пришло в голову, что такую возможность никак нельзя исключать.

— Не просто возможность. Ты же слышал, что сказала Стренгхейвер. Так что это неизбежность.

Добраться до третьей кровати оказалось не так сложно, как казалось вначале. Эрик уселся в изножье, где по-прежнему продолжалась непонятная суматоха и возня. Вытащив уголок одеяла из-под матраса, он осторожно приподнял его.

Там оказались две крысы: одна на другой. Нижний грызун сидел смирно, и Эрику показалось, что на его мордочке застыло задумчивое выражение смирения, как на лице монашки. Верхний же яростно сгорбился и усердно работал всем телом, выражение его усатой морды было совсем другое. Зверек посмотрел вверх, на Эрика, оскалился и рыкнул, затем словно забыл про него и продолжал заниматься своим делом.

— Здесь парочка, — отчитался в наблюдениях Эрик. — Огромные! Знаешь, чем они занимаются?

— Лучше скажи, как *он*?

Эрик приподнял одеяло еще немного.

— О боже! — вырвалось у него, а левая рука непроизвольно взметнулась вверх, чтобы зажать рот.

Быстро опустив одеяло на место, он вспугнул крыс и, ошеломленный, пошатываясь, встал на ноги.

— Что, нехорошо? — поинтересовался любитель митингов.

— Если он еще не мертв, то уж лучше бы умер.

Обойдя вокруг постели, Эрик склонился к усохшему человечку — наклоняться было мучительно больно — и внимательно вгляделся в лицо страдальца.

— Как он выглядит?

Эрик, на мгновение потерявший дар речи, лишь покачал головой.

— Что, так плохо?

— Мне показалось, что я, быть может, знаю этого человека.

— И что?

— Никак не могу понять. Наверное, ошибся.

Эрик вернулся к своей кровати и сел на сухой краешек, еще не пропитавшийся жидкостью, вытекавшей из одной капельницы. Внимательно осмотрел свое тело, абсолютно голое за исключением повязок на груди и животе, и увидел, что проделанные в нем маленькие дырочки кровоточат не так сильно. А некоторые уже заживали. Пока он чувствовал себя весьма сносно. Конечно, он был очень слаб, но зато голова соображала гораздо лучше, чем прежде.

Эрик и не заметил, что за последние полчаса в коридоре бурлила жизнь, оттуда доносились все возрастающий шум и разговоры. Он уже было собрался приоткрыть дверь и выглянуть наружу, чтобы понять причину такого гвалта, когда обе створки внезапно распахнулись прямо перед его носом и в палату, двигаясь прямо на него, вкатилась тележка с большими чемоданами, принадлежащими — сразу видно — очень состоятельным людям. Толкающий весь этот груз санитар согнулся чуть ли не вдвое и поднял голову, только когда собрался загнать тележку в заранее выбранное место между стеной и кроватью. Тележка катилась прямо на Эри-

ка, которому пришлось неловко отскочить и спешно забиться в угол, но санитар все равно не смог заметить его, потому что был невысок ростом, а груда багажа возвышалась огромной горой. К счастью, тележка остановилась в футе от стены. Эрик боялся, что если она врежется в него, то швы разойдутся и его просто-напросто буквально разорвет пополам.

Санитар вышел в коридор, но сразу же вернулся с другой такой же тележкой. С трудом проталкивая ее через двери, он крикнул кому-то в коридоре:

— Здесь еще много поместится!

— Отлично,— ответил женский голос.— Заберете их позже, когда мы займемся конфискацией имущества. Сейчас же ваша задача состоит в том, чтобы обеспечить красным картам беспрепятственное продвижение по коридору к палатам отсека Е. — Голос принадлежал доктору Стренгхейвер, и по нему несложно было догадаться, что дама наслаждается происходящим.

Эрик притаился в углу еще на пять минут, пока носильщик завозил в палату доверху груженные тележки, потом двери наконец-то закрылись, и он смог пробраться к своей кровати.

Сразу видно, багаж паковали второпях. Многие чемоданы не были нормально закрыты, некоторые даже раскрылись в пути. Эрик заглянул в ближний: там оказались вещи тучной пожилой дамы. Он отодвинул его в сторону и наугад заглянул в следующие. Во всех находилось примерно одно и то же, но весьма удивительно было найти кожаную сумку на молнии с пачками банкнот крупного достоинства, перетянутыми резинкой. Искушение было велико, но, сообразив, что в его теперешнем положении от денег никакого проку нет, Эрик переключил внимание на другую тележку с сумками.

Товарищ по палате некоторое время молча наблюдал за его действиями и наконец спросил:

— Что это ты делаешь? Воруешь? Похоже на то, что со знанием дела. Профессионал, да?

Эрик не стал отвечать, ибо нашел то, что искал: полный чемодан мужской одежды. Он вытащил вельветовые джин-

сы и прикинул на себя. Брюки показались ему на дюйм или два длиннее, чем нужно, но Эрик решил все же примерить их, что оказалось весьма сложной и болезненной операцией. Стоило только наклониться вперед, пытаясь натянуть штаны, как все тело заполонила острая боль, и Эрик громко вскрикнул. Когда боль отпустила, он понял, что в таком положении одеться не получится. Тогда он лег на спину, подтянул колени к животу и накинул брюки на ступни. Затем брыкнул ногами, и штанины скользнули вниз.

Когда Эрик застегнул молнию, с соседней кровати послышались аплодисменты и спокойный голос произнес:

— Браво. Просто изумительно. Ты собрался попытать счастья и выбраться отсюда.

— Сейчас самое время. Пока в коридоре творится черт знает что.

Извиваясь, Эрик влез в рубашку и застегнул на несколько пуговиц, сверху натянул пиджак. Надеть носки не представлялось возможным, поэтому он бросил на пол пару ботинок без шнурков и постарался надеть их на голые ноги.

— До старой больницы путь недалек. Доберусь туда и подниму тревогу.

— Думаешь, тебя станут слушать?

— Почему бы нет?

— Да ты посмотри на себя. Ты выглядишь как буйно помешанный. Небритый, глаза горят, волосы всклокочены, на рубашке уже расплылись пятна крови, а пиджак тебе так мал, что локти неестественно вывернуты.

Эрик лишь едва заметно пожал плечами — на большее в его теперешнем положении рассчитывать не приходилось — и выскользнул из палаты.

Радовало столпотворение в коридоре. Медперсонал в униформе различных цветов, много хорошо одетых граждан. На первый взгляд создавалось впечатление абсолютной сумятицы, но вскоре Эрик понял, что большинство, казалось бы беспорядочно двигающихся, людей знают, что делают и куда идут. Санитары и прочие помощники, нагруженные багажом, пробирались сквозь толпу, не обращая ни на что внимания, им хотелось лишь добраться до места назначения и скорее

выполнить работу. На отделении царила атмосфера, напоминающая железнодорожный вокзал или стойку регистрации огромного аэропорта. В самом деле, люди в штатском выглядели или просто счастливыми, или откровенно ликующими, словно они отправлялись на отдых в райский уголок. Даже инвалиды на костылях или в креслах-каталках — а таких было много — радостно рассматривали голые серые стены и, казалось, ликовали при виде нового дома.

Проходя мимо одного из коридоров, ведущих к куполу, Эрик обратил внимание на то, что в нем менее людно, и решил свернуть туда, пересечь помещение по диагонали и выйти с другой стороны. Чувство направления подсказывало, что именно там ему удастся отыскать выход из отделения Сэмюеля Тейлора. Несомненно, он пришел именно оттуда.

Под куполом выстроились очереди, ведущие к полудюжине письменных столов. Очереди обвили ныне какую-то потрепанную и существенно поредевшую коллекцию растений и перегородили собой все. Эрику пришлось обходить их. Тревожило и сбивало с толку мечущееся под куполом эхо, повторяющее голоса толпы бесчисленное множество раз. Вокруг Эрика плясали обрывки фраз, напоминавшие стук костей и каучуковых мячей, порождая все новые и новые отражения звука, словно мозг глухим набатом звучал в черепе. Он зажал уши ладонями, но акустический кошмар не прекращался. Кроме того, чтобы не беспокоить раны, приходилось идти ссутулившись, ноги дважды или трижды не слушались его, и несколько шагов он проделал боком. Похоже на то, что пока никто не обратил на него особого внимания, но Эрик знал, что, если он споткнется и упадет, встать будет не так-то просто. Может быть, подняться вообще не получится.

Вероятно, была ночь — прозрачный купол тонул во тьме, искусственного освещения не хватало. Эрик пробирался вперед, держась поближе к стене и касаясь ее тыльной стороной левой руки, словно слепец. Рука повисла в воздухе, значит, Эрик дошел до нужного прохода на другой стороне, и он с облегчением свернул туда.

Снова попав в кольцевой коридор, Эрик оказался среди еще большего столпотворения и не сразу понял, что само по себе для него это означало благую весть, потому что люди шли по направлению к нему, а потом расходились кто направо, кто налево. Вновь прибывших встречали работники отделения, затем, в соответствии с имеющимися на руках пациентов красными и синими карточками, их направляли в ту или иную сторону. Если все эти люди здесь входили на отделение, значит, Эрику надо как раз туда, вперед, на выход.

Он влился в идущую навстречу толпу, ему не желали или не могли уступать дорогу, поэтому Эрику пришлось лавировать между людьми. Это получалось с трудом, к тому же время было дорого и приходилось спешить. От частых поворотов закружилась голова, фокусировать взгляд становилось все труднее. Пройдя всего несколько ярдов, он наткнулся на человека, катившего инвалидное кресло, и, чтобы не упасть, ухватился за руку первого попавшегося — высокого седобородого мужчины, за что тут же получил пощечину. Сзади раздался резкий окрик, и Эрик догадался, что это ему приказывают остановиться.

Немудрено, что, двигаясь против потока поступающих на отделение пациентов, он привлек внимание персонала, встречающего вновь прибывших. Эрик понадеялся на то, что все очень заняты, а потому оставался некий шанс пробраться незамеченным. Но теперь из-за своей неуклюжести он все-таки привлек к себе внимание. Решив не оборачиваться, поскольку это грозило потерей равновесия и падением под ноги напирающей толпы, Эрик с удвоенной силой поспешил вперед, ведь в погоню мог броситься кто угодно.

Ему удалось беспрепятственно пробраться вперед и свернуть в коридор, который он вроде бы помнил по пути на отделение. Толпа поредела. Пока никто его не схватил, значит, преследователи раздумали за ним гнаться.

Эрик пытался сообразить, где заканчивается территория отделения Сэмюеля Тейлора, наверняка недалеко, как вдруг откуда-то издалека, явно не с территории больницы, раздался звук взрыва, и здание больницы содрогнулось. Пол заходил ходуном, впереди послышался звук вибрирующего стекла,

и нечто тяжелое свалилось на пол. Еще один взрыв, ближе и громче. Некоторые остановились в нерешительности и переглянулись, им явно хотелось скорее получить объяснение нарушению спокойствия и порядка. Другие с удвоенной скоростью поспешили вперед. Самые боязливые нервно оглядывались назад и звали на помощь.

Эрик не обратил на взрывы никакого внимания и упорно шел вперед. Он уже не так торопился, решив дать себе передышку и сэкономить оставшиеся силы. Снаружи не доносилось беспокоящих звуков, ничто не мешало продвижению вперед, спешащие к отделению люди тревожились о неведомых взрывах и практически не замечали странно одетого, окровавленного и, возможно, ненормального незнакомца, который, покачиваясь, шел им навстречу.

Теперь он оказался в хвосте вновь прибывших, и вот уже никто не спешит навстречу. Куда идти — непонятно. Постепенно смысл происходящего начал доходить до Эрика, давая и без того измученному мозгу новый источник страдания. Тут Эрик заметил впереди калейдоскопический сполох ярких цветов, который витал в воздухе. Испугавшись, что дошел до последней степени утомления и теперь галлюцинирует, Эрик потер глаза рукавом скверно сидящего пиджака и снова посмотрел вперед.

Он помнил, что последние постеры на стенах старой больницы рекламировали незабываемый отдых в Ирландии: красочные фотографии парков и пляжей заманивали потенциальных туристов. Эрик их запомнил, потому что в прошлом году останавливался в одном из отелей с яркой картинки.

И сейчас он смотрел именно на эти постеры, висящие на стене всего в нескольких ярдах. Глаза, за долгое время привыкшие к равномерно-серому цвету, не сразу смогли воспринимать яркие краски.

Еще немного, и отделение Сэмюэля Тейлора осталось позади. Эрик замедлил шаг, прислонился к стене рядом с постерами и нежно коснулся ближнего дрожащей рукой.

Первой мыслью Эрика было послать подмогу соседу по палате и прочим, кто еще мог остаться в живых на отделении. Выполнив это, можно будет и самому получить меди-

цинскую помощь и сделать одну простую вещь, о которой он мечтал в первую очередь, — уснуть.

Эрик заставил себя оторваться от стены и снова двинулся в путь. Шел он недолго, когда свет мигнул и погас секунд на тридцать. Из соседних палат послышались испуганные крики. Свет загорелся вновь.

В темноте Эрик все равно продолжал путь без остановки, вытянув руки перед собой. Когда загорелся свет, он оказался рядом с открытой дверью в детскую палату, где царило лихорадочное возбуждение. Эрик тут же понял, что детей эвакуируют. Медсестры пытались вывезти кровати с изрядно напуганными детьми в коридор. Первая кровать уже появилась из дверей совсем рядом с ним, когда причина паники стала очевидна.

Крысы. Штук шесть крупных зверюг суматошно носились по полу и скакали по кроватям. Медсестры пытались затоптать их, но пока из строя удалось вывести только одно животное, да и то не было мертво.

Появилась высокая женщина с лицом хищной птицы. Пробежав мимо Эрика, она крикнула находящимся в детской палате медсестрам, что распоряжения опять изменились.

— Приказано оставить пациентов в палатах, — добавила она.

Все, как одна, медсестры были против.

— Конечно же, я знаю про крыс. — Дама едва ли не кричала. Она явно была из администрации. — Но в данном случае приходится выбирать меньшее из двух зол. За пределами больницы что-то происходит. Никто не знает, что именно, но неприятности явно серьезные, поэтому вас просили остаться с детьми здесь. Вы знаете порядок действий при чрезвычайных обстоятельствах. Закройте двери и окна и не открывайте, пока не разрешат.

И она начала заталкивать выехавшую из дверей палаты кровать обратно.

Эрик решил, что тут он ничем помочь не сможет, а медсестры, в свою очередь, не в состоянии оказать помощь ему. Поэтому, следуя появившимся указателям «выход», он побрел дальше.

Шум и беготня по коридору возрастали чем дальше, тем больше, и вскоре обстановка напоминала недавнее столпотворение на отделении Сэмюеля Тейлора, если не хуже. Похоже на то, что шел час вечерних посещений, потому что вновь в палатах находились семьи и друзья больных, только атмосфера была совершенно другая. Сотрясение пола под ногами и мигающий свет всполошили посетителей, которые подчас выходили из палат родственников, чтобы друг с дружкой обсудить возможные причины беспорядков. Некоторые, привлеченные воем многочисленных сирен, высыпали в коридор и выглядывали в окна, всматривались во тьму и сообщали лежащим в палате о том, что на улицах полно полицейских и машин «скорой помощи». С верхних этажей больницы открывался прекрасный вид на большой район города.

— Проехали пожарные машины, но дыма я не вижу, — говорила женщина. — И запаха гари не чувствуется.

— Кое-где нет электричества, — вторил ей мужчина. — Разве что это, но больше поводов для беспокойства я не наблюдаю.

Эрик зашел в одну из палат и попросил медсестру помочь ему. Он распахнул пиджак, чтобы она увидела кровь, выпачкавшую всю рубашку. Однако ожидаемой реакции не последовало. Медсестра подозрительно и раздраженно взглянула на него.

— Кто вы такой? — требовательно вопросила она. — Что с вами произошло?

Эрик начал рассказ, но вскоре понял, что понапрасну тратит свои слова и время медсестры. Рассказ даже ему самому показался маловразумительным, и в глазах собеседницы закипало раздражение. Женщина нетерпеливо махнула рукой, прервав его:

— Достаточно. Пожалуйста, уйдите отсюда. Мне бы не хотелось, чтобы вы оставались в моей палате. Пациенты и без того расстроены. Вы так выглядите, что им может стать еще хуже.

Эрик быстро осмотрел себя. Он совсем позабыл, каков с виду.

— Я вижу, что вы поранились. — В голосе медсестры послышалась теплая нотка. — Но здесь вам не смогут оказать помощь. Мы не имеем права лечить вас. Вам надо пройти в отделение травмы и скорой помощи на первом этаже. — Положив руку ему на плечо, она подтолкнула Эрика к двери и наконец-то вернулась к своим прямым обязанностям по поддержанию порядка.

Эрик вышел из палаты и, спотыкаясь, побрел вперед. Наконец он нашел лифт рядом с лестницей, ведущей вниз. Тут же стоял взволнованный санитар. Эрик поинтересовался у него, что происходит.

— Понятия не имею, — пожал плечами санитар. — Меня тут поставили стоять на страже, чтобы люди не застряли в лифте, если опять отключится электричество.

— Не думаю, что смогу спуститься по лестнице.

— Я вижу, что вам нехорошо.

— Если лифт работает, я бы рискнул.

— Спуститься вниз, вы хотите сказать? Не могу вам этого позволить.

— Скоро я свалюсь и уверен, что уже не встану. — Эрик опять распахнул пиджак. — Мне надо добраться до отделения скорой помощи.

Служащий взглянул на грудь Эрика и аж присвистнул:

— Ну и ну.

— Точно, — подтвердил Эрик.

Служащий огляделся по сторонам, пораскинул мозгами и вызвал лифт. Двери тут же открылись.

— Это на первом этаже.

— Скорая?

— Ага. Такой же санитар встретит вас на выходе из лифта. Скажите ему, что Кев Найлор разрешил вам спуститься.

— Спасибо.

— Прямо перед собой увидите отделение скорой помощи.

Пока лифт скользил вниз, Эрик размышлял над последними словами служащего. Они звучали дивной музыкой!

В лифте вместе с ним ехала крыса. Старая, паршивая, тощая крыса с заломом на некогда поврежденном хвосте.

На человека она не обращала внимания, только пару раз принюхалась подвижным носом. Наверное, почуяла запах крови, решил Эрик. Крыса стояла у дверей и первой выскочила из лифта.

Они по очереди предстали перед удивленным санитаром, который хотел было остановить Эрика, пока не узнал, что тот пользовался лифтом с дозволения Кева Найлора. Санитар задумчиво потер шею, но все же задерживать Эрика не стал.

— Гадкие твари, — бросил служащий вдогонку удирающей крысе. — Что это на них вдруг нашло. Бывало, увидишь порой одну или двух, трусливо крадущихся в темных уголках, но в последние недели они повсюду, и плевать им на людей.

— Может, съели чего-нибудь, — предположил Эрик.

— Я точно говорю, — продолжал речь санитар. — Они храбры, как львы.

Через несколько секунд после того, как закрылись двери лифта, освещение снова мигнуло и потухло уже насовсем.

В окутавшем больницу мраке Эрик все же видел, что весь приемный покой отделения скорой помощи беспорядочно забит носилками, стоящими под всевозможными углами, словно вагоны пущенного под откос поезда. На каждой каталке лежало полностью одетое тело с руками и ногами во всевозможных положениях, словно всех их заморозили в разгар напряженной физической деятельности. На лицах застыли похожие гротескные выражения, отражающие всевозможные степени психического и физического страдания. Среди носилок сгрудились ошеломленные, испуганные люди, шарившие взглядом в поисках знакомых лиц. Большинство распростертых на каталках людей не шевелились и, как предположил Эрик, были мертвы, но некоторые порой заходились кашлем в мучительных судорогах. Воняло рвотой и еще какой-то неведомой дрянью.

Носилки стояли так плотно, что и здоровому-то протолкнуться среди них было невозможно, и Эрик понимал: в его состоянии добраться до процедурных кабинетов от-

деления не получится. Силы были на исходе. Ноги сделались словно ватные, а при движении он весь раскачивался, словно гутаперчевый.

Зная, что на этот раз он наверняка вот-вот свалится, если не получит медицинской помощи, Эрик оглянулся в поисках места, куда можно было бы присесть и немного отдохнуть. На всех выстроившихся вдоль стен приемного покоя стульях расположились недвижимые тела, поэтому он вернулся назад к лифту и направился к пустынной стойке регистратуры рядом с главным входом. Путь неблизкий, но Эрик счел, что в здании пытать счастья бесполезно и с тем же успехом он может попробовать отыскать помощь снаружи. Никакой паники не было и в помине, но повсюду бесцельно бродили растерянные люди, и создавалось впечатление, что никто ни за что не отвечает. Эрик пробирался среди полнейшего хаоса до тех пор, пока не заметил батарею под большим окном, и рассудил, что радиатор находится как раз на подходящей высоте и на него можно присесть.

К окну прижались люди, пытающиеся разглядеть, что происходит на улице. Эрик присоединился к ним и прислонился к батарее, претендуя на некую ее часть. Отодвинув в сторону пару небольших горшков с растениями, похожими на те, что росли под куполом, — вероятно, их черенки, — он уперся локтями в подоконник и перенес на них вес. За окном пронзительные огни патрульных и санитарных машин выписывали стробоскопические стаккато, и из-за этого невозможно было как следует разглядеть да и вообще увидеть, что делается на подходах к отделению скорой помощи и главному входу административного здания больницы. Брошенные снаружи машины стояли на месте, никто в них не садился и не выходил из них.

Кто-то из находящихся рядом сказал:

— Я пытался выйти через главную дверь, но не смог. Закрыта.

— И даже опечатана, — подтвердила женщина почему-то довольным тоном. — Ситуация чрезвычайная. Медсестра мне сказала, что больница находится в боевой готовности.

Другая женщина обеспокоилась не на шутку:

— Но мне нужно идти домой, к детям! Где опасность? В чем? Знает ли кто-нибудь?

— Террористы.

Все единодушно сошлись во мнении, что поблизости взорвались бомбы.

Эрик почувствовал, как что-то коснулось голой щиколотки, затем острая боль пронзила ногу чуть выше левой ступни. Отвернувшись от окна, он лягнул крысу другой ногой и даже попал по ней, но ничего хорошего из этого не вышло, потому что вместе с последними силами он заодно потерял равновесие и понял, что падает. Он попытался схватиться за что-нибудь, чтобы хоть как-то удержаться на ногах, но смог уцепиться лишь за маленькое растение в горшке, которое увлек за собой.

Падал он медленно и на пол осел мягко. Просто соскользнул с батареи, и вот он уже на полу, левой рукой прижимает растение к груди. На стебельках оказалось множество коротких острых шипов, которые теперь вонзились в пальцы и ладонь. Свободной рукой Эрик попытался избавиться от них, но лишь глубже загнал шипы в кожу, поэтому оставил все как есть.

Стоящая рядом женщина завизжала так, словно ее жизни угрожала смертельная опасность, но Эрик решил, что, скорее всего, она всего лишь испугалась крысы. И точно.

— Боже мой, что-то пробежало по моей руке! — воскликнула она и, отшатнувшись назад и споткнувшись о ноги Эрика, упала прямо на него.

Но боли Эрик не почувствовал.

Вскоре после того, как он ухватился за стебель растения, рука начала неметь, а вслед за ней — грудь и все тело. Он прикрыл глаза, и на какое-то мгновение ему показалось: он снова в палате, из капельницы мерно сочится обезболивающее... Даже ностальгия накатила. Интересно, сделал ли он ошибку, что вылез из постели.

— Простите,— извинилась женщина, встала на ноги и стала звать какого-то Джона.

Джон отозвался:

— Энн, я здесь, у дальнего конца окна. Иди-ка сюда, взгляни. — Его голос звучал спокойно.

Судя по всему, мужчину абсолютно не волнует происходящее в главном здании больницы. Такой голос мог бы быть у орнитолога, который увидел редкую певчую птицу и осторожно зовет товарищей, опасаясь ее спугнуть.

Женщина торопливо отошла от Эрика и присоединилась к Джону.

— Посмотри, — продолжал спокойный голос. — Я было подумал, что все куда-то подевались, но у ворот какое-то движение. Видишь?

— Нет, не вижу, — отвечала Энн. — Я только что упала. Очки, должно быть, слетели.

Джон сочувственно хмыкнул и опять переключился на происходящее:

— Да, там точно что-то происходит.

В беседу включился еще один мужской голос:

— Так что же?! Да что же, наконец, происходит? По подъездной аллее едет машина. Ну и огромная! Никогда таких не видел.

— И мы тоже, — согласился Джон. — Наверное, военная. За ней идут люди. Много. В защитной одежде.

— Думаю, произошла атака бактериологического оружия или отравляющих веществ. У них маски под шлемами.

— Наверное, это полицейские или военные. Надеюсь, скоро все будет под контролем.

Энн опять нервно взвизгнула и пугливо сказала:

— Джон, с каждой минутой крыс становится все больше и больше. Я слышу, как они копошатся вокруг нас. Думаю, они лезут из метрополитена.

— Энн, — по-отечески успокаивал ее Джон, происходящее снаружи поглощало все его внимание, — не волнуйся, они тебя не съедят.

Второй мужчина, собеседник Джона, слегка взволнованно комментировал:

— Этот чертовски огромный грузовик, или что это там такое, подъезжает уж очень близко.

— Да нет, думаю, он уже останавливается.

— Точно. И кто-то выходит оттуда.

Мужчины замолчали. Через некоторое время Джон спросил:

— Вы не видите, что написано на машине? У меня зрение не многим лучше, чем у Энн. Там два слова, и первое начинается с «П», но не похоже, что написано «полиция».

— «Порлок» там написано, — ответил второй. — «Фонд Порлок». Не знаю, что это.

— Я тоже не слышал, — недоуменно пожал плечами Джон. — А ты, Энн?

— Понятия не имею. В первый раз слышу.

— Вероятно, частное охранное предприятие.

— Не важно, кто они, лишь бы вытащили нас отсюда.

— Они так растягиваются и выстраиваются, — озабоченно проговорил безымянный голос, — словно собираются атаковать.

— Просто они хорошо обучены и знают, что делают, — поделился соображениями Джон. — Вид у них очень профессиональный, и экипированы они отменно.

— Если они собираются ворваться с применением силы через окна, например, то осколки разлетятся повсюду.

— А ведь и правда, Энн. — Впервые голос Джона звучал немного встревоженно. — Эти молодцы на самом деле выглядят весьма решительно, словно готовы на все. Может, лучше отойдем от окна?

Эрик, слегка озадаченный подслушанным разговором, ждал ответа. Но если он и был, то Эрик его не услышал.

Снаружи, прямо перед главным входом, кто-то громко свистнул.

Потом Эрик, словно в тумане, увидел, что стоявшие рядом мужчины и женщины беспорядочно отступают вглубь больницы, и был совсем не прочь остаться в одиночестве. Без болтовни только лучше. Ненадолго все стихло, и Эрику это пришлось по душе.

Он сидел, в полном удовлетворении прижимая к себе, скорее даже сжимая в объятиях, маленькое растение. Крысы, деловито снующие вокруг него, вовсе не шутки шутили, но теперь Эрику это было безразлично. Зверюги не смогут

добраться до него. Он ускользал от крыс. Пустился в странствие, уплывал по своей воле.

Когда шум в больнице стих и вновь не возобновился, Эрик вздремнул, но недолго.

Одетые в униформу фигуры ворвались в больницу, вдребезги разбив стекла. Это разбудило Эрика, и он было подумал, что его сейчас спасут, но вскоре понял, что оказался не прав.

Им не было дела ни до него, ни до кого-то еще в здании. Им было приказано освободить крыс.

ДЖО ХИЛЛ

«Бест нью хоррор»

Рассказ Джо Хилла «Призрак двадцатого века» («20th Century Ghost») появился в четырнадцатом выпуске антологии «Ужасы» («The Mammoth Book of Best New Horror»), а позже дал название первому сборнику писателя, выпущенному в издательстве «PS Publishing».

В 2006 году Джо Хилл получил премию Уильяма Кроуфорда как выдающийся молодой автор, а в начале 2007 года выпустил первый роман «Коробка в форме сердца» («Heart-Shaped Box»).

Перу Хилла принадлежит множество замечательных рассказов, в том числе «Бест нью хоррор», в 2006 году удостоенный премии Брэма Стокера. Произведение с таким названием просто не могло не войти в состав антологии «Ужасы».

«В большинстве моих рассказов присутствует элемент фэнтези, сюрреализма или хоррора, — говорит Хилл. — Когда я начал составлять сборник, меня охватило страстное желание как-то объясниться, растолковать причину появления именно этих произведений, а не каких-нибудь подражаний Карверу или историй о депрессивных подростках, с азартом занимающихся саморазрушением.

Я знал, что это желание, эту страсть объясняться, необходимо придушить в зародыше, прибить и сжечь в мусорном баке, пока оно не разрослось и не заставило меня сделать что-то такое, о чем я потом буду сожалеть. И я расправился с ним.

Однако призрак этого желания преследовал меня. Я часто просыпался и обнаруживал его сидящим на краю моей постели, этого рыдающего человечка, завернутого в саван, с упреком глядящего на меня. И в итоге он вынудил меня написать рассказ, который, как я подозреваю, является вовсе не объяснением, а аргументом в защиту определенного рода литературы, нездоровой литературы.

Кроме того, мне казалось, что в сборнике не хватает истории, в которой фигурировала бы цепная пила. Так что „Бест нью хоррор" был обречен появиться на свет».

За месяц до сдачи очередного номера Эдди Кэрролл вскрыл бумажный конверт, и ему в руки выпал экземпляр журнала «Дайджест подлинной литературы Севера». Кэрролл привык получать по почте журналы, которые по большей части назывались как-нибудь вроде «Плясок смерти» и специализировались на литературных ужасах. Авторы присылали ему и свои книги. Кучи этих книг загромождали его бруклинский дом, лежали горами на тахте в кабинете, валялись рядом с кофеваркой. И все без исключения содержали в себе «ужастики».

Никто не смог бы прочитать все это, хотя когда-то Эдди — когда ему было немного за тридцать и он только-только вступил в должность редактора американского издания «Бест нью хоррор» — вполне сознательно пытался. Кэрролл выпустил в печать шестнадцать номеров «Бест нью хоррор», он проработал над этой серией уже треть жизни. А значит, тысячи часов были потрачены на чтение, на просмотр корректур, на написание писем — тысячи часов, которые ему уже не вернуть назад. Он начал испытывать особенную ненависть к журналам с ужасами. Издательства по большей части покупали самые дешевые краски, и он научился ненавидеть то, как эти краски пачкают пальцы, ненавидеть их пронзительный запах.

Теперь он уже редко дочитывал до конца рассказы, за которые принимался, — читать их было невыносимо. Ему делалось дурно при мысли, что придется прочесть еще один рассказ о вампирах, занимающихся любовью с другими вампирами. Он устал продираться через подделки под Лавкрафта и при первом же пронзительно серьезном упоминании о Старших Богах ощущал, как какая-то важная внутренняя часть его немеет, — так теряет чувствительность рука или нога, отлежанная во сне. Он опасался, что этой немеющей частью может оказаться его душа.

В какой-то момент, последовавший за разводом, обязанности редактора «Бест нью хоррор» сделались для него утомительной и безрадостной повинностью. Он подумывал иногда, без особенной надежды, о том, чтобы отказаться от должности, но никогда не задерживался на этой мысли. Ведь

должность означала двенадцать тысяч долларов в год, положенные на счет в банке, краеугольный камень совокупного дохода, полученного с других антологий, выступлений и лекций. Без этого двенадцатитысячного вливания в его жизни неизбежно наступил бы черный день: ему пришлось бы искать настоящую работу.

Этот «Дайджест подлинной литературы Севера» был ему не знаком, журнальчик в шершавой, зернистой обложке, на ней чернильная картинка со склонившимися соснами. Из размещенной на задней обложке информации следовало, что это издание университета Катадин, что на севере штата Нью-Йорк. Когда он раскрыл журнал, из него выскользнуло два скрепленных между собой листа, письмо от редактора, преподавателя английского языка Гарольда Нунана.

Прошлой зимой, писал Нунан, к нему подошел работник из обслуживающего персонала университета, Питер Килру. Он слышал, что Нунана назначили редактором «Дайджеста», поэтому хочет воспользоваться случаем и попросить его взглянуть на один рассказ. Нунан пообещал взглянуть, больше из вежливости, чем по какой-то иной причине. Но когда он в итоге прочитал сочинение «Мальчик с пуговицами: история любви», он был поражен силой легко льющегося языка и ошарашен представленным сюжетом. Нунан был новичком в редакторском деле, он был назначен вместо Фрэнка Макдейна, проработавшего на этом посту двадцать лет, и хотел внести в издание свежую струю, опубликовать что-нибудь такое, что могло бы «сотрясти пару основ».

«И в этом я, судя по всему, преуспел», — писал Нунан. Вскоре после того, как «Мальчик с пуговицами» увидел свет, завкафедрой английского языка вызвал к себе Нунана на приватную беседу и буквально набросился на него с обвинениями, что тот использует «Дайджест» как площадку для «дебильных литературных розыгрышей». Около пятидесяти человек отказались от подписки — это совсем не смешно, учитывая, что журнал издается тиражом всего в тысячу экземпляров, — а одна бывшая выпускница, которая

обеспечивала бóльшую часть бюджета «Дайджеста», в гневе отказалась от финансирования. Сам же Нунан был снят с поста редактора, и Фрэнк Макдейн согласился снова курировать журнал в ответ на мольбы общественности вернуться.

Письмо Нунана заканчивалось так:

«Я остаюсь при мнении, что (какие бы в нем ни имелись изъяны) «Мальчик с пуговицами» замечательное произведение, просто поразительный образчик литературы, и я надеюсь, Вы уделите ему минуту внимания. Признаюсь, лично я был бы „за" обеими руками, если бы Вы решили включить рассказ в Вашу следующую антологию лучших работ в жанре „хоррор".

Я пожелал бы Вам приятного прочтения, но, боюсь, это слово здесь неуместно.

С наилучшими пожеланиями,

Гарольд Нунан».

Эдди Кэрролл только что зашел с улицы, он читал письмо Нунана, стоя в прихожей. Потом пробежал глазами начало рассказа. И застыл, читая, минут на пять, пока не заметил, что ему сделалось неприятно жарко. Он набросил куртку на вешалку и отправился в кухню.

Эдди сидел на ступеньках ведущей на второй этаж лестницы и переворачивал страницы. Потом он развалился на тахте в кабинете, положив голову на стопку книжек, и читал в косом октябрьском свете, не помня, каким образом попал в кабинет.

Он дочитал до конца, затем сел, охваченный непонятным смятением. Эдди подумал, что это, возможно, самая грубая, самая кошмарная вещь, какую он когда-либо читал, что само по себе было примечательно. Он читал грубые и кошмарные произведения бóльшую часть своей профессиональной жизни, и среди этой засиженной мухами, болезнетворной литературной гнили иногда попадались цветы невыразимой красоты, и он не сомневался, что сейчас держит в руках один из них. Рассказ жестокий, извращенный,

и он обязан заполучить его. Эдди вернулся к началу и прочитал рассказ еще раз.

Рассказ был о девушке по имени Кэт — в начале рассказа углубленной в себя семнадцатилетней девушке, — которую как-то раз затаскивает в свою машину великан с желтыми глазами и с металлическими скобами на зубах. Он связывает ей руки за спиной и швыряет ее на пол фургона... где она обнаруживает мальчика своего возраста, которого сначала принимает за покойника и который чудовищно изуродован. Его глаза закрыты парой круглых желтых пуговиц с изображениями улыбающихся физиономий на них. Пуговицы пришиты прямо сквозь веки — которые тоже зашиты стальной проволокой — к глазным яблокам.

Однако, когда машина приходит в движение, то же самое происходит и с мальчиком. Он касается ее бедра, и Кэт подавляет испуганный крик. Он водит рукой по ее телу и под конец добирается до лица. Он шепчет, что его зовут Джим, что он ездит в фургоне великана уже неделю, с того дня, когда тот убил его родителей.

— Он проткнул дырки у меня в глазах и сказал, что видел, как через них вылетела моя душа. Он сказал, звук был такой, как будто дуешь в пустую бутылку из-под кока-колы, забавный звук. А потом он вставил мне в глаза эти штуки, чтобы удержать внутри жизнь. — При этих словах Джим дотронулся до пуговиц с улыбающимися лицами. — Он хочет посмотреть, сколько я проживу без души.

Великан везет их обоих в заброшенный палаточный лагерь в ближайшем национальном парке, где принуждает Кэт и Джима заниматься любовью. Когда ему кажется, что Кэт целует Джима недостаточно страстно, он режет ей лицо и вырывает язык. В следующей затем суматохе: Джим взволнованно кричит, слепо мечется из стороны в сторону, повсюду кровь — Кэт удается убежать в лес. Через три часа она выбирается на шоссе, она бьется в истерике, истекая кровью.

Ее похитителя так и не могут найти. Они с Джимом уезжают из национального парка куда-то на край света. Следователям не удается ничего выяснить об этой парочке.

Они не знают, кто такой этот Джим, откуда он, о великане они узнают и того меньше.

Через две недели после выписки из больницы к Кэт попадает единственная улика, доставленная по почте. Кэт получает конверт, в котором находится пара пуговиц с улыбающимися лицами — стальные ножки пуговиц до сих пор испачканы запекшейся кровью — и сделанный поларoидом снимок моста в Кентукки. На следующее утро ныряльщик находит там, на дне реки, мальчика, чудовищно изуродованного, рыбы снуют туда-сюда в его пустых глазницах.

Кэт, которая некогда была привлекательна и любима, обнаруживает, что теперь вызывает у всех своих знакомых жалость и ужас. Она понимает, что чувствуют другие. Собственное лицо в зеркале внушает отвращение ей самой. Она некоторое время посещает специальную школу, где обучается языку жестов, но недолго. Другие инвалиды — глухие, хромые, кривые — отвратительны ей, такие жалкие, такие зависимые.

Кэт пытается, без особенного успеха, вести нормальную жизнь. У нее нет близких друзей, нет профессии, зато она прекрасно сознает, как она теперь выглядит, сознает свою неспособность говорить. В одной особенно пронзительной сцене Кэт напивается для храбрости и пробует подойти к мужчине в баре, только для того, чтобы оказаться осмеянной им и его приятелями.

По ночам ее постоянно терзают кошмары, где оживают неправдоподобные и жуткие вариации на тему ее похищения. В некоторых из них Джим является не товарищем по несчастью, а таким же похитителем и жестоко насилует ее. Пуговицы, воткнутые ему в глаза, имеют зеркальную поверхность, и в них отражается ее искаженное криком лицо, которое, с неспогрешимой логикой сна, уже превратилось в чудовищную маску. Изредка эти сны ее возбуждают. Ее лечащий врач утверждает, что подобное вполне нормально. Она прекращает посещать врача, когда обнаруживает, что он нарисовал у себя в записной книжке чудовищную карикатуру на нее.

Кэт пробует разные средства, способные помочь ей восстановить сон: джин, анальгетики, героин. Ей требуются

деньги на наркотики, и она находит их в сейфе отца. Он ловит ее на месте преступления и выгоняет из дому. В тот же вечер мать звонит ей сказать, что отец в больнице, у него был микроинфаркт и, пожалуйста, не надо его навещать. Вскоре после того в детском саду для детей-инвалидов, где Кэт работает на полставки, один ребенок выколол другому глаз карандашом. Кэт, совершенно очевидно, не виновата в несчастье, однако вскоре открывается ее пристрастие к наркотикам. Она теряет работу, а избавившись от пагубной зависимости, оказывается нетрудоспособной.

После чего в один чудесный осенний день она отправляется в местный магазин и проходит мимо полицейской машины, припаркованной на задворках магазина. Капот машины открыт. Полицейский в зеркальных солнечных очках изучает перегревшийся радиатор. Она случайно бросает взгляд на заднее сиденье, и там, со скованными за спиной руками, сидит тот самый великан, постаревший на десять лет и потяжелевший на пятьдесят фунтов.

Кэт старается сохранять спокойствие. Она подходит к полицейскому, который возится под капотом, пишет ему записку, спрашивая, знает ли он, кто сидит в машине.

Полицейский отвечает, что он арестовал этого типа в скобяной лавке на Плезант-стрит, когда тот пытался украсть охотничий нож и моток сверхпрочной веревки.

Кэт знает ту скобяную лавку, о которой идет речь. Она живет на углу Плезант-стрит. Полицейский поддерживает ее, когда ноги ее подкашиваются.

Она лихорадочно принимается строчить записки, пытаясь объяснить, что сделал этот громила, когда ей было семнадцать. Ее карандаш не поспевает за мыслями, и записки получаются невнятными, даже для нее самой, однако полицейский все понимает. Он обходит вместе с ней машину и открывает дверцу. Мысль о том, чтобы ехать в одной машине с похитителем, заставляет ее содрогнуться от ужаса, но полицейский напоминает, что руки гиганта скованы за спиной, он не может причинить ей вреда и что очень важно для нее самой поехать вместе с ними в участок.

Наконец она садится в машину. Рядом с сиденьем лежит зимняя куртка. Полицейский говорит, что это его куртка, что она может надеть ее, чтобы согреться и унять дрожь. Она смотрит на него, собираясь написать слова благодарности в своем блокноте, но в этот миг замирает, не в силах писать. Что-то в отражении собственного лица, которое она видит в солнечных очках, заставляет ее остолбенеть.

Полицейский закрывает дверцу и обходит машину, чтобы захлопнуть капот. Онемевшими пальцами Кэт тянется к его куртке. Нашитые на груди, на нее таращатся смеющимися лицами две пуговицы. Она дергает дверцу, но та не открывается. Стекло не опускается. Капот захлопывается. Человек в солнечных очках, который вовсе не полицейский, жутко ухмыляется. Мальчик с пуговицами еще раз обходит машину, проходит мимо водительской дверцы и выпускает великана с заднего сиденья. В конце концов, чтобы вести машину, нужны глаза.

В густом лесу человеку легко заблудиться и начать ходить кругами, и в первый раз за все время Кэт понимает, что именно это с ней и случилось. Она спаслась от Мальчика с пуговицами и великана, убежав в лес, однако так и не сумела выбраться из него — в самом деле, не сумела — и с тех пор так и бродит, спотыкаясь, во тьме, двигаясь по широкому бессмысленному кругу им навстречу. Она наконец пришла туда, куда всегда стремилась, и эта мысль, вместо того чтобы привести ее в ужас, странным образом успокаивает. Ей кажется, она принадлежит им, и это большое облегчение знать, что ты принадлежишь кому-то. Кэт расслабляется на своем сиденье, машинально берет куртку Мальчика с пуговицами и натягивает ее, чтобы согреться.

Эдди Кэрролла не удивило, что Нунана сместили с должности после публикации «Мальчика с пуговицами». Рассказ был построен на образах женской деградации, героиня выписана так, словно она сама стремится к дурному с ней обращению в эмоциональном, сексуальном и духовном плане. Это было нехорошо... однако Джойс Кэрол Оутс писала подобные рассказы для журналов вроде «Дайджеста подлин-

ной литературы Севера» и получала за них премии. По-настоящему непростительным литературным грехом здесь был шокирующий финал.

Кэрролл понимал, к чему все идет,— ему было сложно не понять это после того, как он прочел едва ли не десять тысяч «ужастиков» и рассказов о сверхъестественном,— но ему все равно понравилось. Правда, среди литературного сообщества шокирующий финал (не важно, насколько хорошо исполненный) был или признаком инфантилизма, или коммерческим ходом, достойным плохой телепостановки. Читателями же «Дайджеста», как он представлял, были ученые мужи средних лет, люди, которые изучали Гренделя и Эзру Паунда и мечтали в один прекрасный день продать стишок в «Нью-Йоркер». Для них натолкнуться на шокирующий финал в рассказе было сродни тому, чтобы услышать, как балерина шумно выпустит газы во время представления «Лебединого озера»,— faux pas[1] настолько чудовищный, что он почти граничил с весельем. Преподаватель Гарольд Нунан либо еще слишком мало просидел в башне из слоновой кости, либо подсознательно надеялся, что кто-нибудь однажды отправит его в отставку. Хотя финал был скорее в духе Джона Карпентера, чем Джона Апдайка, Кэрролл не встречал в сборниках рассказов ничего подобного, во всяком случае за последнее время. На двадцати пяти страницах разворачивалась совершенно натуралистическая история женщины, которую раз за разом понемногу разрушает чувство вины за то, что она осталась в живых. Это чувство усиливалось и из-за мучительных отношений в семье, паршивой работы, борьбы за выживание. Кэрролл уже позабыл, как это — описывать повседневную жизнь в небольшом рассказе. Большинство авторов литературы ужасов не утруждали себя чем-нибудь, кроме изображения дымящегося мяса.

Он поймал себя на том, что мечется по кабинету, слишком взволнованный, чтобы усидеть на месте, держа в руке раскрытый на «Мальчике с пуговицами» журнал. Он заметил свое отражение в оконном стекле за кушеткой, увидел,

[1] Зд.: неуместный поступок *(фр.)*.

что улыбается почти неприлично, как будто только что услышал особенно удачный непристойный анекдот.

Кэрроллу было одиннадцать, когда он увидел в орегонском театре «Призраков». Он пришел на представление с кузенами, но, когда огни погасли и тьма поглотила его товарищей, Кэрролл ощутил себя совершенно одиноким, запертым в тесном шкафу, полном его собственных скелетов. По временам ему приходилось собирать в кулак всю свою волю, чтобы не закрыть глаза, однако его внутренности нервно и болезненно сжимались от удовольствия. Когда свет наконец загорелся, его нервные окончания звенели, как будто он на мгновение взялся за находящийся под напряжением медный провод. Это ощущение он намеренно развивал в себе.

Позже, когда он уже был профессионалом и занимался своей работой, ощущение сделалось более приглушенным, не ушло, но оставалось на расстоянии, скорее воспоминание о переживании, чем само переживание. А в последнее время даже это воспоминание улетучилось, и на его место пришла мертвящая амнезия, онемелое отупение, с каким он смотрел на горы журналов, громоздящиеся на кофейном столике. Но теперь, теперь его охватил страх, только это был не тот страх.

Этот страх, хотя Эдди находился у себя в кабинете, освободившись от объятий «Мальчика с пуговицами»... это был тот самый изначальный страх. Он зазвонил в тот самый внутренний колокол и заставил его загудеть. Эдди не мог успокоиться, он не привык к подобной роскоши. Он попытался вспомнить, когда, если такое вообще было, он публиковал в последний раз произведение, которое нравилось бы ему так сильно, как «Мальчик». Он подошел к стеллажу и вытащил первый выпуск «Бест нью хоррор» (до сих пор его любимый), чтобы выяснить, что же волновало его в те времена. Но, отыскивая оглавление, он натолкнулся на посвящение, выпуск был посвящен его, тогда еще не бывшей, жене Элизабет. «Той, которая помогла мне найти путь в темноте», — написал тогда он в головокружительном припадке страсти. Теперь, глядя на это посвящение, он чувствовал, как по рукам бегут мурашки.

Элизабет ушла от него, когда он обнаружил, что она уже больше года спит с его банкиром. Она переехала жить к матери и забрала с собой Трейси.

«Я даже рада, что ты нас застукал, — сказала она, говоря с ним по телефону спустя несколько недель после исчезновения из его жизни. — Что все это осталось в прошлом».

«Ваша связь?» — спросил он, соображая, не собирается ли она сказать, что с романом покончено.

«Нет, — ответила Лиззи. — Я имею в виду все эти дерьмовые „ужасы", всех тех людей, которые вечно к тебе ходят, авторов „ужастиков". Эти потеющие мелкие извращенцы, у которых наступает эрекция при виде трупа. Это самое лучшее в том, что случилось. Я даже думаю, может, теперь у Трейси будет нормальное детство. Может быть, и я наконец смогу пожить среди обычных здоровых людей».

То, что она спит с другим, было достаточно плохо, но то, что она вот так открыто попрекала его именем Трейси, заставляло его задыхаться от ненависти даже теперь. Кэрролл засунул том обратно на полку и отправился на кухню обедать, его нескончаемое волнение наконец-то улеглось. Он искал способ израсходовать эту бесполезную рассеивающую внимание энергию. И старушка Лиззи не подвела и на этот раз, даже находясь в сорока милях от него в постели другого мужчины.

После обеда он послал Гарольду Нунану письмо по электронной почте, спрашивая координаты Килру. Нунан ответил ему меньше чем через час, он был рад узнать, что Кэрролл хочет опубликовать «Мальчика с пуговицами» в своем «Бест нью хоррор». Электронного адреса Питера Килру у него не было, зато был обычный адрес и еще номер телефона.

Однако то письмо, которое написал Кэрролл, пришло обратно с пометкой «Вернуть отправителю», а когда он позвонил по телефону, ему ответил голос робота, сообщивший, что этот номер отключен. Кэрролл позвонил Гарольду Нунану в университет Катадин.

— Не буду утверждать, будто потрясен, — сказал Нунан, он говорил быстро и негромко, охваченный смущени-

ем. — У меня сложилось впечатление, что это временный адрес. Думаю, он время от времени устраивается на какую-нибудь работу, чтобы оплачивать счета. Наверное, лучше всего позвонить Мортону Бойду из отдела персонала. Кажется, у них там должны быть сведения о нем.

— А когда вы видели его в последний раз?

— Я заезжал к нему в марте прошлого года. Приехал к нему на квартиру сразу после выхода «Мальчика с пуговицами», когда все кругом просто клокотали от ярости. Говорили, что текст пронизан женоненавистническими настроениями, говорили, что необходимо принести публичные извинения, и прочую чепуху. Я хотел, чтобы он знал о происходящем. Наверное, я надеялся, что он каким-нибудь образом ответит им, напишет статью в защиту своего произведения в студенческой газете или что-нибудь в этом роде... но он ничего не предпринял. Сказал, что это не произведет впечатления. На самом деле это был очень странный визит. И сам он очень странный парень. Дело не только в его рассказах. В нем самом.

— Что вы имеете в виду?

Нунан засмеялся:

— Я не вполне уверен. Как бы это сказать? Знаете, как бывает, когда у вас сильный жар, вы стараетесь смотреть на что-нибудь совершенно обыденное, например на лампу на письменном столе, и она кажется совершенно неестественной? Как будто она тает или вот-вот уплывет куда-то? Вот и встречи с Питером Килру оставляют похожее чувство. Не знаю почему. Может быть, потому, что он так заостряет внимание на столь неприятных явлениях.

Кэрролл еще не успел связаться с ним, но все равно уже симпатизировал Килру.

— Что вы хотите сказать? Поясните.

— Когда я заехал к Питеру, дверь открыл его старший брат. Полуодетый. Я так понял, что он приехал его навестить. Так вот этот парень — не хочу показаться грубым, — он был, я бы сказал, пугающе жирным. И покрыт татуировками. Пугающе покрыт татуировками. У него на животе была ветряная мельница со свисающими с нее гниющими

трупами. А на спине — эмбрион с выцарапанными глазами. И скальпель в руке. И еще клыки.

Кэрролл засмеялся, хотя и не был уверен, действительно ли ему смешно.

Нунан продолжал:

— Однако он оказался хорошим малым. Вполне дружелюбным, как выяснилось. Он пригласил меня в дом, принес банку лимонада, мы устроились на софе перед телевизором. И, что самое поразительное, пока мы разговаривали, точнее, я сыпал гневными тирадами, старший брат сидел на полу, а Питер делал ему доморощенный пирсинг.

— Делал что?

— О господи. Прямо посреди разговора он проткнул раскаленной иглой верхнюю часть уха своего брата. Вы не поверите, сколько было крови. Когда толстяк поднялся с пола, вид у него был такой, будто ему отстрелили полголовы. У него из головы текла кровь, как в финале «Кэрри», как будто он только что принял кровавую ванну, а он спрашивал, не принести ли мне еще кока-колы.

На этот раз они засмеялись оба, а затем, спустя миг, наступила дружеская пауза.

— Еще они смотрели про Джонстаун, — выпалил вдруг Нунан.

— А?..

— По телевизору. С отключенным звуком. Пока мы разговаривали и Питер протыкал в своем братце дырки. На самом деле это меня и поразило больше всего, эта последняя страшность, из-за которой все казалось совершенно нереальным. Это был сюжет о погибших во Французской Гайане. После того как они выпили свой «Кул-Эйд». Улицы, завалешные трупами, и стаи птиц... ну, вы понимаете, птицы, клюющие их. — Нунан громко глотнул. — Мне показалось, сюжет шел по кругу, создавалось впечатление, что они смотрят этот отрывок, как будто... как будто в трансе.

Они снова замолчали. Молчание Нунана было каким-то неловким. «Вот это характеристика!» — подумал Кэрролл с изрядной долей одобрения.

— Вам не показалось, что это весьма примечательный образчик американской литературы? — спросил Нунан.

— Показалось. И кажется.

— Не знаю, как он отнесется к включению его в ваш сборник, я, со своей стороны, в восторге. Надеюсь, я не слишком вас запугал рассказами о нем.

Кэрролл улыбнулся:

— Меня не так просто запугать.

Бойд из отдела персонала тоже не знал, где искать Килру.

— Он мне говорил, у него брат на общественных работах в Паукипси. То ли в Паукипси, то ли в Ньюбурге. Он тоже хотел туда попасть. Эти городские работы приносят неплохие деньги, а самое лучшее, что, когда ты туда попал, тебя уже никто не уволит, даже если ты кровожадный маньяк.

Упоминание о Паукипси подогрело любопытство Кэрролла. В конце месяца там должен был состояться небольшой съезд авторов фэнтези, Конгресс темных чудес, Конгресс темных мечтаний или что-то в том же духе. Конгресс темных онанистов. Его приглашали принять участие, но он игнорировал их письма, его больше не интересовали мелкие сборища, кроме того, время было неудачное, как раз когда он должен сдавать работу.

Хотя на вручение Всемирной премии фэнтези он ездил каждый год, и на «Camp Necon» тоже, и еще на несколько интересных мероприятий. Конгрессы были той частью работы, какую он еще не до конца ненавидел. Там собирались его друзья. Какая-то часть его все еще любила и всю эту суету, и воспоминания, которые эта суета иногда высвобождала.

Так случилось однажды, когда он натолкнулся на букиниста, предлагавшего первое издание «Люблю Гейлсберг весной». Он не видел и не вспоминал о «Гейлсберге» годами, но стоило ему полистать коричневые шершавые страницы, впитавшие в себя запах пыли и чердаков, как его захлестнул головокружительный поток воспоминаний. Эдди читал эту книгу, когда ему было тринадцать, и она держала его в плену недели две. Он выбирался через окно

спальни на крышу, чтобы почитать: это было единственное место, куда не долетали крики вечно ссорящихся родителей. Он вспомнил похожую на наждак текстуру кровельного гонта, исходящий от него, пропеченного солнцем, резиновый запах, далекое жужжание газонокосилки, но отчетливее всего вспомнил благословенное ощущение чуда, когда читал о придуманном Джеком Финнеем невероятном десятицентовике с Вудроу Уилсоном.

Кэрролл позвонил в управление общественных работ в Паукипси, и его соединили с отделом персонала.

— Килру? Арнольд Килру? Его выгнали полгода назад, — ответил человек тонким, визгливым голосом. — Знаете, как сложно оказаться уволенным с общественных работ? Первый человек за многие годы. Он солгал насчет своего криминального прошлого.

— Нет, не Арнольд Килру. Питер. Арнольд, должно быть, его брат. Он был очень толстый и весь в татуировках?

— Ничего подобного. Тощий. Жилистый. У него только одна рука. Левую ему отхватило упаковочным прессом, так он сам сказал.

— О, — произнес Кэрролл, подумав, что все это очень похоже на описание какого-нибудь персонажа Питера Килру. — А в чем его там обвиняли?

— Нарушение запретительного постановления.

— О, — повторил Кэрролл. — Что-нибудь связанное с разводом? — Он испытывал сочувствие к мужчинам, которые пострадали от адвокатов жены.

— Да куда там, — отозвался менеджер по персоналу. — Истязал собственную мамашу. Как вам, черт возьми, такое?

— Вы не знаете, имеет ли он отношение к Питеру Килру и как с ним можно связаться?

— Я не его личный секретарь, приятель. Что, может, закончим разговор?

И они закончили разговор.

Кэрролл принялся за телефонную книгу, начал обзванивать всех Килру, проживающих в Паукипси и его окрестностях, но никто из тех, с кем он разговаривал, не сознался,

что знаком с Питером, и в итоге Эдди сдался. Он сделал уборку в кабинете, яростно запихнул скомканные бумаги в корзину, даже не просмотрев их, убрал стопки книг с одного места, чтобы свалить их в другом, без всякой системы и сгорая от нетерпения.

Ближе к вечеру он упал на тахту, чтобы поразмыслить, и провалился в тревожную дрему. Даже во сне он продолжал сердиться, гоняясь по пустому кинотеатру за маленьким мальчиком, который стянул у него ключи от машины. Мальчик был черно-белый и мерцал, как привидение или актер на старой киноплёнке, ему явно некуда было спешить, он потрясал ключами и истерически хохотал. Кэрролл проснулся как от толчка, чувствуя на висках лихорадочный жар и думая о Паукипси.

Питер Килру живет где-то в другой части штата Нью-Йорк, и в субботу он будет на Конгрессе темного будущего в Паукипси, он не сможет устоять перед таким событием. Там же будет кто-нибудь, кто его знает. Кто-нибудь покажет его Кэрроллу. Все, что требуется от Кэрролла, оказаться там, и тогда они непременно встретятся.

Он не собирался оставаться в Паукипси на ночь — ехать всего четыре часа, он съездит, а к ночи вернется. И в шесть утра он уже выжимал восемьдесят миль в час, катя в левом ряду по трассе I-90. У него за спиной поднималось солнце, заливая зеркало заднего вида ослепительным светом. Ему нравилось вжимать педаль газа в пол, ощущая, как машина несется на запад, гонясь за тонкой полоской собственной тени. Потом он подумал, что, если бы его маленькая девочка сидела сейчас рядом с ним, — и его нога отпустила педаль, упоение гонкой ушло.

Трейси любила разные съезды, все дети любят. Там можно посмотреть, как взрослые люди валяют дурака, одевшись под Эльвиру или Пинхеда. А какой ребенок устоит перед обязательным базаром, перед этим лабиринтом столов и жутких экспонатов, среди которых можно заблудиться, и где ребенок за доллар может обзавестись отрезанной резиновой рукой. Трейси однажды полчаса проиграла в пейнтбол с Ни-

лом Гейманом на Всемирном конвенте фэнтези в Вашингтоне. Они до сих пор переписываются.

Был как раз полдень, когда он отыскал городской административный центр и вошел. Торговые ряды были устроены в концертном зале, в здании собралось полно народу, бетонные стены отзывались эхом на смех и ровный гул перекрывающих друг друга разговоров. Он не хотел, чтобы кто-нибудь знал о его приезде, но ничего не вышло: одна дама из числа организаторов все-таки заметила его, рыжеволосая пухлая женщина в полосатом пиджаке.

— Я и понятия не имела!.. — воскликнула она и еще: — Мы не получали от вас уведомления! — А потом: — Что вы будете пить?

После он стоял, держа ром с кока-колой в одной руке, посреди кучки любопытных, болтая о кино, писателях и о «Бест нью хоррор», и гадал, почему он, собственно, не хотел ехать. В час тридцать ожидается обсуждение нынешнего положения рассказа в стиле «хоррор», а в комиссии кос-кого не хватает, не будет ли он так любезен?.. Будет, ответил он.

Его отвели в конференц-зал, где стояли ряды складных кресел и длинный стол в одном конце зала, с графином холодной воды на нем. Он уселся за этот стол с остальными членами комиссии: учителем, написавшим книгу об Эдгаре По, редактором журнала ужасов в Интернете, местным писателем, сочиняющим фэнтези для детей. Рыжеволосая дама представила всех их двум дюжинам слушателей, пришедшим в зал, а затем каждый сидящий за столом получил возможность поделиться своим мнением. Кэрролл говорил последним.

Сначала он сказал, что всякий литературный мир является плодом фантазии и всякий раз, когда автор вводит в сюжет некую угрозу или столкновение интересов, он создает возможность для появления ужаса. Его лично, сказал он, литература ужасов всегда привлекала тем, что она вбирает в себя самые основные элементы литературы вообще и доводит их до крайней степени. Всякая литература — это игра, притворство, поэтому фэнтези гораздо ценнее (и честнее) реализма.

Он сказал, что рассказы ужасов и фэнтези по большей части совершенно отвратительны: вымученные, творчески обанкротившиеся подражания разному дерьму. Он сказал, что иногда ему целыми месяцами не попадается ни единой новой мысли, ни единого запоминающегося характера, ни единого стóящего предложения.

Потом он сказал, что положение дел всегда было таково. Должно быть, это правда: в любом виде деятельности — художественной или другой — требуется, чтобы множество людей создавало массу посредственных работ для появления нескольких шедевров. И в борьбу может включиться каждый, пусть делая неправильно, учась на собственных ошибках, пробуя снова. Среди песка все равно отыщутся рубины. Он заговорил о Клайве Баркере и Келли Линк, о Стивене Галлахере и Питере Килру, рассказал им о «Мальчике с пуговицами». Он сказал, что для него в любом случае ничто не сравнится с восторгом открытия чего-то волнующего и свежего, он всегда будет обожать ее, эту счастливую дрожь откровения. Пока Кэрролл говорил, он осознал, что говорит чистую правду. Когда он закончил, несколько человек на заднем ряду зааплодировали, волна аплодисментов распространилась, как рябь на воде, и, когда она растеклась по всему помещению, люди начали вставать.

С него ручьями тек пот, когда он вышел из-за стола, чтобы пожать слушателям руки по окончании выступления. Он снял очки, чтобы вытереть лицо подолом рубахи, и не успел надеть их снова, когда ощутил прикосновение очередной руки, — перед ним стоял худой маленький человечек. Водрузив очки обратно на нос, Кэрролл обнаружил, что пожимает руку кое-кому, кого он совсем не был рад видеть, тощему человеку с кривыми прокуренными зубами и усиками, такими тонкими и жидкими, что они казались нарисованными карандашом.

Его звали Мэтью Грэм, он редактировал одиозный журнал для любителей ужасов, который назывался «Горькие фантазии». Кэрролл слышал, что Грэма арестовывали за растление малолетней падчерицы, хотя дело так и не дошло до суда. Кэрролл старался не переносить отношение к Грэ-

му на авторов, которых он публиковал, однако пока ни разу не нашел в «Горьких фантазиях» ничего такого, что захотел бы перепечатать в «Бест нью хоррор». Это были истории о могильщиках-наркоманах, насилующих находящиеся на их попечении трупы, или дебильных деревенщинах, рожающих говнодемонов в сортирах, расположенных на землях древнего индейского кладбища, все они пестрели орфографическими ошибками, и их авторы были не в ладах с грамматикой.

— Неужели Питер Килру написал что-то еще? — спросил Грэм. — Я напечатал его первый рассказ. Вы его не читали? Я же присылал вам экземпляр, дружище.

— Должно быть, пропустил, — сказал Кэрролл.

Он не удосуживался заглядывать в «Горькие фантазии» уже больше года, используя страницы из него, чтобы застилать кошачий туалет.

— Он вам понравился бы, — продолжал Грэм, снова блеснув остатками зубов. — Он один из наших.

Кэрролл постарался передернуться как можно незаметнее:

— Вы с ним говорили?

— Говорил ли я с ним? Да я пил с ним за ленчем. Он был здесь сегодня с утра. Только-только ушел. — Грэм разинул рот в широкой ухмылке. У него изо рта воняло. — Если хотите, я скажу вам, где он живет. Это тут недалеко.

После наскоро проглоченного позднего ленча Кэрролл прочитал первый рассказ Питера Килру в номере «Горьких фантазий», который дал ему Мэтью Грэм. Рассказ назывался «Хрюшки», в нем эмоционально неуравновешенная женщина производила на свет выводок поросят. Поросята учились говорить, учились ходить на задних ногах и носить одежду, как свиньи в «Ферме животных», но постепенно история приобретала все более мерзкий характер. Свиньи своими клыками располосовали мамочку, изнасиловали, а в финале вступили в смертельную схватку за право съесть самые лакомые кусочки ее тела.

Это было агрессивное, едкое произведение, и, хотя оно значительно превосходило все самые лучшие вещи, когда-

либо публиковавшиеся в «Горьких фантазиях» — было написано гладко и психологически реалистично, — Кэрроллу оно не особенно понравилось. Один отрывок, где поросята дерутся за право припасть к мамочкиной груди, воспринимался как чрезвычайно мерзостный и гротескный образчик порнографии.

Мэтью Грэм приложил к журналу лист писчей бумаги. На нем он набросал грубую схему проезда к дому Килру, который находился в двадцати милях к северу от Паукипси, в маленьком городке под названием Пайклифф. Кэрроллу было как раз по пути, надо только свернуть на дорогу, ведущую через живописный парк Таконик, а затем выехать обратно на шоссе I-90. Телефонный номер не указывался. Грэм упомянул, что у Килру какие-то сложности с деньгами и телефонная компания отключила их номер.

К тому времени, когда Кэрролл оказался в парке Таконик, почти стемнело, сгустки мрака таились под громадными дубами и высокими елями, толпящимися вдоль дороги. Кажется, он был единственным человеком на ведущей через парк дороге, которая забиралась все выше и выше в горы и все глубже в лес. Время от времени в свете фар он замечал семейства олепей, стоящих у дороги, в темноте их глаза светились розовым, они наблюдали за ним со смесью страха и инопланетного изумления.

Пайклифф оказался невелик: занюханный торговый центр, церковь, кладбище, заправка «Тексако», одинокий, моргающий желтым светом фонарь. А потом город кончился, и Кэрролл поехал по узкому шоссе через сосновый лес. Теперь стояла настоящая ночь, похолодало так, что ему пришлось включить обогреватель. Он выехал на Тархил-роуд, и его «цивик» запетлял на серпантине, поднимаясь по такому крутому холму, что мотор завыл от натуги. Кэрролл на мгновение закрыл глаза и с трудом вписался в резкий поворот, ему пришлось выворачивать руль, чтобы не улететь в кусты и не свалиться с крутого подъема.

Еще полмили спустя асфальт сменился гравием. Кэрролл катился в темноту; шины поднимали облачка блестящей меловой пыли. Свет фар выхватил из темноты толстяка в яр-

ко-оранжевой вязаной шапке, запустившего руку в почтовый ящик. На боку почтового ящика красовалась надпись, сделанная из блестящих клеящихся букв: УБЬЮ. Кэрролл притормозил.

Толстяк поднял руку, приставив козырьком к глазам, чтобы рассмотреть машину Кэрролла. Потом он заулыбался и приглашающе кивнул на дом, как будто Кэрролл был долгожданным гостем. Толстяк пошел по подъездной дорожке, а Кэрролл покатил вслед за ним. Болиголовы склонялись над грязной колеей. Их ветки били по окнам машины, хлестали по бокам «цивик».

Наконец дорога привела на грязный двор перед большим фермерским домом желтого цвета, с башенкой и просевшей верандой, огибающей дом по периметру. Разбитое окно было забрано фанерным щитом. В сорняках валялся унитаз. При виде этого места Кэрролл ощутил, как зашевелились волоски на руках. «Путешествие закончилось встречей влюбленных», — подумал он и усмехнулся собственной неуемной фантазии. Он остановил машину рядом с древним трактором, через открытый капот которого прорастали столбики дикой индейской кукурузы.

Кэрролл кинул ключи от машины в карман пальто и вышел, пошел к крыльцу, где его дожидался толстяк. По дороге он миновал ярко освещенный гараж. Двойные двери были плотно закрыты, но изнутри слышался визг цепной пилы. Кэрролл поднял взгляд на дом и увидел черный силуэт человека, наблюдающего за ним из окна второго этажа.

Эдди Кэрролл сказал, что ищет Питера Килру. Толстяк кивнул на дверь тем же пригласительным жестом, каким предлагал Кэрроллу следовать за ним по колее. После чего развернулся и пропустил его в дом.

В передней было темно, стены густо покрывали косо висящие картины в рамках. Узкая лестница поднималась на второй этаж. В воздухе стоял запах, сырой, какой-то странно мужской запах... вроде пота, но похожий еще и на тесто для блинов. Кэрролл тотчас же понял, что это, и тотчас же решил сделать вид, что ничего не заметил.

— Куча дерьма, а не прихожая, — произнес толстяк. — Давайте я возьму ваше пальто. А то потом будете искать сто лет. — Голос у него был бодрый и пронзительный.

Когда Кэрролл передавал ему пальто, толстяк развернулся и заорал наверх:

— Пит! К тебе пришли!

Из-за внезапного перехода от обычного голоса к яростному ору Кэрролл вздрогнул.

У них над головой заскрипели половицы, и на верхней площадке лестницы появился худой человек в вельветовом пиджаке и квадратных очках в черной пластиковой оправе.

— Чем могу быть полезен? — спросил он.

— Меня зовут Эдвард Кэрролл. Я редактировал несколько выпусков «Бест нью хоррор». — Он посмотрел на лицо худого человека, ожидая хоть какой-нибудь реакции, но Килру оставался бесстрастен. — Я прочитал один ваш рассказ, «Мальчик с пуговицами», в «Дайджесте Севера», и он мне очень понравился. Мне бы хотелось включить его в сборник этого года. — Он помолчал, затем прибавил: — А с вами не так-то просто связаться.

— Поднимайтесь, — сказал Килру и ушел с площадки назад.

Кэрролл пошел вверх по лестнице. Жирный братец внизу двинулся через прихожую, с пальто Кэрролла в одной руке и семейной корреспонденцией Килру в другой. Затем резко затормозил, поднял голову к лестнице и замахал коричневым конвертом:

— Эй, Пит! Мамино пособие пришло! — Его голос дрожал от радости.

К тому времени, когда Кэрролл поднялся на второй этаж, Питер Килру уже прошел коридор и достиг открытой двери в дальнем конце. Сам коридор казался каким-то странно загнутым. Пол проседал под ногами так сильно, что один раз Кэрроллу даже пришлось схватиться за стенку, чтобы удержаться на ногах. Отдельных половиц не хватало. Люстра в хрустальных висюльках парила над лестничным пролетом, покрытая хлопьями пыли и паутиной. В неком далеком, от-

дающем эхом отсеке сознания Кэрролла неведомый горбун заиграл на металлофоне вступительные такты музыки к «Семейке Адамс».

У Килру была маленькая спальня, расположенная под самой крышей. У одной стены стоял ободранный карточный стол, на нем гудела пишущая машинка «Селектра» с заправленным в нее листом бумаги.

— Так вы работаете? — спросил Кэрролл.

— Не могу остановиться, — сказал Килру.

— Прекрасно!

Килру присел на кровать. Кэрролл шагнул в комнату, передвигаться по которой, не пагнув головы, не представлялось возможным. У Питера Килру были странно бесцветные глаза, веки покрасневшие, как будто воспаленные, и он смотрел на Кэрролла, не моргая.

Кэрролл рассказал ему о сборнике. Сказал, что может заплатить две сотни долларов плюс проценты с продаж. Килру кивал, — кажется, он совершенно не удивлялся и не интересовался деталями. Говорил он с придыханиями, как девица. Он сказал «спасибо».

— Что вы думаете о моем финале? — спросил Килру без всякого перехода.

— «Мальчика с пуговицами»? Мне он понравился. Если бы не понравился, я не захотел бы его переиздать.

— В университете Катадин его возненавидели. Все эти соучредительницы в плиссированных юбках и с богатыми папочками. Им много чего не понравилось в моем рассказе, но особенно не понравился финал.

Кэрролл кивнул:

— Потому что они не догадались, к чему все идет. Наверняка кое-кого этот финал как следует встряхнул. Шокирующая развязка не пользуется популярностью в массовой литературе.

— Сначала я написал, что великан связывает ее и, перед тем как провалиться в беспамятство, она чувствует, как второй своими пуговицами затыкает ей влагалище, — признался Килру. — Но я сдрейфил и все вычеркнул. Вот уж не думал, что Нунан вообще это напечатает.

— В литературе ужасов очень часто то, что вы оставляете, в итоге и наделяет произведение силой, — сказал Кэрролл, но только чтобы сказать что-нибудь. Он чувствовал, как на лбу проступает холодный пот. — Пойду принесу из машины бланки договора.

Он сам не знал, почему так сказал. У него не было в машине никаких бланков, однако его вдруг охватило непреодолимое желание глотнуть свежего холодного воздуха.

Он выскочил обратно в коридор. Оказалось, он с трудом удерживается от того, чтобы не перейти на бег.

Спустившись с лестницы, Кэрролл потоптался в прихожей, соображая, куда толстяк унес его пальто. Потом пошел по коридору. Чем дальше он шел, тем темнее становилось в коридоре.

Под лестницей была небольшая дверь, но, когда он подергал медную ручку, дверь не открылась. И он пошел по коридору, выискивая гардеробную. Откуда-то рядом с ним доносились шипение сала, запах лука, и еще он услышал стук ножа. Он толкнул дверь справа, за ней оказалась столовая с головами животных, развешенными по стенам. Вытянутый луч тусклого света пересекал стол. Скатерть на столе была красного цвета и со свастикой в центре.

Кэрролл прикрыл дверь. Другая дверь, чуть впереди и слева, была открыта, за ней виднелась кухня. Толстяк стоял перед столом, с голой, покрытой татуировками грудью, и нарезал огромным ножом что-то похожее на печень. В сосках у него были металлические кольца. Кэрролл хотел уже окликнуть его, но тут толстяк обошел стол и направился к газовой плите, помешать что-то на сковородке. На нем был только фартук, и на удивление поджарые ягодицы упруго подрагивали при каждом шаге. Кэрролл задвинулся поглубже в темноту коридора и миг спустя отправился дальше, осторожно ступая.

Этот коридор загибался еще сильнее, чем на втором этаже, совершенно неправдоподобным образом, как будто дом пережил землетрясение и его передняя часть больше не состыковывалась с задней. Кэрролл не знал, почему он не повернул назад, ведь не было смысла все дальше углуб-

ляться в недра этого странного дома. Однако ноги продолжали нести его вперед.

Кэрролл открыл дверь слева по коридору, почти в самом конце. Он отшатнулся от вони и яростного жужжания мух. Неприятное человеческое тепло выплеснулось за дверь и захлестнуло его. Это была самая темная комната, отдельная спальня, и он уже собирался закрыть дверь, когда услышал, как что-то зашевелилось на кровати под простынями. Он прикрыл рот и нос рукой и заставил себя сделать шаг вперед и подождать, пока глаза привыкнут к темноте.

На кровати лежала худая старуха, простыня сползла ей на талию. Она была голая, и, как показалось Кэрроллу, он застал ее в тот момент, когда она потягивалась после сна, потому что ее костлявые руки были вскинуты над головой.

— Прошу прощения, — пробормотал Кэрролл, отворачиваясь. — Извините.

Он опять начал закрывать за собой дверь, но затем остановился и пригляделся. Старуха снова зашевелилась под простынями. Руки по-прежнему вскинуты над головой. Но дело было в запахе, это вонь немытого тела заставила его задержаться и посмотреть внимательнее.

Когда глаза привыкли к темноте, Кэрролл увидел, что ее руки удерживают в таком положении тонкие проволоки, обмотанные вокруг запястий. Глаза ее походили на узкие щелки, дыхание сиплое. Ниже сморщенных маленьких мешочков грудей Кэрролл мог сосчитать все ее ребра. Мухи гудели. Старуха высунула изо рта язык и провела по пересохшим губам, но ничего не сказала.

После чего он снова пошел по коридору, быстро переставляя негнущиеся ноги. Когда он проходил мимо кухни, ему показалось, что толстяк поднял голову и заметил его, но Кэрролл не стал замедлять шага. Краем глаза он увидел Питера Килру, стоящего на верхней площадке лестницы, глядящего на него, вопросительно склонив голову.

— Сейчас вернусь с бумагами! — крикнул ему Кэрролл, не замедляя хода. Голос его прозвучал удивительно буднично.

Он толкнул входную дверь, с грохотом захлопнул. Он не стал перепрыгивать через ступеньки, а сошел как обыч-

но. Когда убегаешь от кого-нибудь, никогда не надо прыгать через ступеньки, иначе можно вывихнуть лодыжку. Он видел, как случается подобное, в сотнях фильмов ужасов. Воздух был такой морозный, что обжигал ему легкие.

На этот раз двери гаража были распахнуты. Он заглянул туда, проходя мимо. Увидел гладкий земляной пол, ржавые цепи и крюки, свисающие с балок, висящую на стене цепную пилу. За верстаком стоял высокий угловатый человек с одной рукой. Вместо второй был обрубок, кожа на культе блестела. Он изучал Кэрролла молча, его бесцветные глаза смотрели оценивающе и недружелюбно. Кэрролл улыбнулся и кивнул.

Он открыл дверцу своего «цивика» и втиснулся за руль... и в следующий миг ощутил, как волна паники сдавила грудь. Ключи остались в пальто. Пальто осталось в доме. Эдди едва не закричал, ужаснувшись своему открытию, однако, когда он раскрыл рот, у него вырвался рыдающий смешок. Он и это видел в сотне фильмов ужасов, читал об этом моменте в сотнях рассказов. Ключи никогда не находятся, или машина не заводится, или...

Однорукий брат появился в дверях сарая, теперь он смотрел на него с противоположной стороны дорожки. Кэрролл помахал ему. Другой рукой он вынул из зарядного устройства сотовый телефон. Посмотрел на него. Связи здесь не было. Он почему-то не удивился. Только снова засмеялся придушенным, натянутым смехом.

Когда он поднял голову, входная дверь дома открылась, оттуда на него смотрели еще два человека. Все три брата изучали его теперь. Он выбрался из машины и быстро зашагал по подъездной колее. Побежал он только тогда, когда один из них выкрикнул что-то.

Пробежав дорожку, он не стал сворачивать на шоссе, а пересек его и рванулся через кусты под деревья. Тонкие хлысты ветвей секли его по лицу. Он споткнулся и разорвал на колене брюки, встал и побежал дальше.

Ночь была ясная и безоблачная, небо, по всей своей безбрежной ширине, усеяно звездами. Кэрролл остановился на крутом склоне, сел, прижавшись к камням, чтобы

отдышаться и унять боль в боку. Сверху донеслись голоса и треск ломающихся веток. Он услышал, как кто-то дернул за веревку, заводя небольшой мотор, раз-другой, а затем раздались ничем не заглушенный визг и рев цепной пилы.

Эдди вскочил и побежал снова, скатываясь с холма, продираясь через заросли елей, перепрыгивая через камни и корни, даже не видя их. Склон делался все круче и круче, пока бег Эдди не сделался похожим на настоящее падение. Он бежал слишком быстро и знал, что остановится, только врезавшись во что-нибудь, отчего будет очень больно.

Но когда он несся вниз, все время ускоряясь, пока не стало казаться, что с каждым прыжком он преодолевает целые ярды темноты, его охватило головокружительное чувство, ощущение, которое должно было бы быть паникой, но почему-то сильно походило на восторг. Ему казалось, что в любой момент ноги могут оторваться от земли и уже никогда не опуститься на нее снова. Он знал этот лес, эту темноту, эту ночь. Он знал свои шансы на успех: не особенно велики. Он знал, что́ гонится за ним. Оно гналось за ним всю его жизнь. Он знал, где очутился: в рассказе, близящемся к развязке. Он лучше кого-либо другого знал, чем заканчиваются подобные рассказы, и если кто-то и способен отыскать выход из этого леса, то только он.

КЭЙТЛИН КИРНАН

La Peau Verte[1]

Кэйтлин Кирнан родилась в Ирландии, в настоящий момент живет в Атланте, штат Джорджия. Перу Кирнан принадлежит семь романов, включая «Шелк» («Silk»), «Порог» («Threshold»), «Низкую красную Луну» («Low Red Moon»), «Пятерку чаш» («The Five of Cups»), «Убийство ангелов» («Murder of Angels») и «Дочь гончих» («Daughter of Hounds», 2007).

Рассказы писательницы представлены в сборниках «Сказки боли и чудес» («Tales of Pain and Wonder»), «От странных дальних берегов» («From Weird and Distant Shores»), «Неправильные вещи» («Wrong Things») (в соавторстве с Поппи З. Брайт), «Чарльзу Форту, с любовью» («To Charles Fort, With Love») и «Алебастр» («Alabaster»).

«Я большая поклонница абсента, — признается Кирнан, — впервые попробовала его в 1999 году и с тех пор просто влюбилась. „La Peau Verte" был написан для антологии, посвященной этому напитку, но замысел так и не воплотился в жизнь.

К сожалению, в результате я не получила двух бутылок „Mari Mayans": одну мне обещали издатели в качестве дополнения к гонорару, а вторую собиралась отдать Поппи З. Брайт, которая абсент не любит.

Тем не менее от этой мертворожденной антологии остался рассказ, который я впоследствии включила в сборник „Чарльзу Форту, с любовью". До сих пор „La Peau Verte" нравится мне больше всех моих произведений и служит доказательством того, что в объятиях Зеленой феи я способна на многое, ведь эта история полностью написана под воздействием абсента».

---

[1] Зеленая кожа *(фр.)*.

I

В пыльной, заваленной антиквариатом задней комнате квартиры на Сент-Маркс-плейс[1], компате со стенами цвета спелой клюквы, Ханна стоит обнаженная перед огромным зеркалом в раме из красного дерева и рассматривает себя. Нет, уже не себя, а нового человека, которого из нее сделали мужчина и женщина. Три долгих часа с аэрографами и латексными протезами, масляными красками, спиртовым клеем, четыре руки художников двигались как одна, уверенные в своей цели. Ханна не помнила, представились ли они. Может, да, но два бокала бренди загнали имена куда-то на задворки памяти. Он — высокий и тощий, она — худая, но маленькая, а теперь оба ушли, оставив Ханну одну. Наверное, их работа на этом закончена, возможно, мужчине и женщине заплатили, и она больше никогда их не увидит. От этой мысли Ханна почувствовала неожиданно острую боль: она никогда не испытывала склонности к случайному сексу, а этих людей не знала и подпустила так близко к своему телу.

Открывается дверь, музыка вечеринки неожиданно становится гораздо громче. Мелодия была ей незнакома, да, наверное, и не имела названия; бешеная импровизация хлопков и звуков флейт, скрипок и виолончелей, несравненная музыка, одновременно примитивная и продуманная до последней ноты. Старая женщина в маске из перьев павлина и наряде переливчатого атласа стоит в проходе, наблюдая за Ханной. Спустя какое-то мгновение она улыбается и медленно, оценивающе кивает.

— Очень мило, — следует комментарий. — Как вы себя чувствуете?

— Немного странно, — отвечает Ханна и снова смотрит в зеркало. — Я никогда ничего подобного не делала.

— Да? — удивляется старуха.

---

[1] Сент-Маркс-плейс — улица в Нью-Йорке, на которой находится множество магазинчиков, где продаются раритетные компакт-диски и пластинки, антиквариат, а также различные винтажные вещи.

Ханна вспоминает ее имя — Джеки, а фамилия что-то вроде Шэйди или Сэйди, но ни то, ни другое. Кто-то говорил, она — скульптор из Англии. Другие рассказывали, что в молодости эта женщина даже видела Пикассо.

— Нет, — подтверждает Ханна. — Не делала. Гости готовы к моему появлению?

— Еще минут пятнадцать плюс-минус. Я вернусь и провожу вас. Расслабьтесь. Хотите еще бренди?

«Хочу ли?» — думает Ханна и смотрит на прозрачный бокал, стоящий на старом секретере рядом с зеркалом. Там практически ничего не осталось, может, последний теплый янтарный глоток отделял его от пустоты. Захотелось еще выпить, чем-то сжечь остатки комплексов и сомнений, но...

— Нет, — говорит Ханна женщине. — Я в порядке.

— Тогда расслабьтесь, увидимся через пятнадцать минут, — повторяет Джеки Как-то-там, снова улыбается, сверкает обезоруживающая, приглашающая улыбка совершенных белоснежных зубов, и старуха закрывает дверь, оставляя Ханну наедине с зеленым созданием, смотрящим на нее из зеркала.

Старые лампы от «Тиффани», разбросанные по комнате, цедят свет, похожий на кристаллические лужи цветного стекла, теплого, словно бренди, с темно-шоколадным оттенком изысканно выгравированной рамы, держащей высокое зеркало. Ханна неуверенно шагнула к стеклу, и изумрудное нечто повторило движение. «Я все еще где-то там, — думает она. — Так ведь?»

Ее кожа покрыта таким большим количеством соперничающих, дополняющих друг друга оттенков травяного цвета, что их не сосчитать, один перетекает в другой бесконечностью зелени, которая словно волнуется, льется по ее обнаженным ногам, плоскому, накачанному животу, груди. Каждый кусочек кожи окутан краской, плоть стала пологом влажных джунглей, волнами самого глубокого моря, панцирем бронзовок и листьями тысяч садов, мхом и изумрудами, яшмовыми жуками и сверкающими чешуйками ядовитых тропических змей. Ее ногти покрыты таким темно-зеленым лаком, что он кажется почти черным. Неудобные контактные линзы

превратили глаза в сияющие звезды-близнецы бледно-зеленого цвета, Ханна наклоняется чуть ближе к зеркалу, моргая этим глазам, этими глазами, зеркалами души, которой в них нет. Души всего растительного и живущего, всего растущего, души полыни и ряски, малахита и ярь-медянки. Хрупкие прозрачные крылья пробиваются из ключиц, а множество мест, где они столь болезненно крепятся к коже, спрятаны так искусно, что Ханна не знает, где же кончаются протезы и начинается ее тело.

Одно и другое.

— Мне совершенно определенно следовало попросить еще один бокал бренди, — громко произносит Ханна. Слова нервно проливаются из охристых, оливковых, бирюзовых губ.

Ее волосы, точнее, не они, а парик, прячущий их, напоминает паразита, растущего на коре гниющего дерева, эпифит прядями падает на раскрашенные плечи, льется по спине между и вокруг основания крыльев. Длинные кончики, которые мужчина и женщина прикрепили к ее ушам, столь темны, что могут сравниться с ногтями, а соски покрыты такой же черной, бездонно зеленой краской из аэрографа. Она улыбается, даже ее зубы стали цвета зеленого горошка с оттенком мате.

Одна слеза зеленого стекла прочно приклеена между ее лишайниковых бровей.

«Я могу затеряться здесь, — думает она и тут же хочет сменить тему. — Возможно, это уже произошло».

И тогда Ханна с трудом отводит взгляд от зеркала, тянется к бокалу и последнему глотку бренди. Впереди вся ночь, чтобы так пугаться собственного костюма, слишком много предстоит сделать, слишком большие деньги поставлены на кон, страх — это роскошь. Она расправляется с бренди, и новое тепло, разлившееся по желудку, бодрит.

Ханна ставит пустой бокал на секретер и снова смотрит на себя. В этот раз там действительно она, в конце концов, знакомые черты лица, все еще заметные под гримом. Но иллюзия чертовски хороша. «Кто бы ни платил за это, он явно потратил деньги не зря», — мелькает мысль.

За дверями комнаты музыка все громче, разбухает до крещендо, струнные пускаются в погоню за флейтами, за ними, поспевая, молотят барабаны. Старая женщина по имени Джеки скоро придет за ней. Ханна глубоко вдыхает, наполняя легкие воздухом, пахнущим и оседающим на губах пылью и старой мебелью, краской на коже, с легким привкусом летнего дождя, падающего на крышу. Она медленно выдыхает и жадно смотрит на пустой бокал.

— Лучше держать голову чистой, — напоминает она себе.

«Но разве для этого я сюда пришла?» Ханна смеется, но что-то в комнате или в зеркальном отражении превращает звук в нечто большее, чем беспечный смешок.

А потом она разглядывает прекрасную, невозможно зеленую женщину, смотрящую на нее в ответ, и ждет.

II

— Все запрещенное становится таинственным, — говорит Питер, берет оставшегося слона, а потом ставит его обратно на доску, не сделав хода. — А таинственное всегда становится для нас притягательным, рано или поздно. Обычно рано.

— Что это? Какой-то неписанный закон общества? — спрашивает Ханна, отвлекаясь на Бетховена, который, по настоянию соперника, всегда сопровождает их партии в шахматы.

Сейчас звучит «Die Geschopfe des Prometheus»[1], и она уверена, что единственная цель музыки — это отвлечь ее внимание.

— Нет, дорогая. Просто утверждение гребаной очевидности.

Питер снова прикасается к черному слону и в этот раз почти берет одну из ее ладей, но потом передумывает. Когда Ханна только приехала на Манхэттен, он стал ее первым другом, а теперь, спустя тридцать лет, и самым ста-

[1] «Творения Прометея» (1801) — балет Людвига ван Бетховена, где он предпринял первую в истории попытку симфонизации балета.

рым, его борода уже местами поседела, усы стали серебряными, а глаза — серыми, словно зимнее небо.

— О, — откликается она, желая, чтобы он наконец взял чертову ладью и покончил с этим.

Два хода до мата, если, конечно, не принимать во внимание возможность Божественного вмешательства, и еще одна из его игр, Откладывание Неизбежного. Наверное, где-нибудь в этой захламленной квартире припрятана пара трофеев, фальшивых золотых кубков, любовно обернутых в вощеный ситец, призы за Умение и Превосходство в Искусстве Промедления.

— Табу взращивает желание. Чревоугодие порождает равнодушие.

— Бог ты мой, я сейчас это запишу, — говорит она, а он усмехается, дразняще подняв слона где-то на дюйм над доской.

— Да, следовало бы. Мой агент продал бы афоризмы кому-нибудь. «Большая книга прописных истин Питера Маллигэна». Уверен, она бы стала популярнее, чем мой последний роман. По крайней мере, она не могла бы быть менее популярной...

— Ты можешь прекратить трепаться и сделать ход, в конце-то концов? Бери долбаную ладью и заканчивай партию.

— Но, возможно, это ошибка, — говорит он и откидывается на стуле, на лице издевательская подозрительность, одна бровь поднята, палец указывает на королеву. — Это может быть ловушкой, а ты — хищником, который приманивает жертву, притворяясь мертвым.

— Да ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

— Имею. Ты понимаешь, о чем я. Животные, которые только притворяются мертвыми. Ты можешь быть одним из них.

— Я могу устать от твоей болтовни и пойти домой, — вздохнула Ханна, ведь он знал, что никуда она не уйдет, поэтому мог говорить все, что душе угодно.

— В любом случае это работа, ты можешь за нее взяться. Просто вечеринка. Довольно легкий заказ, по моему мнению.

— У меня съемка во вторник утром, не хочу зависать там на всю ночь.

— Опять у Келлермана? — спрашивает Питер и хмурится, отведя взгляд от доски и постукивая по подбородку митрой слона.

— Тебе не нравится?

— Ходят разные слухи, вот и все. Ну, я кое-что слышал о нем. Ты-то вообще никогда ничего не знаешь.

— Мне нужна работа, Пит. Я в последний раз продала картину еще при президентстве Линкольна. Я никогда не заработаю столько денег своей живописью, сколько получаю, работая моделью для других художников.

— Бедная Ханна, — говорит Пит, снова ставит слона на место рядом с королем, зажигает сигарету. Ханна хочет попросить у него еще одну, но он думает, что она бросила курить три месяца назад, и хорошо хоть в чем-то чувствовать над ним превосходство, иногда это даже полезно. — Ну, у тебя хотя бы есть резерв, — бормочет он и выдыхает. Дым зависает над доской, как над полем боя.

— Ты хоть знаешь, кто эти люди? — спрашивает Ханна и нетерпеливо смотрит на часы, висящие над мойкой.

— Лично не знаком, нет. Но они явно не из нашего круга. Совсем, ну... — Питер останавливается, подыскивая слово, но не находит его, потому продолжает: — Но француз, которому принадлежит дом на Сент-Маркс-плейс, мистер Ординэр[1], — прошу прощения, месье Ординэр, — вроде был кем-то вроде антрополога. Даже книгу написал.

— Может, Келлерман перенесет съемку на вторую половину дня, — задумчиво протягивает Ханна, отчасти разговаривая сама с собой.

— А ты хоть пробовала его? — спрашивает он, снова взяв фигуру и угрожающе махнув ею в сторону доски.

---

[1] Обыкновенный, заурядный, посредственный *(фр.)*. Но здесь также есть указание и на почтенный возраст обладателя дома на Сент-Маркс-плейс, так как именно человек по имени Пьер Ординэр, доктор, в 1792 году впервые записал рецепт абсента и стал использовать его как панацею, заодно придумав для него название «La Fee Verte» («Зеленая фея»).

— Нет, — ответила она, слишком занятая размышлениями о том, сможет ли фотограф перекроить свое расписание в ее пользу, чтобы злиться на игры Питера в кошки-мышки с ее ладьей.

— Ужасающая гадость! — фыркает он и строит гримасу, словно ребенок, в первый раз попробовавший брюссельскую капусту или пектусин. — Можно с таким же успехом выпить стакан черных желейных бобов и дешевой водки, если тебя интересует мое мнение. «La Fee Verte», в мою толстую задницу.

— У тебя нормальная задница, ты, тощий старый гомик. — Ханна игриво улыбается, быстро протягивает руку на другой конец стола и выхватывает фигуру из ладони Питера.

Он не сопротивляется. Не в первый раз она устает ждать, когда же партнер сделает ход, и берет белую ладью, ставя черного слона на ее место.

— Это самоубийство, дорогая, — резюмирует Питер, качая головой и хмурясь. — Ты же знаешь об этом, не так ли?

— А ты знаешь о животных, которые скукой подчиняют своих жертв?

— Нет. Кажется, никогда о них не слышал.

— Может, тебе следует почаще выбираться на улицу.

— Может, и следует, — отвечает он и ставит захваченную ладью к другим пленникам. — Так ты собираешься идти на вечеринку? Тысяча по-быстрому, если тебе интересно мое мнение.

— Тебе легко говорить. Не ты же будешь ходить голым перед кучей пьяных незнакомцев.

— Факт, за который все они будут тебе бесконечно благодарны.

— У тебя есть его номер? — спрашивает Ханна, сдаваясь.

После последней выставки возможность всего за одну ночь получить месячную арендную плату слишком заманчива. Попрошайки не выбирают.

— Умная девочка, — говорит Питер и еще раз затягивается сигаретой. — Номер где-то на столе. Напомни мне, когда будешь уходить. Твой ход.

III

— Сколько тебе было лет, когда это случилось, когда умерла твоя сестра? — спрашивает психолог, доктор Эдит Воллотон.

Ее аккуратно подстриженные волосы так черны, что Ханна при взгляде на них всегда думает о свежей смоле или о старой, уже застывшей, но ставшей смертельно мягкой под летним солнцем ловушкой для беспечных ползающих созданий. О ком-то, кого видит, когда одолевают кошмары, если не задается картина, или ее долго не приглашают работать моделью, или все вместе. О ком-то, кому можно рассказать все секреты, кто обязан сохранить их в тайне, кто обязан слушать, пока она платит, о месте, куда обращаются, когда вера ушла, а мысль о том, чтобы откровенничать со священником, вызывает сожаление.

— Почти двенадцать, — говорит Ханна и наблюдает, как Эдит Воллотон делает пометку в своем желтом блокнотике.

— А у тебя уже начались менструации?

— Да. Сразу после одиннадцатого дня рождения.

— А эти сны, камни, ты о них кому-нибудь рассказывала?

— Пыталась как-то матери.

— Она не поверила?

Ханна кашляет в кулак и пытается скрыть горькую, кривую улыбку, выдающую то, что она не хотела бы показывать.

— Она даже не услышала меня.

— А ты о феях ей пыталась рассказать?

— Не думаю. Мама всегда очень хорошо умела давать понять, что не хочет нас слушать. Мы быстро учились не тратить свое дыхание попусту.

— По твоим словам, мать так и не смогла смириться со смертью твоей сестры.

— Просто не пыталась. Как ни старался отец или я, она считала нас предателями. Будто именно мы загнали Джудит в могилу. Или будто именно мы держим ее там прямо сейчас.

— Значит, она именно так и считала, если она не могла принять этого.

— Поэтому нет,— говорит Ханна, раздраженная, что платит кому-то за сочувствие к своей матери.— Нет, думаю, я никому по-настоящему не рассказывала об этом.

— И ты думаешь, что хочешь рассказать все мне сейчас? — спрашивает психолог и делает глоток воды из бутылки, не отводя взгляда от Ханны.

— Ты говорила, мне надо рассказывать о кошмарах, обо всем, что считаю кошмарами. А вот именно в этом я и не уверена.

— Не уверена, что это кошмар или что это вообще сон?

— Ну, я всегда думала, что бодрствую. Годами мне никогда не приходила в голову мысль, что это всего лишь сон.

Эдит Воллотон молча смотрит на нее какое-то время. Спокойная, насмешливая кошачья мордочка, непроницаемая, прекрасно натренированная, чтобы позволить хоть чему-то выскользнуть и показаться из-за этих темных глаз. Слишком бесстрастная для чопорности, слишком заинтересованная для равнодушия. Иногда Ханна думает, что врач — лесбиянка, но, возможно, это только потому, что подруга, рекомендовавшая ее, сама была лесбиянкой.

— У тебя сохранились те камни? — спрашивает наконец психолог.

Ханна по привычке пожимает плечами:

— Наверное, есть где-то. Я никогда ничего не выбрасываю. Может, до сих пор валяются в папиной квартире, насколько я помню. Много моего барахла там лежит, еще с детства.

— А найти ты их не пыталась?

— Не уверена, что хочу этого.

— Когда ты в последний раз видела их или помнишь, когда в последний раз видела?

И Ханне приходится остановиться и подумать, вгрызться в усеянный заусенцами ноготь большого пальца, посмотреть на часы, стоящие на столе психолога, другой рукой неосознанно чертя бесконечные круги. Секунды отсчитывались центами, пятицентовиками, десятками, и «Ханна, ты должна излагать все четко и кратко»,— подумала она, и ее внутрен-

ний голос удивительно напоминал интонациями голос доктора Воллотон. «Трата денег, трата денег...»

— Не можешь вспомнить? — осведомляется психолог и наклоняется ближе к Ханне.

— Я держала их в старой коробке из-под сигар. Думала, ее подарил мне дедушка. Правда, это оказалось не так. Он подарил ее Джудит, а потом я забрала ее после несчастного случая. Не думаю, чтобы сестра возражала.

— Я бы хотела увидеть их как-нибудь, если ты снова на них наткнешься. Как думаешь, если камни реальны, они помогут тебе понять, сон это был или нет?

— Может быть.— Ханна бормочет, обкусывая ноготь.— А может, нет.

— Почему ты так говоришь?

— Такие штуки, слова, процарапанные на камнях, их легко может смастерить и ребенок. Я могла сделать их сама. Или их сделал кто-то другой, решил меня разыграть. Их мог оставить там кто угодно.

— А люди часто проделывают с тобой такое? Разыгрывают?

— Не помню ничего подобного. Не больше, чем обычно.

Эдит Воллотон записывает что-то на желтой бумаге, потом проверяет часы.

— Ты говорила, камни всегда появлялись после снов. А до — никогда?

— Нет, никогда. Всегда после. Они появлялись только на следующий день, на одном и том же месте.

— У старого колодца,— говорит психолог, словно Ханна могла забыть об этом и нуждалась в напоминании.

— Да, там. Папа вечно хотел сделать с ним что-нибудь, еще до несчастного случая. Не только положить сверху парочку старых жестяных листов и закрыть дыру. После, естественно, суд графства обязал его завалить колодец.

— Твоя мать винила его за несчастный случай, ведь он так ничего и не сделал с дырой?

— Мать винила всех. Его. Меня. Тех, кто выкопал колодец на этом треклятом месте. Бога, за то, что Он пустил

под землей воду и люди стали копать колодцы. Поверь, мамочка довела обвинение воистину до искусства.

Снова длинная пауза, отмеренная предупредительность психолога, моменты тишины, которые она сажала, как семена, дававшие всходы еще более проникновенных откровений.

— Ханна, я хочу, чтобы ты вспомнила слово, выбитое на первом найденном камне. Ты можешь сделать это?

— Легко. Слово было «следуй».

— А на последнем, что было написано на самом последнем камне?

В этот раз Ханна задумалась, но ненадолго:

— «Падай». Там было написано «падай».

IV

Полбутылки «Mari Mayans» раздобыла ей подруга Питера, девушка-гот, работавшая диджеем в клубе, где Ханна никогда не бывала, так как по клубам не ходила. Не танцевала и всегда относилась более или менее равнодушно и к музыке, и к моде. Готка днями обиталась в магазине «Треш и водевиль» на площади Святого Марка, продавая ботинки «Док Мартенс» и голубую краску для волос всего лишь в паре кварталов от дома, чей адрес был на карточке, которую Ханне дал Питер. Дома, где состоится праздник «La Fete de la Fee Verte»[1], если верить маленькому белому кусочку картона с телефонным номером. Она уже позвонила, согласилась явиться точно в семь, ровно в семь, ей дважды в деталях объяснили, чего же от нее ждут.

Ханна сидит на полу, рядом со своей кроватью, по бокам горит пара свечей с ароматом ванили, она чувствует себя обязанной хотя бы попытаться обеспечить атмосферу. Необходимая демонстрация уважения к мистике, которая ее совершенно не интересует, но иначе нельзя, ведь чтобы достать эту бутылку, пришлось слегка повозиться. Абсент ей передали в коричневом бумажном пакете без малейшего следа

[1] «Праздник Зеленой феи» *(фр.)*.

положенной конспирации, девушка обожгла Ханну осторожным взглядом из-под век, покрытых черными и пурпурными тенями так густо, что Ханна даже удивилась, как та вообще открывает глаза.

— Ты — подруга Питера? — подозрительно спросила девушка.

— Да, — ответила Ханна и приняла пакет. Голова слегка кружилась, чувствовать себя почти преступницей было даже немного приятно. — Мы играем в шахматы.

— Художница.

— Бóльшую часть времени.

— Питер — прикольный старик. Он как-то внес залог за моего друга, пару лет назад.

— Неужели? Да, он чудесный.

Ханна нервно взглянула на покупателей, роющихся на полках с кожаными сумочками и корсетами, потом на дверь и яркий свет снаружи.

— Не нужно так волноваться. Иметь абсент вполне законно, его даже законно пить, незаконно только импортировать, чем мы не занимаемся. Так что не потей.

Ханна кивнула, думая, правду ли говорит ей эта девушка, знает ли, о чем вообще речь, и спросила:

— Сколько я должна?

— О, нисколько. Ты — подруга Питера, к тому же у меня есть кос-кто в Джерси, он поставляет мне бутылки по дешевке. Просто принеси обратно то, что не выпьешь.

Теперь Ханна скручивает крышку с горлышка, запах аниса такой сильный, такой неожиданный, что она чувствует его, едва поднеся бутылку к носу. Черные желейные бобы, проносится мысль, прямо как сказал Питер, ей они никогда не нравились. Только девочкой она раскладывала черные и розовые отдельно, сохраняя первые для сестры. Та их любила.

У нее был бокал для вина из неполного комплекта, купленного на распродаже прошлым Рождеством, коробка сахарных кубиков, графин отфильтрованной водопроводной воды, ложка из еще старых материнских запасов столового серебра. Она наливает абсент, позволяя ему медленно сочиться из бутылки, пока светящаяся желто-зеленая жидкость не заполняет

дно. Потом Ханна кладет ложку сверху бокала, в тусклое углубление помещает сахарный кубик. Вспоминает, как это делали Гэри Олдмэн и Вайнона Райдер в «Дракуле», вспоминает, как смотрела фильм с другом, который в конце концов бросил ее ради мужчины, и памяти, вызванных ею ассоциаций достаточно, чтобы остановиться и сесть, рассматривая бокал.

— Это так непроходимо тупо,— говорит Ханна. Но часть ее, та, что чувствует себя виноватой, соглашаясь на работу, помогающую оплачивать счета, но не имеет ничего общего с живописью, та, что вечно дает объяснения, оправдывает тот образ жизни, который она ведет, убеждает ее, что это всего лишь часть творческого поиска. Новый опыт, расширяющее горизонты увеличение кругозора, и все это только для того, чтобы направить ее искусство туда, куда должно.

— Какая ерунда,— шепчет Ханна, хмуро разглядывая абсолютно непривлекательный бокал испанского абсента.

Она читала «Абсент: история в бутылке», «Художники и абсент», биографии Ван Гога и Рембо, Оскара Уайльда и Поля-Мари Верлена об их разнообразных отношениях с этой дурно пахнущей жидкостью. Ханна никогда не испытывала особого уважения к художникам, использовавшим в качестве опоры тот или иной наркотик, а потом называвшим его своей музой; героин, кокаин, марихуана, куча всяких других веществ — все это было просто дерьмом, по ее мнению. Оправданием, неспособностью художника дать себе отчет в собственном искусстве, ленивое, трусливое бегство, столь же бесполезное, как и сама идея музы. А этот наркотик в особенности, настолько прочно связанный с поэзией, живописью, вдохновением, что даже на его этикетке изображена картина Ренуара, ну или, по крайней мере, нечто на него похожее.

«Черт побери, если ты вляпалась во все это, то хоть попробуй. Просто попробуй, удовлетвори любопытство, посмотри, из-за чего вся суета».

Ханна ставит бутылку, берет воду и льет ее на ложку, прямо на сладкий кубик, абсент быстро делается переливчатым, молочным, беловато-зеленым. Потом она опускает графин на пол, высыпает полурастворившийся сахар в бокал, кладет ложку на фарфоровое блюдце.

— Наслаждайся поездкой, — сказала готка, когда Ханна уже выходила из магазина. — Это просто взрыв.

Ханна поднимает бокал к губам, принюхивается, морща нос, и первый, неуверенный глоток оказывается даже слаще и пикантнее, чем она ожидала, мягкосахарным огнем, семидесятиградусный цветок расцветает теплотой в желудке. Но вкус оказывается намного ужаснее, чем она предполагала, лакрица и спирт жалят ее, под ними скрывается легкая горечь, наверное от полыни. Второй глоток уже не так шокирует, особенно после того, как язык слегка онемел.

Ханна открывает «Абсент: история в бутылке» снова, наугад листает страницы, и вот большая репродукция «Зеленой музы» Альбера Меньяна[1]. Блондинка с мраморной кожей, золотистыми волосами, завернутая в просвечивающую темно-зеленую складчатую ткань, ее ноги невесомо парят над половицами, а руки ласкают лоб отравленного поэта. Мужчина жаждет, кажется, он одержим экстазом, или весельем, или простым бредом, его правая рука когтями вцепилась в собственное лицо, левая открыта, как будто в слабой попытке оградиться от внимания неземной партнерши. «Или, — думает Ханна, — возможно, он к чему-то тянется». У его ног на полу лежит разбитая бутылка, полный бокал абсента стоит на столе.

Она пригубливает напиток и переворачивает страницу.

Фотография: Верлен пьет абсент в кафе «Прокоп».

Еще один, уже смелый глоток, вкус становится знакомым, почти приятным.

Следующая страница. «Бульвар ночью» Жана Беро[2].

Бокал пуст, нежное жужжание в голове и глазах, словно от жалящего насекомого, завернутого в медовый паутинный шелк. Ханна берет еще сахар и наливает себе следующий бокал.

---

[1] Меньян Альбер (1845—1908) — французский художник, книжный иллюстратор и гравер.

[2] Беро Жан (1849—1936) — французский художник, один из основателей Национального общества искусств, один из самых известных авторов жанровых картин, рассказывающих о быте и нравах Третьей республики.

V

«Феи.

„Кресты фей".

„Харперс уикли".

Тут, рядом с точкой, где пересекаются Голубой хребет и Аллеганские горы, на север от графства Патрик, штат Виргиния, найдено множество маленьких каменных крестов.

Раса малюток.

Они распинали тараканов.

Изысканные существа, изысканные и в жестокости. В своем крохотном образе жизни они похожи на людей. Они распинают.

Как пишут в „Харперс уикли", „кресты фей" по весу достигают от четверти унции до унции, но в „Сайснтифик Американ" утверждают, что некоторые из них не больше булавочной головки.

Их находили в двух других штатах, но все виргинские артефакты сосредоточены строго вокруг горы Булл...

...Я думаю, они там упали».

Чарльз Форт. «Книга проклятых» (1919).

VI

Сон никогда не повторяется дважды, не в деталях. Ханне двенадцать лет, она стоит у окна спальни и смотрит на задний двор. Почти стемнело, последние лучи исчезают в сумерках, бледно-зеленые светлячки круглыми пятнами усеивают тени, в высоком индиговом небе уже мерцает несколько звезд, из лесов доносится крик козодоя.

Ему отвечает еще один.

Трава движется. Она так сильно выросла, отец больше не подстригает ее. Это может быть ветер, вот только ветра нет: деревья молчаливо застыли в совершенстве, ветка не шелохнется, листок не зашуршит под легчайшим дуновением воздуха. Только трава. «Может, это просто кошка, — думает она, — кошка, скунс или енот».

В спальне поселилась тьма, девочка хочет включить лампу, боясь беспокойной растительности, хотя и знает, что там всего лишь бродит какое-нибудь маленькое животное, проснувшееся ночью поохотиться, решившее срезать путь через дворик. Ханна оглядывается через плечо, хочет попросить Джудит включить свет, но там только темная комната, пустая кровать сестры, и она все вспоминает. Опять. Она всегда чувствует это, будто слышит в первый раз: удивление, неверие; боль свежа, как и онемение, следующее за реальностью.

— Ты не видела свою сестру? — спрашивает мать в открытую дверь спальни.

Там разлилось столько ночи, что Ханна ничего не может различить, только мягко светящиеся глаза матери, мерцающие успокаивающим цветом янтарных бус, с кошачьими зрачками, расширившимися от мрака.

— Нет, мама, — говорит ей Ханна, а в комнату вливается запах сожженных листьев.

— Ей не следует гулять так поздно, завтра в школу.

— Да, мама, не следует.

Одиннадцатилетняя Ханна удивляется тридцатипятилетнему голосу, идущему из ее рта; тридцатипятилетняя Ханна вспоминает, как чист, как не обременен временем и горем должен быть голос одиннадцатилетней.

— Тебе нужно присматривать за ней.

— Я всегда за ней присматриваю. Ты опоздала.

— Ханна, ты видела свою сестру?

Снаружи трава начинает вращаться, волны расходятся кругами, бледное зеленое свечение танцует в нескольких дюймах над землей.

«Светлячки», — думает Ханна, хотя знает, что это не так, так же как и раньше понимала, что не кошка, скунс или енот колышут траву.

— Твой отец должен был приглядывать за этим проклятым колодцем, — бормочет мать, запах горящих листьев становится сильнее. — Он должен был сделать хоть что-то много лет назад.

— Да, мама, должен. Ты должна была заставить его.

— Нет! — со злостью возражает мать. — Это не моя вина. Это вообще не моя вина.

— Нет. Разумеется, нет.

— Когда мы купили это место, я просила его разобраться с колодцем. Говорила, как он опасен.

— Ты была права, — отзывается Ханна, глядя на траву, нежно пульсирующее облако зеленого света висит над ней. Оно размером всего лишь с баскетбольный мяч. Потом становится больше.

Уже слышится музыка — дудки, барабаны, скрипки,— похожая на какую-то песню из отцовских пластинок с фолком.

— Ханна, ты видела свою сестру?

Она поворачивается и вызывающе смотрит в светящиеся, обвиняющие глаза матери:

— В третий раз, мам. Теперь тебе придется уйти. Извини, но таковы их правила.

И ее мать действительно уходит, послушный призрак медленно исчезает со вздохом, вспышкой, полусекундой, когда тьма словно вворачивается сама в себя и забирает с собой запах горящих листьев.

Свет, парящий над двориком, становится ярче, скудно отражаясь от оконного стекла, от кожи Ханны и белых стен комнаты. Музыка становится громче, отвечая на вызов.

Питер встает рядом с ней. Она хочет взять его за руку, но не делает этого, так как не уверена, положено ли ему быть в этом сне.

— Я — Зеленая фея,— грустно говорит он усталым, старым голосом. — Мое платье цвета отчаяния.

— Нет. Ты всего лишь Питер Маллигэн. Ты пишешь книги о местах, где никогда не был, о людях, которые никогда не появятся на свет.

— Тебе не следует приходить сюда снова,— шепчет он, свет во дворе отражается от его серых глаз, придавая им оттенок мха и плюща.

— Никому не надо. Никто и не может.

— Это не означает...

Он замирает и безмолвно смотрит во двор.

— Я должна попытаться отыскать Джудит, — продолжает Ханна. — Ей нельзя так поздно гулять, завтра в школу.

— Картина, которую ты нарисовала прошлой зимой, — бормочет Питер, словно пьян или только проснулся. — Голуби на подоконнике, заглядывающие в комнату.

— Это была не я. Ты думаешь о ком-то другом.

— Я просто ненавидел эту проклятую картину. Очень радовался, когда ты ее продала.

— Я тоже, — отвечает Ханна. — Мне надо найти сестру прямо сейчас, Питер. Уже время обедать.

— Я — гибель и печаль, — шепчет он.

Зеленый свет кружится все быстрее, разбрасывая в танце мерцающие хлопья, вращаясь вокруг материнской звезды, маленькие новорожденные миры, вселенные, она могла взять их в правую ладонь.

— Мне нужна, — говорит Питер, — кровь, красная и горячая, трепещущая плоть моих жертв.

— Боже, Питер, это слишком витиевато даже для тебя.

Ханна протягивает руку, позволяя пальцам прикоснуться к стеклу. Оно теплое, как весенний вечер, как материнские сияющие глаза.

— Я этого не писал.

— А я не рисовала голубей.

Она прижимает пальцы к оконному стеклу и не удивляется, когда оно раскалывается, разлетается, сверкающий бриллиантовый взрыв проникает внутрь, раздирая Ханну на части, распарывая грезу, пока не остается только бессознательный, прерывистый сон.

VII

— Я не в настроении, — говорит Ханна и ставит бумажную тарелку с тремя липкими несъеденными кубиками оранжевого сыра и парочкой крекеров «Рицц» на угол удобного столика. Он завален флаерсами других шоу, премьер и галерей.

Она смотрит на Питера, потом на длинную белую комнату и холсты на стене.

— Думал, тебе станет лучше после прогулки. Ты теперь никуда не выходишь.

— Я прихожу к тебе.

— Вот именно, дорогая.

Ханна делает глоток теплого мерло из пластикового стаканчика, желая вместо него холодного пива.

— И ты говорила, тебе нравятся работы Перро.

— Да. Я просто не уверена, что готова к этому сегодня. В последнее время чувствую себя плохо, вся в себе.

— Это обычно происходит с людьми, которые дали зарок не заниматься сексом.

— Питер, я не давала никаких зароков.

И она следует за ним в первом медленном круге по комнате, перебрасываясь словами с людьми, которых едва знает или вообще не хочет знать, людьми, которые знают Питера лучше, чем ее, людьми, чьи мнения важны, и людьми, с которыми она желала бы никогда не встречаться. Ханна улыбается, кивает, потягивает вино, старается не смотреть слишком долго на эти огромные темные полотна, тянущиеся, словно масляно-акриловые окна поезда.

— Он старается увлечь нас вниз, к самой сути этих старых историй, — говорит Питеру женщина по имени Роза. У нее есть галерея где-то в престижной части города, там, где никогда не будут висеть картины Ханны. — «Красная Шапочка», «Белоснежка», «Гензель и Гретель» — все эти старые сказки. Крайне постфрейдистский подход.

— Именно, — замечает Питер. Как будто соглашается, словно ему не наплевать, хотя Ханна понимает, насколько ему все равно.

— Как идет новый роман? — спрашивает его Роза.

— Как рот, забитый солеными чертежными кнопками, — отвечает он; дама смеется.

Ханна поворачивается и смотрит на ближайшую картину, это легче, чем слушать, как женщина и Питер притворяются, что наслаждаются обществом друг друга. Мрачный шторм черного, красного и серого, пятнистый хаос, борющийся, старающийся сложиться в образ, образ, застывший

на границе восприятия. Вроде она видела фотографию этой картины в «Артфоруме».

Маленькая бежевая карточка на стене справа от полотна гласит, что это «Ночь в лесу». Цены на пей нет, картины Перро никогда не продаются. До Ханны доходили слухи о миллионах, десятках миллионов, полученных им за свои творения, но она подозревает, что это все преувеличение и пиар. Городские легенды современных художников. К тому же из других источников она слышала, что он вообще не нуждается в деньгах.

Роза говорит что-то об изучении возможностей, о сказках, будто бы дети используют их, стараясь избежать реальной опасности, скорее всего, она прочитала это у Бруно Беттельгейма[1].

— Я лично всегда старался докопаться до сущности волка, — говорит Питер, — или злобной ведьмы, или трех медведей, чего-нибудь в таком духе. Никогда не видел смысла изучать подлинную символику образа маленьких девочек, слишком тупых, чтобы остаться дома, а не шляться по лесам в одиночку.

Ханна мягко смеется, про себя и для себя, отступает от картины, прищуриваясь. Безлунное небо жестоко давит на спутанный, извилистый лес, тропа, нечто ребристое ждет среди теней, согбенные плечи, точно выверенное пятно багрянца там, где должны быть глаза создания. На тропе никого нет, но намек понятен — оно там будет скоро, тварь, прижавшаяся к земле под деревьями, терпелива.

— А камни вы не видели? — спрашивает Роза.

— Нет, — отвечает Питер, — нет, не видели.

— Это для него новое направление. Выставляет всего во второй раз.

«Если бы я могла так рисовать, — думает Ханна, — то могла бы предложить доктору Воллотон поцеловать меня в задницу. Если бы я могла так рисовать, то это уже стало бы экзорцизмом».

---

[1] Беттельгейм Бруно (1903—1990) — немецко-австрийский психоаналитик, специалист в области лечения и обучения детей с серьезными нарушениями эмоционального развития, в особенности страдающих аутизмом. Роза, скорее всего, читала книгу Беттельгейма «О пользе волшебных сказок» (1976).

После чего Роза ведет их к плохо освещенному углу галереи, к ряду клеток из ржавой проволоки, внутри каждой лежит по камню. Маленькие или большие, обкатанный водой сланец и гранит, на каждом грубо выгравировано одно слово.

Первый. «Следуй».

— Питер, мне нужно выйти прямо сейчас, — говорит Ханна и не может оторвать взгляд от желто-коричневого камня, слова, вытатуированного на нем, не осмеливается перевести глаза на следующий.

— Тебе плохо?

— Мне нужно идти, вот и все. Нужно идти прямо сейчас.

— Если вам плохо, — реагирует женщина по имени Роза, чересчур стараясь быть заботливой, — там есть комната отдыха.

— Нет, я в порядке. Правда. Просто хочется на свежий воздух.

Питер осторожно обнимает ее, защищая, быстро, но вежливо прощается с Розой. Но Ханна по-прежнему не может отвести глаз от камня, замершего за проволокой маленьким злобным зверьком в зоопарке.

— Удачи с книгой! — говорит Роза и улыбается.

Ханна понимает: ее сейчас стошнит, придется в конце концов бежать до туалета. Во рту появился железистый привкус, сердце стучит деревянным молотком по мертвой, замороженной говядине, адреналин, первый, интенсивный приступ головокружения.

— Было приятно видеть вас, дорогая, — прощается обладательница галереи, Ханна умудряется улыбнуться, даже кивнуть.

А потом Питер быстро проводит ее сквозь забитую людьми галерею, выводит на воздух, в теплую ночь, раскинувшуюся вдоль Мерсер-стрит.

VIII

— Ты хочешь поговорить о том дне у колодца? — спрашивает доктор Воллотон.

Ханна закусывает обветренную нижнюю губу:

— Нет. Не сейчас. Не снова.

— Ты уверена?

— Я уже рассказала все, что помню.

— Если бы они нашли тело, — говорит психолог, — возможно, отец и мать смогли бы сдвинуться с мертвой точки. Это было бы по крайней мере какое-то подобие завершения. Не осталось бы этой изнуряющей надежды, что кто-то найдет ее, что она, возможно, жива.

Ханна громко вздыхает, смотрит на часы в поисках свободы, но впереди еще целых полчаса.

— Джудит упала в колодец и утонула, — говорит она.

— Но тела так и не нашли.

— Нет, но нашли достаточно свидетельств, чтобы быть в этом уверенным. Она упала в колодец. Утонула. Там было слишком глубоко.

— Ты говорила, что слышала, как она звала тебя...

— Я не уверена. — Ханна прерывает психолога, пока та не разразилась следующим вопросом, пока не обратила ее собственные слова против нее. — Я никогда не была уверена в этом полностью и уже говорила об этом.

— Извини, если я на тебя давлю.

— Просто не вижу смысла пересказывать одно и то же.

— Тогда снова поговорим о снах, Ханна. Давай вспомним тот день, когда ты увидела фей.

IX

Сны или день, из которого они поднимаются, уже полузабытый, всегда жаждут вернуться. Сны или сам день, одно или другое, собственно, большой разницы нет. Разум существует в секунде, единственном мерцающем моменте, вспоминаемом или реальном, во сне или наяву, или где-то посредине, в драгоценной предательской иллюзии Настоящего, барахтающейся между Прошлым и Будущим.

Сон о дне или сам день: солнце стоит высоко, маленькое, белое, слепящее июльское солнце, спускающееся лучами сквозь высокие деревья леса позади дома Ханны. «Ты меня

не поймаешь, копуша. Даже не сможешь нагнать». Девочка спотыкается о спутанную сеть плюща, ей приходится остановиться, чтобы высвободить левую ногу.

— Подожди! — кричит она, но Джудит не отзывается. — Я хочу посмотреть. Подожди меня!

Растения пытаются стянуть с ноги теннисную туфлю, оставляют яркое ожерелье капель крови на лодыжке. Но она освобождается буквально за секунду, бежит по узкой тропинке, стараясь поймать сестру, бежит сквозь летнее солнце и тени от дубовых листьев.

— Я кое-что нашла, — сказала ей Джудит за завтраком. Они обе сидели на крыльце черного входа. — На лужайке, рядом со старым колодцем.

— Что? Что ты нашла?

— О, не думаю, что мне следует рассказывать тебе. Совершенно точно, я не должна тебе ничего рассказывать. Ты можешь все разболтать маме и папе. Все испортить.

— Я не скажу. Я ничего им не скажу. Вообще никому.

— Нет, скажешь, трепло.

В конце концов Ханна отдала ей все свои карманные деньги, половину за рассказ, другую — за показ того, что же она там нашла. Сестра засунула руку глубоко в карман и вытащила оттуда сияющий черный камень.

— Я дала тебе целый доллар, чтобы ты показала мне булыжник?

— Нет, дура. Посмотри на него.

В камне глубоко процарапаны буквы — ДЖУДТ — пять кривых букв, почти что правильное написание имени сестры, Ханна не смогла притвориться, что ей все равно.

— Подожди меня! — снова кричит она, теперь со злобой, ее голос эхом отражается от стволов старых деревьев, мертвые листья хрустят под ногами.

Ханна уже думает, что это всего лишь шутка, один из розыгрышей Джудит, и сейчас сестра, скорее всего, следит за ней из укромного места, прямо сейчас, в эту самую секунду, тихо хихикая. Ханна останавливается, замирает посреди тропинки, слушая звуки шепчущего вокруг леса.

И нечто отдаленное, ритмическое, похожее на музыку.

— Это еще не все, — продолжила Джудит. — Но ты должна поклясться, что ничего не скажешь маме и папе...

— Клянусь.

— Если ты нарушишь клятву, обещаю, я заставлю тебя сильно об этом пожалеть.

— Я ничего никому не скажу.

— Отдай! — скомандовала Джудит, и Ханна немедленно отдала ей черный камень. — Если ты все-таки скажешь...

— Я уже сказала, что не буду. Сколько раз еще повторять?

— Ну ладно.

Сестра повела ее к маленькому сараю для инструментов, где отец держит машинку для стрижки живой изгороди, мешки с удобрениями и старые газонокосилки, которые любит разбирать, а потом старается собрать заново.

— Это должно стоить моего доллара, — проворчала Ханна.

Она стоит очень-очень тихо, слушает музыку, становящуюся все громче. Похоже, та идет из просеки впереди.

— Я иду домой, Джудит! — кричит Ханна, не блефуя, так как неожиданно ей стало все равно, настоящая ли та штука в банке.

Солнце уже не кажется таким теплым, как секунду назад.

А звуки все громче.

И громче.

Джудит вынула пустую банку из-под майонеза из кроличьей норки рядом с навесом сарая и принялась рассматривать ее, вертя на солнце, улыбаясь находящемуся внутри.

— Дай посмотреть! — Ханна в нетерпении.

— Может, мне стоит заставить тебя дать мне еще один доллар, — ответила сестра, усмехаясь, не отрывая взгляда от банки.

— Ни за что! — возмегодовала Ханна. — Ни за какие коврижки. — Она попыталась выхватить стекляшку, но Джудит оказалась быстрее, рука Ханны скользнула по пустоте.

В лесу Ханна поворачивается и смотрит в сторону дома, потом в сторону просеки, ожидающей ее за деревьями.

— Джудит! Это не смешно! Я иду домой прямо сейчас!

Ее сердце стучит так же громко, как музыка. Почти. Не так, но близко.

Волынки и скрипки, барабаны, звон, как от тамбуринов.

Ханна делает еще один шажок в сторону просвета, потому что никогда не покажет сестре, что испугалась. Это глупо, сейчас ясный день, и она знает этот лес как свои пять пальцев.

Джудит свернула крышку, протянула банку Ханне, та увидела маленькую засохшую штуку, кучкой свернувшуюся на дне. Крохотная мумифицированная скорлупка какого-то создания, серая и рассыпающаяся на солнечном свете.

— Это просто треклятая дохлая мышь! — с омерзением сплюнула Ханна. — Я дала тебе целый доллар, чтобы посмотреть на камень и мышь в банке?

— Это не мышь, тупая. Смотри внимательнее.

Ханна так и поступила: наклонилась ближе и увидела стрекозиные крылья на спине, прозрачные, радужные крылья, слабо поблескивающие в солнечных лучах. Ханна прищуривается и понимает, что видит лицо существа, понимает, что у него вообще есть лицо.

— О! — вскрикнула она, быстро взглянув на свою триумфально улыбающуюся сестру. — О Джудит. Боже мой! Что это?

— А ты не знаешь? — спросила та. — Тебе все надо разжевать?

Ханна пробирается сквозь бурелом туда, где тропинка исчезает под нагромождением упавших гниющих древесных стволов. Отец рассказывал, что когда-то там стоял дом. Давным-давно. Осталась только большая куча камней, где раньше находилась печная труба, и колодец, закрытый ржавыми гофрированными листами жести. Здесь был пожар, все жители дома погибли.

С другой стороны бурелома Ханна делает глубокий вдох и ступает на яркий свет, оставляя позади древесные тени, лишаясь последнего шанса ничего не увидеть.

— Разве не здорово?! — закричала Джудит. — Разве это не самая прикольная вещь, которую ты когда-либо видела?

Кто-то сдвинул в сторону жестяные листы, колодец такой темный, что даже солнце туда не заглядывает. Потом Ханна видит широкое кольцо грибов, идеально ровный круг поганок, мухоморов и губчатых коричневых сморчков, растущих

вокруг дыры. Жар струями поднимается от жести, танцующий мираж дрожит, словно воздух превратился в воду, музыка становится оглушительной.

— Я нашла это, — прошептала Джудит и изо всех сил закрутила крышку на банке. — Я нашла это и собираюсь сохранить. И тебе лучше держать рот на замке, или я никогда, никогда тебе больше ничего не покажу.

Ханна отводит взгляд от грибов, от открытого колодца, с краев поляны на нее смотрят тысячи глаз. Глаз, похожих на индиговые ягоды, рубины, капли меда, золото и серебряные монеты, глаз, похожих на огонь и лед, глаз, похожих на жаркие проникающие удары полночи. Глаз, наполненных невообразимым голодом, ни хороших, ни плохих, ни реальных, ни невозможных.

Что-то размером с медведя, сидящее в тени тополя, поднимает свою угольную голову и улыбается.

— Еще одна красавица! — ревет оно.

Ханна поворачивается и бежит.

X

— Но ты знаешь, что должна была увидеть в тот день, — говорит доктор Воллотон и слегка постукивает резинкой на конце карандаша по зубам. Есть что-то непристойно честное в выражении ее лица, думает Ханна, в методичном постукивании карандаша по совершенно белоснежным резцам с шикарным прикусом. — Ты видела, как твоя сестра упала в колодец, или поняла, что это произошло. Наверное, слышала ее крики о помощи.

— Может, я ее столкнула, — шепчет Ханна.

— Думаешь, именно это произошло?

— Нет, — отвечает пациентка и трет виски, стараясь массажем отогнать первую смутную пульсацию приближающейся головной боли. — Но мне лучше верить, что дело было именно так.

— Думаешь, с этим жить будет легче, чем с тем, что помнишь сейчас?

— Разве это не так? Разве не легче поверить, что она разозлила меня в тот день и я столкнула ее? А потом придумала все эти сумасшедшие истории, чтобы не чувствовать вины за содеянное? Может, в этом причина кошмаров, моя совесть пытается силой принудить меня сознаться.

— А в чем тогда смысл камней?

— Я могла сама их туда положить. Выцарапала на них слова, спрятала там, где могла найти, потому что знала — так легче поверить. Чтобы у меня было нечто реальное, вещественное, прочное, напоминающее об этой истории, истории, предположительно ставшей правдой.

Длинная пауза чего-то похожего на полную тишину, только тикают часы на столе да карандаш постукивает по зубам психолога. Ханна быстрее трет виски, подлинная боль почти в досягаемости, ждет ее в следующей минуте или в следующей, огромная и абсолютная, темно-фиолетовый взрыв в венах багрянца и темноты. Наконец доктор Воллотон откладывает карандаш и глубоко вздыхает.

— Это признание, Ханна? — спрашивает она, непристойная честность растворяется, превращаясь в нечто похожее то ли на страстное предчувствие, то ли на простое научное любопытство, то ли на страх. — Ты убила свою сестру?

Ханна качает головой и крепко зажмуривается.

— Джудит упала в колодец, — спокойно говорит она. — Сдвинула крышку, слишком близко подошла к краю. Шериф показал родителям, где осыпался под ее весом маленький кусочек земли. Она упала в колодец и утонула.

— Кого ты так тщательно стараешься в этом убедить? Меня или себя?

— А ты думаешь, это имеет значение? — отвечает Ханна вопросом на вопрос.

— Да, — говорит доктор Воллотон. — Да, я так думаю. Тебе нужно знать правду.

— Какую? — спрашивает Ханна и улыбается, не обращая внимания на боль, набухающую за веками.

В этот раз психолог не ответила, позволив просидеть пациентке перед ней, пока часы не показали, что время сеанса вышло.

XI

Питер Маллигэн передвигает черную пешку на две клетки вперед, Ханна берет ее белым конем. Он даже не старается сегодня, это ужасно ее раздражает.

Питер пытается изобразить удивление от потери еще одной фигуры, потом притворяется, что хмурится, и обдумывает следующий ход, говоря:

— По-русски полынь иногда называют чернобылем. Келлерман был недоволен?

— Нет. На самом деле он сам решил перенести съемку на вторую половину дня. Вроде все в порядке.

— Маленькие чудеса. — Питер вздыхает, берет ладью и ставит ее на место. — Так ты пойдешь на вечеринку к антропологу?

— Да. Пойду.

— Месье Ординэр. Думаешь, он родился с этим именем?

— Думаю, мне совершенно все равно, если только его чек не примут в банке. Тысяча долларов за участие в маскараде. Всего-то несколько часов. Я была бы дурой, решив не пойти туда.

Питер снова берется за ладью, покачивает ею в воздухе, дразня Ханну:

— Кстати, к вопросу о его книге. Я тут вспомнил ее название, но снова все позабыл. В любом случае речь там шла о шаманизме и существах, изменяющих форму, вервольфах, масках — в общем, все в таком духе. Продал довольно много экземпляров в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году, потом книга исчезла с лица земли. Можешь найти о ней что-нибудь в Интернете.

Питер делает ход и отводит руку.

— Не надо, — замечает Ханна. — Это мат.

— Ну ты хоть позволь мне проиграть самому, дорогая, — хмурится он, притворяясь оскорбленным.

— Ну а я еще не готова идти домой, — отвечает Ханна, и Питер Маллигэн продолжает трястись над доской, рассказывая о забытой книге месье Ординэра.

Спустя какое-то время она встает и снова наливает обоим кофе. На подоконнике кухни сидят два голубя, черный и серый, смотрят на нее бусинами глаз цвета мочи. Это о чем-то напоминает ей, но она не хочет вспоминать, а поэтому костяшками пальцев стучит по стеклу и прогоняет их прочь.

XII

Старуха по имени Джеки так и не приходит к ней. Вместо нее появляется мальчик четырнадцати-пятнадцати лет, максимум шестнадцати, его полированные ногти цвета красного мака гармонируют с алыми губами, на нем шелковые одежды, украшенные павлиньими перьями. Он открывает дверь и встает там очень тихо, наблюдает за ней, ждет без единого звука. На его гладком лице застыло что-то вроде благоговейного страха, и в первый раз Ханна чувствует себя не просто обнаженной, а голой.

— Они готовы ко мне, наконец? — спрашивает она, стараясь не выдать голосом свою нервозность, потом поворачивает голову, чтобы украдкой в последний раз посмотреть на Зеленую фею в зеркале оправы из красного дерева.

Там никого нет, ни ее, ни зеленой женщины, ничего, кроме пыльной комнаты, забитой антиквариатом, красивых дорогих ламп, обоев цвета спелой клюквы.

— Моя Госпожа. — Голос мальчика хрустит обломками кристаллов, он приседает. — Двор готов принять вас, он в вашем распоряжении.

Он делает шаг в сторону, позволяя ей пройти; музыка на вечеринке неожиданно становится очень громкой, меняет темп, ритм приобретает бешеную скорость, тысячи нот и ударов в барабаны рушатся, падают, преследуют друг друга.

— Зеркало, — шепчет Ханна, указывая на него, туда, где было ее отражение, поворачивается обратно, и на месте мальчика стоит маленькая девочка в перьях и гриме, похожая на ее близнеца.

— Это маленькое создание, моя Госпожа, — говорит она сверкающим, расколотым языком кристаллов.

— Что происходит?

— Двор собирается,— трезвонит девочка.— Они все ждут. Не бойтесь, моя Госпожа. Я покажу вам путь.

«Тропинка, тропинка через лес к колодцу, путь вниз, в колодец...»

— У тебя есть имя? — спрашивает Ханна, удивленная спокойствием своего голоса; все смущение, неловкость, оттого что стоишь обнаженной перед ребенком, и страх, что она больше не видит себя в отражении, прошли.

— Мое имя? Я не такая глупая, моя Госпожа.

— Нет. Естественно, нет. Извини меня.

— Я покажу вам путь,— снова повторяет ребенок.— Нет вреда, ни колдовства, ни чар, иди, наша ночная Повелительница.

— Ты очень добра,— отвечает Ханна.— Я уже думала, что потерялась. Но это же не так?

— Нет, моя Госпожа. Вы здесь.

— Да. Да, я действительно здесь, ведь так?

Дитя улыбается ей, обнажая острые кристальные зубы. Ханна улыбается в ответ, покидает пыльную комнату и зеркало в оправе из красного дерева и следует за ребенком по короткому коридору. Музыка заполняет все пустые закоулки ее черепа, музыка и тяжелые запахи жизнесмерти, диких цветов, опавших листьев, гниющих культей и свежевскопанной земли. Безумная какофония тепличных запахов — весны и осени, лета и зимы — она никогда не вкушала столь невероятно сладкого воздуха.

«...дорога вниз, к колодцу, и неподвижная черная вода на дне.

Ханна, ты слышишь меня? Ханна?

Здесь так холодно. Я ничего не вижу...»

В конце зала, прямо рядом со ступеньками, ведущими на площадь, находится зеленая дверь. Девочка ее открывает.

И все создания в огромной-огромной комнате — невероятном зале, простирающемся во все стороны так далеко, что он не может находиться в одном здании, даже в тысяче зданий,— носящиеся, прыгающие, танцующие, вращающиеся, летающие, крадущиеся создания, каждое, до единого, останавли-

вается и смотрит на нее. Ханна понимает, они должны напугать ее, она должна повернуться и бежать из этого места. Но здесь не было ничего, чего бы она уже не видела, давно, давным-давно, и женщина проходит мимо ребенка (который снова превратился в мальчика), а крылья на ее спине начинают бренчать, как неистовые радужные крылышки шмелей или колибри, красных ос и голодных стрекоз. Во рту у нее вкус аниса и полыни, сахара, иссопа и мелиссы; липкий зеленоватый свет льется с ее кожи, лужами собираясь в траве и мху у ее обнаженных ног.

«Тони или плыви, так легко представить ледяную черную колодезную воду, смыкающуюся над лицом сестры, заполняющую ей рот, проскальзывающую в ноздри, заливающую живот, когда когтистые руки тянут ее вниз.

Вниз.

Вниз.

И иногда, как говорит доктор Воллотон, иногда мы всю свою жизнь проводим в поисках ответа на один-единственный вопрос».

Музыка — это ураган, глотающий ее.

Моя Госпожа. Леди Бутылки. Artemisia absinthium, чернобыль, absinthion, Повелительница Снов Наяву, Зеленая Госпожа Эйфории и Меланхолии.

«Я — гибель и печаль.

Мое платье цвета отчаяния».

Они кланяются, все одновременно, и тогда Ханна наконец видит существо, ждущее ее на колючем троне переплетенных ветвей и птичьих гнезд, — гигантское создание с оленьими рогами, сверкающими глазами, человека-оленя с волчьими челюстями, и она кланяется в свой черед.

ДЭВИД МОРРЕЛЛ

Было время

Дэвид Моррелл — автор удостоенного награды романа «Первая кровь» («First Blood»), в котором впервые появляется Рэмбо. В Пенсильванском университете Моррелл получил степень доктора наук в области американской литературы, работал на кафедре английского языка в университете Айовы, пока не оставил преподавательскую деятельность ради карьеры писателя.

«Кроткий профессор с кровожадным воображением», как назвал его один критик, Моррелл создал множество триллеров, ставших бестселлерами, в том числе «Братство розы» («The Brotherhood of the Rose») (книга, послужившая основой популярного телефильма), «Пятая профессия» («The Fifth Profession») и «Смертный приговор» («Extreme Denial»), действие в котором происходит в Санта-Фе, штат Нью-Мексико, где живет писатель.

Рассказы Моррелла появлялись во многих сборниках, включая «Шепоты» («Whispers»), «Тени» («Shadows»), «Ночные видения» («Night Visions»), «Галерея ужасов Додда и Мида» («The Dodd Mead Gallery of Horror»), «Пути психоза» («Psycho Paths»), «Первичное зло» («Prime Evil»), «Темные сердцем» («Dark at Heart»), «Метаужас» («MetaHorror»), «Откровения» («Revelations»), «999» и «Красное смещение» («Redshift»), а также в серии «Мастера тьмы» («Masters of Darkness») и журнале «The Twilight Zone Magazine».

Два романа Моррелла получили премию Брэма Стокера, присуждаемую Ассоциацией писателей жанра «хоррор» (Horror Writers Association). Моррелл еще четырежды номинировался на премию Брэма Стокера и Всемирную премию фэнтези за другие произведения. Роман ужасов «Тотем» («The Totem»), по-новому раскрывающий тему оборотней, был выпущен в серии «Хоррор: 100 лучших книг» («Horror: 100 Best Books»).

Не так давно опубликованный роман «Лазутчики» («Creepers») критики назвали «жанроопределяющим» за необычную комбинацию элементов триллера и хоррора.

«В большинстве моих произведений герои борются за сохранение своей индивидуальности, — объясняет автор, —

и боятся забрести не в тот коридор, войти не в ту комнату и обнаружить там иную, опасную версию реальности.

Я предпочитаю масштабные декорации и для рассказа „Было время" выбрал ландшафт американского юго-запада. Я живу в Нью-Мексико, часто провожу по Аризоне и каждый раз бываю потрясен просторами этого края и опасностью, которую он таит.

Как-то раз по дороге из Тусона в Феникс я задумался, что произошло бы, если бы затор на шоссе заставил автомобилиста свернуть в пустыню. Что он нашел бы там? И что, если из-за найденного он утратил бы все самое дорогое?»

— Дебби, я сегодня чуток запоздаю, — сказал Сэм Вентворт, прижав к уху мобильный телефон.

— Чуток? — Неустойчивая связь в зыбком мареве пустыни делала голос жены едва слышным, что, впрочем, сполна компенсировалось силой ее интонаций.

— Ну, может, приеду еще до сумерек.

— Ты обещал Лори быть на вечеринке в честь дня ее рождения.

— Знаю, но...

— Ты и в прошлом году пропустил день ее рождения.

— Я застрял в дикой пробке. Она растянулась на километры. По радио передают, что перевернулся и взорвался большой жилой автофургон. Репортер говорит, полиции потребуется несколько часов, чтобы убрать следы аварии и восстановить движение. Я попытаюсь объяснить ей. Слушай, я понимаю, что в последнее время не часто бываю дома, но...

— В последнее время?

— Думаешь, мне нравится так вкалывать?

Стрелка температурного датчика «форда-эксплорер» подползла к красной черте, и Сэм выключил двигатель и кондиционер. Потом открыл окно.

Несмотря на сухой жар пустыни, с подбородка мужчины то и дело срывались крупные капли пота.

— Я не собиралась придираться и жаловаться. — Голос Дебби стал еще слабее. — Просто... Не важно. Где ты?

— На Ай-десять. Такое дерьмо, я все распланировал, закончил дела и выехал из Таксона час назад. Но если все пройдет гладко, я буду дома как раз к началу праздника Лори.

В трубке раздался треск статических помех.

— Дебби?

— Если бы мы не купили новый дом, возможно, тебе не пришлось бы...

Треск усилился.

— Дебби?

— Ты спешишь, того и гляди, попадешь в аварию, и только потому...

Связь оборвалась. Теперь Сэм не слышал даже помех. Он едва не перезвонил, но потом передумал. Разговор не перешел в ссору — и ладно. Кроме того, машина перед ним чуть-чуть продвинулась.

У Сэма появилась надежда, что движение восстановится раньше, чем предсказывало радио. Но затем он понял, что тачка впереди лишь заполнила брешь, оставленную съехавшим на обочину автомобилем. Еще несколько машин покатили по бровке шоссе следом за первой. «Ну и что? — подумал Сэм. — Может, эти водители живут в городе, к которому ведет проселок. Но мне-то нужно попасть в Феникс».

Поток двигался еле-еле, заполняя возникшие щели. Сэм завел свой внедорожник, подметил, что уровень нагрева уже пришел в норму, и двинулся за медленной цепочкой автомобилей. Теперь он увидел, что съезд ведет к бензоколонке, магазинчику и горстке домов из необожженного кирпича, — растрескавшаяся штукатурка ясно говорила о том, что эти хибары проиграли битву с пустыней. Но внимание его привлекло еще кое-что: несколько машин, свернувших на обочину, теперь бодро пылили по песчаной дороге, тянущейся параллельно автостраде.

«Неужели они знают что-то, чего не знаю я?» — удивился Сэм.

Когда поток снова застыл, он открыл бардачок, вытащил карту и расстелил ее на руле.

Топкая ломаная линия шла от городка Хильская Балка — это название красовалось на дорожном указателе возле съезда — к городку Конец Маршрута. Должно быть, это наименование возникло в те времена, когда тут разъезжали дилижансы. Две точки разделяло расстояние миль в двадцать, а потом проселок снова выходил на I-10 — судя по почерпнутым из новостей сведениям, уже за пределы отрезка, перегороженного перевернувшимся фургоном. Сэм взглянул на вмонтированные в панель часы. 17:25. Есть шанс успеть домой вовремя.

Не мешкая, он свернул на бровку шоссе, дополз до съезда, ведущего к Хильской Балке, и остановился у заправки. Указатель уровня топлива замер где-то между четвертью и половиной бака. Достаточно, чтобы добраться до дому. Но зачем рисковать? Зальем до краев. Солнечный жар давил невыносимо, поэтому Сэм купил охлаждающей жидкости и долил немного в радиатор, поскольку, судя по датчику, ее уровень слегка опустился. Питьевой воды в бутылках у него в машине всегда было завались, так что тут проблем нет. Пора в путь, скатертью дорога!

«Хм, скатертью». Проселок, выглядевший с автострады гладким, изобиловал выбоинами и ухабами, но на сорока милях в час Сэм перестал считать толчки невыносимыми. Ничего такого, с чем «эксплорер», крепыш внедорожник, созданный специально для труднопроходимых местностей, не смог бы справиться. На такой скорости он покроет двадцать миль за полчаса. Куда лучше, чем торчать в пробке три часа, как сулило радио. Довольный, что температурный датчик не буянит, Сэм закрыл окно, снова включил кондиционер и сунул в магнитолу диск Джимми Дэйла Гилмора. Мурлыкая в такт своеобразной версии Джимми «I'm So Lonesome I Could Cry», он оглянулся на оставшийся позади затор и улыбнулся. «Представляю себе лицо Лори, когда я появлюсь, — подумал Сэм. — А уж какой видок будет у Дебби!»

Чего Сэм не сказал ей, так это что поездка в Таксон оказалась бессмысленной, что земля, которую, как полагал его босс, стоит застраивать, — Гранд-Вэлли-Вистас — оказалась бывшей свалкой токсичного мусора. Теперь судеб-

ные процессы из-за участка могут тянуться вечно. Время потрачено впустую. Если бы Шепертон — босс Сэма — позаботился заранее собрать информацию, это место никогда и никому не показалось бы привлекательным. Потребовалось долгое расследование, чтобы обнаружить ответственных. «Но за это Джо и платит мне бабки, — подумал Сэм. — Чтобы я не давал ему все испортить. А ведь будь у меня его деньги, я сделал бы „Шепертон Энтерпрайзис" (хотя почему бы в таком случае не помечтать о „Вентворт Энтерпрайзис"?) в десять раз прибыльнее».

Сэм посмотрел налево и удивился — ему показалось, что затор на шоссе как-то отдалился. Вокруг маячило куда больше камней и гигантских кактусов-цереусов, чем раньше. Наверное, оптическая иллюзия. Но, вглядевшись в даль, он вынужден был признать, что дорога слегка смещается вправо. Ерунда. Когда давным-давно прокладывали этот проселок, наверняка возникла необходимость обогнуть какое-то препятствие, вроде вон того холма. Тучи пыли за ним свидетельствовали о продвижении опередивших Сэма машин. В зеркале заднего вида тоже висело серое облако, значит, кто-то поехал следом. Странно, что большинство водителей не сообразили, как сэкономить время. А может, у них духу не хватило попробовать что-то предпринять. Или просто у них нет причин суетиться.

Когда Джимми Дэйл затянул очередную унылую песню, внимание Сэма привлек высокий вековой кактус, один из тех, что торчали теперь повсюду. Многие выглядели больными, какими-то поникшими, испещренными черными пятнами — гнили, наверное. Во всем виновато глобальное потепление, подумал Сэм. Утончившийся озоновый слой и неотфильтрованные ультрафиолетовые лучи. Загрязнение атмосферы и автомобильные выхлопы. Он ясно видел мутную мглу над заблокированной автострадой.

Холм вырос. Дорога вильнула вправо, и тут мужчина за рулем испуганно вздрогнул. Он услышал странные хлопки. Выстрелы. Сэм ударил по тормозам и с разинутым ртом уставился на то, что предстало перед ним. Вдоль обочины раскинулся старый, словно выпавший из какого-то вестерна,

городок, по которому громыхали запряженные мулами телеги, повозки и один дилижанс — вроде тех, о которых он вспоминал чуть раньше. У ветхой коновязи стояли лошади. В отличие от кирпичных домов Хильской Балки, здешние строения были деревянными, покрашенными в белый цвет, посеревший под жгучим солнцем и хлестким песком. Большинство домишек были одноэтажными. По пыльной улице, на которую готов был въехать джип, прогуливались мужчины в широкополых ковбойских — стетсоновских — шляпах и женщины в полосатых льняных платьях, под кружевными зонтиками. Услышанный Сэмом шум производили палящие друг в дружку ковбои, расположившиеся возле загона. Какой-то человек с винтовкой выстрелил с крыши. Один из ковбоев повернулся, прицелился и уложил противника — тот, кувыркнувшись, рухнул на улицу.

Перестрелка, возможно, и продолжала бы тревожить Сэма, если бы хоть кто-нибудь еще в городе обращал на нее внимание. Но мужчины в ковбойских шляпах и женщины в платьях в полоску занимались своими делами, даже не оборачиваясь на выстрелы, так что Сэм быстренько пришел к выводу, что все это — аттракцион для туристов. Он слышал о такой вот точной копии западного городка под названием Старый Таксон, где туристы платили за то, чтобы посмотреть на гонки ковбойских повозок и инсценированные стычки. Там снимали множество вестернов, включая и один из любимейших фильмов Сэма, «Рио Браво»[1] с Джоном Уэйном. А еще он слышал, что Старый Таксон сгорел дотла — уничтожен пожаром. Возможно, его уже не восстановят. Возможно, этот городок воздвигнут на замену тому. Если так, расположили его жутко далеко от Таксона, чтобы аттракцион приносил прибыль. Отсутствие машин и туристов — тому подтверждение. Пара указателей на главном шоссе и то помогла бы процветанию.

Возможно, они еще не открылись, подумал Сэм, когда перестрелка закончилась и выжившие потащили куда-то

[1] «Рио Браво» — знаменитый вестерн 1959 года, шедевр жанра, режиссер Ховард Хоукс.

тела. Возможно, это генеральная репетиция — в костюмах и все такое. Заметив дорожный знак с надписью «МЕРИДИАН», он надавил на акселератор и миновал конюшню, кузнечную мастерскую и еще какой-то магазинчик с бакалеей и всяким хламом. Выглядели здания так, словно их только что построили, а потом умело состарили. Из магазина вышел мускулистый мужчина с тяжелым джутовым мешком, должно быть набитым мукой, и зашагал к телеге.

Впечатленный реализмом представления, Сэм проехал мимо ресторанчика, в занавешенном кружевами окошке которого белела бумажка, предлагающая обед с добрым бифштексом за пятьдесят центов. Рядом с машиной проскакал мальчишка на муле. «Надо привезти сюда Лори и Дебби, — решил Сэм. — Они глазам своим не поверят. Я не скажу им, куда мы направляемся. Устрою девочкам сюрприз».

В салун, как и положено, вела вращающаяся дверь. Огромная вывеска хвасталась виски, которому можно доверять, холодным пивом и (буквами помельче и не таким жирным шрифтом) сарсапарелью[1], какую еще никто никогда не пробовал. В вестернах, которые так любил Сэм, частенько упоминали сарсапарель. Владелец ранчо всегда покупал бутылочку для сына, или зарвавшемуся стрелку кричали, что он не мужчина и вместо виски ему стоит сосать молоко или сарсапарель. Впрочем, в фильмах обычно говорили «саспарилла». Так что Сэм понятия не имел, правильно ли написано слово на вывеске.

И вообще, что это — сарсапарель? Сэм всегда предполагал, что это газированный напиток. Но каков он на вкус? Как шипучка из корнеплодов с мускатом? И тут у него возникла идея. Почему бы не воспользоваться случаем и не прихватить пару бутылочек на вечеринку? «Какая такая сарсапарель?» — спросят все, споткнувшись на слове. «О, вы только попробуйте, — скажет он. — Эта штучка не от мира сего».

И Дебби наградит его улыбкой.

---

[1] Сарсапарель — шипучий напиток с экстрактом сарсапарели, цепляющегося кустарника семейства лилейных.

Он остановил машину и шагнул в плотный, давящий зной — настоящую духовку. И кому это в голову пришло, что сюда потянутся туристы? Тут нет даже столбов электропередач и телефонных линий тоже. Должно быть, провода под землей. Но даже если и так, открытые окна в каждом доме говорят об отсутствии кондиционеров. Легкий ветерок не охлаждал тела — только нес пыль, липнущую к губам.

Отлично обученные актеры не удостоили подошедшего к вращающейся двери салуна второго взгляда (а если уж начистоту, то и первого). В вестернах такие двери — от коленей до груди — всегда казались фальшивкой, как будто в былые дни людей не беспокоил влетающий в помещение песок. Сэм толкнул створки и сменил жгучий дневной свет на дымные тени, такие же горячие, как и воздух снаружи. Неожиданно он заметил по обе стороны от входа массивные сплошные щиты, значит, если погода требует, проем можно закрыть, подумал мужчина, подбодренный реалистичной деталью. В глубине салуна, в дальнем левом углу, дребезжало расстроенное пианино, наигрывая незнакомую ему, но кажущуюся очень старой песенку. За инструментом никто не сидел, однако клавиши поднимались и опускались, гоня по залу механическую музыку. Лестница справа вела наверх, к комнатам, расположенным вдоль внутреннего балкона. В стародавние времена проститутки поджидали там клиентов. Слева за круглыми столами сидели ковбои, попивая виски и молча играя в карты. Колышущаяся над их головами завеса сигаретного дыма сгущалась, так что Сэм едва не закашлялся. Да уж, всем семейством сюда не ходят, решил он.

А еще справа обнаружилась барная стойка длиной во всю комнату, потемневшая от старости и глубоко въевшейся грязи. Облокотившиеся на нее парни прихлебывали пиво из здоровых кружек или пили что-то из невысоких стаканов, должно быть чай или имбирное пиво. Бармен, в белой рубахе, в жилетке, со скрещенными на груди руками, стоял наготове у кассы.

Сэм подошел к стойке.

— Там, на вывеске снаружи, все правильно? Вы продаете саспариллу? — Сообразив, что произнес название напит-

ка так, как это делали актеры в кино, он поспешно исправился: — В смысле, сарсапарель. — Слово не легло на язык, показавшись ему самому весьма странным.

Кабатчик не ответил. Никто из ковбоев не огляпулся. «Часть шоу, — подумал Сэм. — Мы должны чувствовать себя так, словно перенеслись в девятнадцатый век и нас никто не видит».

— Почем ящик? — спросил Сэм.

И снова молчание.

Сэм кинул взгляд направо вдоль бара и заметил на полке возле витрины характерного вида бутылки с содовой — бутылки из прозрачного стекла с темной жидкостью, похожей на имбирное пиво. На этикетках значилось: «Сарсапарель». Пробки удерживали на месте какие-то пружинные устройства — он пару раз видел такие на находящейся под давлением таре, — следовательно, содержимое этих бутылок наверняка газировано. Как имбирное пиво.

Сэм подсчитал бутылки: десять.

— Беру все. Сколько?

Нет ответа. Актеры продолжали делать вид, что его тут нет.

Сэм подошел к полке и увидел ценники. Пять центов за штуку.

— Не может быть! — выдохнул он. — А если серьезно — сколько?

Единственный звук здесь издавало раздолбанное пианино.

— Ладно, значит, вот вы как. Тогда плачу вдвойне и забираю все скопом за доллар.

Сэм бросил на стойку зеленую бумажку и потянулся к бутылкам.

Никто и не подумал остановить его.

— Не представляю, как ты собираешься сохранить бизнес, — пробормотал он.

Затем он принялся с интересом разглядывать свою покупку и размышлять. А что, если эти бутылки всего лишь реквизит, бутафория? Или в них самое тошнотворное пойло на свете? Что, если он привезет это домой, даст Лори и ее подружкам, а они станут плеваться?

— С этой дрянью что-то не так?

Тишина.

— Ну, если так, я затаскаю тебя по судам.

Сэм взял бутылку, сорвал пружину и потянул пробку, выдернув ее только с третьей попытки. Темная жидкость с шипением побежала из узкого горлышка.

Он принюхался. Пахнет совсем как имбирное пиво.

— Я собираюсь это выпить. Здесь, сейчас. И если меня от этого дерьма стошнит, считай себя безработным.

Пианино продолжало дребезжать. Никто не повернулся.

«Черт, не позволят же они мне отравиться!»

— Ладно, ты предупрежден.

Он сделал глоток.

Разбудила его щекотка. Что-то щекотало запястье. Когда раздражение усилилось, он с трудом разлепил тяжелые веки и обнаружил, что лежит лицом вниз на песке, упираясь головой в вытянутую правую руку, на тыльной стороне которой пристроился освещенный последними солнечными лучами скорпион сантиметров шести длиной. Несмотря на багрянец заката, режущая глаз ярко-желтая окраска насекомого не потускнела. Клешни, восемь лапок, изогнутый хвост. Ядовитое жало... человеку захотелось закричать.

«Не двигайся, — мысленно приказал он себе. — Притворись парализованным. Если спугнешь тварь, она ужалит. И ты умрешь прямо тут, на месте».

Тут? Разум Сэма был так затуманен, а голова так болела, что ему потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, как он зашел в салун, как попробовал сапа... сарса... Сознание отказывалось сложить слово.

Но это случилось примерно в шесть. Солнце стояло еще высоко. «Так какого черта закат наступил так быстро? — в панике подумал он. — И что ты делаешь на земле?»

Скорпион по-прежнему спокойно сидел на руке. От жуткого привкуса во рту Сэму хотелось блевать. Нет! Только не шевелись! Не напугай гада!

Заходящее солнце пекло спину. Когда кроваво-красное зарево поблекло, человек подавил рвотный позыв и, не ды-

ша, уставился на скорпионье жало, которое дрогнуло, приподнялось и словно потянулось к розовой незащищенной коже. Но вместо того чтобы укусить, скорпион двинулся вперед. Одна за другой щекочущие лапки перебрались на песок.

Как только скорпион сполз с него, Сэм яростно оттолкнулся от земли, откатился в противоположную перемещению членистоногого сторону и, каким-то образом встав на колени, начал блевать, запоздало соображая, что вокруг могли оказаться и другие скорпионы. Поднявшись, он отряхнулся и почувствовал, как с него слетело что-то твердое. Господи, неужели все-таки ужален? Он осмотрел руки, но не заметил припухлостей и не ощутил жжения. Трясясь, мужчина стер с губ вонючую слизь, но от жуткого вкуса избавиться не смог. Точно рот набит гнилой картошкой. Сэма вырвало еще раз. Опять утершись, он испуганно и смущенно огляделся.

Город исчез. Нет, не совсем, понял Сэм. В лучах быстро бледнеющего заката он разглядел несколько выступающих из песка обугленных досок. Среди камней валялась часть колеса повозки. Запорошенный пылью костяк, в свое время, наверное, принадлежавший лошади, лежал рядом с холмиком, а точнее, грудой саманных кирпичей из соломы и глины, наводящей на мысль о рухнувшем дымоходе.

Какого черта тут произошло? Продолжая поворачиваться и озирать окрестности, Сэм с облегчением всхлипнул, увидев свой «эксплорер». Небо уже посерело, и человек, пошатываясь, побрел к машине, отчаянно торопясь, несмотря на подгибающиеся ватные ноги, опасаясь заблудиться, если тьма навалится неожиданно.

Когда он распахнул водительскую дверцу, в лицо пахнуло жаром перегретого салона, вызвав еще одну сухую отрыжку. Сэм схватил лежащую на сиденье рядом с портфелем бутылку с водой, прополоскал рот, сплюнул, так и не отделавшись от гнилостного привкуса, подождал, когда спазмы прекратятся, и только тогда глотнул. Ощутив вдруг страшную жажду, он осушил бутылку, не успев даже осознать, что делает, и, полный дурных предчувствий, застыл, выжидая,

как воспримет желудок воду. Секунды шли — и Сэм начал расслабляться.

Ухитрившись кое-как застегнуть ремень безопасности, он вдруг содрогнулся от совершенно иррационального страха — а вдруг машина не поедет? Но двигатель заработал, едва повернулся ключ зажигания. Сэм включил фары и увидел впереди песок, камни и больные, поникшие кактусы. И только расщепленные обгоревшие доски и прочий жалкий мусор намекали на то, что тут когда-то был город.

«Проклятие, что случилось? — подумал он и тут же ухватился за единственный разумный ответ. — Наверное, это не то место. Наверное, ты потерял сознание и кто-то перенес (или перевез?) тебя».

Только какой смысл? Зачем кому-то переносить его? Сквозь ветровое стекло он вгляделся в сумеречный силуэт холма, напоминающего тот холм, за которым располагался городок. По обе стороны от пригорка, на некотором расстоянии от него, плыли во мраке крохотные огоньки. Парами. Фары. Трасса. Еще одно свидетельство того, что место то же самое.

Только этого не может быть. Голова гудела и разламывалась. Все казалось бессмысленным. Размышляя, действительно ли его кто-то перенес, Сэм вспомнил одинокое пыльное облако, тащившееся за ним на дороге. Наверняка, кто бы ни сидел в той машине, нашел бы его. В конце концов джип припаркован прямо на обочине проселка. Любой проезжающий мимо не мог не заметить «эксплорер»... и город.

Внезапно Сэм содрогнулся, осознав, что среди камней, песка, чахлых кактусов и обломков обугленных досок единственным, чего не осветили фары его машины, была дорога. Невозможно! Его затрясло так, что он испугался, не подхватил ли где лихорадку. Дорога отсутствовала, но не мог же он ее пропустить! Проклятие, дорога была здесь!

«Дебби, — подумал он. — Лори. Они ждут твоего скорого возвращения». Он вытащил из прицепленного к поясу чехольчика телефон, нажал клавишу «вызов» и застонал, не услышав гудка. Попробовал снова — ничего. Вот и все. Ты держал его включенным слишком долго. Аккумулятор сдох.

Дебби. Сэм завел машину. Фары пронзили тьму, и он поехал, огибая камни и кактусы. Миновав холм, джип затрясся по ухабам, направляясь к медленно текущему потоку огней на трассе I-10. Оказавшись на пыльной дороге, бегущей параллельно шоссе, Сэм остановился. Его снова затошнило. Это ведь, несомненно, тот самый проселок! Других он не видел. И на карте значилась только одна дорога. Но боже мой, каким образом она оказалась перед холмом, а не за ним?

Когда он добрался до дому, его встретили темные окна. Хорошо, подумал Сэм. Они не стали бодрствовать, дожидаясь его. Он торопился как мог, но по дороге его еще несколько раз тошнило, так что приходилось, подчиняясь желудку, останавливаться на обочине. Сейчас уже перевалило за полночь. В голове продолжало стучать. Сэм потянулся к рычагу, открывающему гараж, но передумал. Гараж находился под спальней Лори. Скрежет может разбудить девочку. Тогда Лори, чего доброго, разбудит Дебби, а он пока не знает, как объяснить им, что произошло. Черт, если он и сам не понимает, разве они поймут? Страдая, как с похмелья, пытаясь привести в порядок мысли, он припарковался на подъездной дорожке и, не забыв, как ни странно, прихватить портфель, прошел мимо темных густых кустов и на ощупь открыл входную дверь.

Тени скрывали ведущую к спальням лестницу. Большой гостиной справа они практически не пользовались. В общей, семейной комнате слева стоял телевизор с огромным экраном. Кухня размещалась в глубине дома. Туда Сэм и направился, положив портфель на стол. Он включил свет, налил себе воды, в три глотка осушил стакан и только сейчас заметил на рубашке высохшую блевотину. В сущности, он весь пропах рвотой. Господи, если Дебби увидит его таким...

Он рывком стянул с себя рубаху и опрометью кинулся в ванную комнату рядом с кухней. Здесь не было ни ванны, ни душа, но Сэм по крайней мере смог наполнить раковину, протереть лицо намыленной тряпкой и прополоскать рот теплой водой. Отложив полотенце, он снова почувст-

вовал себя человеком (ну почти), вернулся на кухню — и запнулся, увидев Лори.

С тоненькими косичками, в пижамке с Винни Пухом, в пушистых тапочках. Девочка терла заспанные, слипающиеся глазенки.

— Привет, лапочка, — сказал Сэм. — Извини, если разбудил. Ты хочешь пить? Я налью тебе водички, а ты расскажи мне о празднике.

Она вскрикнула и побежала в общую комнату.

— Лори?

Не переставая вопить, малышка затопала вверх по лестнице.

— Лори, это я. — Он бросился за дочкой. — Твой папа. Что случилось? Бояться нечего.

Хлопнула дверь, за ней послышались громкие голоса и торопливые шаги.

— Лори?

Зажегся свет. На верхнюю площадку лестницы выскочил мускулистый мужчина в длинных боксерских шортах.

— Черт побери, ты кто такой?! — рявкнул Сэм.

— Нет! — прорычал мужик и ринулся вниз по ступеням. — Кто, черт побери, ты такой?! Что ты тут делаешь? Как ты попал в дом?

За спиной бугая появилась Дебби в поспешно наброшенном полураспахнутом халатике, не скрывающем трусики и футболку, в которых она любила спать. Она крепко прижимала к себе Лори. Рыжие, подсвеченные сзади лампой волосы женщины казались полыхающим на ее голове костром.

— Дебби? — задохнулся Сэм. — Это какая-то шутка?

— Вызывай полицию! — гаркнул мужчина.

— Дебби, что...

Добежавший до подножия лестницы громила с размаху ткнул Сэма кулаком в живот, сбив законного хозяина дома на пол.

Неуклюже приземлившись, Сэм застонал, пытаясь восстановить дыхание. Он хотел объяснить что-то, но мужик пнул его в бок, так что Сэм, перевернувшись, ударился о стол, который незамедлительно рухнул во мрак. На этот

раз незнакомец отшатнулся и запрыгал на одной ноге, ловя другую, пострадавшую от пинка босую ступню. В процессе он умудрился уронить лампу.

— Скорее! — надрывалась Дебби в телефонную трубку. — Он убивает моего мужа!

Лори снова завизжала.

Сэм, пошатываясь, встал на ноги. Он увидел мужчину, опустившего на паркет ушибленную конечность и явно намеревающегося швырнуть в «чужака» разбитую лампу. Он увидел умоляющую о помощи Дебби и рыдающую Лори. Увидел — и, рванув переднюю дверь, бросился во тьму.

Какого дьявола...

Хотя от переизбытка беспорядочных эмоций Сэма бросило в пот, голая спина отлично чувствовала холод водительского сиденья. Гоня по кварталу, он услышал приближающийся вой сирен и попытался определить, откуда несется звук, но, на какую улицу он ни сворачивал, рев становился все ближе, вынудив его зарулить на чью-то подъездную аллею, вырубить двигатель и фары — и исчезнуть из виду. Через пятнадцать секунд мимо промчались автомобили с мигалками.

Едва перестав видеть тревожные голубые вспышки, он снова завел машину, задним ходом выкатился на улицу и поехал в противоположном направлении. «Господи, я схожу с ума», — подумал он.

— Дебби, это Сэм, — волнуясь, проговорил он в трубку телефона-автомата.

— Кто?

— Перестань меня дразнить. Кто этот парень? Почему вы с Лори прикинулись, что не знаете меня?

— Мы не знаем! Мы никогда не видели вас раньше! Ради бога, хватит! Оставьте нас в покое!

— Я серьезно. Ты мстишь мне за то, что я пропустил вечеринку Лори, за то, что не приехал домой вовремя, верно? Если ты пытаешься напугать меня...

Трубка зашипела, и из нее вырвался резкий мужской голос:

— Говорит сержант Малоун из полицейского департамента Феникса. Наказание за проникновение...

Сэм нажал на рычаг.

— Номеров для некурящих нет,— заявил клерк в мотеле.

Живот Сэма продолжал болеть в месте удара. Его снова тошнило. Слишком усталый и измотанный, чтобы возражать, он пробормотал:

— Мне все равно.

Хорошо еще, в «эксплорере» валялась спортивная куртка. Он надел ее, застегнул на все пуговицы и придерживал сверху, пряча голую грудь.

— Заполните эту форму. Мне потребуется только ваша кредитка.

Сэм протянул клерку карточку и занялся писаниной. Однако, когда он оторвал взгляд от разграфленной бумаги, клерк хмурился.

— Что-то не так?

— Компания-эмитент не принимает этой карты.

— Что?

— Я дважды пытался.

— Попытайтесь еще раз. Тут какая-то ошибка. Возможно, ваш сканер сломан.

— Две минуты назад работал.— Скользящим движением клерк сунул карточку в щель считывающего устройства и уставился на индикатор.— Нет. Не прошло.

— Но это невозможно.

— Как скажете, только я не могу сдать вам комнату без карты.

— Наличные. Вы ведь принимаете наличные, не так ли?

— Пока вы не захотите воспользоваться телефоном или еще чем-нибудь в этом роде. Восемьдесят пять долларов.

Сэм пошарил в портмоне и вытащил две пятерки.

«Шепертон Энтерпрайзис».

Свет фар джипа озарил огромную пустую парковку. В два часа ночи большинство окон двухэтажного здания из стекла и металла были темны, что, впрочем, компенсировали улич-

ные фонари — они светили так ярко, что голова Сэма разболелась с новой силой. С трудом сопротивляясь желанию зажмуриться, он свернул к площадке для машин администрации, собираясь припарковаться, но тут же сообразил, что именно там полиция станет искать в первую очередь.

Дрожа, он отъехал от здания и остановился возле многоквартирного дома в квартале от конторы. Держась, насколько возможно, в тени, Сэм вернулся к «Шепертон Энтерпрайзис», где уже нельзя было избежать света, открыл боковой вход и нырнул внутрь. Прежде чем затворить за собой дверь, он оглянулся. Мигалки к парковке не несутся. Никто его не видел.

Детектор вторжения предупреждающе запищал и тут же заткнулся, как только Сэм набрал код системы безопасности. По вторящей его шагам гулким эхом лестнице он поднялся к офисам с видом на поле для игры в гольф, отпер свой кабинет и, едва захлопнув дверь, выключил автоматически зажегшийся свет и задернул шторы на огромных окнах. Он всегда держал здесь бритвенные принадлежности и смену одежды. Завтра утром он сможет привести себя в приличный вид в умывальной, дальше по коридору. А пока ему хотелось лишь прилечь и попытаться понять, попытаться остановить этот перестук в голове.

На ощупь пробираясь к кушетке, он твердил себе: «Поспать. Вот и все, что тебе нужно. Если ты вздремнешь, ты сумеешь во всем разобраться».

Его разбудили голоса. Он дернулся, вырываясь из самого мрачного, самого глубокого забытья в своей жизни. Когда голоса стали громче, Сэм с огромным усилием приподнял веки и обнаружил перед собой двух хмурых охранников, а за ними — небольшую толпу мужчин и женщин.

— Как ты сюда попал, приятель? — поинтересовался первый охранник.

— Как я?.. Я здесь работаю. Это мой кабинет.

— Едва ли, дружище,— покачал головой второй.— Поскольку это офис миссис Тэйлор.— Он ткнул пальцем за плечо, указав на хрупкую блондинку.

— Миссис Тэйлор? Кто такая?.. Слушайте, я Сэм Вентворт и...

— Никогда о тебе не слышал. — Второй охранник повернулся к собравшимся в кабинете людям. — Кто-нибудь тут слышал о ком-нибудь по имени Сэм Вентворт?

Последовало озадаченное бормотание, подразумевающее отрицательный ответ. Несколько человек просто помотали головами.

— Никогда обо мне не слышал?

— Спокойнее, приятель.

— Проклятие, о чем ты? Я работаю тут девять лет! Я был вице-президентом Джо с тех пор, как он начал дело! Кто, черт возьми, эти люди?

— Я сказал: спокойнее, приятель. Не усугубляй ситуацию. Полиция скоро прибудет. Так что все объяснишь и уладишь в участке.

— Если я тут не работаю, как я вошел сюда? Где достал ключи от здания и от кабинета?

— Вот сам и скажи где, — заявил первый охранник. — Небось украл связку и сделал копии? Давай их сюда.

— Где Джо? Спросите Джо! Он подтвердит, что я на него работаю! Он подтвердит, что я вице-президент!

— Мы бы спросили, да только вот кабы ты был с ним так близок, как утверждаешь, то знал бы, что он сейчас в Европе.

— На моем столе! Там фотографии — моя, моей жены и маленькой дочки! — Сэм ринулся к столу — показать.

И увидел вставленное в рамочку фото изящной блондинки, той самой, что стояла за охранниками. Справа от нее пыжился мужчина с видом пьяницы-дегенерата, а слева расположились две девочки-близнецы.

Сэм закричал.

— Ваше имя Сэм Вентворт, — сказал детектив.

— Да.

— Вашу жену зовут Дебби, вашу дочь — Лори, и обе они живут в доме, в который вы вломились прошлой ночью.

— Я не вламывался! У меня свой ключ!

— И откуда он у вас?

— Он у меня всегда!

— Так же как и ключи от «Шепертон Энтерпрайзис».

— Да! С тех пор как я там работаю! Последние девять лет! А дом у нас новый! Мы купили его всего восемь месяцев назад! И восемь месяцев я ношу с собой ключи от него! Послушайте, я могу доказать, что работаю на «Шепертон Энтерпрайзис»! Проверьте документы в портфеле, который я оставил дома!

— К портфелю мы вернемся чуть позже. А пока, помимо двух незаконных вторжений, идентификационные данные, которые вы нам назвали, не соответствуют истине.

— Что?

— Указанный вами номер социального страхования принадлежит человеку по имени Уолтер Барри.

— ЧТО?

— Который живет в Сиэтле. С местом и датой рождения та же история.

— Мой портфель! Загляните в мой портфель!

— Уже заглянули. Он пуст.

— ...имя Сэм Вентворт.

— Дебби. Мы женаты одиннадцать лет. Мою дочь зовут...

— Джо Шепертон. Я его вице-президент вот уже...

Личность таинственного мужчины до сих пор не установлена.

ФЕНИКС, штат Аризона, 14 мая

Официальные органы по-прежнему озадачены вопросом установления личности мужчины, вломившегося год назад в частный дом и впоследствии обнаруженного спящим в офисе строительной компании «Шепертон Энтерпрайзис».

«Он утверждает, что является моим вице-президентом, но я никогда не видел этого парня», — заявил Джо Шепертон.

«Он называет себя моим мужем, — сказала репортерам Дебби Болан, — но я уже одиннадцать лет счастлива со своим супругом Вардом. Насколько я помню, я никогда не

встречалась с этим Сэмом Вентвортом. Понятия не имею, почему он зациклился на мне и моей дочери. Он пугает меня. Не знаю, что мне делать, если его выпустят».

«Я никогда не сталкивался с подобной ситуацией, — признался доктор Филип Кинкэд, глава Центра психического здоровья Марикопы. — По прошествии года мы все еще не можем идентифицировать человека, называющего себя Сэмом Вентвортом. В базе ФБР его отпечатки пальцев не числятся, не оставил он следов и в вооруженных силах США. Проверка ДНК ничего не дала. Номер социального страхования, на котором он настаивает, принадлежит не ему. Он называет дату и место своего рождения, но подтверждающих его информацию записей не существует. Как и записей о мужчине и женщине, которых он именует своими родителями. Он говорит, что получил ученую степень в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса. Документальные свидетельства тому отсутствуют. Он как будто появился из ниоткуда спонтанно, не имея никаких связей с прошлым. Но это, естественно, невозможно. Сперва мы классифицировали его как человека, страдающего потерей памяти. Но он продолжает настаивать на том, что с ним что-то произошло в городе в пустыне, в городе, который мы не обнаружили, так что теперь мы полагаем его жертвой галлюцинаций, шизофреником с кататоническими тенденциями и лечим в соответствии с поставленным диагнозом. Все, что он делает, — бормочет себе под нос и читает исторические книги».

...которые отсылают нас к одной из последних и самых поразительных загадок Южной Аризоны девятнадцатого века: судьбе городка Меридиан. Располагавшийся у старого пути следования дилижансов, между Таксоном и Фениксом, Меридиан был основан в 1882 году религиозным фанатиком Эбенейзером Картрайтом, поведшим группу пилигримов с Род-Айленда на поиски того, что он называл Землей Спасения. После двух лет блужданий Картрайт наконец осел в Аризонской пустыне, потому что, как он сообщил вознице проезжего дилижанса, «ее зной будет постоянно напоми-

нать нам о пламени и муках вечного ада». Слова его обернулись пророчеством, поскольку ровно через год существования Меридиана город был уничтожен пожаром. Картрайт сам дал имя городу — такое, которое, по его мнению, символизировало бы «наивысшую точку подъема жгучего солнца, дабы имя это воодушевляло нас стремиться к наивысшему пику усилий человеческих». Однако, каковы бы ни были его намерения, они не оправдались, поскольку за время короткой жизни Меридиана возницы дилижансов прибывали в Таксон и Феникс, привозя слухи об адском городе в пустыне, в котором дебош и пьянство не знают границ. Поскольку в огне никто не выжил, о судьбе Меридиана нам остается только гадать. Возможно, единственной целью Эбенейзера Картрайта была изоляция своих последователей и использование их в своих извращенных целях. Или, быть может, вечное пекло пустыни свело общину с ума. После того как один возница приехал в Феникс, называя не известное никому имя, чужой дом своим домом, а чужую жену и сына — своими (подобное заблуждение, несомненно, явилось последствием теплового удара), дилижансы стали огибать руины стороной. «Старик Картрайт все еще там, он пытается высосать наши души», — сказал один из кучеров. Только пустыня, стершая все следы, кроме нескольких обугленных досок, обломков телег и стен города-призрака, знает правду.

— Итак, перед встречей с ответственной комиссией, понимаете ли вы всю серьезность этой беседы? — спросил доктор Кинкэд.

— Да.

— У вас есть жена по имени Дебби и дочь по имени Лори?

— Нет.

— Являетесь ли вы владельцем дома номер сорок восемь по Арройо-роуд?

— Нет.

— Являетесь ли вы вице-президентом «Шепертон Энтерпрайзис»?

— Нет.

— Как вас зовут?

— Я не помню. Знаю, что не Сэм Вентворт, хотя, попав сюда, я считал это имя своим.

— И которым мы сочли возможным пользоваться ввиду того, что не знаем вашего настоящего имени.

— Да.

— Возможно, однажды вы вспомните ваше настоящее имя и ваш подлинный номер социального страхования, и мы сумеем связать вас с вашим прошлым. Но пока лучшее, что мы можем сделать, — это подготовить вас к жизни полезного члена общества. Мы дали вам действующий номер страховки. Мы постарались найти вам место в сфере развития рынка недвижимости, в которой, по вашему утверждению, вы компетентны, но ваше состояние и отсутствие квалификации свели наши усилия к нулю. Однако, поскольку вы продолжаете проводить бóльшую часть времени за чтением, мы предлагаем вам место смотрителя публичной библиотеки Феникса. Мы также выделили вам комнату в общежитии неподалеку от работы. Конечно, вы будете обязаны платить за жилье и продолжать принимать лекарства.

— Конечно.

— Вы понимаете, что будете арестованы, если приблизитесь к Дебби и Лори Болан или их дому номер сорок восемь по Арройо-роуд? Понимаете ли вы также, что будете арестованы, если приблизитесь к Джо Шепертону или «Шепертон Энтерпрайзис»?

— Да.

— Вопросы есть?

— Один.

— Да?

— Что случилось с моим «эксплорером»?

— Поскольку его номерные знаки недействительны, машина была конфискована и продана с аукциона.

— Ясно.

— И что вы думаете по этому поводу?

— Если «форд» не был моим, я не имею на него прав.

— Верно. Должен похвалить вас за прогресс.
— Спасибо.

«Осторожнее», — подумал Сэм, вылезая из машины. Он поблагодарил водителя, санитара из Центра психического здоровья. Щурясь от солнца, он некоторое время следил, как автомобиль едет по сверкающей улице, после чего свернул к двухэтажному пансиону в испанском стиле. Из дверей выглянул строгий мужчина. Одернув дешевый пиджак, выданный ему социальной службой, Сэм подошел ближе. В последние два года он размышлял только о своей утраченной жизни, о Дебби и Лори, о семье, которую он принимал как должное, считая чем-то незыблемым, об объятиях и поцелуях, о невозможности быть рядом с растущей дочкой, о домашних обедах и фортепианных концертах Лори – о всех тех вещах, на которые у него никогда не хватало времени. Теперь они казались самыми ценными вещами на свете. Всем сердцем он желал кинуться к Дебби и Лори и умолять их помочь ему понять. Он получил свободу, и теперь ему нужно...

«Осторожнее, — снова предостерег он себя. — Полиция и доктор Кинкэд не спустят с тебя глаз. Парень, следящий за этим местом, доложит о каждом твоем движении. Помни, что говорила полиция о наказаниях за вторжение. Ты никогда не узнаешь правду, если загремишь в тюрягу или обратно в психушку».

Мотоцикл, на первый взнос за который он грохнул всю месячную зарплату, стойко переносил тряску, преодолевая ухабы старой дороги рядом с шоссе I-10. Повторяя маршрут, сломавший ему жизнь, Сэм свернул с автострады у Хильской Балки и теперь направлялся к холму, за которым когда-то нашел Меридиан. Руки напоминающих человеческие фигуры кактусов поникли за два года еще больше, черные пятна так и испещряли растения — болезнь явно прогрессировала. Волны жара катились от камней и песка. Голый холм вырастал. Глядя на дорогу, Сэм с тревогой заметил, что она не огибает курган справа, как в тот вечер. Напротив, проселок сворачивал налево, продолжая идти параллельно I-10.

Покинув дорогу, взяв правее, объезжая холм справа, виляя меж подгнивших кактусов, Сэм ощущал все больше мучительных толчков. Под очками, защищающими глаза от хлещущего по лицу песка, закипали слезы. Ну разве не символ его отчаяния то, что ему удалось убедить себя в том, что Меридиан будет на месте, когда он вернется? «Возможно, ты действительно сумасшедший, — сказал он себе. — Разве думать о себе в третьем лице, как о чем-то отдельном от тебя, не есть признак шизофрении? Возможно, ты псих, каковым тебя и считают все вокруг. Признай это — что бы ни произошло здесь с тобой, то событие не имеет никакого отношения к месту из тысяча восемьсот восемьдесят второго года, к появляющемуся и исчезающему призрачному — буквально — городу, к зловещей версии Бригадуна[1]. Если ты веришь в это — ты спятил».

Сэм остановил мотоцикл приблизительно там, где в тот вечер припарковал джип. Озираясь, он прикидывал и вспоминал, где располагались конюшня, кузница, магазинчик. «Где ты их воображал, — напомнил он себе. — И перестань называть себя „ты“».

Ресторан с обедом за пятьдесят центов стоял дальше по улице, а салун с вращающейся дверью и вывеской, рекламирующей виски, пиво и сарсапарель (он все еще спотыкался об это слово), должен находиться за ним. Четкая картинка, как живая, маячила перед мысленным взором Сэма.

Но — куда уж очевиднее — города здесь не было. Удрученный, мужчина слез с мотоцикла и опустил подножку. Затем стянул шлем. Горячий сухой ветер тут же взъерошил пропитанные по́том волосы. Некоторое время, после выхода из Центра психического здоровья, он подчинялся рекомендациям и принимал лекарства, но таблетки делали его каким-то пьяным, одурманенным, отстраненным от всего, так что, какую пользу они ни должны были бы приносить, результат лечения казался хуже установленной доктором Кинкэдом болезни. Каждый день Сэм принимал все меньше

[1] «Бригадун» — фильм-мюзикл 1954 года, о паре нью-йоркцев, которые, заблудившись в горах, натыкаются на деревушку под названием Бригадун, появляющуюся из туманов в один и тот же день каждые сто лет.

и меньше пилюль, сознание его обретало ясность и чувства обострялись. И каждый день он все больше уверялся в том, что действительно является Сэмом Вентвортом, у которого были жена и дочь и который работал в «Шепертон Энтерпрайзис». Единственная проблема состояла в том, что ни один человек в мире не согласился бы с ним.

«Как могло это все казаться таким реальным? — кричала его душа. — Неужели такова шизофрения? Неужели ты внушил себе, что ложный мир — истина?

Проклятие, прекрати думать о себе во втором лице».

С ноющим сердцем Сэм потащился вдоль несуществующей улицы, которую так отчетливо видела его память. Там и тут он замечал торчащие из песка обгоревшие концы досок, точно такие же, как в тот вечер, когда он очнулся здесь. Один раз Сэм остановился, вытянул обломок и принялся изучать огненные шрамы, затем взгляд его упал на почти не занесенные песком кости какого-то крупного животного. Он представил себе стреляющих друг в друга ковбоев и крепкого мужчину с мешком муки. Загребая ботинками пыль, он шел и шел по пустыне, не являющей ему города.

Здесь. Салун стоял здесь. Вращающиеся двери с дырками наверху и внизу. Бренчание механического пианино. Он шагнул в воображаемый проем, посмотрел налево, туда, где курили и молча играли в карты ковбои, посмотрел направо, туда, где ковбои выпивали, облокотившись на барную стойку. Бутылки с саспа... сарсапарелем стояли где-то тут...

«Вот. Вот где ты проснулся, — подумал он, глядя на песок. Что-то маленькое юркнуло среди камней. — Скорпион? Так реально. Так фальшиво. Ты не должен был возвращаться. Все стало только хуже, ты все испортил». Терзаемый почти осязаемым ужасом, он попятился, будто отступая к вращающимся дверям, и застыл — в песке что-то блеснуло, привлекая внимание мужчины. Солнечный свет от чего-то отразился. Глянцевый камешек, сказал он себе. Железистый колчедан, пирит, золото дураков, или как его там. Сияние словно пронзило глаз. Не успев даже осознать, что делает, он пнул носком ботинка песок, ожидая, что сейчас из кучки выкатится блестящий голыш. Однако нога наткнулась на

что-то большое и твердое — достаточно большое и твердое, чтобы воспротивиться толчку.

Показался круглый стеклянный ободок. Человек наклонился, стиснул прозрачное горлышко и извлек из песка бутылку. Пустую. Такую же, как та, из которой он пил. Несмотря на обжигающую жару, его пробрала дрожь. «Как ты мог представить что-то, чего никогда не видел, что-то, что было погребено под песком?»

И тогда он понял, что действительно попал в ад.

На следующий день он снял с багажника мотоцикла палатку и быстро установил ее, камнем вогнав длинные колышки поглубже в песок. Отражающая поверхность палатки делала ее отличным щитом от солнца пустыни, как заверил его продавец. Сэм застегнул вход на молнию, чтобы ни скорпионы, ни змеи не проникли внутрь. Затем отцепил от мотоцикла складную лопату, привел ее в рабочее состояние и вогнал в песок в том месте, где нашел бутылку. Другого снаряжения присобачить к мотоциклу не удалось. В следующий раз он прихватит больше. Если он собирается жить здесь, когда не работает в библиотеке, нужно хотя бы обустроиться покомфортнее. Нужен спальный мешок. Фонарь Коулмена и плитка-обогреватель. Радиоприемник. Возможно, зонтик от солнца. На ставку смотрителя всего этого не купишь, а с учетом отсутствия у него прошлого ни один банк не выдаст кредита, но рекламная корреспонденция (единственные письма, которые он получал, да и те адресованные «тому, кто проживает по указанному адресу в настоящее время»), в изобилии сыплющаяся в его почтовый ящик, содержала бесконечный поток приглашений приобрести кредитную карту или воспользоваться услугами компаний-эмитентов кредиток, которые, как оказалось, готовы всучить карту любому, психу ли, маньяку — без разницы.

Он рыл исступленно.

— Сэр, вы не можете оставаться здесь.

Сэм продолжал копать. За два месяца он вырыл яму, почти равную по длине и ширине пропавшему салуну. По

периметру громоздились горы песка. Куча обугленных головешек возвышалась рядом с большим куском опаленной стойки. В стороне поблескивало стекло.

— Вы не имеете права на раскопки, сэр. Это частная собственность. Вы нарушаете границы чужих владений.

У палатки Сэм разместил особый склад бутылок характерного вида. Из одной такой он отхлебнул два года назад. Он молился о том, чтобы отыскать полную. Возможно, если сделать еще глоток, Меридиан появится. Возможно, получится обратить все вспять. Возможно, он вернет свою душу. Но, как это ни печально, — он даже всхлипывал каждый раз, натыкаясь на новую находку, — он раскапывал в основном осколки, а немногочисленные целые бутылки были пусты. Сэм начал рыть быстрее.

— Сэр, — настаивал бас.

На его плечо легла чужая рука.

Выйдя из транса, Сэм обернулся.

— Не глупите, — сказал суровый мужчина и поднял мозолистые руки, словно защищаясь, — на тот случай, если Сэму взбредет в голову использовать лопату как оружие.

Он был в каске, выцветшей хлопчатобумажной рубахе, джинсах и тяжелых ботинках, какие носят строители.

К удивлению Сэма, из-за холма, грохоча, выезжали грузовики, бульдозеры, экскаваторы и прочие землеройные машины. Он настолько сосредоточился на своих раскопках, что не осознавал ничего, что происходит вокруг. Из фургонов и прицепов бойко выскакивали рабочие. Подпрыгивающий на ухабах внедорожник затормозил и остановился. На боку его красовалась выведенная по трафарету надпись: «Шепертон Энтерпрайзис». Из джипа выбрался человек в белой «парадной» рубашке с закатанными рукавами и болтающимся на шее чуть ослабленным галстуком — вылез, надел каску и тут же принялся облаивать строителей, раздавая приказы. Брюхо его стало жирнее, двойной подбородок — тройным, темные волосы поредели, но ошибки быть не могло.

«Джо», — подумал Сэм.

Провопив еще несколько указаний, Джо двинулся к Сэму.

— Что тут происходит?! — рявкнул он, обратившись к рабочему. — Что это за тип? Что он тут делает?

— Копает! — прокричал в ответ строитель.

— Как будто я сам не вижу! — взорвался Джо.

— Похоже, он здесь живет. — Рабочий показал на палатку. — Бездомный. Собирает бутылки и всякий хлам.

— О господи.

— Джо, — пробормотал Сэм.

— Убирайте палатку и гоните его в шею! — велел Джо и повернулся, собираясь уйти.

— Джо. — На этот раз Сэму удалось издать звук погромче.

— Что? — Джо оглянулся и нахмурился. — Я тебя знаю?

— Ты не узнал меня? — спросил Сэм и тут же понял, насколько задубевшая, обожженная солнцем кожа и двухмесячная борода изменили его внешность. — Я Сэм. Сэм Вентворт.

— Сэм? — недоуменно проговорил Джо. Затем его обрюзгшую физиономию исказило боязливое осмысление. — Тот чокнутый? Сэм Вентворт? Парень, считавший себя моим вице-президентом? Вызывай полицию, — велел он рабочему. — Скажи, он продолжает преследовать меня. Позаботься о том, чтобы к моему возвращению из Гранд-Вэлли этого психованного сукина сына тут не было.

— Гранд-Вэлли? — выдохнул Сэм.

Сквозь облако пыли Джо зашагал к группе рабочих.

— Ты сказал — Гранд-Вэлли? Джо! Ради бога, только не говори, что ты имел в виду Гранд-Вэлли-Вистас у Таксона!

Джо насупился еще сильнее:

— Откуда ты знаешь о Гранд-Вэлли?

— Ты все-таки купил участок?

Джо по-петушиному выпятил грудь:

— Через два часа, как раз когда полиция будет запирать твою камеру, я подпишу бумаги.

— Карсон заговорил тебе зубы?

— Карсон? Что тебе известно о Карсоне? И никто мне зубы не заговаривал!

— Ага, верно, это как с теми скрытыми участками — ты так жалел, что влез в то дерьмо, что нанял меня для перепроверки сделок, которые вынужден был заключить.

— Скрытые участки? — налетел на него Джо. — Ты снова проник в мою контору? Читал мои файлы?

— Я могу спасти десять миллионов твоих долларов.

— Именно столько просит Карсон за землю! Откуда ты узнал? Ты рылся в документах!

— И еще десять миллионов предстоящих судебных издержек.

— Господи, ты безумнее, чем я думал.

— Тебе ничего не стоит подождать денек, но если подпишешь бумаги — это обойдется тебе в двадцать потерянных миллионов.

— Ладно, значит, ты петришь в моем бизнесе? Докажи.

— Что?

— Докажи, что я ошибаюсь.

— А если докажу?

— Несчастный дурень... Суть в том, что тебе не доказать. Но может, это заставит тебя понять, насколько ты обманываешься. Тогда ты, возможно, оставишь меня в покое.

— А если докажу?!

— В смысле — убедит ли это меня, что ты был моим вице-президентом? Черта с два.

— Не важно. Это не то, чего я хочу. Это меня уже не волнует.

— Тогда чего ты хочешь?

— Один из этих участков.

— Что?

— Вот этот. — Сэм показал на свои раскопки. — Если я докажу, что покупка Гранд-Вэлли-Вистас приведет к катастрофе, то передача мне этого участка станет лучшей твоей инвестицией.

— Держи карман шире! — Однако Джо выглядел ошарашенным. — Хорошо. Докажи, что я не должен покупать Гранд-Вэлли-Вистас, и участок твой.

Сэм кивнул:

— По рукам?

— Угу, ну да, конечно.— Джо глупо ухмыльнулся и тряхнул протянутую ему грязную пятерню.

— У тебя масса недостатков, Джо, но нарушение данного слова не входит в их число.

— Да уж, черт побери, тем паче сейчас. Этот парень — свидетель сделки. Ну, где доказательства?

— В пятидесятых земля Гранд-Вэлли-Вистас была свалкой токсичных отходов.

— Что?!

— Там располагался химический завод. В земле похоронено столько ядов, что любому, кто поселится там, не избежать рака. Младенцы будут появляться на свет с врожденными уродствами...

— И ты можешь доказать? — Обычно цветущее лицо Джо побледнело.

— Я могу подсказать, как связаться с человеком, работавшим в команде, сваливавшей химикаты, и человеком, уволившимся с завода из-за сброса отходов. Они уже старые, однако пребывают в здравом уме. Еще я могу посоветовать, как достать документы компании, санкционирующие захоронение токсичных веществ перед закрытием завода.

Впервые на памяти Сэма Джо не находил слов.

— Если ты прав...

— Ты сохранишь двадцать миллионов, а я получу этот участок.

Лопата Сэма звякнула об очередную бутылку. Изнемогая от зноя, он поднял склянку, скорбя о том, что и она оказалась пустой. «Однажды... — подумал он, — однажды ты найдешь бутылку с темной жидкостью, и сделаешь глоток, и вернешь свою жену и дочь».

Вокруг завывали пилы, стучали молотки и росли дома — со скоростью, прославившей Джо Шепертона. Там и тут голоса из приемников распевали старомодные шлягеры или вели яростные политические споры. Но Сэм едва замечал шум. Салун — вот и все, что имело значение. Меридиан. Возвращение души. Впечатленный точностью инфор-

мации Сэма, Джо предложил ему место в компании («Может, ты и нормальный»), но Сэм не врал — его больше не интересовала прошлая работа. «Черт побери, если бы не она, — думал он, — ты никогда бы не потерял семью».

Ему хотелось лишь вновь обрести ту жизнь, которую он считал естественной. «Однажды ты найдешь полную бутылку, — продолжал он твердить себе. — Однажды ты вернешься к Дебби и Лори. Ты обнимешь и поцелуешь их. Радуясь тебе, они спросят, где ты пропадал столько времени, и будут ошеломленно слушать объяснения. А тем временем город возникнет снова, как возник он два года назад. Может, это еще один способ вновь обрести душу. Но как это произойдет, — Сэма вдруг охватила безумная паника, — если новый город займет место старого? Времени мало. У тебя мало времени. Поднажми».

Жгучее солнце достигло зенита, а он продолжал яростно вгрызаться в сыпучий песок.

КЛАЙВ БАРКЕР

Рассказ Гекkеля

Клайв Баркер родился в Ливерпуле, Англия, и, до того как поступить в Ливерпульский университет, учился в той же школе, что и Джон Леннон. В настоящее время он проживает в Калифорнии со своим другом, фотографом Дэвидом Армстронгом, и дочерью Николь. Баркер — один из ведущих современных авторов, работающий в жанрах фэнтези и «хоррор», а также признанный художник, драматург, продюсер и режиссер.

Его перу принадлежит более двадцати книг, среди которых «Книги крови» («Books of Blood»), «Проклятая игра» («The Damnation Game»), «Сотканный мир» («Weaveworld»), «Племя тьмы» («Cabal»), «Явление тайны», («The Great and Secret Show»), «Имаджика» («Imajica»), «Вечный похититель» («The Thief of Always»), «Эвервилль» («Everville»), «Таинство» («Sacrament»), «Галилея» («Galilee»), Каньон Холодных Сердец: Голливудская история с привидениями» («Coldheart Canyon: A Hollywood Ghost Story») и знаменитая серия «Абарат» («Abarat»).

В 2008 году писатель выпустил новый сборник «Алое Евангелие» («The Scarlet Gospels»), в заглавном рассказе которого встречаются два знаменитых персонажа: адский Пинхед и оккультный детектив Гарри Д'Амур.

Недавно вышли в свет три книги комиксов, созданных по роману Баркера «Вечный похититель», текст к которым написал Крис Описко, а иллюстрации выполнил Габриэль Эрнандес. Готовятся к публикации двенадцать комиксов по роману «Явление тайны».

В качестве кинорежиссера Баркер выпустил пользующийся громадным успехом фильм «Восставший из Ада» («Hellraiser», 1987), а также принимал участие в создании фильмов «Ночной народ» («Nightbreed») и «Повелитель иллюзий» («Lord of Illusions»). Он был продюсером получившего «Оскар» фильма «Боги и монстры» («Gods and Monsters»), на основе произведений Баркера сняты картины «Кэндимэн» («Candyman»), «Подземный мир» («Underworld»), «Голый мозг» («Rawhead

Rex»), «Автострада» («Quicksilver Highway») и «Святой грешник» («Saint Sinner»).

На базе представленного ниже рассказа Мик Гаррис написал сценарий для одного из эпизодов сериала «Мастера ужаса» («Masters of Horror»), режиссером которого стал Мик Гаррис вместо повредившего спину Роджера Кормана.

Как заметил в свое время Корман: «В своем провокационном рассказе Клайв Баркер идет на шаг дальше Мэри Шелли в ее знаменитом „Франкенштейне", предполагая, что сексуальный пакал и одержимость смертью тесно связаны».

На прошлой неделе после продолжительной болезни скончался Пуррацкер. Я никогда особенно его не любил, но новость о его кончине все равно сильно опечалила меня. Теперь, когда его нет, я остался последним из нашей маленькой компании, больше не с кем будет поболтать о старых добрых временах. Не то чтобы я когда-либо это делал, во всяком случае не с ним. После Гамбурга пути наши разошлись. Он стал физиком и жил, насколько я знаю, по большей части в Париже. Я же остался здесь, в Германии, и работал с Германом Гельмгольцем[1], в основном в области математики, но изредка внося посильный вклад и в другие науки. Сомневаюсь, что меня будут помнить, когда и я уйду. Герман был тронут гением, а я — нет. Однако я нахожу успокоение в прохладной тени его теорий. Он обладал ясным умом, острым умом. Он не допускал сантиментов или предрассудков в свое видение мира. И я многому научился у него.

Однако теперь, воскрешая в памяти себя двадцатилетнего (а я всего на два года моложе века, который закончится через месяц), я ловлю себя на том, что вспоминаю вовсе не время торжества интеллекта, и не аналитические способности Гельмгольца, и не его изумительную беспристрастность.

---

[1] Гельмгольц Герман (1821—1894) – немецкий физик, математик, физиолог, психолог.

На самом деле теперь в моем мозгу сохранился всего лишь отголосок одной истории. Однако он отказывается покидать меня, поэтому я решил записать все на бумаге, чтобы очистить от него разум.

В 1822 году в Гамбурге я был — вместе с Пуррацкером и еще восемью блистательными молодыми людьми — членом неформального клуба честолюбивых интеллектуалов. Все в нашем кружке собирались стать учеными и по причине молодости питали огромные надежды и на свой счет, и на счет будущих научных свершений. Каждую субботу мы собирались в кофейне на улице Репербан и в задней комнате, которую снимали как раз для этих целей, устраивали дебаты по любому занимающему нас вопросу, смутно подозревая, что подобные споры каким-то образом расширяют наше понимание окружающего мира. Мы были помпезны, без сомнения, и эгоцентричны, однако наша пылкость была искренней. То было волнительное время. Каждую неделю, как казалось, кто-нибудь непременно приходил на встречу, обуреваемый новой идеей.

Был летний вечер — а лето в тот год выдалось удручающе жарким, даже ночи стояли душные, — когда Эрнест Геккель рассказал нам ту самую историю, которую я собираюсь здесь изложить. Я отлично помню, как все было. Во всяком случае мне кажется, что помню. Память менее точна, чем она сама полагает, не так ли? Что ж, это едва ли имеет значение. То, что я помню, вполне может быть правдой. В конце концов, не осталось никого, кто смог бы меня опровергнуть. А произошло следующее: к концу вечера, когда каждый из нас выпил столько пива, что в нем можно было бы потопить весь германский флот, и острые края интеллектуальной дискуссии как-то затупились (если честно, мы опустились до простых сплетен, что неизбежно происходило после полуночи), Эйзентраут, ставший впоследствии великим хирургом, вскользь упомянул о человеке по фамилии Монтескино. Эта фамилия была известна всем нам, хотя никто из нас не видел этого человека собственными глазами. Монтескино приехал в город месяц назад

и вызвал к себе повышенный интерес всего общества, поскольку якобы был некромантом. Он мог не только разговаривать, но и даже, как он уверял, поднимать мертвецов из могил и проводил свои сеансы в богатых домах. За его услуги наши дамы выкладывали небольшие состояния.

Из-за одного лишь упоминания этого имени по комнате разнесся целый хор голосов, выражавших множество мнений, каждое из которых было нелестным: «Он был презренный жулик и негодяй. Его надо выслать во Францию — откуда он и явился, — но только сперва спустить с него шкуру за нахальство».

Единственным, кто не произнес ни слова против некроманта, оказался Эрнест Геккель, который, по моему мнению, был среди нас самой светлой головой. Он сидел у открытого окна — должно быть, в надежде на дуновение свежего ветра с Эльбы, — положив подбородок на руки.

— А что думаешь обо всем этом ты, Эрнест? — спросил я его.

— Вам это неинтересно, — ответил он негромко.

— Нет, интересно. Конечно же интересно.

Геккель оглядел нас.

— Что ж, хорошо, — произнес он. — Я вам скажу.

Лицо его казалось больным в свете свечей, и я, помню, подумал — рассеянно подумал, — что никогда еще не видел у него в глазах такого выражения, как в тот момент. Какие мысли ни одолевали бы его, они туманили обычно ясный взор. Он казался раздраженным.

— Вот что я думаю, — сказал он. — Следует проявлять осторожность, высказывая суждения о некромантах.

— Осторожность?! — воскликнул Пуррацкер, который в свои лучшие времена любил поспорить, особенно находясь под воздействием алкоголя. — С чего бы нам быть осторожными с этим французским шпютом, который охотится на наших женщин? Господи, да он просто в открытую обворовывает их!

— Как так?

— Он уверяет их, будто бы может поднимать из могил мертвецов! — заорал Пуррацкер и грохнул по столу кулаком.

— А откуда нам знать, что он этого не может?

— Ну, что ты, Геккель, — сказал я, — не веришь же ты...

— Я верю тому, что вижу своими глазами, Теодор, — ответил мне Геккель. — А я видел — один раз в жизни — то, что я считаю доказательством существования людей, обладающих теми способностями, которыми, как он утверждает, владеет этот Монтескино.

Комната взорвалась смехом и протестами. Геккель никак не отреагировал на них. Наконец, когда общий шум поутих, он спросил:

— Так вы хотите услышать о том, что я собирался рассказать, или нет?

— Конечно же мы хотим, — подтвердил Юлиус Линнеман, который обожал Геккеля, почти по-девчоночьи, как нам казалось.

— Тогда слушайте, — согласился Геккель. — То, что я собираюсь вам рассказать, чистая правда, хотя, когда я дойду до конца повествования, вы, может быть, не захотите больше видеть меня в этой комнате, возможно, вы решите, что я несколько не в своем уме. Или даже совсем не в своем уме.

Его мягкий голос и затуманенный взгляд заставили всех умолкнуть, даже буйного Пуррацкера. Мы уселись, кто-то прислонился к камину, и приготовились слушать. После недолгого раздумья Геккель начал свой рассказ. И, насколько я помню, вот что он нам сообщил:

— Десять лет назад я жил в Виттенберге, изучал философию под руководством Вильгельма Хаузера. Он был, конечно, метафизик, вел монашеский образ жизни. Он не интересовался материальным миром, этот мир не трогал его, это правда. И он требовал от своих студентов быть такими же аскетами, каким был он сам. Разумеется, нам это давалось непросто. Мы были слишком молоды, слишком жадны до жизни. Но пока я оставался в Виттенберге, находясь под его пристальным оком, я, в самом деле, старался по мере сил следовать его указаниям.

Весной второго года, проведенного у Хаузера, я получил известие, что мой отец, который жил в Люнебурге, серьезно болен и я должен оставить свои занятия и вернуться домой.

Я был студентом. Я тратил все деньги на книги и хлеб. Я не мог позволить себе экипаж. Поэтому мне пришлось идти пешком. Разумеется, это означало несколько дней пути через вересковые пустоши, но компанию мне составляли мои размышления, и я был вполне доволен. Во всяком случае первую половину пути. Затем, откуда ни возьмись, налетела ужасная буря с дождем. Я промок до нитки, и, несмотря на все мои усердные старания не думать о комфорте, у меня никак не получалось. Мне было холодно, я был несчастен, и все возвышенные мысли о жизни метафизической вылетели у меня из головы.

На четвертый или пятый вечер пути, шмыгая носом и чертыхаясь, я набрал валежника и развел костер под невысокой каменной стеной, в надежде немного обсохнуть перед сном. Когда я собирал мох, чтобы соорудить себе подушку, из сумрака появился старик, лицо которого было истинной аллегорией Меланхолии, и заговорил со мной голосом пророка.

«Сегодня было бы неразумно оставаться здесь на ночлег», — сказал он мне.

Я был не в настроении обсуждать с ним эту тему. Я был слишком измотан. «Я не сдвинусь ни на дюйм, — заявил я ему. — Это общая дорога. У меня имеется полное право спать здесь, если таково будет мое желание».

«Ну конечно, — ответил мне старик. — Я ничего не говорил о ваших правах. Я просто заметил, что это было бы неразумно».

Мне, если честно, сделалось стыдно за мой резкий тон. «Прошу прощения, — сказал я ему. — Я замерз, устал, я голоден. Я не хотел обидеть вас».

Старик сказал, что он вовсе не обижен. Его зовут, сказал он, Вальтер Вольфрам.

Я назвал ему свое имя и объяснил, как здесь оказался. Он выслушал, а затем предложил мне пойти к нему в дом, который, по его словам, находится неподалеку. Там я смогу отогреться у настоящего очага и поесть горячей картофельной похлебки. Я, разумеется, не стал отказываться. Однако спросил, поднимаясь, почему он считает, что ночевать в этом месте неразумно.

Он посмотрел на меня таким скорбным, душераздирающим взглядом, значения которого я не сумел понять. А затем сказал: «Вы еще молодой человек и, без сомнения, не испытываете страха перед проявлениями этого мира. Но прошу вас, поверьте мне, бывают такие ночи, когда не стоит спать рядом с местом, где покоятся мертвые».

«Мертвые?» — воскликнул я и обернулся. Измученный путешествием, я не разглядел того, что находилось за каменной стеной. Теперь, когда дождевые тучи разошлись и поднялась луна, я увидел там множество могил, старых и новых вперемешку. Обычно подобное зрелище не особенно меня волновало. Хаузер научил нас спокойно относиться к смерти. Смерть не должна, говорил он, беспокоить человека сильнее, чем восход солнца, ибо она так же неизбежна и так же обыденна. Совет был хорош, если выслушивать его теплым днем в классной комнате в Виттенберге. Но здесь — посреди неизвестно чего, рядом со стариком, бормочущим вслух свои суеверия, — я уже не был настолько уверен в его разумности.

Как бы там ни было, Вальтер отвел меня в свой маленький домик, находящийся всего в полумиле от этого некрополя. Там, как он и обещал, был очаг. И, как он и обещал, был суп. И еще, к моему изумлению и восторгу, была его жена, Элиза.

Ей явно не исполнилось еще двадцати двух лет, и она была действительно самая красивая женщина, какую я когда-либо видел. В Виттенберге тоже, разумеется, имелись красотки. Но сомневаюсь, что этот город мог бы похвастаться такой безупречной женщиной, как Элиза. Каштановые волосы спадали до самой тонкой талии. Полные губы, полные бедра, полные груди. А какие глаза! Когда они устремились на меня, их взгляд едва не опалил меня.

Я старался изо всех сил, приличия ради, скрыть свое восхищение, но сделать это было непросто. Мне хотелось упасть на колени и поклясться ей в вечной преданности, отныне и навсегда.

Если Вальтер и заметил что-то, он не подал виду. Он был чем-то озабочен, как я начал догадываться. Он посто-

янно посматривал на часы на каминной полке и переводил взгляд на дверь.

На самом деле я был рад тому, что он не обращает на меня внимания. Благодаря этому я мог болтать с Элизой, которая — хотя сначала она держалась скованно — делалась все оживленнее по мере приближения ночи. Она продолжала потчевать меня вином, пока где-то в полночь меня не сморил сон, прямо над тарелками, из которых я ел...

В этот момент кто-то из нашего маленького собрания — очень возможно, что это был Пуррацкер, — заметил, что ему не хотелось бы, чтобы это оказалась история о неразделенной любви, поскольку он сейчас не в настроении выслушивать нечто в этом роде. Геккель ответил на это, что его история вовсе не имеет ничего общего с какой бы то ни было любовью. Ответ был прост, но он достиг цели: тот, кто его перебил, замолк, и общее предчувствие грядущего несчастья усилилось.

Шум, доносившийся из кафе, к этому времени почти полностью затих, точно так же как и шум с улицы. Гамбург отправился спать. Но мы оставались на местах, нас удерживали рассказ и выражение лица Эрнеста Геккеля.

— Несколько позже я проснулся, — продолжал он, — но был так измучен и так разморен вином, что с трудом открыл глаза. Дверь была приоткрыта, и на пороге стоял человек в черном плаще. Он о чем-то шептался с Вальтером. Затем, как мне показалось, последовала передача денег, хотя сказать наверняка я бы не смог. Я лишь краем глаза увидел лицо гостя в свете очага. Это было лицо человека, с которым мне не хотелось бы поссориться. На самом деле мне не хотелось бы даже встречаться с ним. Сощуренные глаза, глубоко сидящие в глазницах, сердитое лицо. Я обрадовался тому, что он ушел. Когда Вальтер закрыл дверь, я снова опустил голову и прикрыл глаза, решив, что ему лучше не знать о моем пробуждении. Не могу сказать точно, почему именно я так решил. Я просто знал: затевается что-то такое, во что мне лучше никак не вмешиваться.

Затем, лежа там и прислушиваясь, я услышал детский плач. Вальтер окликнул Элизу, приказав ей успокоить ре-

бенка. Ее ответа я не услышал. Точнее, услышал, но не разобрал. Ее голос, который был нежным и сладостным, когда я разговаривал с ней, теперь звучал как-то странно. Чуть приоткрыв глаза, я увидел, что она подошла к окну и смотрит, прижимая ладони к стеклу.

Вальтер снова велел ей заняться ребенком. И снова она в ответ издала какой-то горловой звук. На этот раз она обернулась к нему, и я увидел, что это уже совсем не та женщина, с какой я говорил. Она вся пылала, как человек, сжираемый лихорадкой, который в столь поздний час, кажется, вот-вот вспыхнет настоящим огнем.

Одну руку она опустила между ногами и принялась гладить себя там весьма волнующим образом. Если вы когда-нибудь бывали в лечебнице для душевнобольных, то, возможно, наблюдали у кого-то из них похожее поведение.

«Потерпи,— сказал ей Вальтер,— все уже улажено. А пока что ступай, позаботься о ребенке».

На этот раз она уступила его просьбе и вышла в соседнюю комнату. Пока я не услышал плач ребенка, я и не подозревал, что у них имеется наследник, и мне показалось странным, что Элиза ни словом не обмолвилась о нем. Лежа среди тарелок и притворяясь спящим, я пытался понять, что же мне делать дальше. Может быть, сделать вид, что я проснулся, и объявить хозяину, что я больше не нуждаюсь в его гостеприимстве? Я решил, что это будет нехорошо. Лучше останусь там, где есть. Пока они думают, что я сплю, они не станут обращать на меня внимания. Во всяком случае я надеялся на это.

Плач ребенка теперь затих. Присутствие Элизы успокоило его.

«Накорми его как следует, прежде чем уложить,— услышал я голос Вальтера.— Я не хочу, чтобы он проснулся и снова начал кричать, пока тебя не будет».

Из этих слов я понял, что она кормит ребенка грудью, этим-то и объяснялась чудесная полнота ее бюста. Ее груди были полны молока. И должен признать, что даже после того, какой я видел ее у окна, я ощутил приступ зависти к младенцу, сосущему сейчас из этих прекрасных сосудов.

Затем я снова мысленно обратился к происходящему, пытаясь понять, что же здесь творится. Кто был тот человек, который приходил недавно? Может быть, любовник Элизы? Если так, то с чего бы Вальтеру ему платить? Возможно ли, чтобы старик нанял этого типа для удовлетворения желания своей жены, на что сам он уже не способен? Были ли корчи Элизы у окна всего лишь предвкушением плотских утех?

Наконец она вернулась из другой комнаты, очень осторожно прикрыв за собой дверь. Супруги заговорили о чем-то шепотом, я не разобрал о чем, зато у меня в голове зародились новые вопросы. А что, если они замышляют меня убить? Должен признаться, в тот миг собственная шея показалась мне очень уязвимой.

Но волновался я напрасно. Они пошептались еще минуту, после чего Элиза ушла. Вальтер же остался сидеть у очага. Я слышал, как он наливает себе вино и шумно глотает, затем наливает снова. Совершенно очевидно, он пытался утопить свое горе, старался держаться. Он продолжал пить, разговаривая с самим собой. Через некоторое время его бормотание перешло в слезы. Вскоре он зарыдал.

Я больше не мог этого выносить. Я оторвал голову от стола и повернулся к нему.

«Герр Вольфрам, — спросил я, — что происходит?»

Лицо его было залито слезами, слезы скатывались в бороду.

«О друг мой, — произнес он, покачав головой, — я не могу объяснить. Эта ночь полна невыразимой скорби».

«Хотите ли вы, чтобы я оставил вас наедине с вашим горем?» — спросил я.

«Нет, нет, — возразил он. — Нет, я не хочу, чтобы вы сейчас выходили».

Я, разумеется, хотел знать почему. Может быть, он боится, что я увижу что-то?

Я уже поднялся из-за стола и теперь приблизился к нему.

«Тот человек, который приходил...»

Рот Вальтера скривился от упоминания о нем.

«Кто он такой?» — спросил я.

«Его зовут доктор Скал. Насколько я понимаю, он англичанин».

Я ждал дальнейших объяснений. Но когда их не последовало, я добавил: «И он друг вашей жены».

«Нет, — сказал Вальтер. — Это не то, о чем вы подумали. — Он налил себе еще бренди и выпил. — Вы предполагаете, что они любовники. Но это не так. Элиза не испытывает ни малейшего интереса к доктору Скалу, уж поверьте мне. Точно так же как и к тем, кто бывает у нас в доме».

Я воспринял последнее замечание на свой счет и начал было объясняться, но Вальтер жестом отмел прочь все мои объяснения.

«Не стоит оправдываться, — сказал он. — Меня нисколько не оскорбляют те взгляды, какие вы бросали на мою супругу. Да и с чего? Она очень красивая женщина, и я бы удивился, если бы такой молодой человек, как вы, не попытался бы ее соблазнить. Хотя бы мысленно. Но вот что я должен вам сказать, друг мой, вы никогда не смогли бы ее удовлетворить. — Он оставил это замечание некоторое время висеть в воздухе. Затем продолжил: — Точно так же как, само собой, и я. Когда я женился на ней, я уже был слишком стар, чтобы стать ей настоящим мужем».

«Но у вас же ребенок», — напомнил я ему.

«Мальчик не мой», — ответил Вальтер.

«И вы воспитываете ребенка, хотя он не от вас?»

«Да».

«Где же его отец?»

«Боюсь, он уже мертв».

«О!»

Все это показалось мне по-настоящему трагичным. Элиза беременна, отец ребенка умирает, Вальтер протягивает ей руку помощи, спасает от бесчестья. Вот такая история сложилась у меня в голове. Единственное, что никак не укладывалось в гладкую схему, — это доктор Скал, чья завернутая в плащ фигура так расстроила меня.

«Я понимаю, что это не мое дело...» — вновь заговорил я.

«И пусть оно таким и останется», — отозвался он.

«Но у меня есть еще вопрос».

«Задавайте».

«Доктором каких наук является этот самый Скал?»

«Ах это! — Вальтер поставил стакан и посмотрел в очаг. Дрова туда уже некоторое время не подкладывали, и теперь там осталась только горка мерцающих углей. — Досточтимый доктор Скал — некромант. Он имеет дело с наукой, в которой я ничего не понимаю».

Он придвинулся поближе к очагу, как будто от разговора о таинственном докторе промерз до костей. Я и сам ощущал что-то подобное. Я очень мало знал о деятельности некромантов, но понимал, что они имеют дело с покойниками.

Я подумал о том кладбище и вспомнил первые слова Вальтера, с какими он обратился ко мне: «Сегодня было бы неразумно оставаться здесь на ночлег».

И внезапно я понял. Я вскочил на ноги, затуманенная алкоголем голова гудела.

«Я знаю, что происходит, — объявил я. — Вы заплатили Скалу, чтобы Элиза могла поговорить с покойником! С отцом вашего ребенка! — Вальтер продолжал смотреть в очаг. Я подошел к нему. — Это так, верно? И теперь Скал собирается разыграть какой-нибудь гнусный трюк, чтобы заставить бедную Элизу поверить, будто бы она общается с духом усопшего».

«Только это не трюк. — В первый раз с начала нашего мрачного разговора Вальтер поднял на меня взгляд. — То, что делает Скал, он делает по-настоящему, как бы мне ни хотелось в этом признаваться. Вот почему вы должны остаться здесь, пока все не закончится. Вам совершенно не нужно...»

Он прервал фразу, оставив ее незаконченной, потому что мы услышали голос Элизы. Это было не слово, а всхлип, потом еще один и еще, я, конечно же, тотчас понял, откуда они доносятся. Элиза на кладбище вместе со Скалом. В ночной тишине ее голос разносился далеко.

«Только послушайте», — сказал я.

«Не стоит», — качнул головой Вальтер.

Я не обратил внимания на его слова и пошел к двери, подгоняемый каким-то болезненным наваждением. Я не по-

верил ни на миг тому, что сказал Вальтер о некроманте. Хотя во многое из того, чему нас учил Хаузер, было трудно верить этой ночью, я все-таки еще верил в то, что он утверждал о жизни и смерти. Душа, как он нас учил, без сомнения, бессмертна. Но как только она освобождается от оков плоти и крови, тело оказывается не чем иным, как куском гниющего мяса. Мужчина или женщина, одушевлявшие его, уходят, чтобы быть с теми, кто уже расстался с этой жизнью. И не существует способа, настаивал он, призвать дух обратно. А следовательно — хотя Хаузер никогда не заходил в своих умозаключениях так далеко, — невозможно верить заявлениям тех людей, которые утверждают, будто умеют общаться с мертвецами.

Короче говоря, доктор Скал просто шарлатан, я был твердо в этом уверен. А бедная легковерная Элиза — его жертва. Одному богу известно, что́ он заставил ее делать, если она так рыдает! Мое воображение, сначала бесстыдно задержавшееся на прелестях женщины, а затем признавшее ее душевнобольной, теперь обратилось к ней в третий раз, выставив ее несчастной жертвой доктора Скала. Я знал из рассказов, какие слышал в Гамбурге, что́ вытворяют шарлатаны вроде этого с легкоуязвимыми женщинами. Я слышал, что некоторые некроманты требовали, чтобы все участники сеансов были голыми, как Адам, чистоты ради! А другие так ранили нежные сердца жертв своими гнусностями, что женщины теряли сознание и их насиловали в этом бесчувственном состоянии. Я представил, как все это происходит сейчас с Элизой. И чем громче становились ее крики и всхлипы, тем больше я укреплялся в мысли, что самые худшие мои опасения оправдываются.

Наконец я не выдержал, я кинулся в темноту, чтобы отыскать ее.

Герр Вольфрам бросился за мной и схватил меня за руку. «Вернитесь в дом! — потребовал он. — Ради всего святого, оставьте это, вернитесь в дом!»

Элиза уже надрывалась. Я не вернулся бы, даже если бы речь шла о спасении моей жизни. Я стряхнул с себя руку Вольфрама и двинулся к кладбищу. Сначала я подумал, что

старик оставил меня в покое, но, оглянувшись, увидел, что он сходил в дом и теперь вышел снова, с мушкетом в руке. Я решил, что он собирается угрожать мне, однако вместо этого он протянул оружие со словами: «Возьмите с собой».

«Я не собираюсь никого убивать! — воскликнул я, ощутив себя великим героем и настоящим праведником, идущим на подвиг. — Я просто хочу вырвать Элизу из рук проклятого англичанина!»

«Она не пойдет с вами, — сказал мне Вальтер. — Прошу вас, возьмите мушкет! Вы славный юноша. Я не хочу, чтобы с вами случилось что-нибудь нехорошее».

Я пропустил его слова мимо ушей и пошел к кладбищу. Хотя Вальтер был уже стар и задыхался на ходу, он старался не отставать от меня. Он даже сумел заговорить, однако то, что он говорил — учитывая мое возбужденное состояние и его одышку, — не всегда удавалось понять.

«Она нездорова... она страдала от этого всю жизнь... откуда мне было знать? Я ее любил... хотел сделать ее счастливой...»

«Судя по ее крикам, не так уж она и счастлива сейчас», — заметил я.

«Это не то, что вы думаете... то есть то и не то... О господи, умоляю вас, давайте вернемся в дом!»

«Я же сказал „нет"! Я не хочу, чтобы ею воспользовался этот человек!»

«Вы не понимаете. Никто из нас не в силах ее ублажить. Никто».

«Так, значит, вы наняли Скала, чтобы он сделал это? Господи!»

Я развернулся и сильно толкнул старика в грудь, затем побежал дальше. Наконец-то все сомнения относительно того, что происходит сейчас на кладбище, были отброшены. Вся эта болтовня о некромантии не больше чем мрачная вуаль, наброшенная поверх гнусной правды. Бедняжка Элиза! Жить с немощным мужем, который не находит лучшего способа сделать ее счастливой, как только отдать какому-то англичанину ради сиюминутного удовольствия! Ради всего святого, *англичанину*! Как будто бы *англичане* понимают что-нибудь в любви!

Пока я бежал, мне представлялось, что́ я сделаю, оказавшись на кладбище. Я воображал, как перепрыгиваю через стену, с криком набрасываюсь на Скала, оттаскиваю его от моей бедной Элизы. Потом я колочу его, пока он не лишается чувств. И вот когда он повержен, а я доказал, какой я молодец, я подхожу к красавице, заключаю ее в объятия и показываю ей, как поступает настоящий немец, когда хочет осчастливить женщину.

Голова у меня шла кругом от идей вплоть до того момента, когда я выскочил из-за деревьев и увидел перед собой некрополь...

На этом месте после нескольких минут горячей речи Геккель вдруг замолчал. Полагаю, это было сделано не ради драматического эффекта. Он просто мысленно готовился перейти к финальной части повествования. Уверен, никто из собравшихся в комнате не сомневался, что развязка не будет приятной. С самого начала это был рассказ, на котором лежала тень грядущего ужаса. Никто из нас ничего не говорил, это я помню наверняка. Мы сидели, зачарованные рассказом Геккеля, ожидая, когда он продолжит. Мы были словно дети.

Прошла минута или чуть больше, пока он смотрел в окно на ночное небо (не замечая, как я думаю, его красоты), после чего снова развернулся к нам, чтобы вознаградить за терпение.

— Луна висела полная и белесая, — произнес он. — В ее свете виднелась каждая деталь. В том месте не было никаких внушительных благородных памятников, какие вам встречались на кладбище в Ольсдорфе, просто грубо вырезанные каменные надгробия и деревянные кресты. И среди них разворачивалось некое действо. В траве горели свечи, их пламя не двигалось в застывшем воздухе. Полагаю, они образовывали подобие круга — наверное, футов десять в диаметре, — где некромант проводил обряд. Однако сейчас его работа была завершена и он отошел в сторону от этого места. Англичанин сидел на надгробном камне, покуривая длинную турецкую трубку, и наблюдал.

Объектом его наблюдений служила, естественно, Элиза. Едва только увидев ее, я, не без угрызений совести, постарался представить, как она будет выглядеть без одежды. И теперь

я получил ответ на свой вопрос. Она была здесь, освещенная золотистым светом свечей и серебристым светом луны. Открытая моим глазам во всем своем великолепии.

Но, боже мой! То, что она делала, обращало все удовольствие от созерцания ее красоты, все до последней капли, в горчайшую желчь.

Те крики, которые я слышал, те рыдания, из-за которых у меня разрывалось сердце от страха за нее, были спровоцированы вовсе не приставаниями доктора Скала, а прикосновениями мертвецов. Мертвецы поднялись из своих могил, чтобы ублажать ее! Она сидела на корточках, а у нее между ног торчала голова, вылезшая из-под земли. Человек, судя по его состоянию, недавно погребенный, поскольку плоть все еще прилегала к костям, с языком — господи, с языком! — все еще торчащим между оскаленными зубами.

Этого уже хватило бы, если бы это было все. Только это было не все. Тот же чудовищный гений, что вернул кадавра между ее ногами к некоему подобию жизни, так же придал сил стае обломков, кусочков целого, которые, словно черви, выковыривались из земли различными способами. Кости держались друг за дружку с помощью обрывков кожи. Грудная клетка ползла, опираясь на локти; голову толкал вперед извивающийся голый позвоночник; кисти рук тянули за собой держащиеся на лоскутках кожи кости. Здесь был настоящий погребальный бестиарий. И все это набрасывалось на Элизу или дожидалось своей очереди наброситься.

И она нисколько не противилась такому вниманию с их стороны. Совсем наоборот. Оттолкнувшись от трупа, который лизал ее, она перекатилась на спину, пригласив еще дюжину обломков присоединиться, будто обезумевшая потаскуха, и они пошли, о, еще как пошли, словно надеясь получить из нее соки, способные вернуть им целостность.

Вальтер теперь догнал меня.

«Я вас предупреждал», — сказал он.

«Так вы знали, что здесь творится?»

«Ну, разумеется, знал. Боюсь, это единственный способ для нее получить удовлетворение».

«Но кто же она?!» — воскликнул я.

«Просто женщина», — ответил Вальтер.

«Ни одна нормальная женщина не пошла бы на такое,— возразил я. — Господи! Господи боже мой!»

Зрелище, разворачивающееся передо мной, с каждым мигом становилось все ужаснее. Теперь Элиза стояла на коленях на могиле, а второй труп, сорвавший с себя остатки той одежды, в какой был погребен, совокуплялся с ней. Движения его были неистовы, он получал сильнейшее наслаждение, судя по тому, как откидывалась его гниющая голова. Что же касается Элизы, она сжимала свои полные груди, и в воздух взлетали брызги молока, падающие дождем на сумасшедший звериец, скачущий перед ней. Ее любовники были в экстазе. Они носились, грохоча костями, под этими брызгами, как будто благословленные.

Я вырвал у Вальтера мушкет.

«Не убивайте ее! — взмолился он. — Она не виновата!»

Я отмахнулся от него и пошел через кладбище, окликнув на ходу некроманта: «Скал! Скал!»

Он оторвался от своих размышлений, о чем бы они ни были, и, увидев мушкет, который я нацеливал на него, тотчас взмолился о пощаде. Он скверно говорил по-немецки, но я без особенного труда уловил основной смысл его речи. Он сделал только то, за что ему заплатили, говорил он. Он ни в чем не виноват.

«Что бы вы ни сделали, чтобы это началось, сделайте наоборот!» — сказал я.

Он покачал головой, взгляд у него был дикий. Я подумал, может быть, он не понимает, поэтому повторил свое требование.

И снова он отрицательно покачал головой. Все его спокойствие улетучилось. Он выглядел сейчас как жалкий карманник, пойманный на месте преступления. Я стоял прямо перед ним, поэтому уперся дулом мушкета ему в живот. Если он не прекратит все это, сказал я ему, я его пристрелю.

Может быть, я так и сделал бы, но тут герр Вольфрам, который тоже перелез через стену и теперь подходил к жене, начал звать ее по имени: «Элиза... прошу тебя, Элиза... тебе пора домой».

Никогда в жизни я не слышал ничего более абсурдного и более печального, чем слова этого человека, обращенные к жене: «Тебе пора домой».

Разумеется, она его не послушала. Наверное, даже не услышала, распаленная тем, что она делала, тем, что делали с ней.

Зато услышали ее любовники. Один из мертвецов, восставший целиком и дожидающийся своей очереди подойти к женщине, надвинулся на Вальтера, отгоняя его прочь. Выглядело это нелепо. Труп, пытающийся отпугнуть старика. Только Вальтер не испугался. Он продолжал звать Элизу, слезы катились у него по лицу. Он звал и звал ее...

Я кричал, чтобы он отошел. Он не слушал меня. Полагаю, он надеялся подойти поближе и дотянуться до нее. А покойник надвигался на него, размахивая руками, отгоняя, и, когда Вальтер не пожелал отступить, ходячий труп просто сбил его с ног. Я видел, как старик некоторое время отбивался, потом попытался снова встать на ноги. Но покойники — или фрагменты покойников — так и кишели в траве рядом с ним. И стоило ему упасть, как они кинулись на него.

Я велел англичанину идти со мной и двинулся через кладбище на помощь Вальтеру. В мушкете была только одна пуля, поэтому я не хотел даром расходовать ее, стреляя с большого расстояния и рискуя не попасть в цель. Кроме того, я не знал, в кого именно собираюсь стрелять. Чем ближе я подходил к кругу, где копошилась Элиза, которую все еще тискали и ласкали, тем больше результатов нечестивой работы Скала попадалось мне на глаза. Какие заклинания он ни использовал бы здесь, казалось, они подняли всех местных мертвецов, до последнего обломка. Земля шевелилась от ползающих там и тут фрагментов: пальцев, кусков высушенной кожи с приросшими к ней клоками волос, похожих на червей ошметков, не поддающихся определению.

Когда мы добрались до Вальтера, он уже проиграл свою битву. Монстры, за воскрешение которых он заплатил из своего кармана, — неблагодарные твари! — разорвали его плоть

в сотне мест. У него был выдавлен один глаз, в груди зияла дыра.

Его убийцы все еще трудились над ним. Я отбил мушкетом несколько тянущихся к нему конечностей, но их было столько, что это был всего лишь вопрос времени, когда они доберутся и до меня. Я развернулся к Скалу, намереваясь снова потребовать, чтобы он прекратил это бесчинство, но он уже удирал, петляя между могилами. В приступе внезапно накатившей ярости я вскинул мушкет и выстрелил. Негодяй, завывая, покатился в траву. Я подбежал к нему. Он был тяжело ранен и сильно страдал от боли, но я не собирался ему помогать. Только он был повинен во всем случившемся. Вольфрам погиб, Элиза все еще корчилась среди своих подгнивших обожателей — и виноват во всем этом был Скал. Я нисколько не сочувствовал ему.

«Что требуется сделать, чтобы покончить с этим? — спросил я. — Какие слова нужно произнести?»

У него стучали зубы. Было сложно разобрать, что он говорит. Но в итоге я понял.

«Когда... солнце... взойдет...» — выговорил он.

«Так вы все равно не в силах это остановить?»

«Нет, — выдохнул он. — Нет... другого... способа...»

Потом он умер. Можете вообразить мое отчаяние. Я ничего не мог поделать. Не существовало способа вытащить оттуда Элизу, не разделив судьбу Вальтера. Да, кроме того, она все равно не пошла бы. До восхода оставалось еще не меньше часа. Все, что я мог, — это сделать то, что я и сделал: перелез через стену и принялся ждать. Звуки были кошмарные. В некотором смысле они были даже хуже зрелища. Она уже должна бы была падать от изнеможения, но она продолжала. Иногда вздыхала, иногда всхлипывала, иногда стонала. Нет, поймите меня правильно, это вовсе не был отчаянный стон женщины, сознающей, что она находится в объятиях мертвецов. Это был стон женщины, получающей ни с чем не сравнимое удовольствие, женщины, находящейся на вершине блаженства.

За несколько минут до восхода звуки затихли. Только когда они прекратились окончательно, я отважился загля-

нуть за стену. Элизы не было. Ее любовники валялись на земле, изможденные, как, наверное, могут быть изможден только мертвецы. Облака на востоке светлели. Полагаю, возвращенная к жизни плоть боится света, поскольку когда исчезла последняя звезда, то же самое произошло и с последним мертвецом. Все они заползли обратно в могилы и прикрылись землей, какой были засыпаны их гробы...

Голос Геккеля в последние минуты упал до шепота, а теперь умолк совсем. Мы сидели, не глядя друг на друга, погрузившись в глубокое молчание. Если у кого-нибудь из нас и промелькнула мысль, что рассказ Геккеля вымышлен, то его побелевшая кожа, слезы, которые время от времени наворачивались у него на глаза, гнали прочь подобные сомнения, во всяком случае пока.

Конечно же, первым нарушил молчание Пуррацкер.

— Так, значит, ты убил человека, — подытожил он. — Я поражен.

Геккель посмотрел на него.

— Я еще не завершил свой рассказ, — сказал он.

— Господи... — пробормотал я, — неужели еще не все?

— Если вы помните, я оставил все книги и еще подарки, которые купил в Виттенберге для отца, в доме герра Вольфрама. Поэтому я вернулся туда. Я был в каком-то чудовищном оцепенении, мой разум все еще не мог осознать того, что я видел.

Подходя к дому, я услышал пение. Пел звонкий веселый голос. Я подошел к двери. Мои пожитки так и лежали на столе, где я их оставил. Комната была пуста. Молясь, чтобы меня не услышали, я двинулся вперед. Когда я забирал свои книжки по философии и подарки для отца, пение оборвалось.

Я бросился к двери, но не успел добраться до порога, как появилась Элиза с ребенком на руках. После ночных похождений выглядела она, ясное дело, кошмарно. Ее лицо, руки, пышные груди, к которым сейчас прильнул младенец, были сплошь исцарапаны. Но, несмотря на все это, глаза ее светились от счастья. Она была совершенно довольна жизнью в этот момент.

Я подумал, может быть, она не помнит, что с ней было. Может быть, некромант погрузил ее в какой-то транс, так я рассудил, и вот теперь она очнулась и все прошлое стерлось из ее памяти.

Я начал было объяснять ей, что случилось.

«Вальтер...» — начал я.

«Да, я знаю... — отозвалась она. — Он мертв. — Она улыбнулась мне улыбкой ясной, словно майское утро. — Он был уже старый, — произнесла она будничным тоном. — Но он всегда был добр ко мне. Из стариков получаются самые лучшие мужья. До тех пор, пока не задумываешься о ребенке».

Должно быть, я перевел взгляд с ее лучащегося счастьем лица на младенца, сосущего грудь, потому что она сказала: «О, этот ребенок не от Вальтера»

Говоря, она нежно оторвала младенца от груди, и тот развернул ко мне голову. Он был идеальным плодом союза жизни и смерти. Личико его было розовым, а ручки и ножки пухлыми от материнского молока, зато глазницы глубокие, как могила, а рот такой широкий, что все зубы, которые вовсе не были зубами младенца, обнажены в вечной ухмылке.

Мертвецы, судя по всему, даровали ей не только наслаждение.

Я выронил книги и подарки для отца здесь же, на пороге. Я выскочил обратно в свет дня и побежал — о Господь, Отец наш Небесный, как я побежал! — напуганный до глубины души. Я несся очертя голову, пока не выбежал на дорогу. Хотя я не испытывал ни малейшего желания снова проходить мимо кладбища, у меня не оставалось выбора: это была единственная дорога, какую я знал, и я не желал заблудиться, я мечтал попасть домой. Мечтал о церкви, алтаре, покаянии, молитвах.

Движение здесь, судя по всему, было не особенно оживленным, и если кто-нибудь и проезжал с наступлением утра, то, наверное, решил оставить тело некроманта там, где оно и лежало: у стены. Только у него на лице сидели теперь вороны, а лисы трудились над руками и ногами. Я прокрался мимо, не нарушив их пир.

И снова Геккель замолчал. На этот раз он испустил долгий-долгий вздох.

— Так вот, господа, именно поэтому я бы посоветовал вам проявлять осторожность, вынося суждения о таких людях, как этот Монтескино.

Он поднялся, договаривая последнюю фразу, и пошел к двери. Конечно же, у нас было полно вопросов, но никто не стал задавать их в тот момент. Мы отпустили его. И, что касается меня, с радостью. С меня было довольно ужасов.

Думайте, что хотите. Я до сего дня не знаю, поверил ли в эту историю или нет (хотя не вижу ни одной причины, с чего бы Геккелю придумывать такое. Как он и предсказывал, отношение к нему сильно переменилось с той ночи, его начали сторониться). Суть в том, что его рассказ до сих пор преследует меня, частично, как я подозреваю, потому, что я так и не составил окончательного мнения, ложь это или нет. Я иногда задумываюсь, какую роль сыграл он в моей жизни, может быть, моя тяга к практицизму — моя преданность методологии Гельмгольца — до какой-то степени является следствием того часа, проведенного в обществе Геккеля, и его рассказа.

Полагаю, не один я продолжал размышлять над тем, что услышал, хотя в последующие годы я все реже и реже виделся с остальными участниками нашего кружка. Когда мы все-таки встречались, разговор часто заходил о той истории, и голоса наши затихали почти до шепота, как будто нам было стыдно признаться, что мы все еще помним рассказ Геккеля.

Несколько человек из нашего кружка, я припоминаю, даже попытались отыскать в истории слабые места, доказать, что это чепуха. Вроде бы Эйзентраут утверждал, будто проделал описанный Геккелем путь из Виттенберга в Люнебург, и заявлял, что рядом с дорогой нет никакого кладбища. Что же касается самого Геккеля, он воспринимал подобные обвинения в нечестности совершенно равнодушно. Мы попросили его рассказать, что он думает о некромантах, и он нам рассказал. Ему больше нечего добавить по данному вопросу.

И он был по-своему прав. Это всего лишь история, рассказанная жаркой ночью много лет назад, в те времена, когда я еще лишь думал о том, кем стану.

И вот теперь, сидя здесь перед окном, сознавая, что у меня уже никогда не будет сил, чтобы выйти за порог, и скоро я должен буду отправиться вслед за Пурраццкером и остальными, я ощущаю, как ко мне подкрадывается страх, страх перед тем кошмарным местом, где смерть держит в пасти прекрасную женщину, а та стонет от наслаждения. Я, если хотите, все эти годы бежал от истории Геккеля, прятал голову под одеялом здравого смысла. Но теперь, в конце, я вижу, что мне негде укрыться от нее, точнее, от ужасного подозрения, что в ней, этой истории, содержится ключ к главным законам, на которых зиждется мир.

БРАЙАН ЛАМЛИ

Порча

Брайан Ламли много путешествовал, бывал в США, Франции, Италии, Германии, на Кипре и Мальте, не говоря о многочисленных греческих островах. Ему нравится летать на дельтаплане в Шотландии и ловить осьминогов в Греции. Ламли часто посещает Средиземноморье, чтобы побаловать себя мусакой, рецина, узо и, конечно же, метаксой. Писатель с женой-американкой Барбарой Энн живет в Девоне, Англия.

Не так давно вышедшей книгой «Гарри Киф. Некроскоп и другие» («Harry Keogh: Necroscope & Others») автор завершает эпическую сагу «Некроскоп» («Necroscope»), составляющую четырнадцать томов. Этот цикл издавался в тринадцати странах, причем только в США продано более двух миллионов экземпляров.

Перу Ламли принадлежит около пятидесяти произведений, бóльшая часть из которых издана в последние двадцать три года. До этого он двадцать два года посвятил военной службе.

Ламли давно считался мастером «мифов Ктулху», поджанра, сформировавшегося под влиянием работ Лавкрафта, но только в 1986 году, оставив карьеру военного, писатель выпустил новаторский роман ужасов «Некроскоп» о Гарри Кифе, человеке, умеющем говорить с мертвыми, и в одночасье стал знаменитым. Двадцать лет спустя «Subterranean Press» осуществило переиздание этой книги в роскошном оформлении со множеством иллюстраций Боба Эгглтона.

В 1998 году на Всемирном «хоррор» конвенте (World Horror Convention) в Фениксе, штат Аризона, Ламли был удостоен престижного звания Мэтра.

«Невозможно отрицать влияние Лавкрафта на мою „Порчу“, — признается автор, — потому что лавкрафтовские Морские Существа, так замечательно изображенные в его повести „Морок над Инсмутом“ („Shadow Over Innsmouth“) и мелькающие в других произведениях, всегда очаровывали меня. И не только меня, а целое поколение авторов, многие из которых родились спустя годы после трагической безвременной кончины мастера.

Повесть „Порча", как и „Колокол Дагона" („Dagon's Bell") и „Из глубины" („The Return of the Deep Ones"), явилась результатом размышлений на тему: что, если бы некоторые члены Тайного ордена Дагона нашли способ бежать или эмигрировать из пришедшего в упадок старого Инсмута и объявились бы где-то еще? Например, в Англии».

Джемисон в бинокль разглядывал одинокую фигуру на пляже — парня у края моря — и говорил:

— В его возрасте я с удовольствием занялся бы этим делом. Стал бы морским тряпичником или поэтом; может быть, скорее поэтом? Или просто бродяжничал бы по всему миру. Но у моих стариков были другие соображения. Что и к лучшему, надо полагать. «У поэзии нет будущего, сынок. Нет его и у мечтателей, и у бродяг» — так сказал мой отец, а он был врачом и знал свое дело. Каков отец, таков и сын, да? — Он опустил бинокль и улыбнулся собеседникам. — Все же, думается, я был бы доволен такой работой.

— Прочесывать пляж летом? О, это очень даже понятно! — ответил ему Джон Тремэйн, директор технического колледжа Сент-Остелла. — Запах моря, круг горизонта вдали, морской ветер в волосах и крики чаек? Уж точно получше, чем непрерывные вопли сопляков! Солнечные искры на волнах и теплый песок под ногами. Весьма соблазнительно. Но время года теперь неподходящее, да и мои лета уже не те. — Он покачал головой. — Нет, спасибо. Меня вы не увидите бредущим, засунув руки в карманы, вдоль полосы прилива и роющимся в грудах водорослей. — Помолчав, он передернул плечами и продолжил: — Во всяком случае теперь. С другой стороны, в молодости, когда я преподавал искусство и художественные ремесла: столярное и плотницкое ремесло, и вообще работу по дереву... я хочу сказать: работать с деревом — это совсем не то, что жить на деревьях, — так вот, сейчас самое подходящее время для прогулок по пляжу. Я в свое время немало этим занимался. Да, честное слово. Осенью на берег выбрасывает самые лучшие куски.

— Куски? — Джилли Вайт возвратилась из неизвестных далей, куда на время забрела ее мысль, моргнула красивыми, хоть и затуманенными зелеными глазами, уставясь на Тремэйна, потом обвела взглядом остальных в поисках ключа или подсказки. — Извините, Джон, но я не совсем...

— Плавник, — улыбнулся учитель. — Все эти исковерканные, выглаженные песком корни. Их выбрасывает прибой, когда ветер дует с моря. Выбеленные, узловатые, причудливые сучья. Теперь это в далеком прошлом, однако... — Он чуть ли не вздохнул, снова пожав плечами, и закончил: — Да, поиски плавника — тогда я был ближе всего к занятию морского тряпичника.

И Дорин, его высокая, стройная, высокомерная, но довольно приятная жена, добавила:

— Вы ведь часто бывали у нас, Джилли. Наверняка вы заметили работы Джона. Все они вырезаны из плавника, выброшенного на берег.

Теперь все смотрели на Джилли...

Их было всего четверо — пятеро, если считать дочь Джилли Вайт, Энни, устроившуюся с книгой на коленях в ложбинке песчаной дюны. Она расположилась в двадцати пяти футах от взрослых и не слышала разговора. Пучки бурьяна над ее головой напоминали кустистые брови погребенного в песке гиганта. Они топорщились над девочкой, свернувшейся в уродливой глазнице дюны. Вот где пребывали мысли Джилли: с пятнадцатилетней дочкой в складке песка и с шаркающим, сутулым морским тряпичником по ту сторону дюн, у самой воды, над пеной прибоя и темным от влаги песком.

Все они тепло укутались от морского ветра, дувшего не столько пронзительно, сколько постоянно и устойчиво. Если пробыть на ветру достаточно долго, он заморозит уши и начнет пробираться под одежду. Так было и сейчас: сентябрь еще не подошел к концу, но бриз создавал ощущение поздней осени.

— Резьба Джона? — переспросила Джилли, по-прежнему словно издалека, хоть и сидела совсем рядом с остальными на открытой к морю веранде доктора (бывшего доктора) Джеймса Джемисона. И вдруг словно включилась: — А, те работы!

Из плавника! Да, конечно же, я их заметила — и восхищалась ими, честное слово. Право, какая я глупая! Извините, Джон, но, когда вы сказали «куски», мне представились какие-то обломки. Что-то, разбитое на куски, понимаете?

«Она и сама выглядит довольно хрупкой, — думал Джемисон. — Еще не разбита, но определенно надтреснута... как будто сломается от малейшего прикосновения». И, отвлекая внимание от Джилли, он спросил:

— Моряцкие поделки, говорите? Как интересно. Я бы с удовольствием как-нибудь посмотрел.

— В любое время, — отозвался Тремэйн. — Но, извините, что я вас поправляю, Джейс, это не моряцкие поделки.

— О? — удивленно взглянул на него старик. — Вот как?

Директор открыл рот, приготовившись к объяснению, но его жена вмешалась, не дав ему вымолвить и слова:

— Моряцкими поделками называют обычно ремесленные изделия старых моряков, доктор. — Она немного стеснялась обращаться к людям просто по имени. — Ну, это тоже своего рода искусство. — И, прищелкнув языком — видимо, бриз раздражал ее, — она пригладила несколько взъерошенных, неряшливых прядей, прежде чем продолжить пояснение. — Так называли странные поделки, вырезанные из раковин или моржовой кости и тому подобного.

— Ах, — воскликнул Джемисон, — ну конечно! — И, покосившись на Джилли, которая, немного побледнев, сидела съежившись и дрожала, он тепло улыбнулся ей. — Вот видите, Джилли, милая, не вы одна сегодня путаетесь. Весь этот плавник, и моряцкие поделки, и ветер, насквозь продувающий мозги: тут каждый может сбиться и перепутать факты. Не пройти ли нам в дом, а? Рюмочка коньяку пойдет всем на пользу, и я испытаю на вас свое новое открытие: ломоть отличного пирога с дичиной из деревенской булочной. Хоть буду спокоен, что я вас накормил, напоил и обогрел, прежде чем отпустить домой.

Но когда гости направились в дом, отставной доктор торопливо поднял бинокль, чтобы еще раз осмотреть полоску берега. В таком далеком от проторенных путей местечке не ожидаешь увидеть на пляже много народу — тем

более в это время года. Тряпичник, впрочем, еще не скрылся из виду: ссутулившись и повесив голову, он медленно волочил ноги по песку. И, как видно, Энни, углубленная в книги и сдержанная, если не сказать — замкнутая дочь Джилли, наконец-то заметила его. Больше того, она встала и направилась за ним по пляжу.

Джемисон вздрогнул, когда Джилли тронула его за рукав. И тихо (даже доверительно, подумалось доктору) сказала:

— Все в порядке. Тут не о чем беспокоиться. Молодой Джеф с Энни просто дружат. Они вместе учились в школе... ну, какое-то время. В начальной школе, понимаете?

— О боже! — Джемисон моргнул чуточку склеротичными стариковскими глазами. — Надеюсь, вы не подумали, будто я за ними подсматриваю, то есть за вашей дочерью. А что касается этого... вы сказали — Джеф?

— Все в порядке, — повторила она и потянула его в дом. — Все в полном порядке. Вы, может быть, сталкивались с ним в деревне, и он, возможно, возбудил в вас профессиональный интерес. Вполне естественно. Но он совершенно безобиден, уверяю вас...

Джилли, которая ела медленно, может быть, чтобы уклониться от участия в разговоре, еще не покончила с угощением, когда Тремэйны собрались уходить.

— Все равно, — сказала она, — мне придется дождаться Энни. Она не задержится... знает, что нельзя оставаться на улице, когда темнеет.

— Вас не смущает, что она гуляет с деревенским придурком? — Слова Джона прозвучали очень уж резко: кажется, он прикусил губу, отвернувшись, чтобы Дорин помогла ему надеть пальто.

— Не обращайте на моего мужа внимания. — Дорин изобразила на лице нечто, не слишком напоминавшее улыбку. — Его послушать, так все дети — придурки. Кажется, это профессиональная учительская черта.

— Лично я скорее назвала бы мальчика несчастным, — отозвалась Джилли. — Но конечно, в такой маленькой дерс-

вушке он заметен, как мозоль на пальце. Я рада, что у него есть друг... Энни.

И Джон немного смягчился:

— Вы, конечно, правы. И может быть, я ошибся в выборе профессии. Ну и Дорин во многом права. Когда целыми днями работаешь с ребятами, особенно со строптивыми подростками, тем более в наши дни, когда нельзя и бровью повести на маленького паршивца, не то что надрать ему задницу...

Дорин, уже в дверях, вздернула подбородок:

— Кажется, я ничего подобного не говорила. Ничего столь грубого, во всяком случае!

— О, ты же понимаешь, о чем я, — брюзгливо проворчал Джон, выйдя вслед за женой и столкнувшись с ней, когда та остановилась на верхней ступеньке.

Затем дружно, но довольно рассеянно они обернулись к Джемисону, чтобы поблагодарить его за гостеприимство.

— Не за что, — ответил хозяин. — И я вскорости к вам загляну полюбоваться на ту резьбу.

— Прошу вас, — откликнулся Джон.

А Дорин добавила:

— Мы ждем вас в любой вечер или на выходных. Мы так рады, что вы здесь поселились, доктор.

— О, бога ради, зовите меня Джеймс! — Джемисон помахал им на прощание, закрыл дверь, повернулся к Джилли и вздернул густую седую бровь.

Джилли пожала плечами:

— Может, они немножко надутые, но ведь мы соседи. А здесь бывает одиноко.

Они подошли к широкому окну в боковой стене и стали смотреть, как Тремэйны отъезжают по дороге к своему дому, стоявшему всего в миле отсюда. Джилли жила на полмили дальше, а еще в пяти-шести сотнях ярдов стояла крошечная деревушка — всего несколько рыбацких домиков, скрытых возвышенным скалистым мысом, называвшимся Южной Косой. На дальней стороне деревни такой же мыс — Северная Коса — замыкал бухту, в которой прятались причалы.

Джемисон еще с минуту наблюдал за скрывающейся вдали машиной Тремэйнов, потом перевел на Джилли взгляд,

в котором сквозило восхищение. Она заметила, склонила голову к плечу и спросила:

— А? Что-нибудь?..

Старик, смутившись, что его поймали, принялся неловко оправдываться:

— Милая моя, уж не сердитесь, но, скажу вам, вы очень привлекательная женщина. Конечно, я здесь еще недавно, чужак, но, по-моему, в деревне не слишком много сносных холостяков...

Теперь Джилли нахмурилась. Ее губы шевельнулись: для вопроса, или упрека, или гневной отповеди, — но он предупредил ее ответ:

— Простите, простите! — Он вскинул вверх руки. — Понимаю, не мое дело. И я все забываю, что ваш муж... что он...

— Да, он умер меньше полутора лет назад, — сказала Джилли.

Старик вздохнул.

— Я никогда не умел вести себя у постели больного и с возрастом не исправился, — сказал он. — Я удалился сюда ради одиночества — отдохнуть от всего, что было, — и обнаружил, что отделаться от старых привычек не удалось! Для своих пациентов я был целителем, отцом исповедником, другом и защитником. Не думал, что так трудно будет перестать им быть.

Она покачала хорошенькой головкой и слабо улыбнулась:

— Джеймс, я не сержусь на вас за комплименты, заботу и любопытство. Мне даже веселее оттого, что еще есть люди... которым не все равно. Кто о ком-то заботится. Или о чем-то.

— Но вы нахмурились...

— Это не из-за слов, — объяснила она, — а из-за того, как вы их сказали. Точнее, из-за вашего выговора.

— Из-за выговора?

— Мой муж говорил очень похоже. Вы же знаете, он тоже был американец.

— Нет, я не знал. И у него был такой же акцент? Новоанглийский акцент, говорите? — В голосе Джемисона вдруг прорезались новые, иные нотки озабоченности, не похожие на отцовскую заботу, какую он проявлял к Джилли преж-

де. — А можно спросить, откуда он был родом, ваш муж? Из какого города?

— Джордж был из Массачусетса, из какого-то городка на побережье или рядом. По-моему, Инсвич? А может, Аркхем или Инсмут. Он рассказывал обо всех трех, так что я не уверена. И я, признаться, полная невежда в географии Америки. Но у меня наверняка где-то осталось его свидетельство о рождении, если уж вам так интересно.

Старик сел и пригласил Джилли последовать его примеру.

— Интересно? — переспросил он. — Да нет, пожалуй. Не будите спящую собаку, верно?

— Спящую собаку? — Она опять нахмурилась.

И он со вздохом пояснил:

— Видите ли, я практиковал несколько месяцев — всего несколько месяцев — в Инсмуте. Очень странное место, Джилли, даже для нашего времени. Да нет, вам лучше не знать.

— Теперь вы меня заинтересовали, — возразила она. — То есть что в нем было такого странного?

— Ну, если уж вы хотите знать, главным образом население: выродившееся потомство частых смешанных браков, умственно отсталое... они очень напоминали молодого Джефа. Да, я с ним сталкивался, и что-то в этом пареньке... некоторые черты внешности... — Но тут старик замолк, заметив, быть может, как трепещут, вздрагивают руки Джилли на подлокотниках кресла.

Перехватив его взгляд, она сложила руки на коленях, сжала так, что побелели пальцы. Очевидно, что-то в его рассказе сильно растревожило ее. Так что...

— Давайте-ка сменим тему, — предложил он, выпрямившись в кресле, — и примите мои извинения за то, что коснулся частных дел. Но такая женщина, как вы — молодая и привлекательная, — в подобном захолустье, — вам, конечно, следует подумать о будущем, о том, чтобы отсюда выбраться. Потому что, пока вы здесь, вас постоянно будут преследовать воспоминания. А старая пословица гласит: «С глаз долой...»

— «...из сердца вон»? — закончила она за него.

Он кивнул:

— Что-то в этом роде. Возможность начать заново, в каком-нибудь поселке или городе, где достаточно сносных холостяков... — Тут он суховато улыбнулся. — Ну вот, я опять лезу в личные дела.

Джилли не ответила на его улыбку, однако сказала:

— Я действительно подумываю переехать, вернее, подумывала, но есть несколько обстоятельств, которые меня останавливают. Прежде всего, так мало времени прошло, с тех пор как Джордж... как его...

— Понимаю, — кивнул Джемисон. — Вы еще не нашли времени и сил смириться с этим.

— И второе: не так-то просто будет все продать — во всяком случае за приличную цену. Вы сами знаете, как легко вы приобрели свой дом.

И снова старик кивнул:

— Люди уезжают или умирают, и никто не вселяется в их дома, так? Ну, кроме старых скупердяев вроде меня.

— Да и понятно, — сказала Джилли. — В деревне ни школы, ни работы, и рыба уже много лет ловится плохо, хотя в последнее время уловы, кажется, немного выросли. А удобства? Ближайший универмаг в Сент-Остелле! И дороги вокруг деревни в плохую погоду превращаются в смертельные ловушки. То лужи и рытвины, то их вообще размывает. Зачем бы кто-то захотел здесь поселиться? Разве что несколько отдыхающих на летний сезон, да совсем редко, — кто-то вроде вас уедет сюда после ухода на пенсию. А кроме того...

— Да? — с хитринкой подхватил он. — Кроме того?.. Джилли, во всех ваших объяснениях мне слышится противоречие. Вы привели несколько веских оснований, почему здесь нельзя оставаться, и несколько очень шатких — почему надо остаться.

Она чуточку сжалась, и руки вернулись на подлокотники кресла, вздрагивая, как две испуганные птицы...

— Дело в моей дочке, — сказала она, помедлив. — В Энни. Я думаю, нам придется еще немного задержаться здесь, хотя бы ради нее.

— О?

— Да. Она... она занимается на пианино у мисс Хардинг из деревни и дважды в неделю берет уроки языка в вечерней школе в Сент-Остелле. Они ей нравятся; она уже настоящий маленький переводчик, знаете ли, и я хотела бы, чтобы она продолжала.

— Языки, говорите? — Старик поднял брови. — Что ж, переводчик легко найдет работу — или может преподавать, если захочет.

— Вот и я так думаю! — оживилась Джилли. — Для нее в этом будущее. У нее редкий талант. Она даже жесты читает!

— Простите?

— Язык жестов, каким пользуются глухонемые.

— А, да, конечно. Но высшее образование?..

— У нее отличные оценки, — поспешила на защиту дочери Джилли. — Она бы без труда поступила в университет. Но ведь о чем одни мечтают, другим ни к чему. И, если совсем честно... она не из общительных. Ей будет неуютно вдали от дома.

Джемисон опять понимающе покивал.

— Немножко замкнутая, — заметил он.

— Она еще очень молода, — быстро ответила Джилли. — И я такой была когда-то. Я ведь знаю, все проходят через эти периоды. Ей и так досталось — я имею в виду смерть отца и все такое, — так что нам придется подождать. Вот и все.

Теперь, решительно показав, что разговор о дочери закончен, Джилли должна была, в свою очередь, менять предмет разговора. И при этом она вернулась к предыдущей теме.

— Вы знаете, — сказала она через минуту, — может быть, вам покажется, что это слишком мрачное увлечение, но меня невольно заинтересовал ваш рассказ об Инсмуте... о его странных обитателях.

«Обитатели, — повторил Джемисон, но повторил беззвучно, про себя. — Да, пожалуй, слово подходящее».

Наверное, ему пришлось бы ответить. Но минутой раньше, когда Джилли еще не закончила говорить, дверь веранды скользнула в сторону, пропустив Энни. Девочка встала на фоне вечернего неба, ее волосы безжалостно трепал ветер, большие зеленые глаза с любопытством заглядывали в

комнату. Должно быть, она слишком долго пробыла на ветру и успела замерзнуть.

Задвинув за собой дверь, она прошла к огню погреться и спросила:

— Что это ты говорила, мама? Что-то о странных обитателях?

Джилли пожала плечами:

— Мы с мистером Джемисоном говорили о своем, милая, так что не будь любопытной.

На том и конец: появление Энни оборвало разговор. Но Джемисон, задвигая шторы на веранде, невольно обратил внимание на унылый, понурый силуэт на песчаных дюнах: Джеф, отбрасывая длинную уродливую тень, возвращался в деревню.

Пора было отвезти домой и Джилли с Энни.

Неделю простояло ненастье. Джеймс Джемисон посиживал в кресле у раздвижного окна и поглядывал через дюны и пляж, на бурный ревущий океан. Но сколько бы ни лил дождь, как бы ни грохотал прибой, как бы ни раскалывали небо молнии и сколько бы ни перекатывался гром, рано или поздно на пляже появлялась унылая фигурка. Молодой Джеф, как предпочитала называть его Джилли. Несчастный деревенский парень.

Иногда мальчик, вернее, пожалуй, молодой человек волочил ноги вдоль линии прибоя. Случалось, он подходил слишком близко к воде, и гребень прибоя окатывал его пеной. Джемисон упорно наблюдал за ним в дорогой сильный бинокль и временами наводил резкость на лицо Джефа.

Нависший лоб и почти лысая голова; широкие мясистые губы, глаза навыкате и чешуйчатый выступ подбородка с пробивающейся щетиной; грубая кожа и особенно эти странные складки или гребни между ушами и воротником...

Однажды к вечеру под конец недели, когда немного распогодилось, Джемисон высмотрел на пляже и Джона Тремэйна. Проселки снова размыло, так что директор на пару дней был свободен от своих обязанностей и мог уделить время любимому увлечению. Разумеется, шагая вдоль бе-

рега, он то и дело нагибался и осматривал тот или иной кусок плавника. Но в то же время на пляже появился и «деревенский придурок», и их пути пересекались. Встреча развернулась в перекрестье бинокля Джемисона.

Тремэйн присел на корточки перед темной кучей водорослей, а Джеф вышел к нему из-за дюны. Вот и встреча: директор замечает парня и резко вскакивает, отшатывается от него и, кажется, грозит узловатым концом ободранной от коры ветви! Второй растерянно останавливается и стоит, бессмысленно всплескивая руками, безмолвно шлепая губами в молчаливом протесте.

Что двигало Тремэйном: отвращение, ненависть или ужас? Или его просто ошеломила внезапность столкновения? Так или иначе, по-видимому, неприязнь директора к строптивым юнцам удваивалась в отношении тех, кто был не столько строптив, сколько, скажем, несчастен.

Тем, впрочем, все и кончилось: вряд ли это можно было назвать стычкой, и они сразу разошлись, вернее, Тремэйн зашлепал к дому, а Джеф остался стоять, глядя ему вслед. Конец. Кстати, сценка напомнила Джемисону, что он обещал зайти посмотреть резьбу по плавнику, — по меньшей мере одна причина для ответного визита.

На выходных Джемисон позвонил Тремэйнам по телефону, чтобы узнать, остается ли приглашение в силе, и воскресным вечером преодолел на машине пустынную милю до соседнего дома. Машину он оставил на обочине. Поскольку, кроме него, Тремэйна и Джилли, у покрытой рытвинами дороги никто не жил, вряд ли она могла создать помеху движению.

— Видел вас на днях на берегу, — обратился он к Джону, когда его усадили и вручили бокал. — Прочесывали пляж, а?

Тремэйн кивнул:

— Наш разговор снова меня завел. Нашел пару очень славных корешков.

— У вас, верно, на них глаз, — заметил старик, не скрывая лести. — Да, я вижу, у вас и здесь несколько «славных

корешков», не считая законченных работ. Но, простите, по-моему, это не столько резьба, сколько скульптура, созданная ветром, волнами и песком... Вы умудрились вдохнуть в нее новую жизнь с помощью наждака и лака, воображения и бесконечного искусства. Вы вернули им собственную, полную драматизма жизнь!

— В самом деле? — Тремэйн был ошеломлен обилием похвал.

Он не распознал за лестью намерения втереться к нему в доверие. Ведь Джемисон, видя, в какой крошечный мирок он попал, не сомневался, что директор школы и его жена наверняка осведомлены обо всем происходящем здесь. Они знают ответы на вопросы, которых он не мог задать Джилли в ее теперешнем состоянии.

Потому что старик подозревал — более чем подозревал, — что обстоятельства довели Джилли Вайт до грани нервного срыва. Но что это за обстоятельства? Здесь оставались оборванные нити, которые Джемисон должен был связать, прежде чем принять твердое решение или выбрать определенный образ действий.

Потому отставной врач и посетил этим вечером Тремэйнов. Как-никак те были ближайшими соседями его и Джилли и ближе всего по положению в обществе. Между тем как жители деревни — хотя бы они по праву и считались солью земли — относились совершенно к другой категории. К тому же молчальники... Из них ничего не вытянешь.

— Да, действительно, — возвращаясь к плавнику, ответил наконец старик на польщенный, хотя и удивленный вопрос Тремэйна, — я имею в виду хотя бы вот этот стол, за которым мы сидим и выпиваем; стол из выброшенного волнами дерева — но как выделяется узор, какая тонкая полировка! — На деле стол был довольно уродливым. Джемисон кивнул на противоположную стену. — И как не восхищаться той подставкой для цветочных горшков, настолько черной, что дерево кажется лакированным.

— Лак для яхт, — надулся от гордости Тремэйн. — А черная потому, что это эбеновое дерево.

— Диоспирос, — подсказала Дорин Тремэйн, выйдя из кухни с подносом. — Очень тяжелое тропическое дерево. Бог весть сколько его носило по морю, пока не выбросило сюда.

— Поразительно! — воскликнул Джемисон. — И не только подставка. Ваши познания — не только в древесине, но и во многом другом, как я заметил, — делают вам большую честь.

Жена напыжилась и засуетилась не меньше мужа:

— Надеюсь, вы любите палтуса, а, Джеймс?

— И весьма, — не остался в долгу Джемисон. — Насчет рыбы не беспокойтесь, милая леди. Я не из тех, кто воротит нос от доброго куска рыбы.

— Я покупаю в деревне у Тома Фостера, — отозвалась она. — Мне нравится его рыба, но не его общество. — И Дорин наморщила нос.

— Том Фостер, — повторил, покачав головой, Джемисон. — Нет, по-моему, я его не знаю.

— И не надо вам его знать, — сказал Джон и помог старику встать и пересесть к обеденному столу. — Может, Том и хороший рыбак, но больше в нем ничего хорошего нет. Ни в нем, ни в его цыганистой жене.

Джемисон, усаживаясь, моргнул старческими глазами и с любопытством спросил:

— У него жена — цыганка?

— Она не цыганка, — покачала головой Дорин. — Нет, вовсе не цыганка, хоть и похожа. Кажется, у нее прабабка из Полинезии. Здесь, в Девоне и Корнуолле, во многих прослеживаются черты предков — женщин, завезенных к нам из Индии и Полинезии, во времена, когда туда часто ходили торговые суда. Так или иначе, Фостеры — опекуны того самого молодого Джефа. Впрочем, спасибо и на том, что хоть кто-то взялся о нем заботиться.

— Хм! — буркнул Джон Тремэйн. — Заботиться полагалось бы его матери. А еще лучше — отцу... Хотя, как мы знаем, это уже невозможно.

— И всегда было невозможно, — добавила Дорин. — Во всяком случае не обошлось бы без жалоб, обвинений и осложнений всякого рода.

Глядя, как она раскладывает рыбу, Джемисон признался:

— Боюсь, я совсем запутался. Не могли бы вы... Я хочу сказать, нельзя ли объяснить?

Тремэйны переглянулись и дружно воззрились на старика.

— Ох! — сказал он. — Не коснулся ли я какой-нибудь мрачной тайны? Ну что ж, если мне этого знать не положено, то и не говорите. В конце концов, я недавно в этих краях...

— Нет,— остановила его Дорин,— дело не в том. Просто...

— Больной вопрос, — пояснил Джон. — Вернее, теперь уже не больной, но дело не из тех, о которых приятно поговорить. Тем более когда оно касается вашего соседа или даже бывшего соседа.

— Моего соседа? — нахмурился Джемисон. — Джорджа Вайта? Да, он был вашим соседом, но никак не моим. Так что за тайна?

— Вы ничего не почувствовали? — опять вмешалась Дорин.— Я о бедняжке Джилли... Не удивлялись, почему они с Энни так заступаются за...

— За того проклятого деревенского придурка, — уловив паузу, закончил Джон.

Старик неторопливо кивнул.

— Кажется, начинаю понимать, — сказал он.— Есть некая связь между Джорджем Вайтом, Джилли, Энни и...

— Да, и Джефом, — подтвердила Дорин. — Но давайте сначала закончим есть? Я не вижу никаких причин скрывать от вас. Вы ведь врач или были им — и наверняка сталкивались с такими случаями и даже с более тяжелыми... но мне не хочется портить аппетит.

Так что они поели более или менее молча. Кулинарное искусство Дорин Тремэйн не вызывало нареканий, как и ее выбор белого вина.

— Это было пятнадцать-шестнадцать лет назад, — начал Джон Тремэйн,— и мы тогда были почти новичками в этих местах примерно как вы сейчас. В то время здесь было довольно многолюдно: рыба хорошо ловилась, и деревенька

процветала: в летние месяцы на пляже и в магазинах бывало полно народу. Сейчас-то остались только почта, пивная да булочная. На почте продают расхожий товар и ведется бóльшая часть дел, и на причале можно купить свежую рыбу, прежде чем ее загрузят для отправки вглубь страны. Вот и все. А тогда...

— Они даже построили несколько новых домов — деревня росла. В том числе этот дом и ваш тоже. Потому они более современные. Но дорога заканчивалась у вашего дома, и ее с тех пор толком не ремонтировали. Дом Джилли и Джорджа, наверное, лет на двадцать старше: и стоит он ближе к деревне, не так одиноко. Они собирались продолжить дорогу и застроить ее новыми домами, но не получилось. Цены на стройматериалы рванули вверх, лето не приносило больше особого дохода, и уловы быстро падали.

— Вайты жили здесь уже год или два. Они познакомились и поженились в Ньюки и переехали сюда по той же причине, что и мы: жизнь здесь дешевле, чем в больших поселках. Джордж, кажется, нигде не работал. Он получил по наследству коллекцию великолепных золотых изделий и понемногу распродавал их скупщикам в Труро. А Джилли брала редакторскую работу в местных издательствах.

Снова взяла слово Дорин:

— У Джорджа были замечательные ювелирные изделия из золота. Я купила у него брошь и время от времени надеваю ее. По-моему, это уникальная работа. Красивая, хотя очень странная. Не хотите ли взглянуть?

— Очень хочу,— согласился старик.— Покажите, пожалуйста.

Она ушла за брошью, а Джон продолжил рассказ:

— Словом, Джилли в то время была беременна Энни, но Джордж был не из домоседов. У них имелась машина — та же развалюха, что и сейчас, больше стоит, чем ездит,— и он выбирался на ней в Сент-Остелл, Труро, Ньюки и бог весть куда еще. Отсутствовал по два-три дня, а часто целыми неделями. Совершенно не думал о Джилли, у которой уже подходил срок. Но позвольте мне не вдаваться в подробности. По-видимому, Джордж давно уже был по-

рядочной гнидой. Едва Джилли забеременела, он начал... начал...

— Гоняться за женщинами? — Старик выпрямился в кресле. — Распутничать, вы хотите сказать.

Дорин вернулась с коробочкой в руках.

— Да уж, Джордж Вайт был распутник, тут и говорить нечего! — вступила она. — Страшный распутник, просто негодяй. И все время беременности бедняжки Джилли он распутничал по окрестным городам.

— В самом деле? — спросил Джемисон. — Вы говорите с такой уверенностью... Но как вы узнали?

— Знаем, — сказал Джон, — потому что его видели! Кое-кто из местных видел, как он заходил... скажем так, в дома с дурной репутацией. И кое-кто из местных бобылей с не слишком высокими представлениями о морали знал, какую репутацию составил Джордж в этих... э... заведениях. Но вы знаете, Джеймс, — а я уверен, что, как врач, вы не можете этого не знать, — что посеешь, то и пожнешь. В случае с Джорджем это подтвердилось неоднократно.

— Тут разговор заходит в слишком деликатную область... — Дорин встала. — А у меня есть дела на кухне. Так что простите... — И, оставив коробочку с брошью на столе, она покинула комнату, прикрыв за собой дверь.

— Джордж что-то подхватил, — тихо сказал Джон.

— Что он сделал?

— Ну, я не могу объяснить по-другому. Он подхватил страшную отвратительную заразу, вероятно, от одной из женщин, с которыми... э-э... общался. И это еще не все.

— Чего же еще? — Джемисон покачал головой. — Бедная Джилли.

— Вот уж верно, бедная Джилли! Потому что малютке Энни не исполнилось и несколько месяцев, когда эта шлюшка из Ньюки появилась в деревне со своим омерзительным младенцем — и объявила Джорджа Вайта его отцом.

— А! — понимающе кивнул Джемисон. — И этим младенцем был Джеф, не так ли?

— Конечно! Тот самый кретин, усыновленный Фостерами, который и теперь шляется по деревне. Умственно

отсталый пятнадцатилетней мальчишка — хотя по силе и по виду ему можно дать все восемнадцать, — и на самом деле он незаконный сын Джорджа Вайта и сводный брат Энни. А мне очень нравится Джилли... вот почему я нахожу это... это существо несносным!

— И даже опасным, — вставил Джемисон.

— Что? Это как же? — опешил его собеседник.

— Я был у себя на веранде, — пояснил старик, — как раз вчера, и видел вас с этим... молодым человеком. Между вами, кажется, вышла небольшая стычка?

— Вот именно! — сказал Тремэйн. — Объявился вдруг — я и не заметил, откуда он взялся, — и кто знает, что творится в его уродливой башке. Так можно напугать человека до смерти. Высовывается из-за дюны и пыхтит, как выброшенная на песок рыба. Надо сказать, чертовски большая рыба. Ух! А между прочим, Том Фостер его использует.

— Как? Как использует? — Джемисон не скрывал удивления. — Вы говорите о физическом насилии?

— Нет, ничего такого! — махнул рукой Тремэйн. — Нет, но вы видели, как этот дебил плавает? Мой бог, не будь он полоумным, его бы взяли в команду олимпийцев! А что? В воде он настоящая морская свинья! Вот так Фостер его и использует.

— Боюсь, что я все-таки не понимаю, — признался Джемисон, выражая полное недоумение. — Вы хотите сказать, что этот Фостер как-то использует мальчика для ловли рыбы?

— Да, — кивнул рассказчик. — И будь погода немного получше, вы бы не так часто видели нашего придурка на берегу. Нет, он бы чаще выходил в море с Томом Фостером на его лодке. Парень плавает — кажется, в любую погоду — и приводит рыбу для своего выродка-опекуна.

Джемисон громко рассмеялся, но вдруг резко оборвал смех и спросил:

— Но... неужели вы в это верите? Что человек может пасти рыбу? Ведь это совершенно неправдоподобно!

— Да ну? — отозвался Тремэйн. — Вы так думаете? Тогда не верьте мне на слово, а зайдите, когда в следующий раз будете в городе, выпить в «Приют моряка». Поболтайте

с любым из местных рыбаков и порасспросите, как получается, что у Фостера улов всегда лучше, чем у других.

— Но загонять рыбу... — начал возражать старик.

Тремэйн перебил его:

— Нет, этого я не говорил. Я сказал, что он приводит рыбу, — каким-то образом он ее привлекает. — И он добавил со слабой улыбкой: — Да, я понимаю, конечно, как глупо это звучит. Однако... — Он поджал губы, пожал плечами и умолк.

— Так, — подытожил Джемисон. — Отчасти правда, отчасти слухи... но что касается меня, я все еще не все понимаю. Например, что за ужасную болезнь подхватил, как вы говорите, Джордж Вайт? Что вы подразумеваете под «ужасной»? Все венерические заболевания достаточно ужасны.

— Да, наверное, — ответил Тремэйн, — но не так ужасны. Есть ужас и ужас, а эта болезнь просто чудовищна. К тому же он передал ее своему придурковатому отпрыску.

— Что вы говорите?

— Посмотрите на Джефа, и вы узнаете, как выглядел Джордж перед тем, как...

— Умер?

— Нет, — мрачно покачал головой Тремэйн, — не так просто. Джордж не просто умер. Он лишил себя жизни.

— А, — сказал старик. — Самоубийство?

Тремэйн кивнул:

— Понимаю, что это ужасные слова, но для подобного человека — с его сексуальными аппетитами — это только к лучшему. С подобной болезнью... да он стал ходячей бомбой с часовым механизмом!

— Боже мой! — воскликнул Джемисон. — Но разве он не обследовался? Вы не знаете, что это была за болезнь? Кто его лечил?

— Он не желал обращаться к врачу. Джилли настаивала, но он только все больше уходил в себя. И ей одной известно, каково ей жилось с ним в последние несколько недель. Но ведь она уже пятнадцать лет держалась, наблюдая, как это постепенно проступает в нем... Господи, какая сильная женщина!

— Ужасно, ужасно, — пробормотал Джемисон и вдруг нахмурился. — Но Джили и ее ребенку — я говорю об Энни, — по-видимому, ничего не передалось?

— Слава богу, нет, — сказал Тремэйн. — Думаю, можно предположить, что, как только Джилли узнала о болезни Джорджа, она... они перестали... ну, вы меня понимаете.

— Да, — кивнул Джемисон, — конечно понимаю. Они оставались мужем и женой только по названию. Но если Энни и Джеф родились с разрывом всего в несколько месяцев и если молодой Джеф страдает, скажем так, врожденными дефектами... в самом деле, Энни очень посчастливилось.

— Именно так, — подтвердил Тремэйн. — И что удивительного, если у ее матери так плохо с нервами? Мы с женой знакомы с Вайтами гораздо дольше, чем вы, Джеймс, и я могу вас заверить: ни одна женщина так не тряслась над своим ребенком, как Джилли над Энни.

— Не тряслась?

— Да, — сказала вернувшаяся с кухни Дорин. — Стоит девочке чихнуть или каплянуть, да хоть бы у нее прыщик вскочил, как мать начинает суетиться вокруг нее. Вообще-то у Энни безупречная кожа, но если будущим летом увидите их вместе на пляже и кожа у девочки хоть чуть-чуть покраснеет или начнет шелушиться от солнца и песка — обратите внимание на реакцию Джилли.

— Просто чудо, — заключил Тремэйн, — что она вообще выпускает девочку из дому.

Перешли на другую тему. Разговор продолжался, и примерно через полчаса Джемисон взглянул на часы.

— Мне уже пора, — сказал он. — Я еще хотел посмотреть несколько программ по телевизору. — Он обратился к Дорин: — Пока я не ушел, может быть, вы покажете мне вашу брошку? Вы во время нашего разговора были... э-э... заняты на кухне, а мне не хотелось без вас открывать коробочку.

— Да, — кивнула она. — Вы очень любезны, что дождались меня.

Дорин открыла маленькую, выстланную бархатом коробочку и передала ему. Брошь была приколота к подушечке

на дне, и старик не стал ее вынимать, просто поворачивал коробочку в руках, рассматривая украшение со всех сторон.

— Вы совершенно правы, — заговорил он через минуту-другую. — Она, несомненно, красива и в то же время очень необычна. Но я не в первый раз вижу подобную работу по золоту. И вы знаете... — Он помолчал и нахмурился, как видно подбирая слова.

— О? — откликнулась женщина. — С ней что-то не так?

— Ну, — начал Джемисон и снова остановился, прикусив губу. — Видите ли, просто... не знаю. Может, не стоит об этом упоминать.

Дорин забрала коробочку с брошью и возразила:

— Но теперь вы просто обязаны высказаться до конца. Обязаны! Вы думаете, с моей брошью что-то не так? Но что в ней может быть плохого? Или это подделка? Золото низкой пробы? Или вовсе не золото? — Ее голос звучал с каждым словом все пронзительнее, срываясь на крик. — Что такое, Джеймс? Меня обманули?

— Относительно цены, которую вы за нее заплатили? Может быть, и нет. Дело в значении этой вещицы. В том, что она означает. Дорин, она приносит несчастье.

— Как это — несчастье?

— Ну, мое хобби — этнография, я увлекаюсь ею так же, как ваш муж — работой по дереву. И, судя по необычному стилю и туземному исполнению... полагаю, можно сказать, что эта брошь привезена из Южных морей и изготовлена, возможно, местным знахарем-колдуном.

— Что? Колдуном? — Дорин невольно взялась за горло.

— О да, — кивнул Джемисон. — Такие выплавляются из сплава местного золота с другими блестящими металлами, чтобы наложить на них проклятие и затем позаботиться, чтобы вещица попала в руки врага. Своего рода симпатическая магия — с точки зрения несчастной жертвы, весьма *несимпатичная*.

Дорин, не в силах оторвать взгляд от содержимого коробочки, призналась:

— Она мне никогда особенно не нравилась. Я и купила ее, только чтобы как-то помочь Джилли, чтобы сказать себе, что

хоть немного поддержала их дом деньгами. Учитывая похождения Джорджа, у них наверняка было туго со средствами.

Муж забрал у нее коробочку, прищурившись, рассмотрел брошь и сказал:

— По-моему, вы не ошиблись, Джеймс. Вещица очень неприятного сорта. Совершенно неземная. Эти сложные узоры совсем не похожи на земные растения, а скорее... на что же? На переплетение водорослей или щупалец? И края гребенчатые, как у некоторых раковин. Я хочу сказать, она, конечно, поражает взгляд, пока не присмотришься получше. А потом — да, вы совершенно правы. Она выглядит грубым изделием какого-нибудь дикого островитянина!

Он возвратил украшение жене, но та заявила:

— Я немедленно ее продам! Кажется, я знаю, кому из ювелиров Джордж Вайт сбывал остальные. — Она покосилась на старика. — Не подумайте, будто я суеверна, но лучше не рисковать. Никогда не знаешь, где побывала эта вещь.

— Милая леди, вы совершенно правы, — уверил ее Джемисон. — Но сам я, интересуясь подобными изделиями и будучи знахарем совершенно иного сорта... я нахожу вещицу очаровательной. Так что если вы решите ее продать, прежде чем обращаться к скупщику, предложите ее мне. И сколько бы вы за нее ни заплатили, в убытке не останетесь.

— Это так любезно с вашей стороны, — сказала Дорин, провожая его до дверей. — Но вы уверены?

— Абсолютно, — ответил старик. — Позвоните мне утром, когда все обдумаете, и скажите, сколько я вам должен.

Тремэйны проводили его до машины.

Зима пришла скоро и оказалась суровой, заперла почти всех деревенских жителей по домам. Рыбацкие лодки спрятались за молом, и только «Приют моряка» еще приносил какой-то доход.

Направляясь по размытой дороге в Сент-Остелл и объезжая вечно залитые водой рытвины, директор колледжа Джон Тремэйн проклинал день, когда он купил свой дом: а) ради дешевизны и б) ради уединения и дикой, драматической красоты. Уединение оказалось отменным, но без ди-

ких зим вроде этой он вполне мог обойтись, а уж драматизмом был сыт по горло. Дождаться весны и сколько-нибудь пристойного предложения, и они с Дорин переедут в куда более удобное жилье в Сент-Остелле. Там дороже, но какого черта... продаст машину, будет ездить на работу на велосипеде и сэкономит деньги на бензине и ремонте.

Что касается Вайтов: Джилли с Энни более или менее привязаны к дому, но их теперь постоянно навещает этот американский джентльмен. Джеймс Джемисон привязался к ним почти как к родным и никогда не показывается на пороге без какого-нибудь гостинца. Чаще всего приносит сду: свежий пирог из булочной, хлеб с головкой сыра, иной раз бутылку хорошего вина. Оно и к лучшему, потому что на старенькую машину Джилли нельзя полагаться, а Энни надо посещать уроки языка и игры на фортепиано. Джемисон безропотно возит девочку туда и обратно и не желает взять ни пенса за свою любезность.

К тому же, когда Энни слегла с больным горлом, а ее мать чуть не сошла с ума от беспокойства, Джемисон тщательно осмотрел девочку и поставил диагноз — легкий ларингит. Прописанные им средства — принимать таблетку аспирина три раза в день, а в промежутках полоскать горло соленой водой — оказали чудодейственное влияние и на мать, и на дочь. Но его врачебные услуги на этом не кончились. Несколько раз повидав Джилли в состоянии, когда нервы ее были совсем расстроены, старик и ей назначил лечение, хоть и поворчал, что не надо бы, поскольку он оставил практику. Тем не менее прописанные таблетки помогли, успокоив нервы, хотя все, что она принимала прежде, не помогало. Правда, они не избавили ее от беспокойства и страха за Энни, но теперь, даже когда она тревожилась и суетилась, руки ее почти не дрожали и она способна была гораздо дольше удерживать внимание на одной мысли. И кошмары стали сниться гораздо реже, так что Джилли с удовольствием объявила, что ей лучше спится.

Временами, в более мягкую погоду, Энни пешком ходила к учительнице музыки, в старенький домик мисс Хардинг на дальнем краю деревни. Джилли обычно провожала

дочь до полдороги и заодно заходила в булочную или покупала бакалейные товары на почте. Но зима стояла морозная, и такие дни выдавались редко: гораздо чаще Джеймс Джемисон подъезжал как раз к тому времени, когда Энни пора было на урок, и подвозил ее в деревню. Дошло до того, что Джилли стала его ждать, а Энни, обычно столь замкнутая, относилась к нему почти как к отцу или дедушке.

Однажды в середине января, когда ветер высоко вздымал прибой над пляжем и нес с моря колючую снежную крупку, старик с юной пассажиркой, прибыв к дому мисс Хардинг, нашли там взволнованно дожидавшегося их Тома Фостера. Точнее сказать, тот ждал Джемисона.

Старик пару раз сталкивался с Томом Фостером в «Приюте моряка» и находил его угрюмой, бородатой, обветренной скотиной, имевшей привычку с размаху грохать пустой кружкой по стойке бара, чтобы привлечь внимание бармена и заказать следующую. У него было мало друзей среди других рыбаков: более необщительного человека Джемисон еще не встречал. Однако сегодня ему понадобился друг... вернее сказать, понадобился врач.

Старая дева, мисс Джулия Хардинг, заставила Фостера дожидаться в маленьком зимнем садике перед дверью: он был не из тех, кого прилично пригласить в дом. Однако Фостер, еще стряхивавший брызги с волос и нетерпеливо приплясывавший на месте — расхаживать туда-сюда не позволяла теснота, — бросился к Джемисону, едва мисс Хардинг ввела его в сад.

— Мой парень, — прохрипел он и схватил Джемисона за руки, — спать не может, так чешется. Знал, что вы девку возите к училке, вот и ждал. Но вы зайдите поглядеть на парня. Окажите услугу, а уж Том Фостер услуг не забывает. Только это больше для Джефа, чем для меня. Он всю шкуру расчесал, вот как. А у меня машины нет в город его везти... да он и не хочет к городскому доктору. Но насчет вас он не прочь, ежель вы его посмотрите.

— Вообще-то, я больше не практикую... — Старик явно растерялся и не знал, что делать.

Но Энни взяла его за другую руку.

— Пожалуйста, сходите, — попросила она. — Ну пожалуйста, сходите посмотрите Джефа. И я с вами пойду!

Мисс Хардинг погрозила Энни пальцем:

— А как же ваш урок, юная леди? — Но, обратившись за поддержкой к Джемисону и Фостеру, она не встретила одобрения и, тут же замотав головой, укорила себя: — Да о чем это я думаю? Если с бедным мальчиком стряслась беда, это, уж конечно, важнее музыки. А с ним наверняка беда, раз мистер Фостер здесь, уж он-то по пустякам беспокоиться не станет — он и вовсе ни о чем не беспокоится, разве что о рыбе, да и то нечасто!

— Эт-точно, — промычал Фостер, то ли не заметив укола в словах сплетницы, то ли пропустив его мимо ушей. И посмотрел на Джемисона. — Идемте?

— Ну что ж, — вздохнул тот, — думаю, не будет вреда, если я осмотрю мальчика, а старую докторскую сумку я всегда вожу в багажнике... хотя теперь в ней не так уж много лекарств. Однако... — Он махнул рукой и провел Энни и Фостера обратно к машине, повез их к дому Фостеров, стоявшему напротив мола на набережной.

Жена Фостера, маленькая, черноволосая, смуглая женщина, все же далеко не такая уродливая и хмурая, как ее муж, вытерла руки о передник, чтобы пожать Джемисону руку, впуская его в дом. Она ничего не сказала, только показала на распахнутую дверь спальни.

Джеф лежал в комнате, грубое одеяло топорщилось на нем, и в помещении отчетливо пахло рыбой, впрочем, как и во всем доме. Наморщив нос, Джемисон оглянулся на Энни, но та как будто не замечала вони; девочка думала только о здоровье Джефа. Когда она приблизилась к кровати, лежащий, видимо, почувствовал ее присутствие: раздувшаяся уродливая голова показалась из-под одеяла, и на нее уставились светящиеся зеленые глаза. Но...

— Нет-нет, девонька, — проворчал Том Фостер. — Знаю, он твой дружок, но тебе здесь нельзя. Он голый под одеялом, и расчесы на вид гадкие. Так что ты выходи, а маманя Фостер там за тобой присмотрит. — И эта грубая скотина почти ласково вытолкнула ее из комнаты.

Когда Фостер закрыл за ней дверь, Джемисон придвинул стул к постели и заговорил:

— Ну, молодой человек, давай-ка попробуем успокоиться. Я пришел посмотреть, что с тобой такое. — И он стал отворачивать край одеяла.

Неуклюжая ладонь с короткими пальцами и толстыми перепонками тут же вцепилась в край одеяла и натянула его обратно. Джемисон заметил кровь под острыми ногтями, дрожь исковерканного тела под одеялом и ужас в огромных влажных, о, таких глубоких глазах.

Фостер тут же шагнул вперед.

— Эй, ты, это... не надо, парень, — сказал он. — Это ж доктор. Друг твоей девчонки и ее мамки. Ты дай, он посмотрит, как ты расчесался.

Существо по имени Джеф (вблизи его никак нельзя было назвать человеком) приоткрыло рот, и Джемисон увидел зубы: маленькие, но острые как иголки. Впрочем, в оскале не было угрозы: просто губы обиженно приоткрылись, как будто в безмолвной мольбе, и пальцы медленно разжались, позволив старику отогнуть одеяло.

Фостер не отходил от врача, но, сколько ни присматривался, не приметил ни малейших признаков отвращения к открывшемуся зрелищу: к этому чешуйчатому телу, которое еще пять лет назад специалист в Сент-Остелле признал тяжелейшим из виденных им случаев ихтиоза, а за прошедшее время положение стало по меньшей мере в два раза хуже, — к этому телу под шеей с толстыми складками, к расчесанным до мяса пятнам на руках и на груди с клочьями грубой серой кожи. Когда старик открыл свою сумку и потребовал горячей воды и чистых полотенец, Фостер удовлетворенно кивнул. Да, он все правильно сделал, и этот Джемисон — хороший, настоящий врач, готовый помочь всякому живому существу, даже такому, как это, под одеялом.

Но когда Фостер собирался выйти, чтобы исполнить приказания доктора, тот придержал его за локоть и спросил:

— Том, он вам дорог?

— А? — буркнул Фостер. — Да ведь мы с моей старухой пятнадцать лет его растили. А за пятнадцать лет ко всему

привыкнешь, даже к такому, в котором все только хуже делается. А уж насчет людей — пусть они даже искорежены, как мой бедолага, — да уж со временем и такого полюбишь, как же иначе!

Джемисон кивнул и посоветовал:

— Тогда присматривайте за ним получше.

И он отпустил Фостера.

Энни видела, как миссис Фостер вынесла из комнаты Джефа влажные порозовевшие полотенца. А потом Том Фостер позволил ей войти.

Старик складывал свои инструменты в сумку. Девочка сразу бросилась к кровати. Теперь под одеяло была подложена чистая белая простыня, подоткнутая под раздутый подбородок Джефа. На шее у него была повязка, придерживавшая компресс на левом ухе; правая рука лежала поверх одеяла, и на бинтах проступали розовые пятна просочившейся крови.

— Что же это? — выдохнула Энни, прижав руку ко рту и круглыми глазами уставившись на Джемисона. Лицо ее вытянулось и побледнело, став еще бледнее обычного. — Ох, что же это такое?

— Кожное заболевание, — ответил он девочке, — паразитической природы: нечто вроде вшей или чесотки, но думаю, я все вычистил. Впрочем, беспокоиться не стоит. Наверняка для него это было довольно мучительно, но, конечно, не смертельно. Уверяю тебя, Джеф поправится.

Том Фостер проговорил:

— Ежель я могу что для вас сделать, мистер Джемисон, вы только скажите. Я не забываю тех, кто мне или моим услугу оказал. Нет, никогда.

— Что ж, Том, — отозвался Джемисон, — может, я как-нибудь и зайду к вам за свежей рыбой — и этого вполне хватит, чтобы заплатить мне за работу. Но сейчас я хотел бы поговорить о другом. — Он обернулся к девочке. — Энни, не подождешь ли ты в машине?

Энни сидела на стуле у кровати. Она держала Джефа за руку, и они смотрели друг на друга, и Джемисон невольно

заметил разительное сходство в глубоком зеленом оттенке их глаз. Впрочем, только в оттенке. Правда, глаза у Энни были слегка, почти незаметно выпуклыми, но в остальном...

...Даже в его теперешнем состоянии и несмотря на то что глаза его сейчас выпучивались еще больше обычного, все же старик без колебаний признавал их наиболее человеческой чертой во внешности Джефа!

Тут парень отнял свою руку у девочки, и его короткие толстые пальцы быстро задвигались, посылая торопливые сигналы, которые она явно понимала и даже начала отвечать такими же знаками. Этот «разговор» длился минуту, не более, после чего Джеф обратил водянистый взгляд на Джемисона и искривил лицо в подобии улыбки. Энни сказала:

— Он просит поблагодарить вас от него. Так что спасибо. — И она встала, вышла из комнаты и из дома.

У дверей Джемисон, понизив голос, обратился к Тому Фостеру:

— Вы знаете, что я с него соскреб и выскреб?

— Откуда мне знать? — возразил Том. — Это ж вы доктор.

— Да? — отозвался старик. — Зато вы — рыбак, и вы говорите мне, будто никогда такого не видели? Ну что ж, тогда я вам скажу: это были рыбьи вши, Том. Копеподы, мелкие рачки, паразитирующие на рыбах. Ну что, мистер Фостер, скажете, вы никогда не видели рыбьих вшей?

Его собеседник отвел взгляд и медленно кивнул:

— Видал, конечно. Обычно на камбале и вроде того, на тех, что на дне кормятся. Но чтоб на человеке?! В человеческом мясе?! — Теперь он покачал головой. — Я просто верить не хотел, вот что.

— Ну вот, теперь можете поверить, — сказал Джемисон. — И заполучить их он мог, только подолгу плавая в море. Они пробрались под кожу, там, где чешуйки крупнее всего, и присосались, как клещи к собаке. Зарылись очень глубоко, так что я уверен, они уже давно там сидят.

— Да? Вы это к чему? Я, стало быть, за ним не присматриваю, так? — рассердился Том. — Да говорю вам, я их

раньше и не видел! И вообще, вы мне вот чего скажите: если они на нем так долго, что ж он раньше-то не чесался?

Старик кивнул:

— Да, думаю, на этот вопрос я могу ответить. Дело в том, что у него кожа пересохла. А им нужна влажность, поэтому они стали докапываться до влаги его крови. А когда он стал чесаться, только ухудшил дело. Вот как это произошло. А теперь скажите мне вот что, Том: когда вы в последний раз выходили в море? Ручаюсь, что давно!

— А-га! — Фостер прищурился, выставил подбородок. — Вот, значит, как, мистер Джемисон. Наслушались сплетен, да? И что наплели вам болтливые деревенские языки? Что Том Фостер заставляет несчастного дурачка плавать, чтоб загонять для него рыбу? Ха! — Он помотал головой. — Так вот, вранье это. Он плавает, потому как любит плавать, потому как хочется ему в воду — в любую погоду, ежель я не запрещаю! Вот и вся правда в тех сплетнях. Спрбсите, правда ли он знает, где искать рыбу? Верно, знает, потому у меня и улов всегда хорош — лучше всех! Ну вот, что мне еще сказать?

— Ничего, Том, — ответил Джемисон. — Зато вы можете кое-что сделать для парня. Если ему хочется плавать — не мешайте ему, а деревенским не обязательно это видеть. А если он снова наберет паразитов... вы видели, как я работал, и знаете, что нужно делать. Но в любом случае нельзя позволять ему опять так пересыхать. Мне кажется, его коже необходима соленая вода...

Град прекратился, и Энни ждала у самого дома, укрывшись от ветра за его стеной. Дверь оставалась открытой, и, значит, она не могла не слышать разговора между старым врачом и Фостером. Однако она молчала, пока они не сели в машину.

— У него были рыбьи вши? — Это прозвучало не изумленным восклицанием, а обычным уточнением.

Джемисон, заводя машину, ответил:

— О, каким только странным инфекциям и паразитам не подвержены люди. Я слышал, что СПИД — вирус иммунодефицита — перешел от обезьян, а ужасное «коровье бешенство» можно получить, съев зараженную или неправильно

приготовленную говядину. Да, а орнитоз? От попугаев, подумать только! Что касается этого бедняги: что я могу сказать? Он любит плавать...

— Очень странно,— заговорила девочка, когда Джемисон выехал из деревни,— но мой отец... он не любил моря. Совсем не любил. У него было столько книг... о море и о всяких созданиях... но он его боялся. Говорил, оно его заманивает. Говорят, он покончил с собой, самоубийство, и, наверное, так оно и было, но он, во всяком случае, настоял на своем. Помню, он однажды сказал мне: «Если придет для меня время уходить, живым оно меня не получит». Он под конец говорил много бессмыслицы, но это, я думаю, было сказано о море.

— Почему ты так думаешь? — спросил Джемисон, покосившись на нее и заметив, что девочка тоже смотрит на него, видимо ожидая его реакции.

— Да потому, что он это сделал: прыгнул со скалы на Южной Косе прямо на камни. Его выбросило на берег с изломанными костями.

— Ужасно! — Старик свернул на пустынную дорогу к дому Джилли. — И все же вы с матерью остались жить здесь, на самом берегу...

— По-моему, это потому, что она хочет в чем-то увериться, — ответила девочка. — Может быть, во мне?

Джемисон увидел Джилли, стоящую на ступенях крыльца, и остановил машину перед домом. Он охотно продолжил бы разговор, добился бы от девочки объяснения последнему, загадочному замечанию или разузнал побольше о книгах — книгах ее отца о море. Но Джилли уже шла к ним, и Энни, быстро тронув старика за плечо, попросила:

— Лучше ей не знать, что мы были у Фостеров. Если она услышит про рыбьих вшей на Джефе, опять разволнуется. — И, выходя из машины, громко сказала: — Спасибо за поездку.— И добавила шепотом: — И за то, что помогли Джефу.

Зима тянулась медленно.

Джемисон проводил часть времени в поездках, посещая окрестные маленькие города, добираясь даже до Фалмута

и Пензанса. Немного помогали развеять скуку постоянные «вечера общения». Они собирались поочередно у Джилли, Тремэйнов и Джемисона. Однажды вечером старик даже подбил Джилли побывать с ним и Тремэйнами в обветшалом «Приюте моряка».

В тот раз Энни отправилась с ними. Ей по возрасту еще не полагалось пить — и даже бывать в пивных, — но хозяин ее, конечно, знал и подал ей апельсиновый сок. Так или иначе, в этом заведении не приходилось опасаться полицейской проверки.

Их столик стоял у большого камина, где стреляли и шипели поленья. Народу почти не было, так что обслуживание оказалось безупречным. Атмосфера тихого веселья, отличная сельская кухня, хлеб прямо из деревенской пекарни. Даже Джилли соображала яснее обычного и в кои-то веки воспрянула духом, а что касается Тремэйнов, то, отбросив привычный неприятный снобизм, они показали себя с наилучшей стороны.

Такова была лицевая сторона, однако имелась и изнанка. Она проявилась под конец вечера в образе рыбака Тома Фостера и его неуклюжего воспитанника Джефа, когда эта парочка ввалилась с холода и угрюмо уселась в темноватом углу. Не похоже было, чтобы они заметили компанию у камина, однако Фостер, прищурившись, внимательно оглядел зал, прежде чем направить своего подопечного и приятеля в самое укромное место.

И веселье внезапно прокисло.

— Проверяет, не ли кого из его врагов, — тихо проговорил Тремэйн. — И я его понимаю. Боится, наверное, как бы на него не донесли.

— Врагов? — переспросил Джемисон. — Других местных рыбаков, вы хотите сказать? На что они могут донести?

— Сами видите, — ответил Тремэйн и кивнул на бармена, направлявшегося к Фостерам с подносом. — Пинта для Тома и полпинты для этого... молодого Джефа. Он разрешает мальчишке выпивать здесь — алкогольный напиток, заметьте, — а парень не старше нашей Энни. Я хочу сказать: одно дело держать этого... скажем, несчастного калеку

в деревне и совершенно другое — намеренно мутить его и без того слабую голову спиртным!

Энни, заметно напрягшись, тут же заступилась за парня.

— Джеф не дурак, — сказала она. — Он не слишком хорошо говорит, и он не такой, как другие, но он не глупый. — И она послала Тремэйну острый взгляд. — И он не какой-нибудь грубиян.

Директор разинул рот:

— Ну, я!..

Он не успел опомниться, как вмешалась Дорин:

— Джон, ты сам напросился! Ты же знаешь, что Энни дружит с мальчиком. Возможно, она его единственный друг! Тебе следовало бы думать, что говоришь.

— Но я... — начал возражать Тремэйн, однако тут вступил Джемисон:

— О, оставьте это! Не будем портить приятный вечер. Мы вполне можем придерживаться разных мнений без того, чтобы из-за них ссориться. Если Том Фостер поступает неправильно, пусть так. Но я скажу: пусть парень хоть от чего-то получит удовольствие.

— Совершенно с вами согласна, — сказала Дорин, сердито глянув на мужа. — Видит бог, у него не так много радостей.

На этом они замолчали и все кончилось. Сказанные слова не возьмешь обратно, и уютный вечер и легкое веселье вдруг пропали. Они пытались продолжать, но было поздно. Джон Тремэйн принял надменный, неприступный вид, а его жена стала холодной и отчужденной. Джилли снова ушла в себя, а молодая Энни присутствовала лишь телесно, что же до ее мыслей, они блуждали неизвестно где...

С тех пор такие сборища стали реже. Их дружба — или то, что связывало Тремэйнов, Вайтов и Джемисона, — стала холоднее, сохранялась только по необходимости: будучи самозванной элитой общества, они не могли слишком свободно общаться с теми, кто стоял ниже на социальной лестнице.

Старик оказался между ними — ни то ни се. Не теряя связи с Тремэйнами, Джемисон в то же время никогда не

упускал случая поддержать Джилли и Энни. Более того, временами он захаживал в «Приют моряка» и завел осторожную дружбу с обычно недружелюбными местными жителями. Тремэйны считали его то ли блаженным, то ли святым, а Джилли и Энни Вайт — обе — видели в нем посланника Божьего.

Однажды вечером в начале марта Джилли позвонила старику под тем предлогом, что у нее закончились таблетки, прописанные им для нее. Но Джемисон чувствовал, что за этим звонком стоит нечто большее. В голосе женщины слышалось одиночество, и старик догадывался, что ей нужно с кем-то поговорить... или чтобы с ней кто-то поговорил.

Он сразу же поехал к ней.

Джилли успела приготовить к его приходу стакан шерри. Получив месячный запас таблеток и предложив ему сесть, она призналась:

— Я так глупо себя чувствую... Позвонила на почь глядя, хотя весь день помнила, что лекарство кончается. Надеюсь, вы не в обиде?

— Вовсе нет, дорогая, — ответил старик. — Разве что я чуточку беспокоюсь, не слишком ли много вы их принимаете. Видите ли, по моим расчетам у вас еще должен был остаться двухнедельный запас. Конечно, я могу и ошибиться. Память у меня уже не та, что прежде. И все же?..

— О, — замялась она. И тут же опомнилась: — Ан нет, наоборот, память у вас отличная. Это я виновата. Я как дура... ну, рассыпала таблетки, и мне не хотелось принимать те, что побывали на полу.

— Вполне разумно, — похвалил он, — и вообще, я слишком давно не интересовался, как вы себя чувствуете. Но, видите ли, Джилли, я ведь не молодею и врачебные привычки уходят. Мне очень не хотелось бы думать, что мои таблетки причиняют вам какой-либо вред.

— Вред? Совсем наоборот, — возразила она. — По-моему, я чувствую себя лучше. Стала спокойнее — может, слегка легкомысленнее, но... Вот вы, Джеймс, сейчас пожаловались на память. Ух, мне бы такую память, как ваша! Нет, я не думаю, что дело в ваших таблетках — хотя, может быть, побочный эффект, — но я то и дело на чем-нибудь споты-

каюсь. И не только в словах или в мыслях, но и чисто физически. Теряю равновесие и чувствую иногда такую слабость... Может, вы замечали?

— Да, побочный эффект, — кивнул он. — Возможно, вы правы. Но в такой глуши легко стать рассеянной и забывчивой. Ведь вам здесь и поговорить не с кем. Изредка видитесь со мной — ну и с Энни, конечно, — а больше никого! — Он озабоченно обвел взглядом комнату. — Кстати об Энни, где она?

— Спит. — Джилли приложила палец к губам. — Теперь, когда погода стала лучше, она много гуляет по берегу. Гуляет и читает, такая умница! Вы никогда не удивлялись, почему она не ходит в школу? Им больше нечему ее учить, вот почему. Она рано закончила школу, вскоре после того, как ее отец... Джордж... как он... — Она запнулась, приложила руку ко лбу, как будто забыла, что хотела сказать.

— Да, понимаю, — кивнул старик и замолчал.

Через минуту Джилли моргнула, тряхнула головой, словно разгоняя туман, и сказала:

— Простите, о чем это я?

— Я просто спрашивал, не могу ли еще что-нибудь для вас сделать, — ответил Джемисон. — Помимо доставки таблеток. Может, вам хочется поговорить? Как-никак всем нам не хватает общения, дружеских бесед...

— Поговорить? — повторила она, и ее лицо прояснилось. — Ах, поговорить! Теперь я вспомнила! Это о том, что вы мне однажды начали рассказывать, но нас тогда прервали. Кажется, Энни. Да, она как раз объявилась, когда вы рассказывали о... о... кажется, о каком-то городке на американском побережье. О местах, откуда был родом Джордж, да?

— Инсмут? — сказал старик. — Да, я припоминаю тот случай. Но, кажется, вы тогда сильно разволновались. И, Джилли, наблюдая за вами как врач — или как бывший врач, — я вижу, что странные или необычные темы оказывают на вас очень неприятное действие. Вы уверены, что хотите услышать рассказ про Инсмут?

— Правда, некоторые разговоры на меня плохо действуют, — признала она, — и в то же время меня увлекает все

связанное с историей моего мужа или его родни. Особенно все, что касается его генеалогии. — Она заговорила быстрее: — Ведь что мы на самом деле знаем о генетике — о тех чертах, что передаются из поколения в поколение, о том, что достается нам от предков? Мне думается, я слишком долго ничего не хотела знать о прошлом Джорджа. Здесь такое творилось, Джеймс... — Она схватила его за руку. — Жуткие перемены, нечеловеческое уродство... и мне нужна уверенность, что такое не повторится ни со мной, ни с моей дочерью! — Она бормотала так быстро, что слова сливались. — А если все же повторится, я должна знать, что делать... что делать, если...

И тут она замолчала как отрезала, даже не закрыв рта, словно осознала вдруг, что наговорила слишком много, слишком быстро и слишком уж отчаянно.

И старик после долгого молчания тихо сказал:

— Может, мне лучше повторить вопрос, милая: вы уверены, что хотите услышать от меня об Инсмуте?

Джилли глубоко вздохнула, усилием воли усмирила дрожь тонких рук, лежавших на подлокотниках кресла.

— Да, я действительно хочу узнать все об этом месте и его жителях, — проговорила она.

— А когда я уйду и вы останетесь одна, что вам приснится ночью, Джилли? Честно предупреждаю, вас вполне могут преследовать кошмары.

— Я хочу знать, — твердо ответила она. — Кошмары — да, вы правы, лучше бы без них. И все же я должна знать.

— Энни говорила, у вас остались от мужа какие-то книги, — продолжал отговаривать ее Джемисон. — Не лучше ли поискать ответа в них?

— В книгах Джорджа? — Она пожала плечами. — Эти жуткие книги. Он прямо зарывался в них. Но когда прошлым летом сгребали и жгли водоросли, я попросила Энни бросить их в огонь. — Джилли нервно и, пожалуй, виновато передернула плечами. — Что удивительного? Все равно я не могла бы их прочесть: они были не на английском, я даже не могла узнать язык. И хуже того, от них исходило такое... К ним даже притронуться было противно.

Старик кивнул, прищурившись:

— И вы хотите, чтобы я рассказывал об Инсмуте, когда от одной мысли о нескольких заплесневелых книжонках вам делается плохо? И вы попросили девочку их сжечь, даже не зная, сколько они стоят и о чем они? Вы знаете, может быть, хорошо, что я вовремя появился, Джилли. У вас явно навязчивая идея, а навязчивые идеи слишком легко переходят в психоз. И потому...

— Вы не хотите со мной говорить, — закончила она за него и откинулась в кресле. — Я больна от беспокойства — или, может быть, из-за своей «навязчивой идеи», если хотите, — и вы не желаете мне помогать.

Старик сжал ее руку, покачал головой.

— О Джилли! — воскликнул он. — Вы меня неправильно поняли. Психология совсем недавно стала областью медицины, но я не так уж стар, чтобы совершенно ею не интересоваться. Нет, я кое-что знаю о человеческой психике: более чем достаточно, чтобы заверить вас — с вашей все в порядке.

Она ошеломленно уставилась на него, и Джемисон пояснил:

— Видите ли, моя дорогая, вы наконец открылись, открыто осознали свою проблему и тем самым сделали большой шаг к тому, чтобы от нее избавиться. Так что я, конечно, готов вам помочь.

Она облегченно вздохнула и, овладев собой, спросила:

— Но если для этого требуется рассказать мне про Инсмут?..

— Пусть будет так, — согласился старик. — Только прошу вас меня не перебивать, потому что я очень легко сбиваюсь.

И когда Джилли с готовностью кивнула, он начал...

— За время своей практики в Инсмуте я встречался с очень странными и прискорбными случаями. В этих местах обычны были родственные браки, так что в местных жителях течет порченая кровь. Я бы предпочел подобрать иное выражение, но не могу найти более точного. И «инсмутская

внешность» — так говорят об очень странной, почти нечеловеческой наружности некоторых горожан — о главном симптоме порчи.

Впрочем, среди множества мифов и легенд, связанных с этим городом и с внешностью горожан, есть несколько весьма причудливых, дающих противоположное объяснение: они утверждают, что дело не столько в родственных браках, сколько в смешанных... что «порчу» вызвала связь между моряками-горожанами и женщинами с одного из островов Южных морей, с которым местные много торговали в старину. Более того, легенды говорят, что распутные «морские волки» заводили связь не только с туземными женщинами, но и... думаю, об этом лучше пока не упоминать, поскольку слухи такого рода вполне могут оказаться чистой фантазией.

Хорошо, однако по поводу происхождения или источника городских проблем — я имею в виду реальный источник, — вполне возможно, тут есть по меньшей мере некоторая связь с этими давними морскими торговцами и тем, что они привозили из своих странствий. Безусловно, некоторые из них женились на туземках и привозили их на родину — что в наши дни никого бы особенно не взволновало, но в середине девятнадцатого века к такому относились весьма неодобрительно, — а эти женщины, в свою очередь, могли захватить с собой кое-что из личного имущества и свои обычаи: несколько местных побрякушек, кое-какую одежду, «местную кухню» само собой... и, может быть, даже предметы своей... религии? Если религия не слишком громкое слово для примитивных туземных культов.

Так или иначе, мне удалось проследить источник порченой крови — если дело в ней — до тех времен. А что касается «инсмутской внешности» и ее ужасных проявлений в городских обитателях... думаю, ее следует считать болезнью, а возможно, и проявлением нескольких заболеваний.

Относительно формы, в которой проявляется заболевание (с этого момента Джемисон начал лгать или, по крайней мере, уклоняться от истины), — что ж, не зная, кто он, я счел бы отличным представителем или образчиком, если

хотите, вашего соседа: того несчастного паренька, что живет у Фостеров. Приятеля Энни, молодого Джефа. Конечно, я не вижу связи — насколько мне известно, ее и не существует, — но в этом юноше проявляется нечто очень похожее на клеймо Инсмута, если не то же самое заболевание. Стоит взглянуть на его состояние.

Нездоровая чешуйчатость кожи, проявляющаяся сильнее, чем при самом тяжелом ихтиозе; странная, шаркающая походка; глаза больше обыкновенных — со временем больным все труднее смыкать веки; речь — если они вообще говорят, — состоящая из гортанных восклицаний; и общее искажение черт лица, придающее ему сходство с рыбой или лягушкой... Все это представлено в молодом Джефе. Тремэйн, например, говорит, что мальчик больше всего напоминает ему выброшенную на песок рыбу! И если каким-то образом ему передалась инсмутская порча... ну, неудивительно, что подобное вызывает самые ужасные фантазии. По-моему, неудивительно.

Старик замолчал и пристально всмотрелся в лицо Джилли. За время его рассказа она сильно побледнела, вжалась в глубину кресла и стиснула подлокотники так, что побелели костяшки пальцев. Однако она не поддалась дрожи, в которой обычно проявлялось ее нервное состояние, и все ее внимание было сосредоточено на рассказчике.

Джемисон ожидал от Джилли отклика на первую часть повествования, и она, помедлив, нашла в себе силы заговорить:

— Вы упомянули о местных побрякушках, которые могли прихватить с собой туземки с островов Южных морей. Не подразумевали ли вы украшений и, если так, видели ли вы что-нибудь из них? Я хотела сказать: какие именно побрякушки? Вы можете их описать?

Старик нахмурился было, но тут же произнес:

— А! — И понимающе кивнул. — Но я думаю, мы говорим о разных вещах, Джилли. Потому что, упоминая туземных женщин и их имущество, я подразумевал именно побрякушки: подвески и бусы из морских ракушек, украшения из скорлупы кокосовых орехов... и тому подобное.

Но я, надо думать, понимаю, о чем говорите вы... Потому что я, конечно же, видел брошь, купленную миссис Тремэйн у вашего мужа. О да... а я интересуюсь такого рода изделиями и потому перекупил ее! Но на самом деле единственными «побрякушками», о которых рассказывалось в дошедших до меня историях, были дешевые украшения, что моряки предлагали островитянам на обмен. Обмен? Скорее грабеж среди бела дня. Потому что те «побрякушки», которые, видимо, интересуют вас... с ними несчастные дикари расставались ради дешевых бусин и никому не нужного барахла, а эти были по-настоящему дорогие изделия — странной выделки, но выполненные из драгоценного, золотого сплава. Инсмутские моряки все равно что украли их у туземцев! Вы спрашиваете, приходилось ли мне их видеть? Да, видел, и не только то украшение, которое купил у Дорин Тремэйн...

Старик говорил все более взволнованно, по-видимому увлекшись предметом разговора. Однако теперь, остыв, он собрался с мыслями и поглубже уселся в кресле, прежде чем продолжить.

— Ну вот,— заговорил он наконец.— Предупреждал ведь я, как легко меня сбить. Вот теперь, знаете ли, я совершенно потерял нить!

— Я спрашивала вас о туземных драгоценностях,— напомнила Джилли.— Думала, не могли бы вы их описать или, по крайней мере, рассказать, где вы их видели? И еще вы говорили... о тех прежних моряках и *существах*, с которыми они сходились,— кроме островитянок. Мне это почему-то кажется... ну, интересным.

— А! — отозвался старик.— Но относительно последнего, моя дорогая, уверяю вас, это чистая фантазия. Что же касается драгоценностей... где я их видел? Да в Инсмуте, разумеется, где же еще? Там есть музей — ну, нечто вроде музея — больше напоминает святилище или мемориал. Могу рассказать, если вы еще не передумали. И если уверены, что это вас не слишком растревожит.

Он проницательно взглянул на нее. Но Джилли зашла уже слишком далеко, и сбить ее было невозможно.

— Пожалуйста, расскажите, — кивнула она. — Обещаю вам, я постараюсь... не расстраиваться. Так что, пожалуйста, продолжайте.

— Этнография — наука о происхождении и обычаях людей — всегда была для меня чем-то вроде хобби, — начал он, — а старый ветхий Инсмут, хоть и не без недостатков, был полон источников — собственных, часто очаровательных легенд и преданий, — которые я пока очень смутно обрисовал вам.

Кое-кто из тех женщин, честно говоря, не могу назвать их леди, обращавшихся ко мне за медицинской помощью, принадлежали к той линии крови. Кровь не всегда порченая, но определенно туземная. Сколько бы поколений ни отделяло их от смуглолицых предков, в них оставалось что-то от Южных морей. И среди моих пациенток — клиенток, так сказать, — были несколько, заинтересовавших меня своими украшениями... странные пряжки или брошки, браслеты и ожерелья. Я заметил несколько таких изделий, отличавшихся единым, довольно грубым стилем и очень похожим узором.

Но вот подробно их описать довольно сложно. Растительный орнамент? Едва ли. Арабески? Это ближе к истине: странные листья и другие растительные узоры в странном и сложном переплетении... только это были не земные растения. Океаническая флора: водоросли и морские травы — и скрытые среди узора странные ракушки и рыбы — особенно рыбы, — образовывали неземные картины, которые можно было приписать скорее рыбам или земноводным. А за завесой морских трав и водорослей иногда просвечивали здания: странные, приземистые пирамиды и необычные, угловатые башни. Как будто неведомый художник — кем бы или чем бы он ни был — пытался передать представление о затерянной Атлантиде или иной подводной цивилизации.

Старик снова помолчал.

— Ну вот. Я описал их, как умел. Конечно, я никогда не приближался к инсмутским женщинам настолько, чтобы рассмотреть их украшения во всех подробностях, зато я расспрашивал, откуда они взялись. Однако они все были не-

разговорчивы и почти ничего не сказали мне... ну, кроме одной, моложе других и отличавшейся от общего типа. Она-то и направила меня в музей.

В свое время там располагалась церковь — пока в город не вторглась порченая кровь, вытеснив ортодоксальную религию,— да, каменная церковь с низкими башенками, но давно лишенная святости. Она стояла рядом с другим величественным прежде зданием. Довольно обширный дворец с колоннадой, на фундаменте которого еще читалась выцветшая надпись: «Тайный орден Дагона».

— Дагона, говорите? Но это очень интересно!

— Много лет назад это большое здание, несомненно, тоже было местом поклонения... или какого-то культа. Как вам этнографическая головоломка? Ведь рыбий бог Дагон — получеловек-полурыба — был божеством филистимлян, а позже перешел к финикийцам под именем Оанна. И вот эти островитяне-полинезийцы за тысячи миль и полмира от них приносили жертвы или, по крайней мере, возносили молитвы тому же самому богу. И в Инсмуте двадцатых годов девятнадцатого века их потомки хранили прежний обычай! И знаете, дорогая, как бы глупо это ни звучало, я невольно гадаю, не сохранился ли он до сих пор... то есть до наших дней.

Ну вот, я опять отвлекаюсь! Так о чем я? А да, та старая церковь, вернее, музей.

Готического вида, с закрытыми окнами и непропорционально высоким фундаментом. В этом наполовину ушедшем в землю подвальном этаже и располагался, собственно, музей. Там, под пыльным стеклом в незапертых витринах, я увидел просто сказочную коллекцию золотых изделий и украшений... Что меня поразило, так это отсутствие этикеток, а также хранителя или экскурсовода для защиты от воров и просвещения посетителей! Правда, посетители там были редкостью. Я, по правде сказать, ни разу не застал ни одного — не видел там даже церковной мыши!

Но изделия из странных золотых сплавов... о, они просто завораживали! И маленькая, видимо, тщательно подобранная коллекция в несколько сот книжных томов: очень древних книг, тихо гниющих на сырых открытых полках.

Не считая одного-двух заглавий весьма неприятного содержания, я не нашел ни одной знакомой. И поскольку даже заголовки были мне недоступны, не стал трудиться, листая страницы. А вот что касается экзотических, чуждых нам ювелирных изделий... будь я вором, я вполне мог бы вынести оттуда под плащом целое состояние в редких запретных томах, и никто не остановил бы, не обвинил и не обыскал меня. В сущности, порывшись в памяти, я припоминаю, что несколько книг и украшений в самом деле были похищены из музея двадцать с лишним лет назад. Не то чтобы золото считалось в Инсмуте большой редкостью: местные моряки навезли его в таком избытке, что в начале девятнадцатого века один из них даже открыл мастерскую для переплавки своих трофеев в золото. Я заходил и туда, но нашел мастерскую в полном упадке... как и весь старый город после... э... ходили слухи об эпидемии, и правительство в двадцать седьмом — двадцать восьмом годах двадцатого века вводило войска. Но это уже другая история.

И, чуть помявшись — в нежданном припадке скрытности, — Джемисон поспешно подвел черту под своим рассказом, проговорив:

— Ну вот и все, моя милая. Относительно вашего вопроса о странных ювелирных изделиях... я постарался ответить на него наилучшим образом. Так что я еще могу вам, э-э, рассказать? Боюсь, что нечего.

Но теперь уже Джилли впилась взглядом в лицо старика. Потому что она заметила несколько случайных оговорок и крупных пробелов в его повествовании и тут же потребовала объяснений.

— О золоте... да, я поняла, — сказала она, — но кое-чего вы совсем не объяснили. Мне даже кажется, вы уклоняетесь от некоторых вопросов. А я хоч-чу... я хоч-чу... — Она с размаху ударила ладонью по подлокотнику, стараясь совладать с заиканием. — Я хочу знать! О связи — так вы выразились? — тех моряков с кем-то иным, кроме женщин-островитянок. Вы сказали, это чистая фантазия. Пусть даже фантазия, я хочу знать. И об их... верованиях, об их религии и к-к-культе Дагона. И, рассказывая о чужих укра-

шениях, вы сказали про мастера: «кем бы или чем бы он ни был!» Как это надо понимать? И вы упомянули про эпидемию — что это было? Разве эпидемия — повод, чтобы правительство вводило войска? Джеймс, если вы вправду мне друг, вы же видите: я д-должна знать!

— Пока что я вижу, что расстроил вас, — ответил старик, погладив ее по руке. — И думаю, что понимаю, почему эти вопросы так вас волнуют. Вы пытаетесь связать все это с Джорджем, верно? Вы думаете, что и у него в крови была порча. Джилли, если и так, это не ваша вина. И если эта порча на самом деле заболевание, то это, возможно, и не его вина. Нельзя же винить себя в том, что у вашего мужа было в некотором роде... прошлое. А если и было, теперь ведь все это кончилось? Вы не должны думать... что все продолжается.

— Тогда убедите меня в обратном, — попросила она, чуть успокоившись оттого, что можно было говорить открыто. — Расскажите мне все, чтобы я лучше поняла и смогла решить.

Джемисон кивнул:

— О, я мог бы рассказать, хотя мне пришлось бы повторять старушечьи сказки — мифы и слухи — и байки рыбаков о морских девах и тому подобном. Но, учитывая, в каком состоянии ваши нервы, лучше не надо.

— Да, мои нервы, — повторила она. — Погодите... — Джилли принесла стакан воды и проглотила две таблетки. — Вот видите, я выполняю указания доктора. А теперь вы послушайтесь меня и расскажите. — И, откинувшись в кресле, она обхватила себя за локти. — Пожалуйста, если не ради меня... ради Энни.

И, понимая, о чем она думает, мог ли он отказать ей?

— Хорошо, — проговорил старик. — Но, моя дорогая, то, что вас беспокоит, это наверняка... иначе и быть не может — ужасная болезнь, и не более того. Так что не путайте фантазии с реальностью — это путь к безумию.

И после короткого раздумья он поведал остальное...

— Рассказы, которые до меня дошли... ну, они неправдоподобны. Легенды, порожденные первобытной невинно-

тью и невежеством туземцев. Видите ли, у этих островитян есть собственные мифы о Дагоне, и они передаются из поколения в поколение. Их кровь и внешность настолько выродились, порча обрела над ними такую власть — возможно, с незапамятных времен, — что они решили, будто созданы по образу своего творца, рыбьего бога Дагона.

Именно такие истории они рассказывали морякам, добавляя, что в обмен на поклонение Дагон дарует им все богатства океана, изобилие рыбы и странные золотые сплавы, вымывавшиеся, возможно, из жил в местных горах в сезон дождей. Конечно, именно местные знахари — жрецы Дагона и его Тайный орден — изготавливали из этого золота украшения, отчасти дошедшие до нас.

Но *современные* легенды — их можно услышать в Инсмуте и его окрестностях — гласят, что в обмен на хорошие уловы и золото островитяне отдавали своих детей морю, так называемым Морским Существам, служителям Дагона и других родственных ему... э-э... божеств глубоких вод, таких как великий Ктулху и Мать-Гидра. И те же легенды утверждают, что инсмутские моряки, возжелав чужого золота, благосклонности полузабытых богов из сомнительных мифов и обещанной им вечной жизни, согласились по их примеру приносить в жертву Дагону и Морским Существам свою молодежь. Только те оказались не столько жертвами, сколько супругами! Таким образом, и эти легенды винят в «инсмутской внешности» порчу от смешанных браков: от смешения Морской и чистой человеческой крови. Но, разумеется, таких браков быть не могло, поскольку морского народа не существует! И никогда не существовало, что не помешало горстке самых опустившихся инсмутцев перенять их культ, чему свидетельство — облупленный белоколонный дворец, посвященный Тайному ордену Дагона.

Осталась только эпидемия конца двадцатых годов...

Ну, семьдесят лет назад наше общество не отличалось нынешней терпимостью. И, увы, когда разошлись слухи об инсмутской порче — о множестве выродившихся, больных и изуродованных горожан, правительство отреагировало с излишней резкостью. Впрочем, несомненно, в то время та-

кую же реакцию вызвало бы, скажем, известие о СПИДе: панику и применение силы. Так вот, последовало несколько рейдов и множество арестов. Было сожжено или взорвано множество ветхих старых домов на набережной. Однако никого не обвиняли в преступлениях и не представили на суд; все ограничилось уклончивыми заявлениями о заразной болезни и тайным распределением множества задержанных по военным тюрьмам.

Население старого Инсмута сильно сократилось, и за последние семьдесят с лишним лет город очень медленно приходил в себя. Теперь там, сами понимаете, работают современные лаборатории, где патологоанатомы и прочие ученые — часто из числа горожан — продолжают изучение порчи и пытаются по возможности помочь потомкам тех, кто уцелел после правительственных рейдов. Я сам там работал, хотя и недолго, потому что эта работа, мягко говоря, не вдохновляет. Я видел больных на самых разных стадиях вырождения и многим из них мог предложить лишь самую элементарную помощь. Поскольку врачи и другие специалисты сходятся в том... словом, все согласны, что помочь тем, кто несет в себе инсмутскую кровь, в настоящее время невозможно. И пока испорченный ген не растворится в общем обширном генном пуле, постоянно будут появляться люди с инсмутской внешностью...

Джсмисон никогда не видел Джилли такой спокойной — слишком спокойной. Затишье перед бурей, подумалось ему. Она не мигала, устремив взгляд вдаль, но в глазах стояла не обычная пустота, а отражение какой-то мысли. Наконец, *после долгого молчания*, старик решился окликнуть ее:

— Ну что, Джилли? Вас все еще что-то беспокоит?

Ее взгляд сосредоточился на собеседнике, и она ответила:

— Да. Еще одно. Вы что-то сказали про вечную жизнь... что инсмутским морякам была обещана вечная жизнь, если они станут поклоняться Дагону и другим божествам того же культа. Но... если они отступались от культа, отказывались от поклонения? Видите ли, под конец Джордж часто бормотал во сне и я часто слышала от него, что он не хочет

вечной жизни — такой жизни. Он, конечно, подразумевал свое состояние. Но я не могу поверить... нет-нет, могу! Верю, что *он* верил в такое! Так как вы думаете: в-в-возможно ли, чтобы мой муж когда-то принадлежал к этому старинному к-культу? И может ли в нем быть частица истины? Хоть что-то, понимаете?

Джемисон покачал головой:

— Хоть что-то? Только в его сознании, моя дорогая. Видите ли, состояние Джорджа ухудшалось, так что он просто был психически нездоров. Он мог совершать ту же ошибку, что и вы, — искать объяснений тому, что объяснить невозможно. А пообщавшись с этими сектантами и зная легенды, он мог поверить, что некоторые вещи существуют в действительности. А вот вам этого делать не следует. Просто нельзя!

— Н-но эта п-порча в крови? — сказала она, понизив голос до шепота, словно издалека. — В его крови, и в крови Джефа, и... а Энни?

— Джилли, теперь послушайте меня, прошу вас! — Старик твердо взял ее за руку. Из всей лжи и полуправды, высказанной им за последние полчаса, последняя была самой серьезной ложью. — Джилли, я знаком с вами и Энни — особенно с Энни — уже довольно давно, и, исходя из своих знаний об инсмутской порче, а также из всего, что я знаю о вашей дочери, я готов поручиться своей репутацией, что она так же нормальна, как вы или я.

При этих словах она вздохнула и немного расслабилась.

Приняв это движение как сигнал к прощанию, Джемисон встал.

— Мне пора идти, — сказал он. — Уже поздно, а я хотел еще кое-что сделать перед сном. — Уже направляясь к дверям, он попросил: — Будьте добры, передайте Энни от меня привет. Очень жаль, что я ее не застал. Впрочем, может, и к лучшему, поскольку нам нужно было поговорить.

Джилли проводила его — спотыкаясь на ходу, отметил он, — и уже в дверях сказала:

— Н-не знаю, к-как вас благодарить. Мне теперь гораздо спокойнее. И так всегда после разговора с вами.

Она дождалась, пока он сядет в машину, и слабо помахала ему на прощание, прежде чем закрыть дверь.

Отъезжая от дома, старик заметил, как что-то мелькнуло за занавесками верхнего окна. Это была спальня Энни, и он на мгновение увидел ее лицо — ее огромные глаза — в просвете между неплотно задвинутыми шторами.

Он задумался, давно ли она не спит, да и спала ли вообще? А если нет, много ли она подслушала. А может быть, все это уже было ей известно?

Долгая зима с разнообразными осложнениями — ларингитом у Энни и гриппом у Дорин Тремэйн — медленно переплавлялась в весну. Зеленые ростки в садиках и на подоконниках деревенских домов распускались цветами; низкое небо становилось день ото дня светлее и голубее.

Но среди этих перемен были и другие, отнюдь не такие естественные и куда менее благодатные, — и Джемисон был им свидетелем.

Он видел шляющегося по берегу Джефа — точь-в-точь один из деревенских юнцов, — когда тот шаркал вдоль полосы прилива. Нет, Джеф не был похож на других юнцов, и различие становилось все глубже.

Джемисон следил за ним в бинокль, когда парень устало тащился по берегу: косолапая походка, сутулые плечи, опущенная голова и поднятый воротник. Хотя погода заметно улучшилась, он больше не плавал в море. О, он смотрел в море — то и дело останавливался, поднимал уродливую голову, вглядываясь в широкий водный горизонт, — с жадной тоской, думал старик, пытаясь прочитать чувства, проступавшие на этом далеком и близком лице, но прежнее родство с водой и сила, бесполезно, но явственно проступавшая в нем на суше, казалось, покинули его. Проще говоря, мальчику становилось все хуже.

Старик слышал сплетни в деревенской пивной. Уловы выросли, но Тому Фостеру уже не везло так, как в предыдущие годы: он утратил свою чудесную удачу, и полоумный мальчишка уже не направлял его лодку к самым уловистым местам. Во всяком случае так считали другие рыбаки, но

сам Фостер однажды вечером в «Приюте моряка» откровенно признался старику, в чем дело.

— Это все парень, — озабоченно говорил он. — Не в себе он. Говорит, море его манит, а он, мол, боится. Не, он ходит на берег, все смотрит на прибой, как барашки бегут к берегу, а вот кататься на них уж не хочет. Не пойму, о чем это он, только все плачется, мол, «не готов» и не знает, будет ли когда готов, а если «уйдет сейчас», ему, стало быть, конец! Один бог знает, что ему в голову взбрело уходить! А правду сказать, он хворает. Ну и вот, я знаю, он со мной пойдет, ежель я позову, только я его не прошу. Одно хорошо: в ванне лежит подолгу, отмокает в пресной воде, так что с кожей у него неплохо, и рыбьих вшей теперь не нахватается.

И обветренный старый моряк пожал плечами — вовсе не беззаботно, — допил пиво и закончил свое рассуждение словами:

— Не плавает в море — не нахватается рыбьих вшей — проще простого. А вот насчет остального... тревожусь я за него, вот что.

— Ответьте мне на один вопрос, — попросил Фостера старик. — Почему вы взяли его к себе? Вы ничем не были обязаны. Я хочу сказать, мальчик — ребенок — ведь вам не родня? Он был подкидышем, и с самого начала имелись осложняющие обстоятельства.

Фостер покивал:

— Это моя женка, хозяйка, значит, его взяла. Ее прабабка рассказывала о таких мальцах — она маленькой-то жила на тех островах. Вот матушка Фостер, стало быть, и расчувствовалась. Ну и я потом тоже, сколько ведь мы за ним присматривали. Хотя мы всегда знали, кто его папаша. Какие тут секреты, сразу было видно. Теперь уж его нет, а раньше он свою долю платил.

— Джордж Вайт давал вам деньги?

— Ага, на Джефа, — с готовностью признал Фостер. — Факт. Бедолага распродавал свои драгоценности — украшения и прочее — в окрестных городах. Ради парня, эт-точно, ну и ради собственных удовольствий... так я слышал. Только то не мое дело...

И еще бедняжка Джилли Вайт. Она, вернее, ее здоровье тоже приходило в упадок. Ее постоянно тревожили кошмары, становившиеся все настойчивее и страшнее, уродливее. Сильно нарушились и речь, и двигательные реакции: она заикалась, часто повторяла сказанное, то и дело падала, исполняя самые простые дела по дому и во дворе. По правде сказать, она стала чем-то вроде пленницы в собственном доме: лишь изредка рисковала выйти на берег, посидеть с дочкой на слабом, но приятном весеннем солнышке.

А сны...

Дело затянулось надолго, но Джемисон был терпелив: он умудрился вытянуть кое-что относительно содержания кошмаров у самой Джилли, а остальное дополнила Энни, когда он подвозил ее домой с уроков языка в Сент-Остелле. Не приходилось удивляться тому, что в центре самых тяжелых сновидений оказался Джордж Вайт, бывший муж Джилли: не его самоубийство, как можно, пожалуй, было ожидать, а его болезнь, прогрессировавшая все быстрее до самого конца.

В особенности ее преследовали во сне лягушки и вообще земноводные, а также рыбы... но не создания природы. Ужас этих сновидений состоял в том, что они представали совершенно чуждыми, чудовищными мутациями или гибридами человека и чудовища. И человеком этим был Джордж Вайт, его лицо и некоторые особенности фигуры передавались этим амфибиям и рыбам и, слишком часто, существам, сочетавшим признаки обоих родов и более того! Короче говоря, Джилли видела во сне Морских Существ, и Джордж принадлежал к их подводному обществу!

А Энни рассказала, что мать бормочет и бредит, вскрикивает в ужасе перед «этими огромными глазами, которые никак не закроются», и «чешуей, жесткой и грубой, как наждак», и «складками на теле Джорджа, которые открывались внутрь и пульсировали, как... как жабры, когда он хранел или задыхался во сне»! Впрочем, по дороге в город и обратно Энни обсуждала с Джемисоном не только преследовавшие мать кошмары. Она была совершенно откровенна со стариком.

— Я знаю, вы видели меня у окна в тот раз, когда привозили ей таблетки и долго говорили с мамой, рассказывали про Инсмут. Я услышала ваши голоса, встала с постели и подслушивала с верхней площадки лестницы. Я сидела совсем тихо и слышала чуть ли не каждое сказанное вами слово.

И Джемисон кивнул:

— Вещи, о которых она, вероятно, не стала бы говорить, если бы знала, что ты не спишь? Тебя... обеспокоил наш разговор?

— Может быть, немножко, но... вообще-то нет, — призналась она. — Я знаю больше, чем думает мама. Но вот насчет того, что вы ей говорили в связи с моим отцом и ее снами о нем... ну, я хотела бы кое-что узнать, а маме об этом рассказывать необязательно.

— Вот как?

— Да. Вы сказали, что видели этих больных жителей Инсмута «на всех стадиях вырождения». И мне хотелось бы знать...

— Хотелось бы знать, каковы эти стадии? — подхватил старик и продолжил: — Ну, есть стадии и есть состояния. Все обычно определяется с самого начала. Порча может проявиться с рождения, а может сказаться значительно позже. У одних «инсмутская внешность» практически не проявляется, а другие с ней рождаются.

— Как Джеф?

— Да, как он. — Джемисон кивнул. — В значительной степени это зависит от доли инсмутской крови в родителях... или, очевидно, хотя бы в одном из них. Или от линии предков.

И тут, как будто невпопад, не раздумывая, Энни сказала:

— Я знаю, что Джеф — мой брат по отцу. Потому мама и позволяет нам дружить. Она чувствует себя виноватой из-за отца... за него, я хочу сказать. И она считает Джефа родственником. Ну, в некотором роде.

— А ты? Что ты о нем думаешь?

— Вы спрашиваете, отношусь ли я к нему как к брату? — Девочка нерешительно покачала головой. — Вообще-

то не знаю. Наверное, отчасти так. Я не считаю его отталкивающим, если вы об этом.

— Нет, конечно нет, и я тоже не считаю! — торопливо ответил старик. — Будучи врачом, я привык принимать многие отклонения от нормы, даже те, что отталкивают других людей.

— Отклонения от нормы? — Энни склонила голову набок, взглянув на Джемисона с любопытством, а может быть, и с вызовом.

— Скажем, отличия, — поправился он.

Помолчав минуту, она попросила:

— Продолжайте. Расскажите мне о них, о стадиях и состояниях.

— Одни, как я уже говорил, рождаются с такой внешностью, — отвечал Джемисон, — а у других она развивается постепенно. Некоторые сохраняют в целом — в основном — нормальный вид. Даже сейчас в Инсмуте таких хватает. Еще всегда есть горсточка тех, кто сохраняет приемлемый... ну, скажем, человеческий вид долгие годы и изменяется только под конец, но тогда превращение происходит очень быстро. В госпитале, где я работал, кое-кто из генетиков — они сами были инсмутцами — пытался изменить несколько генов своих пациентов, надеясь если не полностью предотвратить перерождение, то хотя бы продлить пребывание в человеческом облике у тех, кто, вероятно, подвержен изменениям.

— Человеческий облик, перерождение, генетика... — Энни задумчиво кивала. — Но эти слова и ваши объяснения говорят вовсе не о болезни, а о превращении — да, вы сами сказали это слово! Как куколка превращается в бабочку или головастик в лягушку. Только вместо головастика... — Тут она осеклась и, нахмурившись, откинулась в кресле. — Все это очень загадочно, но думаю, что ответы где-то рядом, и я, кажется, начинаю понимать. — И, выпрямившись так, что натянулся ремень безопасности, она воскликнула: — Смотрите-ка, мы уже подъезжаем к дому! — Девочка повернулась, сбоку уставившись на Джемисона. — Мы уже в деревне, а у меня есть еще вопросы — всего один-два, не больше.

Старик послушно снизил скорость, оставляя ей время на разговор, и поторопил:

— Тогда спрашивай.

— Этот культ Дагона, — проговорила она. — Культ инсмутского Тайного ордена — он все еще существует? То есть ему и теперь поклоняются? И если так, что, если кто-то их вида или крови не захочет оставаться одним из них, если он станет отступником... сбежит? Я знаю, мама вас об этом уже спрашивала, но вы ей, в сущности, не ответили.

— Думаю... — проговорил Джемисон, останавливая машину перед домом Джилли, — думаю, такой предполагаемый отступник навлек бы на себя большую беду. Что бы он стал делать, если бы... или когда его настигли бы изменения? Некому было бы помочь ему — я имею в виду, что рядом не оказалось бы никого из его рода.

Мать Энни вышла на крыльцо и остановилась там, бледная и неуверенная. Но Энни, выбираясь из машины, не сводила проницательного взгляда со старика — и Джемисон видел, как все складывается у нее в голове, и не сомневался, что девочка действительно знает больше, чем думает ее мать.

На вторую неделю мая события стали разворачиваться быстрее. Первые туристы и отдыхающие прибыли в деревню и остановились в двух-трех дешевых пансионах: эти горожане каждый день выбирались на пляж, хоть и ворчали на не установившуюся до сих пор погоду.

В окулярах бинокля Джемисона появлялся порой и Том Фостер со своим уродливым воспитанником, и часто они, казалось, спорили, вернее, младший вырывался, а старший тащил его за собой, укоризненно качая головой и настойчиво показывая в ту сторону, откуда они пришли. Несмотря на слабость в последнее время, в несчастном мальчике еще осталось достаточно сил, чтобы упрямо тащиться дальше, оставив приемного отца отдуваться и браниться ему вслед. А если парень появлялся один — дергаясь, как неуклюжее пугало на песке под ветром с океана, рвавшем редкие пряди грубых волос, еще державшихся у него на макушке, — он

неизменно обращал взгляд на неспокойную воду, словно завороженный морскими просторами...

Это случилось довольно теплым воскресным днем. Тремэйны, Джемисон и Энни Вайт оказались на берегу вместе или, точнее сказать, одновременно. Как и молодой Джеф.

Старик держался за полосой дюн, где было легче идти, и направлялся к дому Джилли Вайт, мимо Тремэйнов. Те вышли подышать воздухом и оказались на две сотни ярдов впереди Джемисона, поэтому пока что не замечали его. А Энни виднелась вдалеке маленьким пятнышком: она устроилась с книгой в излюбленной ложбинке, под поросшей травой дюной, ярдах в ста от дома матери. Сегодня она вынужденно держалась поближе к дому, по той простой причине, что Джилли уже несколько дней как слегла в постель. Она страдала физической и умственной слабостью, а может быть, переживала нервный срыв.

На пляже почти не было отдыхающих, и уж совсем немногие надели купальные костюмы и решились первый раз окунуться. Но ближе всех к воде был Джеф, который шел от деревни, обходя расположившиеся на песке семейства. Джемисон захватил с собой бинокль. Старик навел резкость и поймал себя на том, что прискорбный вид юноши слегка огорчает его.

Тот теперь то и дело спотыкался; отвислые губы широко раскрылись, а вздувшийся подбородок отвис на грудь. Даже с такого расстояния видно было, что его глаза затянуты пленкой, а чешуйчатая кожа стала совсем серой. Он жадно хватал ртом воздух, и тяжелые плечи поднимались и опускались в такт дыханию.

На глазах у старика эта странная фигура сорвала с себя бесформенную куртку и отбросила ее в сторону. Потом парень шагнул еще ближе к полоске сырого песка у края прибоя. Здесь плескались детишки, подпрыгивали, смеясь, в мелких волнах. Заметив Джефа, они прервали игру и посторонились, попятились от него, а затем бросились бежать.

Предчувствуя, что должно случиться, Джемисон прибавил шагу. И Тремэйны тоже пошли быстрее, сворачивая на

рыхлый песок пляжа. Они находились ближе к юноше, так что могли лучше заметить его поведение и состояние, и они, как видно, тоже почувствовали в воздухе нечто страшное.

Джемисон, словно забыв о возрасте и старческой слабости, зашагал еще быстрее: ему хотелось оказаться как можно ближе к разворачивающейся сцене. Он приостановился, лишь услышав крик — странный, булькающий вой, — и тут же заспешил дальше, поднялся на дюну по отпечаткам ног, оставленных Тремэйнами. Отсюда, с возвышенности, с расстояния не больше полутора сотен ярдов, ему было видно все.

Энни, заслышав жуткий вой, вскочила на ноги и выбежала на гребень дюны, откуда виднелся берег. А ее брат по отцу стоял по колено в воде, срывал с себя рубаху и драные брюки и издавал те же невыносимые для нервов звуки: выл, шипел и визжал на море!

Энни бросилась к нему по берегу, Тремэйны помчались следом, и Джемисон, чтобы не отстать, пустился бегом. Он смутно отметил, что Джилли появилась на заднем крыльце и стоит там, пошатываясь, в одном халате. Она побелела как привидение, нетвердо держалась одной рукой за перила, а другую прижимала к губам.

Энни уже бежала по воде к обезумевшему — или страдающему — мальчику. Джон Тремэйн сбросил ботинки, попробовал воду, зачем-то закатал обшлага брюк и с плеском побрел за ними. Между тем Джемисон, пыхтя и отдуваясь, приблизился к месту событий.

Джеф перестал выть и визжать, он вцепился в руку Энни, стиснул ее, нетерпеливо указывая на море. Потом, выпустив ее, показал знаками:

«Идем со мной, сестра, потому что я должен уйти! Я не готов, но все рано должен! Оно зовет меня... море зовет, и я больше не могу оставаться... я должен идти!»

Увидев, что она колеблется, он перестал делать знаки и силой потащил ее на глубину. Но теперь уже ясно было, что он безумен, не в себе, и его зубы блестели, как желтоватая рыбья кость, когда он вновь стал бормотать и завывать, обращая невнятную мольбу к неведомым морским владыкам.

Джемисон уже был совсем рядом, а Тремэйн — еще ближе. Директор колледжа схватил Энни, пытаясь вырвать ее из рук парня. Джеф выпустил девочку, бросился на Тремэйна и, прокусив тонкую рубашку, вцепился острыми зубами ему в плечо. Тремэйн вскрикнул от боли, попятился и опрокинулся в воду, накрывшую его с головой.

Но парень увидел, что натворил, понял, что провинился, и, хотя кровь Тремэйна перемазала ему лицо и стекала из округлившегося рта, казалось, опомнился... хотя бы отчасти. Покачав головой, Джеф знаками попрощался с Энни и шагнул дальше в море, упал грудью в волну и поплыл.

Он поплыл, и сразу стало ясно, что он в своей стихии. Провожая его взглядом, Джемисон думал: «Какая жалость, что парень к ней не приспособлен...»

Тремэйн выкарабкался на берег. Энни вернулась на отмель, где вода доходила ей до коленей, и смотрела вслед Джефу, скрывавшемуся вдали. Джемисон помог Тремэйну подняться, смочил в соленой воде носовой платок и приложил его к кровоточащему укусу между плечом и шеей. Дорин Тремэйн устремилась к мужу, заламывая руки и вопрошая, что же теперь делать!

— Отведите его домой,— посоветовал старик.— Оставьте мой платок на ране, пока кровь не остановится. Обработайте антисептиком, потом наложите тугую повязку. Когда Джон оправится от шока, отвезите его в Сент-Остелл: пусть сделают уколы против столбняка и что там еще положено. Только не откладывайте. Вы поняли?

Она кивнула и повела мужа с берега.

Энни стояла у самой воды. Она промокла до пояса и была поражена до глубины души, с трудом переводя дыхание, таращилась на старика, приоткрыв рот. Потом повернулась к морю, проговорила:

— Джеф... Джеф...

— Идем-ка домой,— сказал Джемисон, взяв ее за руку.

— Но Джеф... что с Джефом?

— Мы сообщим береговой охране,— кивнул Джемисон, желая утешить девочку, и накинул свой пиджак ей на плечи.

— Он сказал... сказал, что не готов.

Она позволила старику отвести себя от воды.

— Никто из нас не был готов, — пробормотал Джемисон, — к *этому*.

На полпути к дому они услышали гортанный крик. Кричала Джилли Вайт и махала рукой со своего обращенного к морю крыльца на небо, на горизонт, на море, на пляж... и, наконец, на дочь с Джемисоном. Выражение ее лица быстро менялось: пустоту мгновенно заполнил всепоглощающий ужас, а потом глаза закатились и стали неподвижны, как белые камешки.

Колени у нее подогнулись, и Джилли упала ничком, вздрагивая, пуская слюни и невнятно мыча...

Береговая охрана не нашла ни следа Джефа, хотя их катера бороздили прибрежные воды с рассвета до темноты и весь день в понедельник. Врач, специалист из Сент-Остелла, тщательно осмотрел Джилли и в тихой приватной беседе с Джемисоном согласился с диагнозом старика. Энни этого разговора не слышала. Конечно, после ухода врача она стала расспрашивать, но Джемисон сказал ей, что это подождет, пока все как-нибудь не уладится. И во всяком случае пока все так, как есть, без надежды на улучшение, главное для Джилли — покой. Он, Джемисон, останется под рукой и с помощью Энни позаботится о Джилли, пока не возникнет необходимость что-то решать.

Впрочем, до сих пор старик не просил и не получал от Энни особой помощи, нет, потому что она проводила все время на берегу, вышагивая милю за милей вдоль воды и вглядываясь в море. Она возвращалась только поесть да поспать, когда заканчивались силы. Так продолжалось четыре дня, пока разбухшее тело Джефа не выбросило на галечную отмель в нескольких милях дальше по побережью.

Тогда Энни уснула и проспала сутки.

А на следующее утро — посидев у постели матери и убедившись, что та спит, хотя и неспокойно, — Энни ушла со стариком в знакомую ложбинку дюны и села с ним на песок, согретый первым, по-настоящему теплым днем.

Он был в рубашке с короткими рукавами, в легких брюках и полотняных туфлях: одет для хорошей погоды. И на коленях у него лежала закрытая книга. Протянув ее девочке, Джемисон сказал:

— Я нашел ее в тот день, там, где ты оставила. Все собирался вернуть. Тебе повезло, что никто на нее не наткнулся и что дождя не было.

Энни взяла тяжелый старый том и отложила в сторону.

— Вы читали? — спросила она.

Он покачал головой:

— Это твоя собственность. Я ведь не знаю, может, ты делала в ней записи. Я уважаю чужие тайны, как и свои.

Она взяла его за руку и прислонилась к его плечу, давая понять, что, как бы ни было, они друзья.

— Спасибо вам за все, что вы сделали, особенно для мамы, — заговорила Энни. — Я хочу сказать: я так рада, что вы приехали сюда, в деревню. Даже зная, что вам пришлось приехать, — она хитро покосилась на него, — все равно рада. Вы пробыли здесь всего несколько месяцев, а кажется, о, как давно я вас знаю!

— Для меня это комплимент, — отозвался Джемисон.

— Мне кажется, с вами можно говорить, — быстро продолжала девочка. — С самого начала так казалось, с самой первой встречи. А когда вы помогли Джефу... ну, с тех пор я знала наверняка.

— Да ведь мы и говорили, — заметил старик. — Не забирались в глубину, по-настоящему глубоко — до сих пор, да? — но мы говорили. Может быть, это вопрос доверия или некоего родства?

— Да, — кивнула она, — я знаю, что могу доверить вам секреты. Я хотела бы рассказать маме, но она не стала бы слушать. Из-за нервов. Она сразу начинала беспокоиться, качала головой и уходила. Просто убегала от меня, спотыкаясь. И с каждым днем становилось хуже. Но вы... вы совсем другой.

Он улыбнулся:

— Ну что ж, таков всегда был мой жребий. Я, помнится, как-то сказал Джилли, что во мне порой видели отца исповедника. Довольно странно, ведь я не католик.

— А кто вы? — спросила Энни, склонив голову набок.— Во что вы верите? Или вы атеист?

— Вроде того,— пожал плечами Джемисон.— Хотя кое во что я верю. Но только не в Бога, каким Его принято представлять. Ты ведь об этом спрашиваешь? А во что веришь ты?

— Верю в то, о чем рассказывал мне отец,— мечтательно ответила девочка.— Что-то в его рассказах было красиво, что-то уродливо, а что-то — страннее самых странных мифов и сказок из самых странных книжек. Но вы, конечно, понимаете, о чем я говорю, хотя я и сама не совсем уверена.— Говоря, она взяла книгу и прижала ее к груди.

На старинном переплете из кожи, потемневшей и блестящей, как старый дуб, между ее растопыренными пальцами просвечивало заглавие, состоявшее всего из трех высоких букв, набранных готическим шрифтом: «Э. О. Д.».

— Ну,— отозвался Джемисон,— у тебя и у самой есть такая книга. Одна из самых странных, верно? Она, конечно, весьма необычна. Твоя мама как-то говорила мне, что просила тебя сжечь книги...

Девочка опустила взгляд на книгу и сказала:

— Отцовские книги? Да, она хотела от них избавиться. Это одна из них. Я много их читала и старалась разобраться. Иногда мне казалось, будто понимаю, а потом смысл снова терялся. Но я знала, что это очень важно, а теперь понимаю почему.— И девочка вдруг загорелась, схватила его за локоть.— Пожалуйста, хватит притворяться! Мне уже почти все известно... так не расскажете ли вы все до конца? Я вам клянусь: что бы вы ни рассказали, я не выдам. По-моему, вы уже должны были это понять.

Старик кивнул и мягко высвободил руку:

— Да, думаю, можно рассказать. Только при условии, что ты не испугаешься и не вздумаешь сбежать... как твой отец.

— Он очень испугался, да? — спросила она.— Но я никак не могу понять, зачем он украл книги и инсмутские драгоценности. Если бы он их не взял, может, они оставили бы его в покое.

— Думаю, он намеревался продать книги,— объяснил старик.— Чтобы как-то прожить, понятно. Он, конечно, знал,

что они очень редкие и ценные. Но после того как он бежал из Инсмута, сменил имя и в какой-то мере почувствовал себя уверенно, он стал соображать яснее и догадался, что появление любой из книг наверняка выдаст его — укажет, где его искать. Поэтому он их сохранил.

— Но ведь украшения он продавал? — нахмурилась девочка.

— Потому что золото совсем не то, что книги, — улыбнулся Джемисон. — Оно принадлежит одному человеку. Люди, купившие украшения, конечно, надевают их иногда, но в то же время тщательно охраняют и не выставляют напоказ, скажем, на полках библиотеки. А твой отец позаботился не продавать их скопом. Одно туда, другое сюда, так что в одном месте никогда не скапливалось помногу. Может быть, раньше он не собирался расставаться и с украшениями, но пришло время, когда ему пришлось их продать.

— Однако члены Тайного ордена Дагона не слишком тщательно их берегли? — вопросительно заметила девочка.

— Потому что они считали Инсмут своим городом и чувствовали себя в безопасности, — ответил Джемисон. — А также и потому, что члены ордена редко обманывали доверие. Опять же потому, что за предательство предусмотрено наказание.

— Наказание?

— Таков закон, Энни. В каждом обществе свои законы, верно?

Ее огромные глаза всматривались в него, и Джемисон чувствовал, сколько в них доверия — взаимного доверия. И он спросил:

— Так что ты еще хочешь узнать?

— Очень многое, — задумчиво протянула Энни, — только я пока не знаю, как спросить. Надо все хорошенько обдумать. — И тотчас же снова насторожилась. — Вы сказали, мой отец сменил имя?

— О да. В порядке веселой гонки, которую он задал нам... вернее, мне. Я ведь гонялся за ним все эти годы. Но в конечном счете украшения его выдали. Всю эту зиму, разъезжая по округе, я скупал их в соседних городках. Уда-

лось вернуть почти все. А что касается имени... по-настоящему его звали не Вайт, а Уэйт: он дальний, очень дальний потомок инсмутских Уэйтов. Один из его — и моих — предков плавал с торговыми судами Обеда Марша в Полинезию. Впрочем, я хронологически ближе к тем старым мореходам, чем был бедняга Джордж.

Она моргнула, ошеломленно помотала головой; старик впервые застал ее врасплох и улыбнулся ее удивлению.

— Вы тоже Уэйт? — спросила она. — Но ведь... Джемисон...

— Ну, на самом деле это означает «сын Джеми», — поправил он. — Сын Джеми Уэйта из старого Инсмута. Я тебя поразил? Неужели так страшно узнать, что родство, которое ты ощущала, существует в действительности?

И после коротенькой заминки, снова вглядевшись в его лицо, она ответила:

— Нет. — И покачала головой. — По-моему, я давно догадывалась — отчасти. А Джеф, бедный Джеф... Да ведь значит, вы ему тоже родной, и, по-моему, он тоже знал! Видно было по глазам, когда он на вас смотрел.

— Джеф! — Старик помрачнел и пожал плечами. — Какая жалость. Но с ним был безнадежный случай, развитие навсегда осталось бы незаконченным. Всего лишь рудименты жабр — бесполезных, недоразвитых, атрофированных. Атавизм, линия, которую мы считали окончательно вычищенной, и все же она иногда проявляется. Бедный мальчик представлял один из таких случаев: он оказался в ловушке между наследством предков и своими — или отцовскими — генами, перестроенными научными методами. И два облика противоборствовали, вместо того чтобы слиться.

— Атавизм, — повторила она. — Какое ужасное слово.

Старик со вздохом пожал плечами:

— Да, но как еще назвать то, чем был и как выглядел Джеф? Но со временем, девочка моя, наши посланники — наши агенты — будут ходить среди людей, неотличимые от них, и будут приняты в их среде. Пока наконец мы, Морские Существа, не станем одной расой — истинной расой земноводных, изначально задуманной природой. Мы были первы-

ми... да ведь мы вышли из моря, из колыбели самой жизни! Со временем и земля, и море будут принадлежать нам.

— Посланники, — повторила Энни, вслушиваясь в звучание слова. — А на самом деле агенты. Шпионы, «пятая колонна».

— Наш авангард, — кивнул он. — И, как знать, ты можешь стать одной из них. Во всяком случае я об этом думал.

Она погладила свое горло и вдруг встревожилась:

— Но ведь мы с Джефом были ровесниками и одной крови. Если его... жабры? Те складки ведь были жабрами? Но... — Энни продолжала гладить или, вернее, ощупывать свое горло, пока он не поймал ее за руку:

— Твои скрыты внутри, как и у меня. Генная модификация в тебе, как и во мне, выразилась в совершенстве. Вот почему дезертирство твоего отца нас так разочаровало и зачем, среди прочих причин, я выслеживал его. Я хотел посмотреть, как он будет размножаться и окажется ли потомство удачным. В твоем случае так и получилось. Но не с Джефом.

— Мои жабры? — Она снова погладила горло и тут вспомнила: — А! Ларингит! Когда в декабре у меня болело горло и вы меня осматривали! Две-три таблетки аспирина в день, сказали вы маме, и пусть четыре-пять раз в день полощет горло теплой водой с растворенной в ней ложкой соли.

— Ты не хотела показываться никому другому, — напомнил старик. — Интересно, почему? Почему ты выбрала меня?

— Потому что не хотела, чтобы меня осматривали другие врачи, — ответила она. — Только вы.

— Родство, — повторил он. — Ты сделала правильный выбор. Но можешь не беспокоиться: твои жабры — пока это чуть заметные розовые щели у основания гортани — столь же совершенны, как у любого зародыша или младенца Морского Существа, рожденного на суше. И останутся такими... о, очень долго, так же долго или даже дольше, чем оставались — и останутся — мои, пока я не буду готов. Тогда они проявятся снаружи. Месяц или около того они, развиваясь, будут очень чувствительны, а трубочки, вроде пустых вен, будут доставлять воздух твоим сухопутным легким. В это

время в море ты будешь чувствовать себя так же свободно, как на суше. И это будет чудесное время, милая!

— Вы хотите, чтобы я... ушла с вами? Стала бы...

— Но ведь ты уже стала! Тебя окружает слабый, но отчетливо уловимый запах, Энни. Да, и меня тоже, и так же пахло от твоего сводного брата. Но его можно ослабить, принимая разработанные нами таблетки, и полностью перебить особым одеколоном.

На этот раз молчание длилось гораздо дольше, и девочка снова взялась за его руку, погладила голую кожу от локтя к запястью. В этом направлении кожа казалась совершенно гладкой, а вот снизу вверх...

— Да, — сказала она. — Наверное, вы правы. У меня кожа такая же, как ваша... чешуйки не заметны. Они тонкие, розовые и золотистые. Но если мне придется уйти с вами, как же мама? Вы так и не сказали мне, что с ней.

Теперь старик, так долго говоривший правду, вынужден был солгать. Должен был, потому что она никогда не приняла бы правды или, вернее, приняла бы, но это разбило бы ее веру. Но другого выхода не было.

— Твоя мама... — Старик понурился, отвел взгляд и начал заново: — Твоя мама, твоя милая Джилли... боюсь, что ей недолго осталось жить. — Это по крайней мере было правдой. Но ладонь Энни взлетела к губам, и потому он поспешно продолжил: — У нее БКЯ, Энни, — болезнь Крейцфельда—Якоба, так называемое коровье бешенство, и болезнь зашла очень далеко. — И это тоже была правда, но не вся правда.

Энни смотрела на него, приоткрыв рот:

— Она знает?

— Как я мог ей сказать? А ты сможешь? Она, может быть, уже никогда не придет в себя. А если придет, то будет беспокоиться только о тебе. И мы никак не можем рассказать ей о... о... Ты меня понимаешь. Нет, Энни, не смотри на меня так. Ничего нельзя сделать. От этого не существует лекарств, и никакая больница ей не поможет. Я хотел, чтобы она до конца пробыла здесь, с тобой. И конечно, я останусь и буду помогать до конца. Тот врач из Сент-Остелла со мной согласился.

К девочке наконец вернулся голос:

— Значит, ваши таблетки ничем ей не помогали.

— Плацебо. — Теперь Джемисон лгал. — Сахарные пилюли, приносившие ей некоторое облегчение, потому что она думала, будто я ей помогаю.

Нет, это было не так, и он не пытался помочь Джилли. Она никогда не отпустила бы дочь. И дочь не согласилась бы уйти, пока жива была мать. Так что те таблетки содержали синтетические прионы — простые белки, неотличимые от вируса коровьего бешенства у человека, разработанные в тайных лабораториях старого Инсмута. Они и теперь разъедали мозг Джилли, с каждым днем все быстрее.

Энни отняла руку от лица:

— Долго?

Он покачал головой:

— Не долго. После того что случилось вчера, скажу — уже недолго. Может, несколько дней. В лучшем случае месяц. Но мы с тобой будем здесь. И, Энни, то, что она не дожила, останется нам. Тебе, как и мне, предстоит долгая... о, очень долгая жизнь.

— Значит, это правда? — Она взглянула на него, и Джемисон взглянул на Энни, но не увидел ни слезинки в ее совершенно не отличающихся от обычных глазах. — Правда, что мы живем очень долго? Но ведь не вечно?

Он покачал головой:

— Не вечно, хотя иной раз кажется, что так. Я часто теряю счет своим годам. Но я твой предок, это правда.

Энни вздохнула и поднялась. Смахнула с платья песок и протянула ему руку, помогая встать:

— Тогда пойдем побудем с мамой... дедушка.

Теперь он улыбнулся по-настоящему широко, как улыбался только близким, показав маленькие острые рыбьи зубы.

— Дедушка? — переспросил он. — Собственно, нет. На самом деле я прапрадед твоего отца. А тебе, Энни... тебе придется добавить еще одно «пра».

И рука об руку они пошли по песку к дому. Юная девушка и старый — *очень* старый — человек?..

РЭМСИ КЭМПБЕЛЛ

Победитель

Среди последних работ Рэмси Кэмпбелла новая версия романа «Тайные истории» («Secret Stories»), изданная «Tor Books» под заголовком «Тайная история» («Secret Story»), романы «Усмешка тьмы» («A Grin of the Dark») и «Воровской страх» («Thieving Fear»).

К своей постоянной колонке в журнале «All Hallows» Кэмпбелл добавил новую — «Ramsey's Ramblers» в «Video Watchdog».

Рассказ «Победитель» был написан для тематической антологии Килана Патрика Берка «Таверна Мертвецов» («Taverns of the Dead»).

«Мне приходилось бывать в столь же неуютных пивных, и, возможно, воспоминания о них отложились у меня в подсознании. Самым неприятным был паб в Биркенхеде: войдя туда, человек тут же начинал чувствовать себя так, словно назвался евреем на презентации книги Дэвида Ирвинга».

Пока Джессоп вел машину по набережной, он думал в основном о ветре, гнавшем залитые лунным светом тучи. Когда его «мини» оставила позади последнее из пустых конторских зданий, он увидел корабли, кренившиеся, как городские высотки при землетрясении. Машины круто разворачивались перед въездом на паромный причал. Несколько минут Джессон мрачно боролся с баранкой руля, подводя машину к воротам против ветра, всем весом отбрасывавшего ее назад. У самой эстакады с ним разминулась «тойота», набитая вопящими детишками, втиснутыми во все промежутки между багажом.

— Дублин не принимает,— сказал ему водитель с сильным ольстерским акцентом. Джессопу приходилось напрягаться, чтобы понять его.— Говорят, приезжайте через три часа.

— Я так и не поужинал! — возмутился один из сыновей, а его сестра недовольно добавила:

— Могли бы остаться у дяди!

Джессоп подумал, что и он мог бы на денек отложить поездку, но теперь уже забрался так далеко на юг, что не стоило поворачивать обратно. А мог бы вылететь из Лондона этим утром и обогнать непогоду, если бы не вздумал сэкономить. Он послал слова благодарности по ветру вслед «тойоте» и принялся выискивать убежище на предпортовой улице. Пивных хватало, но перед ними не было мест для парковки, не было и указателей на соседние стоянки. Джессон искал отель, где можно неторопливо перекусить и посидеть часок-другой, но сообразил, что все отели остались за пределами портового терминала.

Проскочив очередную пивную и доехав до другого конца переулка, Джессон резко развернулся под аккомпанемент возмущенных гудков. Он втиснул машину в узкий проезд между двумя ветхими домами с террасами, выходившими прямо на тротуар. Два ряда столь же унылых жилищ, с окошками узкими, как дверные проемы, теснили ряд стоящих машин. Он заметил несколько табличек «Продается». Джессоп припарковался перед «Мореходом», под единственным уцелевшим уличным фонарем, и, прежде чем запереть машину, достал с заднего сиденья свой портфель.

В дальнем конце улочки виднелись открытые катера, плясавшие вокруг якорных канатов. Из пивной доносился невнятный гул голосов. Оконные стекла были мутными, но сквозь них читались налепленные изнутри плакатики: «НЫНЧЕ НОЧЬЮ. ПОЕМ ВСЮ НОЧЬ. НОЧЬ ВЕСЕЛЫХ КОНКУРСОВ». Он предпочел бы обойтись без подобного веселья. Впрочем, надо думать, найдется там укромный уголок, где можно поработать. Лампа и луна отбросили тень от его руки, когда он толкнул толстую исцарапанную дверь.

Сумрачное, задымленное помещение словно запуталось в сетях. Те, что наверху, слишком ярко блестели желтоватыми отблесками лампы, зато те, что в углах, напоминали непомерно разросшуюся паутину. Джессоп как раз убеждал себя, что и жалкая нищета может быть трогательной, когда

дверная створка закачалась на ветру и, протолкнув его внутрь, захлопнулась.

– Прошу прощения, – обратился Джессоп к бармену и дюжине пивших и куривших за черными чугунными столиками.

Ответа не последовало, зато, пока он шел по обшарпанному деревянному полу к стойке, все провожали его взглядами. У человека за стойкой маленькие глазки, нос и рот уместились на тесном пространстве, оставленном на лице длинным подбородком. Он выглянул из-под провисшего куска сети и объявил:

— Один есть!

— Это ты, скажу тебе, прав, кэп, — проворчал мужчина, выигравший бы конкурс на самые крупные габариты у любых соперников.

— А и будь он не прав, ты сказал бы то же самое, Джо, — не вынимая из зубов сигареты, прокаркала его подружка, не многим уступавшая ему в размерах, и загремела браслетами, похлопав его по руке.

— Прошу прощения? — удивился Джессоп.

Она подняла руку — поправить падавшие на плечи рыжие пряди.

— Мы бились об заклад, что вы не попали на паром.

– Надеюсь, заклад был большой.

– Это он к тому, чтоб ты побольше выиграла, Мэри, — пояснил Джо. — Он тебе проиграть не желает.

— Верно, — согласился Джессоп и повернулся к бармену. — Что вы мне посоветуете?

— Ничего, пока я вас не знаю. Мы тут беремся угодить на всякий вкус, мистер.

— Джессоп, — ответил Джессоп и только тогда догадался, что его имени не спрашивали. — Для начала попробуем «Капитанское».

Пока бармен возился со скрипучим краном, он рассматривал облупленную, липкую стойку бара. Миниатюрная афишка призывала: «ВЫИГРАЙ ПУТЕШЕСТВИЕ В НАШЕМ КОНКУРСЕ», а вот меню нигде не было видно.

— У вас кормят? — спросил он.

— Жалоб в последнее время не было.

— Что вы готовите?

— А вы заказывайте.

— Карри можно? Что-нибудь в этом роде.

— А чего у вас на юге в него кладут?

— Все, что съедобно, — ответил Джессоп, чувствуя себя все более неловко. — На то оно и карри, верно? Тем более корабельное.

— Матросское рагу не желаете?

— Никогда не пробовал. Если оно готово, попробую.

— Храбрый парень, — кивнул бармен и подтолкнул к нему кружку с коричневой жидкостью. — Поглядим, как вы это осилите.

Джессоп как мог изобразил удовольствие от глотка пресного напитка с металлическим привкусом. Полез было за бумажником, но бармен его остановил:

— Расплатитесь перед отходом.

— Мне здесь подождать?

— Это чего же? — спросил бармен и тут же улыбнулся всем, кроме Джессопа. — А, вы про свою миску. Садитесь уж, мы вас найдем.

В этом Джессоп не сомневался, потому что никто здесь даже не пытался скрыть взглядов, провожавших его с портфелем в единственный свободный угол, дальний от двери. Когда он примостился на рваной кожаной табуретке и прислонился к отслоившимся обоям под сетью, дополненной паутиной, женщина, которая могла бы сойти за натуральную блондинку, если бы не темные усики над верхней губой, заметила:

— Хороший будет вечер, я вам скажу.

— Спорить не стану, Бетти, — сказал ее спутник, мужчина, у которого на груди лежала то ли спящая крыса, то ли борода, которую он и наставил на Джессопа. — Она права, Джессоп?

— Зовите меня Пол, — предложил Джессоп, хотя ему от этого не стало уютнее. — Часа два точно.

— Два часа — не вечер, Том! — фыркнул мужчина, у которого под рукава старого бурого свитера заплывали вы-

татуированные на запястьях рыбы и не столь миловидные морские жители.

— А что ж тогда, Дэниель?

— Не спорьте из-за меня, — попросил Джессоп, словно обращался к паре школьников. — Вполне может быть, что вы оба правы. Вернее, любой может оказаться прав.

Наверное, от обиды Дэниель ткнул корявым пальцем в сторону человека, накрытого черной помятой кепкой:

— Он уже Пол. Еще имена есть, чтоб уж нам знать, кто есть кто?

— Другими я не пользуюсь.

— Уж окажите любезность, откопайте ради нас.

Так выразилась Мэри, с хрипотцой в голосе, объяснявшейся, по всей вероятности, курением. Короткое молчание, и Джессоп услышал собственное смущенное бормотание:

— Десмонд.

— Матросское рагу, — объявил бармен, непонятно, к кому обращаясь. Может, он повторял заказ, а может, и нет.

Чтобы не приходилось поднимать голову, Джессоп, щелкнув, открыл портфель. Он выкладывал на столик бумаги, когда уличная дверь широко распахнулась, впустив только ветер. Ему пришлось прихлопнуть листки ладонью, пока бармен шел к двери и подпирал ее табуретом. Остальные продолжали рассматривать Джессопа.

— До сих пор студент, а, Дес? — поинтересовалась Бетти.

Он втайне ненавидел это имя с тех пор, как узнал, что оно ему принадлежит, но сокращение оказалось еще хуже. Дес Джессоп — такое имя учитель презрительно цедит сквозь зубы. Он почувствовал себя низведенным до чьего-то представления о себе и ощутил угрозу стать незначительным в собственных глазах. В то же время он ответил:

— Надеюсь, вечный студент.

— Хотите до самой смерти жить за наш счет? — с полной уверенностью предположил Джо.

— Я хочу сказать, всегда остается, чему еще учиться. Я бы сказал, это верно для всех.

— Мы уж всякого повидали, — буркнул Дэниель. — Насмотрелись.

— Простите меня, если со мной иначе.

— Это ни к чему, — заявила Мэри, — тут у нас всепрощающих не водится.

— И не надоест вам столько читать? — спросила Бетти.

— Совсем наоборот.

— Я из книг ничего не узнала, — объявила она, закончив хихикать над его словами. — Но и вреда они мне не сделали.

— А вот почитала бы чего-нибудь, так знала бы, что два часа — не вечер, — уколол ее Джо.

— Отвали от моей девчонки со своими шуточками, — предостерег его Том.

Все, кроме Джессопа, почему-то взвыли от смеха. Джессопу показалось, что нервная усмешка появилась у него на лице оттого, что губы крючками растянули к ушам. Он неуверенно поднимался на ноги, когда бармен крикнул:

— Не давай нам себя спугнуть, Дес! Прости, им надо повеселиться.

— Я просто... — Джессоп подозревал, что любое выражение, какое он выберет, непременно спровоцирует всеобщее веселье. — Где у вас...

— Корма, она всегда у тебя позади, скажешь, нет? — торжествующе, но не без издевки объявила Бетти.

Он оглянулся, еще не зная, считать ли это шуткой. На расстоянии вытянутой руки за ним располагалась дверца, столь неприметная, что он принял ее за кусок стены. Когда Джессоп толкнул ее, тусклый свет выявил два лица, вырезанные из дерева: резьба была такой грубой, что женское лицо отличалось от мужского только копной волос. Двери разделяло пустое пространство, оказавшееся, когда он обнаружил болтавшийся на проводе выключатель, коридором. Светящаяся гнилая груша лампочки высветила короткий проход, ведущий к выходу, заставленному ящиками с пыльной пустой тарой. Перегороженная дверь содрогалась от порывов ветра и, к его изумлению, от невнятного говора телевизора. У него не было времени на любопытство. В каждой стене имелась дверь, украшенная пародией на лицо, и он уже отвернулся от мужского, когда изображение на про-

тивоположной двери предупредило его, что длинные волосы на голове мужчины были пучком черной грибницы. Стараясь прикасаться как можно меньше, он толкнул дверь мужского туалета.

Выключатель в коридоре, как видно, включал все лампочки разом. Под чешуйчатым потолком трещала лампа дневного света, изливая бледное мерцающее сияние. В комнатушке едва уместились два забитых писсуара, где плавали размокшие окурки, и одна кабинка, напротив пегой от грязи склизкой раковины. Стена за писсуарами густо поросла зеленой плесенью. Символическое оконце рядом с кабинкой было забрано ржавой решеткой, колыхавшейся от старой паутины. Джессоп ногой отворил дверцу кабинки.

Водянистый звук стал громче — он решил, что неравномерные всхлипы издает бачок. Он заставил себя устроиться на пьедестале без сиденья. Едва он опустил взгляд, только отвращение к заляпанным грязью стенам помешало ему ухватиться за них. Что бы ни пялилось на него из черной воды разинутой пастью, оно наверняка было мертво: то ли утоплено кем-то, то ли выплыло по трубам из канализации. И конечно, не его предчувствия, а колеблющийся свет заставлял жадно шевелиться бледную глотку и серые толстые губы. Он натянул на руку рукав и дернул рычажок шаткого бачка. Когда поток мутной воды унес пасть в глубину, Джессоп отступил к первому писсуару и, зажав ладонью рот и нос, наполнил грязный фарфоровый овал до нижней кромки.

Он вывалился из мигающей комнаты и был уже почти у двери в бар, когда его заставил остановиться затихающий взрыв сердитых голосов. Он оборвался стуком мебели, и хриплый голос, принадлежавший, кажется, Бетти, приказал:

— Вот здесь и сиди!

Установилось неприятное молчание, и он осторожно приоткрыл дверь.

Бар выглядел более пустым, чем Джессоп его оставил. Двоих занимавших немалое пространство мужчин, сидевших прямо перед ним, на месте не оказалось. Табуретка, подпиравшая дверь, стояла как раньше. Не могут ли они подстерегать

его, притаившись по сторонам двери? Он успел разозлиться на себя за нерешительность, но тут его заметил бармен.

— Еда сейчас будет, — объявил он.

Мэри появилась в поле зрения, придерживая рукой волосы, и обнаружила Джессопа:

— Вы чего не выходите? Прятки затеяли?

Когда смущение выгнало Джессопа из укрытия, он увидел, что Дэниель просто пересел. Его притиснули в угол двое, оставившие свободный столик, и выглядел он встрепанным, будто попал в ловушку.

— Он хотел влезть в ваши бумаги, Дес, — объяснила Бетти.

— Господи боже, да я вовсе не против. Там ничего важного.

— Для нас важно.

Когда Джессоп вернулся в свой угол, Том спросил:

— У вас на борту милашка? Сладенькая?

— Его красотка живет за океаном, — уверенно вмешалась Мэри и стала напевать.

— Ничего подобного! — огрызнулся Джессоп, обращаясь, впрочем, лишь к самому себе и занимаясь кружкой, которую в его отсутствие наполнили доверху. Когда хор умолк, он осторожно проговорил: — Нет, они все здесь.

— Все — это сколько? — заинтересовался Джо. — Вы, похоже, любитель женщин?

— По девушке в каждом порту, — вставил Том.

— Собственно говоря, ни в одном, — возразил Джессоп, рискнув засмеяться в надежде, что никто не усомнится: он смеется над собой.

— И у нас то же самое, — сказал Дэниель, снисходительно посматривая на остальных.

Микроволновка за баром звякнула, возвестив конец работы, и Джессоп с облегчением перевел взгляд на бармена, который нагрузил поднос и подал ему ужин. Когда серое варево в тарелке перестало колыхаться, Джессопу пришлось развернуть рваную салфетку, чтобы достать завернутые в нее вилку и ложку. Он выловил ложкой какой-то черноватый комок, и Бетти спросила:

— Что вы об этом думаете, а, Дес?

Ее вопрос показался Джессопу последним, но не первым из неуместных.

— А вы что думаете?

— Да мы уже ели. Так и заглотили.

— Наворачивайте, Дес, — посоветовал Дэниель. — Там, куда вы направляетесь, такого будет много.

Значит, это ирландское блюдо? Джессопу ничего не оставалось, как поднести ко рту капающий соусом комок. Вероятно, неизвестный овощ или мясо, разварившиеся до полной неузнаваемости в общем котле.

— Вкусно? — спросила Мэри.

Все наблюдали за ним.

— Гм... — По крайней мере набитый рот избавлял его от необходимости давать внятный ответ.

Он проглотил комок целиком, как устрицу, и тут же задумался, сколько повторений на бис потребуется, чтобы опустошить тарелку. Он жевал кусок, над которым пришлось серьезно поработать челюстями, когда Джо объявил:

— Раз вы не студент, ручаюсь, что вы учитель!

Джессопу наконец удалось проглотить и удержать в себе жесткую порцию пищи.

— Лектор, — поправил он.

— А какая разница?

— Я бы сказал, некоторая разница есть.

— Все равно учите, не так, что ли? Все равно живете за счет работяг.

— Брось, Джо, — вмешалась Мэри, — не то наш новый приятель не захочет с нами остаться.

Джессоп мог бы сказать ей, что это уже случилось. Он раздумывал, сколько можно оставить в тарелке, чтобы с достоинством удалиться и поискать другое убежище от урагана, и обязан ли он еще соблюдать вежливость, когда Том резко спросил:

— И что у вас за лекции, Дес?

«Для студентов!» — мог бы огрызнуться Джессоп, но вместо этого показал на партитуру Бетховена, приготовленную для вступительной лекции:

— Мой предмет — музыка.

Он стал нашаривать ложкой последний кусок, когда Мэри спросила:

— И какую отметку вы поставите за наше пение?

— Я вообще-то не оцениваю выступлений. Я скорее теоретик.

Том не удовлетворился пренебрежительным фырканьем Джо и спросил:

— Должны же вы отличать хорошее от плохого, раз вы этому учите?

— Шесть, — сказал Джессон, чтобы покончить с темой, но тем самым привлек к себе все взгляды настороженных глаз. — Семь, — поправился он. — Добрые семь. Это из десяти. Отметка, которой порадовались бы многие профессионалы.

Бетти рассмеялась, ясно дав понять, почему остальные сидят с насмешливым видом.

— Вы ведь нас еще не слышали, Дес. Надо послушать.

Пока она готовилась начать, Джессон успел понадеяться, что ему предстоит вытерпеть выступление хора. Бетти, пошатываясь, поднялась на ноги, выпятила грудь, укрепив в нем неприятное ощущение разницы в размерах ее молочных желез, и пошла на приступ мелодии. Что она предлагала сделать с пьяным моряком? Ее дикция и голос, достаточно надтреснутый, чтобы называться фальцетом, делали загадку неразрешимой. Джессон позволил себе большой глоток «Капитанского» в надежде, что напиток сделает его более снисходительным. Бетти, задыхаясь, опустилась на место.

— О, — поспешно сказал он, — мне кажется...

— Еще рано говорить, — возразил Дэниель. — Прежде надо послушать всех.

Джессон склонил голову — не в последнюю очередь ради того, чтобы не видеть Мэри. Кривобокость Бетти теперь представилась ему знамением злой судьбы. Слушать Мэри было достаточно тяжелым испытанием — голос ее звучал еще пронзительнее, чем у подружки, а ответ на вопрос песни остался еще более невразумительным.

— Ну вот, — сказала она, добравшись до слишком далекого конца, — кто следующий?

Пока Джо вставал, притопывая, возможно, чтобы привлечь взгляд Джессопа, тот набрал полную ложку матросского рагу, оправдывая свое внимание к тарелке.

Едва ложка попала ему в рот, стало ясно, что ее содержимое слишком упруго, чтобы разжевать, и слишком обильно, чтобы проглотить. Не успел еще Джо прореветь первую строку, когда Джессоп, пошатываясь, поднялся на ноги. Он отчаянно помахал ладонью на раздутые щеки и ввалился в дверь туалета.

Перспектива посещения мужской уборной заставила его зажать рот ладонью. Открыв локтем вторую дверь, он обнаружил, что женская выглядит не более заманчиво. Обломки почерневшей мраморной раковины валялись на неровном бетонном полу под ржавым протекающим краном на перекрученной зеленоватой трубе. Джессоп бросился в первую из двух кабинок, плечом толкнув дверь. Рваная дыра в блестящей асфальтовой заплате отмечала место, где располагался пьедестал. Что он должен был думать о странной субстанции, медузой раскинувшейся по ее краю? Не успел он рассмотреть ее в неровном свете, как масса съежилась и ускользнула в темную глубину. Этого зрелища хватило для того, чтобы заставить его выплюнуть в дыру все, что было во рту, и отступить в коридор. Отчаянно выискивая на стене менее заляпанный участок, чтобы к нему прислониться, Джессоп услышал голоса — продолжение телевизионной трансляции из-за задней двери, и более отчетливо — разговор в баре:

— Не пора уже сказать Десу?

— Бетти права, скоро надо будет.

— Мне не терпится увидеть его лицо!

— Я еще помню, какое было у тебя, Мэри.

Не только слова заставили его похолодеть — хуже было другое: быть может, утомленные пением, оба голоса перестали притворяться. Он наверняка принял бы их за мужские, не сбей его с толку прежние имена. Если ему случилось попасть в заведение такого рода — ему здесь совершенно не место. Постаравшись изобразить на лице полную невинность, для чего ему пришлось проглотить застрявший в горле комок, он смело вошел в бар.

Обстановка изменилась больше, чем он думал. Джо перенес свою тушу на табурет, загораживавший уличную дверь. Джессоп притворился, что не заметил, и тут же понял, что обрек себя притворяться, будто это не имеет значения. Он продолжал старательно притворяться, собирая партитуру и укладывая ее обратно в портфель.

— Ну, — выговорил он настолько непринужденно, насколько позволяли ставшие непослушными губы, — мне, пожалуй, пора.

— Погодите еще малость, Дес, — сказал Джо, всем весом привалившись к двери. — Послушайте-ка!

Джессоп не понял, относится ли это к новому порыву ураганного ветра или к словам.

— Мне нужно кое-что взять из машины.

— Скажите нам что, и мы вам принесем. Вы одеты не по погоде.

Джессоп пытался найти слова, которые позволят ему уйти, и решал, каким тоном их следует сказать, когда Дэниель заметил:

— Все ваше пение отпугнуло Деса и от нас, и от ужина.

— Тогда давайте послушаем вас, Дес, — слишком настойчиво предложил Джо. — Ваша очередь петь.

Может, им больше ничего и не нужно? Джессоп поймал себя на том, что бормочет:

— Я не знаю, что исполнить.

— А то же, что и мы, — отозвался Джо.

Джессоп сжал за спиной потные ладони и втянул побольше воздуха, надеясь, что это поможет удержать внутри воскресший вкус съеденного. Он повторил вопрос про моряка, и его ослабевший голос вернулся к нему, а слушатели покачивались из стороны в сторону, видно желая его поддержать. Бармен обнаружил очередной стакан, который стал тереть с особой страстью. Когда Джессоп закончил, всей душой желая, чтобы уже действительно настало утро, когда он окажется на пароме, голос его сорвался.

— Чудесно! — прокричала Бетти, поправив упавшую грудь. — Еще!

— Я больше ничего не помню. В сущности, я не разбираюсь в подобной музыке.

— Научитесь, — пообещал Дэниель.

— Уведи его повидаться с ней, — напела Бетти, — и он протрезвеет враз.

— Дай послушать ему, как она поет, и он больше не станет пить, — добавила Мэри, кажется с торжеством в голосе.

Они просто подсказывают строчки, убеждал себя Джессоп. Может быть, те самые, что они пели. Эта мысль не помогла ему продержаться под множеством глаз, глядящих из темноты, что сочилась сквозь сети. Ему почудилось, будто его заманили в пещеру, где в темноте невозможно даже защищаться. Вокруг виднелись и все более беспокойно шевелились тяжелые тени. Мэри пальцами расчесывала свои рыжие пряди, словно подумывала с ними расстаться.

— Давай, Дес, — произнес Джо таким тоном, что Джессоп на мгновение поверил — его направляют на выход. — Не стоит чураться компании.

— У нас всего одна ночь, — добавил Том.

— Так что нам придется всех устроить, — сказал Дэниель.

Джессоп только и понимал, что не желает понимать. Его пробил озноб, так что чуть не разошлись стиснутые ладони. Дрожь лишила его остатков самообладания — и тогда он увидел, возможно, свой последний шанс.

— Вы правы, Джо, — сказал он, позволив им заметить, как он дрожит. — Я одет не по погоде. Надо переодеться.

Держа перед собой портфель в доказательство своих намерений, он устремился к двери туалета. Мэри пропищала:

— Не стесняйся, Дес. Переодевайся прямо здесь.

— Спасибо, лучше не надо, — пробормотал Джессоп, собрав последние остатки уверенности и заковыляв по коридору.

Как только дверь захлопнулась, он подпер ее портфелем. Даже если он решится расстаться с вещами, дверь это не удержит. Он на цыпочках, шатаясь, пробежал в конец коридора и опустил на грудь верхний ящик. Вернулся обратно, стараясь не звенеть бутылками. Подставил

ящик под петли углом и унес с собой портфель. Не слушая смутного бормотания телевизора из-за двери, снял следующий ящик. Сколько он успеет переставить, пока кому-то покажется, что его слишком долго нет? Возвращаясь за третьим ящиком, услышал возню у дверей в обоих концах коридора.

Еще хуже смутной настойчивости представлялось то, что двери толкали в унисон, словно щупальцами одного существа, протянувшимися... откуда? Снизу или снаружи бара? Любая мысль могла лишить его остатков сил. Чтобы не думать, он набросился на следующий ящик — единственный из окружающих его предметов, который еще внушал уверенность в своей реальности. Он громоздил ящик за ящиком у стены, а последний отволок в сторону, звеня бутылками. Подхватив портфель и уже не скрываясь, он ударился всем телом в железную решетку двери.

Схваченная ржавчиной, она не подавалась. Он уронил портфель и вцепился в дверь двумя руками, навалившись каждой унцией своего веса. Решетка скрежетнула, обнаружив присутствие по ту сторону двери кого-то, равного Джессопу по силе. Это был ветер — и он ослабел, позволив Джессопу и двери медленно продвинуться вперед. Вставив в щель ботинок, он потянулся за портфелем. Снаружи оказался темный переулок на задах улицы. Шум и нечто более вещественное, хлынули на него — ветер нес гомон голосов и музыку. В конце переулка, всего в двадцати футах, его ожидали трое.

Впереди стоял Пол, словно свитый из проволоки, по сторонам — Том и Джо. Пол надвинул свою мятую шапчонку до самых бровей, а мышцы у него на руках дергались, как толстые палки в прибое.

— Ты не уйдешь теперь, когда мы дали тебе имя, — сказал он.

Вспышка ярости, а скорее паники, заставила Джессопа выкрикнуть:

— Мое имя Пол!

— Я с тобой за него подерусь, — сказал Пол, прыжками приближаясь к нему.

— Я больше не играю ни в какие игры.

— И мы тоже. Ты выиграл.

— Выиграл, едва вошел в дверь. — Том, видимо, полагал, что Джессопу будет приятно это услышать.

Джессоп вспомнил объявление о конкурсе. Ему мгновенно стало ясно, что, сколько бы он ни отбивался, получения приза не избежать.

— На тебя играли, — сообщил ему Пол, а Том и Джо одновременно качнулись вперед.

Джессоп развернулся и сломя голову бросился к главной улице. Темнота казалась почти твердой, и в ней запутались ветер и звуки. Грозный шум несся из домов, от телевизоров и музыкальных центров, включенных на полную громкость. От этого Джессоп чувствовал себя отверженным, хотя, конечно, это должно было означать, что помощь рядом, стоит только позвать. Он пробивался сквозь беспощадный ураган к далекому проходу, который словно издевался над его усилиями, раскачиваясь взад и вперед. Оглянувшись через плечо, он увидел, что Пол со своими приспешниками быстро шагает следом. Мимо разрыва впереди промелькнула машина, словно манила его вперед, пока Джессоп боролся с ветром, заталкивавшим его в боковую щель между домами. Или свернуть туда, пусть даже это уведет его дальше от главной дороги? Страх заблудиться, не избавившись от погони, заставил его миновать развилку — и тут дорогу преградили Бетти и Мэри.

Они и сейчас были в платьях, хлопавших на ветру, но их широкие плечи не оставляли надежды на спасение. Ветер подхватил пряди Мэри, и они крабьими клешнями вцепились в лицо Джессопу.

— Кое-кто из нас старается больше походить на нее! — прорычала Мэри, то ли оправдываясь, то ли угрожая. — Старается ей угодить.

— Многие старались! — примерно тем же тоном добавила Бетти. — Просто мы первые, у кого на борту оказались такие, как она.

— Не удивлюсь, если ее сестры теперь тоже захотят увидеть мир.

— Она не только берет, — еще более отчаянно доказывала Бетти. — Она обо всем заботится.

Все это время Джессоп пятился назад — и от их слов, и от своего понимания, но затхлый вкус своего ужина он не мог оставить позади. Снова очутившись на развилке, он уже не противился урагану. Порыв ветра втолкнул его в проход и погнал бегом в темноту, пока не удалось повернуть. Дома, стеснившиеся вокруг него, были ветхими, нежилыми, но шум с обеих сторон свободно доходил до его ушей, — возможно, обитатели жилых зданий включили звук еще громче. Почему в проходе становится все темнее? Он не хватился полоски освещенного луной облака, пока не осознал, что его больше не видно. В то же время его шаги стали отдаваться звонче, что можно было объяснить эхом между стен, но его слух прикипел к другому звуку — к пению.

Песня звучала высоко и сладостно, и в ней не было ничего человеческого. Она, казалось, могла избавить его от всех мыслей, даже от мимолетной фантазии, будто содержала в себе все мелодии. Все потеряло смысл, кроме одного: следовать за ней к ее источнику, — и он даже не заметил, что пол под ногами вдруг накренился, отбросив его к стене. Вскоре ему пришлось расстаться с портфелем, чтобы придерживаться за металлические стены коридора. Он слышал, как топают за ним завсегдатаи «Морехода», и, оглянувшись, увидел, как откатываются назад ветхие дома за спинами Мэри и Бетти. Все это не имело для него никакого значения, кроме только кашля двигателя, который, опасался он, мог прервать пение. Кто-то открыл для него крышку люка и показал, как перехватывать руками по трапу, уходившему вниз, в сырой неосвещенный трюм.

— Вот что слышит моряк, — сказал один из членов экипажа, в то время как нога Джессопа повисла в воздухе, и он задумался, относится ли это к мощному шуму волн под ним или только к песне.

На миг, слишком короткий, чтобы мысль задержалась в его мозгу, ему почудилось, что он постиг природу певицы. «Только так и можно петь, если так выглядишь», — пришла последняя мысль. Она показалась Джессопу совсем пустой, и он забыл о ней, когда древняя песня увлекла его в огромную колыбель тьмы.

THE DECORATIONS copyright © Ramsey Campbell 2005. Originally published in *The Decorations*. Reprinted by permission of the author and the author's agent, John Jarrold Literary Agency.

BLACK AND GREEN AND GOLD copyright © David Herter 2005. Originally published in *PostScripts* Number 3, Spring 2005. Reprinted by permission of the author.

I LIVE WITH YOU AND YOU DON'T KNOW IT copyright © Spilogale, Inc. 2005. Originally published under the title „I Live With You" in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, No. 637, March 2005. Reprinted by permission of the author.

THE CUBIST'S ATTORNEY copyright © Peter Atkins 2005. Originally published in *Darkness Rising*. Reprinted by permission of the author.

ALL FISH AND DRACULA copyright © Liz Williams 2005. Originally published in *Realms of Fantasy*, Vol. 11, No. 3, February 2005. Reprinted by permission of the author.

THE BALL ROOM copyright © China Miéville 2005. Originally published in *Looking for Jake*. Reprinted by permission of the authors.

GULLS copyright © Tim Pratt 2005. Originally published in *TEL: Stories*. Reprinted by permission of the author.

PINKIE copyright © Elizabeth Massie 2005. Originally published in *The Little Magenta Book of Mean Stories*. Reprinted by permission of the author.

GLYPHOTECH copyright © Mark Samuels 2005. Originally published in *Lost on the Darkside: Voices from the Edge of Horror*. Reprinted by permission of the author.

ONE OF THE HUNGRY ONES copyright © Holly Phillips 2005. Originally published in *In the Palace of Repose*. Reprinted by permission of the author.

IF I SHOULD WAKE BEFORE I DIE copyright © Brian Hodge 2005. Originally published in *Outsiders: 22 All New Stories from the Edge*. Reprinted by permission of the author.

THE OTHER FAMILY copyright © Roberta Lannes 2005. Originally published in *Don't Turn Out the Light*. Reprinted by permission of the author.

THE OUTERMOST BOROUGH copyright © Gahan Wilson 2005. Originally published in *Dark Delicacies*. Reprinted by permission of the author.

AMERICAN MORONS copyright © Glen Hirshberg 2005. Originally published in *Darkness Rising*. Reprinted by permission of the author and the author's agents, Anderson Grinberg Literary Management, Inc.

WHERE ANGELS COME IN copyright © Adam L. G. Nevill 2005. Originally published in *Poe's Progeny: An Anthology of Contemporary Stories Inspired by Classic Dark Fiction*. Reprinted by permission of the author.

SICKHOUSE HOSPITALITY copyright © Terry Lamsley 2005. Originally published in *Don't Turn Out the Light.* Reprinted by permission of the author.

BEST NEW HORROR copyright © Joe Hill 2005. Originally published in *PostScripts* Number 3, Spring 2005. Reprinted by permission of the author.

LA PEAU VERTE copyright © Caitlín R. Kiernan 2005. Originally published in *To Charles Fort, with Love.* Reprinted by permission of the author.

TIME WAS copyright © David Morrell 2005. Originally published in *Taverns of the Dead.* Reprinted by permission of the author.

HAECKEL'S TALE copyright © Clive Barker 2005. Originally published in *Dark Delicacies.* Reprinted by permission of the author.

THE TAINT copyright © Brian Lumley 2005. Originally published in *Weird Shadows Over Innsmouth.* Reprinted by permission of the author and the author's agent, Dorian Literary Agency.

THE WINNER copyright © Ramsey Campbell 2005. Originally published in *Taverns of the Dead.* Reprinted by permission of the author and the author's agent, John Jarrold Literary Agency.

Содержание

Рэмси Кэмпбелл
РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ДЕКОРАЦИИ
Пер. Н. Кихтенко 5

Дэвид Хёртер
ЧЕРНЬ, ЗОЛОТО И ЗЕЛЕНЬ
Пер. В. Двининой 25

Кэрол Эмшвиллер
Я ЖИВУ С ТОБОЙ, И ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ ОБ ЭТОМ
Пер. Т. Белкиной 61

Питер Эткинс
ПОВЕРЕННЫЙ КУБИСТА
Пер. М. Савиной-Баблоян 75

Лиз Вильямс
СПЛОШНАЯ РЫБА И ДРАКУЛА
Пер. Е. Королевой 89

Чайна Мьевиль, Эмма Бирчем, Макс Шафер
ИГРОВАЯ КОМНАТА
Пер. О. Гайдуковой 102

Тим Пратт
ЧАЙКИ
Пер. М. Савиной-Баблоян 120

Элизабет Мэсси
ПИНКИ
Пер. И. Русаковой 130

Марк Сэмюэлс
«ГЛИПОТЕХ»
Пер. И. Русаковой 149

Холли Филлипс
ГОЛОДНАЯ
Пер. И. Русаковой 171

Брайан Ходж
ЕСЛИ БЫ Я ПРОСНУЛАСЬ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ
Пер. И. Русаковой 197

Роберта Лэннес
ДРУГАЯ СЕМЬЯ
Пер. И. Русаковой 217

Гэйхен Уилсон
НА ОКРАИНЕ
Пер. К. Тверьянович 240

Глен Хиршберг
ЯНКИ-ПРОСТАКИ
Пер. Н. Гордеевой 253

Адам Невилл
КУДА ПРИХОДЯТ АНГЕЛЫ
Пер. Е. Третьяковой 272

Терри Лэмсли
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА БОЛЬНИЧНУЮ КОЙКУ!
Пер. М. Савиной-Баблоян 296

Джо Хилл
«БЕСТ НЬЮ ХОРРОР»
Пер. Е. Королевой 346

Кэйтлин Кирнан
LA PEAU VERTE
Пер. Н. Кудрявцева 373

Дэвид Моррелл
БЫЛО ВРЕМЯ
Пер. В. Двининой 405

Клайв Баркер
РАССКАЗ ГЕККЕЛЯ
Пер. Е. Королевой 436

Брайан Ламли
ПОРЧА
Пер. Г. Соловьевой 459

Рэмси Кэмпбелл
ПОБЕДИТЕЛЬ
Пер. Г. Соловьевой 522

Литературно-художественное издание

УЖАСЫ

Руководитель проекта Денис Лобанов
Ответственный редактор Марина Смелкова
Редакторы Татьяна Бурмыкина, Инна Сергиенко
Художественный редактор Александр Золотухин
Технический редактор Ольга Иванова
Корректоры Светлана Федорова, Татьяна Никонова, Елена Орлова, Ирина Киселева
Верстка Александра Савастени

Директор издательства Максим Крютченко

Подписано в печать 25.06.2008. Формат издания $84 \times 108\ ^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Гарнитура «Петербург».
Усл. печ. л. 28,56. Тираж 15 000 экз. Изд. № 45. Заказ № 10144.

ООО «Фантастика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

02
ТВ
АДЕКВАТНОМУ
ЧЕЛОВЕКУ
WWW.02TV.RU

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАЙТЕСЬ:

Торговый Дом «Азбука»

Санкт-Петербург:

ул. Решетникова, 15

Почта: 196105, Россия, Санкт-Петербург, а/я 192

Тел.: (812) 327-04-56, факс: (812) 321-66-60

E-mail: **office@azbooka.spb.ru**

Москва:

Старопетровский проезд, д. 7а, стр. 19

Почта: 125130, Россия, Москва, а/я 91,

тел./факс (495) 627-57-28

info@azbooka-m.ru

Информация о новинках и планах, а также условия сотрудничества на сайте

www.azbooka.ru

Самые захватывающие повести и рассказы жанра хоррор в новой антологии серии «Лучшее»!
Впервые на русском языке!

Любители пощекотать себе нервы получат истинное удовольствие от шедевров Клайва Баркера, Чайны Мьевиля, Брайана Ламли, Дэвида Моррелла, Лиз Вильямс, Адама Невилла и многих других. На страницах книги оживают Морские Существа Лавкрафта и знаменитые призраки М. Р. Джеймса, а также появляются новые, совершенно неожиданные персонажи: монстры Санта-Клаусы, чайки-людоеды и хряки-убийцы. Читатель сможет прикоснуться к страшным тайнам Праги и Рима и пройти по следам самых жестоких преступлений.
Двадцать два леденящих кровь ужастика под одной обложкой! Ни в коем случае не читайте на ночь!

ISBN 978-5-91377-045-5
9 785913 770455
www.azbooka.ru